

A LA LUZ DE SAN PETERSBURGO • В СВЕТЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ROGER BESORA i FOIX • РУЖЕ БЕЗОРА И ФОЙЩ

NINA AVROVA i RAABEN • SERGI GODIA FRAN • JAVIER RUI-WAMBA MARTIJA
НИНА АВРОВА • СЕРЖИ ГОДИА • ХАВЬЕР РУЙ-ВАМБА МАРТИХА



FUNDACION
ESTEYCO

¿Petersburgo, cuál es el hilo rojo que nos une? Al empezar estas páginas me miré el meñique y no lo vi, aunque una antigua leyenda japonesa aseguraba que sí, que estaba ahí aunque fuera invisible. Sin saber cómo, empecé a explorar la ciudad, increíble laboratorio de arquitectura, ingeniería y bellas artes. También descubrí las vidas de varios personajes que, como yo, se habían acercado a la antigua capital imperial. Todos ellos llegaban de España, aunque en distintas épocas y desde variadas profesiones. Tienen en común que no hubo justicia para ellos: a pesar de que hicieron grandes cosas, ya fueran obras construidas, pensadas o escritas, el paso del tiempo o una vida demasiado corta los ha cubierto de una pátina de desmemoria.

Son sus vidas las que nos acercan a San Petersburgo. Desde este escenario, el ingeniero canario Agustín de Betancourt llegó a ser Ministro de Obras Públicas del zar. Allí, el diplomático Juan Valera vivió sus noches de teatro y bailes; y el también ingeniero Magí Cornet quiso levantar su Puente de Palacio que, al final, le costó la vida. A Leningrado también llegó la periodista y escritora Montserrat Roig, que reconstruyó los horrores del sitio durante el asedio nazi. Casi todo lo que nos parece lejano, en realidad está muy cerca. Confío en que, después de estas páginas, el lector pueda ver en su meñique un hilo rojo hacia Petersburgo.

ROGER BESORA i FOIX

IMAGEN PORTADA: Grabado del puente de Palacio en San Petersburgo.

Para la difusión y el progreso de la Ingeniería y la Arquitectura

За пропаганду и прогресс Инженерного дела и Архитектуры



FUNDACION
ESTEYCO



En mayo de 1991 se constituyó la Fundación Esteyco con la finalidad de contribuir al progreso de la ingeniería y de la arquitectura en nuestro país.

La situación de precariedad e incertidumbre en que se ha estado desarrollando la ingeniería española independiente, ha exigido hasta ahora actitudes básicamente de supervivencia.

El esfuerzo de un creciente colectivo de profesionales y de órganos de la Administración ha ido, sin embargo, consolidando un sector cuyos servicios son considerados indispensables en una sociedad moderna y eficiente.

Es tiempo de pensar en el futuro, confiando en que no tardará en hacerse presente.

Fomentemos, para ello, un clima propicio para la creatividad, en el que se exija y se valore el trabajo bien hecho.

Contribuyamos a una sólida formación de los profesionales de la ingeniería, conscientes de que las organizaciones valen lo que valen sus miembros y de que en la ingeniería el valor de las personas se mide por el nivel de sus conocimientos.

Alentemos mejores y más frecuentes colaboraciones interprofesionales, eliminando fronteras innecesarias.

Reivindiquemos un espacio cualitativamente destacado de la ingeniería en la sociedad e impulsemos la evolución de la imperante cultura del hacer hacia la cultura del hacer pensando.

Consideremos las ingenierías como una prolongación de la Universidad, en la que se consolida la formación de los jóvenes titulados, en los años que serán decisivos para su futuro.

Sintámonos involucrados con la Universidad y centros de investigación. Aseguremos la estabilidad y pervivencia de nuestras organizaciones y establezcamos los medios para que su vitalidad, garantía de futuro, no se encuentre lastrada.

Valoremos nuestra independencia, no como un arma contra nadie, sino fundamentalmente como un atributo intelectual inherente a quienes tienen por oficio pensar, informar y decidir libremente.

JAVIER RUI-WAMBA MARTIJA

Ingeniero de Caminos, Canales y Puertos
Presidente de la Fundación Esteyco



В мае 1991 года был создан Фонд Эстейко с целью способствовать прогрессу
Инженерного дела и Архитектуры в нашей стране.

Отсутствие солидной финансовой базы и нестабильность обстановки,
в которой развивалось независимое инженерное дело в Испании,
до сих пор требовало в основном установок на выживание.

Несмотря на это, усилия всё расширяющегося круга специалистов и органов
Администрации постепенно укрепляли сектор,
чья работа считается необходимой в современном и эффективном обществе.

Настало время думать о будущем в надежде на то,
что оно вскоре станет настоящим.

Давайте же способствовать созданию обстановки, благоприятной для творчества,
в которой будет востребован и оценен по заслугам добросовестный труд.

Давайте же будем способствовать серьёзной подготовке профессиональных инженеров,
осознавая, что ценность любой организации определяется ценностью её членов,
и что в инженерном деле ценность людей определяется уровнем их знаний.

Будем добиваться более глубокого и частого сотрудничества со специалистами смежных профессий,
убирая ненужные барьеры.

Будем отстаивать выдающуюся роль инженерного дела в обществе и
бороться за преобразование культуры работы в культуру работы продуманной и осмысленной.

Будем считать инженерные бюро продолжением Университетских кафедр,
где продолжается образование молодых выпускников в те годы, когда определяется их будущее.
Давайте чувствовать постоянную связь с Университетом и научно-исследовательскими центрами.

Обеспечим стабильность и долгую жизнь наших организаций
и определим необходимые условия для того,
чтобы жизненность, гарантия будущего,
не оказалась бы под угрозой.

Будем ценить нашу независимость, которая не является оружием против неприятеля,
а только неотъемлемым интеллектуальным качеством тех,
чьё ремесло состоит в том, чтобы думать,
доносить необходимую информацию и свободно принимать решения.

Хавьер Руи-Вамба Мартиха
Инженер путей сообщения каналов и портов
Президент Фонда Эстейко.

A LA LUZ DE SAN PETERSBURGO • В СВЕТЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ROGER BESORA i FOIX • РУЖЕ БЕЗОРА и ФОЙШ

NINA AVROVA i RAABEN • SERGI GODIA FRAN • JAVIER RUI-WAMBA MARTIJA

НИНА АВРОВА • СЕРЖИ ГОДИА • ХАВЬЕР РУЙ-ВАМБА МАРТИХА



FUNDACION
ESTEYCO

© 2014 Fundació ESTEYCO

© 2014 Textos: Roger Besora i Foix

© 2014 Artículos: Nina Avrova i Raaben, Sergi Godia Fran y Javier Rui-Wamba Martija

© 2014 Fotos San Petersburgo: Roger Besora i Foix, Marta Miravet i Marimon;
Diana Bonilla i Ardèvol y Carla Cuesta i Reig (fotos invernales)

© Traducción del texto al ruso: Nina Avrova i Raaben

© Traducción de textos (cap. V) al castellano: José Mateo Puig y Xènia Dyakonova

Diseño Gráfico: Pilar Carrizosa y Roger Besora

Coordinación Editorial: Pilar Carrizosa

Focomposició, fotomecànica e impresió: Gràfiques Bassó

Impreso en España

ISBN-10: 84-943324-0-6

ISBN-13: 978-84-943324-0-1

Depósito Legal: M-34232-2014

1ª Edición. Diciembre 2014

© 2014 Фонд ЭСТЕЙКО

© 2014 Тексты: Руке Безора и Фойш

© 2014 Статьи Нина Аврова и Раабен, Сержи Годиа Фран и Хавьер Руй-Вамба
Мартиха

© 2014 Фотографии Санкт-Петербурга: Руке Безора и Фойш, Марта Миравет и
Маримон; Диана Бонилья и Ардевол и Карла Куэста и Рейч (виды города зимой)

© Перевод текста на русский язык: Нина Аврова и Раабен

© Перевод стихотворений (глава V) на испанский язык : Хосе Матео Пуйч и
Ксения Дьяконова

Компьютерная верстка: Пилар Каррисоса и Руке Безора и Фойш

Координация издания: Пилар Каррисоса

Фотокомпозиция, фотомеханика и печать: Графикас Бассо

Напечатано в Испании

ISBN-10: 84-943324-0-6

ISBN-13: 978-84-943324-0-1

Обязательный экземпляр : M-34232-2014

1-ое издание. Декабрь 2014

ÍNDICE • СОДЕРЖАНИЕ

JAVIER RUI-WAMBA MARTIJA ХАВЬЕР РУЙ-ВАМБА МАРТИХА	OBERTURA • УВЕРТИОРА	13
ROGER BESORA i FOIX РУЖЕ БЕЗОРА и ФОЙШ	A LA LUZ DE SAN PETERSBURGO • В СВЕТЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	
	I. MI PRIMER MAPA RUSO • I. МОЯ ПЕРВАЯ КАРТА РОССИИ	27
	II. LA CONSTRUCCIÓN DEL SUEÑO DE PEDRO • II. СОЗДАНИЕ МЕЧТЫ ПЕТРА	39
	III. AGUSTÍN AGUSTINOVICH BETANCOURT, MINISTRO DEL ZAR АВГУСТИН АВГУСТИНОВИЧ <i>БЕТАНКУР</i> , ЦАРСКИЙ МИНИСТР	81
	IV. UN DANDY EN SAN PETERSBURGO: JUAN VALERA ДЕНДИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: ХУАН ВАЛЛЕРА	129
	V. LA CIUDAD VISTA Y LEÍDA • УВИДЕННЫЙ И ПРОЧИТАННЫЙ ГОРОД	153
	VI. POR UNA MÁQUINA SOBRE EL NEVA. LA HISTORIA MAGÍ CORNET В ПОИСКАХ МЕХАНИЗМА НАД НЕВОЙ. ИСТОРИЯ МАЖИ КОРНЕТА	205
	VII. GEOGRAFÍAS, FÍSİKIS Y LIRIKIS ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ШИРОТЫ, ФИЗИКИ И ЛИРИКИ	271
	VIII. MONTSERRAT ROIG. LENINGRADO, ROIG Y ROJO КРАСНЫЙ ЛЕНИНГРАД ГЛАЗАМИ МОНТСЕРРАТ РОЙЧ	283
SERGI GODIA FRAN СЕРЖИ ГОДИА	IX. EL BOMBERO EN EL TEJADO. LENINGRADO 1941 ПОЖАРНИК НА КРЫШЕ. ЛЕНИНГРАД 1941	325
	X. UN MAPA DE... • И СНОВА КАРТА...	357
	BIBLIOGRAFÍA O LOS INGREDIENTES UTILIZADOS БИБЛИОГРАФИЯ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИНГРЕДИЕНТЫ	373
	RESEÑAS BIOGRÁFICAS • БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ	379
NINA AVROVA RAABEN НИНА АВРОВА И РААБЕН	HABLA, NINA • РАССКАЗЫВАЕТ НИНА	383
	AGRADECIMIENTOS • БОЛЬШОЕ СПАСИБО	387

TANTES CIUTATS ON HAVÍEM D'ANAR

El nostre somni és fet de ciutats cultes
amb música i cafès hospitalaris,
la majestat d'un port i estacions
de ferro i vidre amb trens brunyits pels vespres
i per la pluja, la mateixa pluja
que ens acompanya en un petit hotel
o des de les finestres d'un museu.
Hi ha recers a l'empara de grans arbres,
gent callada, educada i ben vestida,
i les silencioses llibreries
on els ulls vaguen mentre cau la tarda.

Tantes ciutats on havíem d'anar,
oh estimada.
La lluna surt damunt dels ponts de ferro
dels anys quan canvià la nostra llei.
Des de llavors el temps és una pluja
que ens ha amarat igual que una teulada.
Però en la llum del pati hem vist els temples
de marbre blanc i travertí daurat.
Hem trobat, als carrers de petits pobles,
fastuosos estucs de color terra esgrafiats pel vent.
Aquesta casa del balcó i de l'eixida
té una llum de conversa i refugi.
De nosaltres, el qui quedí
tindrà el xiprer i les hores
per fer-li de record i companyia
fins que ens trobem a les ciutats del somni.

* Agradecemos al poeta y arquitecto Joan Margarit
que nos haya permitido publicar su poesía *Tantes
ciutats on havíem d'anar*, traducida por él mismo al
castellano.

La traducción al ruso, a cargo de José Mateo Puig
y Xènia Dyakonova

* Мы благодарим Жуана Маргарита, поэта
и архитектора, за то, что он разрешил нам
опубликовать стихотворение *Tantes ciutats on
havíem d'anar*, которое он сам перевёл на испанский
язык.

Перевод на русский язык Хосе Матео Пуйча и
Ксении Дьяконовой.

Joan Margarit

TANTAS CIUDADES A LAS QUE DEBIMOS HABER IDO

Es de ciudades cultas nuestro sueño,
con música y cafés hospitalarios,
la majestad de un puerto y estaciones
de hierro y de cristal con los trenes bruñidos por la noche
y por la lluvia, por la misma lluvia
que nos arrulla en un pequeño hotel
o desde las ventanas de un museo.
Hay lugares tranquilos al amparo de grandes árboles,
gente educada, callada, bien vestida,
y las silenciosas librerías
donde los ojos vagan mientras cae la tarde.

Tantas ciudades a las cuales debimos haber ido,
amada mía.
La luna sale tras aquellos puentes de hierro
de los años en los que fue cambiando nuestra ley.
Desde entonces el tiempo es una lluvia
que nos inunda como a los tejados.
Pero en la luz del patio están los templos
de mármol blanco y travertino de oro.
Y por las calles de pequeños pueblos
encontramos estucos color tierra,
fastuosos, esgrafiados por el viento.
La casa del balcón posee aún luz
de conversaciones y refugio,
y cuando de los dos quede uno solo,
tendrá por compañía los recuerdos,
la hiedra y el ciprés hasta encontrarnos
en las ciudades de este sueño.

Joan Margarit

ТЕ ГОРОДА, КУДА МЫ ТАК СРЕМИЛИСЬ

Нам видятся во сне те города,
где музыка, уютные кафе,
величественный порт, стекло вокзала,
шум поездов, начищенных до блеска
густым вечерним светом и дождём,
тем самым, что сверкает за окном
гостиницы или музея;
где можно спрятаться под кронами деревьев;
где люди аккуратны и скромны,
и можно в книжной лавке по названиям
скользить глазами на исходе дня.

Те города, куда мы вместе так стремились!
Восходит месяц над железными мостами
минут и лет, нас медленно менявших.
С тех пор мы также впитываем время,
как черепица впитывает дождь.
Но свет в окне нам показался храмом,
где мрамор заблестел и травертин.
На деревенской улочке мы были
поражены коричневой лепниной,
размытой свежим ветром. Этот дом,
и дворик, и балкон, пронизан светом,
уютом, разговором... Тот из нас,
кто дольше проживет, возьмет на память
себе и плющ, и зелень кипариса,
пока мы вновь не встретимся во сне.

Жоан Маргарит

ПЛАНЪ С. ПЕТЕРБУРГА

Составленный
по новѣйшимъ свѣдѣніямъ

С. ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ КАРТОГРАФИЧЕСКАГО ЗАВѢДЕНІЯ А. ИВАНОВА.

Издание 1870 года 10 листовъ.

Масштабъ 1:100,000



ОБЪЕМЪ СЛѢДЫ

1. Загородный районъ	2. Звонница
2. Введенскій	3. Родительскій
3. Островъ	4. Звонница Введенскій
4. Введенскій	5. Введенскій
5. Введенскій	6. Введенскій
6. Введенскій	7. Введенскій
7. Введенскій	8. Введенскій

СВѢДѢНІЯ

Земельныя участки
Земельныя участки
Земельныя участки
Земельныя участки
Земельныя участки



San Petersburgo. Aún sin acabar de pronunciar tu nombre, una avalancha de sensaciones agazapadas en confortables recovecos de mi mente han despertado de su letargo y se apresuran atolondradas por mi sistema nervioso para ser las primeras en hacerse presentes en esta obertura. Escribir es también hacer de guardia de tráfico. No en la Vía Láctea, que para eso hay que ser poeta como Alfonsina Storni. Pero se han de colocar los recuerdos en fila de a uno para que vayan brotando ordenadamente del depósito de tinta azul, del Pilot V-5 que es prolongación de mi ser y arco con el que hago vibrar las cuerdas del papel cuadriculado, en el que quedan registrados los símbolos de esta sonata para violín que, después, expertos en composición, la convierten en versión para teclado, digitalmente grabada.

Y el tráfico filtrado que compone esta narración ajena a dictaduras cronológicas, se inicia, sin saber por qué, con Vladimir Nabokov que es el primer recuerdo que ha entrado en resonancia, es decir, que ha sintonizado con las vibraciones provocadas por mi rotulador en el papel pautado. Su *Habla, memoria*, leída, y releída, me hizo sentir un territorio y una época en la que la Rusia blanca aceleró su declive para transformarse traumáticamente en la fascinante Rusia roja, que luego con Stalin se hizo Rusia negra para, pasando por toda la gama de grises, acabar convirtiéndose, decenas de años después, en la desconcertante Rusia del presente.

Arco del triunfo del edificio del Estado Mayor en la plaza de Invierno.
Триумфальная арка здания Генерального штаба на Дворцовой площади.

Санкт-Петербург. Не успел я еще произнести это имя, как целый каскад чувств и ощущений, надежно спрятанных в укромных уголках моего мозга, проснулись от спячки и устремились вперед по каналам моей нервной системы, чтобы первыми появиться в этой увертюре. Но писательское дело сродни профессии уличного регулировщика. Нет, не на Млечном пути – для этого надо быть поэтом, как Альфонсина Сторни. Но, однако, надо построить воспоминания в цепочку, одно за другим, чтобы они могли по очереди просачиваться синим ручейком из резервуара ручки Pilot V-5, которая уже стала продолжением моего существа. С помощью этого смычка я извлекаю звуки из струн разлинованных в клеточку страниц, на которых запечатлеваются ноты этой сонаты для скрипки, которые специалисты по композиции потом переложат для клавишного инструмента и запишут в числовом выражении.

Теперь это движение упорядочено, но ему чужды хронологические рамки, и потому по неизвестной мне причине первым воспоминанием, которое отозвалось в моей душе, оказался Владимир Набоков. Можно сказать, что именно он настроился на те волны, которые произвела моя ручка, коснувшись разлинованной бумаги. Его книга *Память, говори*, читанная и перечитанная, помогла мне почувствовать страну и эпоху, когда белая Россия начала стремительно катиться под откос, чтобы в муках превратиться в поразительную красную Россию, из которой позднее Сталин сделал Россию черную. Потом, пройдя через долгие десятилетия разных серых тонов, страна постепенно стала удивительной Россией настоящего времени.

Las memorias de Nabokov concluyen cuando el escritor se embarca hacia América, en un viaje sin retorno, que se inicia en Saint-Nazaire, en los muelles próximos a la enorme y fantasmal Base de submarinos que los nazis construyeron poco después y cuya rehabilitación y recuperación urbana también forman parte de mi vida.

Los deslucidos Juegos Olímpicos celebrados en Moscú en 1980 asoman ahora por el espejo retrovisor de mi memoria. El World Trade Center que se construyó en la capital del entonces imperio soviético, tuvo su réplica en el que edificamos pocos años después en Sofía, capital de Bulgaria. Allí supe de los obispos Cirilo y Metodio que al traducir la Biblia al lenguaje popular hablado pusieron las bases del alfabeto cirílico y de la gramática de un idioma que carecía de reglas escritas y que tuvo una vertiginosa difusión bíblica por un territorio extensísimo, cuyos pobladores se comunicaban en lenguas afines.

El proyecto de aquel edificio y los avatares del destino propiciaron un viaje a Moscú, formando parte de un variopinto grupo de personas, que se prolongó con mi primera y única estancia en Leningrado. Corría el mes de diciembre y hacía un frío que pelaba. El expreso de noche nos dejó una mañana oscura en la Estación Central de la ciudad y tres días después nos llevó de vuelta, camino de Madrid, en un viaje en avión que compartimos con Enrique Tierno Galván, a la sazón alcalde de Madrid.

En San Petersburgo nos alojamos en un moderno hotel de las afueras, abarrotado de turistas finlandeses que se desplazaban en *ferry* desde Helsinki para beber desaforadamente sin necesidad de salir siquiera del hotel. El vodka, barato y abundante, era su antídoto contra la soledad, el frío y la oscuridad. Al retorno a su país, sólo podían llevarse una botella de licor, lo que hizo que los pragmáticos rusos comercializaran imponentes botellas de cinco litros de vodka. Pequeñas historias que no he olvidado. Pero, naturalmente de mi breve estancia me han quedado muchos otros recuerdos. La renacida ciudad, con sus impresionantes avenidas, parques y edificios monumentales. Todos impregnados de la melancolía que flotaba

Wоспоминания Набокова заканчиваются, когда автор садится на пароход, который отвезет его в Америку. Это путешествие без возврата начнется на причалах Сен-Назера, неподалеку от того места, где находится огромная и ныне призрачная база подводных лодок, которую несколько лет спустя после отъезда Набокова построили немцы. Восстановление и реконструкция этой части города составляют часть и моей жизни тоже.

Сейчас в зеркале заднего вида моей памяти всплывают бледные Олимпийские игры, проведенные в Москве в 1980 году. Центр международной торговли, построенный в те годы в столице советской империи, послужил образцом для аналогичного центра, который мы возвели в Софии, столице Болгарии. Там я узнал о епископах Кирилле и Мефодии. Переведя Библию на народное устное наречие, они заложили основы кириллицы и грамматики языка, которому не хватало в то время зафиксированных правил. Этот язык стремительно распространился на обширной территории, обитатели которой общались до этого на сходных языках.

Проект этого здания и превратности судьбы забросили меня в Москву в составе разношерстной группы людей, и после пребывания в столице мы отправились в Ленинград. Эта поездка стала для меня первой и единственной в моей жизни встречей с этим городом. Шел декабрь, и стоял ужасный холод. Ночной экспресс привез нас темным утром на центральный вокзал города, а через три дня мы отправились с него в обратный путь, чтобы вернуться из Москвы в Мадрид. Мы летели тем же рейсом, что Энрике Тьерно Гальван, который в те годы был мэром испанской столицы.

В Санкт-Петербурге мы останавливались в современной гостинице на окраине города, полной финских туристов. Они приезжали из Хельсинки на пароме и беспробудно пили, не выходя из гостиницы. Дешевая и доступная водка была для них лекарством от одиночества, холода и темноты. Когда они возвращались в свою страну, им разрешалось везти с собой только одну бутылку алкогольного напитка. Практичные русские, учитывая эту норму, продавали

como la niebla proveniente del Neva domesticado, por sus muelles de ribera. En uno de ellos, con aspecto aburrido, descansaba el Acorazado Aurora, símbolo de la Revolución Soviética. El deslumbrante Museo del Hermitage, claro está. Visita apresurada, que rememoré, intensamente, cuando hace pocos años pude ver la suntuosa película *El arca rusa* de Alexander Sokurov. Pero, tal vez, lo que mejor recuerdo fue la visita a la Catedral de San Isaac, en cuyo interior se exponía la maqueta del artificio concebido por Agustín de Betancourt para elevar las columnas de malaquita de una sola pieza, traídas desde lejanas canteras de Finlandia, y que sirven de pórtico de entrada al recinto en el que ocupa lugar destacado y simbólico el laico péndulo de Foucault que explica con sencillez y claridad la rotación del planeta. No pude visitar la tumba de Betancourt, pero aun así recordar la ciudad es para mí sentir la presencia de un personaje excepcional del que, más adelante, procuré saber todo cuanto se había escrito sobre él. Personaje ilustrado y sabio liberal que a los cincuenta años, que ya era edad para la época, fue atraído a la corte afrancesada e ilustrada de San Petersburgo. Pronto fue ascendido a General del ejército, y pudo ejercer como Ministro de Obras Públicas del zar Alejandro I, construyendo en pocos años infraestructuras decisivas y creando también la primera Escuela rusa de Ingenieros civiles basándose en la experiencia acumulada cuando gestó, hacia 1802, la nuestra de Ingenieros de Caminos y Canales de Madrid. Su exilio profesional estuvo propiciado por la evolución política en España en la que el absolutista Fernando VII hizo cerrar la Escuela recién creada, foco liberal e ilustrado, para convertirla en Escuela de Tauromaquia. Ya en Rusia vivió el intento de conquista por las tropas de Napoleón, que también se había hecho con el poder en España. Desde su tumba, en el cementerio en el que durante mucho tiempo compartió eternidad con Leonard Euler —hasta que los suizos trasladaron sus restos a Basilea, su ciudad natal— nuestro héroe fue testigo discretísimo de las transformaciones y sangrientas vicisitudes que padeció una ciudad, que se fue alejando de los sueños con los que había

пятилитровые бутылки водки. Иногда я вспоминаю эти забавные истории. Но, естественно, в моей памяти остались и другие следы этой короткой поездки. Города, возродившийся из пепла, с его огромными проспектами, парками и величественными зданиями. Все они были окутаны каким-то туманом грусти, который поднимался с прирученной Невы, с гранитных набережных на ее берегах. Около одной из них, со скучающим видом, стоит крейсер Аврора, символ Революции Советов. И, конечно же, великолепие Эрмитажа, поспешная экскурсия по его залам. Несколько лет тому назад я вспомнил ее во всех деталях, когда смог посмотреть потрясающий фильм Александра Сокурова *Русский ковчег*. Но, может быть, самое яркое воспоминание — это посещение Исаакиевского собора, внутри которого выставлен макет хитроумного устройства, изобретенного Августином де Бетанкуром, чтобы поднимать монолитные малахитовые колонны, которые привозили с дальних приисков Финляндии. Они обрамляют вход в собор, где на видном и выдающемся месте качается исключительно светский маятник Фуко, который показывает со всей ясностью и простотой вращение нашей планеты. Мне не довелось посетить могилу Бетанкура, но для меня любое воспоминание о Санкт-Петербурге связано с этим выдающимся деятелем, о котором впоследствии я всегда старался узнать как можно больше. Человек просвещенный и образованный либерал, он в свои пятьдесят лет, которые в то время уже считались весьма солидным возрастом, отправился в офранцузенную и просвещенную столицу России, где преуспел при царском дворе. Очень скоро Бетанкур получил звание военного генерала и стал исполнять обязанности Министра общественных работ при царе Александре I. За несколько лет ему удалось разработать важные транспортные структуры и создать первую русскую школу гражданских инженеров, что стало возможным благодаря накопленному Бетанкуром опыту при организации в 1802 году нашей Школы Путей Сообщения и Каналов в Мадриде. Его профессиональное изгнание из Испании было связано с политической эволюцией страны, в которой абсолютный

sido construida. También Agustín de Betancourt compartió a su manera el dramático asedio de los nazis que tantos muertos y miserias añadió a la atormentada historia de su ciudad. Y la dictadura del proletariado. Y a Hitler y a Stalin, almas que tenían a lo que parece algo profundamente en común: su desprecio por las vidas ajenas.

Y ahora me traslado a un territorio inhóspito y despoblado en el que aún nadie había imaginado fundar ciudad alguna. Pero confluyeron los astros que gobiernan el futuro y trajeron al ilustrado Pedro —que luego sería Grande sin llegar nunca a ser santo— y se propuso transformar el poder conservador que se concentraba en el ingobernable Moscú y trasladar la corte a una ciudad nueva en el territorio conquistado a las tropas suecas que ocupaban parte del delta del río Neva, que entregaba sus aguas dulces y frías a las amargas del mar Báltico. La construcción de San Petersburgo fue como un milagro que pagó un enorme tributo de vidas humanas en el altar del progreso. Un milagro y un misterio también. Porque cuando la ciudad comenzó a ser intensamente vivida y crecientemente habitada, el alma de la Rusia eterna se hizo presente y los nativos fueron naciendo con rasgos que compartían con los habitantes de otras ciudades y territorios de la Rusia sempiterna. El lenguaje ciertamente supuso entonces, como supone ahora, un vínculo decisivo. Pero no desvela el misterio de la creatividad que arraigó en la ciudad y que acunó, a lo largo de los trescientos años de su breve historia, a un sin fin de personajes que en el dominio de la ciencia, de la literatura, de la música, de la danza, de la pintura, de la escultura, se han hecho universales y viven entre nosotros a pesar de habernos dejado físicamente hace tanto tiempo.

Ahora, algunos de sus nombres dejan de ser recuerdos para hacerse realidad en el papel pautado. Dostoievski. Su vida atormentada tal vez hizo posible su legado, del que tengo especialmente presente *Los demonios* que prolongó la lectura de *El maestro de San Petersburgo* de Coetzee primero y de *Padres e hijos* de Turguénev después. Estos tres libros tratan magistralmente de los mismos hechos y describen un periodo en el que el anar-

монарх Фернандо VII приказал закрыть недавно созданную школу инженеров, считая ее рассадником либеральных идей просвещения, чтобы преобразовать ее в школу Тавромахии. Уже находясь в России, Бетанкур пережил попытку захвата страны Наполеоном, который ранее добился контроля над Испанией. Долгие годы он спал вечным сном рядом с Леонардом Эйлером, пока швейцарцы не перенесли прах великого математика в его родной город, Базель. Из своей могилы наш герой мог потаенно наблюдать за преобразованиями и кровавыми событиями, которые выпали на долю города, который постепенно отдалялся от первоначального замысла его создателей. Августин де Бетанкур по-своему тоже разделил с ленинградцами драму нацистской блокады, которая добавила к напряженной истории города столько смертей и мучений. Он разделил с ними и диктатуру пролетариата. И Гитлера и Сталина, чьи души в основе своей разделяли общий принцип: пренебрежение к человеческой жизни.

А сейчас я переносюсь в суровые и пустынные края, где еще никому не приходило в голову основать город. Но звезды, управляющие будущим, заняли свое место на небосводе и привели сюда просвещенного царя Петра — впоследствии его станут называть Великим, хотя он никогда не отличался святостью. Он решил нанести удар консервативным силам, которые считали своим оплотом неподдающуюся реформам царя Москву, и перенести двор в новый город на территории, отвоеванной у шведских войск, расположенной в дельте реки Невы, там, где она отдавала свои холодные пресные воды в горькие волны Балтийского моря. Строительство Санкт-Петербурга стало чудом, но ради него на алтарь прогресса были брошены тысячи человеческих жизней. Чудом и тайной. Ибо когда город начал жить насыщенной жизнью, а его население начало быстро расти, душа вечной России явилась и здесь, и новые поколения горожан стали рождаться похожими на обитателей других городов и земель извечной Руси. Язык, естественно, так же, как это происходит сейчас, стал главным связующим звеном. Но он один не



Detalle de esculturas del Almirantazgo.
Скульптурная группа Адмиралтейства.

дает объяснения чуду творческого начала, которое отличает этот город. На протяжении его короткой трехсотлетней истории он породил множество творцов, которые в области науки, литературы, музыки, танца, живописи и скульптуры добились международного признания и живут сейчас среди нас, хотя они уже давно покинули этот свет.

Сейчас некоторые из их имен перестают быть частью моей памяти и просятся на бумагу. Достоевский. Возможно, именно страдания, выпавшие на долю писателя, сделали возможным его богатое наследие, из которого сейчас мне вспоминаются, в первую очередь, *Бесы*. За этой книгой следуют роман Кутзее *Осень в Петербурге*, а потом и *Отцы и дети* Тургенева. Все три книги превосходно отражают одни и те же события и описывают тот же самый исторический период, когда на первый план выступил русский анархизм в самой яркой его форме. Последующее прочтение *Записок революционера* Кропоткина, человека выдающегося, позволило мне лучше понять корни и интеллектуальную основу этой идеологии, другим представителем которой был Бакунин. Позднее она распространилась по всему миру и оказала влияние на политику в Каталонии во времена республики, предшествовавшие нашей братоубийственной войне, а в России привела к революции, которая пошла по следам, как французской революции, так и прагматичной индустриальной революции в Англии. Чтение *Десяти дней, которые потрясли мир* Джона Рида, американского журналиста, ставшего привилегированным свидетелем взрыва Русской революции, помогло мне немного разобраться в сложностях этой эпохи.

А сейчас мне приходят на память трагические воспоминания писательницы Надежды Мандельштам, которые опубликованы в нашей стране под справедливым названием «Против всякой надежды». В этой книге она описывает не только свою жизнь, но и судьбу своего мужа, великого поэта Осипа Мандельштама, которого Сталин, увидевший свой портрет в одном из его стихотворений, приказал уничтожить. Мандельштам, как и многие другие творцы, мог бы повторить крик нашего поэта Мигеля Эрнандеса

quismo ruso, en su versión más exaltada, adquirió protagonismo. La lectura posterior de las *Memorias de un revolucionario* de Koprotkin, extraordinario personaje, me hizo conocer mejor los orígenes y el soporte intelectual de una ideología —con Bakunin como otro de sus referentes— que se difundió por el mundo, influyendo tanto en la Cataluña de los años republicanos que precedieron a nuestra incivil guerra, y que propiciaron en Rusia una revolución que siguió a la francesa y a la pragmática Revolución Industrial inglesa. Leer *Diez días que estremecieron al mundo* de John Reed, el periodista americano que fue testigo privilegiado del estallido de la Revolución rusa, me ayudó a comprender también algo de aquella turbulenta época. Ahora recuerdo a Nadezda Mandelshtam, la poetisa que escribió *Contra toda esperanza*, desgarradoras memorias con bien justificado título que protagonizó ella aún más que su marido, Ossip Mandelshtam, el gran poeta al que el todopoderoso Stalin, sintiéndose descrito en uno de sus poemas, hizo destrozar, y que como tantos otras y otros, podía haber hecho suyo el grito de nuestro Miguel Hernández: *¿Quién ha puesto en mi vida tanta cárcel?*. Y a Isaak Bábel, al que en 1940, tenía 45 años, la NKVD de entonces le homenajeó con un tiro en la nuca por el delito de escribir maravillosamente. Y mucho más adelante supe también del triste papel de Gorki, al frente de la sumisa y todopoderosa Sociedad de escritores que Stalin quería que fuesen *ingenieros de almas* y ayudasen a transformar el carácter de la gente y crear opiniones que arropasen los desmanes de todo tipo promovidos por aquel georgiano cruel e ignorante.

Y ahora le llega un breve turno al deslumbrante cine de Eisenstein, a su *Iván el Terrible*, a su *Acorazado Potemkin*. Y también hay sitio, cómo no, para la música que nació en el corazón de la ciudad. Las campanadas con las que concluye *1812* de Tchaikovski festejando la derrota de Napoleón en su vano intento por conquistar la inconquistable Rusia. Y su *Eugenio Oneguin* que ayuda a conocer también una época y una sociedad que se aproxima aceleradamente a su final. Y *Borís Godunov* de Músorgski, con los conservadores boyardos

«Кто жизнь мою тюрьмой наполнил?». Я вспоминаю и Исаака Бабеля, которому в 1940 году сотрудники НКВД всадили пулю в затылок. Ему было 45 лет, и его преступление заключалось только в том, что он был великолепным писателем. Значительно позже я с грустью узнал о роли Горького, стоявшего во главе послушного и всемогущего Союза писателей, которых Сталин хотел превратить в «инженеров душ», чтобы они помогали ему менять характеры людей и влиять на общественное мнение, чтобы население принимало любые бесчинства, творимые этим жестоким и невежественным грузином.

Теперь наступает момент упомянуть блестящие ленты Эйзенштейна с его *Иваном Грозным*, с его *Броненосцем Потемкиным*. Останется, конечно, и место для музыки, которая родилась в сердце этого города. Мне вспоминается колокольный звон, которым Чайковский заканчивает свою увертюру *1812*, празднуя победу над Наполеоном, который тщетно пытался завоевать непобедимую Россию. И его Евгений Онегин, позволяющий нам лучше понять эпоху, когда общество начинало катиться к пропасти. Передо мной встают и консервативно настроенные бояре, не желающие терять свои привилегии, из Бориса Годунова Мусоргского. И, конечно же, такие танцоры, как Нижинский, которым, казалось, были даны крылья, чтобы изящно парить над сценой, бросая вызов диктатуре силы притяжения. И русская православная музыка с ее божественными гармониями и ее басами, словно исходящими из недр земли. Не могу я забыть и гения музыки и театра, Владимира Высоцкого, выдающегося русского барда, который прожил насыщенную жизнь и рано умер. Марина Влади, его вдова, в своих воспоминаниях рассказала нам об этом необычном человеке. Виниловые пластинки, привезенные когда-то из Болгарии, я давно потерял, но не забыл его надтреснутый голос, в котором звучала страсть, хотя и не понимал слов его песен.

И совсем недавно я смог убедиться в том, что прекрасная *canzonetta* из второй части *Концерта* для скрипки Чайковского похожа на *Песню птиц*, ставшую подобием гимна Каталонии.

dispuestos a no renunciar a sus privilegios. Y naturalmente a los bailarines, como Nijinsky, que parecían dotados de alas que les permitían moverse en los escenarios desafiando, con exquisita elegancia, la dictadura de la gravedad. Y la música ortodoxa rusa, con sus armonías divinas y unas voces, las de sus bajos, que parecen brotar de las profundidades de la tierra. Recuerdo también a un genio de la música y del teatro, Vladímir Vysotski, el excepcional cantautor que tras haber vivido intensamente su vida, murió prematuramente y al que Marina Vlady, su viuda, retrató en sus memorias como el ser excepcional que fue. Los vinilos que traje de Bulgaria hace tiempo que los perdí, pero no he olvidado su voz quebrada que transmitía pasión aunque no se entendiesen las letras de sus canciones.

Y, muy recientemente, he podido constatar que la preciosa *cançonetta* que protagoniza el 2º movimiento del *Concierto para violín* de Tchaikovski coincide con la melodía de *El cant dels ocells*, casi un himno en Cataluña, que basándose a lo que se dice en una música popular catalana, popularizó magistralmente el violoncelo del gran Pau Casals.

Y hablando de música, no puedo dejar de citar las visitas anuales que nos hace Valery Gergiev, al frente de la orquesta del Teatro Mariinski, al Auditorio de Barcelona y, el próximo año, al Liceo con su *Parsifal*, y traslada a los asistentes al corazón de la ciudad del Neva.

Y recuerdos literarios de nuevo, con el distinguido ruso, nacido en Kiev, Mijaíl Bulgákov y su reveladora e irónica novela *El maestro y Margarita* con la que a duras penas burló efímeramente la férrea censura que padeció. Y a tantos otros. Y claro está, aquí aparece tranquilamente tras haber esperado su turno y haber dejado colarse a otros personajes, el gran Shostakóvitch y su *Sinfonía nº 7*, a la que tituló *Leningrado*, escrita durante el terrible asedio de la ciudad por los nazis y sobre la que, ¡oh estupenda sorpresa!, Sergi Godia, arquitecto y amigo, nos ha escrito un capítulo que ocupa un lugar destacado en este libro.

Y todavía brotan del arco de mi violín vibraciones que sintonizan con Kandinsky, con Mayakovski, con constructivismos

Эту народную мелодию блестяще переложил для виолончели великий Пау Казальс.

Говоря о музыке не могу не упомянуть ежегодные визиты, которые наносит нам Валерий Гергиев с оркестром Мариинского театра. Обычно они выступают в зале «Аудиторио» в Барселоне, но в будущем году привезут *Парсифаля* в театр Лисеу. Слушатели этих выступлений переносятся в самое сердце города на Неве.

А теперь вернемся в область литературы и вспомним выдающегося русского писателя, родившегося в Киеве, Михаила Булгакова и его провидческий и ироничный роман *Мастер и Маргарита*, которому стоило большого труда пробиться на свет через решетки цензуры. И многих других авторов. И, конечно, вслед за ними появляется, спокойно дождавшись своей очереди и пропустив вперед других, великий Шостакович и его *Седьмая симфония*, которую он назвал *Ленинградской*, написанная во время страшной блокады, которой подвергли город фашисты. Об этом произведении — вот неожиданность! — мой друг, архитектор Сержи Годиа, написал для этой книги главу, которая занимает в ней видное место.

Смычок моей скрипки извлекает из инструмента вибрации, которые отзываются именами Кандинского, Маяковского, конструктивизмом и деконструктивизмом, и множеством имен великих творцов, которые создали в атмосфере Санкт-Петербурга, или — может быть — Ленинграда, некоторые из своих неувядающих произведений.

Но я, безусловно, не забыл и Дидеро — его поездку в Санкт-Петербург, его своеобразные отношения с могущественной Екатериной Великой, которая спасла его от нищеты, купив у философа издательские права его *Энциклопедии*; эта удивительная инициатива способствовала изменениям в мире.

Моя увертюра сейчас меняет свое звучание. Много еще осталось скрыто в моей душе, а воспоминания и ощущения, которые я здесь нарисовал импрессионистическими мазками, также не оставили меня. Они остались со мной,





Interior del Teatro Mariinski.
Зал Мариинского театра.

y deconstructivismos y con otra multitud de artistas geniales que crearon en la atmosfera de San Petersburgo, o tal vez de Leningrado, algunas de sus obras imperecederas.

Pero tampoco olvido, ni mucho menos, a Diderot, su estancia en San Petersburgo, sus singulares relaciones con la poderosa Catalina *la Grande*, que le salvó de la miseria, comprándole los derechos editoriales de su *Enciclopedia*, la asombrosa iniciativa que tanto contribuyó a transformar el mundo.

Mi obertura cambia ahora de tonalidad. Muchas cosas se han quedado dentro de mí y los recuerdos y sensaciones que he dibujado con trazos impresionistas, tampoco me han dejado para siempre. Continúan en mi mente, ocupando más espacio y excitados aún por la emoción añadida de ser compartidos.

Pero ahora toca explicar un poco de la génesis de este libro que no es, ni mucho menos, un libro sobre San Petersburgo, de los tantísimos que existen. Es un libro único, es un libro de autor. Es el libro que Roger Besora nos ha regalado y que, ciertamente, le tiene por protagonista. Roger es un prodigio. Escribe excepcionalmente bien en un castellano que no es su lengua materna y que no se aprende bien, ni en las escuelas catalanas, ni tampoco en las que no lo son. Desde que se tituló como arquitecto, hace cuatro años, trabaja con nosotros. Algún día conoceré a la amiga que le facilitó una entrevista con Andreu Estany, insuperable maestro, con el que pocas semanas después, discreto, sencillo y sonriente, comenzó a trabajar.

Tiempo después apareció sobre la mesa de mi despacho la fotocopia de un artículo que Roger había publicado en la revista comarcal *Llobregós informatiu* con la que colaboraba esporádicamente. Escrito en un excelente catalán. Me sorprendió, me agradó y se lo dije.

Meses más tarde me facilitó otro artículo publicado en la misma revista. A Roger le gustaba escribir y escribía muy bien. De manera que cuando nos planteamos, con antelación que nunca es suficiente, el libro que publicaríamos para la Navidad del 2014 y quién lo escribiría, los amigos de nuestros informales Comités de edición, coincidimos que San Petersburgo

zанимая даже больше места, и волнуют меня сильнее, потому что я смог разделить их с другими людьми.

Но сейчас мне предстоит рассказать немного о том, как появилась на свет эта книга, которая не является очередной книгой о Санкт-Петербурге, каких великое множество. Это книга уникальная, произведение одного автора. Ее подарил нам Руже Безора, и он, вне всякого сомнения, является ее главным действующим лицом. Руже это чудо. Он прекрасно пишет на испанском языке, который не является для него родным. Этому не учат ни в каталонских школах, ни в каких-либо других. С тех пор, как четыре года тому назад он окончил университет, Руже работает с нами. Когда-нибудь я познакомлюсь с его знакомой, которая пригласила его на собеседование к Андреу Эстань, непревзойденному мастеру. И через несколько недель этот скромный, простой и улыбчивый юноша начал с ним работать.

Через некоторое время на столе в моем кабинете я обнаружил фотокопию статьи, которую Руже опубликовал в областном журнале *Льобрегос информатиу*, с которым он иногда сотрудничал. Статья была написана на прекрасном каталонском языке. Это меня удивило и обрадовало, о чем я ему и сказал.

Еще через несколько месяцев он показал мне новую статью, опубликованную в том же самом журнале. Руже нравилось писать, и он это делал прекрасно. Поэтому, когда мы заблаговременно — хотя времени все равно никогда не хватает — решали, какую книгу опубликуем к Рождеству 2014 года, и кто ее будет писать, наш неформальный издательский совет пришел к единому мнению. Санкт-Петербургу предстояло стать героем нашей книги, которая будет издана на двух языках: испанском и русском, а Руже мог стать ее автором. Он с радостью согласился принять этот вызов, прекрасно понимая сложность этой задачи и осознавая, как интересно ему будет ее решать.

В своем тексте, написанном на блестящем испанском языке, Руже приводит некоторые данные своей биографии. Кроме того, я иногда вызывал его на откровенность, и могу сейчас

podría ser el protagonista del libro, que sería bilingüe, en castellano y ruso, y que Roger podría ser quien lo escribiese. Aceptó encantado la encomienda, consciente, sin duda, de la dificultad y del interés del reto al que se tenía que enfrentar.

En su texto escrito en un castellano magnífico, Roger nos explica algunos rasgos de su biografía. Yo he provocado, además, alguna confidencia que sé que puedo utilizar. Roger, hijo único, nació en Torà —un pequeño pueblo de la Segarra— y está con nosotros porque estaba geográficamente enchufado con Andreu. Oliana, Esterri d'Aneu, Torà y otros, son nombres familiares en nuestra oficina. Nuestra colonia de arquitectos *lleidatans* y asimilados es verdaderamente notable y crea una atmósfera especial. Su padre siendo el *heren* de la familia se hizo cargo de la masía familiar, sin renunciar a un interés por la Historia que, evidentemente, inoculó a Roger. Su madre es licenciada en Farmacia. Y también a ella le tiene que deber la curiosidad por la Ciencia, el gusto por las Artes, y la contenida pasión con que, como buen *pagès*, se vuelca en lo que tiene que hacer.

Es excepcional el libro que Roger nos ha regalado. Asombra la capacidad que ha tenido para sintetizar la geografía y la historia de tan vasto territorio, de penetrar en las entrañas de un mundo que hasta hace poco solamente podía ser para él unos nombres escuchados, eso sí, desde muy niño. Un libro magníficamente estructurado que relata lo que en tan poco tiempo ha aprendido y ha podido sentir. Alimentado por dos breves viajes a San Petersburgo, por lecturas sin fin, por músicas que probablemente habrá escuchado por primera vez, por encuentros enriquecedores con personas que han compartido con él conocimientos y sensaciones que Roger ha conseguido plasmar en su texto. Se ha dicho que la puntualidad es la cortesía de los reyes y la claridad la cortesía de los filósofos. No son cualidades que abundan. Ni entre los gobernantes, ni en el mundo de la Cultura ni en el de la Arquitectura tampoco. Es fácil tropezar con republicanos que llegan tarde a las citas a las que están convocados sin que ello les haga más republicanos. Y la oscuridad parece ser una cualidad extendida entre los arquitectos que filosofan por

usar los obtenidos datos. Руже, единственный сын в семье, родился в Торе, маленьком городке в области Сегарра, и появился в нашей фирме благодаря географическим связям с Андреу. Олиана, Эстерри де Анеу, Тора и другие названия деревень и городков этого района в нашем офисе родные. Наша колония архитекторов — уроженцев *Лейды* и тех, кто с этой провинцией связал свою жизнь позже — значительна и создает особую атмосферу. Его отец был наследником семьи и взял на себя работы на семейном хуторе, но продолжал заниматься историей и, естественно, внушил интерес к этому предмету Руже. Его мать закончила Фармацевтический факультет. Ей он тоже обязан своими научными интересами, любовью к искусству и той сдержанной страстью, с которой он, как истинный крестьянин, выполняет поставленные задачи.

Книга, которую подарил нам Руже, удивительна. Поражает его способность обобщать данные географии и истории столь обширной территории, проникать вглубь мира, который до недавнего времени был лишь собранием имен, которые он слышал, хотя и с раннего детства. Эта книга прекрасно построена и рассказывает обо всем, что за столь короткое время он узнал и прочувствовал. Эта книга создана благодаря двум его коротким поездкам в Санкт-Петербург, множеству прочитанных книг, прослушанных — возможно, впервые — музыкальных произведений, встречам с людьми, которые обогатили его, разделив с ним знания и чувства, которые Руже удалось воплотить в этом тексте. Говорят, что точность — это вежливость королей, а ясность — вежливость философов. Эти качества встречаются редко. Нечасты они ни среди власть имущих, ни в мире Культуры, и область Архитектуры тоже ими не изобилует. Как часто можно встретить республиканцев, которые опаздывают на назначенные встречи, хотя это не делает их лучшими республиканцами. А туман в текстах архитекторов, когда они философствуют на письме, появляется чаще, чем следовало бы. Руже, вероятно, республиканец и, вне всякого сомнения, архитектор с большим будущим. Но, при этом, он пишет так

escrito. Roger, probablemente republicano y, sin duda, arquitecto con futuro, escribe como dibuja, con claridad y precisión y, además, siempre llega a tiempo. Concluyó su libro en la fecha prevista para que pudiese ser primero traducido, luego compuesto y pulido, antes de ingresar en la maternidad de la imprenta en donde verá puntualmente la luz.

Al final del texto, Roger nos invita a asomarnos a su cocina para explicarnos los condimentos utilizados para crear su libro. Y lo que nos explica impresiona. Porque no solamente leyó los textos a los que hace referencia. Me consta que se empapó de todos ellos y que tuvo la capacidad para sintetizarlos e integrarlos con un estilo admirable. Porque, además, el prodigio de este libro estriba en que Roger lo concluyó cuando todavía tenía 28 años, habiéndolo comenzado un año antes y simultaneando su redacción con su trabajo en la oficina. Un prodigio. Pocas tesis doctorales de esas que se dilatan durante cuatro o más años con la dedicación exclusiva del autor, al que tutela un catedrático más o menos eminente, estarán mejor documentadas que su libro. Roger, además de documentarse rigurosamente, buscó los contactos con personajes antes desconocidos para él y que ahora, tanto los que están vivos como los que le acompañan desde el más allá, se han hecho sus compañeros y amigos. La geografía y la joven pero atormentada historia de San Petersburgo, comparten protagonismo con Agustín de Betancourt, y con Magí Cornet y con Montserrat, su maravillosa y seductora nieta. Y, también con Montserrat Roig, y con su hijo Roger Sempere y con Juan Valera, admirado y biografiado por Manuel Azaña, y con Sergi Godia, del que estando tan cerca profesional y personalmente, no sabíamos de su pasión por la música y por Shostakóvich, y con Joan Margarit, que nos ha ofrecido un hermoso poema en el que evoca la ciudad, del que no encontró la versión que ya tenía hecha al ruso y que para esta ocasión la han recreado José Mateo y Xènia Dyakonova. El resto del libro ha sido traducido por Nina Avrova, otro descubrimiento para Roger, para mí, para todos. Una amistad perdurable. El libro será presentado a sus alumnos, a sus amigos y a los nuestros, en el Centro de Cultura

же, как чертит и рисует: ясно и точно, а кроме того, никогда не опаздывает. Он закончил книгу к назначенному сроку, чтобы ее можно было перевести, скомпоновать и придать ей блеск. Потом она должна отправиться в родильный дом типографии, откуда появится на свет.

В конце книги Руже приглашает нас заглянуть на его кухню, чтобы посмотреть, какие ингредиенты он использовал при изготовлении своего произведения. Это объяснение впечатляет, ибо он не только прочитал все труды, которые упоминает. Я знаю, что он впитал все эти знания и сумел обобщить и объединить их, изложив содержание блестящим стилем. Чудо этой книги еще и в том, что Руже закончил ее, когда ему еще было 28 лет. Начал он эту работу годом раньше, и выполнял ее параллельно работе в бюро. Невероятно. Немногие из докторских диссертаций, которые пишутся людьми, которые занимаются только этой исследовательской работой, на протяжении долгих четырех лет – а порой и дольше – под надзором более или менее знаменитого профессора, основываются на более серьезном фактическом материале. Но кроме обращения к документальным источникам, Руже установил связь с людьми, донныне ему неизвестными, и теперь все они – и живущие сейчас, и те кто пребывает в ином мире, стали его друзьями и товарищами. География и краткая, но драматическая история Санкт-Петербурга, соседствуют с судьбой Августина де Бетанкура, с Мажии Корнетом и с Монтсеррат, его удивительной и очаровательной внучкой. Это и Монтсеррат Ройч и ее сын Руже Семпере, и Хуан Валера, которым восхищался Мануэль Асанья, написавший его биографию, и Сержи Годиа – мы столько лет работали вместе и были хорошо знакомы, но не знали, что он страстно любит музыку и Шостаковича. Это и Жуан Маргарит, который предоставил нам прекрасное стихотворение о городах, которое уже было ранее переведено на русский язык, но поэт не нашел этого перевода, поэтому его заново перевели Хосе Матеу и Ксения Дьяконова. Это и Нина Аврова, которая перевела нашу книгу, – еще одна находка для

Contemporánea de Barcelona, cerca de la Escuela Oficial de Idiomas, donde Nina enseña desde hace años el ruso.

En fin, por acabar, reiteraré que éste no es un libro más de la infinidad que tiene a San Petersburgo por protagonista, una ciudad indiferente a los elogios aunque sin duda es sensible a las manifestaciones auténticas de afecto y que, en este caso, ha actuado como ágora que nos ha reunido a un puñado de personas con Roger como maestro de ceremonias, para compartir conocimientos, recuerdos y sensaciones. Cuántas cosas han tenido que pasar para que, puntualmente, en la Navidad de este equívoco 2014 este libro haya podido ver la luz. Los meandros de nuestros itinerarios vitales han confluido breve pero perdurablemente en este libro, antes de iniciar la diáspora que nos conducirá aguas abajo hacia nuestros destinos más o menos alejados. Pero los que hemos compartido esta experiencia, los que hemos vivido este trabajo de creación, siempre estaremos juntos. Para Roger, un excepcional personaje cargado de futuro, su libro le acompañará el resto de su dilatada y, sin duda, fructífera existencia. San Petersburgo, siempre le hará vibrar, porque tendrá la ciudad para siempre muy dentro de sí. Como la tendremos todos lo que hemos colaborado con él. San Petersburgo siempre tendrá cosas para decirnos y nosotros estaremos atentos para escuchar lo que nos quiera decir.

El día que tú naciste Roger, hacía más de veinte años que yo ya era ingeniero de caminos: puedes imaginar lo que siento al concluir la obertura que me pediste. Gracias.

Руже и для меня самого, для всех нас. Этой дружбе суждено продолжиться. Мы решили провести презентацию книги для ее учеников, ее и наших друзей, в Центре современной культуры Барселоны, неподалеку от Официальной школы языков, где Нина уже много лет преподает русский язык.

И, наконец, я повторю, что эта книга – особая в бесконечном ряду книг, главным героем которых является Санкт-Петербург. Этот город безразличен к хвалам, но, без сомнения, чувствует настоящие проявления любви. Он послужил нам агорой, где собралась наша небольшая компания во главе с Руже, который заправлял этим балом, чтобы поделиться нашими знаниями, воспоминаниями и чувствами. Сколько событий должно было произойти, чтобы именно сейчас, на Рождество этого сложного 2014 года могла появиться эта книга. Извилины рек наших жизней на короткий миг совпали и навсегда нашли свое воплощение в этой книге, прежде чем разбежаться потом дальше следуя своими путями более или менее близкими. Но все мы, принимавшие участие в этой работе, пережившие этот опыт творчества, всегда будем вместе. Руже – удивительная личность, нацеленная в будущее – никогда не расстанется с этой книгой на протяжении долгой и, вне всякого сомнения, плодотворной жизни. Санкт-Петербург всегда будет волновать его, потому что навсегда останется в его сердце. И в сердцах тех, кто сотрудничал с ним, в наших сердцах – тоже. У Санкт-Петербурга всегда будут слова для нас, а мы будем внимательно слушать его речи.

В тот день, когда ты родился, Руже, я уже был инженером путей сообщения с двадцатилетним опытом работы: ты можешь прекрасно понять мои чувства сейчас, когда я закончил увертюру, о которой ты меня попросил. Спасибо.



Por más amores y viajes lejanos, intrépidos y *lonelyplanetianos* que imagináramos, entre los grandes veranos de la vida siempre están los de la niñez. Los míos empezaban después de las cinco de la tarde del último día de escuela, cuando con mis amigos vagábamos por Torà, tirando de un carro destartado, recogiendo maderas y cañas de río para las hogueras de Sant Joan. Coincidían los días de aires cálidos y secos con los que, en la masía familiar, cosechábamos los campos de colza y cereal. Y sólo cuando éste estaba ya dorado tórrido y crujiente como una pipa, me subía con mi padre a la cosechadora, maravillado por lo preciso e indescifrable de su mecánica.

Después de la cosecha, desplegábamos los mapas y en este punto empezaban las vacaciones con mis padres. Tanta aventura era el Museo Dalí de Figueres, como cuando descubríamos pedacitos recónditos de Europa. Incapaz de reconstruir sus tramas argumentales, ahora mis ojos ya sólo proyectan flashes inconexos de la Bretaña francesa, con chocolate a la taza y *Le petit train de Saint-Malo*; del bajísimo palacio del Rey Midas en Creta; o de los aromas y especias de la medina de Hammamed en Túnez, cuyo gentío todavía me fascina y atosiga en igual medida.

Esto sería la cara A del casete; los viajes compartidos. En la cara B, cuando ellos viajaban solos o con otros amigos, a su llegada siempre recibía una sorpresa en forma de souvenirs más o menos útiles. De entre éstos, un clásico: la paleta de colores y las pinturas acrílicas de París. Me gustaba mucho dibujar, pero no tenía ni idea del uso del color; lo que no me impidió durante algunos años —hasta los diez u once— pintar sobre pequeñas planchas de

Сколько бы мы не рисовали в своем воображении любовные приключения и путешествия в дальние, неизведанные страны с путеводителем *Lonely planet* в кармане, всем этим историям трудно будет соперничать с воспоминаниями о летних месяцах нашего детства. Мои каникулы начинались после пяти часов вечера в последний день школьных занятий, когда мы с приятелями бродили в окрестностях городка Тора и грузили в старую разбитую повозку доски и сухой тростник для ночных костров накануне дня Святого Жуана. Немного позже, когда дули сухие и жаркие ветры, на нашем хуторе собирали урожай рапса и злаковых. И только когда колоски становились золотистыми, а зерна хрустящими, точно семечки, я поднимался вместе с отцом на комбайн и всякий раз поражался точной работой этой машины и невероятной сложностью ее устройства.

Когда урожай был убран, на столе расстилались карты, и с этого момента начинались мои каникулы с родителями. Поездка в музей Дали в Фигерасе была для нас не менее увлекательным приключением, чем посещения потаенных уголков Европы. Сегодня мне трудно восстановить все истории целиком, и в памяти вспыхивают только несвязанные друг с другом картины: французская Бретань с ее горячим шоколадом и туристическим поездом *Le petit train* в Сен-Мало, низкие своды дворца царя Мидаса на Крите или ароматы и специи на старой площади Хаммамет в Тунисе, чье многолюдье и суета до сих пор меня поражает и тревожит.

La formación del Rus de Kiev (862-912) y las principales ciudades rusas con su fecha de fundación.

Образование Киевской Руси (862-912) и главные русские города с указанием дат их основания.

madera todo tipo de estilos y motivos próximos, desde burdas naturas muertas hasta intentos naïf e impresionistas, sin ningún filtro ni vergüenza. Todo acababa firmado, barnizado, debidamente enmarcado y regalado a familiares y amigos.

Los niños no sólo son esponjas de conocimiento, sino instantáneos creadores de imaginarios. Conociendo este mecanismo automático, que se oxida con la edad y la conciencia de la complejidad, la elección del souvenir intentaba fijar un tópico o idea simple y representativa del país. Ahora lo entiendo como un acto de pedagogía paterna y casi de responsabilidad geográfica, para que yo entendiera lo variado del mundo. Fue así en el viaje a París y su material pictórico; pero no sabría muy bien cómo interpretar los tres regalos que me llegaron provenientes del lejano norte.

Estábamos en el año 1991 y la Unión Soviética se desmigajaba por presiones aceleradas desde todos los frentes y ámbitos. El agua había entrado a más compartimentos de los que los capitanes del buque reformista habrían previsto; yo tenía 5 años y sabía muy pocas cosas de Rusia, casi nada. Pero del viaje a Moscú y San Petersburgo, mis padres me trajeron tres objetos enigmáticos, que configurarían mi particular mapa ruso durante muchos años: una balalaica, una *matrioska* y un gorro de policía. Entendí que la música era importante para los rusos y me empleé a fondo en imitarles. A favor de mis antiguos vecinos diré que la balalaica sólo tenía tres cuerdas y que se rompieron, felizmente, a una por día. En relación al gorro de policía, con independencia de sus inclinaciones profesionales, pasó a ser de los objetos más codiciados entre los amigos que venían a mi casa y lo conservé hasta varios años después. Pero es al juego de *matrioskas* o muñecas rusas al que me referiré ahora, porque me ha permitido, a día de hoy, situar algunos procesos y capítulos de la historia rusa.

En principio, y a pesar sus sugerentes formas redondeadas, las *matrioskas* no tienen relación con las cúpulas en forma de bulbo, acebolladas, que el imaginario colectivo sitúa en Rusia y en Oriente medio. Aunque el grafismo expresionista y los colores de gran contraste y vivacidad de estas muñecas podrían

Все эти мелодии путешествий вместе с родителями записаны на одной стороне кассеты, на другой сохранились воспоминания о поездках, когда они отправлялись в путь одни или со своими друзьями. Когда они возвращались, я всегда получал какой-нибудь неожиданный сувенир, более или менее полезный. Среди этих подарков был и наиболее традиционный: палитра и набор акриловых красок из Парижа. Мне очень нравилось рисовать, но я не имел ни малейшего представления о том, как пользоваться красками, что, однако, не мешало мне на протяжении долгого времени, пока мне не исполнилось десять или даже одиннадцать лет, разукрашивать маленькие доски рисунками всех стилей на доступные мне темы. Это были и неуклюжие натюрморты, и попытки создать произведения в стиле наивного искусства или подражать импрессионистам. Я ничуть не стеснялся, и никто меня не ограничивал. Все мои произведения подписывались, покрывались лаком, вставлялись в рамки и дарились родственникам и друзьям.

Дети не только впитывают знания, подобно губкам, но обладают к тому же способностью моментально создавать воображаемые миры. Мои родители учитывали этот автоматический механизм, который ржавеет с годами по мере того, как мы осознаем всю сложность бытия, и поэтому выбор сувенира отвечал желанию зафиксировать классический образ страны или простую идею, отвечающую ее сути. Сейчас мне видится в этом педагогическая установка моих родителей, их ответственный подход к освоению мной географии: они стремились показать мне все разнообразие мира. Их путешествие в Париж и привезенный оттуда набор для живописи были предназначены служить этой цели; однако, три подарка, которые они сделали мне, приехав из далёкой северной страны, показались мне довольно загадочными.

Шел 1991 год, и Советский Союз разрушался под усиленным напором со всех сторон и по всем фронтам сразу. Вода проникла не только в те отсеки, которые должны были быть затоплены по расчетам капитанов корабля реформ, но и во

recordarnos algunos frescos y ornamentos de las catedrales ortodoxas, la principal gracia de las *matrioskas* no es su tratamiento epidérmico, sino su estructura y montaje. Son un contenedor vacío y desmontable que, a la vez, contiene otro igual y más pequeño.

Bajo una apariencia de distinción oriental, la *matrioska* preserva celosamente su intimidad. A quién la observa desde la distancia, le parece que su cuerpo de Botero, engañoso y audaz, bien podría contener reliquias minúsculas o quizás ser un pequeño y vacío desván. En parte es aquello que dijo el poeta surrealista Paul Éluard, que *sí que hay otros mundos, pero están en éste*. Su sistema de crecimiento, que engloba a pequeñas entidades sin alterar el aspecto unitario, puede ser un camino para entender la historia y la evolución del Imperio ruso. Y es que en su momento tan rusos eran, en el sur, georgianos, uzbekos y turcomanos; como en el norte, la Rusia blanca y los pueblos nómadas siberianos.

HISTORIA DE TRES CIUDADES

Antes de que existiese Rusia, ya existían los rusos. Formaban parte de los pueblos eslavos orientales del mundo euroasiático y se movían, de norte a sur, entre el mar Báltico y el mar Negro; y de este a oeste, entre las cuencas del río Dniéper y la cordillera de los Urales. En general, eran comunidades de organización tribal y con sangre de orígenes diversos, que se mezcló paulatinamente con la de los pueblos normandos o vikingos. Todo esto fue así entre los siglos VI y X en el norte de Europa, mientras que en las costas de los mares del sur, el Mediterráneo y el Negro, la hegemonía política y cultural correspondía a Constantinopla, capital del Imperio Bizantino. Heredero del Imperio romano de Oriente, perpetuó la cultura clásica, la religión cristiana y la supremacía del latín, y después del griego, en el Mediterráneo y en Asia Menor hasta la llegada de los turcos en el siglo XV.

Para conocer la vida social y política de los primeros rusos y de sus príncipes, tendríamos que desempolvar la Crónica Primaria o *Relato de los Años Pasados*. Es un texto fundamental, que nos cuenta la historia del primer Estado eslavo de la historia, el

muchos otros; me fue sólo cinco años, y yo muy poco sabía sobre Rusia, prácticamente nada. Y en este tiempo mis padres trajeron de su viaje a Moscú y San Petersburgo tres misteriosos objetos, que me dieron para muchos años: balalaika, matrioska y фуражку милиционера. Yo sabía, que музыка для русских имеет большое значение, и из всех сил старался подражать им. Надо сказать, что, к счастью для моих бывших соседей, у балалайки было только три струны, которые благополучно лопнули одна за другой на протяжении трех дней. Что касается фуражки, то она превратилась в предмет зависти всех моих друзей, приходивших ко мне в гости, независимо от их увлечений и профессиональных наклонностей, и я хранил ее долгие годы. Однако сейчас я останавливаюсь на матрешках, или, как их здесь называют, русских куклах, потому что они позволили мне сегодня понять некоторые события и процессы русской истории.

Прежде всего, надо сказать, что, несмотря на свои округлые соблазнительные формы, матрешки не имеют ничего общего с куполами, похожими на луковицы, которые так и называют «луковичными», которые в нашем понимании характерны для России и для Среднего Востока. И хотя линии рисунка на их нарядах напоминают стиль экспрессионизма, а яркая выразительность этих кукол могут вызвать в нашей памяти фрески или орнаменты православных соборов, прелесть матрешек не в их разноцветной оболочке, а в структуре и сборке. Каждая из них – это полая и разборная фигура, которая в свою очередь содержит другую, себе подобную, меньшего размера.

Под элегантным покровом восточной красавицы, матрешка бережно хранит свои тайны. Если мы рассматриваем ее издали, то нам может показаться, будто ее лукавые и смелые формы, достойные созданий Ботеро, могут служить для хранения крошечных реликвий или превратиться в маленький пустой чердак. Отчасти к ним можно отнести слова поэта-сюрреалиста Поля Элюара: «Другие миры существуют, но только в том, который нас окружает».



Ciudad de Nóvgorod y su Kremlin (1701-1745).
Город Новгород и его Кремль.

Увеличение размера матрешки, при котором маленькие фигурки включаются внутрь больших, не нарушая единого целого, может помочь нам понять историю и эволюцию Российской империи. Ибо в разные эпохи россиянами были и грузины, и узбеки, и туркмены – на юге, и жители Белой Руси, и кочевые племена Сибири – на севере.

ИСТОРИЯ ТРЕХ ГОРОДОВ

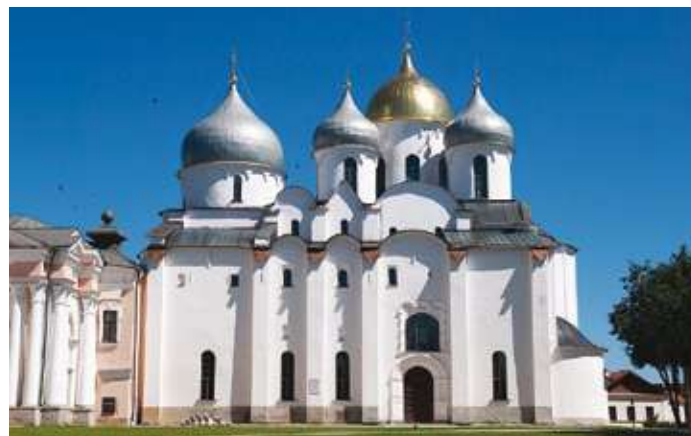
Русские жили в этих краях давно, задолго до создания российского государства. Они являлись одним из восточнославянских народов евразийского мира и передвигались с севера на юг – от Балтийского моря до Черного, и с запада на восток – от бассейна реки Днепр и до Уральских гор. В большинстве случаев это были сообщества племенного типа, сложившиеся из представителей разных этнических групп, а потом постепенно к этому коктейлю примешивалась кровь нормандских народов или викингов. Так обстояли дела на севере Европы с VI века по X, в то время, когда на берегах южных морей, Средиземного и Черного, в области политики и культуры властвовал Константинополь, столица Византийской империи. Будучи наследником Восточной римской империи, Константинополь поддерживал классическую культуру, христианскую религию и ведущее положение сначала латыни, а потом и греческого языка в Средиземноморье и Малой Азии до прихода турок в XV веке. Если нам захочется узнать подробности общественной и политической жизни первых русских и их князей, нам надо будет стряхнуть пыль веков с первой летописи или *Повести временных лет*. Этот основополагающий текст рассказывает нам об истории создания первого в истории славянского государства, так называемой Киевской Руси. Как и в большинстве средневековых хроник, автором этого труда был монах по имени Нестор, который жил в XII веке в Киеве. Он собрал саги северных народов, народные предания, а также славянские и византийские тексты, чтобы объяснить происхождение первых русских городов.

llamado Rus de Kíev. Como en la mayoría de crónicas medievales, fue un monje, en este caso llamado Néstor, quien desde el Kíev del siglo XII recogió sagas nórdicas, leyendas populares y textos eslavos y bizantinos para explicar el origen de las primeras ciudades rusas.

НÓVGOROD

Según la Crónica de Néstor, la primera gran ciudad rusa fue Nóvgorod. Se levantó a orillas del río Vólkhov, cerca del lago Ilmen, a unos 150 kilómetros al sur de San Petersburgo. Después de décadas de conflictos fratricidas y caos económico, los líderes tribales del lugar invitaron al príncipe vikingo Rúrik para que pusiera paz entre ellos y les gobernara. El personaje, que provenía de unas tierras igual de gélidas e ingratas, se encontró un territorio descompuesto; de límites y normas borrosas, y con unas estructuras sociales y políticas muy débiles. Así pues, Rúrik fundó Nóvgorod, en ruso *nueva ciudad*, en el año 860 y sobre el caos empezó un serio proceso de legislación y estructuración social. La ciudad creció rápidamente gracias a su posición estratégica. Se levantó en medio de la gran ruta comercial que unía, desde los tiempos antiguos, Escandinavia con el Imperio Bizantino, la ruta de los Vikingos a los Griegos. El norte, rico exportador de productos de caza, pieles y madera; recibía de los griegos paños, vino, especias, plata y cerámicas de Oriente.

Nóvgorod fue gobernada por los descendientes de Rúrik y se sofisticó como una de las sociedades urbanas medievales más cosmopolitas, con gran pulso comercial y caldo de cultivo de la vanguardia cultural y artística. Utilizaba el sistema de moneda alemán y llegó a ser una pieza clave de la Liga Hanseática, la entidad con fines comerciales que unía las ciudades alemanas del Báltico. A nivel político, desarrolló un sistema casi *democrático*, dicho esto con todas la precauciones y según estándares de la época. Sus cimientos cívicos se armaban a base de asambleas públicas o *veche*, en las cuales los mercaderes y todo aquel que fuera propietario de una casa tenía un voto. Los gobernantes de la ciudad, así como la Iglesia, estaban sometidos a la



НОВГОРОД

Согласно летописи Нестора, первым крупным русским городом был Новгород. Он вырос на берегах реки Волхов, недалеко от озера Ильмень, в 150 километрах к югу от того места, где стоит сейчас Санкт-Петербург. После нескольких десятилетий братоубийственных войн и экономических проблем вожди племен, населявших эти земли, призвали князя варягов Рюрика, чтобы он помирил их и правил ими. Гость, явившийся сюда из таких же холодных и неблагодарных краев, увидел перед собой страну, лежавшую в разрухе, без четких границ и ясных законов, общественные и политические структуры которой были чрезвычайно слабы. И тогда, в 860 году, Рюрик основал Новгород, что по-русски означает *новый город*, и среди беспорядка начал серьезный процесс создания законодательства и социальных структур. Благодаря своему стратегическому положению город рос очень быстро. Он был построен на великом торговом пути из варяг в греки, который с давних времен связывал Скандинавию с Византийской империей. Север, богатый дичью, мехами и деревом, отправлял свои товары на юг и получал от греков ткани, вино, специи, серебро и изделия гончаров Востока.

Catedral de Santa Sofia de Nóvgorod. / Собор Святой Софии в Новгороде.

асамблеа, que nombraba y cesaba a los príncipes, muchos de los cuales eran extranjeros. Nóvgorod ostentaba entonces un sitio destacado en la cultura cívica europea, contrastando con las estructuras absolutistas *por la gracia de Dios* tanto del Antiguo Régimen occidental, como de sus vecinos de Moscovia.

KÍEV

Veinte años después de la creación de Nóvgorod, un descendiente de Rúrik ensanchó el pedigrí familiar fundando la ciudad de Kíev, como la hija que superará a la madre. A orillas del Dniéper, uno de los grandes ríos navegables, junto con Nóvgorod formaba parte de la ruta comercial de los Varegos (o vikingos) a los Griegos. Heredará de ella la figura del príncipe y de las asambleas; y con el tiempo allí se desplazará la capital del nuevo Estado, el Rus de Kíev. Siempre a la sombra de Constantinopla, como el aprendiz que goza del favor del maestro, la ciudad llegó a tener gran prestigio cultural. Sustituyó a los dioses paganos por el cristianismo ortodoxo como religión oficial y adoptó, de los búlgaros, el alfabeto cirílico para evangelizar al pueblo. A pesar de todo este aparente éxito, su sistema político resultó demasiado frágil y ambiguo. Fue incapaz de gestionar un territorio sensiblemente más grande que el de Nóvgorod y, sobre todo, mucho más expuesto a los brutales ataques mongoles.

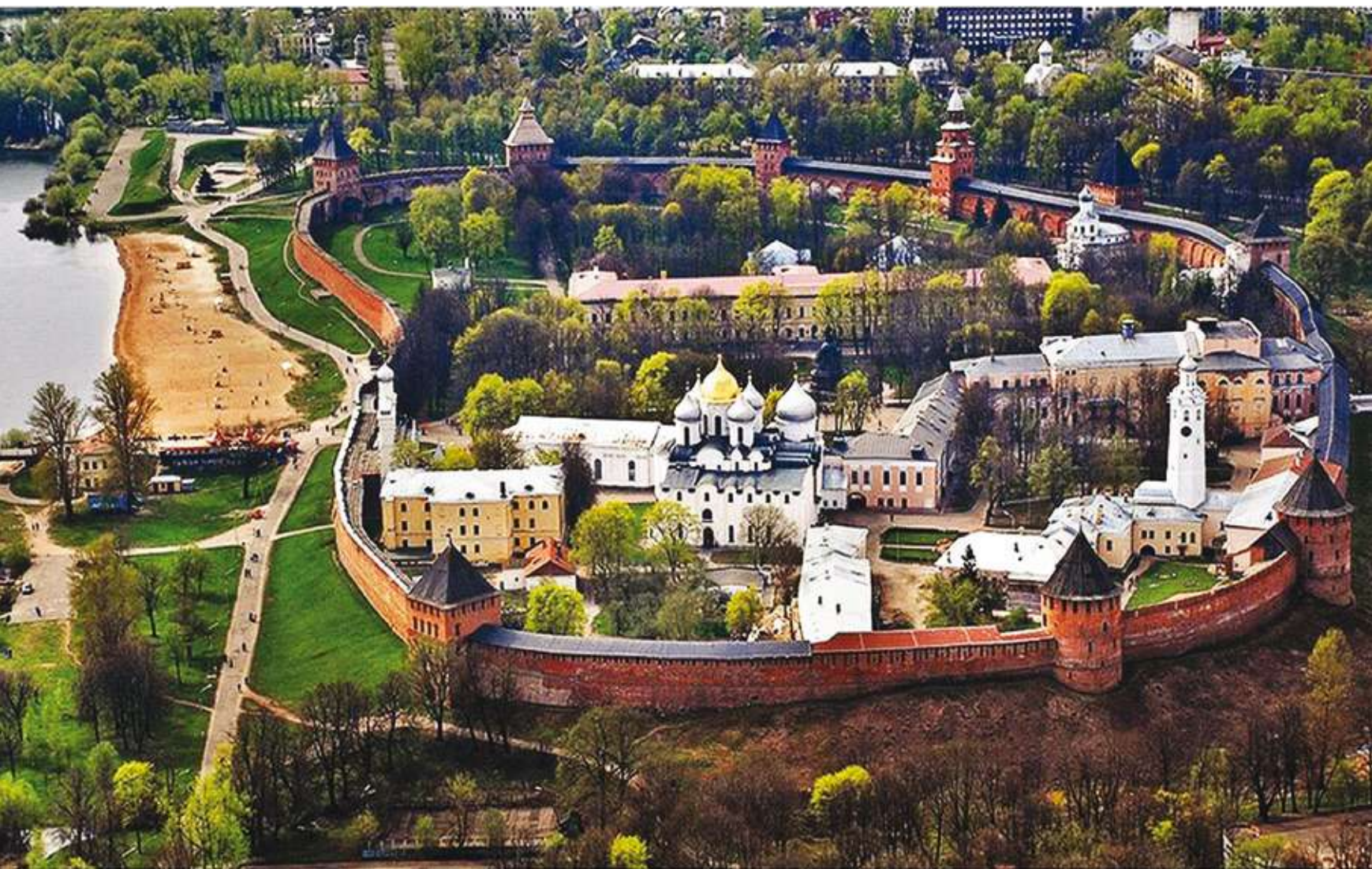
Posiblemente la historia de Rusia hoy sería otra si el Rus de Kiev hubiera tenido la potencia militar y política necesaria para no sucumbir ante los tártaros¹. Estos estaban organizados en un Estado llamado la Horda de Oro, cuyas raíces se adentraban en Mongolia. Islámicos, pero tolerantes con la religión ortodoxa, eran una temible máquina militar, hija del país del Gran Khan. Asediaron los límites de Europa y sometieron a la gran mayoría de los principados rusos, convirtiendo a los boyardos o señores feudales en sus vasallos.

¹ Tártaros: conjunto de pueblos o tribus euroasiáticas, musulmanes, y que dominaron gran parte del territorio ruso bajo el Estado de la Horda de Oro (1260-1480), influenciado por el Gran Khan o emperador mongol. Los boyardos o señores feudales rusos eran sus vasallos y les administraban el territorio. Los rasgos asiáticos de la cultura rusa son fruto de sus siglos de dominio y asimilación dentro de la sociedad.

Potomki Рюрика правили Новгородом, и он превратился в один из самых космополитических городских центров Средневековья, где бурно развивалась торговля и процветали культура и искусство. Здесь использовали немецкую денежную систему, и Новгород стал важнейшим звеном Ганзейского союза, объединения, созданного с целью развития торговли, в которое входили немецкие города, стоявшие на берегах Балтийского моря. В области политики в городе установилась система близкая к *демократической*, хотя этот термин следует употреблять крайне осторожно и иметь в виду стандарты той эпохи. Основой гражданского общества являлось народное собрание или *вече*, на таких собраниях купцы и все горожане, у которых были собственные дома, имели право голоса. Как правители города, так и представители церкви, подчинялись народным собраниям, которое назначало князей, многие из которых были иностранцами, или лишало их власти. В эту эпоху в области культуры общественного устройства Новгород оказался на передовых позициях, выгодно отличаясь от абсолютистских структур *Божиею милостью* как Старого режима Запада, так и соседней Московии.

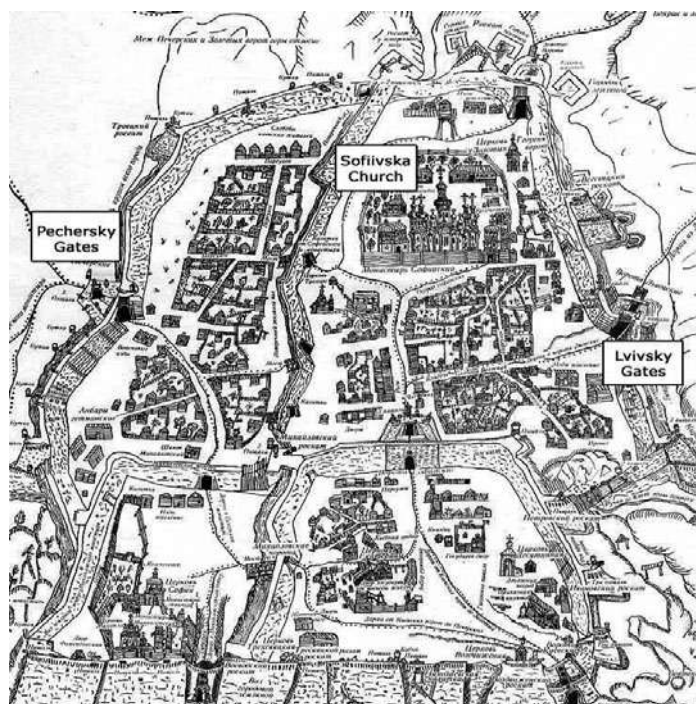
КИЕВ

Двадцать лет спустя после основания Новгорода, потомок Рюрика преумножил славу своего рода, заложив первый камень города Киева, которому суждено было затмить своего предшественника. Расположенный на берегу Днепра, одной из великих судоходных рек, этот город вместе с Новгородом являлся частью торгового пути из варяг (или викингов) в греки. От своего предшественника Киев унаследует княжеское правление и народное собрание, и со временем этот город превратится в столицу нового государства, Киевской Руси. Находясь всегда под крылом Константинополя, словно любимый ученик, пользующийся благосклонностью учителя, этот город превратился в крупный центр культуры. Вера в древних языческих богов в нем сменилась на православную христианскую религию, ставшую официальной, и для евангелизации народа была



Vista del Kremlin de Nóvgorod.

Вид Новгородского Кремля.



Mapa militar de Kíev en siglos XVI-XVII.

Военная карта Киева в XVI-XVII веках.

позанимствована у болгар кириллица. Но, несмотря на этот кажущийся успех, политическая система оказалась слишком хрупкой и недостаточно ясной. Ей оказалось не под силу управлять землями, гораздо более обширными, чем новгородские, и к тому же чаще подвергавшимися яростным атакам татаро-монголов.

Возможно, вся история России была бы иной, если бы Киевской Руси хватило военной и политической мощи чтобы устоять перед нашествием татар¹. Их государство называлось Золотой Ордой, и корни его уходили в Монголию. Татары исповедовали ислам, но не собирались обращать в него православных, и представляли собой грозную военную силу, рожденную в стране Великого Хана. Их войска угрожали границам Европы и подчинили себе большую часть русских княжеств, сделав бояр или местных феодалов своими вассалами.

МОСКВА

После Новгорода и Киева, послуживших мостами между балтийскими странами и Византийской империей, на нашей сцене появляется третье действующее лицо — Москва. Город был основан в 1147 году, три века спустя после рождения своих изысканных соседей. Москву роднила с ними только православная вера и форма собственности, но она не стала разделять их высокоразвитую культуру и традиции. В отличие от других столиц мира Москва не могла похвастаться своей ролью центра торговли из-за своей географической изолированности; она не имела выхода к морю или к большим рекам. Но она сумела превратить эту прирожденную ущербность в самый главный свой козырь,

¹ Татары: сообщество народностей или племен Евразии мусульманской веры, которые овладели большей частью русских земель, когда существовало государство Золотая Орда (1260-1480), находившееся под влиянием Великого Хана или монгольского императора. Бояре или русские феодалы являлись их вассалами и осуществляли управление территорией. Азиатские черты русской культуры являются продуктом их длительного господства и ассимиляции в русском обществе.

Moscú

Después de Nóvgorod y Kíev, puentes entre el Báltico y el Imperio Bizantino, nuestro tercer hombre en escena es Moscú. La ciudad se fundó en 1147, tres siglos después de sus refinadas vecinas. Sólo compartía con ellas la religión ortodoxa y la forma de la propiedad, pero quedó al margen de su cultura civilizada y sus tradiciones. Moscú, a diferencia de las grandes capitales mundiales, no tenía una buena posición comercial debido a su aislamiento geográfico, sin acceso al mar ni a grandes ríos. Pero tuvo la destreza de hacer de esta debilidad congénita su mejor baza, anticipando algunos movimientos estratégicos. El príncipe moscovita supo erigirse como representante del Gran Khan ante los demás principados rusos, recaudando los impuestos; y así marcó perfil ante los demás boyardos del Rus de Moscovia.

Después de doscientos años de sumisión, Moscovia se libró de los tártaros en el siglo XV, en plena decadencia de la Horda de Oro. Era el momento de avanzar hacia el Báltico y llegar al mar, cuyo comercio controlaba el Estado independiente de Nóvgorod. El zar moscovita Iván III el Grande conquistó a lo tártaro esta ciudad de mercaderes. Asesinó a gran parte de los comerciantes, expulsó a la Liga Hanseática de la ciudad y acabó con su sistema político asambleario. Una escena digna de las Pinturas Negras de Goya y de su *Saturno devorando a un hijo*. Y es que el temperamento del mongol salvaje circulaba por las venas de Moscovia. Tan sólo un siglo después, Iván IV El Terrible protagonizó una nueva oleada saturniana, machacando Nóvgorod por segunda vez. Bajo su liderazgo, Moscú acabará unificando la nación rusa, profundamente orientalizada, gracias a la audacia y poderío militar de sus zares.

LA HERENCIA DE NÓVGOROD

Estamos ya delante del tablero de juego, con las piezas más determinantes del puzzle ruso esparcidas encima de la mesa. Si las analizamos, veremos que entre ellas destaca sonoramente la ciudad de Nóvgorod y su fascinante capacidad de supervivencia. Entre el mar Báltico y las urbes alemanas, apostó por el comercio y no por la guerra, con la sangre fría del contorsio-

предусмотрев заранее некоторые стратегические ходы. Московскому князю удалось стать представителем Великого Хана для окрестных княжеств, с которых он собирал дань, и таким образом выделился среди прочих бояр Московской Руси.

После двухсотлетнего унижения Московия сбросила татарское иго в XV веке в период распада Золотой Орды. Наступило время двинуться в сторону балтийских земель и выйти к морю, где торговлю контролировало независимое новгородское государство. Московский царь Иван Третий Великий захватил этот город торговцев по-татарски. Он уничтожил большую часть его купцов, изгнал представителей Ганзейского Союза и покончил с политическим устройством города, запретив вече. Сцены расправы над городом могла сравниться лишь с «Черными полотнами» Гойи и его *Сатурном, пожирающим своих детей*. Ведь по жилам Московии бежала кровь диких монголов, от которых она унаследовала свой нрав. Не прошло и века, как Иван Четвертый, прозванный Грозным, огнем и мечом прошел по новгородским землям и вторично разгромил Новгород. Во время его царствования Москва благодаря дерзкой храбрости и военной мощи своих правителей окончательно объединила русскую нацию, глубоко проникнувшись духом востока.

НАСЛЕДИЕ НОВГОРОДА

И вот перед нами уже готово поле игры, а основные детали русской головоломки разложены на столе. Если рассмотреть их повнимательнее, то можно заметить, что в первую очередь в глаза нам бросается Новгород и его удивительная способность к выживанию. Находясь поблизости от балтийских земель и немецких городов, он выбрал путь торговли, а не войны, обладая хладнокровием гуттаперчевого мальчика. Подобно деревне Астерикса и Обелюкса, противостоявшей римлянам, этот город лавочников и купцов добился того, что даже грозная Золотая Орда относилась к нему с уважением.



Representación del Moscú medieval.

Изображение средневековой Москвы.

nista. Como una especie de aldea de Astérix y Obélix ante los romanos, esta ciudad de tenderos y comerciantes fue tolerada incluso por la temible Horda de Oro.

Si el monje Néstor reescribiera hoy su Crónica, podría referirse a ella como la primera *matrioska* de la historia rusa, bien recubierta por capas de Moscovia. El corazón primigenio de un país inmenso y diverso, asiático en su desmesura geográfica; pero con enérgicas pulsiones modernizadoras. Seguro que el buen perfumero encontrará allí las esencias más refinadas y europeizantes del país. Los demás, podremos ver en Nóvgorod una historia que fascinó a filósofos, historiadores y artistas; pero sobre todo inspiró al zar Pedro I el Grande. El cartógrafo que dibujó el Imperio ruso, a doble página, en los mapas del mundo. Y es que fue precisamente un príncipe de Nóvgorod, Alejandro Nevski, quien ganó una de las trascendentales batallas contra los suecos en las orillas del río Neva. En los mismos terrenos inestables y pantanosos en los que, años más tarde, Pedro fundaría San Petersburgo como la nueva capital del Imperio. El zar quiso abrir así una ventana al futuro. Y lo hizo sabiendo que, además de piedras y víveres, por las aguas del Neva le llegaría el espíritu y la fuerza de la vieja Nóvgorod.

Если бы сегодня монах Нестор взялся переписать заново свой труд, то мог бы назвать Новгород первой матрешкой русской истории, спрятанной глубоко под наслоениями Московии. Это первобытное сердце огромной и пестрой страны, азиатской по своей географической избыточности, бьется стремлением к модернизации. И, без сомнения, искусный парфюмер почувствует там утонченные ароматы европеизации страны. Мы же можем просто увидеть в истории Новгорода сюжет, поражавший философов, историков и художников, и, в первую очередь, вдохновил царя Петра Первого Великого, этого картографа, который нарисовал на картах мира в полный разворот Российскую империю.

Именно новгородский князь Александр Невский дал одну из решающих битв шведам на берегах Невы и выиграл ее. Это случилось в тех самых болотистых краях, где земля уходит из-под ног, и где многие годы спустя Петр заложит Санкт-Петербург, новую столицу Империи. Царь хотел таким образом прорубить окно в будущее. И поступил он так, зная, что вместе с продуктами и камнем по водам Невы приплывет к нему дух и мощь древнего Новгорода.



El año en que el capitán Pedro Mijailovich quiso ser dueño del Neva, el río todavía era una frontera serpenteante que separaba a suecos y rusos. A lo largo de sus 74 km, a contar desde el lago Ladoga hasta el mar Báltico, el navegante divisaba una sucesión de fortificaciones militares, puestos de vigilancia y aldeas de comerciantes y pescadores. El delta del Neva fue escenario interminable de sangre y batallas entre los dos países. Muertos propios y heridas ajenas se confundían entre un velo difuso, tejido por la neblina sobre un manto de nieve. A través de la noche y de sus leyendas, a los más ancianos siempre les gustaba recordar el dominio de la primera gran ciudad-estado ruso de la historia, la Vieja Nóvgorod, sobre unas llanuras tan ariscas. Bien entrados en el 1700, Nóvgorod todavía sobrevivía; aunque, ya entonces, los cronistas hablaban de ella sólo como la sombra de lo que había sido. Y es que después de resistirlo todo, sucumbió ante la depravación guerrera de Iván IV El Terrible. El zar que les anexionó a la bárbara Moscovia y les trató con la crueldad del carnicero y el desprecio del colonizador.

Después del éxito militar de Iván llegó el siglo XVII y sus Tiempos Turbulentos. Hablamos de un periodo de decadencia en el cual las posesiones rusas del Báltico fueron arrebatadas por el Reino de Suecia, convertido en superpotencia del norte. El mundo no era nuevo y todo tenía ya su nombre; pero las lenguas finesa, sueca y rusa se pisaban sobre el territorio y llamaban con distintos nombres los mismos ríos y pueblos. Así, en este babilónico juego de culturas, los antiguos fineses se referían al lago Ladoga y al río Neva con un único vocablo: *Nero*, que significaba pantano o ciénaga. Según fuentes suecas,

San Petersburgo, 1714. Fortaleza de San Pedro y San Pablo junto a la plaza de la Trinidad. Grabado de Pieter Picart.

Vtоттогда, когда капитан Петр Михайлов решил покорить Неву, река эта была извилистой границей, разделявшей шведские и российские земли. От озера Ладога и до Балтийского моря, на протяжении семидесяти четырех километров, корабельщик мог видеть, как сменяют друг друга военные крепости, наблюдательные посты и деревни торговцев и рыбаков. Устье Невы стало свидетелем бесконечных кровавых битв между двумя странами. Смерть соратников и раны противников терялись в густой снежной пелене над белыми полями. Темными ночами, когда оживают старинные легенды, седые старики любили вспоминать о величии первого в истории русского города-государства, Древнего Новгорода, стоявшего среди этих суровых равнин. Даже и теперь, когда мир перевалил за рубеж 1700 года, Новгород еще боролся за свое существование, хотя в эту эпоху летописцы говорили, что от него осталась лишь бледная тень. И действительно, этот город, победивший ранее все невзгоды, не устоял перед воинственным напором Ивана Четвертого Грозного, царя, который присоединил новгородские земли к варварской Московии и расправился с их жителями с жестокостью мясника на бойне и с презрением колонизатора.

Вслед за военными успехами Ивана наступил XVII век с его Смутным временем. Мы имеем в виду период упадка, когда русские владения на берегах Балтийского моря попали под власть шведской короны, превратившейся в сильнейшее государство на севере Европы. Мир к этому времени уже постарел, и всему уже были даны имена, но русский, финский и шведский языки постоянно сталкивались на этих

Санкт-Петербург, 1714. Петропавловская крепость рядом с Троицкой площадью. Гравюра Питера Пикарта.



El zar Pedro I *El Grande*.
Царь Пётр I, Великий.

землях и называли по-разному одни и те же реки или города. Скажем для примера, что во время этой вавилонской игры культур у предков современных финнов для озера Ладоги и для реки Невы было одно и то же имя «Нево», которое означало «болото» или «топь». А шведские источники говорят, что в названии реки сочетаются древние шведские прилагательные «нью» или «нев» (новый) и русский корень «ва» (вода); а потому имя реки означает «новые воды» или «новая река». В новгородских летописях XIII века мы можем найти название «Нью» для реки Невы. И, на самом деле, геологическая история этого региона говорит о том, что в этом споре все являются победителями: река возникла в результате самопроизвольного прорыва вод Ладожского озера, самого большого на европейском континенте, к Балтийскому морю. Нева, таким образом, является самой молодой рекой Европы, образовавшейся только 4000 лет назад, когда земной лик был практически таким же, каким мы знаем его сегодня, и когда представители нашего вида разгуливали повсюду, разбрасывая тут и там свои кремневые инструменты и образуя свои поселения, развалинами которых мы сегодня любимемся.

Человек, который стоит у штурвала первого русского флота, и который в пылу сражений просит именовать его капитаном Петром Михайловым, - это настоящий великан. Росту в нем больше двух метров, он крепок, белокож; волосы у него золотистые. Иногда он носит длинные усы, закрученные спиралью, или завивает только их кончики. Всем своим видом он чем-то напоминает голландцев, а некий мистический оттенок его облика вызывает в памяти полотна Вермеера. Человек решительный и обаятельный, он с раннего детства видел трагическое лицо власти. Его отцу, царю Алексею, не слишком повезло в личной жизни; женат он был дважды. От первого брака у него остался сын, Федор, и еще одна дочь, а от второго родился сам Петр и его младший брат. Когда Алексей умер, царем почти автоматически провозгласили Федора, но тот с детства был слаб здоровьем и умер спустя несколько лет, что дало повод

el río deriva de la combinación de los antiguos adjetivos suecos *nu* o *ne* (nuevo) y la raíz rusa *va* (agua); por lo tanto, significando *nuevas aguas* o *nuevo río*. Vemos en las Crónicas de Nóvgorod, del siglo XIII, que también se refieren al Neva como *Nu*. De hecho, la historia geológica de la región les da la razón a todos: el río se formó como el drenaje natural del lago Ladoga, el más grande del continente europeo, hacia el mar Báltico. Y el Neva es, a su vez, el río más nuevo de Europa formado hace sólo 4.000 años, cuando la Tierra presentaba un rostro casi como el de ahora y nuestra especie ya campaba a sus anchas, esparciendo instrumentos de sílex y fundando ciudades, nuestras actuales ruinas.

El hombre que está al timón de la primera flota naval rusa y que entre los fragores de la batalla se hace llamar capitán Pedro Mijailovich es, en realidad, un gigante. Mide más de dos metros de altura, es corpulento, de tez blanca y cabello rizado. A veces luce un bigote alargado con voluta o rizo final. Todo en su aspecto tiene un cierto aire holandés y un áurea mística como la de los personajes pintados por Vermeer. Seductor y de una gran determinación, conoció desde niño la cara más trágica del poder. Su padre fue el zar Aleksis, que tuvo una vida íntima revuelta y se casó dos veces. De su primer matrimonio, surgió el heredero al trono Fedor y otra hija. Y de sus segundas nupcias, nació el propio Pedro y otro hermano más pequeño. Cuando Aleksis murió, Fedor fue proclamado zar casi automáticamente. Pero siempre tuvo una salud frágil y murió en pocos años, abriendo de nuevo las conspiraciones dinásticas. Se desató entonces entre las familias de las dos viudas de Aleksis una batalla que, gracias a una justa mezcla de carisma y astucia, ganó contra pronóstico el joven Pedro Mijailovich. Con su proclamación como zar Pedro I, se impuso la voluntad de modernización y regeneración de Rusia.

LA REVOLUCIÓN PETRINA

En contra del nuevo zar estaba gran parte del país más tradicionalista. Hablamos de la iglesia ortodoxa de los Viejos Creyentes y los vinculados a la idea de Moscovia —la Rusia de los boyardos o señores feudales, con cierta pulsión tártara—

para nuevos debates sobre el trono. Entre las familias de los dos viudas de Aleksis comenzó la lucha, la victoria en la que, a pesar de todas las predicciones, triunfó el joven Pedro, gracias a una feliz combinación en él de astucia y encanto. Su aparición en el trono ruso, determinó el camino de la modernización y renovación de Rusia.

ПЕТРОВА РЕВОЛЮЦИЯ

Против нового царя восстала большая часть консервативно настроенного населения страны. Мы имеем в виду старообрядческую православную церковь и тех, кто следовал идее Московии — о той России бояр или феодалов, приобретших некоторые татарские черты, которая противилась общественному и экономическому развитию страны. Поскольку никто не рассчитывал, что Петру доведется править, его воспитывали не так строго, как то полагалось наследнику престола, и дали ему возможность познакомиться с разными новыми веяниями. У него был не один наставник-иностранец, и он провел много вечеров в тавернах московской Немецкой Слободы. Учитель-голландец помог ему освоить математику, артиллерийское дело, строительство укреплений; кроме того царевич познакомился с основами судопроизводства. На берегах Белого моря будущего царя поразит Архангельск, единственный портовый город страны до создания Санкт-Петербурга. Годы, проведенные молодым царем за границей, станут для него самыми важными; там он, скрыв свое звание и пользуясь только одним именем, работал плотником на верфях Амстердама, а потом в Англии.

Вернувшись домой, царь наложит запрет на бороды и традиционные костюмы, сделав, таким образом, первый шаг на пути введения западных порядков и уклада. Кроме того, он изменит русский календарь: год будет начинаться 1 января, а не первого сентября, как раньше. Годы будут отсчитываться от Рождества Христова, а не от предположительной даты сотворения мира. Историки никогда не смогут в достаточной степени отблагодарить Петра; после его реформы русские перестали жить в 7208 году в то же

contrarios a la apertura social y económica. Como nadie previó que el joven Pedro llegaría a gobernar, se le permitió una formación más laxa y heterodoxa que la propia del heredero al trono. Tuvo algunos tutores extranjeros y pasó muchas tardes en las tabernas del barrio alemán de Moscú. Un profesor holandés le formó en matemáticas, artillería, fortificaciones y también aprendió las bases de la navegación. En el Mar Blanco, se fascinará con el descubrimiento de Arjángelsk, la única gran ciudad portuaria del país antes de San Petersburgo. Son fundamentales los periodos que el joven zar pasará en el extranjero, identificándose sólo con el nombre de pila y sin títulos, trabajando como carpintero en los astilleros de Ámsterdam y en Inglaterra.

Al volver a casa, el zar prohibirá la barba y la indumentaria tradicional como el primer paso para la occidentalización. También actualizará el calendario ruso: el año empezará el 1 de enero y no el primero de septiembre como hasta entonces. Las fechas pasarán a calcularse desde el nacimiento de Jesucristo y no desde la hipotética creación del mundo. Los historiadores nunca le agradecerán suficientemente que evitara que los rusos vivieran en el año 7208 mientras que alemanes, españoles y demás europeos estaban en 1700. Todo este impulso modernizador viene de su fascinación por Europa y, en especial, por los Países Bajos. No olvidemos que, a finales del XVII, Holanda era una superpotencia europea a la cúspide de su riqueza material y cultural. Un buen campo de aprendizaje para un zar interesado por la técnica, las artes militares y, sobre todo, por el mar.

BATALLAS EN EL NEVA

Con el atuendo de líder del ejército ruso, Pedro viene de grandes victorias en el cálido sur del país, en las tierras del mar de Azov, junto al mar Negro. A las puertas del Imperio Otomano, el zar pactó una tregua con los turcos para poder focalizar todo el poderío militar y naval en la Gran Guerra del Norte (1700-21) aliándose con Dinamarca y Polonia contra la todopoderosa Suecia. Viene también con el orgullo herido

самое время, когда немцы, испанцы и прочие европейцы проживали в 1700. Это стремление к модернизации царя объясняется его восхищением перед Европой и, особенно, перед Нидерландами. Не надо забывать, что в конце XVII века Голландия была сильнейшей державой Европы и достигла невероятных вершин как в области культуры, так и в области материального благосостояния. Эта страна послужила прекрасной лабораторией для царя, который интересовался техникой, военным искусством и, в первую очередь, морским делом.

СРАЖЕНИЯ НА НЕВЕ

Одетый в мундир главнокомандующего русских войск Петр возвращается со славной победой с жаркого юга страны, из краев на берегах Азовского моря, неподалеку от моря Черного. У самых ворот Оттоманской империи царь договорился о перемирии с турками чтобы иметь возможность сосредоточить всю мощь своей армии и флота на Великой Северной войне (1700-1721), заключив союз с Данией и Польшей против могучей Швеции. Но одновременно его гордость ранена после оглушительного поражения в битве со шведами при Нарве, после которой король противника стал относиться с пренебрежением к военным способностям русских. Это позволило царю более свободно действовать в районе Невы, которой суждено было превратиться в уязвимое место владений шведского короля Карла XII. Таким образом, одна из самых коротких и самых многоводных рек Европы стала для Петра Первого Троянским конем, при помощи которого он подорвал власть скандинавской страны на Севере.

На протяжении последнего тысячелетия жители берегов Невы понимали, что их река имеет стратегическое значение для речного судоходства и для торговли России. Нева, которая считалась самой молодой рекой континента, была старой знакомой купцов, которые следовали по этому пути. Проходя по рекам, озерам и степям, он соединял, земли викингов со страной греков и доходил до Константинополя. На глазах

por la estrepitosa derrota de Narva contra los suecos, a partir de la cual su rey menospreció la capacidad militar rusa. Esto permitirá al zar mayor margen de maniobra en la región del Neva, que se convertirá en el flaco débil del sueco Carlos XII. Así, uno de los ríos más cortos y caudalosos de Europa fue, para Pedro I el Grande, el caballo de Troya con que agrietó el dominio del país escandinavo sobre el Norte.

Desde los últimos mil años, los habitantes del Neva sabían de la importancia estratégica del río para las comunicaciones fluviales y el comercio de Rusia. Éste, que pasa por ser el más joven del continente, es un viejo conocido de los mercaderes de la ruta que unía, a través de ríos, lagos y estepas, las tierras de los vikingos con el país de los griegos hasta Constantinopla. Pedro creció viendo cómo los suecos se habían apoderado de la región, bloqueando su acceso al Báltico. No extraña que su primera obsesión fuera recuperar la salida al mar, para lo que tendrá que diseñar un ataque naval en dos fases. La primera, abrir el paso al río Neva desde el lago Ladoga. Allí conquistará la ciudad y fortaleza de Nöteborg, a la cual llamará Schlüsselburg o *ciudad llave* debido a su ubicación estratégica. Y en la segunda fase, deberá enfrentarse a la fortificación de Nienschantz.

El sitio fluvial de Nöteborg-Schlüsselburg duró un año. Pedro construía sus barcos muy cerca del campo de batalla, en los astilleros del lago Ladoga junto al río Sjas. Eran buques de tamaño mediano pero equipados con cañones y artilleros. Más de treinta participaron en la marcha bélica desde el lago hasta Nienschantz, en la confluencia de los ríos Neva y Okhta. Esta fortaleza tenía asociada la ciudad portuaria de Nien, construida por los suecos menos de un siglo antes, cuya cáscara defensiva no fue suficientemente robusta para los navieros petrilos. Cayó después de un brutal sitio de pocos días. Pedro la ocupó el 16 de mayo de 1703, rebautizándola con el nombre holandés de Sankt Pieter Burkh. Esta es la fecha que se considera para la fundación de San Petersburgo, futura capital, sin fanfarrias ni más celebraciones que las de la batalla ganada. Pero el asedio de la antigua ciudad sueca fue tan demoledor, con el zar en funciones de capitán de bombardeo, que la urbe

podrástavníego Pétra shvedy zavlaudeváli étnimi zemlyami, zakryv russkim dostúp k Baltíyskomu móryu. Pozтому neudivítelno, što on hotel v pervuyu ochered' otvostovat étot vykhod k móryu; dlya dostizheniya étoy tseli ému priishlos' zaplanirovat' dva étaga deystviy svoego flota. V pervuyu ochered' nado bylo otkryt sebe put' v Nevu iz Ladozhskogo ozera i zakhvatit' krepost' Nöteborg, kotoruyu vposledstvií tsar' nazovet Shlisselfburgom, «klyuch-gorodom», za ego vygodnoe strategicheskoye polozheniye. Na vtórom étagé predstavlyalos' srazitsya za ukrepleniya Nienshantsa.

Vodnaya osada Nöteborga-Shlisselfburga prodolzhalas' god. Pétr stroil svoi korabli ochén' blízko ot polya srazheniya, na verfkh Ladozhskogo ozera, nedaleko ot reki Sjas'. Éti korabli ne otlichalis' kurnymi razmerami, no byli vooruzheny orudiymi, kotorye obsluzhivalis' artillieristami. Bol'she trekh desyatkov takikh korabley uchastvovali v poходе ot ozera i do Nienshantsa, raspolozhennogo u sleniya rek Nevy i Ohty. Vozle kreposti stoyal portovyy gorod Nien, postroyennyy shvedami méneé veka tomu nazad; ego zashchitnaya obolochka okazalas' nedostatochno prochnoy dlya petrovskoy flotilii. Gorod pal posle zhestokoy osady, kotoraya dliilas' vsego neskol'ko dney. Pétr zanyal gorod 16 maya 1703 goda, nazvav ego na gollandskiy maner - Sankt-Piter-Burkh. Éta data schitaetsya momentom osnovaniya Sankt-Peterburga, budúshchey stolitsy gosudarstva, no rojdeniye goroda bylo otmecheno liish' pobedoy v bitve, ni o kakh prazdnestvakh feyerverkakh nikto togda ne podumal. Shтурм staroy shvedskoy kreposti, v kotórom sam tsar' komandoval bombezhoj, okazalsya takim razrushitel'nyim, što gorodskie sooruzheniya okazalis' neprigodnymi dlya ispol'zovaniya. Pónachalu nekotorye russkie ofitsery hoteli bylo nachat' stroitel'stvo na fundamenteakh razrushennyykh zdaniy, no ochén' bystro ponyali, što éto mesto bylo neudobnym dlya sozdaniya novogo poseleniya. Sistema ego ukrepleniy otlichalas' nebol'shiymi razmerami, ono nahodilos' ne tak blízko k Baltíyskomu móryu, kak togo hotelos' Pétru, a, krome togo, éti pozitsii mogli chasto podvergnutsya



quedó inservible. Si en un primer momento algunos oficiales rusos pensaron en aprovechar sus cimientos; rápidamente se entendió que no era un buen lugar para iniciar un nuevo asentamiento, puesto que el sistema fortificado era demasiado pequeño, estaba más lejos del mar Báltico de lo que quería Pedro y tenía una posición muy expuesta a los ataques suecos. Así, los mandos rusos tuvieron un buen fin de fiesta. Previo saqueo, la quemaron para que no pudiera ser reutilizada.

SANKT PIETER BURKH

Un equipo de expertos en ingeniería militar, comandados por Pedro y formados por siete compañías de su Guardia personal, siguió las márgenes del Neva hasta el mar midiendo profundidades del río y buscando el mejor emplazamiento para construir una fortificación. Se trataba de asegurar los cimientos rusos sobre las tierras recién conquistadas junto al Báltico y los grandes lagos. Finalmente, la nueva fortaleza se construyó en la isla de Zayachy, según el criterio de una prudente proximidad al mar e invirtiendo en su construcción el botín de guerra de Nienschantz. Se reutilizaron sus piedras y se utilizó como mano de obra a presos suecos capturados durante el cerco. Al principio los expertos fundadores pensaban en construir una avanzadilla militar, pero también valoraron su potencialidad comercial. En todo caso, la hoy llamada fortaleza de San Pedro y San Pablo es el germen de la ciudad que nacería a su alrededor, en tierra firme. Durante los días de sus primeras piedras la llamaron *Petropolis* o *Petropol*, aunque pronto heredó el nombre de Sankt Piter Burkh, como se había bautizado a la fugazmente arrasada Nienschantz. Un nombre que no surgió inspirado en la onomástica del zar sino en San Pedro, santo de los zares rusos encargado de guardar las llaves del paraíso. Toda una sugerente declaración de principios para ver, en Sankt Pieter Burkh, algo más que una morada de militares y comerciantes. Todavía hoy, *Píter* es el nombre cariñoso que muchos vecinos utilizan para referirse a su ciudad.

Plano del curso del río Neva desde la parte oriental de San Petersburgo hasta el lago Ladoga (1740).

нападениям шведов. И русское командование повеселилось на славу: город сначала был разграблен, а потом сожжен, чтобы его нельзя было возродить снова.

САНКТ-ПИТЕР-БУРХ

Группа военных инженеров под управлением самого Петра и в сопровождении семи рот его Личной Гвардии прошла по берегам Невы до моря, измеряя глубину реки и определяя наилучшее место для строительства крепости. Речь шла о том, чтобы заложить основы русского владычества над только что завоеванными землями около Балтийского моря и больших озер. В результате новая крепость была построена на Заячьем острове, потому что он находился в достаточной близости от моря. При строительстве пошли в ход все ценности, добытые при победе при Ниеншанце: отсюда привезли камень, а в качестве рабочей силы использовали шведов, захваченных в плен во время осады. Изначально эксперты, основатели города, хотели построить передовой пост для армии, но потом оценили потенциал этого места, как центра торговли. Как бы то ни было, крепость, которую мы сегодня называем Петропавловской, - это зародыш города, который возникнет на землях вокруг нее. Когда закладывались его первые камни, город называли «Петрополисом» или «Петрополем», но очень скоро он унаследовал имя, данное перед этим на короткое время разрушенному Ниеншанцу, - Санкт-Питер-Бурх. Назван он был так не в честь царя, а в честь Святого Петра, покровителя русских царей и хранителя ключей от рая. Это своеобразное заявление о намерениях позволяло видеть в Санкт-Питер-Бурхе нечто большее, чем просто пункт для торговых людей и военных. До сегодняшнего дня многие петербуржцы ласково называют свой город «Питером».

На выбранном месте ранее не было никаких построек, кроме большого количества заячьих нор (название острова происходит от слова «заяц»), но глубина воды вокруг острова позволяла большим кораблям подходить к нему

План течения Невы от восточной окраины Санкт-Петербурга до Ладожского озера (1740).

El lugar elegido, sin ninguna construcción previa más que numerosas madrigueras de liebres (*zaiysi* en ruso), tenía una profundidad navegable suficiente como para que llegasen los grandes barcos desde el golfo de Finlandia. Esto significaba que, sólo por allí, podían acceder los principales buques de guerra, quedando protegido de éstos el frente hacia el lago Ladoga. Además, la posición de la isla Zayachy facilitaba la defensa de futuros ataques a través del río, al dominar visualmente los ramales del Gran y del Pequeño Neva. Respecto a las posibles incursiones por tierra, Zayachy era un apéndice de la isla mayor de Gorodsky, ahora Petrogrado, medio desgajada por una extensión de pantanales. Para aislarla todavía más, se excavó un canal y así se creyó evitar posibles ataques de infantería.

A pesar de toda esta geoestrategia, los primeros habitantes de la isla de las liebres vivían bajo una calma tensa. La Gran Guerra del Norte contra Suecia duraría todavía veinte años y el hálito amenazador de la marina sueca, ancorada en el mar Báltico, era constante. Por esto se instaló una batería de cañones en la isla de Vasilievsky, protegiendo a la fortaleza de San Pedro y San Pablo de las incursiones a través del Gran y del Pequeño Neva. Enfrentado al perfil de los cañones, el ritmo de trabajo en la construcción de la fortaleza se intensificaba.

NUEVO ÁMSTERDAM

El viaje de Pedro por Europa, previo a la construcción de San Petersburgo, se conoce como la *Gran Embajada*. En una brutal operación de I+D, entendiendo el viaje como aprendizaje, le acompañaron decenas de personas de su entorno, entre los que había militares, cortesanos, médicos y demás hombres de ciencias, con el objetivo no sólo de aprender, sino también reclutar a profesionales extranjeros para que trabajasen al servicio de Rusia y de San Petersburgo.

Con lo que vio en los astilleros holandeses, en Inglaterra y en las ciudades alemanas, en Viena y en París, trazó las líneas maestras del país y la capital que quería construir. Una idea que puede

Delta del Neva en 1698 con la fortaleza de Nienschantz en la confluencia con el río Ohta, a la derecha.

из Финского залива. А это означало, что крупные военные корабли могли подойти к нему только этим путем, и фронт до Ладожского озера оказывался защищенным от них. Кроме того, положение Заячьего острова облегчало задачу защиты от возможных нападений со стороны реки, потому что с него можно было вести наблюдение за рукавами Большой и Малой Невы. Что же касается возможных набегов со стороны суши, то Заячий остров представлял собой придаток более крупного Городского острова, именуемого сейчас Петроградской стороной, разделенного на части обширными болотными топами. Чтобы еще надежнее защитить остров был вырыт канал, благодаря чему рассчитывали избежать возможных атак пехоты.

Несмотря на все эти геостратегические ухищрения, первые жители острова зайцев жили в постоянной тревоге. Великой Северной войне против Швеции было суждено продлиться еще двадцать лет, и грозное дыхание шведского флота, стоявшего на якоре в Балтийском море, чувствовалось беспрестанно. Поэтому на Васильевском острове была установлена артиллерийская батарея, чтобы защитить Петропавловскую крепость от нападений со стороны Большой и Малой Невы. Видя напротив очертания грозных орудий, строители крепости старались работать как можно быстрее.

НОВЫЙ АМСТЕРДАМ

Путешествие Петра по Европе, предварившее строительство Санкт-Петербурга, известно под названием «Великого Посольства». Эта поездка, задуманная как учебный процесс, явилась уникальной операцией НИОКР: царя сопровождали десятки человек из его окружения. Среди них были военные, придворные, врачи и прочие ученые мужи. В их задачу входило не только получить новые знания, но и завербовать иностранных специалистов, чтобы те работали на благо России и Санкт-Петербурга.

Устье Невы в 1698 году с крепостью Ниеншанц в месте слияния Охты с Невой, справа.

resumirse en que todo se debería hacer *a la manera de los holandeses*. Y es que Pedro se maravilló especialmente con el sistema de canales de Ámsterdam y el orden de sus bloques regulares.

UN PARAÍSO SOBRE HIELO Y MOSQUITOS

La ciudad se levantaba sobre un terreno esencialmente llano y pantanoso, con suaves elevaciones, vegetación escasa y de baja altura. Sólo en los puntos más altos y secos habían algunos asentamientos consolidados. La mayoría de éstos eran villorios o colonias de comerciantes de Nóvgorod, que vivían de la ruta fluvial y terrestre con la más antigua de las ciudades rusas. La conexión de los nuevos asentamientos con el río Neva y la carretera de Nóvgorod era fundamental. De hecho, la que en un futuro sería la principal avenida de la ciudad, la Nevski, sigue en parte el trazado de esta carretera. De allí llegaban *droguis*, carros cargados de madera y pieles y gentes para trabajar, comprar o hacer negocios en la nueva ciudad.

Los pequeños núcleos habitados, que agrupaban etnias, nacionalidades u oficios distintos, se esparcían por la actual Strelka de Vasilievsky, la zona del Jardín de Verano, el Almirantazgo, el convento Smolny, el monasterio de Alejandro Nevski y la plaza Trinidad. Las características paisajísticas del lugar, muy uniformes en toda la cuenca del Neva, cambiaban radicalmente de invierno a verano. Como si se quitara un corsé constituido por gruesas capas de hielo, la dama congelada descubría a inmensas extensiones de agua y verde sin obstáculos al horizonte. Durante los calores del verano, la tierra era fértil para invasiones de mosquitos.

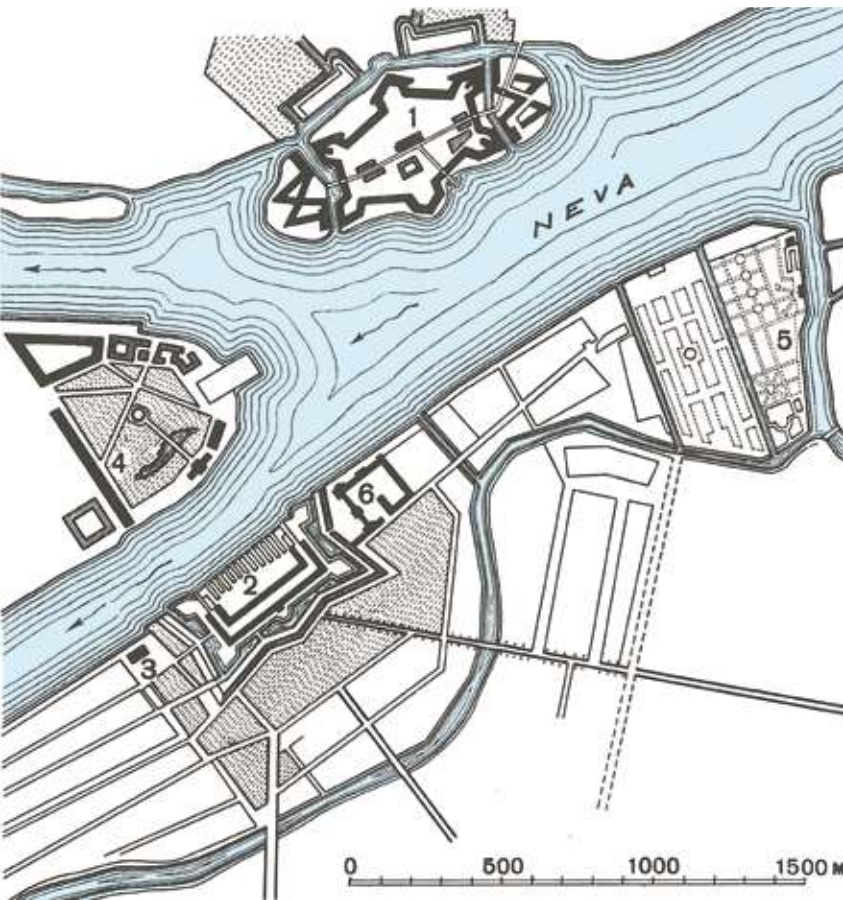
Todo en San Petersburgo era y es superlativo. Lo notaron ya los primeros viajeros a la ciudad, reconociendo lo increíble e inabarcable de lo que allí sucedía. Pedro acertó a escoger un sitio de belleza indómita y exótica, caracterizado por el gran meandro del Neva. Mediante este gesto, de una brutalidad visible desde los satélites, el río se ramifica sinuosamente y desmenuza el suelo ruso en pequeñas y grandes islas –Vasilievsky, Zayachy y Gorodsky—. Hablamos de un paisaje de una amplitud capitalina, surcado por una red infinita de riachuelos que, a excepción

Gracias al conocimiento, obtenido en los holandeses verfyah y en alemanes ciudades, en Viena y París, Petrus fundó bases suego gosudarstva i ego stolitsy, kotoryuyu on hotel postroyt. Ego ustanovku možno vyrazit' v dvukh slovak: vse doljno bylo delat'sya «na gollandskiy maner». Delo bylo v tom, što na Petra proizvela osoboe vpechatleniye sistema amsterdamskiy kanalov i uporyadochennoost' ego odinakovykh postroyek.

РАЙ НА ЛЕДЯНЫХ И КОМАРИНЫХ ЗЕМЛЯХ

Город поднимался в равнинном и болотистом краю с небольшими холмами и редкими, низкорослыми кустами и деревьями. Только на небольших возвышенных и сухих участках располагались постоянные поселения. Большинство из них были деревеньками или колониями новгородских торговцев, которые жили на речном и наземном пути к самому древнему из русских городов. Для новых поселений связь с рекой Невой и с дорогой в Новгород были жизненно важными. На самом деле, улица, ставшая впоследствии главным проспектом города и получила название Невского, частично совпадает с этим трактом. По нему приезжали в новый город *дроги* - повозки, груженные деревом и мехами, на которых ехали и люди, желавшие работать там, вести дела или сделать какие-нибудь покупки.

В маленьких поселениях обитали представители различных этнических групп и народностей, ремесленники разных профессий. Эти населенные пункты располагались там, где теперь находится Стрелка Васильевского острова, Летний сад, Адмиралтейство, Смольный монастырь, Александроневская Лавра и Троицкая площадь. Пейзаж этих краев в бассейне реки Невы был довольно однообразным, но кардинально менялся в зависимости от времени года. словно сбросив корсет из толстых ледяных пластин, застывшая на зиму красавица расстилала бескрайний ковер голубых вод и зелени до самого горизонта. В дни летнего зноя земли эти порождали полчища комаров.



Centro de San Petersburgo 1750

(1) Fortaleza San Pedro y San Pablo. (2) Almirantazgo. (3) Catedral San Isaac. (4) Doce Colegios, isla Vasilievsky. (5) Jardín de Verano. (6) Palacio de Invierno.

Центр Санкт-Петербурга, 1750

(1) Петропавловская крепость. (2) Адмиралтейство. (3) Исаакиевский собор. (4) Двенадцать коллегий, Васильевский остров. (5) Летний сад. (6) Зимний дворец.

Все в Петербурге было и остается в превосходной степени. Это заметили сразу первые путешественники, посетившие город, которые признавали, что там происходили невероятные события, ни с чем не сравнимые по своему масштабу. Петр не ошибся, выбрав место, исполненное дикой и неукротимой красоты, главным элементом которого был плавный изгиб широкого русла Невы. На этом участке, вид которого со спутников поражает воображение, рукава реки причудливо извиваются и разделяют русскую землю на большие и малые острова: Васильевский, Заячий и Городской. Перед нами открывается пространство поистине столичного размаха, изрезанное сетью бесчисленных рек и ручейков, которая прилагается к двум мощным рукам Большой и Малой Невы. Эта голубая паутина стремится стереть границы между земной твердью и водой. Когда со стороны Финского залива дули сильные ветры, им удавалось изменить течение реки. Это случалось почти каждым летом, и мудрые старики, почувствовав первые шквальные порывы, начинали бояться грозного мятежа вод. Восставшие против обычного порядка волны сталкивались с течением из Ладожского озера и затопляли большую часть устья реки с его домами, хижинами и пастбищами.

И если в природе больших изменений не наблюдалось, то работы по строительству города начинали вносить коррективы в топографию местности с уважением и чувством меры, присущим работе вручную, без применения машин. У Петра был не столько готовый проект, сколько способность к провидению, твердое и неколебимое убеждение в том, что на этих землях в скором времени произойдет демографический взрыв и градостроительная революция, каких Россия еще не знала. Представим себе, что уже летом 1706 года более 20.000 человек работали на расширении укреплений Петропавловской крепости, забивая в землю тысячи свай и насыпая грунт на болотистые участки. Проект этих работ подготовил французский инженер Жозеф Гаспар Ламберт, который ранее работал при дворе Людовика XIV, а потом вместе с

de los contundentes brazos Grande y Pequeño del Neva, juegan a desdibujar los límites entre lo sólido y lo acuático. En los días de vientos fuertes provenientes del Golfo de Finlandia, se llegaba incluso a revertir la corriente del río. Cuando esto pasaba, casi cada verano, los sabios del lugar ya temían el tremendo revuelo del agua. Un oleaje rebelde que, chocando contra la corriente que bajaba del lago Ladoga, provocaba la inundación de gran parte del delta, con sus casas, cabañas y pastos.

Si lo natural hacía su curso, las obras públicas empezaban a moldear la topografía con la medida y respeto de la mano sin maquinaria. Más que un proyecto definido, Pedro I el Grande tenía una visión, la convicción íntima y trascendental que, en pocos años, allí se produciría una explosión demográfica y urbanística nunca vista en Rusia. Pensemos que, ya en el verano de 1706, más de 20.000 personas trabajaban en la ampliación de las fortificaciones de la ciudadela de San Pedro y San Pablo,

Estructuras de contención del río Neva en la Fortaleza de San Pedro y San Pablo, similares a las originales.

Устройство для сдерживания воды в Неве у Петропавловской крепости, подобное исходным сооружениям.



Петром разработал планы осад Нотебурга и Ниненшпанца, которые необходимо было завоевать. Северным соседям, которые никак не могли сделать свой выбор между русским православием и языческими верованиями, строительство укреплений Петербурга представлялась борьбой природных стихий, человека и мистических сил. Летом того же года шведы не раз нападали на строящийся город, подрывали его стены и дух его строителей. В довершение всех бед, Нева снова выходит из берегов и уничтожает все запасы продовольствия для населения. Люди страдают от голода и болезней, а нехватка строительных материалов и оборудования является постоянной и насущной проблемой. Все время не хватает камня, а у большинства строителей нет лопат, тачек и помостов для работ. Люди переносят в руках или в подолах одежды тонны грузов, используют старые ковры или пьют из лоскутов сумки. Все умирают от усталости, а общая неэффективность системы проявляется во всей своей жестокой явственности.

Устье Невы преобразается, на крови и слезах людей возникает муравейник проектов и честолюбия. В хаотичном и стремительном движении трудно предвидеть результат этих титанических усилий. Все бояться, что в любую минуту граница Российской империи на Неве может быть стерта атакой короля Швеции, Карла XII. Хрупкость Санкт-Петербурга была притчей во языцех, и многие в стране не понимали смысла этого предприятия. Русская православная церковь никогда не разделяла петровских идей, и за его реформы считали его Антихристом. Все старались использовать эту критику в своих целях и, в первую очередь, московская аристократия. Она не принимала идей царя, и ее возмущало количество средств, выделяемых для Санкт-Петербурга, но Петра это не останавливало. Он издавал все новые и новые указы или декреты чтобы направлять новые и новые войска рабочих, ремесленников, плотников и торговцев в город, который вопреки всем невзгодам, начинал свой путь.

hincando miles de pilotes y rellenando los terrenos pantanosos. Proyectó el complejo y dirigió las obras el ingeniero francés Joseph-Gaspard Lambert, que también estuvo a las órdenes de Luis XIV de Francia y que orquestó, junto al zar Pedro, los imprescindibles sitios a Noteburg y a Nienschantz. Para los vecinos del Norte, que se debatían entre la ortodoxia rusa y las creencias paganas, la construcción de la ciudadela de Petersburgo era una lucha contra los elementos naturales, humanos y místicos. Aquel mismo verano se producen ataques suecos, que destruyen las murallas y dinamitan la moral de los constructores. Además, vuelven las inundaciones del Neva, acabando con toda la reserva de víveres de la población. No sólo se pasará hambre y enfermedades, sino que la precariedad de medios y materiales para la construcción es endémica, total. Constantemente faltan piedras, pero es que la mayoría de albañiles no tienen palas, carretillas ni plataformas para ejecutar las obras. Desplazan toneladas de materiales directamente con las manos o utilizando la falda de sus ropas, viejas alfombras o bolsas hechas con restos de trapos. El desgaste físico y la ineficiencia general del sistema es sonora y cruel.

El delta del Neva se transforma, cimentado en sangre y lágrimas, en un hormiguero de proyectos y ambiciones. El ajetreo es tan múltiple y rápido que nadie sabía de cierto qué quedaría después de aquel esfuerzo titánico. Se difundía el temor de que toda traza del Imperio ruso sobre el Neva podía ser borrada en cualquier momento por un arrebato de Carlos XII de Suecia. Era de dominio público la fragilidad de San Petersburgo y muchos en el país los que no entendían el porqué de aquella aventura. La Iglesia ortodoxa tampoco compartió nunca el entusiasmo de Pedro y, por sus reformas, los popes le calificaron de anticristo. Todos aprovecharon para llevar el agua a su molino y, más que nadie, los aristócratas moscovitas. Estos se escandalizaron de las ideas del zar y los recursos estatales destinados a San Petersburgo, a lo que Pedro respondió sin titubeos. No paró nunca de enviar, vía *ukases* o decretos, a todo tipo de operarios, artesanos, carpinteros y comerciantes a una ciudad que, contra viento y marea, empezaba a andar.

И Явились Архитекторы

Гуляя по улицам Санкт-Петербурга, нельзя не вспомнить имени Доменико Трезини, итальянца, родившегося в Швейцарии, и близкого друга царя Петра, потому что он стал первым главным архитектором города. Трезини, испытал сильное влияние голландской архитектуры и ранее выполнил заказы датского короля Фредерика IV по реконструкции биржи и королевского дворца в Копенгагене. Он не только строил планы города, но и подготовил первое поколение петербургских архитекторов. Среди его учеников выделился М.Г. Земцов, первый русский архитектор столицы на Неве. Трезини, в качестве специалиста Канцелярии городских дел, разработал планы города, по сути приводя в исполнение волю царя или, в его отсутствие, будучи правой рукой губернатора А.Д. Меншикова.

Создателем первого генерального плана города стал французский инженер Жан Батист Леблон, который в 1716 году предложил ограничить Петербург укреплениями овальной формы. На чертежах выделяются защитные сооружения, которые образованы последовательной серией бастионов, которые торчат наружу подобно иглам дикобраза. Весьма вероятно, что после решительной победы над шведами, проект, предложенный французским инженером, мог показаться излишне военизированным. В нем сочетались элементы скандинавских городов, крепостей Вобана и даже Версальского дворца, но он устарел сразу же после своего создания, потому что на чертежах виделся город, огражденный кольцом стен, что вовсе не вязалось с новыми веяниями балтийского космополитизма. Но, хотя план Леблona никогда не был реализован, многие идеи, заключенные в нем, равно как и предложенные им методы, тем или иным способом воплотились в измененном виде в решения, принятые на последующих этапах развития города. К этому времени, наконец, на Неву пришла весна, и Санкт-Петербург расцветал как торговый, производственный и административный центр. Поэтому, несмотря на все свое



Y LLEGARON LOS ARQUITECTOS

Conviene recordar al pasearse por San Petersburgo el nombre de Domenico Trezzini, de origen italo-suizo y amigo íntimo del zar Pedro, porque él fue el primer arquitecto jefe de la ciudad. Muy influenciado por la arquitectura holandesa, había trabajado para Federico IV de Dinamarca en la reconstrucción de la Bolsa y en su Palacio Real de Copenhague. Fue además el maestro que formó a la primera generación de arquitectos petersburgueses y, entre sus alumnos, destacó M. G. Zemtsov, el primer arquitecto ruso de la capital del Neva. D. Trezzini elaboró planes urbanísticos como responsable de la Cancillería de Asuntos Urbanos, el brazo ejecutor del zar o, en su ausencia, del gobernador A. D. Menshikov.

Fue el arquitecto francés Jean Baptiste Leblond quien en 1716 proyectó el primer plan integral de la ciudad, que redefinía sus límites según una forma ovalada. El dibujo en planta enfatizaba la línea defensiva de la ciudad, constituida por una sucesión continua de bastiones, como las púas de un puercoespín. Es muy probable que, una vez noqueado el enemigo sueco, el plan propuesto por el francés tuviese un carácter excesivamente militar. Con influencias de ciudades escandinavas, de las fortalezas de Vauban o incluso de Versalles, quedó desfasado en el mismo momento en que se plasmó, puesto que mostraba una ciudad amurallada que poco tenía que ver con los nuevos aires del cosmopolitismo báltico. Aunque el Plan Leblond nunca se ejecutó, muchas de sus ideas implícitas y de método sí que serán, de un modo u otro, filtradas y aplicadas en nuevas fases de la ciudad.

La primavera finalmente despuntaba en el Neva y San Petersburgo florecía como población comercial, institucional y manufacturera. Por esto, a pesar de la admiración que sentía por J. B. Leblond, Pedro confió otra vez en D. Trezzini para un nuevo plan mucho más realista y simplificado. El arquitecto era

Plan urbanístico para San Petersburgo de D. Trezzini (1717).

Градостроительный проект Санкт-Петербурга, предложенный Д. Трезини (1717).

восхищение Леблонем, Петр снова обратился к Трезини с просьбой создать новый план, гораздо более простой и реалистичный. Этот архитектор уже давно был знаком с течением городской жизни. Он знал Петербург как никто другой и сделал ставку на проект создания правильных перпендикулярных друг другу каналов. Это решение было близко к философии плана Амстердама, и выразилось в полной степени на Васильевском острове, где в основном воплотились в жизнь его чертежи.

Главенствующим стилем первых лет строительства города было так называемое «петровское барроко», которое требовало простоты и сдержанности в оформлении больших зданий, чьи фасады, лишённые декоративных излишеств, должны были выстраиваться в сплошную линию. Обычно главные фасады зданий венчались фронтонами, и только в исключительных случаях, если здание имело особое значение в городском ансамбле, башнями или шпилями. Если пройтись сегодня по городу, то наследие Трезини можно увидеть повсюду: это и перестроенная в камне Петропавловская крепость с ее собором, и здание Двенадцати коллегий, и Летний дворец Петра, и Александро-Невская Лавра. Подобно тому, как Петр поступил с бородами и традиционной одеждой бояр, царь решительно запретил византийские купола и любые другие восточные декоративные элементы. Этому городу суждено было приблизить Россию к Западу, и Архитектуре поручалось принять европейский облик.

Чтобы покончить с беспорядочным средневековым ростом города в первые годы Петр установил «красные линии», которые любые постройки не могли переступить. Действуя при помощи «указов», обязательных для исполнения распоряжений, царь постепенно создал свою модель города: улицы должны были быть прямыми, дома — стоять плотно в компактных группах; для их строительства надлежало использовать камень или кирпич, а рядом следовало разбивать сады. В генеральном плане следовало учесть все судоходные реки, каналы и протоки, а также разделить

ya un veterano conocedor del pulso urbano y vital de la ciudad. La conocía mejor que nadie y apostó por un diseño regular de canales ortogonales. No muy lejos de la filosofía del Plan de Ámsterdam y, sobre todo en la isla Vasilievsky, fue donde la ciudad más cristalizó como en sus dibujos.

El estilo dominante de los primeros años era el llamado barroco petrino, que preconizaba la simplicidad y la sobriedad en unos grandes edificios con fachadas continuas y decoración contenida. Generalmente estaban coronados por frontones en cada paramento principal y, sólo los que tenían más relevancia urbana, por elementos verticales como torres y agujas. Paseando hoy por la ciudad, la herencia de D. Trezzini se encuentra en todas partes: la reconstrucción en piedra de la fortaleza, la catedral de San Pedro y San Pablo, los Doce Colegios y el Palacio de Verano; así como el Monasterio de Alejandro Nevski o las Puertas de Narva. Al igual que hizo con las barbas y la vestimenta tradicional de los boyardos, Pedro prohibió taxativamente cualquier cúpula bizantina o elemento oriental. La ciudad tenía que occidentalizar Rusia y la Arquitectura asumió el papel de mimesis de lo europeo.

Para acabar con el crecimiento anárquico y medieval de los primeros años, Pedro estableció las líneas rojas que las edificaciones no podían traspasar. A base de *ukases* o edictos de obligado cumplimiento, desgranó su modelo de ciudad: las alineaciones de las calles debían ser rectas y las casas densas, agrupadas en bloques compactos de ladrillo o piedra con grandes jardines. Se debían incorporar al plan general los ríos navegables, los canales y los cursos de agua, así como delimitar zonas por estratos o niveles sociales, áreas comerciales o de manufacturas.

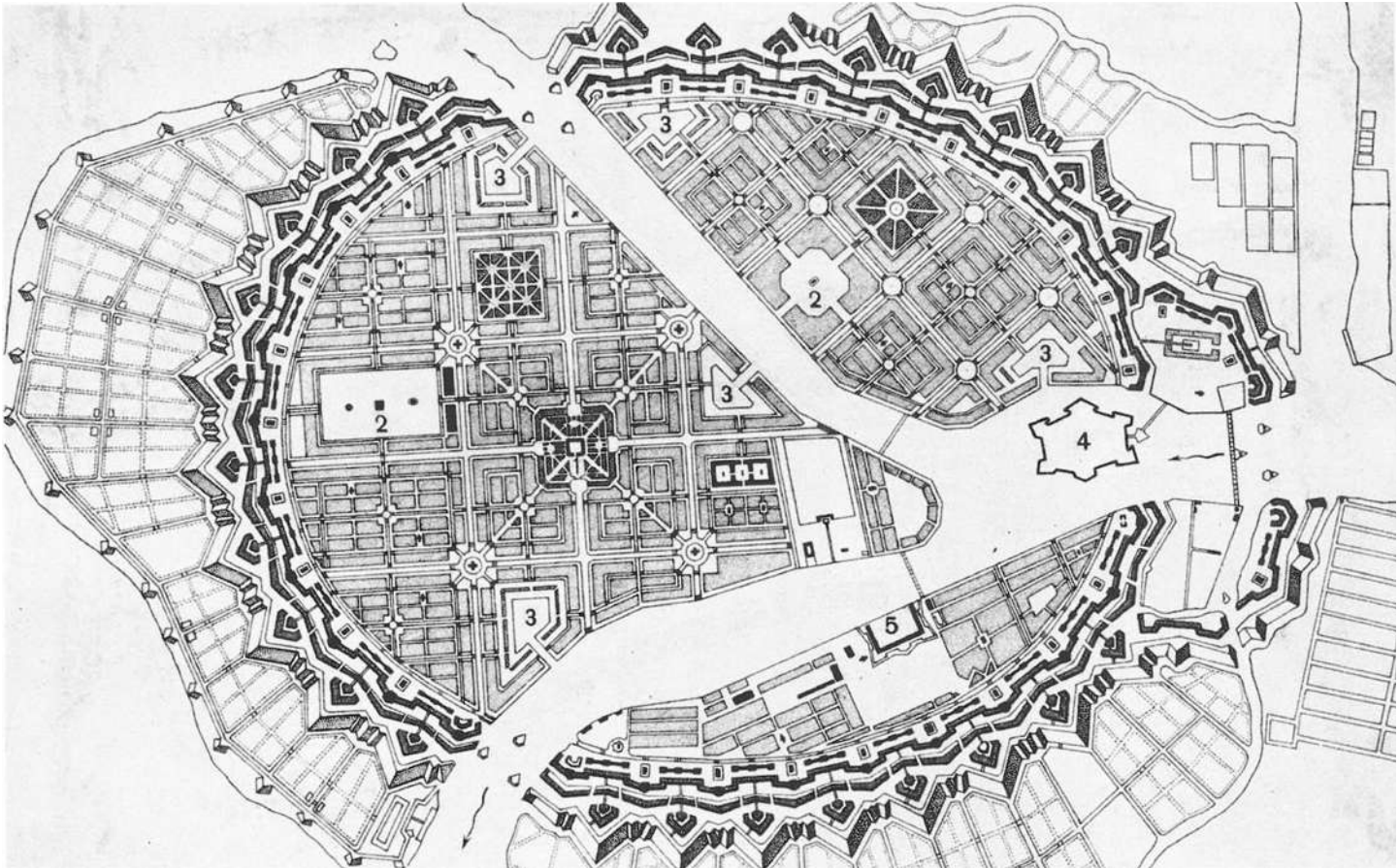
El zar incluso encargó al arquitecto jefe D. Trezzini la elaboración de un catálogo de diseños arquitectónicos tipo, impuesto a la población en función de su estatus y medios económicos, para asegurar la calidad y belleza de las construcciones. Quería acabar con el carácter antiurbano de la casa tradicional rusa, que situaba en el centro de la parcela las habitaciones de estar y de dormir y, en la periferia, enfrentándose a la calle, las cons-

городские кварталы для жителей различного общественного положения и сословия, определить зоны для торговли и промышленности.

Царь даже поручил главному архитектору Трезини разработать каталог типовых архитектурных проектов зданий, который население было обязано использовать в соответствии со своим положением и средствами. Таким образом, можно было обеспечить качество и красоту строений. Петр хотел покончить с противоречащим нормам градостроительства типом традиционного русского дома, в котором в центре участка располагались спальни и гостиные, а на периферии, со стороны улицы, - служебные помещения: кухни, кладовые и стойла. При таком устройстве внутренний вид дома оказывался довольно живописным, но при этом страдала улица, которая причудливо извивалась, сужалась и расширялась в зависимости от каприза того или иного домохозяина. На самом деле, первые дома Петербурга повторяли схему Домника Петра, скромного здания, который царь построил для себя чтобы наблюдать за созданием крепости. Этот дом сохранился и сейчас; в момент постройки это было одноэтажное строение, выполненное в прусском стиле. Как основная структура, так и декоративные элементы были сделаны из дерева, а потом покрашены под камень.

Что Начиналось на Городском

Первым общественным центром «Питера» стала Троицкая площадь, расположенная на южной оконечности острова, который в то время называли Городским. В современных путеводителях вы найдете это место в Петроградском районе. Если вам доведется побывать там, то вы увидите спокойный парк, с прогулки по которому лучше всего начинать знакомство с бастионами Петропавловской крепости. Там, где сегодня разбиты газоны, и куда шум улиц доносится лишь издали, триста лет тому назад не прекращался гвалт городской площади, где в воздухе носился запах специй, и разгуливали люди в экзотических одеждах. На площади был построен православный Свято-



Plan urbanístico para San Petersburgo de Jean Baptiste Leblond (1716).

Градостроительный проект Санкт-Петербурга, предложенный Жаном Батистом Леблоном (1716).

trucciones auxiliares como cocinas, almacenes y establos. Se creaba, así, un interior pintoresco pero se penalizaba la calle, cuyo trazado era más o menos tortuoso, encorvado y estrecho, en función del capricho individual de cada propietario. De hecho, las primeras casas de Petersburgo fueron una imitación de la *cabaña de Pedro*, una humilde construcción que el zar construyó para seguir las obras de la fortaleza, que existe

Троицкий собор, в непривычном голландском обличии. Неподалеку располагался главный продовольственный рынок и пользовавшиеся успехом публки трактиры, которые в большинстве своем принадлежали государству. С этой же площади в 1710 году начали мостить все городские улицы. Когда светило солнце, и когда наступали сумерки, эта суета портовой части города была питательной средой



Puerta del Neva en la fortaleza de San Pedro y San Pablo.
Невские ворота Петропавловской крепости.

для деловых встреч, церковных служб, общественных событий и праздников, поводом для которых всегда служила Нева, на всем ее протяжении между Адмиралтейством и берегами Васильевского острова. Таким образом, это место превращалось в главную кухню новостей и слухов.

Внескольких минутах ходьбы от Троицкой площади, на землях, отвоеванных у болот, жили семьи русских, принадлежавших, как бы мы сказали сейчас, к «среднему классу». В большинстве своем это были ремесленники и мелкие торговцы, которые не могли себе позволить никакой роскоши или веселья, но жили в деревянных домах, гораздо более обустроенных, чем хижины простых работников. Однако их относительный достаток делал этих людей особенно уязвимыми перед злоумышленниками. Этот средний класс, гораздо больше, чем аристократы, боялись полчищ воров и преступников, которые роились в городе, присланные сюда на каторжные работы по приказу царя. Некоторые улицы были так опасны, что их жители собирали деньги чтобы нанять охранников и по ночам устраивали баррикады. Дома обычно окружали частоколами или заборами чтобы защититься от городских хищников и, заодно, от всяких лесных тварей – волков и медведей. К западу, в стороне от основной части города, находились татарские кварталы с их рынками подержанных вещей, а рядом с ними поселения русской бедноты, искавшей временную работу на строительстве укреплений. На северо-востоке селились по цеховому признаку торговцы, а на берегах Невы строились первые дворцы придворных – их фасады до сей поры складывались из камней разгромленного Ниеншпанца. Наследие этого города, разраставшегося без предварительного плана, сегодня можно проследить по названиям многих улиц, которые говорят о ремеслах и занятиях их жителей или, как *Татарский переулоч*, об их этническом происхождении.

Хотя отверженные почти не оставляют следа в истории, надо сказать, что большинство петербуржцев жили в ужасных условиях, и, как это не парадоксально, очень близко от привилегированных слоев населения. Чтобы

todavía, y que en su origen constaba de un solo piso al estilo prusiano, con estructura y acabados de madera pero pintados para simular piedra.

LO QUE EMPEZÓ EN GORODSKY

El primer centro social de *Píter* fue la plaza de la Trinidad, en el extremo sur de la entonces llamada isla de Gorodsky y que hoy aparece en las guías turísticas como Petrogrado. Si la visitan, verán que es un parque tranquilo, ideal para iniciar un paseo junto a los baluartes de San Pedro y San Pablo. Donde ahora hay parterres y un sonido atenuado de automóviles, trescientos años atrás, se escuchaba la algarabía de una plaza mayor, con olores y mezclas de especias y personajes exóticos. En la plaza se construyó la catedral ortodoxa de la Trinidad, ambigua en su apariencia holandesa. No lejos, estaba el principal mercado de abastos y las tabernas más concurridas que, en general, pertenecían al Estado. También allí fue donde a partir de 1710 empezó la pavimentación masiva de las calles de la ciudad. Durante las horas de luz y de penumbra, este bullicio portuario era el caldo de cultivo para los encuentros de negocios, los oficios religiosos y los eventos sociales y festivos, siempre con la excusa del Neva, dominando todo el frente fluvial del Almirantazgo y la isla de Vasilevsky. Estábamos por lo tanto en la principal cocina local de noticias y rumores.

A pocos minutos a pie de la Trinidad, en nuevos asentamientos ganados al pantanal, vivían las familias rusas de lo que podríamos denominar *clase media*. Eran en su mayoría artesanos y pequeños mercaderes que, sin permitirse lujos ni demasiadas alegrías, vivían en casas de madera mucho más dignas que las chozas de los operarios rasos. Sin embargo, la posición de muy relativo bienestar les hacía especialmente vulnerables a los maleantes. Vivían, quizás más que los aristócratas, atemorizados por la multitud de ladrones y criminales que pululaban por la ciudad, asignados para trabajos forzados impuestos por el zar. Algunas calles eran tan inseguras que, por la noche, se tenían que levantar barricadas y, entre los vecinos, sufragar algunos guardianes. La construcción de empalizadas

mantener el orden en este oscuras nido, Petrus ordenó establecer en todas las plazas, comenzando con la Trinidad, y también en otros públicos lugares permanentes escafotes para ejecutar a los delincuentes que violaban el orden. Esta tarea no podían evitarla ni los ladrones, ni los asesinos, ni los políticos opositores al zar. Los condenados a muerte colgaban o ahorcaban en el poste. Los cuerpos se pudrían a la vista de los ciudadanos, después de que la excitada multitud hubiese disfrutado del espectáculo del castigo y de las muertes, acompañando a los entusiasmados gritos. Estos bárbaros espectáculos eran uno de los más populares en la ciudad.

Los habitantes de San Pedro veían, como fuera de los límites de la fortaleza y de los primeros asentamientos en el Isla de San Pedro comenzaban crecer nuevos edificios en ambos lados del Neva. Para la mayoría de los trabajadores de día y vodka en los carros eran el único medicamento, que aliviaba sus cotidianos sufrimientos y daba al menos un poco de sentido a su desesperada existencia. En estos refugios circulaban rumores sobre el hecho de que en el sur de la ciudad el zar quería construir un nuevo edificio de la Armada. Nadie dudaba de la importancia de este proyecto para el futuro de la ciudad, ya que allí podían construirse barcos para las guerras y para el comercio y entrenar a los marineros y militares navales.

АДМИРАЛТЕЙСТВО. СТРОИТЬ КОРАБЛИ И ГОРОД

Antes de la construcción de la Armada Petrus completaba su armada naval a costa de la construcción de barcos en el Lago Ladoga. Sin embargo, el transporte de los barcos al Mar Báltico era muy complicado: las aguas superiores del Neva no se diferenciaban por su profundidad, y, además, había que superar los rápidos de Ivanovskiy. El casco de los barcos a menudo sufría daños, y a veces ocurrían accidentes de los barcos. Para evitar estos problemas decidieron construir nuevos muelles en San Pedroburgo; ellos estarán cerca del mar y serán mejores conectados con el continente europeo.

Si el primer fragmento de la ciudadana mosaico fue colocado en 1703 año, cuando comenzaron los trabajos en Petrovskiy



y cercas alrededor de las casas era habitual y protegía, además de la fauna urbana, de alimañas de los bosques como lobos y osos. Hacia el oeste y más apartados, estaban los barrios de la población tártara, con sus mercados de segunda mano y, junto a ellos, asentamientos rusos precarios de los trabajadores temporales de la fortaleza. En el noreste, se agrupaban los comerciantes en gremios y, al frente del Neva, los primeros palacetes cortesanos de la ciudad, contruidos todavía con la piedra del saqueo de Nienschantz. Toda esta herencia de ciudad no planificada, medieval, es visible todavía en la nomenclatura de muchas de sus calles, que se refieren a gremios, oficios o, como el callejón Tatarsky, a las distintas procedencias de sus habitantes.

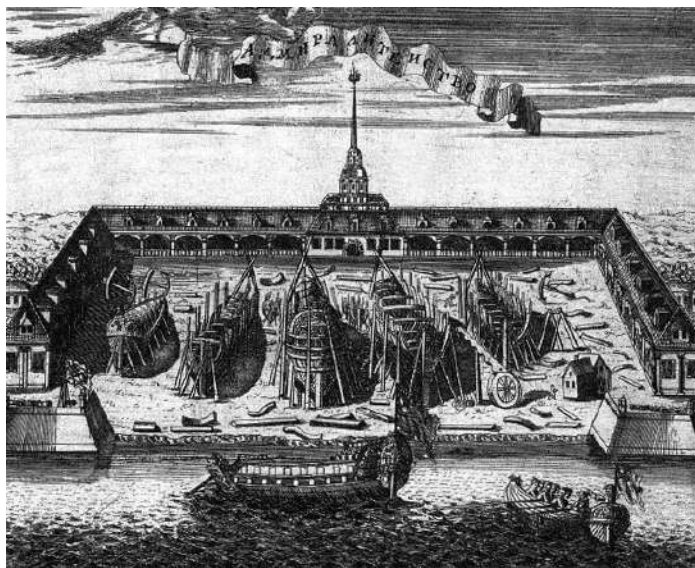
Aunque de los miserables queda muy poco rastro, es cierto que la mayoría de petersburgueses vivían en condiciones penosas y, paradójicamente, muy cerca de las capas privilegiadas. Para mantener cierto orden en el avispero, Pedro mandó instalar empezando por la plaza Trinidad, y también en otros espacios urbanos principales, patíbulos permanentes para la ejecución pública de los infractores. Por allí pasaron todos los que se extralimitaran, ya fueran ladrones, asesinos u opositores políticos. Los condenados eran colgados en horcas y pilares con clavos. Se pudrían durante días a la luz pública, después de que el populacho presenciase el espectáculo de castigo y agonía, con vítores y exaltación comunal, que constituía uno de los eventos más seguidos y bárbaros de la ciudad.

Los petersburgueses veían cómo, más allá de la fortaleza y de los asentamientos en la isla de Gorodsky, empezaban a crecer nuevas construcciones en ambas orillas del Gran Neva. Para la mayoría esclavizada, los rumores y el alcohol de las tabernas tenían carácter terapéutico, como alivio de miserias cotidianas y único estímulo de unas vidas sin expectativas.

Catedral de San Pedro y San Pablo de D. Trezzini.
Петропавловский собор, архитектор Д. Трезини.

крепости, то два года спустя началось строительство Адмиралтейства. Идея его создания принадлежала Петру, а работами руководил судостроитель И. Я. Яковлев. Впоследствии здание подвергнется различным реформам и будет расширено. Комплекс расположился на южном берегу Невы в одном из углов треугольника; двумя другими были сама Петропавловская Крепость и Стрелка Васильевского острова. Если мы рассмотрим местоположение здания на общем плане города, то увидим, что оно находится в центре двух концентрических окружностей, образованных реками Мойкой и Фонтанкой. Ров, вырытый вокруг Адмиралтейства для его защиты, еще сильнее подчеркивает его роль центра в планировке города. Зданию надлежало стать полюсом притяжения и началом проспектов, что еще более подчеркивалось тем, что центральная его башня была увенчана золотой иглой, которая превратилась в символ города. Главной чертой Адмиралтейства является его стратегическое положение, которое прекрасно использует природные условия местности. В этом решении было столько силы и ясности ума, что оно сдвинуло чаши весов и внесло изменения в структуру растущего города: центр тяжести сместился на тот берег, где сейчас находится Зимний дворец.

Если мы теперь рассмотрим само устройство здания, то сразу заметим, что с самого начала оно отличалось простотой и ясностью своей внешней формы. Его очертания напоминали латинскую букву «U» открытую в сторону Невы; внутренний периметр ограничивал просторную площадь на открытом воздухе, где располагались причалы для ремонта и строительства кораблей. Если кому-нибудь в то время доводилось пройти по внутренним помещениям здания, то он имел возможность оценить его разнообразие их функций: здесь были и мастерские, и складские помещения, и конторы и школа для подготовки офицеров флота. Осматривая укрепления этого комплекса, гость понимал, что мощное здание внушало уважение, как ему и полагалось, ибо в его задачу входила защита сердца города,



Edificio del Almirantazgo (1716).

Здание Адмиралтейства (1716).

Y en sus mentideros se bramaba que, en la orilla sur, el Zar quería levantar el nuevo edificio de El Almirantazgo. Todos estaban convencidos que sería un proyecto fundamental para el futuro de la ciudad, puesto que allí se construirían los barcos para la guerra y el comercio y se formarían marineros y otros oficiales del mar.

EL ALMIRANTAZGO. CONSTRUYENDO BARCOS Y CIUDAD

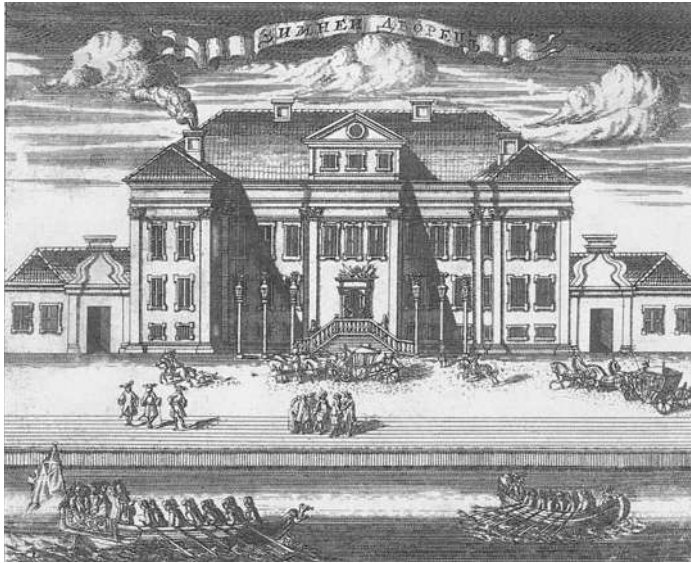
Antes de la construcción de El Almirantazgo, Pedro armaba su flota naval en los astilleros del lago Ladoga. Sin embargo, la llegada de los buques hasta el Báltico era compleja debido a la poca profundidad de los tramos altos del Neva y, sobre todo, al paso por los rápidos de Ivanovskoe. Allí era donde se dañaban las quillas y se producía la mayor parte de accidentes. Para evitarlo, se decidió construir unas nuevas atarazanas en San Petersburgo, más cerca del mar y mejor comunicadas con el continente.

Петропавловской крепости, и оказание ей поддержки.

Если бы мы могли зафиксировать всю деятельность, осуществлявшуюся внутри Адмиралтейства, мы бы увидели, что оно функционировало, как отдельный город. Там трудились самые разные специалисты, начиная от лучших русских и иностранных плотников и до самых прогрессивных судостроителей того времени, приехавших из Голландии, Пруссии или Англии. Пока вокруг Адмиралтейства разрастался город, его работники занимались строительством кораблей для торговли и для ведения войны. Все знания, импортированные из крупных морских держав, были хорошо усвоены, и это позволило создать в Санкт-Петербурге обширную сеть предприятий, которые располагались на участках земли к западу и к югу от Адмиралтейства. В большинстве своем это были небольшие мастерские, производившие, среди прочего, канаты, ткани для парусов и деготь для обработки дерева. Деготь варили из смолы, которую хранили на складах, располагавшихся там, где сегодня стоит Смольный монастырь.

Работники, каждое утро отправлявшиеся на верфи, проходили по улицам районов, где проживали люди различных профессий и национальностей. К югу, где протекала река Мойка жили кораблестроители: мастеровые и квалифицированные ремесленники. Их деревянные дома были построены на землях, которые выделила им компания. На месте нынешней Дворцовой площади, между Александрийским столпом и рекой, сложился Морской рынок и жизненно важная зона маленьких лавок и магазинчиков, которая выделилась как центр книжной торговли. Неподалеку от этого места сконцентрировалось немецкое население города, с его тавернами и лютеранскими церквями, которые также посещали финны и голландцы. Ближе к востоку, там, где теперь проходит Миллионная улица, вырос греческий район, где нетрудно было встретить капитанов галер и прочих морских волков.

Строительство здания Адмиралтейства и первого Зимнего



Primer Palacio de Invierno (1716).

Первый Зимний дворец (1716).

Si la primera pieza del puzzle urbano se colocó en 1703, con las obras de la Ciudadela de San Pedro y San Pablo, dos años después empezó la construcción de El Almirantazgo, según idea del zar Pedro y la guía del constructor naval I. Y. Yakovlev. Con los años, sufrirá varias reformas y ampliaciones. El complejo se situó en la orilla sur del Neva, formando el vértice de un triángulo cuyos otros dos son la propia fortaleza y la punta de Vasilevsky. Si miramos el edificio respecto al plano general de la ciudad, vemos que se sitúa en el centro de dos círculos concéntricos formados por los ríos Moika y Fontanka. El foso que se construyó a su alrededor para protegerse acentúa todavía más el carácter de profunda centralidad. Esta voluntad de ser polo de atracción e inicio de perspectivas viene reforzada por su torre central coronada por una aguja dorada, símbolo de la ciudad. Lo fundamental de El Almirantazgo es su emplazamiento estratégico, que interpretó magistralmente las características naturales del territorio. Y lo hizo con tanta

дворца сыграли особую роль в жизни этой части города и превратили ее зародыш будущего центра столицы и в место проживания аристократии, затмив славу укреплений Петропавловской крепости. Главные управляющие Адмиралтейства также строят свои дворцовые резиденции на участках между Зимним дворцом, Летним садом и набережными реки Мойки. Именно в петровском Зимнем дворце в 1720 году впервые в городе было установлено городское освещение – газовые фонари. Любопытный факт: хитроумный губернатор А.Д. Меншиков являлся одновременно владельцем завода, где производили эти фонари, которые затем постепенно установили на других площадях города, что придало новый блеск личному богатству царского любимца.

Город на Костях и на Слезах

Развитие города и изменения в его облике были невероятными. На берегах Большой Невы торговые люди и послы из всех стран мира поражались достижениям России, о которой раньше говорили, что она на триста лет отстала от Европы. Одному из гостей города, Франческо Альбаротти, итальянцу, приехавшему в Петербург в 1739 году, принадлежит знаменитая фраза о том, что русские не только создали здесь новую столицу, но и открыли для себя окно в Европу. В ту эпоху перед государством стояли две первоочередные задачи, которые надо было решить во что бы то ни стало: построить будущую столицу и нарастить военную мощь чтобы окончательно разгромить Швецию. Между 1702 и 1709 годами от 80 и до 90 рублей из каждой ста были направлены из государственной казны на военные нужды. И в 1709 году пришло сообщение, которое вызвало ликование в Санкт-Петербурге: Петр победил шведскую армию под Полтавой, на территории современной Украины. Эта добрая новость показалась изможденным труженикам города благословением, потому что они, наконец, ощутили, как постепенно ослабевает их враг.

В это время, как никогда раньше, нельзя было замедлять

potencia y lucidez, que cambió el sistema de equilibrio y crecimiento urbano; desplazando el centro de gravedad ciudadano hacia la orilla del actual Palacio de Invierno.

Centrados ahora en la propia anatomía del edificio, ya en sus inicios destacaba por la claridad y contundencia de su forma exterior. Consistía en una *U* abierta hacia el Neva, cuyo perímetro interior delimitaba un gran espacio, al aire libre, para muelles de reparación y construcción de barcos. Quien por entonces se hubiera paseado por las dependencias interiores posiblemente habría valorado su gran riqueza funcional, incluyendo talleres, almacenes, oficinas y una escuela de formación de oficiales navales. Al contemplar el complejo fortificado, uno entendía que aquello desprendía poder y respeto, muy en consonancia con su misión fundacional de proteger y socorrer a la fortaleza de San Pedro y San Pablo, corazón de la ciudad.

Si hubiéramos podido registrar todos los movimientos en el sí de El Almirantazgo, nos habríamos dado cuenta que funcionaba como una ciudad autónoma. En él trabajaban desde los mejores carpinteros rusos y extranjeros, hasta los más avanzados técnicos navales venidos de Holanda, Prusia o Inglaterra. Mientras a su alrededor se levantaba la ciudad, allí la gente se dedicaba a la construcción de buques para el comercio y para la guerra. Toda la sabiduría importada permitió aprender de las grandes potencias navales y así se generó, en San Petersburgo, una gran industria, que se asentaba en el área oeste y sur del Almirantazgo. Consistía en talleres menores que producían, entre otros productos, cuerdas y tejidos para las velas, así como alquitrán para el tratamiento de la madera. Éste se fabricaba utilizando la brea que se extraía de las canteras donde, hoy en día, está el monasterio de Smolny.

Los trabajadores que cada mañana se dirigían a los astilleros cruzaban barrios enteros formados por vecinos de distintos oficios y procedencias. Al sur, en dirección al río Moika, estaba el de los constructores de barcos. Allí vivían los oficiales y los artesanos cualificados, en casas de madera sobre terrenos cedidos por la compañía. En la actual Plaza de Invierno, entre

ритм строительства. Царь хотел получать по 40.000 новых работников ежегодно, но на самом деле их количество составляло лишь немногим более четверти этой цифры. До этого момента большинство работников были пленными шведами или преступниками, отбывавшими наказание, но сейчас к ним присоединялось с каждым разом все большее количество крепостных крестьян, которых их хозяева обязаны были отправлять на строительство столицы. Условия труда были крайне тяжелыми; климат этих мест очень влажный и холодный. Зимой работы начинались с восходом солнца и заканчивались в шесть часов вечера, перерыв на обед длился только час. Летом люди работали с пяти часов утра и до девяти или до десяти часов вечера, делая днем трехчасовой перерыв. Обычно самыми ценными работниками считались шведы, их посылали на самые сложные градостроительные работы и на возведение зданий.

Обстановка в городе была в основном нездоровой; в первую очередь люди страдали от ужасного качества воды, вонючей и тошнотворной. Поэтому многие пили водку, вино или пиво. Сам царь предпочитал им самим изобретенный коктейль на основе коньяка и кайенского перца, который не раз спасал его от страшных морозов, но к концу жизни Петра сильно повредил его печень. Что же касается простых работников, то они умирали ежедневно от непосильного труда и от эпидемий, в частности, от дизентерии. Город казался огромной машиной, чьи колеса непрерывно перемалывали жизни ее создателей. Мрачный калейдоскоп цифр в исторических документах говорит о том, что между 1710 и 1713 годом на строительстве Петербурга погибло 150.000 человек.

В первое десятилетие жизни города, сам Петр и его друг Меншиков, первый губернатор Петербурга, стремились, прежде всего, к тому, чтобы рост их детища оказался способен подчинить себе природу, и чтобы на этих землях возникла и стала узнаваемой структура современного города, проводника европейских тенденций. В условиях топких почв в первую очередь надлежало взять под контроль воду

la columna de Alejandro y el río, se formó el mercado de Morskoy y una vital zona de pequeñas tiendas, que destacó por el comercio de libros. En sus inmediaciones se concentró la población alemana, con sus tabernas e iglesias luteranas, a las cuales también acudían finlandeses y holandeses. Más al este, en la actual calle Millionaya, se formó el barrio griego, donde abundaban los capitanes de galeras y demás lobos de mar.

Especialmente la construcción del edificio de El Almirantazgo y del primer Palacio de Invierno impulsó el barrio como futuro centro urbano y aristocrático, desplazando en importancia la ciudadela de San Pedro y San Pablo. Los altos mandos de El Almirantazgo también construyeron sus residencias palaciegas en los terrenos que van desde la actual Plaza de Invierno, el Jardín de Verano y las orillas del río Moika. Y fue en el Palacio de Invierno de Pedro donde en 1720 se instaló la primera iluminación pública de la ciudad, a base de farolas de gas. Curiosamente, el avisado gobernador A. D. Menshikov era el propietario de las manufacturas que construían estas lámparas, que fueron gradualmente instaladas en otras plazas de la ciudad, en la medida que también iluminaban sus finanzas particulares.

UNA CIUDAD SOBRE HUESOS Y LÁGRIMAS

El progreso de la ciudad y sus cambios urbanísticos eran conmovedores. Desde el Gran Neva, comerciantes y embajadores de todo el mundo se maravillaban de lo que estaba consiguiendo Rusia, el país del cual se dijo que vivía trescientos años por detrás de Europa. El visitante Francesco Algarotti, un italiano que llegó a San Petersburgo en 1739, fue quien acuñó la expresión de que allí, además de su principal ciudad, los rusos abrían una ventana a Europa. Y es que en aquellos años, el Estado tenía dos fijaciones irrenunciables: la construcción de la futura capital y la musculatura del ejército para derrotar definitivamente a Suecia. Las arcas públicas destinaron entre los años 1702 y 1709 entre 80 y 90 rublos de cada 100 en gastos militares. Y fue en 1709 cuando llegó una noticia magnífica para San Petersburgo: Pedro había derrotado al ejército sueco en Poltava, en la actual Ucrania. La buena nueva cayó como

и уплотнить землю. Следуя распоряжениям голландских, французских и немецких инженеров, рабочие, не жалея себя, косили траву и срезали ножами тростник и папоротники, выгоняя лисиц и крыс из их нор. Иногда волки или медведи нападали на людей, увидев, что те вдруг решили, ни с того ни с сего, занять их территорию. После того, как участок лишился своего зеленого покрова, надо было дренировать низменные берега и трясины. Руслу рек приходилось углублять и очищать чтобы сделать их судоходными. Таким образом, можно было использовать баркасы для перевозки материалов. Иногда возникала необходимость построить плотину или земляную дамбу чтобы сдерживать напор воды и вырыть канал. На последнем этапе укрощения земли почву укрепляли опорами; это позволяло сделать мягкую и жирную землю более плотной и надежной.

1713, Новая столица на карте

Переход от обетованного города до столицы государства был постепенным и потребовал новых идей, идущих значительно дальше первых стратегических или оборонных задач. Надо было украсить город, придать ему уникальный вид и обеспечить его функционирование в качестве столицы великой нации. Торговые люди и власти города стремились как можно скорее расширить площадь крепости чтобы разместить там торговый порт. Нижние слои населения, которые представляли собой подчиненное высшим классам большинство, нуждались в скорейшем проектировании и строительстве жилья, которого катастрофически не хватало для тысяч новых работников, ежедневно приезжавших в город. Одновременно петербургские архитекторы и инженеры принимались за решение гораздо более важной задачи, чем разработка проектов отдельных зданий: им было поручено создание центра влияния, который бы мог стать достойной витриной России в мире.

Что касается учреждений и чиновников нового государства, то сначала в город переехали царский двор и судебные органы. Еще через год город официально был провозглашен

una bendición sobre los esforzados petersburgueses, que veían como el enemigo empezaba a deshincharse.

Ahora más que nunca, la construcción no podía desfallecer. El zar quería 40.000 trabajadores anuales más cada año, pero a lo sumo le llegaban poco más de una cuarta parte. Hasta entonces, la mayoría de los peones eran presidiarios suecos y delincuentes comunes; pero a ellos se unían cada vez más siervos, cuyos propietarios debían mandarlos a las obras capitales. Las condiciones de trabajo eran durísimas, bajo un clima húmedo y extremadamente frío. En invierno, las jornadas iban desde el alba hasta las seis de la tarde, con una pausa de una hora para la comida. Y en verano, de cinco de la mañana hasta las nueve o las diez de la noche, parando tres horas al mediodía. En general, los peones suecos eran los mejor valorados y se destinaban a los trabajos más sofisticados, como los de urbanización y edificación.

Casi nada allí era saludable y especialmente el agua, fétida y nauseabunda. Por esto muchos bebían vodka, vino y cerveza; incluso el mismo zar prefería su cóctel particular a base coñac y pimienta de cayena; que le salvó de fríos fatales pero que, al final de su vida, hizo estragos en su masa hepática. Respecto a los trabajadores, morían a diario del sobreesfuerzo y epidemias como la disentería. La ciudad era un engranaje sin fin, que no paró de devorar y enterrar a sus padres. Según el baile de macabras cifras históricas, sólo entre 1710 y 1713 murieron más de 150.000 trabajadores en la construcción de San Petersburgo.

Durante la primera década de vida de la ciudad, lo que más importaba a Pedro y a su amigo A. D. Menshikov, primer gobernador local, era que el crecimiento urbano consiguiera adiestrar la naturaleza y se formara un esqueleto reconocible de ciudad moderna y europeizante. Sobre unas bases tan fluidas, la primera misión era el control del agua para afianzar la tierra. Bajo órdenes de ingenieros holandeses, franceses y alemanes, los operarios se dejaban la piel desbrozando hierba, juncos y helecho a cuchilladas. Salían zorros y ratas de todos lados y no fueron pocos los ataques de lobos y osos, sintiéndose

столицей России (1713), где разместился Сенат, а вслед за этим сюда переместились дипломатические представительства. Кроме того, Петр решил сделать новое государство светским, и начал процесс реформ, которые завершились созданием Святейшего Синода (1721). Этот орган, возглавлявшийся светским лицом, управлял церковью и осуществлял контроль над ней. Все эти новшества встречали отпор оппозиции, приверженной традиционным ценностям, и гнев Православной церкви; эти силы всегда считали, что столицей России навеки должна оставаться Москва. Со времен Ивана Грозного и изобретения звания «царь», слова произведенного от римского и византийского титула «цезарь», Москву называли «третьим Римом» и считали ее наследницей Константинополя. Для всех этих людей, как и для многих горожан Санкт-Петербурга, которые жили там, не понимая преобразований Петра, московский Кремль являлся самым главным символом страны и воплощал, как никакое другое здание, дух Святой Руси.

Невероятный объем совершаемых работ мог быть осуществлен только в России, благодаря ее бескрайним землям и общественному строю, основанному на угнетении народа и крепостном праве. Все эти события происходили в мире до Французской революции (1789-1799), и права человека никого особенно не интересовали. В других частях Европы мы можем найти другие блестящие фигуры просвещенного абсолютизма, такие как Людовик XIV во Франции или король Пруссии, Фридрих Великий. Испания в эти годы являлась эпицентром войны за Испанское наследство (1701-1715); за престол этой страны боролись представители Бурбонской династии и австрийского королевского дома Габсбургов. Одним из ключевых моментов этого международного конфликта явилось взятие Барселоны бурбонскими войсками 11 сентября 1714 года.

1714 год явился также ключевым для развития Санкт-Петербурга. Россия победила шведские войска в Гангутском сражении, завоевав для себя главенствующее положение

amenazados por unos hombres que, de la noche a la mañana, se habían obsesionado en colonizar su territorio. Después de limpiar el manto verde, se tenían que drenar las marismas o barrizales. En los ríos, era preciso dragar y limpiar sus lechos para ahondarlos y hacerlos navegables. Así, se permitía el paso de barcazas que, a su vez, ayudaban en el transporte de materiales. Otras veces, se tenían que levantar presas o diques con tierra para contener las aguas y cavar los canales. El último paso de domesticación del terreno era hincar las pilas para conseguir cierta estabilidad en este subsuelo suave y mantecoso.

1713, UNA NUEVA CAPITAL EN EL MAPA

El paso de ciudad promesa a capital del país fue gradual e implicó repensarla, más allá de sus iniciales preocupaciones defensivas o estratégicas. Tenía que llenarse de la belleza, la identidad y la funcionalidad propia de la capital de una gran nación. Lo más urgente para comerciantes y autoridades fue la ampliación del recinto de la fortaleza para ubicar un puerto comercial. Las clases más bajas, que eran una mayoría sometida, necesitaban con urgencia el diseño y construcción masiva de viviendas, absolutamente insuficientes para la multitud de nuevos trabajadores que llegaban a diario. Paralelamente, los arquitectos e ingenieros petersburgueses empezaron una tarea más ambiciosa que la de proyectar edificios; se les encargó la creación de un centro de prestigio, que fuese digno aparador de Rusia en el mundo.

En la vida institucional y funcionarial del nuevo Estado, primero llegó la Corte y el Tribunal. Un año después, se proclamó oficialmente capital de Rusia (1713), ya con el Senado, y en años venideros se trasladarían los cuerpos diplomáticos. Pedro además empezó un proceso secularizador del Estado, que culminó con la creación del Santo Sínodo (1721), el órgano que regiría y controlará a la Iglesia, encabezado por un laico. Todo esto con la oposición de los tradicionalistas y la cólera de la Iglesia ortodoxa, quienes siempre creyeron que la capital eterna de Rusia debía ser Moscú. Desde tiempos de Iván el Terrible y la invención del título de *zar*, adaptación del *césar* romano y

на Балтийском море. Там теперь командовали русские, и новая столица могла расти в полной безопасности. Однако за исключением дворцов аристократии, расположенных на берегах Невы - на Васильевском острове или на участке между Адмиралтейством и Летним садом - большая часть города представляла собой скопление деревянных построек. Эти кварталы росли очень быстро по мере того, как в город прибывали новые и новые работники; избы в них теснились в беспорядке, нарушая городскую планировку. Их обычно строили из деревянных бревен без использования цемента, соединяя их при помощи врубов, система которых напоминает современные готовые конструкции для строительства. В другой, более упорядоченной, обстановке быстрота монтажа, которая обеспечивалась этой системой, смогла бы, наверное, решить насущную проблему жилья, но жизнь этих строений была недолгой: в городе часто случались пожары, которые уничтожали целые кварталы. В связи с этим были приняты специальные правила строительства домов и устройства очагов и печей. Кроме того, жителей обязали регулярно чистить печные трубы, с ними была проведена специальная подготовка, чтобы они могли слаженно действовать при пожаре. Первая бригада пожарных, похожая на современные, была создана в Адмиралтействе в 1722 году.

Теперь, когда нападение со стороны Швеции не грозило городу, ему срочно потребовались горы камня чтобы возводить здания, благоустраивать кварталы и облицовывать стены новых каналов. В городе остро не хватало как материалов, так и наемных рабочих чтобы поддерживать бешеный ритм работ. Поэтому в двух указах в октябре 1714 года Петр запретил строительство каменных зданий по всей России - исключение делалось только для Санкт-Петербурга и для церквей в других районах страны - и создал правила для ввоза товаров в столицу:

«Понеже здесь каменное строение zelo медленно строится от того, что каменщиков и прочих художников того дела трудно и за довальную цену нанять, того ради запрещается во всем Государстве на несколько лет



12

11

3

4

7

2

1

5

9

8

10





1. Almirantazgo / Адмиралтейство
2. Gran Neva / Большая Нева
3. Pequeño Neva / Малая Нева / Петропавловская крепость
4. Fortaleza de San Pedro y San Pablo / Петропавловская крепость
5. Palacio de Invierno / Зимний дворец
6. Stelka de Vasilievsky / Стелка Васильевского острова
7. Plaza de la Trinidad. Isla de Gorodsky / Троицкая площадь. Городской остров
8. Avenida Nevski / Невский проспект
9. Río Moika / Река Мойка
10. Río Fontanka / Река Фонтанка
11. Isla Vasilievsky / Васильевский остров
12. Golfo de Finlandia. Mar Báltico / Финский залив. Балтийское море

Ciudad de San Petersburgo, dibujo de I. Sokolov (1753).
Город Санкт-Петербург. Рисунок И. Соколова (1753).

bizantino, se referían a Moscú como *la tercera Roma*, heredera de Constantinopla. Para todos ellos, como para muchos aldeanos de San Petersburgo que vivían allí sin entender el espíritu de renovación de Pedro, el Kremlin moscovita simbolizaba y expresaba como nadie la esencia de la Santa Rusia.

La descomunal escala del trabajo que se acometía sólo era posible en Rusia, por magnitud geográfica y facilitado por su sistema de servidumbre y sometimiento masivo. Todo esto formaba parte de un mundo anterior a la Revolución Francesa (1789-1799), al que le interesaban muy poco los derechos del hombre. En el resto de Europa, vemos cómo el despotismo ilustrado tuvo y tendría otras grandes perlas, como Luis XIV de Francia o Federico el Grande de Prusia. Por entonces, España era el epicentro de la Guerra de Sucesión (1701-1715), debatiéndose el trono entre Borbones y Austrias. Un conflicto internacional que tuvo uno de sus puntos culminantes el 11 de septiembre de 1714, con la caída de Barcelona a manos del ejército borbónico.

El 1714 también fue un año clave para la evolución de San Petersburgo. Rusia ganó la batalla de Hangö contra Suecia y le arrebató la supremacía del mar Báltico. Ahora mandaban los rusos y su nueva capital podía crecer con total seguridad. Pero a excepción de los palacios aristocráticos, que se situaban a las orillas del Neva en Vasilievsky o entre el Almirantazgo y el Jardín de Verano, la gran mayoría de la ciudad se agolpaba en precarias casas de madera. Eran asentamientos que crecían rápido, en la medida que nuevos trabajadores llegaban a la ciudad, y se situaban de forma comprimida y desordenada desbordando el planeamiento municipal. En general se construían con troncos de madera, en seco, y según un sistema de juntas que recordaba la prefabricación. En otro contexto menos caótico, la rapidez de montaje que permitía el sistema hubiera podido paliar el acuciante problema de la vivienda, pero éstas tenían una vida corta: los incendios eran frecuentes y arrasaban barrios enteros. Por esto, se dictaron normativas específicas de construcción de hogares, hornos y estufas. Además, se obligó

всякое каменное строение под страхом изгнания или ссылки»

«... все суда речные суда с товаром, приезжающие в Санктпетербург через Ладожское озеро, ровно как и возы, прибывающие сухим путем, должны привезти в город по определенному числу диких камней».

СМЕШЕНИЕ НАРОДОВ

Во время своего посещения города в 1718 году господин Вебер, посол Пруссии и Гановера, сказал, что Петербург показался ему не столько единым правильно построенным ансамблем, сколько скоплением отдельных связанных друг с другом поселений, и напомнил ему поселки на плантациях Вест-Индии. Пороки развития города, на которые указывал дипломат, были в значительной степени обусловлены слишком быстрым его ростом. Но в случае новой русской столицы, речь шла только о временном явлении, и все недостатки впоследствии были исправлены в процессе естественного обретения зрелости — так юношеские тела, формируясь, иногда развиваются неравномерно в переходном возрасте. Однако замечание посла о Новом Свете представляет большой интерес для понимания того, какие ощущения могли испытывать люди, приезжавшие в Санкт-Петербург, в новой для себя обстановке. Город был новым, а потому, естественно, население его составляли иммигранты.

Как это происходило в Калифорнии в XIX веке, возы и телеги привозили на место нового строительства материалы и рабочую силу: все здесь надо было начинать с нуля и, за пределами утопий, все представлялось возможным. Когда вновь прибывшие смотрели на воды Невы, Мойки и Фонтанки, они не мечтали найти золото, но, как и будущие золотонискатели, составляли пеструю толпу людей разных рас, языков и наречий. В ней можно было встретить не только уроженцев Казани, российских татар и украинских крестьян, но и весьма нередко бывших заключенных и злоумышленников как своих, так и иностранных. С первых же лет существования города Петр вынудил тысячи аристократов строить себе дворцы в Петербурге, торговцам

a los vecinos a limpiar periódicamente las chimeneas y se les organizó y formó para actuar en caso de incendio. La primera brigada asimilable al moderno cuerpo de bomberos se creó en El Almirantazgo en 1722.

Mitigado pues el agobio por la amenaza sueca, se le reavivó a la ciudad un hambre voraz de piedra para levantar construcciones, extender la urbanización y trazar los muros de los nuevos canales. La urgencia de material era proporcional a la necesidad de reclutamiento de trabajadores para seguir el ritmo frenético de las obras. Por esto en dos *ukases* de octubre del mismo año, Pedro prohibió la construcción en piedra en toda Rusia —excepto en San Petersburgo y en iglesias del resto del país— y reguló el tránsito de mercancías a la capital:

“La construcción en piedra avanza lentamente debido a las dificultades de encontrar picapedreros y otros artesanos relacionados. Por lo tanto, se prohíbe en todo el Imperio cualquier estructura en piedra bajo pena de exilio o deportación”

“...todas las embarcaciones que entren a San Petersburgo a través del lago Ladoga y también todos los vehículos y transporte que llegue a la ciudad por rutas terrestres transportando otra mercancía tendrán de llevar asimismo una carga de piedras”

MESTIZAJE EN EL BÁLTICO

En una visita a la ciudad en 1718, el señor Weber, embajador de Prusia y Hannover, dijo de San Petersburgo que más que ciudad regular, le parecía un grupo de villas conectadas, como una plantación en las Indias occidentales. Estos desajustes a los que aludía el diplomático eran debidos, en gran parte, a un crecimiento urbano demasiado acelerado. En el caso de la nueva capital rusa, hablamos de fenómenos de carácter temporal y que se superaron con un proceso de natural maduración; algo similar a las transformaciones desacompasadas de los cuerpos de algunos chicos y muchachas durante la adolescencia. Sin embargo, la referencia al Nuevo Mundo es sugerente en cuanto al ambiente que respiraban los recién llegados. Era una ciudad nueva y, a la fuerza, de inmigrantes.

высшего и среднего класса и ремесленникам было приказано переселяться в город. Половина ремесленников была обязана открыть свои собственные мастерские.

ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ, ТРОГОВЫЙ ЦЕНТР И ПОРТ ПЕТЕРБУРГА

Как было сказано раньше, история устья Невы связана с древним городом Новгородом. Существует даже теория о том, что название этого острова связано с именем одного из *посадников* или градоначальников этой древней русской столицы, с уровнем культуры которой Санкт-Петербург хотел сравниться.

Хотя душой Петр всегда был в Санкт-Петербурге, физически он навещал столицу только иногда, можно скорее говорить о его бдительном отсутствии. Занятый путешествиями, походами и войнами, он только изредка проводил там время и не следил за деталями, хотя постоянно контролировал строительство города и устанавливал правила жизни его обитателей, в гораздо большей степени, чем государственные институты. Для постоянного надзора за развитием города он назначил первым его губернатором человека, которому всецело доверял, — генерала А.Д. Меншикова. Это был его близкий друг, товарищ в боях и молодецких забавах, и царь подарил ему большую часть Васильевского острова. Меншиков построил там самый великолепный дворец на берегу Невы, который отличался такой роскошью и элегантностью, что сам Петр использовал его для приемов и официальных мероприятий. Наличие на Васильевском острове дворца Меншикова с его садами, которые соперничали с первоначальным вариантом царского Летнего Сада, сыграло важнейшую роль в его замедленном и непрямом развитии. Причина заключалась в том, что губернатор пресекал любые планы городского развития и начало любого строительства, если они затрагивали его собственность.

Именно на этом острове Петр построил первый торговый порт столицы, на участке, где он хотел создать центр города. Там возвели Двенадцать Коллегий, которые соответствовали

Como también ocurrirá en la California del siglo XIX, los carruajes y los barcos llegaban cargados de materiales y de trabajadores, a un solar nuevo en el cual todo estaba por hacer y, más allá de utopías, casi todo era posible. Miraban a los ríos Neva, Moika y Fontanka sin la ilusión del oro, pero cultivando una mezcla total de lenguas, acentos y razas. Era una muchedumbre constituida por hombres de Kazán, rusos tártaros o campesinos ucranianos y, sobre todo, por muchos presidiarios y maleantes autóctonos y extranjeros. Desde los primeros años de la ciudad, Pedro obligó a miles de aristócratas a construir sus palacios en Petersburgo; a mercaderes de clase alta y media a trasladarse en la ciudad, al igual que a los artesanos; la mitad de los cuales tenían obligación de mantener sus propios talleres de manufactura.

VASILIEVSKY, CENTRO COMERCIAL Y PUERTO DE PETERSBURGO

Ya se ha dicho que la historia del delta del Neva tiene muchos vínculos con la antigua ciudad de Nóvgorod. De hecho, el nombre de Vasilievsky proviene de un *posadnik* o alcalde de esta ciudad fundacional rusa, con un refinamiento al que San Petersburgo aspiraba.

Si bien el espíritu de Pedro nunca abandonó San Petersburgo, su presencia física en la ciudad no era constante, sino más bien se definiría como el de una vigilante ausencia. Entre viajes, expediciones y guerras, pasaba sólo algunas temporadas allí y aunque dictaba la hoja de ruta urbana y regía la vida de sus habitantes más que cualquier otra institución, no supervisaba el detalle. Para esto nombró como primer gobernador de la ciudad a su hombre de confianza, el general A. D. Menshikov. Un amigo íntimo, compañero de batalla y de juergas juveniles, al que regaló gran parte de la isla de Vasilievksy. A. D. Menshikov construyó allí el palacio más exuberante frente al Neva, de tal lujo y distinción, que era utilizado por Pedro para recepciones y actos oficiales. La presencia del palacio y los jardines Menshikov, rivalizando con la primera versión del Jardín de Verano zarista, tuvo un papel determinante en la errática y aletargada evolución urbanística de Vasilievsky. Y es que el

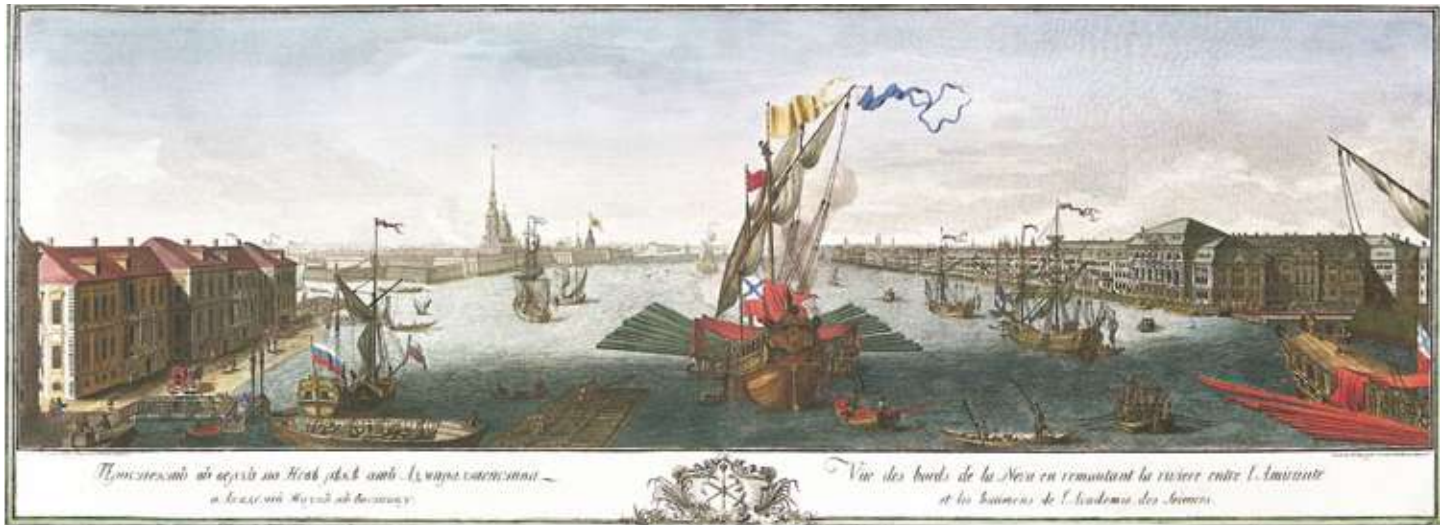
современным министерствам, крытый рынок и новую таможню. На острой оконечности острова, называемой Стрелкой, был устроен Театр Фейерверков, и праздничные огни салютов можно было наблюдать отовсюду в городе.

Новый порт Санкт-Петербурга сыграл чрезвычайно важную стратегическую роль в смещении торговых морских путей из ледяных морей Арктики в Балтийское море. До возникновения Санкт-Петербурга единственным морским портом России являлся Архангельск, расположенный на Белом море, в таких северных широтах, где в течение полугода он оказывался недоступен из-за льдов. А с тех пор, как Россия начала царствовать на Балтийском море, Санкт-Петербург стал осознать свое привилегированное географическое положение.

Хотя сначала в порту командовали иностранцы, русские очень скоро стали обучаться новым наукам и вкладывать деньги в создание собственных флотилий. В город поступало множество тканей, особенно, шелка, шерсти и льна, а также красители, кофе, сахар и вина. А встречным потоком из этих земель вывозили кожу, свиной жир, пеньку, железо и полотна для парусов. Развитие района Адмиралтейства вокруг Невского проспекта, одной из трех радиальных улиц, организующих центр города, обрекает Васильевский остров играть второстепенную роль, не столь важную, какую предусматривал для него царь.

О ДОРОГАХ И ПОЧТАЛЬОНАХ

В условиях этого демографического взрыва город разрастался, и его застройка, в которой соседствовали бедные хижинки и дворцы, становилась все более плотной. До 1738 года улицы не имели официальных названий, а потому, если кому-нибудь надо было разыскать какой-то адрес, ему приходилось обращаться к знающим город людям: полицейским или сотрудникам почтового ведомства. Его конторы занимались не только доставкой писем, но обычно располагали трактиром, небольшой гостиницей, а иногда имели к тому же танцевальный зал. Благодаря этому



Vista desde la isla Vasilievsky hacia la Fortaleza de San Pedro y San Pablo (1753).

Вид с Васильевского острова на Петропавловскую крепость (1753).

gobernador vetaba cualquier intento de plan urbanístico o construcción que afectara a su propiedad.

Fue en esta isla donde Pedro construyó el primer puerto comercial de la capital, en un espacio que quería que fuese el centro de la ciudad. Allí se construyeron los Doce Colegios, el equivalente a los actuales ministerios; un gran mercado de abastos y la nueva aduana. En el extremo de la flecha que forma Vasilievsky, la Stelka, es donde se instalaba el Teatro de la Iluminación, unos fuegos artificiales que se observaban desde toda la ciudad.

El nuevo puerto de San Petersburgo tuvo una importancia comercial y estratégica brutal en el desplazamiento de rutas marítimas desde el océano glacial Ártico hacia el mar Báltico. Antes de San Petersburgo, el único puerto marítimo ruso era el de Arjángelsk, en el mar Blanco. Y estaba tan al norte, que durante medio año era del todo inaccesible por el hielo. Pero desde que Rusia empezó a reinar en el Báltico, San Petersburgo fue consciente de su privilegiada situación geográfica.

почтальоны хорошо знали свой район и всех его жителей. Они работали подобно шпионам или частным детективам и разыскивали адресатов по описаниям или задавали вопросы соседям. Эта система была надежной потому, что у служащих почты не было постоянной зарплаты, им платили за вручение письма. Почта из Петербурга в остальные города и деревни России уходила два раза в неделю. С 1723 года начала функционировать международная почтовая служба; отправка писем производилась через Германию при помощи двух фрегатов, которые осуществляли связь между Санкт-Петербургом и городом Любеком, входившим в Ганзейскую Лигу.

Как и в случае первых поселений в устье Невы, которые существовали здесь задолго до основания Петербурга, основной артерией и главным наземным путем сообщения был Новгородский тракт. Он представлял собой дорогу через болотистые края, а потом углублялся в лесные чащи. По нему проезжала большая часть путешественников и торговцев,

Si bien las primeras operaciones del puerto estuvieron en manos extranjeras, los rusos no tardaron en formarse e invertir en sus propias flotas navales. A la ciudad llegaban muchas telas, sobre todo seda, lana y lino; así como tintes, café, azúcar y vinos. Por el contrario, la región exportaba cuero, manteca de cerdo, cáñamo, hierro y lonas para veleros. El desarrollo del barrio de El Almirantazgo en torno a la avenida Nevski, una de las tres calles radiales que organizarán el centro de la ciudad, condenará a la isla de Vasilievsky un papel más secundario y periférico del que le reservó el Zar.

DE CAMINOS Y CARTEROS

En toda esta explosión demográfica, la ciudad crecía y se densificaba pivotando del barraquismo a los aires palaciegos. Hasta el año 1738 las calles no tuvieron nombre oficial, con lo que los que buscaran a gente informada, aparte de la policía, hubiesen tenido que dirigirse al servicio de correos. Sus oficinas no sólo distribuían cartas, sino que era habitual que dispusieran de taberna, hostel e incluso alguna sala de baile. Esto facilitaba que los carteros conocieran muy bien el territorio y sus gentes. Un trabajo propio de espías y detectives privados que se basaba en ubicar las direcciones a través de descripciones y preguntas a los vecinos. La fiabilidad del sistema de entregas era posible porque los empleados de correos no tenían salario fijo y sólo cobraban al entregar las cartas. Éstas se mandaban dos veces por semana al resto de Rusia. A partir de 1723, se inició el servicio de correo internacional vía Alemania, gracias a dos fragatas que unían San Petersburgo con la ciudad hanseática de Lübeck.

Como en los primeros asentamientos en el delta del Neva, muy anteriores a la fundación de San Petersburgo, la espina dorsal y principal vía de comunicación terrestre seguía siendo la carretera de Nóvgorod. En realidad era un camino que, a medida que se alejaba de los terrenos pantanosos, ganaba en árboles y bosques. Por allí pasaban gran parte de los viajeros y mercaderes que se dirigían a los mercados petersburgueses; y también muchos de los que buscaban trabajo en la nueva capital. Con la construcción de El Almirantazgo el tráfico se reanimó como

направлявшихся на петербургские рынки, им пользовались и те, кто направлялся в новую столицу в поисках работы. Со строительством Адмиралтейства этот поток стал таким же мощным, каким был в древние времена. Множество путников направлялись к этому новому центру, а остальные двигались к пристани возле Летнего сада чтобы переплыть через Неву к Троицкой площади или к Петропавловской крепости.

С каждым разом все больше возов и экипажей скапливалось на старом и извилистом тракте, который проходил довольно далеко от Адмиралтейства, и было решено проложить прямую дорогу, вымостить ее и выкопать по обеим сторонам дренажные канавы. Позднее эта дорога станет осью Невского проспекта, который соединит район Адмиралтейства с Александро-Невской Лаврой, основанной Петром. Хотя это не вполне соответствует истине, царь думал, что именно на этом месте легендарный новгородский князь, превратившийся потом в одного из главных героев русской нации и провозглашенный святым, добился победы в решающей битве против шведов. Останки князя были перевезены из Владимира в монастырь в 1724 году, и Лавра стала местом паломничества православных.

КУЛЬТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Город моряков, солдат, ремесленников и рабочего люда, чья жизнь была очень коротка, несмотря на все их усилия, направленные на выживание, наверное, не был идеальным местом для создания очагов высокой культуры. Музыка иностранных таверн и пляски их пьяных посетителей были единственным подобием западной общественной жизни. Несмотря на то, что в те годы были основаны новые учреждения, огромное большинство простых горожан видели в них только восхитительные произведения Трезини и других архитекторов. Они могли любоваться их фасадами, но никогда бы не переступили их порога.

Общезвестно, что царь Петр Первый провел часть своей молодости, развлекаясь и обучаясь ремеслам в московской Немецкой слободе в окружении иностранцев, где ему были



Avenida Nevski a la altura del Puente Anichkov y el río Fontanka (1753).

Невский проспект в районе Аничкова моста и реки Фонтанки (1753).



доступны женщины и водка. Во время своего пребывания в Санкт-Петербурге он не оставил своих привычек, но, одновременно, попытался несколько облагородить общественную жизнь. После путешествий в Париж он привез на родину *ассамблеи*, собрания в домах представителей высшего общества. Они проходили два или три раза в неделю и их участникам надлежало общаться, вести беседы и играть в настольные игры. И если, как многократно повторяли, Петербург был самым искусственным городом мира, то нет ничего удивительного в том, что Петр издал декрет с предписаниями населению о том, как следовало себя вести на этих праздниках. Согласно нормам, было необязательно предлагать гостям еду или напитки, если только они того не просили. В городе, который хотел завоевать себе место на карте мира и научиться всему у заграницы, считалось хорошим тоном приглашать на *ассамблеи* иностранцев, чтобы придать вечерам оттенок космополитизма.

Следуя распоряжениям Петра Великого, представители господствующих классов взяли себе в привычку посещать дома себе подобных. Со временем эти новые традиции решительно изменили архитектурные особенности дворцов. Архитекторов просили создать большие залы для приёмов и для размещения гостей, и эта витрина теперь играла ведущую роль по сравнению с помещениями, предназначенными для жизни самой семьи. Стало модным украшать салоны и комнаты мебелью из Европы, приобретались также ковры, живопись всех стилей, скульптуры и гравюры. В первое время единственной задачей являлось заполнение салонов и возможность похвастаться заграничными предметами обстановки, но постепенно начали формироваться вкусы людей, а владение предметами искусства и выставление их на показ стало

Las asambleas y fiestas en los palacios aristocráticos creó el gusto de poseer y exhibir obras de arte importadas de Europa.

«Ассамблеи» и праздники в домах аристократов вызывали у них желание приобретать произведения европейского искусства и выставлять их напоказ

en los viejos tiempos. Muchos de los transeúntes se dirigían fundamentalmente hacia él o llegaban al muelle, junto al Jardín de Verano, para cruzar el Neva en dirección a la plaza Trinidad y hacia la fortaleza de San Pedro y San Pablo.

A medida que los carros llenaban el antiguo camino, tortuoso y alejado del edificio de El Almirantazgo, se decide corregir su trazado, regularizándolo, pavimentándolo y construyendo cunetas de drenaje en ambos lados. Más adelante, será el eje de la avenida Nevski y unirá el Monasterio de Alejandro Nevski, fundado por Pedro en el sitio donde creyó —aunque no era exactamente— que este mítico príncipe de Nóvgorod, y uno de los santos y mayores héroes nacionales rusos, ganó una trascendental batalla contra los suecos. Sus restos fueron trasladados desde la ciudad de Vladimir hasta el monasterio en 1724, convirtiéndolo en centro de peregrinación ortodoxa.

LA VIDA CULTURAL Y SOCIAL

Una ciudad de marineros, soldados, artesanos y trabajadores de vida corta, aunque tozudamente esforzados en su supervivencia, no era tal vez el mejor ambiente para cultivar un caldo cultural elevado. La música en las tabernas extranjeras y sus bailes alcoholizados eran lo más parecido a la vida social occidental. Aunque en aquellos años se crearon nuevas instituciones, la inmensa mayoría de individuos de la calle no veían en ellas más que imponentes obras de Domenico Trezzini y otros arquitectos. Unos edificios de los cuales podrían admirar la fachada, pero nunca pasarían del vestíbulo.

Se sabía que el zar Pedro I pasó parte de su juventud divirtiéndose y formándose en el barrio alemán de Moscú, rodeado de extranjeros y acompañado de mujeres y vodka. En sus estancias en Petersburgo siguió la misma tónica, pero también procuró introducir cierto refinamiento en la vida social. De sus viajes a París importó las *asambleas*, que eran encuentros en casas de la alta sociedad, dos o tres veces por semana, en las que el objetivo era relacionarse, hablar y también entretenerse con juegos de mesa. Si como se repite, San Petersburgo era la ciudad más artificial del mundo, no debería extrañar que Pedro

prestijioso para los señores de casa. Algo parecido sucedió con la música: aparecieron los primeros ансамбли духовых и ударных инструментов, которые играли на праздниках самого высшего общества и впоследствии обогатились изысканными струнными инструментами. В стране, где до сих пор не было литературы, возник рынок искусства и музыки. Всё было импортировано из-за границы, как и французский язык, который уже через несколько лет станет отличительной чертой русского высшего общества.

Для петербургских дам возникновение *ассамблей* означало освобождение и появление в обществе. На них они смогли освоить первые танцевальные па и, выбравшись из темноты Московии, установили робкие отношения между собой и с мужчинами. Одновременно они открыли для себя игру обольщения и кокетства: начали одеваться на западный манер и использовать маски и макияж. В ход пошли импортные духи, волосы больше не надо было скрывать, и очень скоро дамы начали сооружать себе сложные причёски. Из невидимок они превратились в главных действующих лиц празднеств.

Летний сад превратился в сцену первых петербургских праздников на свежем воздухе. Там играли свадьбы, отмечали создание кораблей и военные победы, что всегда сопровождалось музыкой, танцами и венгерскими винами. Хотя фейерверки устраивали на оконечности Васильевского острова, Стрелке, за ними наблюдали из разных частей города, и ими восхищались все, без различия классового происхождения. Это было новое развлечение для народных масс, которое дополняло кулачные бои, которые организовывались на улицах города по воскресеньям для групп мужчин, как молодых, так и зрелых. К этим мероприятиям досуга следует добавить русскую баню. Для мытья строились одноэтажные здания рядом с рекой; первые бани в Петербурге построили на Мойке, печи там топили дровами. Помещение делилось на три части: раздевалка, душевая и парилка, или комната с паром. Это последняя комната разогревалась при помощи

crease un decreto explicando a la población cómo se tenía que actuar en estas fiestas. Las normas decían que no era necesario servir comida ni bebida siempre que los invitados no la pidieran. En una ciudad que quería posicionarse en el mundo y aprender del exterior, en las *asambleas* estaba bien visto invitar a extranjeros para dar una pátina de cosmopolitismo.

Siguiendo los decretos de Pedro el Grande, las clases pudientes se acostumbraron a acudir a las casas de los demás miembros. Esta nueva costumbre, con el tiempo, modificó decisivamente los criterios arquitectónicos de los palacetes. A los arquitectos se les pedía más espacio de recepción y de estancia para invitados, importando más el escaparate que lo íntimo. Empezó una moda de decorar salones y habitaciones con todo tipo de mobiliario llegado de Europa: tapices, pinturas de cualquier estilo, esculturas y grabados. Al principio sin mucho más criterio que el de rellenar los salones y exhibir objetos extranjeros, se fue creando cierto gusto y prestigio en la posesión y exhibición de arte. Algo similar pasó con la música, apareciendo las primeras bandas de viento y percusión, que tocaban en las fiestas más distinguidas, evolucionando hasta incorporar el refinamiento de las cuerdas. En un país todavía sin literatura, se empezó a activar el mercado del arte y de la música. Todo importado, al igual que el francés, que en pocos años sería la lengua de distinción entre la alta sociedad rusa.

Para las damas petersburguesas, las *asambleas* significaron su primera liberación y presentación en sociedad. Allí aprendieron compases del baile y, saliendo de la negrura de Moscovia, establecieron tímidas relaciones entre sí y con otros hombres. Descubrieron al mismo tiempo el juego de la seducción y la coquetería: empezaron a vestir con ropas occidentales y a utilizar maquillajes y máscaras. Se descubrieron el pelo, se perfumaron de esencias importadas y no tardarían en construirse peinados barrocos. Pasaron de ser invisibles a protagonistas visuales de las fiestas.

El Jardín de Verano fue el escenario de las primeras fiestas petersburguesas al aire libre. Se celebraban bodas, inauguración

печи, в которой раскалялись докрасна камни. Мужчины и женщины, состоявшие в браке или нет, купались совершенно нагими, не испытывая никакого стеснения, и совершали эту гигиеническую процедуру, радуясь приятным от неё ощущениям и целительной силе воды.

ГОРОД БЕЗ МОСТОВ

На протяжении своей жизни царь Пётр открыл не один фронт в строительстве города, но есть один, который является ключевым камнем инженерного искусства: это мосты Санкт-Петербурга. Говорят, что Пётр не хотел строить мостов в городе. В первое время система коммуникаций основывалась не на движении по улицам, а на судоходстве по рекам и прочим водным путям. Именно поэтому император считал, что городу мосты противопоказаны: они могли подвинуть торговцев перевозить свой товар на телегах по улицам, вместо того, чтобы использовать лодки и двигаться по воде, как того хотел он. В петровские времена, по подсчётам историков, было прорыто около сотни каналов. На самом деле, большинство улиц исторической части города имело свой канал, хотя в последующие десятилетия многие из них были осушены, засыпаны и замощены, как улицы. Страсть царя к мореплаванию и его идея речного транспорта не выдержали столкновения с суровой действительностью: зимы в этих широтах очень длинные, и реки замерзают, поэтому обширные районы Петербурга на долгое время оказывались недоступны и страдали от невозможности доставить туда продукты. Устойчивое нежелание царя строить мосты способствовало тому, что район Адмиралтейства, расположенный на суше и оснащённый понтонными мостами через Мойку и Фонтанку, стал превращаться в городской центр. Это привлекало сюда жителей Васильевского и Городского островов вместе с их предприятиями.

Сообщение между двумя берегами Невы играло первостепенную роль. В некоторых местах, как в районе нынешнего Троицкого моста, ширина реки составляет почти 600 метров. Ежедневное преодоление этой преграды

de barcos o victorias militares, en las que nunca faltó la música, el baile ni el vino húngaro. Si bien los fuegos tenían lugar en la Strelka o punta de la isla de Vasilevsky, eran seguidos y fascinaban a todos, sin que importase la procedencia ni la clase social del espectador. Eran un nuevo entretenimiento que, las clases populares, combinaban con los domingos de lucha libre en las calles, organizados por grupos de hombres adultos y jóvenes. A este cuadro festivo, cabe sumarle los baños rusos. Los *banias* eran construcciones de una sola planta junto a un río; en Petersburgo los primeros fueron junto al Moika, y se calentaban con leña. Consistían en tres instalaciones: el guardarropa, la sala de duchas y la *parilka* o sala de vapor, esta última calentada por una estufa con piedras al rojo vivo. Hombres y mujeres, casados o no, se bañaban completamente desnudos, sin ningún pudor, sometándose al poder higiénico, placentero y medicinal del agua.

UNA CIUDAD SIN PUENTES

A lo largo de su vida, el zar Pedro abrió muchos frentes en la construcción de la ciudad, pero entre ellos hay en el campo de la ingeniería un tema fundamental: los puentes de San Petersburgo. Dicen que Pedro no quería puentes en la ciudad. Al principio, el sistema de comunicaciones no se basaba en la calle, sino en la navegación a través de ríos y demás vías navegables. Precisamente los puentes no eran convenientes según el emperador, porque hubieran animado al mercader a transportar sus productos en carros y por las calles, en lugar de en barcazas y sobre el agua, como él pretendía. Se calcula que en los tiempos de Pedro I se excavaron alrededor de un centenar de canales. De hecho, la mayoría de las calles de la ciudad histórica tuvieron uno, aunque en los siguientes lustros muchos fueron drenados, rellenados y reurbanizados como calles. La pasión del zar por la navegación y su ideal de transporte fluvial naufragó con la realidad: debido al invierno larguísimo y a la congelación de los ríos, amplias partes de Petersburgo presentaban problemas endémicos de accesibilidad y abastecimiento de productos. La persistencia en la no construcción de puentes facilitó que el barrio de El Almirantazgo, en tierra firme y con pontones

fuera vitalmente importante para los petroburgueses, tal como por las diferentes orillas del río se hallaban dos principales centros de la ciudad: la Isla de la Ciudad y la Fortaleza Petropavlovskaya — en una misma orilla, el barrio de la Armada y el antiguo Novgorodsky tract — en la otra. Para asegurar la comunicación Pётр estableció una peculiar sistema de transporte fluvial. A los representantes de las altas capas de la población él daba préstamos diferentes barcos, de acuerdo con la situación de cada familia y sus relaciones amistosas. Y para el simple ciudadano el zar estableció sistema de veinte gubernamentales barcos, que permitían a todos cruzar el Neva y desplazarse por la ciudad. Navegando de un lado al otro, los barcos creaban considerable caos, y a la mayoría de los capitanes no era necesario para el manejo de los barcos preparación; esto conducía a lo que el río se convertía en zona de choques y hundimientos de barcos. Entre uno de ellos pereció el propio médico de Pётр, el general-mayor de la rusa armija y el polaco ministro. Después de este terrible accidente algunas reglas de navegación fueron alteradas, y en Pётрбурге comenzó irreversible proceso de construcción de puentes, que ahora son parte integrante de imagen de la ciudad.

ПЁТР УХОДИТ, ПЕТЕРБУРГ ОСТАЁТСЯ

Cuando el país pierde tal único líder, su pueblo experimenta conmoción, algo semejante a lo que experimentan los marineros, inesperadamente perdiendo el rumbo en el mar abierto. Este shock dura años y mucho tiempo oculta ideas de transformaciones y nuevos proyectos. A Rusia le esperaba comenzar su trágico camino el 27 de enero de 1725 año, cuando el zar murió de la gripe y la difteria. La historia de su muerte es semejante a la de la heroica saga: los biógrafos de Pётр Primero Grande, aseguran, que él enfermó, salvando a los marineros, que sufrieron hundimiento de barcos en el Golfo de Finlandia. La ceremonia de despedida con el zar se celebró en el de madera pabellón, pronto construido en el Petropavlovsky Catedral, que todavía no fue construido.

Primera vez en la historia del país el cuerpo del emperador fue exhibido para la despedida, para lo que en el Invierno palacio en el mes de abril

sobre los ríos menores Moika y Fontanka, se desarrollara como el futuro centro urbano; atrayendo a gentes y actividades de las islas de Vasilevsky y Gorodsky.

La comunicación entre las márgenes del gran Neva era fundamental. En algunos puntos, como en la zona del actual puente de la Trinidad, la distancia entre ambas es de casi 600 m. Este era un trayecto vital en los desplazamientos diarios de los petersburgueses, puesto que unía los dos focos de la ciudad: la isla Gorodsky y la fortaleza de San Pedro y San Pablo con el barrio de El Almirantazgo y la antigua carretera de Nóvgorod. Para garantizar las comunicaciones, Pedro estableció un particular sistema de transporte fluvial. Prestaba a las clases altas distintos veleros, en función de su rango familiar y nivel de amiguismo; mientras que, para el resto de la población, instauró una red de 20 ferrys gubernamentales para cruzar el Neva y moverse por la ciudad. El hormigueo de barcazas en todas direcciones creaba un cierto caos de tráfico que, sumado a la falta de formación náutica de la mayoría de los patronos, convertía el río en un gran festival de accidentes y naufragios, en uno de los cuales murió el propio médico del zar Pedro, un mayor general del ejército ruso y un ministro polaco. A partir de esta sonora desgracia, cambiaron algunas leyes de navegación y empezó en San Petersburgo un proceso irreversible de construcción de puentes, que hoy son parte esencial de su identidad.

PEDRO SE VA, PETERSBURGO SE QUEDA

Cuando en un país desaparece un líder tan excepcional, su gente sufre una brutal conmoción durante años, como una pérdida de coordenadas en medio de la travesía, que sepulta en el limbo a ideas regeneradoras y nuevos proyectos. A Rusia le tocó empezar el duelo el 27 de enero de 1725, cuando el Zar falleció de frío y fiebres. Como en los guiones más heroicos, los biógrafos de Pedro I el Grande afirman que enfermó después de salvar a los marineros de un naufragio en el Golfo de Finlandia. La ceremonia de despedida se celebró en un

Mujeres lavando ropa en el río Fontanka.

Прачки, стирающие бельё на реке Фонтанке.



pabellón de madera construido de urgencia en la catedral de San Pedro y San Pablo, todavía en obras.

Por primera vez en la historia del país, se instauró una capilla ardiente, que se ubicó durante un mes en el primer Palacio de Invierno. Sobre el Neva helado, acompañando a su viuda y futura emperatriz Catalina I, desfiló una procesión de más de 10.000 soldados hasta la ciudadela de San Pedro y San Pablo. Les siguieron los oficiales del gobierno, miembros de la corte, embajadores y el pueblo, sosteniendo antorchas, agolpado junto a las orillas del río y con sentimientos basculando del desamparo al rencor.

Después de superar el impacto instantáneo de la pérdida, desgarradora en lo emocional, llega un lento proceso de asimilación del vacío. Este es el punto clave y más peligroso, porque empieza el miedo a desmontar su obra, a dilapidar su legado. Gracias a la inercia petrina no hubo deconstrucción, aunque durante algunos años planeó el riesgo de la marcha atrás.

Está claro que después de engrasar al ejército, de conquistar amplios territorios y apuntalar el futuro de San Petersburgo, Pedro I el Grande dejó al Estado arruinado y con un sistema de esclavitud consolidado. Fue cruel y tremendamente injusto con la mayoría, pero el Zar y capitán Mijailovich acertó a dar un golpe de timón fundamental, irrepetible en cuanto a su escala, dentro de la errática trayectoria rusa. En alguna ocasión y a pesar de su imagen europeísta, el Zar se refirió a Europa no como la estación final donde bajarse, sino más bien como una parada necesaria y temporal. Y seguramente porque nunca se cansó de aprender, hizo grabar en su sello personal: *yo soy un alumno, busco profesores*. Su legado es tan arrebatador y tenebroso como el más conmovedor de los claroscuros. Trescientos años después, puede que uno ya no sepa si lo que ha leído aquí sobre el nacimiento de San Petersburgo es realidad o sueño.

especialный зал. Сопровождая его вдову и будущую императрицу Екатерину Первую, по льду Невы прошла процессия из более 10.000 солдат. За ними с факелами в руках в Петропавловскую крепость проследовали члены правительства, придворные, послы и простой народ. Люди толпились на берегах реки, и чувства толпы были неоднородны: одни оплакивали потерю, другие скрывали своё недовольство.

После того, как утихает острое ощущение потери, эмоционально чрезвычайно тяжелой, постепенно наступает процесс принятия создавшейся пустоты. Это ключевой момент, который включает в себе большую опасность: возникает страх разрушить произведение покойного, разбазарить его наследие. Благодаря заложенной Петром инерции, разрушения не последовало, хотя на протяжении нескольких лет существовал риск отступления на старые позиции.

Совершенно ясно, что в результате усиления армии, захвата обширных территорий и создания основ будущего Санкт-Петербурга, Пётр Великий опустошил государственную казну и создал систему узаконенного рабского труда. Он был жесток и безумно несправедлив по отношению к большинству народа, но царь и капитан Михайлов сумел повернуть штурвал, сделать основополагающий манёвр, неповторимый по своему масштабу, в неуверенном курсе русской истории. Несмотря на свою славу европеиста, как-то раз царь отметил, что Европа не является для него конечной станцией, на которой следует остановиться, а скорее временной, но необходимой остановкой. Он никогда не переставал учиться и, наверное, поэтому велел сделать на личной печати такую надпись: «Я ученик и ищущий учителей». Его наследие так впечатляюще и так мрачно, как самый волнующий холст, написанный в технике светотени. Триста лет спустя может случиться так, что человек, прочитавший эти строки о рождении Санкт-Петербурга, не будет знать, приснилось ли ему всё это или случилось наяву.



III. AGUSTÍN AGUSTINÓVICH BETANCOURT, MINISTRO DEL ZAR / АВГУСТИН АВГУСТИНОВИЧ БЕТАНКУР, ЦАРСКИЙ МИНИСТР

*Llego a un país del que tengo inmejorables referencias.
Vengo a una España en la que nació el más ilustre colaborador
que jamás ha tenido Rusia: Agustín de Betancourt.*

Mijaíl Gorbachov, presidente de la URSS (1989-1991)
Discurso pronunciado en su primera visita a España en 1990

*Я приехал в страну, о которой знаю много хорошего. Я приехал в
Испанию, где родился человек, который, как никто другой, помог
России: Августин де Бетанкур.*

Михаил Горбачев, президент СССР (1989-1991)
Речь, произнесенная им во время своего первого визита в
Испанию

Si es verdad que todas las familias felices se parecen unas a otras pero que cada familia infeliz tiene un motivo especial para sentirse desgraciada, igual también lo es que todos los grandes hombres se confunden en sus éxitos y que son únicos y humanos sobre todo en sus fracasos y decepciones. Este principio atroz ya lo intuía cuando conocí al hombre que les presentaré a continuación, pero ahora que soy testigo de sus hazañas y miserias, tiempo habrá para que ustedes mismos las juzguen y, así, compartan o no mis palabras.

La primera vez que vi a Agustín de Betancourt, uno de estos grandes hombres, fue en un retrato de aires castrenses. Destacaba de él una frente amplia, calva y con los cabellos de las sienes peinados hacia delante, con patillas bien pobladas. De ojos grandes y un tanto tristes, circunspecto como es habitual en este tipo de pinturas, diría que era por la comisura de sus labios donde rezumaba una cierta melancolía. Vestido de uniforme y con la cruz de la Orden de Santiago, al verlo, uno piensa en un hombre de armas dieciochesco, de aquellos que espolean o sofocan revoluciones. Hablamos de un ingeniero que, aun formando parte del ejército español y del ruso en tiempos convulsos, nunca participó en guerras ni batallas políticas. Pero que avivó la marea ilustrada que revolucionaría la sociedad, la política y la ingeniería europea desde Madrid, París y, muy especialmente, San Petersburgo.

EL PUERTO DE LA OROTAVA, 1758-1778

Sólo algunas veces al mes la soledad de las Islas Canarias era interrumpida por los correos de España. Sin embargo, duraba poco la apatía costera, puesto que cada mañana llegaban allí decenas de bergantines cargados de marineros y comerciantes

Говорят, что все счастливые семьи похожи друг на друга, но каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Если это так, то верно и то, что все великие люди сходны в своих великих деяниях, но являются уникальными и человеческими личностями в первую очередь в своих поражениях и разочарованиях. Я предчувствовал эту страшную закономерность уже тогда, когда впервые увидел человека, которого сейчас собираюсь вам представить, но сейчас, будучи свидетелем всех его подвигов и бед, предоставляю вам самим возможность оценить их и, таким образом, опровергнуть мои слова или признать мою правоту.

Я впервые увидел Августина Бетанкура, одного из великих людей истории, на портрете, где он был изображен при всех военных регалиях. В первую очередь в глаза бросался широкий открытый лоб с залысинами, волосы на висках, зачесанные вперед, и густые бакенбарды. Большие с грустинкой глаза, серьезный вид, как это полагается на картинах этого жанра; я бы сказал, что только морщинка в уголке рта выдавала некоторую печаль. Военный мундир и крест Ордена Сантьяго на груди наводили на мысль о ратном командире восемнадцатого века, из тех, которые прищипывают коней или подавляют революции. Но перед нами инженер и, хотя он входил в состав испанской и русской армий в бурные эпохи, этот человек никогда не принимал участия ни в войнах, ни в политических схватках. Однако, находясь в Мадриде, Париже и, особенно, в Петербурге, он способствовал волне просвещения, которая произвела революцию в области социального и политического устройства, а также в инженерном искусстве.

extranjeros. En su mayoría, ingleses que alternaban, con gran maestría, la compra de vinos con las incursiones militares de sus almirantes, a veces *Jennings* y otras *Nelsons*, pero siempre esforzados en controlar unas tierras casi coloniales. La principal economía de la isla era el cultivo de las malvasías, caldos que competían con oportos y los de Jerez. Tal vez la mezcla entre este cosmopolitismo comercial y el olvido de la metrópoli creó en las Canarias un clima de relativa libertad. Los ecos de la Santa Inquisición sonaban más lejanos, dejando el aire suficiente para el nacimiento de una pequeña clase ilustrada, que recibía de Europa los libros prohibidos por la censura. Éste es el círculo nobiliario con base en el Puerto de la Orotava —hoy, Puerto de la Cruz, al noreste de Tenerife— en el que nació Agustín de Betancourt y Molina en 1758, el segundo de nueve hermanos. La madre, hija del marqués de Villafuerte, le enseñó francés; mientras que el padre, caballero de la Orden de Calatrava y capitán de las Milicias provinciales, contribuyó transmitiéndole las primeras ciencias y en algo todavía más trascendental: introdujo al pequeño Agustín en las Tertulias ilustradas del Marqués de Nava, que le acercaron a los prohombres más cultos e influyentes de la isla.

En el mayorazgo de los Betancourt se cultivaban moreras para el gusano de seda y había una manufactura textil. Según la tradición, el primogénito José heredaría la hacienda y, casi como seguro de vida y para complacer a su padre, Agustín se alistó en las Milicias provinciales, ascendiendo rápidamente a Teniente. Sin embargo, no parecía que tuviera ninguna inclinación militar, sino que más bien mostró curiosidad por el saber práctico. Interés que, junto al dibujo y a las ciencias exactas, le ayudó a crear una máquina para el hilado de la seda. Sería el primero de una serie de inventos y trabajos que impresionarían a los círculos ilustrados de Tenerife. La inventiva de lo cotidiano siguió creciendo en él hasta que, debidamente articulada por los tertulianos de Nava y sus conexiones madrileñas, llegó a oídos de don José Gálvez, ministro de Indias. Un político con cierta vinculación tinerfeña que le pensionó para ingresar en

ПУЭРТО-ДЕ-ЛА-ОРОТАВА, 1758-1778

Оторванность Канарских островов от Испании нарушалась только несколько раз в месяц, когда с континента приходила почта. Однако ленивая дрема островных берегов постоянно прерывалась, потому что каждое утро туда приходили десятки бригов, с которых сходили иностранные торговцы и моряки. В большинстве своем это были англичане, которые ловко чередовали покупку вин с военными экспедициями своих адмиралов, то Дженингов, то Нельсонов, стремившихся всегда контролировать эти практически колонияльные владения. Главным экономическим мотором развития острова было производство мальвазии, напиток который конкурировал с портвейнами и хересом. Возможно, эта смесь коммерческого космополитизма и забывчивости метрополии создала на Канарских островах климат относительной свободы. Отголоски Святой Инквизиции едва доносились сюда, и на островах смогла появиться тонкая прослойка образованных людей, которые получали из Европы книги, запрещенные цензурой. Здесь, в кругу аристократов с центром в Пуэрто-де-ла-Оротава — ныне Пуэрто-де-ла-Крус — на северо-востоке Тенерифе в 1758 году родился Августин де Бетанкур и Молина, второй ребенок из девяти детей в семье. Его мать, дочь маркиза Де Вильяфуэрте, обучила сына французскому языку, а отец, кавалер Ордена Калатравы и капитан Ополчения провинции, способствовал его развитию, приобщив к основам наук. Но это было не главное: отец ввел маленького Августина в Общество просветителей маркиза Де Нава, что позволило молодому человеку познакомиться с самыми культурными и влиятельными людьми острова.

В поместье Бетанкуров была плантация тутовых деревьев для шелковичных червей и текстильная фабрика. По традиции старший сын в семье, Хосе, должен был наследовать поместье, поэтому Августин записался в Ополчение провинции — чтобы обеспечить себе дальнейшее существование и порадовать отца — и быстро получил



Iglesia de Nuestra Señora de la Peña de Francia en Puerto de la Cruz.
Церковь Богородицы Пенья-де-Франция в Пуэрто-де-ла-Крус.

los Reales Estudios de San Isidro de Madrid. Zarpando desde el Puerto de la Orotava y recalando en Gran Canaria y Cádiz, Agustín llegó a la capital de España un mes después. Todavía no lo sabía, pero ya no volvería a las Islas.

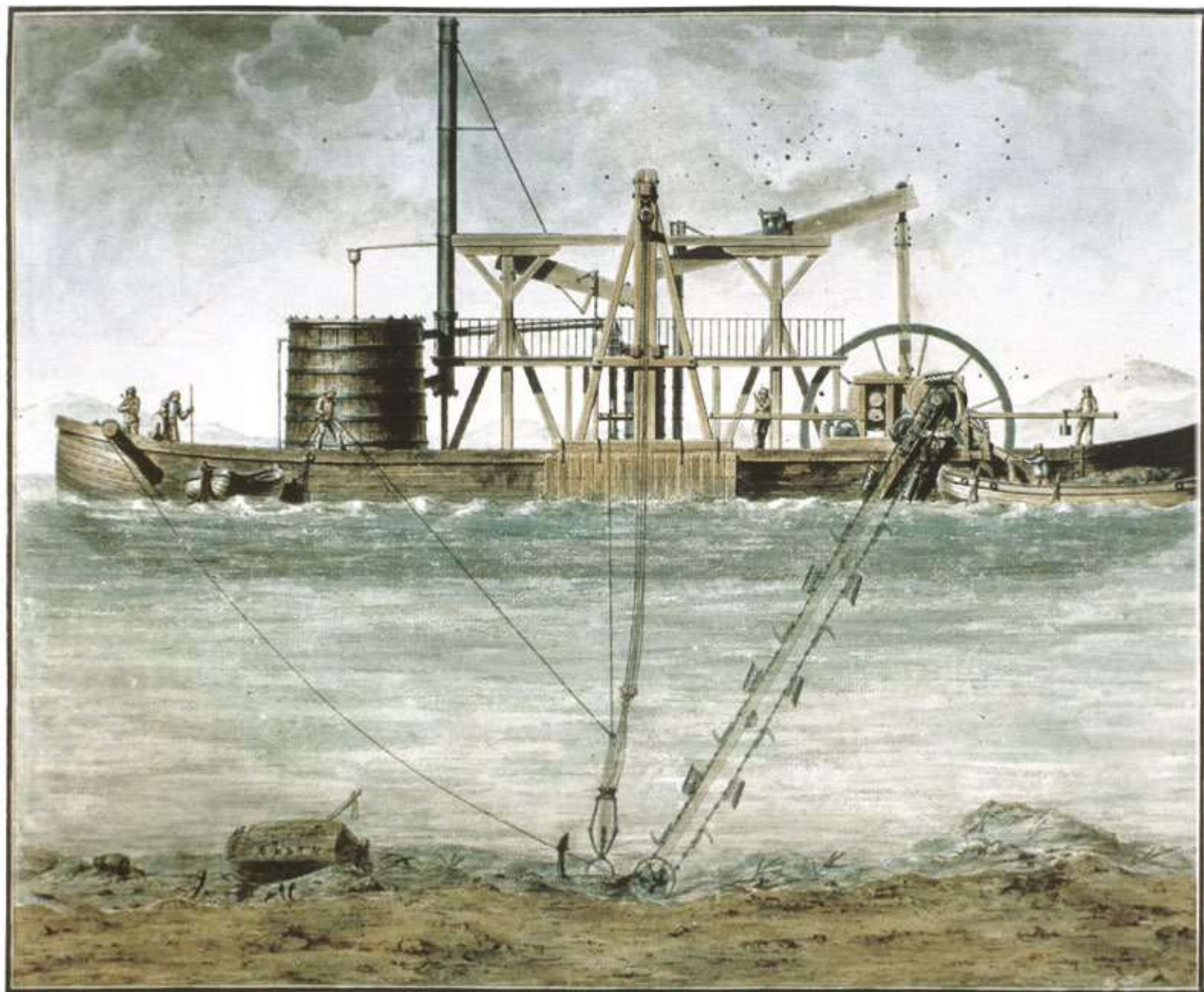
UN ESTUDIANTE ILUSTRADO EN MADRID, 1778-1884

Tenía veinte años en el baúl de equipaje y toda una vida por delante al llegar a Madrid. Gobernaba el rey Carlos III, que mantenía en el poder a la plana mayor ilustrada formada por el primer secretario de Estado conde de Floridablanca y otros incombustibles personajes como Jovellanos o Campomanes. En su vida de joven estudiante, Betancourt dedicaba las mañanas, cuando uno necesita de toda su lucidez, a las asignaturas científicas en los Reales Estudios de San Isidro. Por la tarde, acudía a los talleres de dibujo en la Real Academia de Bellas Artes de San Fernando; donde en una combinación de talento y rebeldía, se saltó las clases de arquitectura y perspectiva. Curioso currículum artístico en alguien que en el futuro tendrá que proyectar puentes y edificios.

звание лейтенанта. Однако юноша не проявлял никакого интереса к военному искусству, его любопытство вызывали скорее вопросы практического характера. Эта природная склонность, а также способности к точным наукам и к рисунку помогли ему создать аппарат для прядения шелка. Данное устройство стало первым в ряду изобретений, которые поразили просвещенные круги Тенерифе. Стремление преобразовывать каждодневную жизнь росло в нем постоянно и получало форму благодаря участникам Сообщества Де Нава, которые, воспользовавшись своими связями, довели известия о таланте юноши до ушей главы Совета Индий, Хосе Гальвеса. Этот политик, у которого были определенные связи на Тенерифе, обеспечил Августину возможность обучаться в Королевском училище Святого Исидора в Мадриде. Молодой человек отправился в путь из Пуэрто-де-ла-Оротава и, сделав остановки на острове Гран-Канария и в Кадисе, месяц спустя приехал в столицу Испании. Ему никогда больше не суждено было вернуться на Канарские острова, но он об этом не догадывался.

ПРОСВЕЩЕННЫЙ УЧЕНИК В МАДРИДЕ, 1778-1784

В дорожном сундуке юноши лежали двадцать лет детства и молодости, и по приезде в Мадрид вся жизнь была у него впереди. В то время правил король Карл Третий, который собрал при своем дворе генеральный штаб просвещения, в который входил первый государственный секретарь, граф Флоридабланка, и такие непоколебимые личности, как Ховельянос или Кампоманес. Во время учебы молодой Бетанкур посвящал утренние часы, когда человеку необходима свежая голова, предметам науки в Королевском училище Святого Исидора. По вечерам он посещал уроки рисования в Королевской Академии изящных искусств Сан-Фернандо. Там проявился его талант и, одновременно, мятежный дух: молодой человек решительно отказался посещать уроки перспективы и архитектуры. Странная программа в области искусства для человека, которому в будущем придется проектировать мосты и здания.



Habiéndose ganado una reputación de hombre estudioso y técnicamente sólido, el conde de Floridablanca le ofreció colaborar con el ministerio de Indias inspeccionando grandes obras como el Canal imperial de Aragón o las históricas minas de mercurio de Almadén. Elaboró informes de ambas visitas, que circularon por los principales despachos del ministerio y que le permitieron obtener una pensión para ampliar estudios en París. Con el prestigio acumulado, antes de irse recuperó los contactos de la Academia y consiguió, tenazmente, que le nombraran académico de honor. Ya tenía el aura necesaria para cruzar la frontera.

PARÍS, MÁQUINAS Y REVOLUCIONES, 1784-1791

Primero estaba la madera apilada en montones hasta la altura de las casas. Después vio las embarcaciones, los puentes del Sena densamente contruidos, los jardines y los barrios elegantes de paseos y espectáculos. En definitiva, el espíritu que le recordaba que aquella ciudad era el plató sobre el que se movían todos los personajes de la *Encyclopédie*. Cuando Agustín de Betancourt llegó a París en 1784, la capital todavía no había sufrido la apertura en canal del barón Haussmann y, abarrotada de callejuelas e indignaciones, era un hervidero camino a la Revolución.

De entrada, el pensionado Betancourt llegó con el mandato del ministerio de Indias de profundizar en los estudios sobre minas y geometría; pero a través del embajador español, pronto le permitieron trabajar en lo que realmente le interesaba: la mecánica y la hidráulica. Agustín se dedicó fundamentalmente a buscar e investigar todos los artefactos posibles visitando o espiando talleres, recopilando planos, copiando dibujos y comprando todo tipo de máquinas. La idea era reunir una colección amplia y variada, que debería trasladarse a Madrid como el embrión del que, a su vuelta a España, será el Real Gabinete de Máquinas. Un propósito de alcance enciclopédico, para el que organizó un equipo coordinado por su hermano José y soportado por el trabajo de jóvenes becarios llegados de

Поскольку юноша заработал себе репутацию прилежного ученика и славился хорошей технической подготовкой, граф Флоридабланка предложил ему сотрудничать с Советом Индий и провести наблюдение за ведением работ на таких важных объектах как Имперский канал Арагона и ртутные шахты Альмадена, где с давних пор шла разработка месторождения. По результатам обеих поездок Бетанкур составил отчеты, которые были представлены в главные кабинеты министерства, и это позволило ему получить стипендию чтобы продолжить образование в Париже. Имея солидный авторитет, перед отъездом он восстановил свои связи в Академии и добился, приложив большие усилия, звания почетного академика. Теперь у него был ореол признания, необходимый для пересечения границы.

ПАРИЖ, МАШИНЫ И РЕВОЛЮЦИИ, 1784-1791

Сначала его глазам открылись горы бревен, которые закрывали собой дома. Потом он увидел суда, стоящие на близком друг от друга расстоянии, мосты над Сеной, сады и элегантные районы, где люди прогуливались или ходили смотреть спектакли. В общем, он почувствовал дух города, который напоминал ему, что Париж — это сцена, по которой двигались все выдающиеся *энциклопедисты*. Когда Августин де Бетанкур приехал сюда в 1784 году, столица еще не легла под нож барона Османа, и ее тесные улочки кипели негодованием в преддверии Революции.

Изначально стипендия Бетанкура от Совета Индий была выделена ему для углубления познаний в области горного дела и геометрии, но очень скоро при посредстве испанского посла ему разрешили заниматься тем, что интересовало его на самом деле: механикой и гидравликой. Августин посвящал практически все свое время поискам различных механизмов и устройств и их изучением; он посещал мастерские и подглядывал за работой специалистов, собирал чертежи, копировал рисунки и покупал всевозможные машины.

Draga de Kronstadt diseñada por A. de Betancourt.

Драга, созданная Бетанкуром для порта Кронштадт.

de fuego o máquina de vapor de doble efecto, que había creado James Watt. Como el invento marcó ventajas en la carrera de la industrialización, los británicos se lo guardaron como un secreto de Estado, prohibiendo su exportación. Betancourt visitó entonces las fábricas de Watt y Boulton en Birmingham, en modo espía, sin conseguir ninguna información. De vuelta a Londres, vio algunas pistas del nuevo mecanismo, con las cuales construyó su propia versión de la máquina de vapor de doble efecto, la primera del continente europeo. Finalmente, se empezarán a equilibrar las fuerzas con los ingleses.

BETANCOURT Y EL NACIMIENTO DE LA INGENIERÍA CIVIL EN ESPAÑA, 1791-1807

La orden de traslado llegó en la casa parisina de los Betancourt a mediados de febrero de 1791. El ingeniero, su familia y los demás pensionados deberían prepararse para abandonar la ciudad y embalar con premura todas las piezas del Real Gabinete para mandarlas a España. El rey Carlos IV —que lo era desde la muerte de su padre Carlos III en 1788— estaba alarmado por la deriva revolucionaria francesa y, sobre todo, le urgía cortar todo vínculo con sus vecinos, que pronto empezarían a montar patibulos y a llenarlos de guillotinas. Más allá del frenesí y los vientos de cambio, Madrid seguía siendo la acomodada capital de medio mundo. Acostumbrada a discutir sobre asuntos transoceánicos más que europeos, altiva y untada por el oro colonial, empezó a reinventarse desde los tiempos de Carlos III. Gracias a fuertes inercias constructivas, mutaba su carácter de ciudad conventual a gran urbe del conocimiento. Arquitectos como Ventura Rodríguez y especialmente Juan de Villanueva, referente indiscutible del neoclasicismo europeo, se encargarán de dar forma y materia a esta transformación. Se abrirán plazas nuevas en terrenos ocupados por antiguos conventos y avanzará, con una mezcla de aceleración y aplomo, el gran conjunto urbanístico de El Prado de Atocha. El Museo-Academia de Ciencias (hoy El Prado), el Observatorio Astronómico o el Real Jardín Botánico son la mejor herencia de aquellos años.

significativamente превышали возможности стипендиата. Анна Журдан была англичанкой из хорошей семьи, католичкой, обладавшей дурным характером и склонностью к расточительству. Скажем лишь, что они познакомились в доме Брге и поженились сначала в Париже, а потом — во второй раз — в Мадриде, потому что Римская церковь не признавала браков, заключенных священниками-революционерами. Первые их дочери родились еще во Франции.

ШПИОН ОГНЕННОГО МОТОРА

Испанский посол в Париже, граф Фернан Нуњес, постоянно наведывался в дом-мастерскую Бетанкура; бесконечные аппараты, макеты и чертежи поражали его воображение. Благодаря графу мы знаем, что Августин собирался выяснить, как работает *огненный мотор* или паровая машина двойного действия, которую создал Джеймс Уатт. Поскольку это изобретение давало англичанам преимущество в процессе промышленной революции, они хранили его секрет как государственную тайну и запрещали его продажу на экспорт. Бетанкур, выполняя функции шпиона, в те годы посетил фабрики Уатта и Болтона в Бирмингеме, но не получил нужных ему сведений. Возвращаясь через Лондон, Августин нашел кое-какую информацию о новом механизме и благодаря этому построил свой собственный вариант паровой машины двойного действия, первой на европейском континенте. Наконец-то, соотношение сил европейцев и англичан начинало уравниваться.

БЕТАНКУР И РОЖДЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИНЖЕНЕРИИ В ИСПАНИИ, 1791-1807

Приказ о возвращении в Испанию пришел в дом Бетанкуров в середине февраля 1791 года. Сам инженер, его семья и остальные стипендиаты должны были подготовиться к отъезду и срочно упаковать все экспонаты Королевского кабинета для отправки в Испанию. Король Карл IV — вступивший на престол в 1788 году после смерти своего отца, Карла III — был озабочен тем поворотом, который

El viaje de vuelta a casa de los pensionados se convierte en una larga peregrinación técnica, en la que Betancourt se interesó por el estado de la industria y las comunicaciones de varias ciudades. Pensó especialmente en Barcelona, en cuyo puerto no le dejaron aplicar la draga limpia fondos que inventó en los años parisinos. Una vez instalado en la Villa y Corte, el ya insigne ingeniero consiguió reunir lo que sus contemporáneos consideraron la mayor colección de máquinas de Europa. Junto con su escudero Juan López Peñalver, llenó de contenido el Real Gabinete de Máquinas, que colonizará varios *salones de las infantas* del palacio del Buen Retiro; mientras que la familia Betancourt se instaló en la planta principal. Las dependencias del Gabinete debían ser el origen, en forma de talleres y laboratorios, de uno de los sueños más ambiciosos del genio canario: la nueva Escuela de Caminos y Canales, inspirada en la *École* francesa que tan bien conocía.

En un momento convulso e incierto para el poder, las figuras ilustradas como Floridablanca son apartadas y, en su lugar, asciende el grisáceo Manuel Godoy como hombre fuerte de la monarquía. Paralelamente, Agustín de Betancourt sigue en meteórico ascenso en el aparato del Estado, ahora liderando las obras públicas como Inspector General de Caminos y Canales (1801-1807). Debería esperar diez años y trasladarse al frío ilustrado de San Petersburgo para superar tales cotas de poder.

Durante esta época peninsular, el Inspector general Betancourt visitó todas las grandes infraestructuras en ejecución, valoró nuevos proyectos y desestimó muchos otros con una sensatez que ya hubiéramos querido para nuestros días. De su solidez técnica y trabajo de campo surgieron varias memorias e informes, imprescindibles para entender las primeras obras públicas de la España decimonónica (canal de Castilla, Real Acequia del Jarama, canal Imperial de Aragón, etc.). A nivel teórico, profundizó en el estudio de las vías de comunicación y de los canales, analizando los ejemplos europeos. Entonces, los británicos eran maestros indiscutibles en el tema. Agustín

принимали революционные события во Франции. Кроме того, ему хотелось как можно скорее разорвать все связи с соседями, которые в скором времени начнут строить эшафоты и устанавливать на них гильотины. Оставаясь вдали от бурных событий и ветров перемен, Мадрид продолжал спокойно жить благополучной жизнью столицы половины света. Там чаще спорили о заморских территориях, чем о делах в Европе, но еще во времена правления Карла III этот город, высокомерный и осыпавший колониальным золотым дождем, начал искать своё новое обличье. Благодаря инерции мощного развития, этот город монастырей постепенно превращался в столицу знаний. Такие архитекторы, как Вентура Родригес и, особенно, Хуан де Вильянуэва, непререкаемый авторитет европейского неоклассицизма, взяли на себя задачу придать материальную форму этой метаморфозе. Новые площади создавались на участках земли, принадлежавшим раньше старым монастырям, и в некоторой спешке было положено начало амбициозному градостроительному проекту Прадо де Аточа. Музей-Академия наук (ныне музей Эль Прадо), Астрономическая обсерватория и Королевский ботанический сад — это самое лучшее наследство, доставшееся нам от той эпохи.

Дорога домой превращается для стипендиатов в длинное паломничество по местам передовой техники, во время которого Бетанкур интересовался развитием промышленности и коммуникаций различных городов. Особенно его привлекла Барселона, но в ее порту ему запретили использовать драгу для очистки дна, которую он изобрел, проживая в Париже. Добравшись, наконец, до королевской столицы, инженер, ставший к тому времени знаменитостью, смог собрать коллекцию машин, которую современники считали самой большой в Европе. Вместе со своим верным оруженосцем, Хуаном Лопесом Пеньяльвером, он наполнил содержимым Королевский кабинет машин, который постепенно разрастался, занимая один за другим *салонны инфант* дворца Буэн-Ретиро. Семья



Madrid. Paseo del Prado y el Museo-Academia (actual Museo del Prado).

Мадрид. Пасео дель Прадо и Музей-академия (ныне Музей Прадо).

aplicó sus enseñanzas al contexto peninsular, con una topografía más accidentada y menores caudales hídricos. Aprenderá del norte la proporcionalidad y escurpulosidad en el gasto público, así como la importancia de compatibilizar los riegos con la navegación. Son años de mucho trabajo y muy diverso, como los experimentos con el telégrafo óptico, que investigó en una segunda estancia en Londres, y que intentará aplicar en la primera línea española entre Madrid y Cádiz. La caída de los ministros ilustrados y la persecución de la Santa Inquisición, que entendía estos avances eléctricos como herejías, abortaron esta ilusión.

Бетанкуров расположилась в бельэтаже здания. Залы Кабинета, по одному из самых смелых замыслов гения с Канарских островов, должны были превратиться в первые мастерские и лаборатории новой Школы дорог и каналов, созданной по образу и подобию парижской École, которую он так хорошо знал.

Но наступают смутные и беспокойные для власти времена, и такие фигуры Просвещения, как Флоридабланка, оказываются в опале. На его месте оказывается серый Мануэль Годой, который превращается в опору монархии. Одновременно Августин де Бетанкур продолжает свое

ARQUITECTOS, INGENIEROS Y LA PRESA DE PUENTES

No sólo los ingenieros de caminos, canales y puertos le deben un sonoro homenaje a Betancourt, su padre profesional. También los arquitectos, que se beneficiarán de la impronta tecnificadora del ilustre ingeniero cuando, medio siglo más tarde, se desgajarán de las Bellas Artes al constituirse en escuela técnica. La solidez científica debía ser, según el canario, consustancial a las obras públicas y, por extensión, a todas las artes constructivas. Todo este proceso, que maduró con la parsimonia oficial del *vuelva usted mañana*, se activó súbitamente en un recóndito embalse de Murcia, espoleado por un drama humano terrible.

El lugar de los hechos está cerca de la ciudad de Lorca, junto a la entonces nueva presa de Puentes, construida en 1785 para controlar las crecidas del río Guadalentín. La historia empezó el 30 abril de 1802, después de unas lluvias torrenciales. El Guadalentín creció hasta la coronación de la presa (50 m), que no pudo aguantar el empuje y cedió, inundando río abajo la ciudad de Lorca. Más de 600 personas perdieron la vida. Después de la catástrofe, Betancourt tuvo que elaborar un doloroso informe dictaminando que la presa, firmada por un

стремительное восхождение к вершинам государственной власти и занимает пост Генерального инспектора дорог и каналов (1801-1807); он курирует все проекты гражданского строительства. Ему придется подождать целое десятилетие и переехать в холодные края просвещенного Петербурга чтобы подняться на следующую ступеньку иерархической лестницы.

За годы пребывания на полуострове Генеральный инспектор Бетанкур посетил все строившиеся объекты, принял несколько новых проектов и отложил многие другие, проявив благоразумие, которому можно только позавидовать в наши дни. Благодаря его серьезной технической подготовке и непосредственным наблюдениям за работами, мы располагаем отчетами и документами, необходимыми сегодня для понимания первых проектов гражданского строительства в Испании девятнадцатого века (Кастильский канал, Королевский оросительный канал Харамы, Имперский канал Арагона и т.д.). В теоретическом плане Бетанкур продолжил исследования в области путей сообщения и каналов, изучая различные европейские образцы. В те годы англичане были непревзойденными мастерами в этой сфере. Августин применил их достижения к условиям полуострова с его более сложной топографией и менее полноводными реками. У северных стран он переймет бережливость и рачительность по отношению к государственным средствам, а также необходимость учета рисков навигации. Это были годы плодотворной работы в различных областях; так, например, он проводил опыты использования оптического телеграфа, который изучил, вернувшись вторично в Лондон, и попробовал претворить свои знания в жизнь, спроектировав первую испанскую линию между Мадридом и Кадисом. Падение просвещенных министров и преследование Святой инквизиции, которая считала изобретения в области электричества ересью, не позволили ему воплотить свою мечту.

Rotura de la presa de Puentes. / Повреждённая плотина в Пуэнтес.



arquitecto como era habitual, no se cimentó en el lugar correcto por desconocimiento de geotecnia e hidráulica. La conmoción y la incredulidad fue tan grande que, de forma vertiginosa, se aceleró un proceso largamente postergado. Hablamos de la separación de las competencias de obra pública de las de arquitectura. Las primeras serían asumidas por una nueva figura profesional, el ingeniero de caminos y canales.

La creación de la nueva Escuela de Caminos y Canales (1802) —más adelante incorporará los Puertos— fue idea de Agustín de Betancourt, a partir del modelo de *l'École des Ponts et Chaussées* parisina. Desde el principio, el ingeniero canario dirigirá el centro con el apoyo de un magnífico equipo de profesores, muchos de los cuales habían sido colaboradores o alumnos suyos en Francia. La Escuela se ubicó en el palacio del Buen Retiro, junto al Real Gabinete de Máquinas. Vivimos los años en que Betancourt tuvo mayor poder e influencia en la Corte española. Ésta era tal que el primer ministro Godoy le encargó unas obras en su finca particular en Granada. Y lo que empezó con pequeñas desavenencias sobre el proyecto, se enredó hasta desembocar en un irreparable clima de tensión y desconfianza mutuo. Agustín de Betancourt quedaba en una posición muy incómoda, en un callejón sin salida.

NOTAS DE UN EXILIO, 1807-1808

Si ahora levantáramos la mirada hacia el paisaje de dos siglos atrás, veríamos a los españoles como marineros de un buque a la deriva, totalmente desamparados. Al mismo tiempo que Napoleón se expandía como mancha de aceite por Europa; su irrupción en la península ibérica parecía inminente —se producirá en 1808—. Con estas perspectivas, el Inspector General Betancourt ya había decidido abandonar el barco. Primero huyó su familia hacia París; pero a pesar de tener allí amistades y contactos, la ciudad no parecía un lugar seguro para un ciudadano español. Nuestro hombre cruzó por última vez la frontera de los Pirineos en 1807, meses antes de la invasión.

Estuvo poco más de un año en París, pero fue una transición provechosa. Primero, remató su proyecto de esclusa de émbolo

АРХИТЕКТОРЫ, ИНЖЕНЕРЫ И ПЛОТИНА В ПУЭНТЕС

Славу Бетанкуру должны воздавать инженеры путей сообщения, каналов и портов, поскольку он является прародителем их профессии, но не только они. Ему обязаны также архитекторы, которые воспользовались его техническими усовершенствованиями великого инженера, когда полвека спустя они покинули факультет Изящных искусств и основали свою собственную техническую школу. Научная обоснованность, по мысли уроженца Канарских островов, должна быть основой всех гражданских проектов и, следовательно, всех строительных искусств. Процесс осознания необходимости этих изменений протекал медленно, сопровождаемый обычными чиновничьими *Приходите завтра*, но неожиданно ускорился в связи с событиями на затерянном в землях Мурсии водохранилище, которые обернулись страшной человеческой трагедией.

Место этих событий находится недалеко от города Лорка, вблизи от тогда недавно построенной плотины в Пуэнтес. Ее возвели в 1785 году чтобы умирять подъем воды в реке Гвадалентин. Всеначалось 30 апреля 1802 года после проливных дождей. Уровень воды в Гвадалентине вырос так, что достиг верхнего края плотины (50 м), которая не выдержала напора воды и рухнула. Расположенный ниже по течению город Лорка оказался затоплен, и более 600 человек погибли. После этой катастрофы Бетанкуру пришлось написать трагический отчет, в котором он приходил к заключению, что плотина, созданная, как это тогда полагалось, архитектором, была заложена в неправильном месте из-за его невежества в области геотехники и гидравлики. Драма так потрясла общество, которое не могло поверить в случившееся, что процесс, откладываемый в течение долгих лет, теперь ускорился. Речь шла об отделении компетенций гражданского строительства от архитектуры. Они должны были перейти к представителям новой профессии, инженерам путей сообщения и каналов.

Создание новой Школы дорог и каналов (1802), в которой позднее появилась специализация портов, было идеей

buzo, unos conocimientos sobre canales que aplicará en Rusia. Y en segundo lugar, consiguió que la Academia de Ciencias francesa le publicara algunos de sus trabajos más importantes, como *Ensayo sobre la composición de las máquinas* (1807), que redactó junto al mexicano José María de Lanz. Un manual de mecánica que fue referencia en las escuelas de ingeniería europeas hasta muchos años después.

ENCUENTRO EN TILSIT, 1807

Viajemos ahora rápidamente hasta Tilsit, a orillas del río Niemen, cuando estas latitudes constituían la frontera del Imperio ruso con los estados prusianos. Si curiosean en los mapas, verán que todavía sigue siendo tierra limítrofe, aunque hoy responde al nombre de Sovetsk y separa Lituania de Polonia. En 1807 allí se reunieron Napoleón y el zar Alejandro I de Rusia, los dos emperadores más poderosos del momento. Como querían discreción, pensaron que lo más prudente sería hablar separados del resto de la comitiva en una balsa sobre el río. A pesar de las precauciones, Londres se enteró enseguida del contenido: los líderes habían firmado la paz, conjurándose contra Inglaterra y repartiéndose el mundo —Europa para Francia y Asia para Rusia— bajo el tenso ambiente de una Guerra Fría.

Éste fue el marco general en el que Agustín de Betancourt debía jugar su *matchpoint*. No aceptó las ofertas de Napoleón; tampoco quiso servir a su hermano José Bonaparte que, en breve, sería el rey *intruso* de España. Cuando parecía que no le quedaban opciones, gozando ya de amplio reconocimiento internacional, el ingeniero recibió una invitación para visitar al zar Alejandro I de Rusia. En este primer viaje al país, es recibido personalmente por el emperador y su ministro Rumiántsev. Después de pasearlo hábilmente por las principales industrias, los dos mandatarios le dejaron embriagarse con el encanto de San Petersburgo y, quizás antes de irse, le sondearon con unas buenas condiciones económicas. Agustín no se comprometió a nada; pero al volver a París, lo tuvo clarísimo. Aprovechando un encuentro entre Napoleón y Alejandro I en Erfurt, el ingeniero español cerró el acuerdo de incorporación al servicio del

Августина де Бетанкура, который взял за образец парижскую *École des Ponts et Chaussées*. С самых первых дней инженер с Канарских островов возглавит это учреждение при поддержке прекрасного коллектива профессоров, многие из которых были его сотрудниками или учениками во Франции. Школа заняла помещения во дворце Буэн-Ретиро, рядом с Королевским кабинетом машин. Мы видим в это время Бетанкура, который пользуется несравнимым влиянием и огромной властью при испанском дворе. Его престиж был так высок, что первый министр королевства Годой заказал ему проведение работ в своем личном поместье в Гранаде. Однако в результате некоторых расхождений во взглядах по поводу этого проекта между ними возникли натянутые отношения и взаимное недоверие. Августин де Бетанкур оказался в неловком для него положении, в тупике.

ЗАМЕТКИ ОБ ИЗГНАНИИ, 1807-1808

Если мы попробуем взглянуть сейчас на эпоху, от которой нас отделяют два столетия, то испанцы того времени показались бы нам моряками корабля, отдавшегося на волю волн, беззащитными и беспомощными, в то время как власть Наполеона расплзалась масляным пятном по Европе. Его вторжение на Пиренейский полуостров казалось неминуемым — и стало реальностью в 1808 году. Видя подобную перспективу, генеральный инспектор Бетанкур принял решение покинуть корабль. Сначала в Париж отправилась его семья, но, несмотря на то, что у него оставались там друзья и профессиональные связи, город не представлял собой надежного убежища для испанского гражданина. Наш герой в последний раз пересек границу в Пиренеях в 1807 году, за несколько месяцев до оккупации.

Бетанкур провел в Париже немногим больше года, но с пользой потратил это время. Сначала он закончил свой проект шлюза с гидроцилиндрами одностороннего действия; эти новые знания об устройстве каналов он сможет потом применить в России. Во-вторых, он добился того, чтобы французская Академия наук опубликовала одну



El zar Alejandro I (1777-1825). / Царь Александр I (1777-1825).

zar. Explicó sus motivos en una carta dirigida a su protector, el conde de Floridablanca:

...no queriendo admitir las ofertas que se me hicieron de parte del emperador Napoleón y de su hermano Joseph, me vine aquí, donde este emperador me ha acogido del modo más honorífico... Nada deseo con más ansia sino que se compongan las cosas de modo que nuestra patria pueda recobrar su legítimo soberano; entonces no habrá recompensas ni promesas que me impidan ir a servirle el resto de mis días...

Agustín de Betancourt, San Petersburgo, 21 de diciembre de 1808

из самых важных его работ *Курс построения машин* (1807), который он написал в соавторстве с мексиканцем Хосе Марией де Лансом. Этот учебник механики долгие годы служил основой курсов в европейских школах инженеров.

Встреча в Тильзите, 1807

Перенесемся сейчас в Тильзит, на берега реки Немана, в те годы, когда эти земли представляли собой границу между Российской империей и прусскими государствами. Если вас одолеет любопытство, и вы посмотрите на карту, то увидите что и сейчас это пограничная зона между Литвой и Польшей, только город теперь называется Советск. В 1807 году там встретились Наполеон и русский царь Александр I, два самых могущественных императора тогдашнего мира. Поскольку они хотели поговорить наедине, то сочли самым лучшим местом для разговора плот на середине реки, куда их не могла сопровождать свита. Несмотря на все предосторожности, в Лондоне немедленно узнали, о чем шла речь: главы государств подписали мир и заключили союз против Англии, разделив мир между собой. В натянутой обстановке холодной войны Европа предназначалась Франции, а Азия – России.

Таков был общий расклад игры, когда Августин де Бетанкур должен был разыграть свой *матч-пойнт*. Он не принял предложения Наполеона и не захотел служить его брату Иосифу Бонапарту, который в скором времени превратился в *самозванного* короля Испании. Когда у знаменитого на весь мир инженера уже, казалось, не оставалось никаких вариантов, он получил приглашение посетить российского императора Александра I. Во время этого первого путешествия в новую страну Бетанкура принимали лично император и его министр Румянцев. Они ловко показали гостю основные промышленные предприятия, потом дали ему время насладиться очарованием Петербурга, а перед отъездом, возможно, попробовали предложить ему выгодные экономические условия. Августин не принял на себя никаких обязательств, но по возвращении в Париж понял, что этот вариант был для него наилучшим.

EL SAN PETERSBURGO QUE HEREDÓ BETANCOURT

Pasados los años épicos del zar Pedro I el Grande y su esposa Catalina I, la ciudad sufrió un periodo de abandono y desaliento. Pedro II, hijo del zar fundador, marginó a San Petersburg, por oposición al padre odiado, trasladando virtualmente la capital a Moscú. En menos de un lustro se marchitaba la gran obra que los rusos habían inaugurado junto al Báltico.

Entonces llegó el tiempo de las tres zarinas Anna, Elisabeth y Catalina II, que la rescataron, situándola en la cúspide de su refinamiento y sofisticación. No hablamos de un resurgimiento de guante blanco, impoluto, sino mas bien de una *tabula rasa* bajo el horror de las llamas. Dos incendios brutales, en 1736 y 1737, calcinaron gran parte del área de El Almirantazgo, desde la Plaza de Invierno hasta el río Moika, arrasando barrios populares y creando una nueva zona cero.

Bajo las mesas de dibujo o sobrevolándolas, existió una operación coordinada desde el poder para hacer del céntrico barrio de El Almirantazgo el corazón aristocrático imperial. El fuego, seguramente provocado, tuvo el efecto purificador que se buscaba. No sólo permitió desalojar los vecinos sin protestar, sino que liberó unos grandes espacios para usos más lucrativos. A través de *ukases* o edictos de obligado cumplimiento, se prohibió la construcción en madera en todo el distrito para favorecer una edificación más exclusiva y, así, evitar que volvieran las clases trabajadoras. Además, la zarina Anna privó a su Corte de seguir alojándose en el Palacio de Invierno, obligándoles a levantar más residencias palaciegas.

Del humo y las cenizas se creó la Comisión de Construcción de San Petersburg (1737) para regular la reconstrucción de la ciudad. Será la primera de una retahíla histórica de comisiones que, lideradas siempre por un tándem de un militar y un arquitecto, planificarán el crecimiento urbano de los siglos XVIII y XIX. De esta institución y, en especial de su arquitecto jefe Peter Eropkin, surgió la idea fundamental que fijará el esqueleto de la capital futura: la creación del *tridente*. A saber, las tres avenidas

Plano de San Petersburg a segunda mitad siglo XVIII

Воспользовавшись встречей Наполеона и Александра I в Эрфурте, испанский инженер заключил договор о поступлении на царскую службу. В письме к своему покровителю, графу Флоридабланка, Бетанкур объяснял свой поступок так:

«... не пожелав дать согласие на предложения, поступившие со стороны Наполеона и его брата Иосифа, я приехал сюда, где император принял меня с большими почестями... Ничего на свете не я желаю столь сильно, как такого изменения дел, при котором наша родина сможет возвратить себе законного государя; когда это случится, никакие выгоды или обещания, не помещают мне служить ему до конца моих дней...»

Августин де Бетанкур, Санкт-Петербург, 21 декабря 1808 года.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ДОСТАВИШИЙСЯ В НАСЛЕДСТВО БЕТАНКУРУ

Когда прошли героические времена эпохи Петра I и его супруги Екатерины I, город пережил период запустения и уныния. Петр II, сын царственного основателя Петербурга, ненавидел своего отца и в отместку ему не развивал город, практически перенеся столицу в Москву. Некоторые торговцы и аристократы, видя упадок города, стали его покидать. За какие-нибудь пять лет великое творение русских на берегах Балтики начало увядать.

Но тут наступили времена трех цариц: Анны, Елизаветы и Екатерины II, которые восстановили престиж города и подняли его на вершины изысканности и роскоши. Нельзя говорить о непогрешимом, непорочном процессе возобновления работ; скорее все начиналось с *чистой доски*, которую подготовили страшные языки пламени. Два ужасных пожара, в 1736 и в 1737 годах, уничтожили большую часть построек в районе Адмиралтейства – от площади Зимнего и до реки Мойки. Были стерты с лица земли кварталы, где жил простой люд, и в центре города появилась новая «нулевая зона».

Где-то под чертежными столами или в воздухе над ними, была подготовлена властями слаженная операция по превращению

План Петербурга во второй половине XVIII в.

radiales —la perspectiva Nevski, la calle Gorokhavaya y la perspectiva Voznezensky— que, partiendo de la aguja de El Almirantazgo, se abren en abanico para urbanizar ordenadamente la llanura más allá de los ríos Moika y Fontanka. También por aquel entonces se trazaron nuevas carreteras paralelas a estos ríos, como las actuales avenidas Bolshaya Morskaya, Sadovaya, Vladimir, Liteiny o Zagorodny.

Fueron éstos los años en que la ciudad de los poderosos se tiñó de barroco, que en San Petersburgo tiene el nombre propio de Francesco Rastrelli (1700-1771). El arquitecto dirigirá la primera ampliación del Palacio de Invierno, trazando unos esbozos tentativos y no realizados de la futura plaza. También reformará complejos palaciegos de las afueras como Tsarskoe Selo o el palacio Anichkov, junto a la Nevski. Él y sus compañeros entendieron que para superar lo grisáceo del Neva, las nieves perennes y una sensación general de desamparo, la ciudad necesitaba alegría; y la buscaron con el dorado, el mármol y los juegos de relieves y sombras en fachadas coloreadas.

La vida urbana de la capital del Imperio parecía no tener descanso y sus pieles y entrañas se repensaban en un proceso sin fin. Mientras en la mayoría de calles se amontonaba la madera para construir las casas de la plebe, el arquitecto Ivan Korobov reconstruyó en piedra el edificio de El Almirantazgo (1732-38), proyectando una nueva torre, cuya aguja dorada y carabela todavía vemos hoy. Pensemos que, a mitad del siglo XVIII, la principal vía de San Petersburgo ya era, como ahora, la perspectiva Nevski. Con una arquitectura continua hasta la plaza Ostrovskogo —donde actualmente está el teatro Alejandrinsky— sus fachadas, sobre zócalo de piedra y ladrillo, se enfrentaban a una calle adoquinada con dos hileras de limos en ambos lados. El espacio de tráfico quedaba delimitado por unas piedras o hitos, regusto de la antigua carretera de Nóvgorod. La idea era potenciar el carácter urbano de la avenida mediante nuevos equipamientos; algunos de potencia

района Адмиралтейства в аристократический центр Империи. Пожары, наверняка спровоцированные, привели к очищению, которое было необходимо. Прежние жители района безропотно покинули свои дома, их не пришлось даже выселять, а большие городские площади теперь можно было использовать для получения прибыли. Специальный указ, или декрет для обязательного выполнения, запрещал во всем этом районе деревянное строительство чтобы обеспечить появление здесь более изысканных построек и не допустить возвращения на эти участки рабочего люда. Кроме того, царица Анна запретила своим придворным впредь размещаться в Зимнем, что вынудило их начать строительство собственных дворцов.

Из дыма и пепла возникла Комиссия о Санкт-Петербургском строении (1733). Она станет первой в длинном историческом ряду комиссий, во главе которых всегда стоял тандем — военный и архитектор, и предопределяет рост города в XVIII и XIX веках. Заслугой этого учреждения и, в первую очередь, его главного архитектора Петра Еропкина, является основная идея, которая определит скелет будущей столицы: создание неевского трезубца. Как известно три радиальных проспекта —Невский, Вознесенский и Гороховая улица— всеюм расходятся от Адмиралтейской иглы, чтобы организовать застройку равнинных участков за Мойкой и Фонтанкой. Одновременно были спроектированы новые дороги, проходившие параллельно этим рекам, которые ныне превратились в Большую Морскую и Садовую улицы, и во Владимирский, Литейный и Загородный проспекты.

Именно в эту эпоху город власть предрежащих окрасился в оттенки барокко, которое в Санкт-Петербурге носит имя Франческо Растрелли (1700-1771). Архитектор возглавил работы по первому расширению Зимнего дворца и сделал интересные наброски, которые потом не были воплощены в жизнь. Кроме того, он реконструировал дворцовые комплексы

Reconstrucción de muros de canalización del río Moika a la altura de los establos de la Corte (1809).

Реконструкция набережных реки Мойки в районе Дворцовых конюшен (1809).



симвólica y religiosa, como la catedral de Kazán, y otros vinculados al carácter burgués y menestral, como el actual mercado Gostiny Dvor. A diferencia de la yuxtaposición y continuidad de fachadas actual, el urbanismo de la primera mitad del siglo XVIII no trató la ciudad como un conjunto unificado. Entonces se confiaba en que cada edificio singular, ya fuera por su potencia o escala, dominara y caracterizara a un área determinada; como el Palacio de Invierno en su entorno o el Monasterio de Smolny sobre el meandro del Neva.

La ilustración despertó gran interés por el mundo clásico en un momento en que los arqueólogos descubrían, en los mares del sur, las ruinas de Pompeya y Herculano. De los años siguientes conviene recordar un cambio fundamental en la planificación urbanística: empezó la preocupación para entender la ciudad como un todo y no una disgregada suma de sus partes. En esta tesitura se convocó, anunciándolo en la prensa, el primer concurso público (1762), abierto e internacional, para proponer directrices o estrategias de crecimiento urbano. De aquí surgen muchas de las ideas de ciudad en las que trabajará el ingeniero Betancourt sesenta años después. Hablamos, entre otros, del *sistema de cinco plazas* que reordenará el centro histórico o las avenidas radiales del barrio de Petrogrado, como una sesgada simetría de las de El Almirantazgo. Con todo, fue el arquitecto Georg von Veldten quien se encargó del proyecto más ambicioso del momento: la integración de todos los barrios de la ciudad, mediante el tratamiento de los bordes de la ciudad con el agua. Los petersburgueses se maravillaron con la elegancia de los nuevos diques en las orillas del Neva, pero también del embellecimiento de las márgenes de los ríos Moika y Fontanka. G. Veldten proyectó los sobrios muros de granito, balaustradas, rampas y las escaleras asalmonadas que fijan el imaginario colectivo sobre San Petersburgo. También fue el responsable de la reconstrucción en granito de la fortaleza de San Pedro y San Pablo. Quien quiera comprobarlo, puede subirse en uno de los botes de las excursiones organizadas, que yo bautizaría como *Veldten tours*, para disfrutar de este espectáculo de muros, arquitecturas y puentes pintorescos.

за пределами города, такие как Царское Село или Аничков дворец на Невском проспекте. Растрелли вместе со своими товарищами понял, что городу надо было преодолеть серость невских вод, вечные снега и общее ощущение неприкаянности, а потому они искали веселые ноты в позолоте, мраморе и игре рельефов и теней на цветных фасадах.

Городская жизнь столицы Империи, казалось, беспрестанно кипела, и ее оболочка и внутреннее устройство претерпевали бесконечные изменения. В то время, как на большинстве улиц виднелись штабеля бревен для строительства домов простоядинов, архитектор Иван Коробов перестроил в камне здание адмиралтейства (1732-1738), спроектировав новую башню, золотую иглу которой вместе с ее корабликом мы видим и по сей день. Нам кажется, что в середине XVIII века основной артерией Санкт-Петербурга уже был Невский проспект, как это происходит сейчас. Он представлял собой единый архитектурный ансамбль вплоть до нынешней площади Островского—где сейчас находится Александринский театр; фасады его зданий, построенных на фундаментах из камня и кирпича, смотрели на мощеную улицу, обрамленную с двух сторон грязными и топкими тропинками. Проезжая часть ограничивалась камнями или столбами, доставшимися в наследство от Новгородского тракта. Идея заключалась в том, чтобы подчеркнуть значение проспекта как городской артерии, поэтому на нем возводились здания, имевшие символическое или религиозное значение, как Казанский собор, или связанные с торговым и ремесленным характером города, как Гостиный двор. Мы привыкли к знакомому нам соседству однотипных фасадов, но градостроители первой половины XVIII века не считали город единым ансамблем. В то время они рассчитывали, что каждое яркое здание, выделявшееся своими размерами или значимостью, будет главенствовать в своем районе, придавая ему неповторимый облик, как Зимний дворец в его окружении, или Смольный монастырь в излучине Невы.

Эпоха просвещения пробудила большой интерес к классической культуре, в то самое время, когда археологи в

Más allá de este urbanismo hidráulico, resurgió el interés por la obra del arquitecto Andrea Palladio y, a finales de siglo, hubo una transición de la arquitectura hacia el neoclasicismo. Arquitectos como Antonio Rinaldi o el francés J. B. Vallin de la Mothe dejaron paso gradualmente a los clásicos más puristas como S. C. Cameron, Ivan Stasov o Giacomo Quarenghi. Este último, por encargo de Catalina II y para reordenar la zona de la Strelka en la isla de Vasilievsky, proyectó el primer edificio de la Bolsa, que sería reformado y acabado por Thomas de Thomon décadas después. Toda una revelación de los nuevos tiempos burgueses.

Para los que recordaban las convulsas historias de su fundación, ahora la ciudad disfrutaba de unas décadas de relativa paz, con ligeros vientos de prosperidad. De las fiestas cortesanas, en las que definitivamente se sustituyó el alemán por el francés, se fueron bufones y enanos y, por la otra puerta, entraron los poetas. La cultura empezó a organizarse más allá de la Corte, en tertulias y clubs. En 1758 se había fundado la Academia de Bellas Artes; poetas e intelectuales como Mikhaíl Lomonósov o Vasily Trediakovsky prepararon la lengua rusa para los éxitos futuros y, en diversos puntos de la ciudad, aparecieron nuevos teatros y escuelas de ballet. Interesaba la ópera y el folklore patrio, admitiendo que la música se interpretaba aún en clave italiana. Dentro de esta amalgama de influencias, los ingleses seguían siendo la primera gran colonia de extranjeros. Una ocupación pacífica que impregnó los mapas de la ciudad, bautizando como el *muelle inglés* la orilla del Neva que queda al oeste de la plaza del Senado. Pero sobre todo, los británicos influenciaron a través del comercio con el puerto y, a nivel cultural, con una semilla potentísima y perdurable: importaron la logia masónica desde Londres. Entre encuentros y ritos secretos, que tanto atraían a los rusos, los masones se infiltraron en la sociedad y articularon la ideología liberal de la ciudad durante lustros. Incluso contaron con la empatía inicial de la gran Catalina II, hasta que la Revolución Francesa convulsionó al mundo, alarmó a los autócratas que jugaban a progresistas y resituó las fichas en el tablero.

En los южных морях нашли развалины Помпеи или Эркуланума. Следующие годы принесли с собой решающее изменение в планировке городов, которое следует иметь в виду: зодчие стали заботиться о том, чтобы города понимались как единое целое, а не как разрозненная сумма частей. В этой обстановке был объявлен первый открытый конкурс идей генеральных линий и стратегий развития города. Объявление о конкурсе было напечатано в газетах, и в нем могли участвовать иностранцы. Результатом его было множество идей, которыми через шестьдесят лет смог воспользоваться Бетанкур. Мы говорим сейчас, среди прочего, об ансамбле пяти площадей, который преобразовал исторический центр, о радиальных проспектах Петроградского района, которые некоторым образом повторяют лучи-улицы, расходящиеся от Адмиралтейства. Однако, за самый смелый градостроительный проект того времени взялся архитектор Георг фон Фельтен. Все районы города, по его замыслу, должны были соединиться в единое целое за счет создания рамки для водных артерий города. Петербуржцы поразались не только элегантности новых дамб на берегах Невы, но и усовершенствованию русла рек Мойки и Фонтанки. Георг фон Фельтен спроектировал строгие гранитные стены, балюстрады, пандусы и розоватые лестницы, которые всем приходит в голову стоит нам заговорить о Петербурге. Он также отвечал за перестройку в граните Петропавловской крепости. Если кто-нибудь хочет сам удостовериться в правоте моих слов, то может сесть на экскурсионный кораблик, следующий по маршруту, который я бы назвал Маршрутом Фельтена, и полюбоваться архитектурным спектаклем их облицованных камнем стен и живописных мостов.

Независимо от этого обустройства водных артерий города возрос интерес к работам архитектора Андреа Палладио, и к концу века в архитектуре начался переход к неоклассицизму. Такие мастера, как Антонио Ринальди или француз Ж.Б. Валлен-Деламот, постепенно уступили свои места представителям чистого классицизма — Чарльзу Камерону, Ивану Стасову и Джакомо Кваренги. Этот последний

EL IMPERIO RUSO, A LA RECONQUISTA DE LAS INFRAESTRUCTURAS

Desde la muerte del zar Pedro I el Grande, San Petersburgo no paró de extenderse sobre el territorio con más canales y palacios, pero sobre todo buscó forjar una mitología propia basada en el arte, la música y la cultura. A la llegada de Betancourt en 1808, el país contaba con 30 millones de habitantes; más población que Francia. Un 90% de los cuales eran campesinos siervos, adscritos a una tierra y propiedad de sus señores. Datos y cifras para aclarar la dimensión humana del despotismo ilustrado, un adjetivo tan flexible que, en Rusia, se aplicó más allá de su límite elástico. En la sociedad zarista, la Ilustración o movimiento a favor del predominio de la razón y el empirismo, más bien tuvo un carácter de transacción comercial. No floreció espontáneamente, sino que se compró; llegó a través del mar Báltico y de los caminos de Nóvgorod. Desde Prusia, Viena, Roma o París, los sucesores de Pedro el Grande importaron matemáticos, juristas, fabricantes y economistas; o todos los integrantes para montar una Academia de Ciencias. Intelectuales como Leibniz o Christian Wolff eran traducidos, se invitaba al enciclopedista Diderot; incluso Voltaire mantuvo correspondencia con Catalina II, la más grande de las zarinas y a quien debemos gran parte de los fondos del museo del Hermitage.

No vemos nada nuevo en este uso político de la cultura; príncipes, reyes y emperadores, desde el Piamonte hasta Salzburgo, recurrían al arte y a las ciencias para legitimar sus regímenes. Lo que sorprende de San Petersburgo es, primero, la enormidad de su escala; y segundo, la radical disparidad ideológica y ambiental entre la capital y el resto del país. Cruzando la frontera rusa, Agustín de Betancourt unía su destino a una larga lista de nombres altisonantes, dinamizadores del proceso de reconstrucción cultural. Ahora el ingeniero español debería resarcir las infraestructuras, el esqueleto ciudadano sobre el que se estaba construyendo el urbanismo y la arquitectura imperial petersburguesa.

De la mano directa del zar, ingresará en el Departamento de Vías de Comunicación, donde ya prestaban servicios presti-

pus recibió el decreto de Catalina II transformar el barrio de Стрелки Васильевского острова и с этой целью создал проект первого здания Биржи, которое спустя несколько десятилетий будет перестроено и закончено Тома де Томоном. Так ознаменовала свое наступление буржуазная эпоха.

Если многие жители города еще помнили бурные годы его основания, то сейчас наступили десятилетия относительного спокойствия, и начали дуть легкие ветерки благополучия. Дворцовые празднества, на которых французский язык окончательно вытеснил немецкий, покинули шуты и карлики, и на их место пришли поэты. Возникали культурные центры – кружки и клубы – и за пределами царского двора. В 1757 году была основана Академия художеств; поэты и ученые, как Михаил Ломоносов или Василий Тредиаковский, подготовили русский язык для его будущих успехов; появились новые театры и балетные школы. Рос интерес к опере и к собственному фольклору, хотя в области музыки и признавалось превосходство итальянцев. В этой мозаике иностранных влияний, англичане по-прежнему представляли собой самую многочисленную колонию. Этот захват территории мирными средствами обозначился на картах города, где появилась *Английская набережная* на берегу Невы к западу от Сенатской площади. Но, в первую очередь, англичане оказали на город огромное влияние через торговый порт, а в области культуры посеяли чрезвычайно важное и долговечное зерно: они привезли из Лондона масонскую ложу. Благодаря своим собраниям и тайным ритуалам, которые так привлекали русских, масоны проникли в общество и определили либеральную идеологию в городе на долгие годы. Вначале им даже удалось добиться благосклонности Екатерины II, которой они пользовались, до тех пор, пока Французская революция не потрясла мир, и самодержцы, игравшие в прогресс, не испугались. После этого фишки на игровом поле переместились.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ, ЗАВОЕВАНИЕ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ

После смерти царя Петра I Великого Санкт-Петербург



Avenida Nevski delante del mercado Gostiny Dvor en 1800.

Невский проспект напротив торговых рядов Гостиный двор в 1800 г.

giosos y experimentados ingenieros como Gerard y el holandés De Wolant. Dicho esto, también cabe decir que las estructuras de la institución sufrían el anquilosamiento de un cementerio de elefantes. La llegada del genio español, con un áurea y energía propia de quien cree que todo está por hacer, supuso cierta revolución e incomodidad a los presentes. Y aunque sus primeras propuestas fueron puestas en cuarentena, rápidamente ascenderá en autoridad y graduación, pasando de mayor general a teniente general.

Al principio del mandato de Alejandro I hubo unas grandes expectativas de reforma social que, con los años, se marchitarían una a una. Mientras pudo, Betancourt reformó el gobierno de las

constantemente crecían, aparecían nuevos canales y palacios, pero en primer lugar la ciudad quería crear su propia leyenda sobre la base del arte, la música y la cultura. En el momento de la llegada de Betancourt, Rusia adelantaba a Francia en cuanto a la población, en el país vivían 30 millones de personas, el 90% de los cuales eran campesinos de la nobleza, asignados a la tierra. Eran propiedad propia de los señores. Datos similares y cifras nos ayudarán a comprender el alcance humano del iluminismo; el adjetivo «iluminado» en este caso se entendía en el sentido de tan extenso, que salía de todos los límites imaginables. En la Rusia zarista, la Iluminación,

obras públicas. Se creó, a propuesta suya, la Dirección General de Vías de Comunicación, cuyo primer director fue el príncipe de Oldenburg, cuñado del zar. En su consejo asesor, el español se reservó una plaza, junto con los ingenieros De Wollant y Gerard, todos extranjeros a excepción del general A. Sablukov.

La huella de Betancourt en el país se evidenció desde su primer proyecto: el acueducto de la fuente en el parque de Catalina de Tsárskoye Seló, uno de los principales palacios imperiales de las afueras de San Petersburgo. La escultura de una muchacha con una jarra rota inspiró, entre otros, unos versos de Pushkin:

“Sobre la roca deja caer una jarra de agua la joven,
Tristes sus ojos mirando el trozo inútil.
Magia: el agua que fluye del ánfora no se acaba
Desconsolada la joven mira el chorro que nunca se agota.”

Aleksandr Pushkin

Por aquellos años trabajará en grandes proyectos, dispersos por la inmensa geografía rusa. En la ciudad de Tver, por ejemplo, ideó el nuevo sistema de canalización y bulevares para luchar contra las crecidas del río Volga. También pudo participar en un plan de carreteras del Estado, que incluía el eterno proyecto Moscú-San Petersburgo y las conexiones de la capital con Narva y la frontera finlandesa. Y después de años intentándolo en España, consiguió construir su primera draga a vapor. Una máquina que, a base de una cadena sinfín de cangilones, extraía arenas y fangos del fondo del mar. Funcionó durante años en la ciudad-isla de Kronstadt, que era el puerto comercial y militar de San Petersburgo.

EL INSTITUTO DE VÍAS DE COMUNICACIÓN, 1809: NACE LA INGENIERÍA CIVIL EN RUSIA

De entre las creaciones de Betancourt en Rusia, quizás la más viva y perdurable es su Instituto de Vías de Comunicación de San Petersburgo, la primera escuela de ingeniería civil del país. Inspirada en *l'École des Ponts et Chaussées* parisina y recogiendo toda la experiencia de la Escuela de Caminos y Canales de Madrid, quería formar ingenieros que pudiesen proyectar cual-

quier movimiento en пользу всевластия разума и эмпирики, скорее имело форму торговой сделки. Оно не расцвело на новой почве, а просто было куплено и завезено в страну по Балтийскому морю или по дорогам из Новгорода. Последователи Петра I импортировали из Пруссии, Вены, Рима и Парижа математиков, правоведов, промышленников и экономистов или даже целый корпус ученых для создания Академии наук. Переводились трактаты таких мыслителей, как Лейбниц или Христиан Вольф, энциклопедист Дидро получил приглашение приехать в страну, и даже сам Вольтер переписывался с Екатериной Второй, самой выдающейся их цариц, кому мы обязаны большей частью фондов музея Эрмитаж.

Нет ничего удивительного в подобном использовании культуры: князья, короли и императоры от Пьемонта и до Зальцбурга прибегали к помощи искусства и науки чтобы оправдать свои режимы. В случае Петербурга, с одной стороны, поражает размах этой операции, а с другой – огромная пропасть, разделявшая в области идеологии и в повседневной жизни, столицу и остальную часть страны. Пересекая русскую границу, Августин де Бетанкур вносил свое имя в длинный список имен великих людей, которым было суждено ускорить процесс культурной перестройки. Испанскому инженеру предстояло залатать транспортную сеть, гражданский скелет, на основе которого могли развиваться градостроительство и архитектура имперского Петербурга.

Царь лично введет Бетанкура в Ведомство путей сообщения, где к этому моменту уже служили такие знаменитые и опытные инженеры, как Герард или голландец Де Воллан. Несмотря на это, следует отметить, что окостеневшая структура этого учреждения напоминало кладбище слонов. Появление испанского гения, с его напором и энергией человека, уверенного в том, что надо все начать сначала, произвело небольшую революцию в ведомстве и вызвало некоторые неудобства для его сотрудников. Но, хотя реализация первых



Fuente de la muchacha con la jarra rota en el Parque de Catalina de Tsárskoye Seló, cuyo acueducto diseñó A. de Betancourt.

его проектов несколько затянулась, он очень быстро займет ведущее положение и вместо исходного чина генерал-майора получит звание генерал-лейтенанта.

В начале царствования Александра I общество ожидало реформ, но эти надежды, одна за другой, не оправдались. По мере своих сил Бетанкур постепенно вносил изменения в организацию строек государственной важности. По его предложению было создано Главное управление путей сообщения, первым директором которого стал принц Ольденбургский, зять царя. Испанский инженер обеспечил себе место в Совете Управления рядом с инженерами Герардом и Де Волланом; все члены этого совета были иностранцами, за исключением генерала А. Саблукова.

След Бетанкура в России можно проследить, начиная с первого его проекта – преобразования родника в фонтан в Екатерининском парке Царского села, одного из главных императорских дворцов в окрестностях Петербурга. Скульптура девушки с разбитым кувшином, вдохновила многих поэтов; ей посвятил эти строки Пушкин.

«Урну с водой уронив об утес, ее дева разбила,
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо: не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой,
Дева над вечной струей, вечно печально сидит»

Александр Пушкин

В те годы наш герой работал над крупными проектами в самых разных точках обширных российских земель. Так, например, в Твери он разработал новую сеть канализации и систему бульваров чтобы бороться с паводками на Волге. Бетанкур также принял участие в разработке плана государственных дорог, который включал извечный проект тракта Москва-Петербург и путей, которые должны были связать столицу с Нарвой и финской границей. После многих лет безуспешных попыток осуществления своего замысла в Испании, здесь ему удалось построить

Фонтан «Девушка с кувшином», созданный по проекту Бетанкура, в Екатерининском парке в Царском Селе.



quier obra de trazado o construcción, en un vastísimo imperio que iba de Sebastopol a Vladivostok. Betancourt siguió el esquema pedagógico que ya aplicó en Madrid y que aprendió de Perronet, lo que el maestro francés llamaba *solidité*. El concepto de solidez o firmeza, que iba más allá de la mera resistencia o estabilidad. Cualquier puente, estructura o construcción debía considerar, según Perronet y Betancourt, un apropiado equilibrio entre las dimensiones correctas, la buena construcción y el criterio estético, es decir, la belleza. Así pues, la *solidité* era la cualidad atemporal, perenne e inmutable a la cual debían aspirar todos los futuros proyectistas con sus trabajos.

El reto pedagógico que se impuso el ingeniero español fue decisión atrevida y arriesgada: enseñar a unos alumnos de un país desconocido cuya preparación ignoraba. Contaba con profesores de primer nivel; al principio la mayoría franceses, pero poco a poco se incorporaron los rusos. El imperio ilustrado de Alejandro I apostaría por unos ingenieros de relieve, auténticos hombres de Estado por su responsabilidad civil. Puros *Saint-simonianos* o, parafraseando al historiador García Diego, simplemente *Betancuristas*.

Los cursos duraban cuatro años, dos más que en Madrid; y las clases magistrales eran en francés, lengua bien conocida por la burguesía local, aunque parece que para resolver dudas se recurría al ruso. Los primeros alumnos llegaron en 1810, después de que en el *Boletín de San Petersburgo* se publicara el anuncio de apertura de la matrícula y se hicieran los exámenes de admisión. A diferencia de otras escuelas superiores, eran fundamentales asignaturas como matemáticas superiores y se incorporaron cursos de edificación. Se estudiaba el arte de la construcción y la geometría descriptiva, fundada recientemente por el profesor Monge en París y que revolucionó los métodos de representación de los proyectos. En este sentido, el dibujo y la delineación tenían una importancia capital en la enseñanza, que combinaba la teoría con las prácticas de taller.

Jardines del antiguo palacio Yúsupov, sede del Instituto de Vías de Comunicación de San Petersburgo.

землечерпалку с паровой машиной. Это было устройство, которое посредством движения непрерывной цепи ковшей вычерпывало песок и ил с морского дна. Эта драга долгие годы работала в Кронштадте и обслуживала этот торговый и военный порт на острове недалеко от Санкт-Петербурга.

ИНСТИТУТ ИНЖЕНЕРОВ КОРПУСА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ, 1809: РОЖДЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИНЖЕНЕРИИ В РОССИИ

Среди всех творений Бетанкура в России, наверное, самым жизнеспособным и долговечным стал Институт инженеров корпуса путей сообщения в Санкт-Петербурге, первое учебное заведение в стране, готовившее гражданских инженеров. Бетанкур создал его по образу парижской *École des Ponts et Chaussées* и применил свой опыт работы в мадридской Школе дорог и каналов; он хотел выпускать инженеров, способных разрабатывать проекты строительства любых объектов в бескрайней империи от Севастополя до Владивостока. Бетанкур использовал ту же самую педагогическую систему, которую ранее внедрил в Мадриде, и которую он перенял у Перроне. Этот французский гений создал понятие *solidité*. Слово это означает «прочность, устойчивость», но концепция Перроне шла гораздо дальше, чем простое понятие надежности или стабильности конструкций. При создании любого моста, любой структуры или конструкции автор проекта, по мысли Перроне и Бетанкура, должен был заботиться об уравновешенности правильных пропорций, о хорошем конструктивном решении и об эстетической стороне дела, то есть, о красоте. Таким образом, *solidité* становилось качеством вневременным, постоянным и неизменным, реализации которого должны были добиваться все будущие авторы проектов в своих работах.

Педагогическая задача, которую поставил перед собой испанский инженер, была смелой и рискованной: он предполагал обучать учеников из незнакомой ему страны, уровень подготовки которых был ему неизвестен. В его

Парк возле бывшего Юсуповского дворца, где сейчас находится Петербургский Университет путей сообщения.



распоряжении были самые лучшие преподаватели, в большинстве своем – французы, но постепенно к ним прибавились и русские. Просвещенная империя Александра I делала ставку на выдающихся инженеров, которые по степени своей гражданской ответственности являлись поистине государственными мужами. Это были истинные *Сенсимонисты*, или, пользуясь выражением историка Гарсия Диего, просто *Бетанкуристы*.

Обучение продолжалось четыре года, на два года больше, чем в Мадриде. Лекции читали по-французски, ибо представители местного высшего общества хорошо знали этот язык, хотя, кажется, иногда для разрешения сомнений преподаватели переходили на русский. Первые студенты начали свое обучение в 1810 году, после того, как в Бюллетене Санкт-Петербурга было опубликовано объявление о наборе студентов, и прошли приемные экзамены. В отличие от других высших учебных заведений в состав основных предметов входила высшая математика, а общая программа включала курс строительства. Студенты изучали искусство возведения зданий и начертательную геометрию, разработанную недавно профессором Монжем в Париже; эта дисциплина произвела настоящую революцию в методах представления проектов. В связи с этим рисование и черчение занимали важное место в учебном процессе, и теория сочеталась в нем с практической работой в мастерских. Студенты должны были упражняться, строя макеты различных устройств и структур, многие из которых применялись затем при реализации проектов Бетанкура в разных точках города.

Школа разместилась в бывшем Юсуповском дворце, где находится до сих пор; это комплекс зданий кремового цвета, построенных в строгом стиле неоклассицизма. Территория

Busto de Agustín de Betancourt en los exteriores del Instituto de Vías de Comunicación de San Petersburgo.

Бюст Августина де Бетанкура в здании Университета путей сообщения.

Los alumnos debían ejercitarse construyendo maquetas de máquinas y estructuras, muchas de ellas aplicadas en las obras que Betancourt tenía por la ciudad.

La escuela se situó en la antigua propiedad de los Yusúfov, donde está todavía hoy, como un conjunto de edificios color crema de un neoclasicismo muy austero. El recinto, al lado del actual museo del Ferrocarril, une el río Fontanka con la avenida Sadovaya. Más allá del jardín, con estanque y caminos sinuosos, la presencia del fundador Betancourt es múltiple y embriagadora. En la recepción del edificio principal, con su perpetua imagen militarizada, cruz de Santiago y banda roja al frente, ocupa gran parte de la pared principal. Y entre los parterres de la plaza Obukhovskaya, semicircular y abierta al río, un imponente busto de cobre nos recuerda el padre fundador de los ingenieros rusos. Una de las pocas esculturas humanas que, en San Petersburgo, no están dedicadas ni a zares ni a poetas.

UN PASEO POR EL NEVA

John Quincy Adams, el que será el sexto presidente de los Estados Unidos de América, fue embajador en San Petersburgo en los años previos a la invasión napoleónica (1812). Por las mañanas, era habitual verlo junto a las márgenes del Neva, cerca del Palacio de Invierno, paseando y conversando con el zar Alejandro. En uno de estos encuentros, Adams, que estaba preocupado por el clima de tensión entre Napoleón y el soberano ruso, le preguntó: *¿Cree usted que es evitable la guerra contra Francia?*. Cuentan que el zar contestó que no; que la guerra no se podía evitar porque el emperador francés estaba convencido que al llegar a Moscú, si nadie negociaba antes, él convencería a los boyardos moscovitas para que se unieran a su causa. Así, según el emperador corso, ellos mismos derrocarían al zarismo petersburgués. La historia demuestra que Napoleón se equivocó; que después de llegar a Moscú y al poco encontrarse la ciudad quemada y abandonada, tuvo que retirarse a Francia, vencido por la guerra de guerrillas y por el general Invierno. También quedó claro que el patriotismo ruso era superior a cualquier otra consideración ideológica.

La escuela se encuentra al lado del museo de la vía férrea y entre la Fontanka y la calle Sadovaya. Cuando vamos por el parque con su prado y sus caminos sinuosos, sentimos cada vez más la presencia del espíritu de Betankur por todas partes. En el salón principal del edificio principal, una gran parte de la pared principal está ocupada por su imagen militarizada, con la cruz de Santiago y la banda roja al frente. Entre los parterres de la plaza Obukhovskaya, semicircular y abierta al río, un imponente busto de cobre nos recuerda al padre fundador de los ingenieros rusos. Una de las pocas esculturas humanas que, en San Petersburgo, no están dedicadas ni al zar ni al poeta.

ПРОГУЛКА ПО НЕВЕ

Джон Куинси Адамс, которому предстояло стать шестым президентом Соединенных Штатов Америки, был официальным посланником США в Санкт-Петербурге в годы, предшествовавшие наполеоновскому нашествию (1812). Обычно в утренние часы его можно было встретить на берегах Невы, недалеко от Зимнего дворца: он прогуливался там, беседуя с царем Александром. Во время одной из этих встреч Адамс, которого беспокоил конфликт между Наполеоном и русским самодержцем, спросил его: *Как вы считаете, можно ли избежать войны с Францией?* Говорят, что царь ответил, что война неизбежна, потому что Наполеон уверен в том, что, когда он войдет в Москву, если только ранее ему не будут предложены переговоры, все московские бояре перейдут на его сторону. Таким образом, по мнению императора-корсиканца, сама русская знать свергнет петербургский царизм. История доказала, что Наполеон ошибался: достигнув Москвы, он увидел сожженный и покинутый жителями город и вынужден был очень скоро вернуться во Францию, побежденный партизанскими отрядами и генералом Морозом. Эти события также доказали, что на первом месте, впереди всех идеологических построений, у русских всегда стоит патриотизм.



MINISTRO BETANCOURT Y LA CONSTRUCCIÓN DE LA CIUDAD IMPERIAL, 1816-1822

Empezamos hablando de la guerra de Rusia contra Napoleón, porque tuvo un impacto significativo no sólo en la revitalización de la obra pública de San Petersburgo, sino en el refuerzo de la autoestima y el ánimo ciudadano. De igual forma, supuso un varapalo emocional para Betancourt, que se había pasado la vida huyendo de los conflictos; de la Revolución francesa, cuando vivía en París; de la ocupación napoleónica, en Madrid; y ahora, por poco, se salvó en San Petersburgo. Decíamos que la obra pública civil y religiosa se incrementó. Por encargo personal del zar, Betancourt será el responsable de supervisar la construcción de la ciudad como presidente y organizador del Comisión de Construcciones y Obras Hidráulicas (1816). De hecho, es el órgano que deberá tutelar la mejora del trazado y la regularización de las calles; la urbanización los suburbios incontrolados; la limpieza y el cuidado de los canales, así como de levantar nuevos puentes. Dentro del organismo, habrá un comité especial de arquitectura, que contará con un selecto grupo de arquitectos e ingenieros capitaneado por un nombre en mayúsculas: el arquitecto Karl Rossi (1775-1849). Hijo de un bailarín italiano, dibujó gran parte del urbanismo decimonónico de Petersburgo, por lo que pasará a ingresar en el elitista club de los Trezzini, Rastrelli y Eropkin, arquitectos jefe de la ciudad en distintas épocas.

Incluso antes de la guerra, el urbanismo de San Petersburgo ya asumió que no era posible ligar toda la ciudad a través de conjuntos monumentales continuos. No hablo más que del previsible choque entre los sueños de una ciudad áulica o ideal, con la realidad de unos recursos finitos. De asumir el fracaso del urbanismo utópico del siglo XVIII, se empieza a trabajar con unas nuevas bases, entendiendo que los conjuntos urbanos de ejes y plazas tienen que repartirse estratégicamente por toda la ciudad y no sólo en el centro. La época dorada de la perspectiva Nevski, principal avenida ciudadana, que se transformará

Malecón del Neva, junto al canal de Invierno y Museo Hermitage (1824)

Министр Бетанкур и строительство имперского города, 1816-1822

Мы начали говорить о войне России с Наполеоном, потому что она не только дала новый значительный толчок развитию гражданского строительства в Санкт-Петербурге, но и укрепила самолюбие русских и их гражданственность. Одновременно война явилась сильным эмоциональным ударом для Бетанкура, который на протяжении всей своей жизни пытался избежать конфликтов. Так он уехал из Парижа, скрываясь от Французской революции, из Мадрида, когда Наполеон готовился захватить этот город, а сейчас его едва не застигла война в Санкт-Петербурге. Как мы уже говорили, строительство гражданских сооружений и религиозных зданий стало расти. По персональному распоряжению царя Бетанкур возглавляет Комитет для строений и гидравлических работ (1816). По сути дела, этому учреждению предписывалось наблюдать за улучшением и упорядочением планировки улиц, за застройкой пригородов, где царил хаос, за очисткой каналов и за уходом за ними, а также ему вменялось в обязанности строительство новых мостов. В состав Комитета входил специальный архитектурный совет, в котором сотрудничала избранная группа архитекторов и инженеров, возглавляемая архитектором с большой буквы: Карлом Росси (1775-1849). Этот сын итальянского танцовщика провел генеральные линии большей части Петербурга девятнадцатого века, а потому вошел в клуб избранных, которые в различные эпохи были главными архитекторами города, где уже занимали свои места Трезини, Растрелли и Еропкин.

Еще до начала войны градостроители Петербурга осознали невозможность объединения всего города посредством непрерывных монументальных ансамблей. Я имею здесь в виду только столкновение мечты об идеальном царственном городе с реальной конечностью средств, необходимых для ее осуществления; этот конфликт можно

Набережная Невы возле Зимней канавки и музея Эрмитаж (1824).



Fachada principal del Almirantazgo: ampliación de I.K. Korobov (1732-1738) y reconstrucción de A.D. Zakharov (1806-1820).

Главный фасад Адмиралтейства; здание было расширено И.К. Коробовым (1732-1738) и реконструировано А.Д. Захаровым (1806-1820).

en el paradigma del urbanismo petersburgués de los conjuntos: la catedral de Kazán y su plaza con columnata a inspiración de la de San Pedro en Roma; el palacio y el teatro Mijhailovsky con la plaza de las Artes o el conjunto del teatro Alejandrinsky y las escuelas de ballet; gran parte de los cuales, fueron dibujados bajo la batuta del maestro K. Rossi.

Toda la presión urbana se focalizará en el barrio de El Almirantazgo, que deberá afrontar una triple operación, no sólo durante los años de Betancourt y Rossi, sino a lo largo de todo el siglo XIX. En primer lugar, una reconstrucción del propio edificio de El Almirantazgo para asumir sin complejos su papel de rótula, inicio de las avenidas radiales y de las perspectivas ciudadanas. En segundo punto, localizar o liberar espacios vacíos para construir los nuevos ministerios y edificios institucionales —el Senado, el Santo Sínodo o el Estado Mayor— y, en

было заранее предвидеть. После того, как крах утопического градостроения XVIII века был осознан, начались работы на новой основе. Стало ясно, что городские ансамбли лучей и площадей надо было располагать стратегически по всему городу, а не только в центре. Это был золотой век для Невского проспекта, главной городской артерии, которая преобразит парадигму петербургского ансамблевого градостроения; для Казанского Собора с его площадью и колоннадой, вдохновленной собором Святого Петра в Риме, для Михайловского дворца с его театром и площадью Искусств, для Александринского театра и балетных школ. Большая часть проектов этих зданий были созданы под руководством мастера К. Росси.

Центром напряжения в городе станет район Адмиралтейства, которому суждено было перенести трехэтапную операцию,



Desfile militar en la Plaza de Invierno de San Petersburgo (1810).

Военный парад на площади перед Зимним дворцом (1810).

tercer lugar, reformular el espacio libre entre todos estos súper edificios para que tenga una función y simbolismo acorde con su posición central. Eso es, un espacio pensado en conjunto, que se extenderá desde la catedral de San Isaac hasta el palacio de Invierno. En estos equilibrios jugarán los miembros de la Comisión, en un proceso al que el ingeniero español contribuirá en sus cimientos y que, para culminarlo, se necesitará gran parte del siglo que empezaba.

La reconstrucción de El Almirantazgo (1806-1820) fue la primera gran operación urbana del siglo XIX petersburgués. Junto con la fortaleza de San Pedro y San Pablo, es un edificio fundacional de la ciudad, que inauguró en 1705 Pedro I el Grande como sede de la Marina rusa, escuela de formación de oficiales y las principales atarazanas del país. Un siglo después de su construcción, en la conmemoración de su aniversario,

no sólo en los tiempos de Бетанкур y Rusia, sino también a lo largo de todo el XIX. En primer lugar, era necesario reconstruir el propio edificio del Almirantazgo, para que pudiera asumir el papel de centro, desde el cual debían irradiarse los prospectos radiales y las arterias urbanas. En segundo lugar, era necesario encontrar terrenos vacíos o liberarlos de la vieja construcción para crear nuevos ministerios u otros organismos estatales — el Senado, el Sagrado Sinodo o el Generalstab. Y, finalmente, en tercer lugar, encontrar una solución para el espacio libre entre todos estos edificios colosales, para que también jugaran su papel y tuvieran un significado simbólico de acuerdo con su posición central. Se trataba de todo el espacio, concebido como una totalidad desde la Catedral de Isaakievsky hasta el Palacio de Invierno. Los miembros

empezó el debate ciudadano sobre su necesidad de reforma y ampliación. Según el estudioso urbanista I. A. Egorov, el edificio había quedado pequeño y anticuado para alojar el nuevo Ministerio de las Fuerzas Navales; era una construcción destartalada y apagada, aburrida en apariencia y *dura* en comparación a la capital *adornada* del zar Alejandro I. El proyecto del arquitecto A. D. Zakharov aprovechó al máximo los valores de la construcción existente, reformando la torre, dándole más base y altura, para enfatizar su articulación al edificio casi como un elemento independiente, de escala ciudad. El edificio reforzó su carácter central y las cornisas y adornos —a excepción de la aguja dorada y su carabela, que eran las originales— fueron ampliados y reubicados para ser vistos desde la distancia. De la misma forma que, en la fundación de la ciudad, el arquitecto Domenico Trezzini dio a la catedral de San Pedro y San Pablo la gran escala del río y no la de la fortaleza. Además, se suprimió el foso y las motas de tierra que separaban el edificio de la tierra firme. El nuevo Almirantazgo sería más cívico y menos militar, creando a su alrededor los primeros jardines públicos de la ciudad.

El corazón de San Petersburgo recibía todas las energías del Imperio. Al ritmo de las obras, se asentaban las ideas y transformaban el centro urbano, mientras se doraba el prestigio de la ciudad y de sus protagonistas. Agustín de Betancourt llegó a la cúspide del poder ruso cuando, en 1818, fue nombrado Director General de Vías de Comunicación; lo que, para entendernos, equivaldría al ministro de Obras Públicas de nuestros días. Compaginando el nuevo cargo con la presidencia de la Comisión de Construcción y Obras Hidráulicas de San Petersburgo y la dirección del Instituto, el ingeniero español era la cara visible de las infraestructuras del Imperio. Incluso alguien poco avisado podía ver, en sus arrugas y cicatrices, nada más que un mapa actualizado de las principales estructuras y vías de comunicación del país. Desde su cabeza se trazaron nuevos canales imperiales, se repensaron estructuras y se diagnosticaron los mejores emplazamientos para futuros puentes.

Комитета придется постоянно сглаживать расхождения и находить взвешенные решения на протяжении этого процесса, основы которого заложит испанский инженер. Осуществление проекта растянется на добрую половину века, который недавно начался.

Реконструкция Адмиралтейства (1806-1820) явилось первой крупной градостроительной операцией петербургского XIX века. Наряду с Петропавловской крепостью Адмиралтейство являлось одним из основополагающих зданий города. В 1705 году Петр I, Великий, открыл в нем службы Военно-морского флота, школу для подготовки офицеров и основную судовой верфь страны. Через сто лет после постройки первого здания, и в ознаменование этого юбилея в обществе возникли споры относительно необходимости его реформы и расширения. По мнению специалиста в области градостроения И. А. Егорова, здание было слишком маленьким для нового министерства Морского флота и не отвечало современным требованиям. Это было обветшавшее и тусклое здание, скучного вида и слишком «строгое» по сравнению с «изукрашенной» столицей Александра I. Архитектор А. Д. Захаров, создавая свой проект, старался максимально использовать характеристики уже существовавшего здания, но перестроил башню. Она стала шире в основании и сделал ее выше прежней что превращало ее в практически самостоятельный элемент в масштабе города. Проект Захарова подчеркивал центральный характер здания; карнизы и украшения его фасада — за исключением золотой иглы с корабльком, которые архитектор сохранил — были увеличены в размерах и расположены так, чтобы их видели издали. Подобное же решение принял Доменико Трезини, создавая Петропавловский собор, он имел в виду масштаб реки, а не самой крепости. Кроме того, был ликвидирован ров и насыпи, которые отделяли здание от суши. Новое Адмиралтейство приобретало характер не столь военный, сколь гражданский, и вокруг него были созданы первые в городе сады, открытые для горожан.

LA CATEDRAL DE SAN ISAAC, 1818-1852

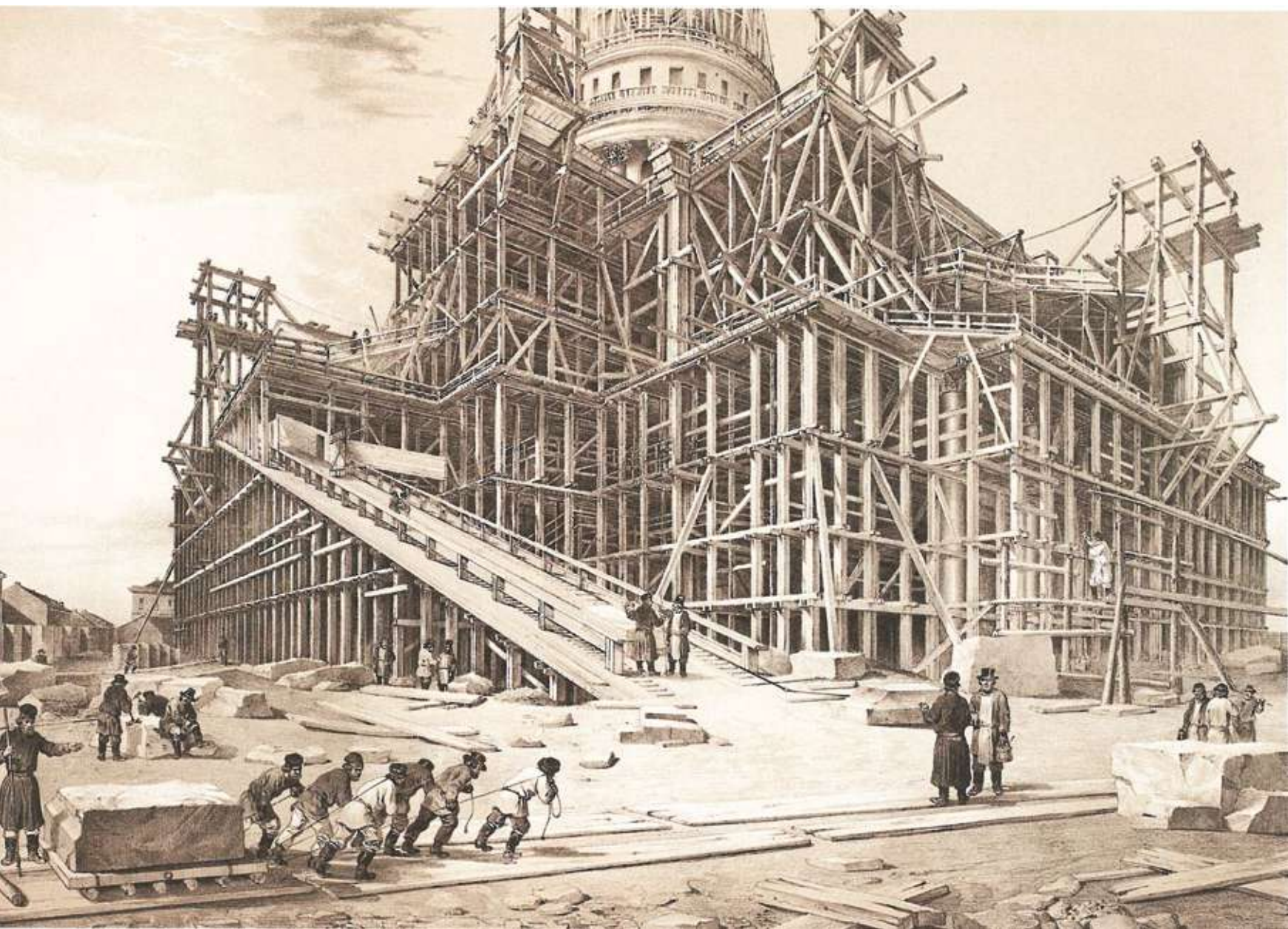
Con las obras en marcha de El Almirantazgo, como estandarte militar de la nueva Rusia, la Comisión presidida por Agustín de Betancourt decidió que ya era hora de reformar la catedral de San Isaac. Por aquellas fechas, llegó a la ciudad un joven arquitecto quien, buscando trabajo, se presentó ante el ingeniero canario. Se llamaba Auguste de Montferrand y, desde París, venía recomendado por el relojero Bréguet, amigo de Betancourt. Sin apenas experiencia profesional, pero con una gran habilidad para el dibujo, Agustín le dio una oportunidad de oro, enorme: Montferrand tendría que preparar un pequeño álbum de ideas y propuestas para la catedral de San Isaac, cuyos trabajos estaban en un limbo. Cuando el joven francés le mostró sus dibujos, de trazo fresco y sugerente, Betancourt se los presentó al zar Alejandro. Éste dio la aprobación para que el joven arquitecto recién llegado proyectara la nueva catedral bajo la tutela del todopoderoso Betancourt.

Nuestro ingeniero tuvo un papel fundamental en la inicial concepción estructural de la catedral de San Isaac y en el refuerzo de sus cimientos. Era sin duda una obra compleja, porque partía de un proyecto anterior de Antonio Rinaldi, que a nadie gustó, quedando a medio hacer. Aunque los primeros croquis de Montferrand surgirán del trazado existente de Rinaldi, lo ampliaron y le dieron un mejor equilibrio y proporción. El joven dibujó un templo con una planta en cruz latina de 105 m de longitud y 90 m de anchura, coronado por una gran cúpula que se elevaría 82 m del suelo. Sería la cuarta más alta de Europa, después de la de San Pedro en Roma, la de *Santa María dei Fiore* en Florencia y la de *Saint Paul* en Londres. Las obras sufrirán retrasos y polémicas; sobre todo en relación a la estructura de soporte de la cúpula. Ésta, que originalmente se pensó en piedra como la de *Saint Paul*, acabó resolviéndose con estructura metálica. Algunos afirman que el gremio de las fundiciones metálicas, por entonces muy influyente, consiguió modificaciones en el proyecto; mientras que otros, que era la opción más adecuada y económica. En todo caso, aparte de la

Serddу Санкт-Петербурга отдавалась вся энергия Империи. По мере того, как продвигались работы, рождались новые идеи, и менялся центр города. Одновременно росла слава города и его создателей. Августин де Бетанкур достиг вершин власти в России, когда в 1818 году его назначили Главным директором Управления водяными и сухопутными сообщениями, этот пост в наше время соответствовал бы посту министра гражданского строительства. Испанский инженер совмещает эту работу с обязанностями главы Комитета для строений и гидравлических работ и директора Института инженеров и является самой видной фигурой транспортных инфраструктур Империи. Даже непосвященные могли заметить на его лице, испещренном морщинами и шрамами, современную карту основных дорог и путей сообщения страны. В его голове родились планы новых императорских каналов, изменений в структурах, он определил наилучшее размещение для будущих мостов.

ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР, 1818-1852

Когда реконструкция Адмиралтейства, этого воинского знамени новой России, уже шла своим чередом, Комитет, возглавляемый Августином де Бетанкуром, решил, что пришло время перестроить Исаакиевский собор. Незадолго до этого в город в поисках работы приехал молодой архитектор, который представился инженеру с Канарских островов. Его звали Огюст де Монферран, и он привез из Парижа рекомендательное письмо от Бреге, друга Бетанкура. Новичок не обладал большим опытом, но имел прекрасные способности в области рисунка, и Августин дал ему великолепную возможность, поистине драгоценную: Монферрану было поручено подготовить небольшой альбом с идеями и предложениями для работ в Исаакиевском соборе, которые в то время еще только начинались. Когда молодой француз показал Бетанкуру свои наброски, которые отличались свежестью и смелостью мыслей, тот представил их царю Александру. Император согласился на то, чтобы молодой архитектор, недавно приехавший в



inmensidad de la cúpula y sus magníficos destellos dorados, sus fachadas tienen un segundo protagonista, las columnatas principales. Unos cilindros gigantes de granito rojo, extraídos de una cantera de Finlandia y puestos en obra de una sola pieza, gracias al diseño e ingenio de Betancourt. El ingeniero proyectó unos sistemas de transporte, andamiajes y grúas que, como se puede apreciar en los grabados del propio Montferriand, son otra obra de arte efímera en sí mismos. A pesar de todos los problemas surgidos, el arquitecto consiguió acabar la catedral de San Isaac con tal éxito y aclamación que, años más tarde, sería el prototipo escogido para levantar el Capitolio de los Estados Unidos en Washington (1856-1863).

LOS PUENTES DE BETANCOURT EN SAN PETERSBURGO

El primer puente sobre el Gran Neva se construyó en 1727, dos años después de la muerte de Pedro el Grande, uniendo el palacio Menshikov en la isla de Vasilievsky y el barrio de El Almirantazgo. Dirigió los trabajos un graduado de la Academia Naval, el teniente F. Palchikov, que además era miembro de la compañía de bombarderos del regimiento Preobrazhensky. El puente desembarcaba donde actualmente está el Jinete de Bronce de Falconet, mucho antes que llegara la poesía de Pushkin y situara la estatua, dedicada al zar Pedro, en el corazón de la mitología petersburguesa.

Cuando el teniente F. Palchikov tendió el puente, era todo menos romántico. No existía ni la escultura ni la plaza del Senado como ahora; el Almirantazgo era una fortaleza aislada por un foso y allí nadie pretendía aún levantar una catedral. En su lugar, los fieles iban a las misas de la pequeña iglesia de San Isaac de Dalmacia, humilde construcción de madera donde se casaron los zares Pedro I y Catalina I. Pero al morir el zar fundador, que no quería puentes en la ciudad, el gobernador Menshikov se alzó como hombre fuerte y mandó diseñar uno para conectar su palacio con el nuevo centro urbano. Hablamos

город, проектировал собор под руководством всемогущего Бетанкура.

Наш инженер сыграл ведущую роль в создании начальной структурной концепции Исаакиевского собора и в укреплении его фундамента. Это была, вне всякого сомнения, сложная работа, поскольку авторам проекта приходилось исходить из предыдущей работы Антонио Ринальди, которая никому не понравилась и осталась незаконченной. Хотя первые наброски Монферрана брали за основу основную схему Ринальди, собор был увеличен, его пропорции и их соотношение улучшились. Молодой архитектор нарисовал храм в форме латинского креста: длина основного нефа составляла 105 метров, а поперечного – 90. Сооружение должен был увенчать огромный купол, который должен был возвышаться на высоту 82 метров от земли. Ему суждено было стать четвертым по высоте в Европе после соборов Святого Петра в Риме, Санта Марин дель Фьоре во Флоренции и Святого Павла в Лондоне. Работы затягивались и вызывали споры; особенные дискуссии вызвал вопрос об опорной структуре купола. Первоначально она была задумана каменной, как в соборе Святого Павла, но, в конце концов, предпочтение отдали металлической конструкции. Одни специалисты утверждают, что такое решение было обусловлено давлением со стороны очень влиятельного в ту эпоху союза металлургов, который добился изменений в проекте; другие считают, что такое решение было наиболее адекватным и экономически выгодным. Как бы то ни было, грандиозный купол Исаакиевского собора с великолепными золотыми отблесками соперничает сегодня с колоннами основных фасадов. Эти гигантские цилиндры красного гранита были изготовлены на карьерах в Финляндии, а потом эти монолитные колонны установили вокруг собора, следуя чертежам изобретательного Бетанкура. Инженер создал систему транспортировки колонн, строительных

Reconstrucción de la Catedral de San Isaac (1845). Diseño del andamiaje y sistemas de elevación de Agustín de Betancourt.

Реконструкция Исаакиевского Собора (1845). Проект строительных лесов и система подъема грузов были созданы Бетанкуром.

de un puente de pontones, es decir, una pasarela de tablonés, montada encima de una serie de barcazas puestas en paralelo a la corriente del río, unidas por cuerdas y troncos de madera.

El puente tenía un carácter provisional; se instalaba después del deshielo primaveral y se retiraba a finales de otoño, cuando el río amenazaba con helarse, para volverse a instalar cuando el frío ya había cuajado las aguas. No era por supuesto una estructura monolítica, sino que dos de los tramos de pontones se podían desplazar para permitir el paso de grandes embarcaciones; cosa muy frecuente si consideramos que el muelle de construcción y reparación de barcos estaba al lado, en el patio de El Almirantazgo. En sus inicios los costes de mantenimiento se sufragaban con un peaje. Los peatones debían pagar un cópec; los caballos dos y, los propietarios de carruajes, cinco. Esto fue así hasta que, en 1754, la zarina Elisabeth decidió suprimirlos. Sin embargo, este continuo proceso de montaje y desmontaje lo hacía igualmente inviable y, a principios del siglo XIX, se encargó al ingeniero canario una alternativa.

Como *ministro* de Obras Públicas y presidente de la Comisión de Construcciones y Obras Hidráulicas, nuestro hombre en Rusia era el maestro de ceremonias del urbanismo de San Petersburgo. Conocía bien el centro histórico después de trabajar en catedral y era el ingeniero más prestigioso del país. En consecuencia, parecía natural que fuera él quien recibiera el encargo de repensar el puente de San Isaac (1820). Definitivamente éste era un proyecto de primer nivel, ubicado en el punto más sensible de la ciudad, a orillas del Gran Neva, junto a la catedral de San Isaac —en construcción— y flanqueado por el nuevo Almirantazgo. A pesar de toda la presión ambiental, Betancourt concluyó que no era viable, por entonces, la construcción de un puente fijo. La excesiva luz requerida, los hielos a la deriva y, sobre todo, las dificultades de cimentar en el fondo del cauce se lo desaconsejaban. No obstante, la ciudad tampoco podía permitirse continuar con la rutina existente; la de un puente que debía desmontarse barcaza a barcaza, con grandes costes de tiempo y mantenimiento. Por ello, apostó por tender

лесов и подъемников, которые, как это можно видеть на гравюрах, сделанных самим Монферраном, также представляли собой произведение искусства, хотя и были недолговечны по природе своей. Несмотря на возникавшие в ходе работ проблемы, архитектору удалось закончить постройку Исаакиевского собора с таким успехом, что его слава быстро выросла, а творение его через несколько лет послужило прототипом для строительства Капитолия в Вашингтоне, в Соединенных Штатах Америки (1856-1863).

Мосты Бетанкура в Санкт-Петербурге

Первый мост через Большую Неву был построен в 1727 году, через два года после смерти Петра Великого. Он соединил Меншиковский дворец на Васильевском острове и район Адмиралтейства. Работами руководил выпускник Академии морской гвардии лейтенант Ф. Пальчиков, который также служил в бомбардирской роте Преображенского полка. Мост начинался там, где сегодня стоит Медный всадник Фальконе; строительство шло задолго до того, как родились пушкинские строки, которые поместили памятник царю Петру в самое сердце петербургской мифологии.

Когда лейтенант Пальчиков наводил свой мост, место это никто бы не мог назвать романтическим. Еще не было ни скульптуры, ни Сенатской площади, которыми мы можем любоваться сейчас. Адмиралтейство представляло собой крепость, окруженную рвом, и никому еще не пришло в голову строить в этом районе собор. Правовверные ходили на службу в маленькую церковь преподобного Исаакия Далматского, скромную деревянную постройку, где венчались Петр I и Екатерина I. Когда царь, основатель города, который противился возведению в нем мостов, умер, губернатор Меншиков стал распоряжаться всем в Петербурге и приказал построить мост, чтобы связать свой дворец и новый городской центр. Речь идет о понтонном мосте, то есть о деревянном настиле, закрепленном на череде барок-плашкоутов, поставленных параллельно течению реки и соединенных между собой веревками или бревнами.



Puente de San Isaac de Agustín de Betancourt (1821).

uno nuevo, pero más barato y mucho más fácil de instalar. Consistió en un puente de madera, soportado también sobre pilas flotantes, constituyendo un conjunto rígido que descansaba sobre barcazas. Cuando se quería desmontar, bastaba con soltar amarras de un extremo y dejar que la corriente lo hiciera girar suavemente hasta situarse en paralelo a los muelles de una orilla. Para volverlo a montar, se giraba en sentido contrario de forma rápida y fácil gracias a un sistema de cabrestante, ideado por el mismo Betancourt. El proyecto se complementaba construyendo unos sobrios embarcaderos con escaleras de granito, a lado y lado, que bajaban al nivel del agua.

En este recorrido por los puentes de Betancourt, la toponimia nos recuerda que es uno de los más entrañables métodos de conserva de la cultura popular. Rastreando el rastro del inge-

Исаакиевский мост, построенный по проекту Августина де Бетанкура (1821).

Этот мост являлся временным; его устанавливали после весеннего ледохода и убирали в конце осени, когда река должна была замерзнуть, а потом снова ставили на место, когда мороз прочно сковывал воду льдом. Совершенно очевидно, эта структура не было монолитной: два отрезка понтонной конструкции можно было убрать, чтобы крупные корабли могли пройти по реке. Нужда в такой операции возникала часто, если мы вспомним, что причал, где строили и чинили корабли, располагался поблизости, во дворе Адмиралтейства. В первое время расходы на содержание моста покрывались за счет тех, кто им пользовался. Пешие платили копейку, с возов брали две, а с тех, кто ехал в экипажах, взималось пять. Так продолжалось до 1754 года, когда царица Елизавета решила упразднить оплату за использование моста. Однако

niero más allá del centro de la ciudad, uno quizás debería empezar por un paseo rodeado de *Art Nouveau* en la avenida de Kammennostrovsky. Cuando esta vía cruza el Pequeño Neva, uniendo las islas de Kammennyi y Aptéarski, puede que la memoria de nuestro genio ilustrado asalte al visitante. Y es que fue aquí, en 1812, donde Agustín de Betancourt construyó el primer puente fijo de San Petersburgo. En un área de carácter suburbano, con grandes jardines palaciegos y dachas dispersas, el nuevo puente sustituyó el original de barcas (arquitecto A. Wist, 1760). Betancourt lo planteó con estribos de piedra y siete tramos en arco de madera, con uno central más largo (25 m). Las uniones entre las piezas se producían gracias a unos apoyos de fundición muy rígidos. El puente combinaba la sobriedad y transparencia de los arcos de madera, con lo ingrátido de unas pilas muy ligeras, cimentadas sobre pilotes hincados en el fondo del río. La obra de Betancourt estuvo allí hasta 1854, cuando fue sustituida por otro puente de madera. Hoy en día, en su lugar, se levantó uno de pilas de hormigón y revestimiento de piedra (180,7 m de largo y 27 m de ancho). Consta de cinco tramos de vigas metálicas curvilíneas, con una parte central basculante para permitir el paso de grandes embarcaciones. Aunque se construyó en 1954 por un grupo de ingenieros y arquitectos rusos y su nombre oficial es el de la avenida que sustenta, los vecinos de la ciudad se refieren a él como *Betankurovsky*. Pequeñas perlas toponímicas.

KARL ROSSI Y EL SISTEMA DE LAS CINCO PLAZAS

Con las obras de El Almirantazgo y la reforma de San Isaac en marcha, toda el área central de San Petersburgo está hirviendo de proyectos y miradas. La ola de patriotismo desatado después de derrotar a Napoleón, animó al zar y a la ciudad a repensar con especial cariño y dedicación la plaza de Invierno, que era su corazón aristocrático y político, donde estaban los órganos de gobierno y el palacio principal del zar. Tenía que ser un espacio público con mayor independencia y protagonismo, un lugar grandioso para los frecuentes desfiles militares, que hasta entonces se hacían en el Campo de Marte. El arquitecto Karl

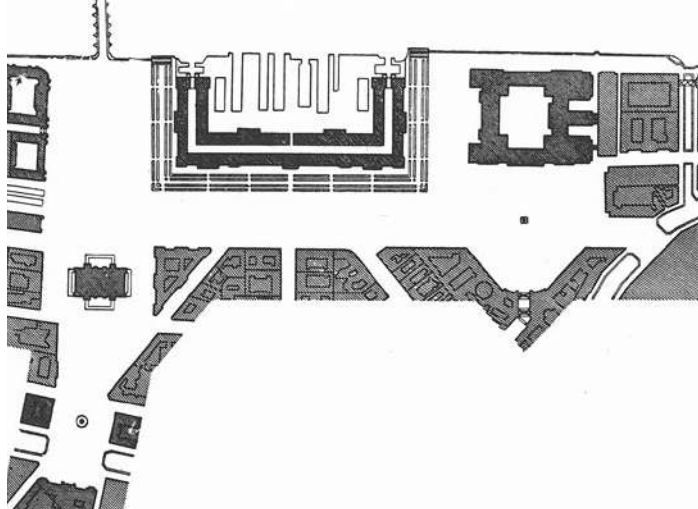
permanente работа о сборке и разборке моста делала его неудобным, и в начале XIX века инженеру с канарских островов заказали альтернативный проект.

В своем качестве министра гражданского строительства и главы Комитета для строений и гидравлических работ наш герой в России заправлял всеми градостроительными проектами в Санкт-Петербурге. После строительства собора он прекрасно знал центр города и являлся самым знаменитым архитектором страны. Следовательно, было естественно, что именно ему поручили продумать новое решение для Исаакиевского моста (1820). Это была работа чрезвычайной важности, потому что объект находился в самой чувствительной точке города – на берегах Большой Невы недалеко от строящегося Исаакиевского собора и сбоку от Адмиралтейства. Несмотря на оказываемое на него давление, Бетанкур пришел к выводу, что строительство стационарного моста в то время было невозможным. Он потребовал бы сильного освещения и испытывал бы сильную нагрузку во время ледохода; но, прежде всего, Бетанкуру казалось чрезвычайно трудным укрепить дно русла реки, и поэтому он отказался от этой мысли. Однако город не мог себе позволить продолжать жить по-прежнему: с мостом, барки-плашкоуты которого приходилось устанавливать один за другим: эта операция длилась слишком долго, а содержание моста стоило слишком дорого. В связи с этим Бетанкур решил создать новый более дешевый мост, который бы было проще устанавливать. Он сделал новый мост тоже деревянным на плавучих основах; но это была жесткая цельная конструкция, покоящаяся на барках. Когда возникала необходимость демонтировать мост, достаточно было просто отдать концы на одной стороне реки и предоставить течению возможность постепенно развернуть мост и поместить его параллельно береговому молу. Чтобы снова навести мост, его разворачивали в прежнее положение при помощи лебедки, разработанной самим Бетанкуром. Проект дополнялся строгими причалами с гранитными лестницами по обе стороны реки, которые спускались к самой воде.

Rossi diseñó su propuesta, aprobada en 1819 por la Comisión de Betancourt, partiendo de los proyectos anteriores de A. Kvasov y G. Veldten. Unos precedentes que estudiaron el trazado del nuevo edificio del Estado Mayor, describiendo una curva en planta. En alzado, la fachada incorporó un arco triunfal, a partir del cual nacía una nueva calle –Bolshaya Morskaya– que conectaría la plaza de Invierno con la perspectiva Nevski.

Rossi llegó a la conclusión que, para realzar la importancia política y simbólica de la plaza de Invierno respecto a las demás, convenía instalar un elemento central, en forma de hito, que será la columna de Alejandro, también obra del arquitecto Montferrend. El monumento, elevado sobre pedestal y coronado por un ángel con la fisonomía del zar, tiene una altura total de 47,5 m y se inspiró en las columnas de la antigua Roma. Homenajeaba la victoria militar del zar sobre Napoleón y señalaba el punto de concentración de los cuerpos del ejército delante del Palacio de Invierno. Según el análisis de I. A. Egorov, su verticalidad contrasta con la horizontalidad del entorno, enfatiza la simetría del edificio del Estado Mayor, no perjudica al movi-

Sistema de las cinco plazas centrales de San Petersburgo, mitad s. XIX.
Система пяти центральных площадей Санкт-Петербурга, середина XIX в



Когда мы следуем по маршруту мостов Бетанкура, то понимаем, что народная культура нашла в топонимике один из самых милых способов сохранения сведений. В поисках следов нашего инженера за пределами центра города следует, наверное, начать с прогулки по Каменноостровскому проспекту, украшенному памятниками модерна. Там, где эта улица пересекает Малую Невку и соединяет Каменный остров с Аптекарским, тень нашего просвещенного гения, возможно, явится перед вами. Дело в том, что здесь в 1812 году Бетанкур построил первый стационарный мост в Санкт-Петербурге. В этом загородном районе с его большими дворцовыми садами и разбросанными тут и там дачами новый мост занял место прежнего наплавного (архитектор А. Вист, 1760). Бетанкур задумал конструкцию с каменными береговыми устоями и семью деревянными арками, центральная из которых была длиннее прочих (25 м). Части моста соединялись между собой жесткими литыми элементами. В облике моста соединялись строгость и прозрачность деревянных арок и невесомость очень легких устоев, закрепленных на сваях, вбитых в дно реки. Детище Бетанкура пребывало на этом месте до 1854 года, когда его сменил другой деревянный мост. Сегодня на его месте стоит мост на железобетонных устоях, облицованных камнем (его длина составляет 180,7 м, а ширина 27 м). Это пятипролетный металлический мост, состоящий из изогнутых балок, с центральным разводным пролетом, что позволяет проход крупных судов. Хотя этот мост был построен в 1954 году группой русских инженеров и архитекторов и носит имя проспекта, который по нему проходит, в народе его называют *Бетанкуровским*. Бывают же такие топонимические жемчужины.

КАРА РОССИИ И АНСАМБЛЬ ПЯТИ ПЛОЩАДЕЙ

Теперь, когда начались работы по реконструкции Адмиралтейства и перестройка Исаакиевского собора, во всей центральной части Петербурга закипела деятельность, к ней были прикованы все взгляды. Паровой котел патриотизма взорвался после победы над Наполеоном,



Fábrica de papel moneda de Goznak junto al río Fontanka.
Ассигнационная фабрика, или «Гознак», на реке Фонтанке.

и это вдохновила царя и весь город продумать заново с особой любовью и вниманием ансамбль площади перед Зимним дворцом, которая являлась аристократическим и политическим сердцем столицы, где располагались органы власти и главный царский дворец. Эта площадь должна была превратиться в общественный центр, обладающий независимостью и играющий свою собственную роль; на этом огромном пространстве следовало проводить частые военные парады, которые до сего времени проводились на Марсовом поле. Архитектор Карл Росси предложил свой проект, который был принят в 1819 году Комитетом Бетанкура. Росси построил его на основании предыдущих проектов А. Квасова и Г. Фельтена. Эти архитекторы ранее изучили возможность новой планировки здания Генерального штаба, образующего дугу. При построении ортогонального чертежа в здание была включена триумфальная арка, от которой уходит в сторону Невского проспекта, соединяя его с Дворцовой площадью, Большая Морская улица.

Росси пришел к следующему выводу: чтобы подчеркнуть политическое и символическое значение Дворцовой площади необходим был центральный элемент, в форме обелиска. Им стал Александрийский столп, автором которого также является Монферран. Высота колонны, стоящей на пьедестале и увенчанной фигурой ангела, чье лицо напоминает портрет царя, составляет в целом 47,5 метра и сделана по образцу древнеримских колонн. Она прославляла военную победу царя над Наполеоном и отмечало место, где концентрировались различные войсковые части перед Зимним дворцом. По мнению И.А. Егорова ее вертикальная линия контрастирует с горизонтальностью окружения колонны и подчеркивает симметрию здания Генерального штаба. Она не мешала передвижению воинских частей и была видна с Исаакиевского собора. Поскольку Александрийский столп сделан из того же самого гранита, что колонны собора, это придает уравновешенность городскому ансамблю. Все механизмы для подъема и установки колонны — монолита

miento de las tropas y, visible desde la catedral de San Isaac y formada por el mismo granito, contribuye a la coherencia del conjunto urbano. Todos los mecanismos de elevación y montaje de la columna —de una sola pieza de 25 m— fueron ideados por Betancourt de forma similar a lo que hizo en San Isaac.

Años después de la muerte de Betancourt, el arquitecto Rossi seguirá trabajando en la configuración urbana de la plaza y de los edificios del Senado y del Santo Sínodo. Sus fachadas completaron el conjunto iniciado por las reformas de El Almirantazgo y de San Isaac, configurando un final refinado para las perspectivas a poniente del *sistema de las cinco plazas* —plaza de Invierno, del Senado, de San Isaac, jardines de El Almirantazgo y la plaza Razvodnaya—. La ciudad evolucionará y las *cinco plazas* tenderán a integrarse dentro de la gran unidad deseada. Con los años, se desmontará el puente de San Isaac del ingeniero español. En breve, se tenderá otro, también de madera, al otro lado de El Almirantazgo, que a principios del siglo XX, será sustituido definitivamente por el primer puente fijo sobre el Neva: le llamarán puente de Palacio y entre sus distintos padres, está un ingeniero catalán².

EN CÓPECS, POR FAVOR

Como le gusta decir a uno de los ingenieros más vivos de la España contemporánea, a diferencia de la obra del arquitecto, la del ingeniero es más silenciosa y clandestina, pero jamás anónima. Algunos otros dirían que es menos epidérmica y más estructural. De hecho, la mayoría de las obras *betancouristas* de San Petersburgo o pertenecen al género clandestino o desaparecieron; si bien aún se conservan honrosas excepciones. Por escala y simbología, una de las más relevantes es la fábrica de papel moneda o fábrica de Goznak, construida en 1816 a orillas del río Fontanka, muy cerca del puente egipcio. El conjunto consta de grandes volúmenes, sencillos y compactos,

высотой в 25 м — были придуманы Бетанкуром и были аналогичны тем, которые использовали в Исаакиевском соборе.

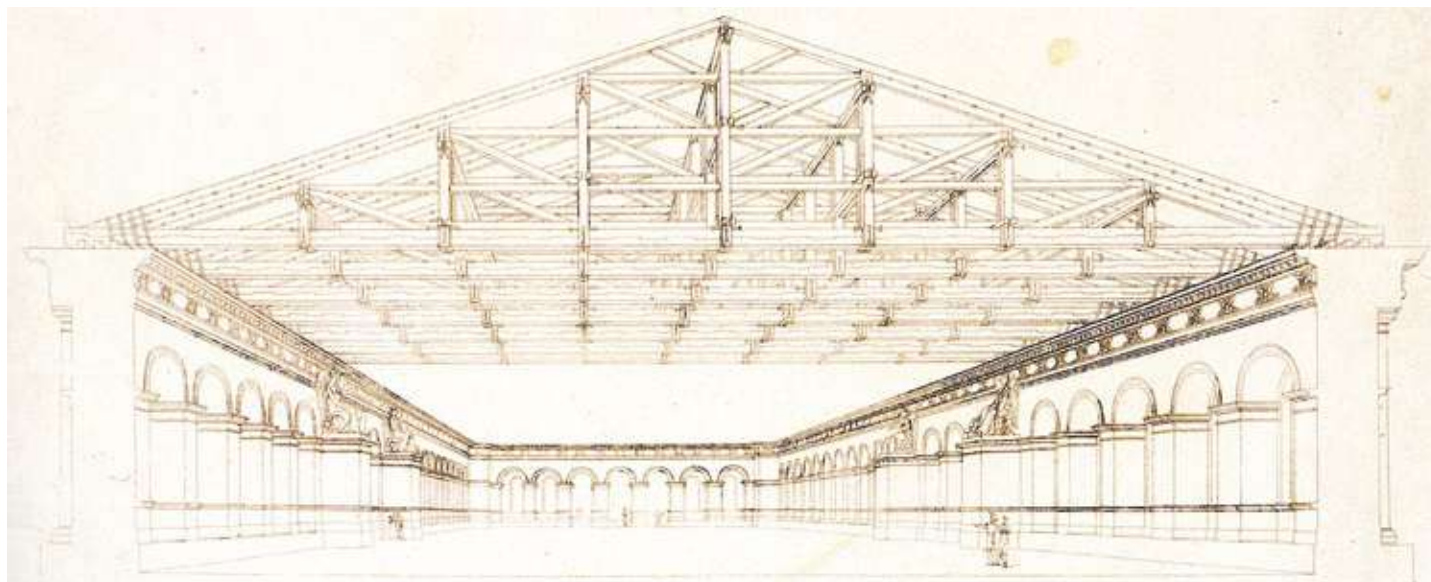
Многие годы спустя после смерти Бетанкура архитектор Росси продолжит работы по обустройству площади и создаст проекты зданий Сената и Священного Синода. Их фасады дополняют ансамбль, заложенный в проект перестройки Адмиралтейства и Исаакиевского собора. Таким образом, возникнет элегантно окончание проспектов к западу от *ансамбля пяти площадей* — Дворцовой, Сенатской, Исаакиевской, Разводной и садов Адмиралтейства. Город будет развиваться и *пять площадей* будут постепенно сливаться в единое целое, о котором мечтали его создатели. С годами будет разобран Исаакиевский мост, построенный испанским инженером. Вскоре будет возведен новый мост, также деревянный, по другую сторону от Адмиралтейства. В начале XX века он будет окончательно заменен первым стационарным мостом на Неве: его назовут Дворцовым, и среди его выдающихся создателей будет один каталонский инженер¹.

В КОПЕЙКАХ, ПОЖАЛУЙСТА

Как любит говорить один из самых деятельных и энергичных инженеров современной Испании, в отличие от работ архитекторов, труд инженера обычно не бросается в глаза и не заявляет о себе, однако он не анонимен. Другие скажут, что их работа не лежит на поверхности, а скрыта в структуре произведений. И в самом деле, большинство *бетанкуровских* творений в Санкт-Петербурге или принадлежат к разряду скрытых, или не дошли до наших дней, но есть и замечательные исключения из этого правила. Одно из самых значительных по своему масштабу и символическому смыслу — это ассигнационная фабрика или фабрика «Гознак», построенная в 1816 году на берегу реки Фонтанки, недалеко от

² Hablamos del ingeniero industrial catalán Magí Cornet Masriera (1866-1906), que ganó un premio en el Concurso internacional de 1902 para proyectar el Puente de Palacio. La historia de Cornet se explica en páginas posteriores.

¹ Речь идет о каталонском промышленном инженере Мажии Корнете Масрьера (1866-1906), который получил премию на международном конкурсе проектов Дворцового моста. История Корнета рассказывается на следующих страницах



Celosía de madera de A. Betancourt para la Sala de Ejercicios de Moscú.

Деревянное перекрытие московского Манежа, созданное А. де Бетанкур.

con fachadas neoclásicas muy espartanas. Además del edificio, Betancourt también proyectó la maquinaria a instalar y dibujó el nuevo diseño de los billetes, que se imprimieron en papel de mayor calidad para evitar las falsificaciones masivas. Realmente éste era un escándalo nacional: desde que Catalina II introdujo el papel moneda en 1769, todo el mundo se atrevía a copiar el rublo; y la gente, naturalmente desconfiada, prefería el dinero en cópecs (monedas, una centésima parte del rublo). Incluso Napoleón, en su invasión rusa, ya traía montones de rublos falsos impresos en Francia. Más adelante, durante la ocupación de Moscú, el ejército galo llegó a montar en el cementerio de Preobrazhenski una imprenta especializada en rublos.

LA SALA DE EJERCICIOS DE MOSCÚ

En los primeros meses de 1817, el zar Alejandro I comunicó a Betancourt que deseaba pasar el próximo invierno en Moscú con toda la familia imperial. Esto significaba que habría un

Egipciense del puente. El conjunto consta de grandes volúmenes, sencillos y compactos, con austeros neoclásicos fachadas. Betancourt creó no sólo el edificio, sino también las máquinas y mecanismos instalados allí, además de eso, diseñó el nuevo diseño de billetes de papel, que se imprimieron en papel de mayor calidad para evitar las falsificaciones masivas. Realmente éste era un escándalo nacional: desde que Catalina II introdujo el papel moneda en 1769, todo el mundo se atrevía a copiar el rublo; y la gente, naturalmente desconfiada, prefería el dinero en cópecs (monedas, una centésima parte del rublo). Incluso Napoleón, en su invasión rusa, ya traía montones de rublos falsos impresos en Francia. Más adelante, durante la ocupación de Moscú, el ejército galo llegó a montar en el cementerio de Preobrazhenski una imprenta especializada en rublos.

Egipciense del puente. El conjunto consta de grandes volúmenes, sencillos y compactos, con austeros neoclásicos fachadas. Betancourt creó no sólo el edificio, sino también las máquinas y mecanismos instalados allí, además de eso, diseñó el nuevo diseño de billetes de papel, que se imprimieron en papel de mayor calidad para evitar las falsificaciones masivas. Realmente éste era un escándalo nacional: desde que Catalina II introdujo el papel moneda en 1769, todo el mundo se atrevía a copiar el rublo; y la gente, naturalmente desconfiada, prefería el dinero en cópecs (monedas, una centésima parte del rublo). Incluso Napoleón, en su invasión rusa, ya traía montones de rublos falsos impresos en Francia. Más adelante, durante la ocupación de Moscú, el ejército galo llegó a montar en el cementerio de Preobrazhenski una imprenta especializada en rublos.

Egipciense del puente. El conjunto consta de grandes volúmenes, sencillos y compactos, con austeros neoclásicos fachadas. Betancourt creó no sólo el edificio, sino también las máquinas y mecanismos instalados allí, además de eso, diseñó el nuevo diseño de billetes de papel, que se imprimieron en papel de mayor calidad para evitar las falsificaciones masivas. Realmente éste era un escándalo nacional: desde que Catalina II introdujo el papel moneda en 1769, todo el mundo se atrevía a copiar el rublo; y la gente, naturalmente desconfiada, prefería el dinero en cópecs (monedas, una centésima parte del rublo). Incluso Napoleón, en su invasión rusa, ya traía montones de rublos falsos impresos en Francia. Más adelante, durante la ocupación de Moscú, el ejército galo llegó a montar en el cementerio de Preobrazhenski una imprenta especializada en rublos.

gran movimiento de tropas a la antigua capital y que, por el frío, los soldados y sus caballerías necesitarían una Sala de Ejercicios, un sitio resguardado donde llevar a cabo la instrucción. No era un deseo extraño; algunos de los estados alemanes ya tenían instalaciones de este tipo. Incluso San Petersburgo contaba con varias, siendo la de *Saint Michael* la más importante. El ingeniero proyectó entonces un edificio rectangular, de aires neoclásicos y cuyo protagonista era una cubierta de extraordinarias dimensiones. La resolvió con una cercha de madera sin apoyos intermedios de casi 50 m de luz. Sin duda, aquí pudo aprovechar la experiencia del puente en arcos de Kamennostrovskii, también en madera; utilizando, para las uniones entre los componentes de la viga, unas piezas de fundición muy similares. Respecto al proyecto de Betancourt, el ingeniero inglés Bill Addis afirma que, con una estructura de tantas uniones distintas y con los medios de 1817, un cálculo exacto era casi imposible. Precisamente por esto, la cercha de Agustín de Betancourt no era un mero trabajo de carpintero; sino el bello fruto de una mente racional, con grandísima experiencia y un vasto conocimiento de las normas del diseño.

LA FERIA DE NIZHNI NÓVGOROD

Sin saberse cómo, la feria comercial de Makáriev, la más importante de Rusia, ardió hasta reducirse a cenizas en 1816. Ubicados junto al río Volga, los puestos de venta sufrían frecuentes inundaciones cada primavera, pero fue la devastación del fuego el elemento determinante para decidir el traslado del recinto comercial. Se movió 70 km río arriba, en la pequeña ciudad de Nizhni Nóvgorod. Allí es donde viajó en 1817 Agustín de Betancourt para decidir el emplazamiento definitivo del recinto. Betancourt lo situó a la margen izquierda del río Oka en su confluencia con el Volga. Ya tenía en mente comunicar el complejo con los dos ríos navegables y, a través de un nuevo canal, permitir la circulación de pequeñas embarcaciones y mercancías dentro del recinto ferial.

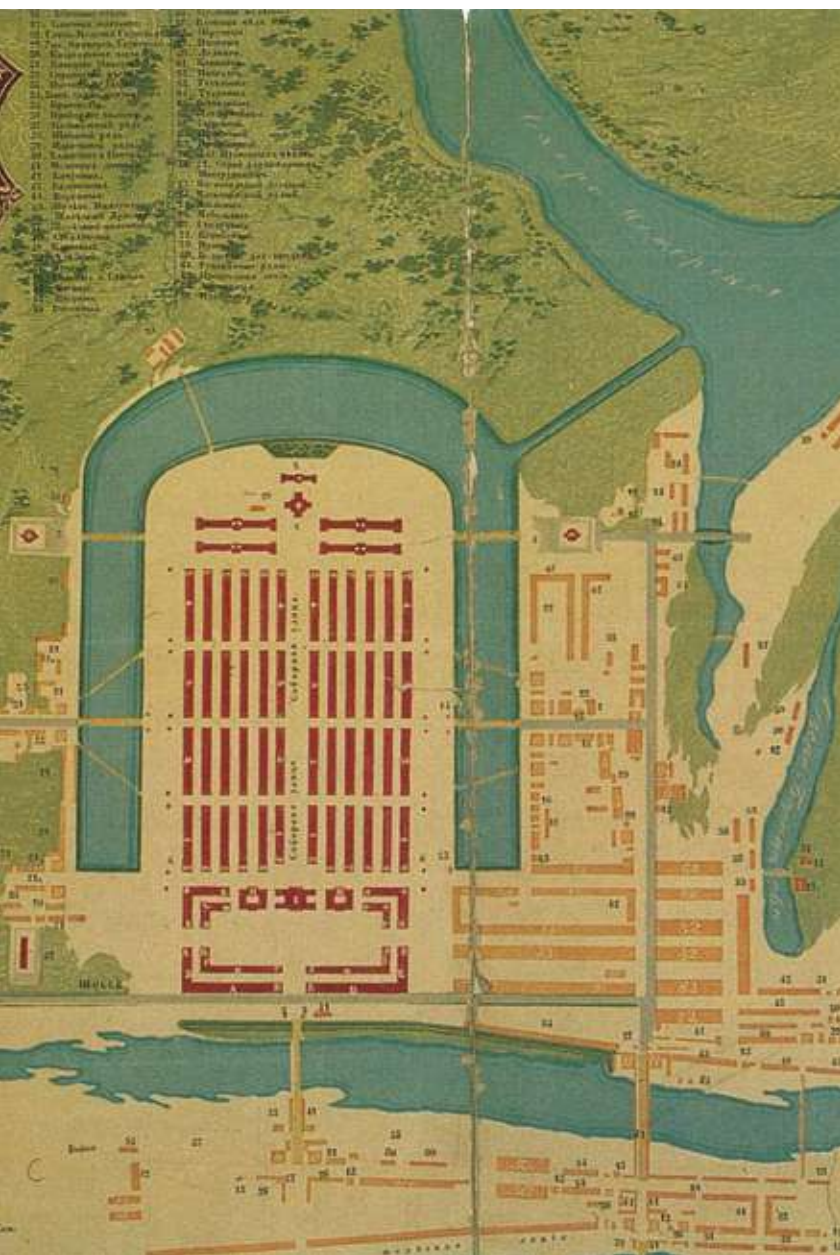
Este será el gran proyecto urbanístico de Agustín de Betancourt. En palabras de su secretario F. F. Víguel: *su entretenimiento*

КРЫТЫЙ ПЛАЦ В МОСКВЕ

В начале 1817 года царь Александр I сообщил Бетанкуру о своем желании провести следующую зиму в Москве в сопровождении всей императорской семьи. Это означало, что в старую столицу должны были переместиться многочисленные отряды военных вместе с их лошадьми. В связи с холодным климатом надо было предоставить военным зал для упражнений, защищенный от мороза. Это не было странным капризом: некоторые немецкие государства уже располагали подобными зданиями. Даже в Петербурге их было несколько; самым значительным сооружением этого типа являлся Михайловский манеж. Бетанкур создал проект прямоугольного здания в стиле неоклассицизма; его главным элементом стала огромных размеров крыша. Инженер решил эту задачу, создав безопорное деревянное перекрытие, ширина которого составляла почти 50 метров. Без сомнения, в этом проекте он смог использовать свой опыт строительства пролетов Каменноостровского моста, также деревянного. Для соединения частей балок инженер использовал очень похожие литые детали. Анализируя проект Бетанкура, английский инженер Билл Аддис утверждает, что, используя технические средства 1817 года, практически невозможно было сделать точные расчеты для структуры с таким количеством различных соединений. Именно поэтому перекрытие Бетанкура это не просто плотницкая работа, а прекрасный плод рационального гения, обладавшего огромным опытом и обширными познаниями в области методов проектирования.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ЯРМАКА

Макарьевская торговая ярмарка, самая крупная в России сгорела дотла в 1816 году, и причины пожара остались неизвестными. Торговые ряды, расположенные недалеко от Волги раньше часто весной страдали от наводнений, но огонь стал той стихией, которая определила окончательное решение о переносе торговых площадей на 70 км выше по



реке в небольшой город – Нижний Новгород. Сюда в 1817 году приехал Августин де Бетанкур чтобы выбрать точное место для ярмарки. Инженер решил расположить ее на левом берегу Оки, там, где эта река впадает в Волгу. Уже в это время он задумал обеспечить связь нового комплекса с другими центрами посредством двух судоходных рек и провести новый канал внутри территории ярмарки, по которому могли бы доставлять товары на лодках.

Этот градостроительный проект станет самой главной работой Бетанкура. По словам его секретаря Ф. Ф. Вигеля, он был его *любимым развлечением, его игрушкой*, которой инженер посвятил последние счастливые часы своей жизни. Путешествуя по стране или находясь в столице, он работает над планировкой ярмарки, которая превратиться в небольшой город с административными зданиями, церквями и пятью десятками зданий, предназначенных как для торговых помещений, так и для жилья торговцев. Каждое лето он, вместе со своей семьей, лично приезжает на строительство, а на остальную часть года оставляет там своего испанского ученика Рафаэля Бауса, своего зятя Хоакина Эспехо и многих других русских и французских специалистов. После формального открытия ярмарки в 1822 году Нижний Новгород превратился в главную ярмарку страны, куда ежегодно приезжали более 200.000 торговцев, посетителей и просто любопытствующих. Ярмарка пришла в такое несоответствие со старым городом, что в каждом доме приходилось размещать от 10 до 15 человек. Великий градостроительный проект Бетанкура, на самом деле, заключался в превращении старого города с его мелкой речной торговлей в настоящий порт для внутренних районов России. В этой работе инженер проявил свои способности во всех областях: в гидравлике и строительстве мостов, в транспорте и логистике, в градоустройстве и строительстве.

Recinto ferial de Nizhny Nóvgorod, junto a los ríos Oka y Volga.

Площадь Нижегородской ярмарки на берегах рек Оки и Волги.

favorito, su juguete, al cual consagrará los últimos momentos felices de su vida. Cuando esté de viaje o en la capital, trabajará en la planificación del recinto, que consistirá en una pequeña ciudad con edificios administrativos, iglesias, y una cincuenta de construcciones para puestos de venta y viviendas de los tenderos. Sobre el terreno, dirigiendo los trabajos que visitará cada verano con su familia, dejó al discípulo español Rafael Bauzá y también confió en su yerno Joaquín Espejo, además de muchos profesionales rusos y franceses. Desde su inauguración formal en el verano de 1822, la de Nizhni Nóvgorod será la principal feria del país con una asistencia de más de 200.000 personas, entre visitantes, mercaderes y curiosos. Tal era la desproporción entre feria y la antigua ciudad, que tocó a una media de 10 o 15 personas alojadas en cada casa. El gran proyecto urbano de Betancourt fue, en realidad, un proceso de reconversión de la antigua ciudad de pequeño comercio fluvial en un auténtico puerto interior para Rusia, que combinó todas las variables del ingeniero total: hidráulica y puentes, transporte y logística, además de urbanismo y edificación.

DOS AÑOS DE VEJEZ, 1822-1824

San Petersburgo siempre se comportó con sus gentes como un brutal mecanismo de sístole diástole. Ahora se les impulsa a lo más alto desde el trono para encontrarse, de súbito, caídos en desgracia y encarcelados en la ciudadela de San Pedro y San Pablo. Esto pasó a Ivan Pososhkov, primer economista político de Rusia, y a Dimitri Golytsin, colaborador de Pedro I que se le ocurrió pensar en una monarquía constitucional; pero también a muchos otros pensadores occidentales, que después de ser invitados, adulados y festejados, en breve huyeron para evitar un último viaje a Siberia. Jóvenes nobles que, enviados a estudiar en la Sorbona, en Glasgow o en Alemania, tenían que volver bruscamente porque a Rusia le vino urticaria con la Revolución Francesa o porque alguien en la Corte vio en ellos peligro de contagio y, a su vuelta a la Patria, una posible semilla de nuevas insurrecciones. Otros dicen que, también por liberal, tenía fecha de caducidad la fanfarria concedida a la *Enciclopedia*

ДВА ГОДА СТАРОСТИ, 1822-1824

Санкт-Петербург всегда обращался со своими гражданами посредством страшного механизма систолы и диастолы. С высоты трона их возносили на невероятные высоты, а потом вдруг эти же самые люди оказывались в опале или даже в заключении в Петропавловской крепости. Так случилось с Иваном Посошковым, первым русским политическим экономистом, и с соратником Петра Первого Дмитрием Голицыным, которому вздумалось говорить о конституционной монархии. Но такая же судьба постигла многих западных мыслителей, которых пригласили в страну. Сначала им воздавали хвалу и осыпали почестями, но вскоре они вынуждены были скрываться чтобы избежать отправки в последнее свое путешествие в Сибирь. Молодые аристократы, которых послали учиться в Сорбонну, в Глазго или в Германию, порой должны были, бросив все, вернуться на родину, потому что Россия вдруг испугалась Французской революции, или потому, что кто-то при дворе считал их переносчиками заразы и боялся, не перенесут ли они на родную почву семя новых мятежей. Известно также, что восторгам перед *Энциклопедией* Дидеро скоро наступил конец. Перевод этого труда на русский язык и его издание совпали с эпохой Пугачевского крестьянского бунта. Стала очевидной аксиома: *чем больше знаний, тем больше восстаний*; издание прервалось на букве К и больше никогда не возобновлялось.

В 1820 году Августин де Бетанкур находился на стадии диастолы: его осыпали наградами и похвалами, как то и полагалось *министру Гражданского строительства*. В этом же самом году с ярмарки в Нижнем Новгороде он отправился в путешествие вниз по Волге и посетил все главные города, порты и каналы от Казани до Грузии, где его поразил андалузский климат и жуткое состояние дорог. Нашего героя особенно интересовали инфраструктуры и возможности развития Крымского полуострова на Черном море и его важные города-порты: Керчь, Феодосия и Севастополь. По возвращении в Петербург он написал разгромный доклад о

de Diderot, cuya edición y traducción al ruso estaba en marcha en la época del levantamiento campesino de Pugachev. Ante la evidencia de, *a más información más rebelión*, fue interrumpida en la letra K. Nunca más se reanudó.

El Agustín de Betancourt de 1820 estaba en el periodo de diástole, recibiendo privilegios y elogios como correspondía al *ministro de Obras Públicas*. Aquel mismo año, desde la feria de Nizhni Nóvgorod, inició un viaje bajando por el río Volga, visitando las principales ciudades, puertos y canales desde Kazán hasta Georgia, donde le sorprendió el clima andaluz y el pésimo estado de los caminos. Se interesó especialmente por las infraestructuras y las posibilidades de la península de Crimea, junto al mar Negro, con sus potentes ciudades portuarias de Kerch, Feodosia y Sebastopol. A su vuelta a San Petersburgo, redactó un informe demoledor respecto al estado de las obras públicas en el país y el descomunal esfuerzo que aún se tenía que hacer. Hasta entonces, el zar Alejandro y Agustín habían tenido un trato casi familiar. Pero aquel día, al emperador no le gustó nada el diagnóstico. Algo estaba pasando en los pasillos del Palacio de Invierno pero él no lo vio.

Quizás porque no dominaba las técnicas de Maquiavelo ni de Mazzarino, el *ministro* Betancourt fue objetivo de una trama subterránea de difamación y vertido masivo de calumnias. Es cierto que nunca le faltaron enemigos ni en la corte ni en su departamento; pero hasta entonces utilizaron la sibilina táctica que los británicos llaman *wait and see*. Primero fue la tergiversación del informe sobre el viaje por Rusia que, más allá de su tono honestamente crítico, algunos presentaron al zar de forma tendenciosa. Después llegaron las sospechas económicas: el presupuesto de la feria se disparó y, paralelamente, parece que algunos funcionarios metieron mano en la caja. Y como en una tormenta perfecta, se reactivaron las suspicacias sobre la ideología del ingeniero. No le ayudó en nada haber protegido al español Juan Van Hallen, que volvió a España al estallar allí la revolución liberal (1820-23), cosa que encolerizó al zar. Poco a poco, a Agustín de Betancourt lo fueron envolviendo con un velo de corruptelas y patrañas políticas.

sостоянии гражданского строительства в стране, в котором указывал на необходимость приложить титанические усилия для решения этой проблемы. До этого момента отношения царя Александра I и Августина были почти братскими, однако в тот день императору такой диагноз пришелся не по вкусу. Что-то случилось в коридорах Зимнего дворца, но Бетанкур этого не заметил.

Вероятно, *министр* Бетанкур стал мишенью тайных козней и постоянной клеветы, потому что не владел техникой Макиавелли или Мазарини. По сути дела у него всегда были враги при дворе и в управлении, но до поры до времени они использовали выдуманную британцами *выжидательную* политику. Сначала недруги инженера исказили его доклад о путешествии по России и представили царю в тенденциозном свете текст, написанный с точки зрения объективной критики. Потом наступило время подозрений в области финансов: бюджет ярмарки резко вырос, и, одновременно, некоторые чиновники, видимо, запустили лапу в казну. Словно по заказу, чтобы грозовые тучи сгустились еще больше, снова пошли слухи об идеологической позиции Бетанкура. Ему повредило и то, что он покровительствовал испанцу Хуану Ван Халену, который вернулся в Испанию, когда там началась либеральная революция (1820-1823), что взбесило царя. Постепенно Августин де Бетанкур оказался опутан паутиной обвинений в коррупции и политическими интригами.

Наверное, в памяти нашего героя в России запечатлелся каждый шаг на этом горестном пути потери своего общественного и политического влияния. Помнил он и слова, сказанные ему царем в январе 1822 года, когда после многочисленных скандалов и интриг, Александр I бросил ему: *Я виню не вас, а себя самого за назначение вас на должность, с которой вы не могли справиться, и от которой вы сейчас отказываетесь*. Через некоторое время царь создал новую должность, которая иерархически представляла собой преграду между инженером и императором, и назначил на нее своего дядю, герцога Вюртемберга. Тот, не переставая, унижал Бетанкура, заняв его кабинет в Институте путей

Nuestro hombre en Rusia debió recordar con amargura cada uno de los pasos de este descenso social y político. Como en una de las últimas entrevistas con el zar, en enero de 1822, cuando después de todos los escándalos y trucos Alejandro I le espetó: *No le culpo a usted, sino a mí mismo, de haberle asignado un puesto para el que usted no estaba dotado y al cual usted renuncia*. Al poco, el zar nombró a su tío el duque Alejandro de Württemberg en un cargo de nueva creación, que se interponía jerárquicamente entre el ingeniero y el emperador. Württemberg no paró de humillarlo día tras día, ahora ocupando su residencia en el Instituto de Vías de Comunicación y después con comentarios hirientes ante los demás funcionarios. La situación era verdaderamente irrespirable y Agustín de Betancourt, que meses antes había tenido el país a sus pies, ahora ya sólo estaba tranquilo en Nizhny Nóvgorod. En 1823 volvió a la ciudad, con el recinto ferial inaugurado, para seguir los últimos detalles de las obras. Estando allí recibió la peor noticia de San Petersburgo: su hija Carolina había fallecido mientras daba a luz a su nieto, que también murió. A partir de este momento, volvió a la capital y presentó la dimisión de todos sus cargos. Abatido, se transformó en la sombra de lo que había sido, cada vez más tenue e insignificante, hasta que se apagó el 14 de julio de 1824.

En una de las últimas cartas que escribió a su hermana Catalina, Agustín le agradecía el envío de unos cuadros de Murillo: *... el amor a las artes es la única pasión que conservo*. Casi doscientos años después de su muerte, Rusia y San Petersburgo todavía conservan la pasión por este hombre y por su obra. Su tumba, diseñada por el arquitecto y discípulo Montferrand, está en el cementerio Lazareski, en el Monasterio de Alejandro Nevski. Junto a él, descansan algunos de los grandes nombres de Rusia y del mundo que, como Agustín Agustínovich Betancourt, son también padres de San Petersburgo. Puede que muchos de ellos ascendieran acompañados de éxitos y glorias similares; aunque al final, no sé si tantos cayeron en soledades parecidas.

Сообщения и отпуская по его адресу обидные комментарии перед другими сотрудниками учреждения. Обстановка стала удручающей, и Августин де Бетанкур, у ног которого лишь несколько месяцев тому назад лежала вся страна, теперь мог жить спокойно только в Нижнем Новгороде. В 1823 году, уже после открытия ярмарки, он вернулся туда чтобы проследить за последними деталями реализации проекта. Находясь в этом городе, он получил из Петербурга страшную новость: его дочь Каролина умерла родами, и его внук тоже погиб. После этого он вернулся в столицу и попросил об отставке со всех своих постов. Подавленный, Бетанкур превратился в бледную тень самого себя, с каждым днем таял все больше и, наконец, его жизнь утасла 14 июля 1824 года.

В одном из последних писем, обращенных к своей сестре Каталине, Августин благодарил ее за посылку с картинами Мурильо: *... любовь к искусствам это единственная страсть, которая во мне еще живет*. Почти два столетия спустя после его смерти Россия и Санкт-Петербург все еще страстно любят этого человека и его произведения. Могила Бетанкура, созданная его учеником, архитектором Монферраном, находится на Лазаревском кладбище в Александро-Невской Лавре. Рядом с ним покоятся некоторые из великих людей России и мира, которые, как и Августин Августинович Бетанкур, являются отцами Санкт-Петербурга. Возможно, многие из них поднялись на вершину славы, сопровождаемые хвалами, похожими на те, которые выпали на его долю, но я не знаю, скольким из них судьба уготовила такое же одиночество.



Se consumen las últimas horas de noviembre de 1856, a ritmo de caldera de carbón, en un tren que avanza de Berlín hacia Varsovia. Treinta horas de travesía compartida con aristócratas prusianos, damas de tez rosada y cosacos del Cáucaso, los almogávares del mar Negro. Cuatro de los pasajeros inician la etapa más dura de un viaje que, destino San Petersburgo, les ha traído por varias ciudades centroeuropeas. Tienen frío y lo pasan mal; han disfrutado de pocas horas de luz conocida y muchas de un blanquecino e incierto resplandor, que tintaba los objetos de un aura fantástica. Aunque hasta ahora admiten haber viajado a lo príncipe, alojándose en las fondas más elegantes y con palco asegurado en todos los teatros; a medida que uno se acerca a la frontera rusa el paisaje se hace menos simpático y el invierno recrudece. Como veremos, la comitiva forma parte de la misión extraordinaria, auspiciada por el Gobierno español, para impulsar las relaciones diplomáticas y comerciales con el Imperio ruso.

El duque de Osuna lidera la delegación y le acompañan tres personas: su secretario particular, su amigo y además coronel del Estado Mayor Quiñones, y el diplomático y escritor Juan Valera, gracias al cual conocemos esta historia. El primero tiene parientes y relaciones esparcidas por todo el continente. Sus títulos y su nombre suenan bien a las gentes del Norte, que le adulan con trato exquisito y le reservan las más altas atenciones. Pero estos hombres meridionales, cuando al poco de salir el termómetro marca catorce grados bajo cero Réamur, aprenden a cubrirse la cabeza con gorras de nutria y los cuerpos, tiritando, con pieles de oso compradas en Berlín. Van tan empujados y tan raros que, en una estación de camino, al secretario personal del duque por poco se lo comen unos perros, tomándole por alimaña de los bosques.

В топке паровозного котла сгорали последние часы ноября 1856 года, а поезд мчался из Берлина в Варшаву. Тридцать часов пути, разделенные с прусскими аристократами, розовощекими дамами и казаками с Кавказа, этими альмогаварами Черного моря. Четверо пассажиров начинают самую тяжелую часть дороги, которая прошла для них по разным европейским городам, а сейчас ведет в Санкт-Петербург. Им холодно и неудобно; только несколько коротких часов знакомого им солнечного сияния досталось им на долю, все остальное время им приходится довольствоваться неверным белесым светом, который придает всем предметам фантастическое обличье. До сих пор они не могли пожаловаться на поистине царские условия путешествия — их размещали в самых элегантных гостиницах и приглашали в самые лучшие ложи всех театров, но по мере приближения к русской границе пейзаж становится все более суровым, а мороз пробирает до костей. Как мы скоро узнаем, наши путешественники направляются в Россию с миссией чрезвычайного значения: по заданию испанского правительства им предстоит дать толчок развитию дипломатических и торговых связей с Российской империей.

Делегацию возглавляет герцог Де Осуна; его сопровождают три человека: его личный секретарь, его друг Киньонес, который к тому же является полковником Генерального Штаба, и дипломат и писатель Хуан Валера — именно благодаря ему, мы и узнаем всю эту историю. У герцога есть родственники и многочисленные связи на всем континенте. Его титулы и знатное имя звучат как музыка для жителей Севера, которые стараются всячески убажить

Al entrar en territorio ruso, en *Granitzza*, Valera recuerda que se abrió la portezuela del vagón y se presentó un correo imperial emplumado, majestuoso y tan barbudo que parecía el emperador mismo. El lacayo informó al duque y a su séquito que él se ponía a sus órdenes y que, por cortesía de Su Alteza, tenían a su disposición las *habitaciones imperiales*¹. Así que el viaje siguió; ahora ya bajo custodia del nuevo gentilhombre autóctono, que les acompañaría y serviría hasta Petersburgo.

De Varsovia a Gatchina no había línea de ferrocarril y nuestros viajeros subieron en coche de ruedas. Los grandes ríos no estaban, por entonces, completamente helados y, al poco de salir de la estación, pudieron cruzar el Vístula gracias a un puente de barcas. Pero la nieve provocaba atascos tan continuos que la comitiva empezó a desesperarse. Y como si el Dios del desamparo les vigilara, de entre los bosques surgían aldeanos para ayudar. Caras inexpresivas, que actuaban de forma mecánica; escurridizos, protegían su mirada del cazador, que siempre era otro. El enviado del zar se transformaba repentinamente en eficaz capitán, zurrándoles hasta que conseguían desencallar las ruedas. Entonces, calladamente, éstos se fundían de nuevo bajo el manto nevado.

La dureza del trato del capitán a los improvisados ayudantes dejó perplejos a los españoles, que empezaron a verle las garras al lobo. ¿Podía ser que aquel Imperio no tuviera límites? A Valera se le acumulaban las preguntas: *¿qué fuerza no puede mandar esta poderosa aristocracia refinadamente culta, capaz e inteligente, teniendo a su disposición esta masa ruda y enérgica, que manda a puntapiés y a pescorzones?* Sin prisas, pensó; ya tendría tiempo de ordenarse todo el enredo mental. Al cabo de unas horas, en Kovno, la acumulación de nieve era descomunal; llegó la hora de sustituir las ruedas por patines para llegar a la ciudad de Gatchina. Una vez allí, aliviados, pudieron retomar el tren hasta la capital rusa.

¹ Habitaciones reservadas para el emperador o sus invitados, distribuidas en estaciones de tren o casas de posta. Valera escribe que algunas *no lo parecían* y que, a veces, su calidad no estaba a la altura de tan pomposo nombre.

его изысканным обхождением и постоянным вниманием. Однако наши южане, увидев в самом начале пути, как ртуть на градуснике достигла отметки четырнадцати градусов ниже нуля по шкале Реомюра, быстро научились закрывать свои головы нутриевыми папками, а дрожащие тела медвежьими шубами, купленными в Берлине. Вид у них в этих меховых уборах был такой чудной, что на одной из дорожных станций секретаря герцога чуть не загрызли собаки, приняв за лесного обитателя.

На границе, когда делегация уже очутилась на российской территории, как вспоминает Валера, дверца вагона отворилась, и перед ними явился посланец императора – величественный, увенчанный перьями и такой бородатый, что показался им самим императором. Прислужник царя сообщил герцогу и его свите, что поступал в их распоряжение, и что по милости Государя, им будут предоставлены «императорские покои»¹. Итак, путешествие продолжилось, но теперь они двигались под надзором местного джентльмена, который оставался в их распоряжении до самого Петербурга.

От Варшавы до Гатчины не было железной дороги, и наши путешественники пересели в карету. Крупные реки в это время года еще не полностью покрылись льдом, а потому, выехав со станции, они очень скоро смогли переехать через Вислу, воспользовавшись понтонным мостом. Снегопады так задерживали движение, что делегация то и дело приходила в отчаяние, но, казалось, им покровительствовал сам бог скитальцев: из окрестных лесов спешили им на помощь селяне. Их лица ничего не выражали, они действовали механически и старались как можно скорее исчезнуть, пряча глаза, словно зверь от охотника, принимая свою подневольную судьбу. Царский посланец моментально превращался в решительного

¹ Комнаты, предназначенные для императора или его гостей, которые имелись на разных железнодорожных или почтовых станциях. Как пишет Валера, некоторые из них *не казались таковыми*, и иногда их качество не отвечало помпезному названию.

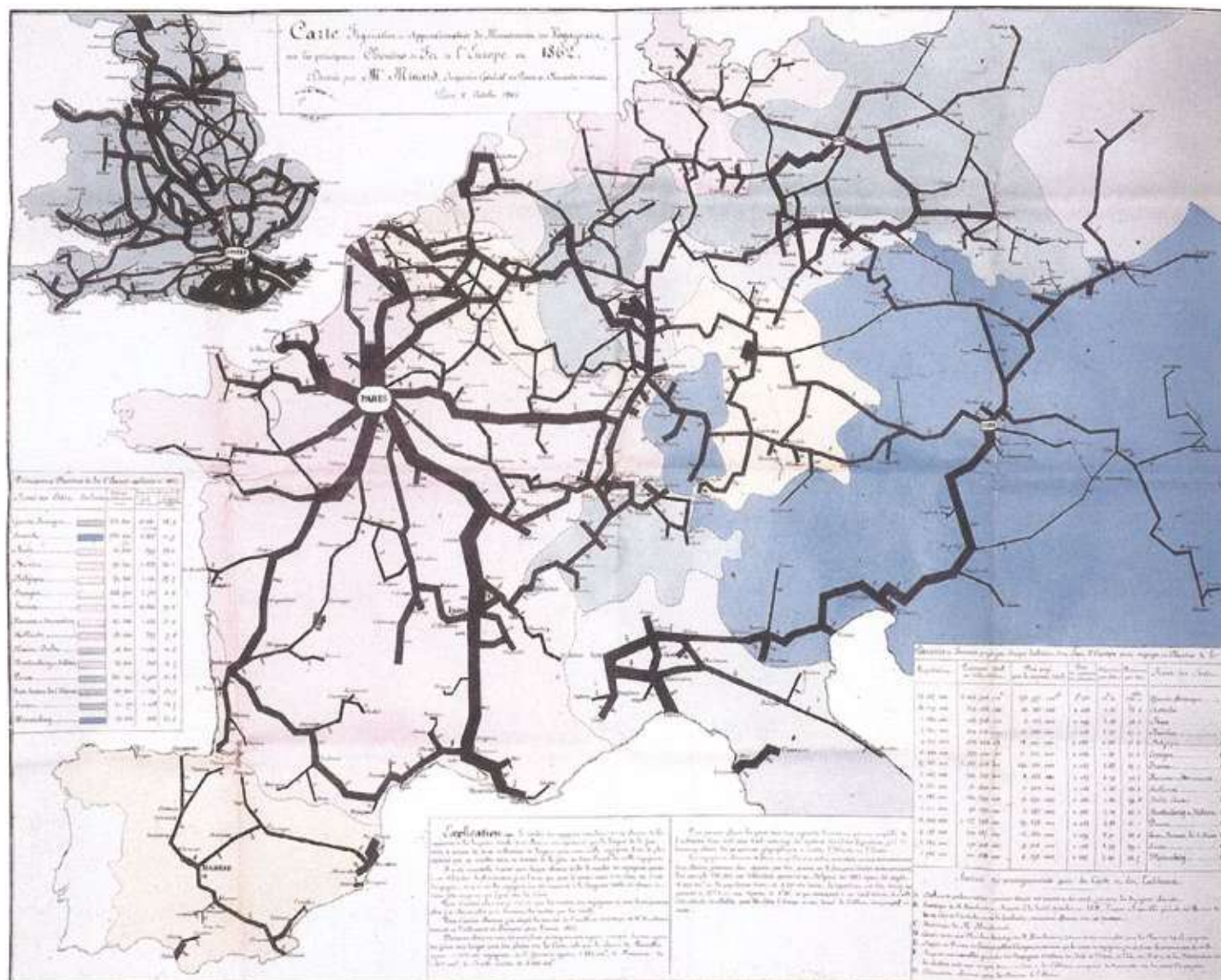
Juan Valera es el cronista de esta historia, que no es novela ni libro de viaje. Escribe a su amigo y subsecretario de Estado Leopoldo Augusto Cueto, responsable de su presencia en la expedición. A medida que recibía las cartas, escritas para un amigo y por lo tanto de carácter privado, Cueto las publicaba en la prensa de la época. Con gran expectación, el Madrid nobiliario se divertía siguiendo el juego de cultos desvaríos del escritor, hablándonos de los grandes hombres del XIX ruso con total desenfado. Así pasó con el gran conde von Nesselrode, que según el diplomático: *no parecía un hombre de los que se usa, sino una cosa rara (...) un tontainas*. Al poco, Valera se enteró de la traición y se molestó con el atrevimiento de Cueto; que todos pudieran leer sus opiniones le causó algunos problemas con el duque de Osuna. Aunque años después debería reconocer que sus *Cartas desde Rusia*, publicadas en tres tomos, serían el pasaporte más eficaz a la fama y al reconocimiento literario.

Los estudiosos de Valera le califican por este orden como diplomático, político y escritor. Hijo de una familia aristocrática de Cabra, Córdoba, su padre José fue un oficial de la Armada desilusionado con el ejército. Se cuenta, además, que tuvo una juventud tímidamente republicana; sin excesivo radicalismo pero con alguna pena de cárcel. La madre, Dolores Alcalá-Galiano, no sólo era la marquesa de Paniega, sino la principal *consejadora*, en lenguaje político actual, de los contactos y engranajes que allanarán el camino del hijo. Auspiciado por el padre, *Juanito* estudia Lengua y Filosofía en seminarios de Málaga y Granada, alejándose de las carreras de armas. Y es que en la España del diecinueve, cardíaca y convulsa, era de pronunciamientos, rebeliones militares y fusilamientos de los opositores, convenía no acercarse al ejército y ser discreto en la opinión política. Así se grafiaban las cartas náuticas del joven Juan, cuya alma liberal-progresista fue rápidamente reconducida hacia la gran ambición política y material. Será, tanto en la diplomacia como en la política, un moderado que medirá sus movimientos con el sigilo de quien cruza un campo de minas.

капитана, и раздавал затрепины до тех пор, пока бедолагам не удавалось освободить колеса из сугроба. После этого, молчаливые помощники растворялись в снежной мгле.

Жестокое обращение капитана с неожиданными помощниками поразило до глубины души испанцев, которые вдруг увидели ястребиные когти власти. А может быть, эта Империя не знает границ? В голове Валеры роились вопросы: *Какой силой обладает эта могучая аристократия, умная, деятельная и образованная, когда в ее распоряжении есть грубая и решительная толпа, которой она управляет при помощи пинков и подзатыльников?* Не надо спешить, подумал он. У него еще будет время упорядочить весь этот хаос в голове. Через несколько часов в Ковно на их пути оказались непреодолимые снежные заносы: наступило время сменить колеса на полозья чтобы добраться до Гатчины. Оттуда, когда тяжесть дороги останется позади, они смогут снова сесть на поезд и отправиться в русскую столицу.

Хуан Валера превратился в летописца этой истории, которая не является ни романом, ни заметками путешественника. Он пишет письма своему другу и начальнику персонала министерства иностранных дел Испании, Леопольдо Аугусто Куэто, благодаря которому Валера и оказался в составе экспедиции. По мере получения писем, написанных другу и имевших поэтому характер сугубо личный, Куэто публикует их в прессе того времени. Аристократический Мадрид включается в эту игру и с нетерпением ждет каждой новой порции изящных и умных замечаний писателя, который отпускает вольные замечания о великих деятелях русской истории XIX века. Так случилось с великим князем Нессельроде, который, по мнению дипломата, *казался не стоящим человеком, а каким-то странным субъектом (...) чудачком*. Вскоре Валера узнал о предательстве друга и обиделся на Куэто за его дерзость: из-за того, что его мнение стало всеобщим достоянием, у Валеры возникли некоторые проблемы с герцогом Де Осуна. Однако по простествии нескольких лет писателю придется признать, что его *Письма из России*, опубликованные в трех томах, станут для него самым



Mapa francés de la red ferroviaria europea en 1862.

Французская карта сети европейских железных дорог 1862 года.

Para nuestra sufrida expedición, la llegada a San Petersburgo supone un brutal choque aristocrático; como quien cree ver un oasis de delicadeza, después de horas vagando por un país pobre y casi desierto. El campo ruso estaba punteado de pueblos de madera, con casas de una sola planta rodeadas por huertas. La urbanización era débil y las poblaciones estaban dispersas por los principales caminos o postas. Éste era el panorama campestre, monótono y solitario, fruto de una natural hibernación. Sin embargo, la situación era muy otra en la capital. Nuestros protagonistas se alojaban en una fonda elegante y rápidamente se sitúan en el mapa petersburgués. Nada será improvisado; traen cartas de recomendación. Además, les espera el príncipe Gorchakov, ministro de Negocios Extranjeros y su gran contacto en el país. Confían en que éste les abra las puertas de actos, fiestas y bailes nocturnos, la verdadera vida social de las altas esferas. Por lo tanto, deben aprovechar el día para visitar los atractivos de la ciudad y liberar las noches para la diplomacia.

Después de días encerrados en vagones, coches de caballos y trineos, empiezan por un plato fuerte. Visitan la villa de los zares de Tsárskoye Seló, la actual Pushkin, residencia imperial formada por un conjunto de palacios y parques. Tanto el duque de Osuna como el coronel Quiñones se maravillan de sus jardines versallescos y de tanta riqueza palaciega. Juan Valera, educado en los cánones estéticos clásicos, encuentra un exceso de ornamentación en sus fachadas y cierta extravagancia churrigueresca² en el conjunto. Un patrón que, más o menos, puede repetirse a lo largo de todo el catálogo arquitectónico zarista. Nuestros hombres sabían, además, que este enclave figuraba con letras de oro en la historia del ferrocarril ruso. Y es que la primera línea pública de tren del país se construyó en 1837 para unir la residencia de los zares con

naдежным пропуском к славе и литературному признанию. Ученые, занимающиеся творчеством Валеры, обычно перечисляют виды его деятельности в таком порядке: дипломат, политик и писатель. Хуан был сыном семьи аристократов из городка Кабры в провинции Кордова; его отец, Хосе, был флотским офицером, разочаровавшимся в армии. Говорят также, что в молодости этот человек робко сочувствовал республиканцам: особым радикализмом он не отличался, но успел побывать в тюрьме. Мать Валеры, Долорес Алькала-Гальяно, была не только маркизой Паньега, но и главной *добытчицей*, как говорят современным политическим языком, связей и контактов, которые откроют многие двери ее сыну. Под влиянием отца, молодой *Хуанито* изучает Язык и Философию в семинариях Малаги и Гранады, избегая карьеры военного. Дело в том, что в Испании девятнадцатого века, раздираемой страстями и потрясаемой мятежами, военными переворотами и расстрелами противников, лучше было держаться подальше от армии и не слишком громко высказывать свои политические взгляды. Так постепенно намечался маршрут для молодого Хуана, чья либерально-прогрессистская душа была быстро переориентирована на крупные претензии в политической и материальной сферах. Как в области дипломатии, так и в области политики, он станет занимать умеренные позиции и будет с величайшей осторожностью взвешивать каждый свой шаг, словно пересекая минное поле.

Для нашей измученной делегации прибытие в аристократический Санкт-Петербург становится настоящим чудом; после долгих странствий по бедной и пустынной стране город кажется им оазисом изящества. Они видели раньше русские земли, где тут и там встречались деревеньки, в которых стояли одноэтажные домики, окруженные огородами. Следы градоустройства были едва заметны, и населенные пункты располагались далеко друг от друга возле главных дорог или почтовых станций. Этот сельский пейзаж, однообразный и безлюдный, являлся естественным продуктом долгих зим. Однако обстановка в столице ничего

² Churriguerrismo: se aplica a la arquitectura y decoración excesiva y extravagante, que sigue o imita el estilo de ornamentación recargada empleado por Churriguera, arquitecto y escultor barroco de fines del siglo XVII. Durante el siglo XVIII, el estilo sigue tanto en la península como sobre todo en Latinoamérica.

San Petersburgo³. Más allá de la arquitectura, nuestra comitiva de casi embajadores recordará la visita porque supuso el triunfo en el primer *matchpoint* de su estancia rusa. La maquinaria de contactos parecía bien engrasada y, como colofón, el príncipe Gorchakov les presentó al emperador Alejandro II, máxima autoridad de todas las Rusias, Gran Duque de Finlandia y rey de Polonia.

Demos ahora un rápido paso atrás y situemos a Valera en la historia. Antes de llegar a Rusia, nuestro hombre ya cuenta como diplomático de un currículum considerable. Empezó en Nápoles acompañando al embajador duque de Rivas, cuando Italia aún no existía como Estado unificado; y siguió en Lisboa y Río de Janeiro. Posteriormente, también estará en Bruselas, Viena y Washington. Al presentarse a orillas del Neva, ya conocía amplias geografías en el mundo, aunque seguramente muy pocas le inquietaron tanto como la rusa. En sus cartas se maravilla de los mapas *extensos y circunstanciadísimos que tienen de cada provincia del Imperio, aun de las más remotas que tocan a China*. Malévolamente cree que, a excepción de los modelos topográficos de Kronstadt, Sebastopol o Kiev, los otros *han de ser o fingidos en gran parte o milagrosos, o han de implicar el trabajo y las observaciones de siglos*. Le llama la atención especialmente la Escuela de Minas, donde nos dice que hay toda suerte de máquinas y hasta de una mina fingida, a la cual bajaron, y donde comprendieron perfectamente la disposición de los diferentes minerales y el modo de excavar las galerías subterráneas. Tal vez sea cosa enfermiza, pero a uno se le activa preventivamente la voz de alarma cuando, en el San Petersburgo del siglo diecinueve, alguien habla de una *galería de máquinas*. ¿Podría ser que alguna de estas *máquinas* las hubiera creado otro español? Sabemos que el ingeniero Betancourt, protagonista de otras páginas, estudió

общего с этой спячкой не имела. Наши герои поселились в элегантной гостинице и очень скоро сориентировались в петербургской жизни. Им не приходится импровизировать – они привезли с собой рекомендательные письма. Кроме того, испанскую делегацию ожидает князь Горчаков, министр Иностранных дел; среди их связей в Петербурге – это самое важное лицо. Они надеются, что, благодаря князю, смогут посещать званые вечера, праздники и балы, настоящую общественную жизнь людей высших кругов. Поэтому наши герои хотя с пользой проводить дни, знакомясь с городом, и освободить вечера для дипломатии.

После долгих дней, проведенных взаперти в вагонах, каретах и санях, им предстоит начать с главного блюда. Они посещают Царское Село, которое ныне называется Пушкин, резиденцию императоров, состоящую из целого ансамбля дворцов и парков. Как герцог Де Осуна, так и полковник Киньонес поражаются садами, разбитыми по типу версальских, и богатому убранству дворцов. Хуан Валера, воспитанный в классических эстетических канонах, находит украшения фасадов избыточными, а сам ансамбль напоминает ему вычурный архитектурный стиль чурригереско². Именно этот образец, в той или иной степени, воспроизводится во всей галерее архитектурных памятников царской эпохи. Наши герои, к тому же, знали, что название этого поселения было вписано золотыми буквами в историю русских железных дорог, потому что первую ветку железной дороги в стране для общественного пользования построили в 1837 году чтобы обеспечить связь резиденции царей с Санкт-Петербургом³. Помимо архитектурных впечатлений

³ La primera línea de ferrocarril pública rusa se fundó en 1837 y unió la estación de Vitebsky en San Petersburgo con Pavlovsk, cerca del Palacio de Tsárskoye Seló a lo largo de 27 km con la locomotora denominada Provorny (ágil). El ancho de vía fue 1829 mm (6 pies). Sin embargo, anteriormente circularon otras locomotoras en Rusia, como la creada en 1833 por Yefim Alexeyévich Cherepanov y su hijo.

² Чурригереско: обычно в архитектуре или в области дизайна употребляют этот термин, когда излишняя вычурная декоративность произведения подражает или копирует орнаментальный стиль, который использовал Чурригера, архитектор и скульптор эпохи барокко конца XVII века. На протяжении XVIII века этот стиль продолжает свое развитие как на Пиренейском полуострове, так и – особенно – в Латинской Америке.

³ Первая железная дорога общественного пользования в России появилась в 1837 году и соединила Витебский вокзал в Санкт-Петербурге с Павловском, который находится недалеко от Царского Села. Протяженность ветки



Avenida Nevski a la altura del puente Anichkov, San Petersburgo (1847).

Невский проспект в районе Анничкова моста, Санкт-Петербург (1847).

la temática de las minas en España⁴. Y también conocemos los talleres y máquinas que creaba en su Instituto de Vías de Comunicación de San Petersburgo, heredero de su experiencia parisina y del Real Gabinete de Máquinas de Madrid. No nos extrañaría que Valera hubiese visto alguno de los artefactos del canario.

Cuenta el diplomático que el Imperio ruso sumaba a mediados del diecinueve más de 65 millones de habitantes y que su territorio ocupaba en 1857 una séptima parte del mundo habitable. Aún así, todavía superado por la España de Carlos V. Es en este contexto donde se podrían buscar razones en la inmensidad geográfica para comprender el enorme amor propio de los rusos. Según Juan Valera, éste era exageradísimo *como nunca lo hubo en España o Francia*, si bien hay que tener presente que el escritor creció después de la batalla de Ayacucho⁵, desastrosa para los intereses de la metrópoli española.

Algunos historiadores hispanistas afirman que, a partir de Ayacucho, empezó el lento proceso de digestión y resignación por la pérdida de las colonias. Un doloroso viaje a la modestia, contemporáneo a Valera. Él y su generación asumieron que, en menos de veinte años, la geografía perdida sería ya irrecuperable. De hecho, la reflexión sobre el papel político de España es recurrente en las cartas a su amigo don Leopoldo Augusto de Cueto, subsecretario de Estado. Un hombre que representa la maltrecha maquinaria política española y que consiguió, para el afortunado Juan Valera, el cargo de Secretario de la misión a la capital del Neva. Y es que nuestro diplomático corrobora,

⁴ Betancourt elaboró al salir de la Academia de Bellas Artes en 1784, a petición del conde de Floridablanca, unas memorias y dictámenes sobre las minas de Almadén (Murcia). Unos trabajos que le valieron un gran reconocimiento y una beca para ampliar estudios en París.

⁵ La batalla de Ayacucho, Perú (1824) es el último gran enfrentamiento terrestre en Iberoamérica, con derrota de la metrópolis, dentro del periodo de guerras de independencia respecto a la Corona española de los territorios americanos (1809-1826). Marca un punto de inflexión en el que se asume que España ya no podrá recuperar el control de sus antiguas colonias. Coincide con el año de la muerte de Agustín de Betancourt y el nacimiento de Juan Valera.

nuestra почти посольская делегация сохранит в памяти свой успех во время этого визита, первый матч-пойнт своего пребывания в России. Казалось, весь сложный механизм контактов был хорошо смазан, и в результате князь Горчаков представил их Александру II – всероссийскому императору, великому князю финляндскому и царю польскому.

Сделаем теперь небольшое отступление и посмотрим, на каком этапе своей жизни находился в то время Валера. До приезда в Россию у нашего дипломата уже имеется приличный послужной список. Он начал свою карьеру в Неаполе, когда сопровождал посла герцога де Риваса, еще до создания единого итальянского государства, а потом продолжил ее в Лиссабоне и Рио-де-Жанейро. Потом он служил в Брюсселе, Вене и Вашингтоне. К моменту своего приезда на берега Невы, Валера уже успел познакомиться с разными широтами мира, но, наверное, никакие просторы не волновали его сердца так, как русские. В своих письмах он поражается картам – *обширным и подробнейшим – коими располагает каждая провинция Империи, даже те далекие земли, что граничат с Китаем*. Он позволяет себе не доверять им и думает, что *за исключением топографических документов Кронштадта, Севастополя и Киева, все остальные должны быть, по большей части, выдуманы или созданы при помощи чуда, ибо на такую работу потребовались бы века наблюдений и труда*. Вниманию Валеры особенно привлекает Институт горных инженеров; он говорит, что там имеется целое собрание всяческих машин и даже наглядный образец шахты, куда они спустились. Там они прекрасно поняли расположение различных минералов и способы открытия подземных галерей. Быть может, это болезненное любопытство, но невольно настораживаешься, когда кто-то в Петербурге девятнадцатого века говорит о *галереях машин*. Быть может, какую-то из этих машин построил другой испанец. Как мы знаем, инженер Бетанкур, герой другой нашей

составила 27 км, а паровоз назывался Проворный. Ширина колес составляла 1829 мм (6 футов). Однако раньше в России уже создавались паровозы, как, например, созданный в 1833 году Ефимом Алексеевичем Черепановым и его сыном.

en las conversaciones y tertulias petersburguesas, que en la ciudad no se tiene más imagen de su patria que la de un país de gobiernos inestables, de continuos alzamientos y contrarrevoluciones. De diplomáticos y personajes de quita y pon. Le duele, pero admite que le cuesta muchísimo a la España exsangüe y corta de geografía volver a figurar en Europa, ser parte de la discusión.

A pesar de la erosión del prestigio y de la influencia de su país en el mundo, la agenda del duque de Osuna y sus acompañantes estaba llena de compromisos. No se perdían ni una cena, *happening* o sesión de espectáculo. Siempre fue así: después del Teatro Italiano, participan en tertulias que, incluso las más aristocráticas, en este país suelen acabar con cancan y semiborrachera. Parece que entre convite y convite, incluso el emperador le ha cogido cariño al duque que, muy a su pesar, ejerce de embajador sin serlo. Mientras, el príncipe Gorchakov en la función moderna de ministro de Exteriores quiere *estrechar las relaciones políticas con ambos pueblos y fomentar las comerciales*; pero latente y soterrada hay también una lucha de vanidades. Se propone un intercambio de reconocimientos: España condecorará al Emperador con el codiciado Toisón de Oro y, entre otras, una mención a Gorchakov. El Imperio ruso, a su vez, deberá entregar las prestigiosas medallas de Alejandro Nevski a las máximas dignidades españolas y una condecoración al duque de Osuna. Ante estas suculentas perspectivas, el jefe de la Legación española quiso quedarse en San Petersburgo hasta la primavera. Así que, finalmente, alquiló una casa palaciega con patio interior y vistas al Neva enfrente del puente de Nicolás. Parecía una recreación del modo de vida italiano a las puertas de Siberia. A la mansión se muda toda esta no-delegación española, esperando ansiosos que lleguen las condecoraciones de Madrid; reciban las rusas y se establezca, oficialmente, una Embajada permanente.

El jolgorio nocturno y las visitas diurnas son inequívocas: tanto al duque como a Valera les encanta la efervescencia urbana y social de San Petersburgo, aunque el último procure disimu-

glavy, сталкивался с вопросами горного дела в Испании⁴. Знаем мы и то, что он создавал мастерские и изобретал новые механизмы в *своем* Институте путей сообщения Санкт-Петербурга, в котором Бетанкур объединил парижский опыт и знания, полученные при создании Королевского кабинета машин в Мадриде. Вполне вероятно, что Валера увидел одну из машин, сделанных инженером с Канарских островов.

Наш дипломат рассказывает, что к середине девятнадцатого века в Российской империи проживало более 65 миллионов человек, а территория страны в 1857 году составляла седьмую часть обитаемых зон планеты. Несмотря на это, Испания Карла V по своим размерам пока еще превосходила российское государство. Именно это обстоятельство – бескрайность российских просторов – определяло, наверное, безграничное самолюбие русских. По словам Валеры, это чувство было у русских обострено до крайности, *как никогда не случилось ни в Испании, ни во Франции*, хотя тут нам следует иметь в виду, что наш писатель вырос после битвы при Аякучо⁵, которая явилась большим ударом для испанской метрополии.

Некоторые специалисты по испанской истории утверждают, что после Аякучо начался медленный процесс осознания предстоящей потери колоний, с которой Испании придется смириться. Стране суждено было пройти болезненный путь к скромному положению в мире, и Валере довелось жить именно в это время. Ему и его поколению потребовалось менее двадцати лет чтобы осознать, что потерянные земли уже никогда больше не вернуть. По сути дела, размышления

4 По просьбе графа Флоридабланка после окончания учебы в Академии изящных искусств в 1784 году Бетанкур провел наблюдения и подготовил отчеты о шахтах Альмадена. Благодаря этой работе, он получил признание и стипендию для продолжения учебы в Париже.

5 Битва при Аякучо (Перу, 1824) – это последнее крупное наземное сражение в Латинской Америке, в которой метрополия потерпела поражение в период войн за независимость американских территорий от Испанской короны (1809-1826). Это событие стало поворотным пунктом, после которого стало очевидно, что Испания уже не сможет восстановить свой контроль над старыми колониями. В том же, 1824 году, умер Бетанкур, и родился Хуан Валера.



Fiestas y bailes en San Petersburgo (1830).
Праздники и балы в Петербурге (1830).

о политической роли Испании часто появляются в письмах к начальнику персонала министерства иностранных дел Испании, Леопольдо Аугусто Куэто. Этот человек представлял собой часть устаревшего механизма испанской политики и помог счастливцу Валере получить место Секретаря делегации, отправлявшейся в столицу на Неве. Во время петербургских вечеров и бесед нашему дипломату открывается видение его родины извне; в Петербурге считают, что это страна нестабильных правительств, постоянных восстаний и контрреволюций. Страна дипломатов и прочих государственных деятелей, которые то и дело меняются. Хуан Валера с болью признает: истощенной Испании, потерявшей часть своей обширной географии, будет трудно вернуться на первые роли в Европе и принимать участие в спорах на континенте.

Несмотря на потерянные престиж и влияние своей родины в мире, герцог де Осуна и его сопровождающие не теряют времени. Их дни расписаны по часам, они не пропускают ни одного ужина, *хэппенинга* или спектакля. И так день за днем: после вечера Итальянской комедии они участвуют в беседах, которые обычно в этой стране заканчиваются плясками и небольшой попойкой, каким бы аристократическим не был состав гостей. Кажется, что после многочисленных званных обедов и ужинов император подружился с герцогом, который, к своему величайшему сожалению, исполняет обязанности посла, но таковым не является. Тем временем князь Горчаков, выступая в роли современного министра иностранных дел хочет *укрепить политические связи между двумя народами и развивать торговлю*, но однако подспудно и незаметно идет борьба двух тщеславий. Стороны решают выразить друг другу признательность: Испания наградит русского императора желанным орденом Золотого руна, и не забудет отметить Горчакова. А Российская империя, в свою очередь, должна будет вручить почетные медали Александра Невского правителям Испании и вручить также награду герцогу де Осуне. Имея столь привлекательные перспективы, глава испанской делегации решает остаться в Петербурге

larlo en sus cartas. En Madrid no encuentran el refinamiento ni la vasta cultura de las damas petersburguesas. Entra dentro de los parámetros de la normalidad que los dos se enamoren locamente de la misma mujer. Al igual que gran parte del público de platea, nadie se resiste a los encantos de la actriz Magdalena Brohan, triunfadora en el Teatro Imperial. Y a pesar de todo esto, el durísimo invierno y la sensación de no tener mucho que hacer en la ciudad más que asistir a eventos, al cronista le provocan una extraña y contradictoria melancolía. De repente quiere irse; en muchas cartas lo repite. Su relación con el duque es cada vez más difícil por los celos que suscita en él la relación pasional que Valera mantiene con la actriz.

De día, mientras el duque y Quiñones visitan Academias militares, edificios del Estado Mayor o fábricas de cohetes, Valera prefiere pasearse, reincidiendo, por las salas del Hermitage. A excepción de algunos Velázquez, comenta que por allí hay pocas obras de artistas españoles. Admite, además, que como buen español es muy hiperbólico. Y que lo es más en el elogio que en la censura. Por esto no sorprende que se maraville con las obras de autores rusos y extranjeros, sin darse cuenta de que entre los tesoros del viaje hay algunos pedacitos de la propia patria.

A juzgar por las decenas de cartas que escribió, una por semana, seguramente no conocía la extraordinaria contribución a la ciudad del mayor ingeniero español de la historia. Al poco de llegar, Juan Valera se paseó por los jardines del Almirantazgo hasta la plaza del Senado. Desde allí observaba los últimos meses de las obras de la Catedral de San Isaac, que se estaba ampliando desde el lejano 1812. El diplomático, que en general es ecuaníme en su análisis de paseante, a veces da rienda suelta al entusiasmo. En las cosas más íntimas, como la fe o el amor, opinaba y obraba con instinto sin medir bien las palabras. Eso es lo que le pasó con la ciudad, que a los pocos días de llegar escribió que le gustaba más que París; y también con San Isaac, que comparó con la basílica de Santa Sofía de Constantinopla: *por la riqueza y hermosura de los adornos, superior a cuanto he visto en mi vida*. Aunque sabe que su autor es el arquitecto francés Auguste de Montferrand, no tiene ni la menor idea que éste tuvo, como

do vesny. Поэтому, наконец, он снимает небольшой дворец с внутренним двориком и видом на Неву напротив Николаевского моста. Казалось, что здесь воспроизводился итальянский образ жизни у ворот Сибири. В тот особняк переселяется все это испанское псевдопосольство в ожидании момента, когда доставят испанские награды из Мадрида, когда им будут вручены русские, и когда будет создано, наконец, постоянное посольство.

Ночные увеселения и дневные визиты не оставляют никаких сомнений: как герцогу, так и Валере пришлось по вкусу блестящая городская и светская жизнь Петербурга, хотя последний и старается в своих письмах скрыть свой восторг. В Мадриде им не доводилось встречать таких утонченных и широко образованных дам, как здесь. Нет ничего удивительного в том, что оба безумно влюбляются в одну и ту же женщину. Точно так же, как и большинству зрителей партера, им не удается устоять перед очарованием актрисы Мадлен Броан, которая царит в Императорском Театре. Несмотря на это, суровая зима и ощущение бесполезной траты времени в городе, где они только и делают, что посещают всевозможные мероприятия, рожают в душе нашего хроникера странную грусть и противоречивые чувства. То и дело им овладевает желание покинуть город, Валера неоднократно пишет об этом. Его отношения с герцогом все более обостряются, потому что де Осуна не может простить своему удачливому сопернику его романа с актрисой.

Днем, пока герцог и Киньонес посещают Военные академии, здание Генерального штаба или фабрики ракет, Валера предпочитает снова и снова посещать Эрмитаж и прогуливаться по его залам. Он отмечает, что, если не считать нескольких полотен Веласкеса, в музее почти нет испанской живописи. Валера также признается в том, что, как и большинству испанцев, ему свойственно преувеличивать, когда он что-либо критикует, и, особенно, если воздает похвалы. Поэтому неудивительно, что он восхищается произведениями русских и иностранных авторов, не замечая

maestro, padrino y supervisor, al ingeniero canario Agustín de Betancourt.

Si en algún aspecto histórico petersburgués Valera estuvo excelso, éste fue en su derivada más festiva. Está claro que el cronista se movía bien entre peces gordos, altos dignatarios y la exhuberancia de los salones. De igual forma, también es cierto que no aprendió a nadar recién llegado en el Báltico; sino que una vez allí ya era un auténtico hombre de mundo, cuyo refinado entrenamiento le venía de mucho más atrás, de la villa y corte.

Juan Valera fue un tipo curtido en las casas del duque de Rivas, de los Frías y especialmente en la casa de la condesa de Montijo, gran amiga de su madre. En aquel palacio del Carabanchel nobiliario, Valera conoció a los principales *pollos aristocráticos* del momento, así como a la clase emergente formada por burgueses y profesionales liberales (literatos, políticos, abogados). Eran, estos últimos, los brotes verdes que afloraban entre las cenizas del Antiguo Régimen. Y en aquellos años el futuro diplomático ya frecuentaba este mundo dispensador del renombre y del poder, dos conceptos que ansiaba sin límites. Siempre le convenía estar cerca de los palacetes de las Vistillas, de las calles de Sacramento y de Segovia y, en definitiva, de todo aquello que configuraba el emporio o núcleo duro de la vida social madrileña.

Como si esto fuera un juego de casillas dibujadas en tiza sobre el asfalto, saltamos de España a Rusia. Mirando la parte alta de la pirámide, uno coincide con Valera en que, al fin y al cabo, los ricos y aristócratas rusos se asemejan a los de otros pueblos. Y por su constante presencia pública, parece que sean los únicos habitantes de la urbe, junto con las minorías étnicas constituidas por palacios, monolitos y cúpulas doradas. En la capital zarista, las calles y plazas son inmensas y hay incontables coches y trineos que cruzan en todas direcciones, como un perturbado enjambre de abejas. La mayoría popular del país, silenciosa o silenciada por las orquestas palaciegas, es la gente que va a pie envuelta en prolongadísimos caftanes. En general,

жемчужин родины в гряде сокровищ своего путешествия.

Если судить по десяткам писем, которые Валера писал регулярно раз в неделю, он, наверное, не знал об огромном вкладе самого великого испанского инженера в развитие города. Сразу по приезде Хуан Валера прогулялся по садам Адмиралтейства до Сенатской площади. С этого места он на протяжении нескольких месяцев наблюдал за последним этапом строительства Исаакиевского собора; начиная с далекого 1812 года, здание достраивали и расширяли. Наш дипломат, который обычно занимает позицию бесстрастного наблюдателя, порой не может сдержать своего восторга. Когда он касался таких глубоко личных тем, как вера или любовь, то выражал свои мысли и действовал, следуя своему инстинкту, и не взвешивал каждое слово. Так случилось и в отношении Петербурга: через несколько дней после приезда туда, Валера написал, что город нравится ему больше, чем Париж. А Исаакиевский собор он сравнивает со Святой Софией в Константинополе: *по богатству и красоте убранства он превосходит все, виденное мною в жизни*. Хотя Валере известно, что автором проекта является Огюст де Монферран, он не имеет ни малейшего понятия о том, что учителем, покровителем и наставником французского архитектора был инженер с Канарских островов Августин де Бетанкур.

На протяжении всей петербургской истории Валера особенно отличался на празднествах и приемах. Совершенно очевидно, что наш хроникер умел себя вести в среде самых крупных птиц, представителей посольств и цвета общества. Следует для справедливости отметить, что он научился этому искусству задолго до своего появления на берегах Балтийского моря. Туда приехал настоящий светский лев, который привык к изысканному обхождению много лет назад при мадридском дворе.

Хуан Валера отточил свое мастерство в домах герцога Риваса, у Фриасов и, особенно, в доме графини де Монтихо, ближайшей подруги его матери. В этом дворце аристократического района Карабачель Валера

este populacho complementaba el caftán con una faja de color vivo, ceñida a la cintura; y los más afortunados, calzaban botas de pieles. Casi todos se cubrían la cabeza con una especie de acerico o almohadilla, a veces tan desaforada que casi podía servir de almohada para la noche. Este era el traje de la Gran Rusia, que también utilizaban los cocheros. Pero todavía hay una versión de mayor sencillez para las capas más pobres. Su austeridad en el vestir incluía una zalea de carnero amarrada al cuerpo con una sogá; en la cual el pellejo iba por fuera y la lana por dentro. En caso que se consiguiese no ir descalzo, se conformaban con unas *lapti*⁶ a base de corteza vegetal.

Valera y Osuna, como quien intenta dar pátina de profesionalidad a tanta diversión, analizan in situ el comercio entre España y Rusia. Sus números son considerables, a juzgar por la ingente cantidad de mercancías españolas que se descargaban en el puerto de San Petersburgo. En sus libretas anotaron miles de cajas de azúcar, pipas de vino de Jerez, Málaga y Benicarló, barras y galápagos de plomo para la armamentística; y muchos productos agrícolas, especialmente frutas secas y también frescas. Los rusos consumían a placer cigarrillos de la Habana, pero éstos llegaban a través del puerto de Hamburgo y no bajo el sello de los buques españoles. El jamón de Trevélez y de Galicia era aún testimonial, pero no duda Valera que, como en el caso de los vinos peninsulares, quien abra este camino puede tener gran futuro. Allí era claro que el comercio enviaba inequívocas señales de gran dinamismo: las tiendas de la ciudad estaban bien surtidas pero eran carísimas, casi todo costaba tres o cuatro veces más que en Madrid debido a los aranceles proteccionistas. A diferencia de los cocheros, que sólo hablaban ruso, muchos comerciantes se expresaban como sus principales clientes: cortésmente y en francés, inglés o alemán.

6 Los *lapti* (lápot, en singular): son una especie de zapatos o alpargatas tejidos con corteza de árbol o líber, que fueron el principal calzado de la población rural, es decir, del 90% de los rusos. Eran de corta durabilidad y en pocos días de trabajo en el campo se estropeaban. Por esto, en todas las casas, se fabricaban continuamente.

познакомился с *птенецями высшего общества* того времени, а также с представителями формировавшегося тогда класса буржуазии и людьми свободных профессий (литераторами, политиками и адвокатами). Эти последние были новыми зелеными ростками, которые пробивались на пепелище Старого Режима. В те годы будущий дипломат уже нередко навевался в эти сферы, которые могли дать человеку славу и власть, а он страстно мечтал получить и то, и другое. Поэтому ему надлежало постоянно находиться поблизости от дворцов Вистильяс, на улицах Сакраменто и Сеговии, одним словом, от всего того, что составляло ядро или центр притяжения светской жизни Мадрида.

Представим себе, что мы сейчас играем в классики, и одним прыжком перенесемся из Испании в Россию. Если мы посмотрим на верхние ступеньки пирамиды, то согласимся с Валерой, когда он говорит о том, что, по большому счету, русские богачи и аристократы мало чем отличаются от власть имущих других народов. Благодаря тому, что они постоянно на виду, кажется, что только они являются обитателями города вместе с племенем дворцов, монолитных колонн и золотых куполов. В царской столице площади и улицы необычайно широки, и по ним снуют туда и сюда бессчетные экипажи и сани, словно встревоженные пчелы в улье. Простой люд — молчаливое и замалчиваемое придворными оркестрами большинство — ходит по улицам пешком, кутаясь в длиннополые кафтаны. Обычно эти простолюдины дополняли свой наряд ярким кушаком на поясе, а отдельные счастливицы были обуты в меховые сапоги. Почти все покрывали голову некоей шапкой, по форме напоминавшей подушку; иногда она отличалась такими размерами, что обладатель сего головного убора по ночам мог класть его под голову. Так выглядел народный костюм Великой Руси, который также использовали извозчики. Но есть и другой вариант одежды — для самой бедноты. Эти люди одевались в овечий тулуп мехом внутрь и подпоясывались веревкой. Если человек не шел босиком, то ему приходилось





довольствоваться лаптями⁶ из древесной коры.

Валера и Осуна, стараясь придать некий оттенок профессионализма своим постоянным развлечениям, проводят *непосредственные* наблюдения за состоянием торговли между Испанией и Россией. Объемы товарооборота значительны, если судить по большому количеству испанских продуктов, которые разгружали в порту Санкт-Петербурга. Наши исследователи записывают в своих блокнотах тысячи ящичков сахара, бурдюков вина из Хереса, Малаги и Беникарло, слитков и чушек свинца для военных заводов и огромное количество сельскохозяйственных продуктов, особенно сухих и свежих фруктов. Русские с удовольствием потребляли сигареты из Гаваны, но они прибывали через порт Гамбурга и не носили печати испанских кораблей. Ветчина из Тревелеса и из Галисии появляется лишь изредка, но Валера не сомневается, что, как и в случае испанских вин, производителя, которому удастся пробить себе дорогу на этот рынок, ждет большое будущее. Совершенно очевидно, что торговля в городе стремительно развивалась: магазины в городе предлагали самые разнообразные товары, но цены в них были очень высоки. Почти все продукты стоили втрое или даже вчетверо дороже, чем в Мадриде из-за протекционистских пошлин. В отличие от извозчиков, которые говорили только по-русски, многие торговцы изъяснялись со своими постоянными клиентами вежливо и на иностранных языках: по-французски, по-английски и по-немецки.

Город, задуманный высшими классами общества и созданный для них, иногда показывал свое плутовское или преступное

⁶ Лапти (единственное число - лапоть) — это некое подобие туфель или башмаков, сплетенных из древесной коры или луба. Они представляли собой обувь деревенского населения России, то есть 90% русских. Лапти были недолговечны и приходили в негодность после нескольких дней работы в поле, поэтому во всех домах их плели постоянно.

Mercado ambulante en la plaza Sennaya, San Petersburgo (1841).

Уличный рынок на Сенной площади в Санкт-Петербурге (1841).

La ciudad pensada por y para las clases más distinguidas tenía otra cara más canalla, aunque no siempre llegaba a la truculencia de las novelas de Dostoyevski. Durante las fiestas, podía pasar que el corazón aristocrático fuese asaltado por las clases populares. Entonces, el griterío, las risas, los cánticos y desatinos sustituían la armonía ensayada de los ballets y la previsibilidad de las marchas militares. Hablamos de episodios en los que se llega incluso a pervertir la arquitectura que, trazada desde las mesas de dibujo de los principales arquitectos e ingenieros, parecía inmutable. Fachadas y calles eran pacíficamente colonizadas por tenderetes y puestos de madera, que ocupaban los jardines del Almirantazgo llenando el epicentro de la ciudad de titiriteros, charlatanes, músicos ambulantes y todo tipo de aromas y paradas de comida. Una alteración de las proporciones de los espacios planificados, que recuerdan los recorridos caóticos de los mercados ambulantes mediterráneos. Una última máscara de este carnaval, que recrea el ambiente de aldeanos medievales en la ciudad más artificiosa del mundo.

En invierno, todas las ramas del río Neva se helan completamente. Entonces el tráfico de buques cesa y deja en su lugar una amplia pista de patinaje. Valera se aficionó a las carreras de trineos sobre el río, que entonces eran muy frecuentes y concurridas. Sus vedettes estrella eran los magníficos caballos *trotones*, cruce entre la raza árabe con la inglesa, holandesa o danesa. Juan también estuvo en las montañas de hielo y bajó con una especie de vehículo constituido por un almohadón de terciopelo sobre patines o barras de hierro. Valera hizo pareja con Quiñones. El *conductor* debía llevar las piernas muy derechas marcando la dirección y las manos cubiertas de almohadones para enderezar o cambiar el rumbo. Y el *copiloto* le acompañaba procurando mantenerse derecho y dejándose llevar, hincando las rodillas en quién dirige el bolido. Seguro que éste fue el mayor riesgo que tomó la diplomacia española en sus días en Petersburgo.

Toboganes de hielo enfrente del Almirantazgo (1837)
 Lедяные горки перед Адмиралтейством (1837).

аицо, хотя и не всегда дело доходило до мрачных историй в духе Достоевского. В праздничные дни аристократический центр города мог оказаться во власти народных масс. И тогда гвалт, хохот и нестройные хоры сменяли собой хорошо отрететированную гармонию балетов и предсказуемость военных маршей. Мы говорим о тех днях, когда даже архитектура, спроектированная на чертежных столах ведущих инженеров и архитекторов и казавшаяся незыблемой, уступает перед натиском народной стихии. Деревянные ларьки и палатки мирным путем оккупируют улицы и фасады зданий, занимают сады Адмиралтейства и наполняют центр города бродячими кукольниками, коробейниками, уличными музыкантами и всевозможными ароматами лотков с едой. Рассчитанные пропорции и запланированные объемы пространства нарушаются, и оно превращается в некое подобие средиземноморского базара, который возникает на один день. Это последняя карнавальная маска, которая воссоздает обстановку средневекового поселка в самом искусственном городе мира.

Зимой все рукава Невы полностью замерзают. Движение кораблей и лодок прекращается, и каналы превращаются в обширные катки. Валера увлекся санными бегами по реке, которые в то время устраивались часто и вызвали живой интерес у публики. Настоящими звездами этих соревнований были роскошные кони-*рысаки*: помесь лошадей арабской породы с английскими, голландскими или датскими конями. Хуан также посетил ледяную гору и съехал с нее на снаряде, представлявшем собой бархатную подушку, закрепленную на коньках или металлических полозьях. Вместе с ним в спуске участвовал Киньонес. *Водитель* должен был держать ноги прямо, направляя движение, а руками в огромных рукавицах делать необходимые маневры или повороты. В обязанности *помощника водителя*, сопровождавшего его, входило лишь держаться прямо, крепко обнимать коленями сидящего спереди водителя и довериться его искусству. Наверняка, это было самая рискованная затея испанской дипломатии тех дней в Петербурге.



Nos habla el diplomático cuando afirma que para saber de política, en San Petersburgo, hay que recurrir a los periódicos extranjeros. Pero las tertulias son un hervidero y el tema estrella es la inminente abolición de la esclavitud o, en términos locales, la emancipación de los siervos, campesinos propiedad de un señor. Hasta que el zar Alejandro II firmó el decreto correspondiente en 1861, la riqueza de una hacienda se medía, más que por los parámetros actuales de extensión o productividad, por el número de siervos que poseía. Los campesinos se entendían como una prolongación de la tierra ya que no podían abandonarla libremente. El sistema fue creado en el siglo XV para evitar las continuas migraciones de la población rural, huyendo de las invasiones tártaras. Valera habló con varios nobles sobre el tema: gran parte de ellos consideraba que la emancipación de los siervos les convenía; pero desde la visión diametralmente opuesta a la del presidente Abraham Lincoln en Estados Unidos o a la Revolución francesa. No había humanismo según Valera, sino un sentido práctico y económico: así los terratenientes podrían contratar míseramente a sus trabajadores sin la obligación de mantenerlos. Resumió bien la filosofía política del imperio, que todavía duraría algunas décadas: *es cosa de espantar la maravillosa uniformidad de miras, de intereses políticos y de costumbres y creencias de los rusos, que, sin ese inmenso despotismo actuando, que por ahí se imagina en este Imperio, constituyen un despotismo potencial, mil veces mayor y más vigoroso que todos los despotismos, el cual ha hecho milagros en tiempo de Pedro el Grande, de Catalina y hasta de Nicolás I, y los hará mayores el día que otro hombre de genio se siente en el trono de los zares*. A pesar de la futura abolición de la esclavitud, rápidamente entendió el porqué de las reformas de Alejandro II: cambiarlo todo para seguir igual. La delegación española entendió el carácter profundamente autocrático del zarismo. En Rusia el poder es el Estado y éste recae básicamente en el zar. Esto lo afirmó Valera, pero el duque de Osuna lo podría corroborar. Analista de lo social y también de lo institucional, Juan Valera concluye que hasta sus días la nobleza rusa no había sido un cuerpo político, demasiado supeditada al zar. Sin embargo, vio algunos tímidos

В качестве дипломата, Валера утверждает, что политические новости в Санкт-Петербурге следует выяснять из иностранных газет. Однако в различных кружках идут жаркие споры, и самая главная их тема — грядущее уничтожение рабства, или, пользуясь местной терминологией, отмена крепостного права, когда крестьяне являлись собственностью помещиков. До подписания Александром II соответствующего декрета в 1861 году богатство поместья определялось не столько по его размерам или производительности, сколько по количеству имевшихся там крестьян. Крепостные считались придатком земли, потому что не могли покинуть поместье по своей воле. Эта система была создана в XV веке, чтобы помешать постоянному перемещению сельского населения, которое пыталось укрыться от татарских набегов. Находясь в Петербурге, Валера разговаривает об этой проблеме с разными аристократами, большая часть которых считает, что от освобождения крестьян они выиграют. Однако их точка зрения диаметрально противоположна взглядам их предшественников в других странах — Авраама Линкольна в Соединенных Штатах или деятелей французской революции. Валера замечает, что русскими помещиками двигал отнюдь не гуманизм, а простой экономический расчет: в результате реформы они смогут нанимать своих работников за гроши, но не будут обязаны содержать их, как раньше. Валера удачно определил философскую основу империи, которой суждено было просуществовать еще несколько десятилетий: *трудно представить себе удивительное единство взглядов, политических интересов, привычек и верований русских, которое в отсутствие невероятного деспотизма, который приписывают Империи за ее пределами, и являет собой тот самый потенциальный деспотизм, в тысячи раз более сильный и могучий, чем любые другие деспотические системы. Именно это единство сотворило чудеса в эпоху Петра Великого, Екатерины и даже Николая I, и совершит еще более чудесные деяния в тот день, когда другой гений воссядет на царский трон*. Несмотря на грядущую отмену крепостного права, Валера быстро понял смысл реформ Александра II: изменить все, чтобы все осталось по-прежнему.

movimientos; creyó asistir al nacimiento de una voluntad que iba adoptando forma de partido aristocrático. Esto sin olvidarnos de la época del relato y sus coetáneos: imaginémonos, por ejemplo, a Dostoyevski escribiendo las novelas de jóvenes nihilistas exaltados, que se organizan en sociedades secretas y provocan el caos con crímenes y atentados.

Las redes de anarquistas y de movimientos sociales no son los únicos que se construyen en la segunda mitad del siglo diecinueve ruso. Durante aquellos años, el Imperio vivirá, como gran parte de Europa, una gran expansión ferroviaria. Unos años después de la construcción de la primera línea de tren entre el palacio de Tsárskoye Seló y Petersburgo, la capital se conectará con Varsovia y Moscú. Valera consulta la prensa y, compaginándolo con la sensualidad de su vida vespertina, se informa de las características de los concursos ferroviarios y de las condiciones para optar a una concesión. Las inversiones son tan ambiciosas, que se necesitan gran capital y había que analizar si España podía tener algún papel. Todo se movía muy rápido y, en la España peninsular, la principal experiencia era la del tren Barcelona-Mataró, que se inauguró en 1848; al tiempo que se estaba construyendo el ferrocarril Moscú-San Petersburgo (1842-1851).

Todos estos datos de la vida económica y comercial interesaban mucho a Juan Valera en cuanto le permitían valorar el grado de relación entre España y el Imperio ruso. Pero lo que íntimamente le inquietaba, lo que veras no acababa de explicarse aunque se dejase la vista ante tratados históricos y religiosos de la Biblioteca imperial, era la cabezonería de los rusos con la religión ortodoxa y el porqué de no querer asimilarse al catolicismo. Rebotado, escribe que lo que hay en este gran país no es religión, sino patriotismo. Y si bien es verdad que la Ortodoxia rusa siempre se mezcló con el nacionalismo, la componente de fe es importante. La tesis endeble y simplista de Valera chirría sonoramente durante la Cuaresma, cuando ante su sorpresa la fiesta continua petersburguesa entra en un aburrido letargo. Se congelan las cenas y los bailes. El pueblo acude en masa a los templos a oír vísperas y maitines; mientras que los nobles disfrutaban en sus capillas privadas de popes particulares.

Испанская делегация поняла принцип самодержавной власти русских царей. В России вся власть сосредоточена в государстве, которое и олицетворяет, в основном, царь. Валера приходит к такому заключению, а герцог Осуна сможет сам в этом убедиться. Анализируя общественные структуры и государственные институты, Хуан Валера приходит к заключению, что до последнего момента русская аристократия не представляла собой политической силы, потому что была полностью подчинена царю. Однако он смог увидеть отдельные слабые сдвиги — ему показалось, что на его глазах зарождается некая сила, которая постепенно могла принять форму партии аристократов. Нам не следует забывать о том, в какое время Валера ведет свой рассказ, и кто его современники. Представим себе, например, Достоевского, пишущего романы о бунтующих молодых nihilистах, которые создают тайные общества и сеют смуту при помощи преступлений и покушений.

Но во второй половине девятнадцатого века в России создаются не только сообщества анархистов и общественные движения. На протяжении этих десятилетий Империя переживает, как и большая часть Европы, быстрое развитие сети железных дорог. Несколько лет спустя после строительства первой железнодорожной ветки, связавшей дворец Царского Села с Петербургом, поезда соединят столицу с Варшавой и Москвой. Валера просматривает прессу и, не пропуская своих вечерних походов, изучает положения конкурсов на строительство дорог и условия получения концессий. Проекты предполагают такие крупные инвестиции, что для участия в конкурсах нужны огромные суммы денег: следовало продумать, может ли Испания играть в этих планах какую-нибудь роль. События развиваются стремительно, и в то время, когда на Пиренейском полуострове опыт строительства железных дорог ограничивался веткой Барселона — Матаро, которая была открыта в 1848 году, в России строилась линия Москва — Санкт-Петербург (1842-1851).



Vista de la Stelka de la isla de Vasilievski (1847).

Вид на Стелку Васильевского острова (1847).



Все эти данные относительно экономического развития и торговли очень интересуют Хуана Валеру, поскольку позволяют ему оценить уровень отношений между Испанией и Российской империей. Но в глубине души его волнует другой вопрос, на который он никак не может найти ответа, сколько бы не портил свое зрение над историческими и религиозными трактатами в Императорской библиотеке. Он никак не может понять, почему русские так упрямо держаться за свою православную религию и не хотят перейти в католицизм. Отчаявшись найти ответ, он пишет, что религия в этой великой стране является не просто религией, а вопросом патриотизма. И, хотя русское православие, действительно, всегда смешивалось с национализмом, компонент веры также имел большое значение. Упрощенный и неубедительный вывод Валеры, с треском рушится во время Поста, когда, к его огромному изумлению, вечный петербургский праздник неожиданно впадает в тоскливую спячку. Балы и ужины отменяются, народ толпами ходит в храмы слушать вечерни и заутрени, а аристократы в своих личных часовнях пользуются услугами своих собственных священников.

Частично это время покаяния совпадает с началом ледохода на Неве. Раздаются пушечные залпы, которые предупреждают народ об опасности спуска на непрочный лед и о скором возобновлении движения по реке. В это время значительная часть высшего общества отправляется на пароходах в Париж. Валера думает, что ему осталось лишь несколько недель в этом городе, дворцы которого сейчас, кажется, вырастают за счет своих отражений в зеркальных водах Большой Невы. Тысячи лодок снуют по реке вокруг Петропавловской крепости, точно рабочие муравьи, парусные корабли возвращаются на свои маршруты, а легкие экипажи — *дрожки* — появляются из сараев, чтобы освободить место для уставших за зиму саней.

Перед возвращением в Испанию, Валера совершил короткую поездку в Москву. Город показался ему необычным и своеобразным, довольно неорганизованным и красивым

Coincide en parte el tiempo de penitencia con el deshielo del Neva. Suenan algunos cañonazos avisando a la población de la inestabilidad de las placas de hielo y anticipando que, muy pronto, resurgirá la navegación fluvial. Por aquellas fechas, gran parte de la alta sociedad toma los vapores en dirección a París. Valera piensa que le quedan ya pocas semanas en la ciudad que, sin el hielo, alarga sus palacios gracias al reflejo especular sobre el Gran Neva. Mil botes pululan por el río como hormiguitas obreras alrededor de la fortaleza de Pedro y Pablo. Los buques de vela retoman su trayectoria y los *droshkis*, carruajes ligeros, salen de los cobertizos para dar reposo a los trineos.

Antes de volver a España, visitó fugazmente Moscú. Le pareció una ciudad original e inaudita, bastante desordenada y de una belleza extraña. La vuelta a San Petersburgo, en que se despedirá de tanta fiesta y tanto aristócrata culto y ocioso, piensa fugazmente en el zar fundador de la ciudad. En Pedro el Grande, pero también en su heredera espiritual Catalina II. Observa el delta del Neva por última vez y se despide con unas palabras que el visitante de hoy podría repetir:

las orillas de cada uno de estos pequeños ríos, estériles y yermas cien años ha, y morada sólo de los lobos y de los osos, están ahora pobladas de frondosos árboles, elegantes jardines y casas de campo que a menudo presumen de palacios (...) muchísimos puentes, de sólida y graciosa arquitectura, unen unas islas con otras.

Juan Valera volverá de San Petersburgo y, aunque se casará en París, retomará su vida política en España, siendo diputado a Cortes y secretario del Congreso. Si bien la literatura no le permitía vivir —y nos lo dice su biógrafo, escritor y Presidente de la 2ª República Manuel Azaña— también es cierto que nunca se empleó en ello realmente a fondo. Tuvo, a pesar de todo, un gran éxito con su novela *Pepita Jiménez* (1874). Pero ya se ha dicho que el diplomático perteneció a una generación de hombres que ansiaban ante todo poder y posteridad. Y buscaban, en perfecta coherencia, las vías más eficaces para conseguirlos.

En el caso de nuestro protagonista, su gran momento le llegó en 1868 y fue gracias a la política. Era el año del golpe de

какой-то особой красотой. Возвратившись в Петербург, где ему предстоит распрощаться с бесконечными празднествами и многочисленными образованными и праздными аристократами, Валера размышляет о царе, основателе города. О Петре Великом, и о его духовной наследнице, Екатерине II. Валера любит в последний раз устьем Невы и прощается с ней со словами, которые мог бы произнести гость города сегодня:

берега всех этих маленьких рек, пустынные и бесплодные сто лет тому назад, раньше служили убежищем только волкам и медведям, а теперь они полны раскидистых деревьев, изящных садов и усадеб, которые часто хотят сравниться с дворцами (...) множество мостов, прочной и красивой конструкции соединяют острова между собой.

Хуан Валера уедет из Санкт-Петербурга, и, несмотря на свою свадьбу в Париже, вернется к своей политической карьере в Испании, став депутатом Кортесов и секретарем Конгресса. И хотя, действительно, литература не дает ему достаточных средств для жизни — нам говорит об этом его биограф, писатель и Президент Второй республики, Мануэль Асанья — правда и то, что он никогда всерьез не занимался писательским трудом. Несмотря на это, его роман *Пепита Хименес* (1874) имел большой успех. Но, как мы уже говорили, наш дипломат принадлежал к поколению людей, которые, прежде всего, жаждали власти и хотели оставить свой след в истории. И, соответственно, искали самые верные пути для достижения своих целей.

Для нашего героя золотое время наступило в 1868 году, и случилось это благодаря политике. Государственный переворот отправил в изгнание королеву Изабель II. После этого Испания начала эксперимент европейского масштаба: из Италии был завезен король Амадео Савойский в качестве нового короля в условиях конституционной монархии, которая была призвана стать самой либеральной в истории Испании XIX века. В этих условиях Валера получит важные должности в Савойском правительстве, и поднимется до поста Министра просвещения. Однако

Estado que envió al exilio a la reina Isabel II. España inició entonces un experimento de ámbito europeo: la importación del italiano Amadeo de Saboya como nuevo rey de la monarquía constitucional, llamada a ser la más liberal del siglo XIX español. En este contexto, Valera ostentará altos cargos en el Gobierno Saboya, subiendo hasta el pedestal de ministro de Instrucción Pública. Pero en un país revuelto e inflamable, la falta de apoyo popular consumió al nuevo rey en tan sólo dos años (1871-1873). Ante el barullo político que se avecinaba, Juan Valera procuró alejarse del país, reemprendiendo la carrera de Embajador hasta su jubilación.

Los últimos años los pasó en casa, casi ciego, siendo anfitrión de una tertulia literaria semanal, compartida con otros ilustres de las letras. Así es que, superada tanta peripecia política y diplomática, nuestro hombre acabó recuperando, por lo de las tertulias, parte de la herencia de la vida en San Petersburgo. A fin de cuentas, sólo le faltó el cancan de después y, a pesar del Manzanares, las noches blancas junto al Neva.

в стране, подверженной беспорядкам и вот-вот готовой к взрыву народного гнева, нехватка поддержки со стороны населения за два года (1871-1873) привела нового короля к краху. Видя, что приближались неспокойные политические времена, Хуан Валера предпочел уехать из страны подальше, вернулся к карьере посла, и оставался на дипломатическом поприще до самого выхода на пенсию.

Последние годы своей жизни почти ослепший Хуан Валера провел дома, где раз в неделю у него собирался кружок выдающихся деятелей литературы. Вышло так, что после бурной жизни в области политики и дипломатии, наш герой частично вернулся к образу жизни, с которым он познакомился когда-то в Санкт-Петербурге. В конце концов, ему не хватало только плясок после интеллектуальных дискуссий и — не в обиду будет сказано Мансанаресу — белых ночей на берегах Невы.



* La selección y la traducción de los fragmentos de prosa y poesía la han hecho José Mateo Puig y Xènia Dyakonova. Su traducción puede copiarse, distribuirse y manipularse, siempre citando la fuente original.

* Выбор поэтических и прозаических фрагментов, а также их перевод сделали Хосе Матео Пуйч и Ксения Дьяконова. Их перевод может воспроизводиться, распространяться и использоваться только при условии указания источника.

Cuando Mario Benedetti escribió que *cada ciudad puede ser otra*, no lo hizo movido por el desencanto ni por la denuncia de una supuesta *despersonalización* de las ciudades. No se refería a la aburrida acumulación de tiendas de las mismas marcas ni al arrinconamiento de lo popular o, peor aún, a su teatralización folclórica. De esto ya se encargan otros. El poeta uruguayo más bien sugería lo voluble de nuestros sentidos. Aludía a la capacidad del amor de transfigurar el estado de ánimo de cada uno y, por lo tanto, de moldear su percepción de la realidad.

Sea como fuera, con amor o sin amor, San Petersburgo no puede ni quiere ser *otra*. Aunque al principio miró a las urbes holandesas, pronto decidió que la meta sería ella misma. Sus oponentes vieron cómo la ciudad les cambiaba el país primero y, después casi sin darse cuenta, a ellos mismos. Con los años, la historia también le pasaría facturas dramáticas a San Petersburgo-Leningrado, que sus gentes saldaron heroicamente.

El San Petersburgo que vemos hoy es fruto de todas estas decisiones, alegrías y lamentos. Pero la ciudad que pisamos al recorrer a pie el barrio del Almirantazgo, yendo en bicicleta por Piskaryovka o en metro hacia el pasado soviético de Avtovo no es la única ni toda. Nos perdemos alguna de sus caras si no vamos más allá de los paseos en barca por los ríos Neva, Moika o Fontanka y por su antiguo sistema circulatorio hecho de canales asalmonados.

Para entender la atmósfera de la ciudad, por suerte, no nos bastará nunca con el objetivo de una cámara, por muchos disparos que ésta haga y por más ángulos que se examinen.

Afortunadamente, siempre queda el imaginario colectivo y la ciudad oída y leída. Por esto nos interesa aquello que algunos de los grandes poetas rusos, muchos de ellos petersburgueses, han dicho y escrito. Benedetti afirmaba en el poema que comentábamos *que cada ciudad puede ser tantas como amorosos la recorren*. Aquí les dejo con algunos de ellos.

Cuando Марно Бенедетти писал, что каждый город может стать другим, то не имел в виду собственное разочарование и не хотел обличить предполагаемое обезличивание городов. Он говорил не о скучном изобилии магазинов одних и тех же брендов, не об отступлении народной городской культуры или о ещё большем зле – превращении города в фольклорный спектакль. Этим уже занимаются другие. Уругвайский поэт скорее имел в виду пластичность наших чувств. Он писал о способности любви изменить душевное состояние человека и, соответственно, трансформировать его восприятие реальности.

Как бы то ни было – с любовью или без нее – Санкт-Петербург не может и не хочет быть другим. Хотя в первые годы он брал пример с голландских городов, но очень скоро решил жить сам по себе. Противники этого города увидели, как он сначала изменил всю страну, а потом – незаметно – и их самих. На протяжении истории Санкт-Петербургу–Ленинграду выпадут на долю тяжёлые испытания, которые его жители выдержат с честью.

Сегодняшний Санкт-Петербург – это результат множества решений, радостей и бед. Мы можем пройти пешком в районе Адмиралтейства, проехать на велосипеде по Пискаревскому проспекту или сесть на метро и оказаться в советском прошлом района Автovo. Можем проплыть на кораблике по его рекам и каналам в розовых сумерках. Но зримые картины – не единственный и не полный образ города. Есть еще и образ, созданный в нашей общей памяти, город услышанный и прочитанный. Поэтому нам интересно то, что некоторые из великих русских авторов, многие из которых были петербуржцами, сказали и написали. Бенедетти утверждал в стихотворении, о котором мы упомянули вначале, что каждый город может иметь столько лиц, сколько людей, влюблённых в него, проходят по его улицам. Я оставляю вас с некоторыми из них.



Aleksandr Pushkin

EL JINETE DE BRONCE (fragmento), 1833

Te quiero, creación de Pedro,
 te quiero por tu aspecto esbelto, serio,
 por el soberbio discurrir del Neva,
 por el granito gris en sus orillas,
 el sinuoso hierro de tus verjas,
 y por tus noches pensativas
 de claro ocaso y resplandor sin luna
 cuando, sin lámpara, en mi cuarto
 escribo o me dedico a la lectura
 y puedo ver los bloques reposados
 de las calles vacías, y fulgura
 la aguja en el Almirantazgo: pronto,
 sin permitir del todo que la sombra
 llegue a extenderse por el cielo de oro,
 un crepúsculo se une con el otro,
 reduciendo la noche a media hora.
 Amo tu invierno crudo; el aire quieto,
 la helada, la carrera del trineo,
 siguiendo el ancho Neva; y las muchachas
 de rostros encendidos como rosas;
 la charla, el ruido, el lustre de tus bailes
 y en una fiesta donde se emborrachan
 los jóvenes, la espuma de las copas
 y el brillo azul del ponche llameante.

Александр Пушкин

МЕДНЫЙ ВСАДНИК (фрагмент), 1833

Люблю тебя, Петра творенье,
 Люблю твой строгий, стройный вид,
 Невы державное течение,
 Береговой её гранит,
 Твоих оград узор чугунный,
 Твоих задумчивых ночей
 Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
 Когда я в комнате моей
 Пишу, читаю без лампады,
 И ясны спящие громады
 Пустынных улиц, и светла
 Адмиралтейская игла,
 И, не пуская тьму ночную
 На золотые небеса,
 Одна заря сменить другую
 Спешит, дав ночи полчаса.
 Люблю зимы твоей жестокой
 Недвижный воздух и мороз,
 Бег санок вдоль Невы широкой,
 Девичьи лица ярче роз,
 И блеск, и шум, и говор бáлов,
 А в час пирушки холостой
 Шипенье пенистых бокалов
 И пунша пламень голубой.











Nikolái Gógol

LA AVENIDA NEVSKI, 1834

No existe nada mejor que la avenida Nevski, por lo menos en Petersburgo; porque para Petersburgo, lo es todo. ¡Cuántos tesoros luce esta calle, la más bella de nuestra capital! Sé que ninguno de sus pálidos habitantes, ninguno de sus funcionarios cambiaría la avenida Nevski por todos los bienes del mundo. No sólo aquél que tiene veinticinco años, un bigote magnífico y una levita de corte impecable, sino también aquél en cuya barbilla asoman pelos blancos, y cuya cabeza es más lisa que una fuente de plata, es un apasionado de la avenida Nevski. ¿Y las señoras? A las señoras todavía les gusta más la avenida Nevski. Pero ¿a quién no le gusta? Nada más entrar en la avenida Nevski, percibes su aire festivo. Aunque uno tenga algo importante e imprescindible por hacer, al entrar en la Nevski se olvida inmediatamente de todos sus asuntos. Es el único lugar al que la gente no va por obligación, por cuestiones de negocios o por los intereses mercantiles que parecen haber impregnado todo Petersburgo. Parece que un hombre con el que uno se encuentra en la avenida Nevski sea menos egoísta que en la Morskaia, la Gorójovaia, la Litéinaia, la Meschánskaia y otras calles, donde la codicia, el interés y el afán de lucro se leen en las caras de los que van a pie o vuelan en carrozas y coches de punto. Por la avenida Nevski pasa toda la comunicación de Petersburgo. Aquí el habitante del distrito Peterburgski o Viborgski, que hace mucho que no ve a su amigo de Peski o de Moskovskaia Zastava, puede estar seguro de topar indefectiblemente con él. Ningún callejero, ninguna oficina de información facilita unos datos tan exactos como la avenida Nevski. ¡Oh, todopoderosa avenida Nevski! ¡La única diversión del pobre en la fiesta de Petersburgo! ¡Qué bien barridas están sus aceras, y, Dios mío, cuántos pies han dejado allí sus huellas! La bota torpe y sucia de un militar en la reserva, bajo cuyo peso incluso el granito parece cubrirse de grietas; el zapatito, minúsculo y ligero como el humo, de una joven dama que vuelve su cabecita hacia las ventanas relucientes de una tienda, como un girasol que la vuelve hacia el sol; el sable ruidoso de un alferez ilusionado, que ha dejado un hondo arañazo en el suelo: todos ellos imprimen una marca que expresa el poder de la fuerza o el poder de la debilidad. ¡Qué fantasmagoría más vertiginosa se desarrolla allí en el curso de un solo día!

Гоголь, Николай

Невский проспект, 1834

Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге; для него он составляет все. Чем не блесит эта улица – красавица нашей столицы! Я знаю, что ни один из бледных и чиновных ее жителей не променяет на все блага Невского проспекта. Не только кто имеет двадцать пять лет от роду, прекрасные усы и удивительно сшитый сюртук, но даже тот, у кого на подбородке выскакивают белые волосы и голова гладка, как серебряное блюдо, и тот в восторге от Невского проспекта. А дамы! О, дамам еще больше приятен Невский проспект. Да и кому же он не приятен? Едва только взойдешь на Невский проспект, как уже пахнет одним гуляньем. Хотя бы имел какое-нибудь нужное, необходимое дело, но, взошедши на него, верно, позабудешь о всяком деле. Здесь единственное место, где показываются люди не по необходимости, куда не загнала их надобность и меркантильный интерес, объемлющий весь Петербург. Кажется, человек, встреченный на Невском проспекте, менее эгоист, нежели в Морской, Гороховой, Литейной, Мещанской и других улицах, где жадность и корысть, и надобность выражаются на идущих и летящих в каретах и на дрожках. Невский проспект есть всеобщая коммуникация Петербурга. Здесь житель Петербургской или Выборгской части, несколько лет не бывавший у своего приятеля на Песках или у Московской заставы, может быть уверен, что встретится с ним непременно. Никакой адрес-календарь и справочное место не доставят такого верного известия, как Невский проспект. Всемогущий Невский проспект! Единственное развлечение бедного на гулянье Петербурга! Как чисто подметены его тротуары, и, Боже, сколько ног оставило на нем следы свои! И неуклюжий грязный сапог отставного солдата, под тяжестью которого, кажется, трескается самый гранит, и миниатюрный, легкий, как дым, башмачок молоденькой дамы, оборачивающей свою головку к блестящим окнам магазина, как подсолнечник к солнцу, и гремящая сабля исполненного надежд прапорщика, проводящая по нем резкую парашину, – все вымещает на нем могущество силы или могущество слабости. Какая быстрая совершается на нем фантазмагория в течение одного только дня!







АЛЕКСАНДР
ПУШКИН







Nikolái Nekrásov

1848

Ayer, hacia las cinco y algo,
pasé por la Sennaia;
allí azotaban con el látigo
a una joven campesina.

Ni un grito en su boca... y la tralla
se estremecía y restallaba;
y le dije a la Musa: «¡Mira,
allí está tu hermana!».

Николай Некрасов

1848

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»







Fiódor Dostoievski

CRIMEN Y CASTIGO, 1866

Caminaba por el malecón del canal y no le quedaba mucho camino. Pero al llegar al puente se detuvo un momento y, de pronto, giró a un lado, hacia el puente, y cruzó hacia la plaza Sennaia.

Miraba ansioso a derecha e izquierda, escrutaba con afán cada uno de los objetos y no podía concentrarse de ninguna de las maneras; todo se le escurría. «Dentro de una semana o de un mes me llevarán por este puente en una de estas carretas de presos; ¿cómo miraré entonces el canal?, ¿me acordaré de esto? — se le pasó por la cabeza —; ese rótulo, por ejemplo: ¿cómo leeré entonces estas mismas letras? Pone *consorsio*, guardaré esta *s* en la memoria; y dentro de un mes volveré a mirarla, la misma *s*: ¿cómo la miraré entonces? ¿Sentiré algo?, ¿pensaré algo en concreto? ¡Dios mío, qué ruin resultará todo esto, todas estas... preocupaciones! Todo esto, seguramente, es curioso... a su manera... (¡ja, ja, ja, qué cosas se me ocurren!) Hago el niño, fanfarroneo ante mí mismo; ¿y de qué me avergüenzo? ¡Bu!, esto está a reventar! El gordo este (un alemán, seguro) que acaba de empujarme: ¿sabe a quién acaba de empujar? Esa mujer con un niño pide limosna, y es curioso que me considere más feliz que ella. ¿Y si le diera algo? Tendría su gracia... Vaya, llevo cinco cópecs en el bolsillo, ¿de dónde habrán salido? —Eh, tome, buena mujer.

—Dios te lo pague —oyó la voz lastimera de la mendiga.

Entró en la plaza Sennaia. Le molestaba, le molestaba mucho andar topándose con la gente; pero se dirigía precisamente allí donde se veía más gente. Habría dado cualquier cosa por estar solo; pero él mismo sentía que no pasaría ni un momento solo. En medio del gentío, un borracho la estaba armando: quería danzar, pero no hacía más que caerse constantemente. Lo rodearon. Raskólnikov se abrió paso entre la gente, estuvo un rato mirando al borracho y, de pronto, soltó una carcajada seca y abrupta. Un minuto más tarde ya se había olvidado de él, ni siquiera lo veía, aunque miraba hacia él. Se había alejado, sin darse cuenta siquiera, del lugar donde se encontraba; pero, cuando llegó al centro de la plaza, de pronto algo cambió en su interior; una sensación súbita se apoderó de él; lo arrebató completamente, en cuerpo y alma.

De pronto recordó las palabras de Sonia: «Ve a cualquier esquina, haz una reverencia ante la gente, besa la tierra, porque también has pecado contra ella, y di en voz alta a todo el mundo: “¡Soy un asesino!”».

Фёдор Достоевский

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ, 1866

Он шел по набережной канавы, и недалеко уж оставалось ему. Но, дойдя до моста, он приостановился и вдруг повернул на мост, в сторону, и прошел на Сенную.

Он жадно осматривался направо и налево, всматривался с напряжением в каждый предмет и ни на чем не мог сосредоточить внимания; всё выскользало. «Вот чрез неделю, чрез месяц меня провезут куда-нибудь в этих арестантских каретах по этому мосту, как-то я тогда взгляну на эту канаву, — запомнить бы это? — мелькнуло у него в голове. — Вот эта вывеска, как-то я тогда прочту эти самые буквы? Вот тут написано: „Товарищество“, ну вот и запомнить это а, букву а, и посмотреть на нее чрез месяц, на это самое а: как-то я тогда посмотрю? Что-то я тогда буду ощущать и думать?.. Боже, как это всё должно быть низко, все эти мои теперешние... заботы! Конечно, всё это, должно быть, любопытно... в своем роде... (ха-ха-ха! об чем я думаю!) я ребенком делаюсь, я сам пред собою фанфарону; ну чего я стыжусь себя? Фу, как толкаются! Вот этот толстый — немец, должно быть, — что толкнул меня: ну, знает ли он, кого толкнул? Баба с ребенком просит милостыню, любопытно, что она считает меня счастливее себя. А что, вот бы и подать для курьезу. Ба, пятак уцелел в кармане, откуда? На, на... возьми, матушка!»

— Сохрани тебя бог! — послышался плачевный голос нищей.

Он вошел на Сенную. Ему неприятно, очень неприятно было сталкиваться с народом, но он шел именно туда, где виднелось больше народу. Он бы дал всё на свете, чтоб остаться одному; но он сам чувствовал, что ни одной минуты не пробудет один. В толпе безобразничал один пьяный: ему всё хотелось плясать, но он всё валялся на сторону. Его обступили. Раскольников протиснулся сквозь толпу, несколько минут смотрел на пьяного и вдруг коротко и отрывисто захохотал. Через минуту он уже забыл о нем, даже не видал его, хоть и смотрел на него. Он отошел наконец, даже не помня, где он находится; но когда дошел до середины площади, с ним вдруг произошло одно движение, одно ощущение овладело им сразу, захватило его всего — с телом и мыслию.

Он вдруг вспомнил слова Сони: «Поди на перекресток, поклонись народу, поцелуй землю, потому что ты и пред ней согрешил, и скажи всему миру вслух: „Я убийца!“».



Mijaíl Pyliáiev

EL VIEJO PETERSBURGO, 1887

Entre el año de su creación [1713] y 1770, en el Gostini Dvor, por la mañana, pasaban hileras infinitas de mendigos; pasaban mujeres con niños de pecho en brazos, o con un leño en su lugar; pasaba un caballero, aficionado al alcohol, que llevaba gorra con escarpela y contaba al público la historia imaginaria de sus desgracias; pasaba un artesano borracho; unas finesas pedían dinero para una boda, paseando en parejas y diciendo: «Ayuden a la novia»; alguien conducía un trineo con ataúdes vacíos o la tapa del ataúd de una vieja, pidiendo dinero para enterrar a un muerto; pasaban los faroleros, pidiendo para reparar el vidrio roto de los faroles (...) También pasaba por aquí el poeta mendigo Piotr Tatárinov, que llevaba un papel con un acróstico cuyas letras iniciales decían: «Para comprarle botas a Tatárinov». (...)

Pasaban, sobre todo en vísperas de festivo, lisiados, ciegos, deformes, iluminados, beatos y vagabundos. Entre estos últimos, había una viejecita que gozaba de una simpatía especial entre los vendedores: tenía unos sesenta años, llevaba un vestido negro de calicó y siempre tenía en las manos una bolsa llena de regalos. Era de origen principesco, se había educado en el Instituto Smolni o en una institución similar y hablaba francés y alemán. La llamaban Ánushka. De joven había tenido un novio, un oficial de la guardia, que acabó casándose con otra. La novia engañada dejó Petersburgo y sólo al cabo de unos años volvió a la capital, convertida en una iluminada. Vestida casi siempre con harapos, iba por la ciudad, pedía limosna y se la daba a los demás. En la calle se metía en peleas, se discutía con los cocheros y a menudo les pegaba con un palo. (...) Ánushka era famosa por su perspicacia y sus predicciones. Una vez, al encontrarse con un achimandrita en la Nevskaia Lavra, le predijo que llegaría a ser obispo; en efecto, poco después el archimandrita fue nombrado obispo y lo hicieron vicario apostólico de Petersburgo. (...) Poco antes de morir Ánushka fue al cementerio Smolénskoie, trajo una manta y, al ponerla en el suelo, le pidió al arcipreste que oficiara una misa de réquiem por Ana, esclava del Señor. Cuando la misa se acabó, donó la manta a la iglesia para que cubrieran con ella a los muertos pobres, y le pidió al arcipreste que la enterrara en aquel mismo sitio. A su entierro acudieron miles de personas.

Михаил Пыляев

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГ, 1887

Утром по Гостиному двору, от создания его до семидесятого года, проходили целые бесконечные нити нищих; шли бабы с грудными младенцами и с поленами вместо последних; шел благородный человек, поклонник алкоголя, в фуражке с кокардой, рассказывая публике мнимую историю своих бедствий; шел также пропойца-мастеровой, собирали чухонки на свадьбу, гуляя попарно, со словами: «Помогай невесте»; возили на розвальнях пустые гробы или крышку от гроба старухи, собирая на похороны умершему; шли фонарщики, собирая на разбитое стекло в фонаре. (...) Бродил здесь и нищенствующий поэт Петр Татаринов с акrostихом на листе бумаги, из заглавных букв которого выходило: «Татаринову на сапоги». (...)

Брели, особенно перед праздниками, разные калеки, слепцы, уроды, юродивые, блаженные, странники и странницы; между последними долго пользовалась большою симпатией у торговцев старушка лет шестидесяти, в черном коленкоровом платье, с ридикюлем в руках, полным разными даяниями. Происхождением она была из княжеского рода, воспитывалась чуть ли не в Смольном и говорила по-французски и по-немецки. Звали ее Аннушкой и Анной Ивановной. В молодости она имела жениха, гвардейского офицера, который женился на другой. Обманутая невеста покинула Петербург и только спустя несколько лет явилась опять в столицу, но уже юродивою. Одета всегда почти в лохмотья, она ходила по городу, собирала милостыню и раздавала ее другим. На улице заводила ссоры, бранилась с извозчиками и нередко била их палкой. (...) Аннушка отличалась прозорливостью и предсказаниями. Раз, встретившись в Невской лавре с одним архимандритом, она предсказала ему получение епископского сана; действительно, архимандрит вскоре получил епископство и был сделан викарием в Петербурге. (...) Незадолго до своей смерти она пришла на Смоленское кладбище, принесла покров и, разостлав на землю, просила протонерея отслужить панихиду по рабе Анне. Когда панихида была отслужена, она покров пожертвовала в церковь с тем, чтобы им покрывали бедных умерших, и просила протонерея похоронить ее на этом месте. При погребении ее присутствовали тысячи народа.













Aleksandr Blok

1912

Noche, calle, farol, una farmacia,
una luz sin sentido y mortecina.
Aunque vivieras cuarenta años, nada
sería diferente. No hay salida.

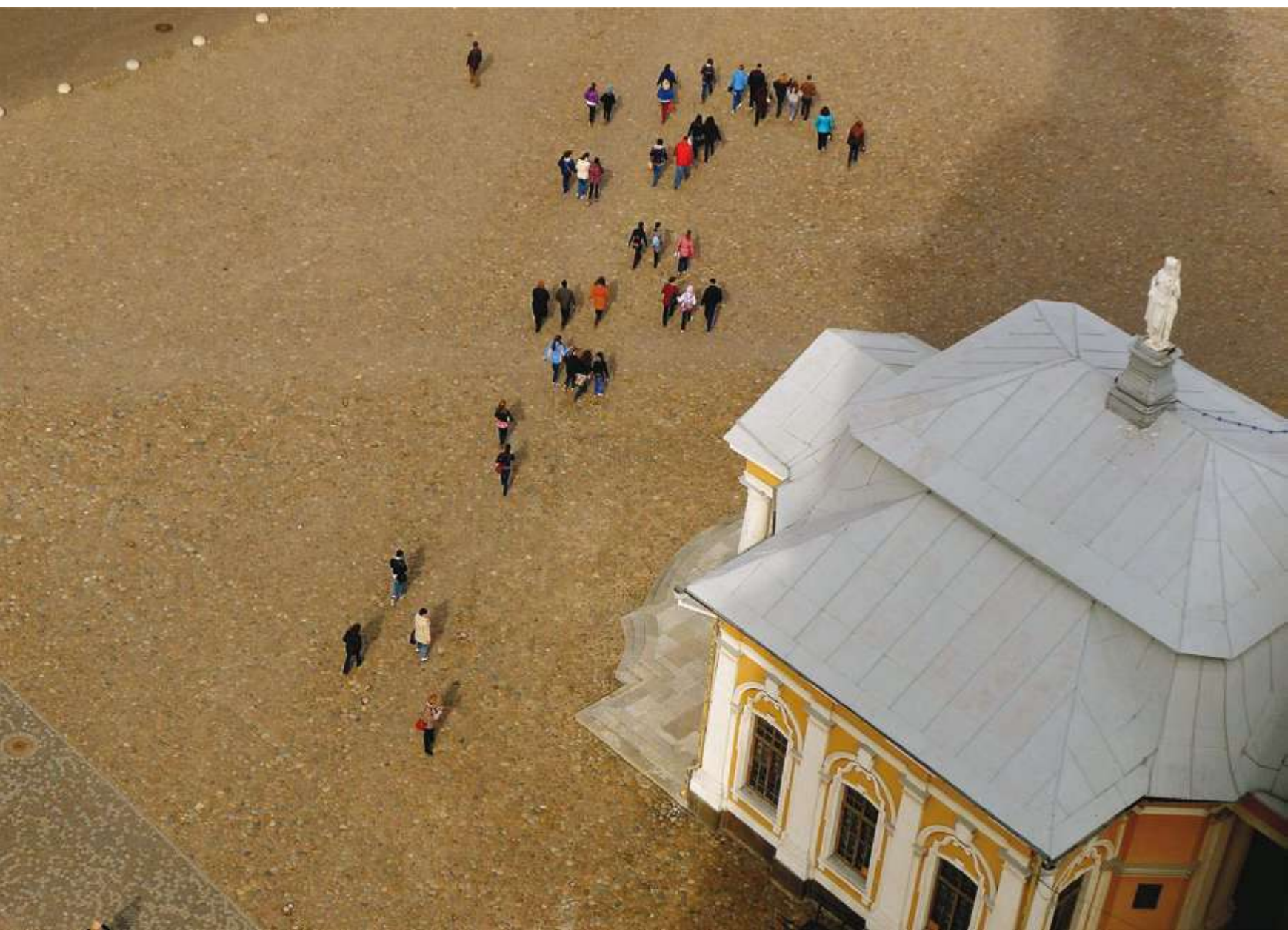
Morirás; volverás desde el principio;
y se repetirá la sucesión:
noche... el canal con sus destellos fríos,
la farmacia, la calle y el farol.

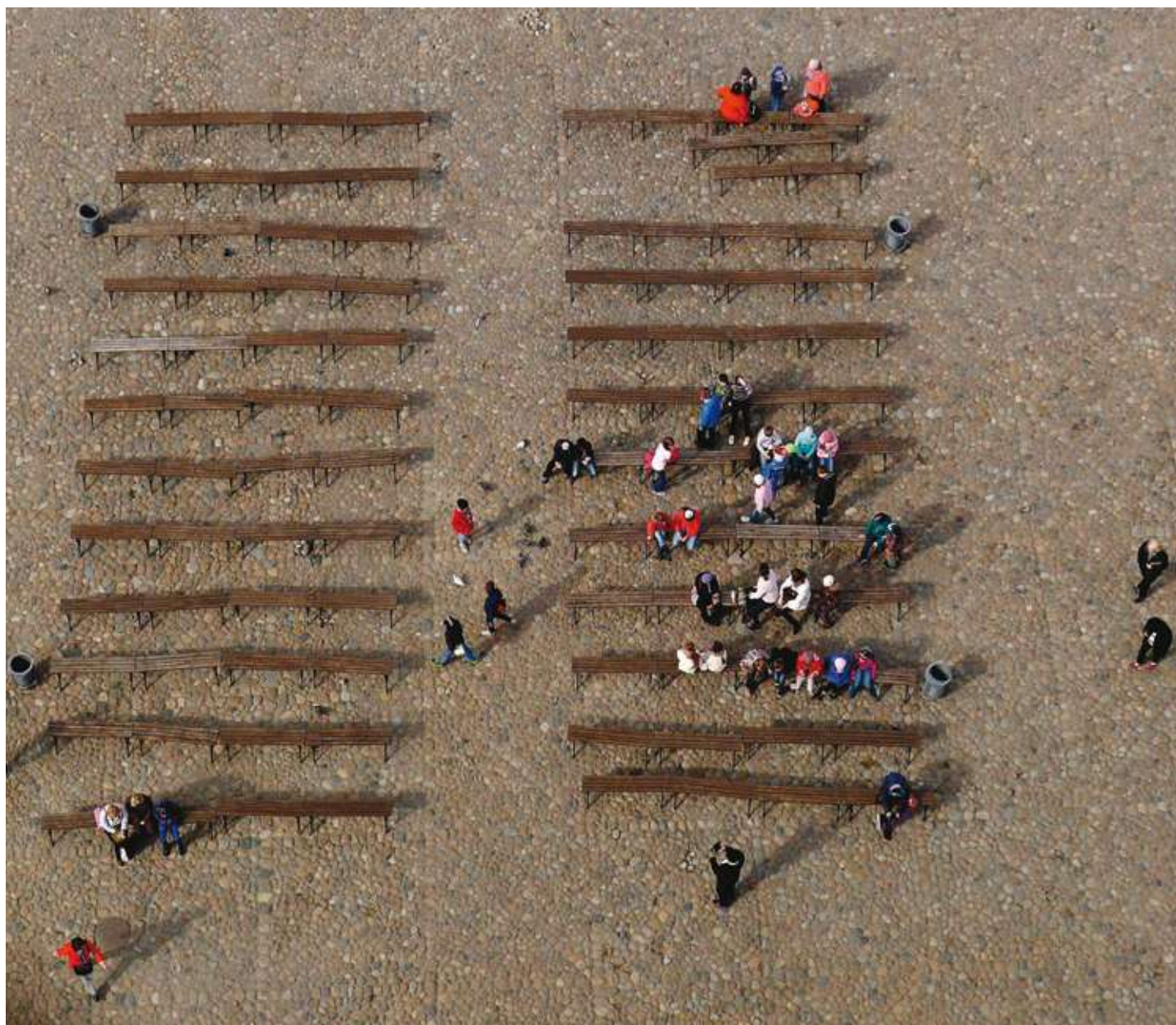
Александр Блок

1912

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.

Умрешь — начнешь опять сначала
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.







Andréi Bely

PETERSBURGO, 1913

No se ve nada, nadie.

El canal de Invierno seguía inyectando en el Neva su agua colérica; el puente colgaba como siempre; una sombra femenina, la misma todas las noches, llegaba corriendo al puente, ¿para arrojarle al río? ¿La sombra de Lisa? No, no era de Lisa, sino de una petersburguesa cualquiera; la petersburguesa llegaba corriendo, no se tiraba al río al cruzar el Canal, huía de prisa de una casa amarilla en el malecón de Gagarin ante la cual se paraba todas las tardes, mirando un largo rato hacia una de sus ventanas.

(...)

¡Petersburgo, Petersburgo!

Asediándome con niebla, me has perseguido con tu ocioso juego mental; eres un torturador feroz, un fantasma inquieto; me atacaste durante años; corría yo por tus terribles avenidas y, tomando impulso, llegaba volando al puente de hierro fundido que empezaba en un extremo de la tierra y conducía hacia la lejanía infinita; más allá del Neva, en una lejanía verde, ultraterrenal, se alzan espectros de islas y casas, seduciéndome con la vana esperanza de que aquel extremo del mundo es real y no una infinidad aulladora que echa a las calles de Petersburgo el humo pálido de las nubes.

Desde las islas se arrastran unas sombras inquietas; así se repite un enjambre de visiones, reflejándose en las avenidas, recorriendo las avenidas como espejos que se reflejan mutuamente, donde el instante mismo del tiempo se dilata en la inconmensurabilidad de los eones; y vagando de portal en portal, sobrevives a los siglos.

¡Oh puente enorme, fúlgido de electricidad!

Recuerdo un momento fatídico; también yo, una noche de septiembre, me incliné sobre tu pretil húmedo: un instante, y mi cuerpo habría volado hacia la niebla, cruzándola.

¡Oh aguas verdes rebosantes de bacilos!

Un instante, y me habríais envuelto en vuestra sombra. Una sombra inquieta, bajo la apariencia de un hombre corriente, se vislumbraría en el viento del húmedo canal; el transeúnte, a sus espaldas, vería un bombín, un bastón, un abrigo; orejas, nariz y bigotes...

Y seguiría caminando... hasta el puente de hierro fundido.

Андрей Белый

ПЕТЕРБУРГ, 1913

Никого, ничего.

Так же все канал выстроивал здесь в Неву холерную воду; перегнулся тот же и мостик; так же все выбегала на мостик еженощная женская тень, чтоб низвергнуться в реку? Тень Лизы? Нет, не Лизы, а просто, так себе, -петербуржки; петербуржка выбегала сюда, не бросалась в Неву, пересекши Канавку, она убежала поспешно от какого-то желтого дома на Гагаринской набережной, под которым она каждый вечер стояла и долго глядела в окно.

Петербург, Петербург!

(...)

Осаждаясь туманом, и меня ты преследовал праздною мозговою игрой: ты — мучитель жестокосердый; ты — непокойный призрак; ты, бывало, года на меня нападал; бежал я на твоих ужасных проспектах и с разбега взлетал на чугунный тот мост, начинавшийся с края земного, чтоб вести в бескрайнюю даль; за Невой, в потусветной, зеленой там дали — повосстали призраки островов и домов, обольщая тщетной надеждою, что тот край есть действительность и что он — не воющая бескрайность, которая выгоняет на петербургскую улицу бледный дым облаков. От островов тащатся непокойные тени; так рой видений повторяется, отраженный проспектами, прогоняясь в проспектах, отраженных друг в друге, как зеркало в зеркале, где и самое мгновение времени расширяется в необъятности зонов: и бредя от подъезда к подъезду, переживаешь века.

О, большой, электричеством блещущий мост!

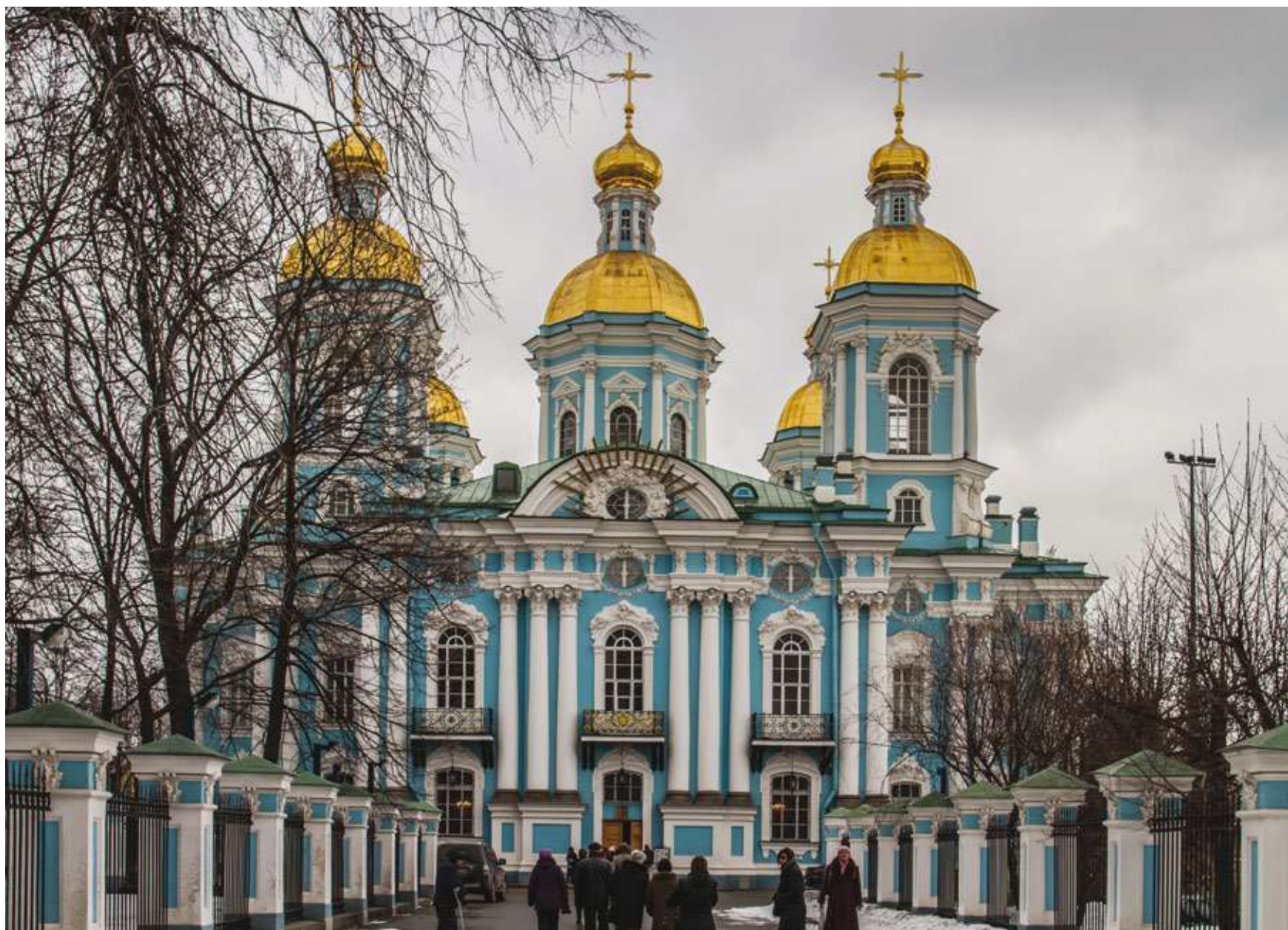
Помню я одно роковое мгновенье; чрез твои сырые перила сентябрьскою ночью перегнулся и я: миг, — и тело мое пролетело б в туманы.

О, зеленые, кипящие бактериями воды!

Еще миг, обернули б вы и меня в свою тень. Непокойная тень, сохраняя вид обывателя, двусмысленно замаячила б в сквозняке сырого канальца; за своими плечами прохожий бы видел: котелок, трость, пальто, уши, нос и усы...

Проходил бы он далее... до чугунного моста.















Nikolái Gumiliov

EL TRANVÍA EXTRAVIADO, 1919

Para mí aquel barrio era desconocido,
de repente oí los graznidos de un grajo,
notas de un laúd, ¿o un lejano rugido?:
volaba un tranvía por la calle abajo.

Por algún misterio sucedió que luego
yo mismo viajaba dentro del tranvía;
dejaba a su paso una estela de fuego
que brillaba incluso a plena luz del día.

Alado, corría, ¡negra tempestad!
volaba extraviado a través del abismo
del tiempo... «Atención, conductor, por piedad,
detén el vagón, deténlo ahora mismo.»

Tarde: hemos pasado hasta la última almena,
todo un palmeral quedó atrás por el lado,
y a través del Neva, del Nilo y del Sena
por tres puentes nuestras ruedas han chirriado.
(...)

Pero siento un aire, familiar, ligero:
desde la otra orilla, una embestida cruel:
la mano de cobre del jinete fiero
y las arboladas patas del corcel.

Para la ortodoxia, fortaleza y guía,
San Isaac se esculpe sobre el cielo: allí
haré una oración de salud por María
y dirán la misa de réquiem por mí.

Pero el corazón está desconsolado,
cuesta respirar y mi vida es dolor:
María, jamás me hubiera imaginado
que pueda existir tanta pena y amor.

Николай Гумилев

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ТРАМВАЙ, 1919

Шел я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний грай,
И звоны лютни, и дальние громы,
Передо мною летел трамвай.

Как я вскочил на его подножку,
Было загадкою для меня,
В воздухе огненную дорожку
Он оставлял и при свете дня.

Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.

Поздно. Уж мы обогнули стену,
Мы проскочили сквозь рощу пальм,
Через Неву, через Нил и Сену
Мы прогремели по трем мостам.
(...)

И сразу ветер знакомый и сладкий,
И за мостом летит на меня
Всадника длань в железной перчатке
И два копыта его коня.

Верной твердынею православья
Врезан Исакий в выпине,
Там отслужу молебен о здравьи
Машеньки и панихиду по мне.

И все ж навеки сердце утрумо,
И трудно дышать, и больно жить...
Машенька, я никогда не думал,
Что можно так любить и грустить.





Ósip Mandelshtam

LENINGRADO, 1930

He vuelto a la ciudad, que conozco hasta el llanto, hasta las venas,
hasta los ganglios inflamados de la infancia...
Y si has vuelto, entonces, traga pronto el preparado rancio
de los faroles del río de Leningrado
y reconoce rápido este día roñoso de diciembre,
donde el alquitrán siniestro se revuelve con yema.
¡Petersburgo!, no quiero morir todavía...
De mis teléfonos, los números son tuyos;
¡Petersburgo!, todavía tengo direcciones,
en las que encontraré las voces de los muertos.
Vivo en una escalera oscura, y me golpea
en plena frente el timbre, extirpado de cuajo.
Paso la noche en vela:
espero a mis queridos invitados
encadenado a los grilletes de la puerta.

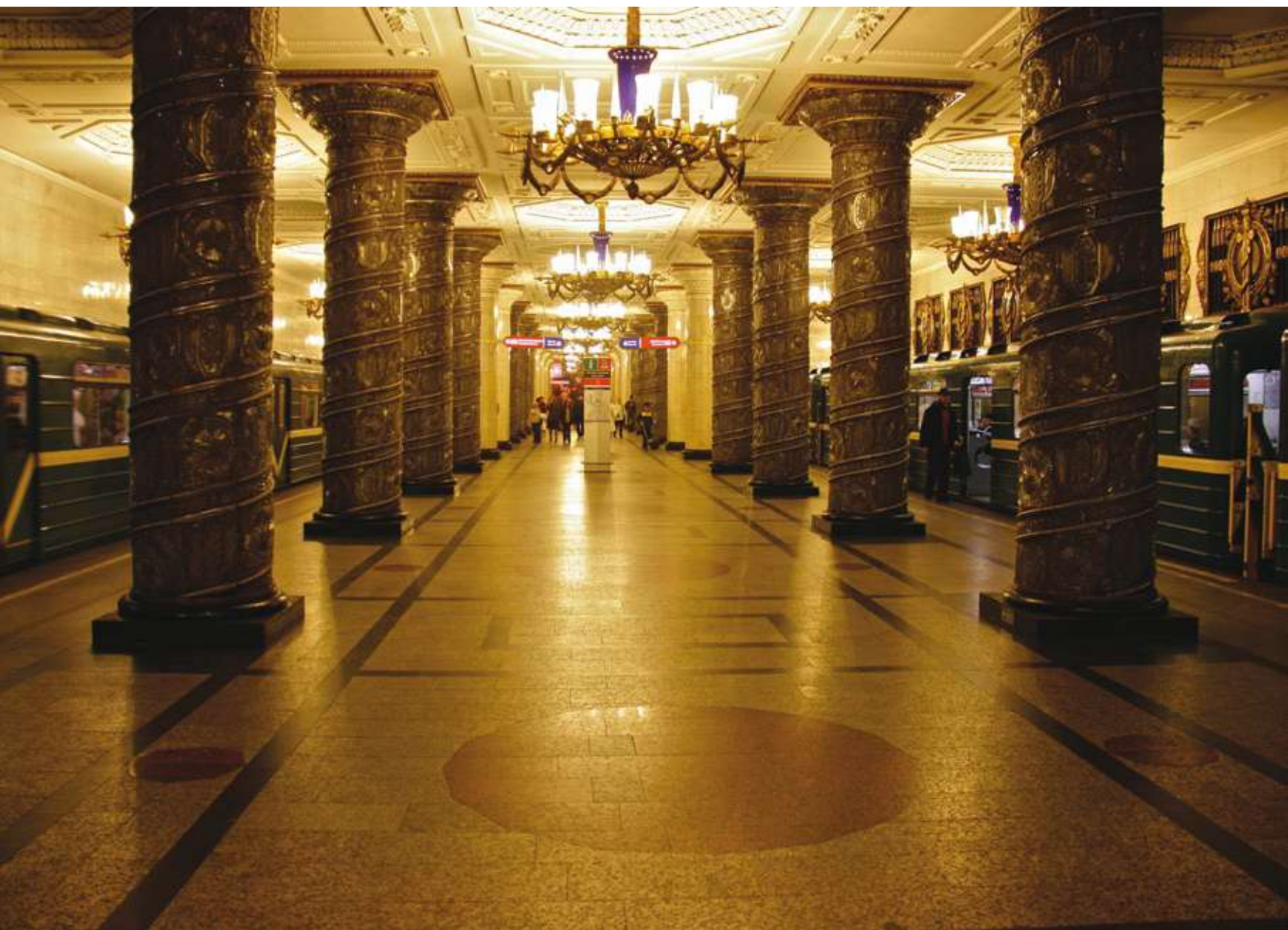
Осип Мандельштам

ЛЕНИНГРАД, 1930

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.
Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей,
Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.
Петербург! Я еще не хочу умирать!
У тебя телефонов моих номера.
Петербург! У меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.
Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,
И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.















Samuël Lurié

UN LUGAR MUY EXTRAÑO, 1988

Pero si la población ha ido cambiando; si la propia ciudad, en realidad, no estaba pensada para albergar población, ¿qué es lo que, a fin de cuentas, nos une a las ocho o nueve generaciones de aquéllos que vivieron y murieron en esta ciudad, la abonaron con sus huesos, la llenaron con su aliento y con la obra de sus manos? Con toda probabilidad, la arquitectura, la literatura y los domicilios, las direcciones de Petersburgo.

Seguramente no hay un instante más bello y sublime en la vida de ninguno de nosotros que cuando conseguimos quedarnos solos por encima del Neva, por ejemplo, en el puente del Palacio. Os envuelve por todas partes un espacio infinitamente armonioso, extraordinariamente bien temperado. Este momento, o uno parecido, ha sido descrito por Dostoievski. Es un momento muy extraño. Os hace sentir claramente que la vida, en cierto modo, tiene sentido. El río y esta arquitectura variada y asombrosa mantienen entre sí —pero también con vosotros— una relación especial; seguramente la podríamos describir a través de esta proporción: el ancho del Neva —la altura de los palacios— la estatura humana. En medio de esta correlación vaporosa (como sabéis, también la luz participa activamente) os embarga un sentimiento maravilloso, sorprendente, que sería el sueño dorado de Schelling o alguien así. Os encontráis dentro de una obra de arte. Es una situación digna de interpretación filosófica; como si os encontrarais dentro de un cuadro o, quizás, sobre el inmenso escenario de un teatro vacío, con decorados bellamente dibujados. Resulta que todo esto está montado para el espectador: es imposible habitarlo, sólo se puede mirar. Es un enorme decorado en el que sois un tramoyista; y si es un cuadro, una figura de relleno. La ciudad no está hecha para vosotros, es imposible vivir en ella, sólo se puede contemplar con admiración. El Palacio de Invierno, la Bolsa, la plaza del Palacio, la plaza del Senado: ninguno de sus edificios tiene en cuenta el confort del usuario, y en general no presupone vida alguna. Mucha gente dice que nuestra ciudad nunca fue tan bonita como durante la desolación de los años veinte o justo después del sitio. Cuanta menos gente haya, mejor. En general, la ciudad no está pensada para una población tan abundante. Cuando paseas por ella en una noche blanca, hacia las cuatro de la madrugada, eso se nota mucho.

Самуил Лурье

ОЧЕНЬ СТРАННОЕ МЕСТО, 1988

...Но если население сменялось, если сам город, вообще-то говоря, не был рассчитан на население, то что же все-таки связывает нас с восемью или девятью поколениями тех, кто жил и умер в этом городе, удобрил его своими костями, наполнил его своим дыханием и делами своих рук? По всей видимости, это архитектура, литература и петербургские адреса.

Нет ни у кого из нас, наверное, более высокого и прекрасного момента в жизни, чем когда удастся постоять одному на Неве, — скажем, на Дворцовом мосту, — и отовсюду вас охватывает бесконечно стройное, исключительно хорошо темперированное пространство. Эту минуту, или похожую на нее, описывал Достоевский. Эта минута — очень странная. Вы действительно чувствуете, что жизнь как бы имеет смысл. Река и эта дивная, разнообразная архитектура — состоят между собой — и с вами — в каких-то особенных отношениях. Наверное, их можно описать пропорцией: ширина Невы — высота дворцов — человеческий рост. В этом летучем соотношении (здесь еще, как вы знаете, очень активно участвует свет) вас охватывает удивительное, прекрасное чувство, которое является мечтой, ну, какого-нибудь Шеллинга, что ли. Вы находитесь внутри художественного произведения. Это ситуация, которая заслуживает философского осмысления. Вы находитесь как бы внутри картины или, может быть, на огромной сцене пустого театра, где так замечательно нарисованы декорации. Получается так, что все это устроено для зрителя, — жить в этом нельзя, на это можно только смотреть. Это огромная декорация, в которой вы — рабочий сцены. А если это картина — то вы стаффаж. Город не для вас, в нем невозможно жить, им можно любоваться. Зимний дворец, Биржа, Дворцовая площадь, Сенатская — ни одно из этих зданий не имеет в виду какого-то удобства для заказчика, вообще не предполагает никакой жизни. Многие говорят, что никогда наш город не был так красив, как в разруху двадцатых годов или как сразу после блокады. Чем безлюднее, тем лучше. Он вообще не рассчитан на эти массы населения. Когда идешь по нему белой ночью часа в четыре, это очень заметно.







VI. POR UNA MÁQUINA SOBRE EL NEVA. LA HISTORIA DE MAGÍ CORNET В ПОИСКАХ МЕХАНИЗМА НАД НЕВОЙ. ИСТОРИЯ МАЖИ КОРНЕТА

El pont s'aixecà com dos braços que imploressin al cel...
En un instant, la naturalesa i la ment humana es reconciliaven.
Com si l'univers hagués retrobat l'harmonia perduda.
No hi havia passat, ni Història, ni por
Montserrat Roig, *L'Agulla daurada*, 1985

Мост поднялся, словно вознося в мольбе две руки к небу...
В один миг природа и человеческий разум заключили мир.
Казалось, мироздание вновь обрело потерянную гармонию. И
не было больше ни прошлого, ни Истории, ни страха.
Монтсеррат Ройч, *Золотая игла*, 1985

Sólo cuando alguien se va, bien sea en un tránsito sin previo aviso o porque su consciencia languidece vencida por la enfermedad, nos damos cuenta de lo poco que conocemos a las personas que nos rodean, por más que las queramos y nos resulte imposible imaginarnos sin ellas. Todo el tiempo que nos faltó para consultarles en vida, nos sobra después para lamentarnos de las preguntas que no se hicieron y las respuestas que, a día de hoy, tan sólo podemos anotar en la libreta de las suposiciones razonables. No fui consciente de ello cuando, en el colegio, nos hicieron jugar a periodistas con nuestros mayores. Se trataba de recoger testigos de la memoria histórica particular, más allá de los grandes personajes públicos, recopilando los relatos de nuestros abuelos acerca de su experiencia durante la Guerra Civil española. Entrevisté entonces a mi abuelo materno Joanet, el *padrí* de cal Jan de Montornès de Segarra, que me explicó su larga peripecia como parte de la Quinta del Biberón. Para él y algunos de su generación, fueron más de siete años empalmado los horrores de la guerra con un inútil e inacabable peregrinaje en forma de servicio militar. Años después de que nos dejara para acompañar a la *padrina*, no lejos de donde también habitan la *iaia* y el *padrí* de Mas Mascó, celebro con alegría los días que compartí con todos ellos y con otros seres queridos que ya no están. En los largos encuentros familiares de Navidad y de Semana Santa, al acordarme minuciosamente de su posición en la mesa y de sus expresiones y anécdotas, siempre les reservo una sonrisa, un agradecimiento cálido e infinito.

Este recuerdo feliz y recreativo, que íntimamente dedico a las personas más próximas, cada vez más lo extendo a los mitos artísticos o musicales que van desapareciendo, ya sea debido a variados infortunios, por haber trazado un camino vital entre temerario y audaz o fruto del natural envejecimiento. Hablo de

Только когда кто-то из близких оставляет нас, потому что погибает неожиданно или потому что его сознание затухает постепенно перед наступлением болезни, мы понимаем, как мало мы знаем людей, которые нас окружают, хотя мы их очень любим и не можем представить себя без них. Все то время, которого нам не хватало чтобы поговорить с ними, пока они были живы, теперь есть у нас в достатке чтобы корить себя за незадаанные вопросы и записывать в блокнот ответы, основанные на одних только умозаключениях. Я не понимал этого, когда в школе нам задали взять интервью у наших пожилых родственников. Мы, как настоящие журналисты, должны были записать исторические свидетельства частных лиц, а не великих исторических деятелей, и узнать об опыте наших дедов во время испанской Гражданской войны. Я взял интервью у моего деда со стороны матери, Жуанета, нашего *тафика* с хутора Жан де Монторнес в районе Сегарра, который рассказал мне о множестве приключений, которые достались ему на долю, потому что он был одним из рекрутов *младенческого набора*. Он и некоторые из его сверстников провели долгие семь лет в армии: сначала это были ужасы войны, а потом бесконечные и бессмысленные походы регулярной военной службы. Многие годы спустя после того, как он оставил нас чтобы составить компанию своей *тафушке* рядом с другими моими *тафиками* с хутора Маско, я с радостью вспоминаю о тех днях, которые провел с ними и с другими дорогими мне людьми, которых уже больше уже нет с нами. Во время наших семейных встреч в дни Рождества или Пасхи я вспоминаю, где сидел каждый из них за столом, мне видятся их лица и слышатся их голоса, и в душе я храню для всех улыбку и теплую бесконечную благодарность.

artistas, políticos, deportistas o escritores que, con sus obras y vidas, nos han endulzado y sazonado las nuestras, activando y catalizando emociones adormiladas. Por esto, conviviendo con la música más contemporánea, en la guantera de mi coche se pueden encontrar discos de recientes desaparecidos como George Moustaki, J. J. Cale o Lou Reed, todos éstos pres-tados de los archivos de mis padres. Muchas veces el proceso funciona así: a las siguientes semanas de apagarse una estrella discográfica, si la imagen que me he formado es más o menos seductora, le hago un homenaje sonoro revisitándolo en mis trayectos motorizados.

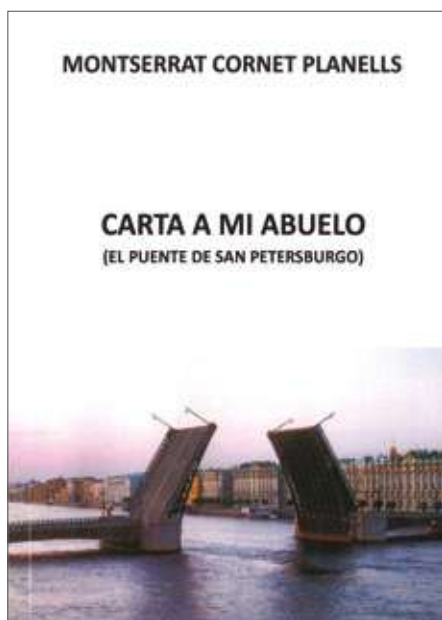
Pensé en mis abuelos y en todo este ritual nostálgico-musical al adentrarme en la fantástica y truculenta historia del ingeniero Magí Cornet i Masriera (1866-1906). El primer vértice de un triángulo que se cierra entre las ciudades de Barcelona y San Petersburgo. Por lo que respecta a la historia de Cornet, entendí que no sólo estaba ante la reconstrucción de la memoria perdida de un abuelo, sino también al principio de un viaje singular. Tan irrepetible como el que muchos tenemos pendiente hacia nuestros antepasados. Y en el camino, el descubrimiento de una familia a todas luces excepcional. Las confidencias que me acercaron a nuestro protagonista las viví, con la conexión más directa posible, en la casa de su nieta Montse.

Siempre me acordaré de la mañana en que conocí a Montse-rat Cornet i Planells (Barcelona, 1934) en las oficinas olímpicas de Esteyco en Barcelona. Creo que, entre los que me acompañaban, tampoco nadie ha olvidado ni su energía multidireccional ni su contagiosa vitalidad. Nos sedujo definitivamente la increíble historia de su abuelo Magí Cornet, que casi parecía salida de un cuento infantil, aunque en este caso tuviera controvertida moraleja. Los hechos se enmarcan dentro del ámbito de la hazaña moderna, que Montse desplegó ante nosotros como un inédito retablo gótico. Simplemente su relato nos cautivó; queríamos saber más. A partir de entonces necesitábamos conocer los *porqués*, aunque algo nos decía que, tal vez, nunca íbamos a poder esclarecer los *cómos*. Por lo que nos explicó el primer día, entendimos que aquella mujer de

Эту счастливую способность воссоздавать в памяти прошлое, я обычно посвящал самым близким мне людям, но с годами стал переносить этот опыт на звезды мира искусства или музыки, которые постепенно исчезают за горизонтом. Одни погибают от различных бед и невзгод, потому что выбрали путь слишком рискованный или отважный, другие – просто старятся и угасают, как все люди. Я говорю об артистах, политиках, спортсменах или писателях, которые своим творчеством или своей деятельностью сделали нашу жизнь приятнее и интереснее, разбудив наши спящие чувства или усилив их. Поэтому вместе с записями современной музыки в бардачке моей машины можно найти диски недавно оставивших нас Жоржа Мустаки, Дж. Дж. Кейла или Лу Рида, которые я позаимствовал в коллекции моих родителей. Очень часто дело происходит так: после того, как угасает какая-нибудь звезда, оставившая после себя сотни тысяч дисков, если воспоминание об этом артисте меня сколько-нибудь волнует, я воздаю ему почести, прослушивая заново его песни во время моих автомобильных странствий.

В моей голове пронеслись воспоминания о дедушках и бабушках, и я подумал о своих музыкально-ностальгических ритуалах, когда столкнулся с удивительной и захватывающей историей инженера, которого звали Мажи Корнет и Масрье́ра (1866-1906). Она является первой из вершин треугольника, который включает в себе Барселону и Санкт-Петербург. Коснувшись истории Корнета, я понял, что речь здесь идет не только о воссоздании потерянной памяти деда, но и о начале своеобразного путешествия. И по дороге мне довелось познакомиться с семьей, которая со всех точек зрения является исключительной. И откровения, которые приблизили меня к герою этой главы, я услышал в доме его внучки Монтсе, которая приняла меня как родного.

Я никогда не забуду то утро, когда я познакомился с Монтсеррат Корнет и Планельс (Барселона, 1934) в бюро Эстейко в бывшей Олимпийской деревне Барселоны. Мне кажется, что никто из тех, кто был со мной в тот день, не забыл ни ее брызжущей во все стороны энергии, ни



Portada del libro *Carta a mi abuelo* de Montserrat Cornet.
Обложка книги Монтсеррат Корнет «Письмо к моему деду».

verbo rápido y trato afable había destinado gran parte de la jubilación a rescatar la figura de su abuelo. Sin que nadie se lo pidiera, justo en el momento en que muchos otros se toman su tiempo con más calma, ella empezó un viaje al pasado de su propia familia o, más bien, lo que quedaba de él. Lo hizo a través de varios años de investigaciones, de visitas aquí y allí y de la publicación, sufragada por ella misma, del libro *Carta a l'avi* (Edicions Marrè, 2003). Aquello era el fruto del esfuerzo hasta el momento y no era poco ni todo; para mí era el inicio de una historia fascinante. Montse nos entregó algunas copias de la nueva edición en castellano, que acaba de publicar, actualizada y ampliada (*Carta a mi abuelo*, Edicions Marrè, 2013). Al igual que en la versión catalana, ésta guardaba una apariencia tan austera como ella misma, sin florituras ni pretensiones. Una obra de capítulos cortos y directos, con un lenguaje ágil,

ее заразной жизнерадостности. Нас окончательно покорила история ее деда, Мажи Корнета, которая казалась почти детской сказкой, хотя в этом случае мораль истории была весьма непростой. Деяния этого человека можно расценить как некий современный подвиг, историю которого Монтсе развернула перед нами, словно это был невероятный готический складень. Ее рассказ нас очаровал, и мы хотели узнать больше. Начиная с этого момента нам необходимо было понять все *почему*, хотя в душе мы понимали – прояснить все *как* мы никогда не сможем. Из ее слов в тот первый день стало ясно, что эта говорливая и любезная женщина посвятила большую часть своей жизни на пенсии восстановлению памяти своего деда. Хотя никто ее об этом не просил, в том возрасте, когда многие люди стараются жить как можно спокойнее, она начала путешествие в прошлое своей семьи, точнее сказать, в те осколки, которые от него еще оставались. Сначала были годы исследований, посещение различных учреждений, а потом публикация за свой счет книги на каталанском языке «*Письмо к деду*» (Издательство Марре, 2003). Эта книга явилась результатом приложенных до этого времени усилий, что уже было значительным событием, но отнюдь не означало конца пути. Для меня это событие превратилось в начало увлекательной истории. Монтсе подарила нам несколько экземпляров нового издания своей книги в переводе на испанский язык, которую она только что опубликовала. Первоначальный текст был дополнен и расширен («*Письмо к моему деду*», Издательство Марре, 2013). Так же, как и в каталонском варианте, книга написана с той же простотой и сдержанностью, которые отличают эту женщину, в ней нет ни украшательства, ни претензий. Это произведение, состоящее из коротких и ясных глав, написано простым и легким языком, но в нем сосредоточено огромное количество ценной информации. По сути дела, благодаря этим искренним и взволнованным страницам, мы открываем для себя часть биографии человека, жизнь которого всегда была спрятана за завесой тайны, и которым восхищается до



El Puente de Palacio desde la Stelka de Vasilievski.

Вид на Дворцовый мост со Стрелки Васильевского острова.

sencillo, pero de un valor incalculable en datos. De hecho, en sus páginas sinceras y emocionadas descubrimos parte de la biografía de un hombre al que siempre envolvió el misterio y por el cual su nieta siente profunda devoción.

Fue así cómo supe que *l'avi* Magí fue un extraordinario ingeniero catalán que, en 1902, había participado en el concurso para diseñar el principal puente de San Petersburgo. Por entonces, la ciudad todavía era zarista y todavía capital del gran Imperio ruso. Al tiempo que su sociedad urbana caminaba hacia los movimientos de vanguardia y se vestía de una cierta modernidad, el campo aún dormitaba en un pasado medieval. Este perverso juego de espejos deformados entre la gran ciudad y su entorno inmediato, en el que nueve de cada diez campesinos rusos eran analfabetos, se prolongó hasta la Revolución bolchevique de 1917.

Situémonos ahora a principios de siglo XX en el San Petersburgo de Nicolás II, el que sería el último zar. Tal vez fuera porque él nunca pareció estar a la altura, pero nadie allí olvidaba a su abuelo, el gran Alejandro II. Tanto el nuevo peón metalúrgico como el aristócrata con palacete en el Fontanka le recordaban por dos hechos que le encumbraron como autócrata glorioso y desgraciado. Lo primero, por haber liberado de la esclavitud a los siervos o campesinos en 1861. Y lo último porque, veinte años después, murió asesinado al estallarle una serie de bombas bajo su carroza, víctima de la oposición clandestina de anarquistas, nihilistas y populistas. Toda esta fauna autóctona, que hervía de odio en los tugurios de finales del diecinueve, representaba la parte más dinámica de la sociedad civil rusa. Se dedicaron plenamente, y a la vista de los hechos con cierto éxito profesional, a articular una espiral terrorista cuyo objetivo explícito era desestabilizar el *statu quo*. Después llegaron los años de Alejandro III (1881-1894), con la lógica estomacal y rencorosa de vengar el asesinato de su padre. Esta actitud, de raíz sentimental y autocrática, acarreó unos años de fortísima represión. Pero no estuvo solo en la tarea; sino que la búsqueda de aliados contra la Revolución, encontró a la Iglesia Ortodoxa y se apoyó en la policía secreta imperial.

глубины души его внука.

Вот так я и узнал, что *дедушка* Мажи был выдающимся каталонским инженером и в 1902 принял участие в конкурсе проектов самого главного моста Петербурга. В то далекое время город еще был столицей огромной Российской империи, в которой по-прежнему правили цари. В то самое время, когда общество в городах двигалось в сторону авангардных тенденций и рядилось в одежды современности, сельская жизнь все еще не проснулась от своей средневековой дремы. Это извращенная игра кривых зеркал, в которую играла столица и ее ближайшие окрестности, где девять из десяти русских крестьян не умели ни читать, ни писать, длилась до самой большевистской Революции 1917 года.

Перенесемся сейчас в Петербург начала XX века, во времена Николая Второго, которому предстолит стать последним царем. Этот государь никогда не казался достойным своего положения, и поэтому все то и дело вспоминали его деда, великого Александра II. Как новый рабочий металлургического завода, так и аристократ, имевший дворец на берегу Фонтанки, вспоминали о нем из-за двух событий, которые прославили этого царя, как монарха с одной стороны выдающегося, а с другой — несчастного. Первое связано с тем, что он спас от рабства крепостных крестьян в 1861 году, а последнее, потому что спустя двадцать лет стал жертвой тайного заговора анархистов, nihilистов и народников и погиб в результате покушения, когда под его каретой взорвались бомбы. В конце девятнадцатого века ненависть кипела на дне общества, и там скапливались самые динамичные силы российского народа. Эти люди целиком посвящали себя одной задаче: раскрутить спираль террористических актов, целью которых была разрушение существующего положения вещей, и если судить по результатам, то они добились довольно значительных успехов в своей профессиональной деятельности. Потом наступили годы правления Александра III (1881-1894), и следуя своим инстинктам и накопившейся в его душе

Bajo el férreo control de la violencia callejera, pasaron unos años aparentemente más tranquilos. Un tiempo precioso que algunos intelectuales utilizaron para crear nuevas armas, ya fuera desde el exilio o reunidos de forma clandestina en salones privados y sótanos lúgubres. Aún sin *titadine* ni explosivos, serían las de mayor alcance. En este mundo del subsuelo se estaba escribiendo un discurso ideológico mucho más eficaz y trascendental, entre cuyos artífices estaba un joven Lenin. Con el tiempo, estos preceptos harán posible la creación de los sóviets o asambleas políticas de las clases populares; las células que articularán el movimiento proletario y que, tras el triunfo comunista, serán la base del Estado soviético.

En los últimos años del zarismo, el ingeniero Magí Cornet tuvo que idear una obra fundamental para el centro nobiliario, político y social de la ciudad. Sobre el gran Neva, el río que es símbolo y origen de la ciudad de Pedro, su puente debería unir el barrio de El Almirantazgo con la isla de Vasilevsky y, más allá, con el norte de San Petersburgo. Hablamos de una ciudad que, al cambio de siglo, estaba en total ebullición social. Desde 1890, recibía como podía una incesante ola de inmigrantes del campo, atraídos por la prosperidad capitalina. Como unas nuevas murallas de ladrillo y con baluartes humeantes, los nuevos complejos fabriles se iban encadenando en anillo alrededor del centro histórico. El perfil de las chimeneas y el trajín de máquinas de vapor, telares y fábricas de bienes de consumo se propagaba en todas direcciones como un bende-cido incendio forestal.

La antigua ciudad aristocrática de los cuentos de Gogol y Dostoievski se llenó de obreros e inmigrantes rurales. Quizás debido a su mayor complejidad, el zar Nicolás II nunca la entendió y siempre prefirió Moscú. De hecho, pasaba largas temporadas en su residencia imperial suburbana de Tsárskoye Seló, en lugar del céntrico Palacio de Invierno, aislándose de la realidad y eludiendo las reformas sociales que urgían al país. Le gustaba la guerra y los militares, pero aborrecía los temas de Estado. Simplemente los aparcaba, dejando que los problemas se cocieran en su salsa, como si no estuvieran allí, a la espera de

ненависти, этот царь пытался отомстить за убийство своего отца. Это желание, основанное на чувствах и подкрепляемое ощущением полноты власти, определило период жестоких репрессий. В этом деле государь был не одинок: в поисках союзников в борьбе против Революции он нашел поддержку Православной церкви и всегда опирался на тайную полицию империи.

В условиях жесткого контроля над уличными беспорядками, прошло несколько внешне спокойных лет. Это драгоценное время некоторые интеллектуалы, находившиеся за границей или в тайне собиравшиеся в салонах частных домов или в мрачных подвалах, использовали для создания нового оружия. И хотя в нем не использовался титадин или другая взрывчатка, оно обладало гораздо большей разрушительной силой. В этом подпольном мире создавалась действенная идеологическая теория, которой предстояло повлиять на судьбы мира, и среди ее создателей был молодой Ленин. Со временем, на ее основе будут созданы советы или политические ассамблеи народных масс. Эти первые ячейки придадут форму движению пролетариата и, после победы коммунистов, станут фундаментом Советского государства. В последние годы царизма инженеру Мажи Корнету предстояло создать основное сооружение аристократического, политического и общественного центра города. Его мост через многоводную Неву, которая породила город Петра и является его символом, должен был соединить район Адмиралтейства с Васильевским островом и другими частями города, лежавшими на севере Санкт-Петербурга. Этот город на рубеже веков кипел общественной жизнью. Начиная с 1890 года, сюда прибывали все новые и новые волны иммигрантов из деревень, привлеченные благополучной столичной жизнью. Словно новые крепостные стены из кирпича и дымящиеся бастионы, фабричные корпуса становились вокруг исторической части города. Силуэты труб, движение паровых машин и ткацких станков, фабрики различных товаров распространялись из города во все стороны, точно благодатный лесной пожар.

que bajara el suflé. Mientras crecía la miseria y el descontento de las clases más bajas, se agravaron los contrastes. Grandes industriales y mercaderes florecían tras una industria pujante. Esta burguesía de nuevos ricos necesitaba palacios y viviendas singulares para identificarse entre la homogeneidad de fachadas neoclásicas de la ciudad, tan sobrias como anónimas. Pensaban que así podrían comprar el prestigio que los nobles tenían de nacimiento y, entonces, aparecieron edificios eclécticos de lo más variopinto: algunos de inspiración renacentista, otros neogriegos, moriscos o revivals de la arquitectura rusa tradicional. Al igual que en el resto de Europa, el movimiento modernista o Art Nouveau salpicó las severas calles de San Petersburgo de formas orgánicas, moldeando fachadas con juegos expresionistas, combinando fábrica de ladrillo, ornamentos de fundición y lámparas sugerentes. Como hoy podemos ver en la casa Singer de la perspectiva Nevski y, sobre todo, en la monumentalidad de la avenida Kaamenostrovsky. En paralelo, proliferaron los teatros, las academias; al tiempo que un grupo de empresarios y artistas fundaba grandes compañías de ballet. Bajo el gran abrazo de Sergei Diaghilev, floreció el barítono F. Chaliapin, el pintor y escenógrafo L. Bakst, el coreógrafo M. Fokine o el compositor I. Stravinsky, que prácticamente reinventó el género. Entre todos ellos y algunos más, como N. Rimski-Kórsakov desde su conservatorio, catapultaron la música y el ballet ruso más allá de sus fronteras, como fenómeno global, vía París y Nueva York.

No sólo San Petersburgo tuvo sus días dorados, también en la Barcelona decimonónica se había vivido la fiebre del oro, la inflamación de capitales y los desatinos bursátiles de los nuevos ricos. Era la época de presentación en sociedad de una ciudad todavía modosita, pero ambiciosa y con voluntad capitalina. Había sufrido por no tener Estado, o tenerlo en contra, como cuando los bombardeos del general Espartero desde Montjuïc. Después los ciudadanos tuvieron que luchar tenazmente para que les autorizaran el derribo de las murallas y así poder airear epidemias, creciendo sin corsés. Aquí es donde empezó la historia de Magí Cornet i Masriera, cuyo nacimiento aconteció

El viejo aristocrático ciudad de los cuentos de Gogol o Dostoyevski se llenaba de obreros y campesinos de los pueblos. Posiblemente, esta compleja vida de ciudad no gustaba al zar Nicolás Segundo, y él siempre prefería San Petersburgo a Moscú. En realidad, él pasaba más tiempo en su casa de campo en Tsarskoye Selo, que en el palacio en el centro de la capital. Esto le permitía escapar de la realidad y no pensar en las reformas sociales, de las que necesitaba el país. Él le gustaban las guerras y los ejércitos, y las cuestiones de construcción estatal le causaban a él sólo tristeza. Él simplemente las posponía, dejando que ellos mismos se desarrollaran por sí solos, esperando que la espuma se resolviera por sí sola. En ese momento la pobreza y la insatisfacción de las capas bajas de la sociedad crecían, y los contrastes se hacían cada vez más agudos. En la base de la sociedad que se estaba desarrollando rápidamente la industria crecen nuevas grandes fábricas y comerciantes. Esta nueva burguesía, enriquecida, quería tener palacios y casas, que se destacaran entre la monotonía del neoclasicismo con su rigidez y unidad de formas. Estos nuevos ricos pensaban que podrían de esa manera comprar el prestigio, que los aristócratas obtenían simplemente al nacer; y en la ciudad aparecieron edificios eclécticos de los más variados tipos. Algunos repetían los cánones de la época del Renacimiento, otros imitaban el neogriego o la arquitectura mauritana, otros — imitaban los elementos de la tradición rusa. Exactamente como en otras partes de Europa, el modernismo o el Art Nouveau se dispersó por las estrictas calles de San Petersburgo imitando formas naturales y creando expresionistas elementos en las fachadas, uniendo en los edificios el ladrillo, el hierro y las formas seductoras de las lámparas. Hoy podemos ver ejemplos de esto: la casa de la compañía Singer en el Nevsky Prospekt y, especialmente, el monumental conjunto del Kaamenostrovsky Prospekt. Al mismo tiempo aparecen muchos teatros y academias, y un grupo de industriales y artistas crea grandes compañías de ballet. Bajo el gran abrazo de Sergei Diaghilev, florecen el barítono F. Chaliapin, el pintor y escenógrafo L. Bakst, el coreógrafo M. Fokine o el compositor I. Stravinsky, que prácticamente reinventó el género. Entre todos ellos y algunos más, como N. Rimski-Kórsakov desde su conservatorio, catapultaron la música y el ballet ruso más allá de sus fronteras, como fenómeno global, vía París y Nueva York.



Manifestación de B.M. Kustodiev (1905).
 «Манифестация» Б.М. Кустодиева (1905).

баритона Ф. Шаляпина, художника и сценографа Л. Бакста, хореографа М. Фокина и композитора И. Стравинского, который практически преобразует музыкальные жанры. Все эти люди вместе с некоторыми другими – упомянем, например, Н. Римского-Корсакова с его консерваторией – прославили русскую музыку и балет далеко за границами России и превратили их в мировое явление, показав достижения артистов в Париже и Нью-Йорке.

Золотой век наступил не только для Санкт-Петербурга, Барселона девятнадцатого века тоже пережила свою золотую лихорадку, быстрый рост капиталов и неудачи нуворишей на бирже. То было время, когда этот город, тогда еще довольно скромный, но претендовавший на главные роли, впервые появился на арене. Барселона страдала от того, что была столицей без государства, или от нападений государства, как это случилось, когда генерал Эспартеро бомбардировал город с Монтжуика. Потом горожанам пришлось вести длительную борьбу за право снести городские стены и, таким образом, оздоровить барселонский воздух и начать рост без тесного корсета. И вот тут и начинается история Мажи Корнета и Масрьера, который родился в 1866 году в одном из домов на улице Принцесса, неподалеку от Рамблы и здания, где сейчас находится музей Пикассо. Роды в те времена далеко не всегда были легким делом и завершались успехом. Родители, дедушки и бабушки, дяди и тети в прежние времена знали, что появление на свет ребенка было счастливым событием, но влекло с собой множество опасностей. Даже если роды случались в состоятельной семье, многие младенцы – и нередко их матери – умирали во время родов или в следующие за ними дни или месяцы. Чтобы избежать трагического исхода, беременные женщины должны были строго следовать всяким суеверным ритуалам, и к тому же всегда боялись, что им не хватит молока. Только самые богатые семьи могли позволить себе помощь кормилиц, которые приходили на дом чтобы обеспечить питание новорожденных. В некоторых случаях эти женщины даже забирали детей к себе

en 1866 en una casa de la calle Princesa, cerca de las Ramblas y del actual Museo Picasso. La culminación con éxito de semejante empresa no podía ser fácil. Los padres, abuelos y tíos de antaño sabían que nacer era un hecho venturoso, pero plagado de peligros. Aun perteneciendo a una buena familia, muchos de los bebés y frecuentemente las madres morían en el parto o en los días o meses siguientes. Para evitar tragedias, las embarazadas debían respetar escrupulosamente un rosario de supersticiones, además de sufrir por si tendrían suficiente leche. Sólo las más adineradas eran ayudadas por nodrizas, que acudían a casa para alimentar a los recién nacidos. En algunos casos, incluso los cuidaban hasta los primeros dos años y después los devolvían a la familia, como quien compra directamente un árbol al plantista. Ya vemos por este cuadro que el niño no era, como ahora, el centro de la vida familiar. Más bien alguien de quien se responsabilizaba una niñera venida del campo. Mediante sus leyendas, acertijos y canciones populares, tenía la misión de ocupar al pequeño para que no distrajera a los mayores, hasta su ingreso en los internados de la parte alta de la ciudad. Más o menos éste era el patrón de las familias pudientes catalanas; en las demás, los métodos de instrucción podían variar o incluso ser sustituidos por largas jornadas de trabajo infantil. En cualquier caso, siempre se les procuraba inculcar la táctica del pícaro, los mínimos imprescindibles para sobrevivir en aquel mundo urbano salvaje.

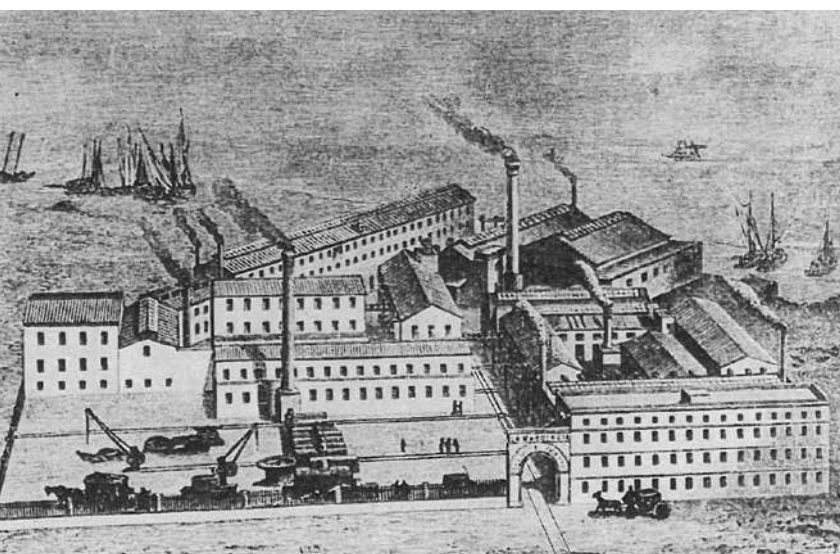
Nuestro hombre creció en pleno barrio de la Ribera cuando todavía combinaba una mezcla de clases menestrales con brios burguesía. Aunque los Cornet provenían originariamente de Manresa, no tardaron en acomodarse entre la alta sociedad barcelonesa. Eran muchos y se movían con graciosa habilidad en aquellos círculos, organizados en tres ramas familiares: los *Gaietà*, los *Magí*, a la cual pertenece nuestro ingeniero, y los *Josep Maria*. Cada una de ellas respondía al nombre de pila de los tres hermanos Cornet i Mas. Con el paso de las generaciones y por medio de la procreación desahogada al uso, conformarían un ejército de primos y parientes. Todos ellos procuraban diferenciarse entre sí a través de alguna excentri-

и заботились о них на протяжении первых двух лет жизни, а потом возвращали их в семью. Таким образом, родители получали уже подросткового ребенка, как человек, который покупает саженец в питомнике. Из этих строк мы можем заключить, что дети не являлись, как это происходит в наши дни, центром жизни семьи. Скорее они были существами, о которых заботилась нянька, приехавшая из деревни. Она должна была занимать малыша своими сказками, загадками и народными песенками, чтобы он не мешал старшим, до тех пор, пока отпрыска не отправляли в один из интернатов в высокой части города. Таков был, в общем и целом, порядок в семьях каталонской элиты; в других слоях общества эта схема могла меняться, или вместо воспитания и учебы дети просто должны были выдерживать тяжелый труд на протяжении долгого рабочего дня. Как бы то ни было, таких детей всегда старались научить плутовским трюкам, чтобы обеспечить им возможность выжить в этом диком городском мире.

Наш герой родился в самом сердце района Рибера, в котором в те годы еще сочеталось мастеровое население и напористая новая буржуазия. Хотя семья Корнет была родом из города Манреса, они очень скоро заняли свое место в высших кругах барселонского общества. Их было много, и чувствовали они себя в этих сферах, как рыбы в воде. Существовали три семейные ветви: отпрыски *Гайета*, отпрыски *Мажи* — к этой ветви принадлежал и наш инженер, и отпрыски *Жузеп Марии*. Эти кланы назывались по личным именам трех братьев Корнет и Мас. С каждым следующим поколением семья разрасталась, и поскольку в те времена было принято рожать много детей, очень скоро Корнеты составили целую армию двоюродных братьев, сестер и прочих родственников. Каждый из них стремился обрести особую отличительную черту, кроме фамилии матери после отцовской фамилии «Корнет», чтобы выделиться какой-нибудь эксцентрической изюминкой. Если бы во время одного из многочисленных семейных собраний некоторых из присутствующих, выбрав их произвольно, спросили,

Grabado de La Maquinista en su sede de la Barceloneta. Mercado de Sant Antoni en Barcelona.

Гравюра с изображением предприятия «Макиниста» в Барселоне. Рынок Сант Антони в Барселоне.



кто они по профессии, то все сказали бы, что являются отцами, детьми и родными или двоюродными братьями инженеров промышленного и гражданского строительства, хотя их собственная деятельность всегда выходила за рамки изначально выбранной области. Заглянуть за горизонт, распахнуть настежь закрытые двери — это желание мы увидим в судьбе инженера Мажи и его внуки Монтсе. И сейчас, когда в свои права вступил двадцать первый век, у стиля жизни Корнетов есть продолжатели.

Чтобы прояснить общую картину, я приведу сейчас высказывание одного из ведущих деятелей прежних эпох, Феликса Милета, о тех, кто всегда делит пирог в Каталонии: нас человек 400, и почти всегда это одни и те же люди. И я бы добавил к его словам, что все они друг с другом знакомы; и поэтому, например, отец Монтсе, сын Мажи и Корнета, приветствовал госпожу Такую-то и господина Такого-то слегка приподнимая шляпу, когда прогуливался по Пасео де Грасия. Если бы мы могли увидеть список Милета, сделанный сто лет назад, то, наверняка, нашли бы там фамилию Корнет. Семья достигла высокого положения в первую очередь благодаря заслугам Жузепа Марии Корнета и Маса (1839-1916), инженера промышленного и гражданского строительства, который буквально выковал власть и престиж семьи. В молодые годы он начал работать на предприятии «Макиниста: машины для суши и моря». Это была компания, которая занималась практически всеми работами, связанными с проектированием и строительством металлических конструкций. Предприятие образовалось в 1855 году в результате слияния двух самых крупных барселонских мастерских и лидировало в Испании в области металлургии на протяжении десятилетий. Корнет и Мас входил в состав директоров предприятия с 1880 года и до своей смерти. Все инженеры этой семьи работали в офисах «Макинисты», которые превратились в настоящий питомник профессионалов. И наш Мажи поступил туда на работу по окончании Школы инженеров в 1889 году, и благодаря своему таланту, быстро поднялся до должности

cidad, además de por la variación en el apellido materno. En una de sus multitudinarias reuniones familiares, si se les hubiese preguntado aleatoriamente por su profesión, todos hubieran afirmado invariablemente ser padres, hijos, hermanos o primos de ingenieros industriales, aunque sus actividades desbordaran siempre el ámbito al que inicialmente se circunscribieron. Salir del terreno marcado y tirar las puertas del campo, lo veremos con el ingeniero Magí y su nieta Montse, sigue siendo el más puro estilo *cornetiano* bien entrado el siglo veintiuno.

Para tener el marco general, me remito ahora a las declaraciones del antiguo prohombre Fèlix Millet sobre los que hoy cortan el bacalao en Cataluña: *somos 400, y casi siempre somos los mismos*¹. Y todos se conocen, añadiría, por el mismo mecanismo según el cual el padre de Montse, hijo de Magí Cornet, saludaba al señor Tal y a la señora Cual, con un leve movimiento de sombrero, al transitar por el Paseo de Gràcia. Si revisáramos la correspondiente lista de Millet de hace un siglo, seguro que allí podríamos leer el nombre de los Cornet. Principalmente por mérito de Josep Maria Cornet i Mas (1839-1916), el ingeniero industrial que fue el auténtico forjador del poder y del prestigio familiar. Entró de joven en la Maquinista Terrestre y Marítima, la compañía que aglutinaba casi todas las actividades relativas al proyecto y a la construcción metálica. La empresa se creó en 1855 a partir de la fusión de dos de los mayores talleres barceloneses, liderando el sector metalúrgico en España durante varios lustros. Cornet i Mas se mantuvo en su dirección desde 1880 hasta su muerte. Todos los ingenieros de la familia trabajaron en sus oficinas en aquellos años, que funcionaron como un auténtico vivero profesional. El propio Magí entró allí al salir de la Escuela de Ingenieros en 1889 y, por su valía, ascendió rápidamente a Jefe de la Sección de Puentes.

Durante más de un siglo, la Maquinista construyó por toda España y en el extranjero varios modelos de locomotoras, diseñó grandes estructuras de edificios y tendió más de ocho-

Nachalnika otдела mostov.

На протяжении почти сотни лет «Макиниста» создавала различные модели локомотивов для Испании и других стран, подготовила проекты крупных структур для различных зданий и протянула более восьмисот металлических мостов, в первую очередь, железнодорожных. Сначала инженеры работали в мастерских Раваля и Барселонеты, а потом перебрались в Сант Андреу дель Паломар. Среди самых выдающихся работ, под которыми стоит подпись Корнета и Маса, назовем Театр цирка в Барселоне (1869) и рынок Борн (1874). Оба эти проекта созданы в соавторстве с архитектором Рамоном Фонтсерре, а здание рынка Сант Антони (1882) он спроектировал вместе с Антони Ровира и Триасом. Среди прочих созданий «Макинисты» были рынки в районах Барселонета и Остафранкс, а также рынок Консепсьон; все они располагались в черте города. Благодаря работам этого предприятия были построены тридцать виадуков на железнодорожной ветке между Виком и городком Сант Жуан де лас Абадесас. Как истинный барселонский сеньор, из тех, каких описывал Жузеп Пла, Корнет и Мас посвятил себя также общественной жизни, отстаивая протекционизм и, в целом, интересы высших слоев каталонской буржуазии. Он возглавлял союз промышленников (Национальное развитие труда) и был избран депутатом испанских Кортесов от Консервативной партии Кановаса дель Кастильо. Пока длился период Реставрации Бурбонов, когда в стране заправляла горстка влиятельных политиков, Корнет и Мас пользовался выгодами существовавшей в то время избирательной системы, пока на городских выборах в Барселоне в 1901 году не появилась Региональная Лига, которая положила конец двухпартийной системе в Каталонии. Политическая карьера Жузепа Марии на этом рухнула, однако он сохранил свое влияние во всех институтах власти. Кроме постоянного участия в общественной жизни этот человек сыграл роль приемного отца для Мажн Корнета и Масрьера, когда тот потерял своего отца, будучи мальчиком. Жузеп Мария стал не только ключевой фигурой в жизни Мажн, но и, как никто другой,

¹ SAN AGUSTÍN, Arturo: *Los 400*. Artículo publicado en *El Periódico de Catalunya*, 1/10/2009.

cientos puentes metálicos, sobre todo para el ferrocarril. Primero, desde sus talleres del Raval y la Barceloneta; y después, en Sant Andreu del Palomar. De entre sus obras más emblemáticas, firmadas por Cornet i Mas, están el Teatro del Circo de Barcelona (1869) y el mercado de El Born (1874), ambos con el arquitecto Ramon Fontserè; además del mercado de Sant Antoni (1882) con Antoni Rovira i Trias. También pertenecen a la Maquinista los mercados de la Concepció, de la Barceloneta y el de Hostafrancs, todos ellos en la ciudad condal; así como más de treinta viaductos en la línea ferroviaria entre Vic y Sant Joan de les Abadesses. Como un auténtico señor de Barcelona, al modo que los describía Josep Pla, Cornet i Mas se implicó en la vida pública defendiendo el proteccionismo y, en general, los intereses de la alta burguesía catalana. Presidió la patronal de la industria (Fomento del Trabajo Nacional) y fue elegido diputado a Cortes por el Partido Conservador de Cánovas del Castillo. Mientras duró el caciquismo de la Restauración borbónica, se benefició del pucherazo electoral hasta que apareció la Lliga Regionalista en las elecciones municipales barcelonesas de 1901 y se puso punto final al bipartidismo en Cataluña². A don Josep Maria se le había truncado la carrera política, aunque mantuvo su influencia en todas las instituciones. A parte de su perenne proyección social, también ejerció de padre adoptivo de Magí Cornet i Masriera cuando éste, de muy joven, perdió al suyo. No sólo fue un hombre crucial en la trayectoria de Magí, sino que Cornet i Mas representó como nadie el papel de gran patriarca de la saga ingenieril, un personaje cuya biografía explica y encarna toda una época.

Bajo su amplio paraguas familiar, también crecieron los sobrinos de la rama *Gaietà*, que combinaron la ingeniería industrial con un notable ramalazo artístico. De ellos destacó el primo hermano de nuestro Magí, Gaietà Cornet i Palau (1878-1945), colaborador en varios periódicos como *La Veu de Catalunya*, además de dibujante y cofundador de la revista infantil *En Patufet* y la satírica *Cu-cut!*. Más allá de esta impor-

сыграл роль патриарха целой саги инженеров; его биография объясняет нам целую эпоху и воплощает ее в себе. Под широким семейным зонтиком выросли и его племянники клана *Гайета*, которые соединяли промышленную инженерию с выдающимся художественным творчеством. Среди них выделялся двоюродный брат нашего Мажн, Гайета Корнет и Палау (1878-1945), который сотрудничал к таких газетах, как *Голос Каталонии*, и, кроме того, был одним из создателей детского журнала *Патифет* и сатирического издания *Ку-кут!* и иллюстрировал их. Одновременно с этой важной культурной деятельностью этот журналист и карикатурист продолжал семейную традицию и работал инженером промышленного и гражданского строительства на «Макинисте», сочетая все эти занятия с работой профессора и директора-делегата Школы инженеров Барселоны. Таким образом, мы могли убедиться, что клан Гайета занимал важное место в культурной среде того времени. Мы еще вернемся к ним в дальнейшем, потому что их контакты в литературном мире могли оказать неоценнимую помощь во время конкурса проектов моста в Санкт-Петербурге.

Итак, нам осталось обратиться к последней ветви Корнетов, клану Мажн, из которого мы можем говорить только о герое этой истории, о Мажн Корнете и Масрьере, потому что его отец, Мажн Корнет и Мас, умер молодым, когда будущий создатель моста был еще совсем маленьким. Таким образом, мальчик Корнет и Масрьера, проживавший в районе, который мы теперь называем старым городом, посещал ту же самую школу, что и его современник Сантьяго Русиньоля, художник и писатель, один из самых ярких представителей искусства модернизма. Точно так же, как Русиньоля и художник Рамон Сазас, позднее Мажн Корнет Масрьера продолжил свое образование в Париже. Однако, в отличие от двух художников, которые по возвращении совершили настоящую революцию в каталонском мире искусства, привнеся сюда новую воздушную импрессионистическую живопись, Мажн Корнет вернулся из Франции без их божественного настроения и не знал точно, что ему делать дальше.

² VICENS VIVES, Jaume: *Espanya contemporània (1814-1953)*, Quaderns Crema, Barcelona, 2012. Pág. 147

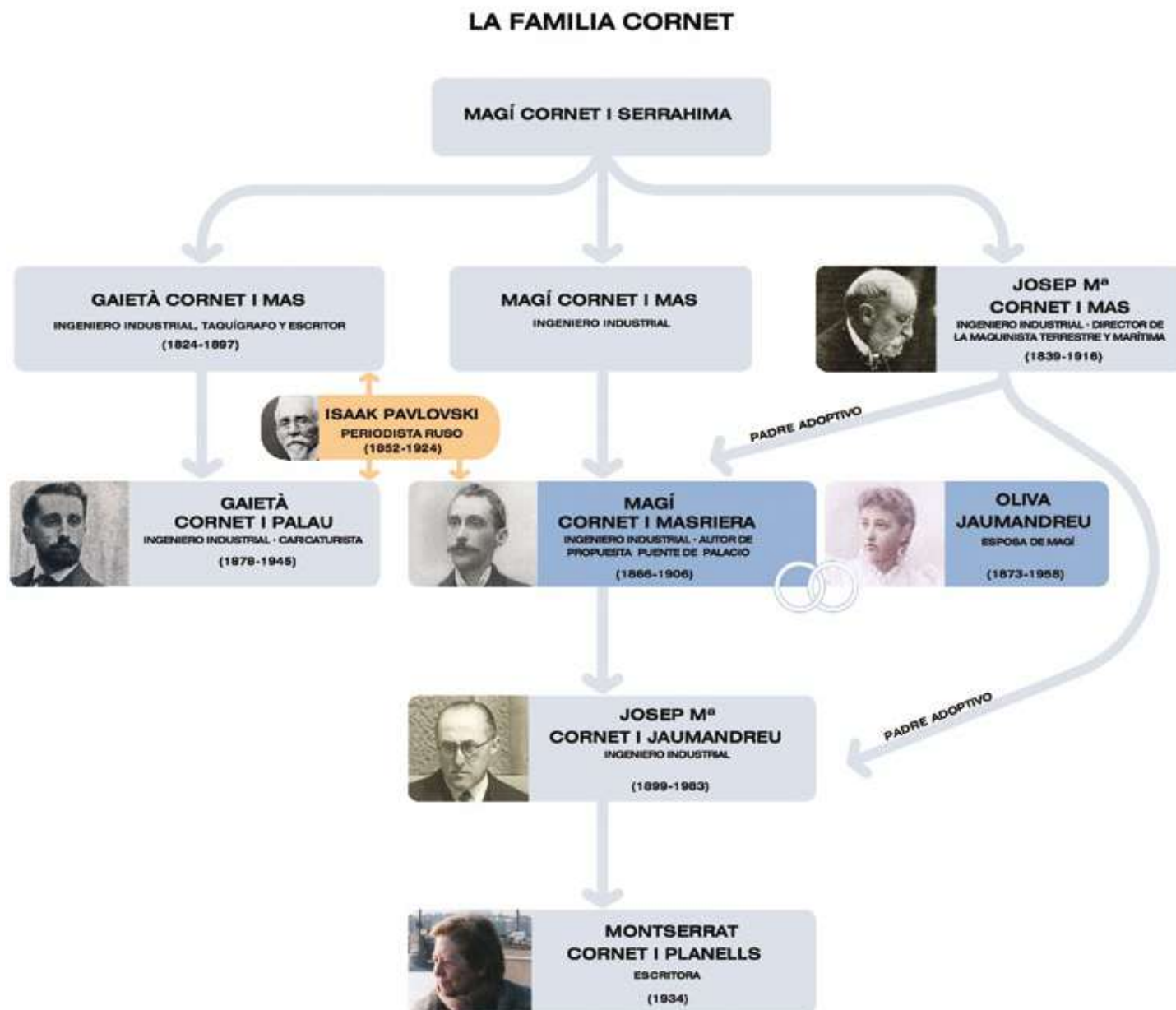
tante tarea cultural, entre periodista y caricaturista, siguió la tradición familiar como ingeniero industrial en la Maquinista, compaginándolo con el trabajo de catedrático y director delegado de la Escuela de Ingenieros de Barcelona. Vemos que los *Gaietà* ocupaban un puesto destacado en los círculos culturales del momento. De hecho, volveremos a ellos más adelante, porque sus conexiones con el mundo literario pudieron ser de gran ayuda para el concurso del puente de San Petersburgo.

Con todo, aún nos queda una última derivación de los Cornet, los *Magí*. De su estirpe sólo tenemos al protagonista de esta historia, Magí Cornet i Masriera, porque su padre, Magí Cornet i Mas, murió tempranamente cuando él era muy pequeño. Así es que el niño Cornet i Masriera, vecino de lo que hoy llamamos Ciutat Vella, acudió a la misma escuela que su contemporáneo Santiago Rusiñol, pintor, escritor y artista modernista por excelencia. Al igual que él y el pintor Ramon Casas, pasará más adelante una temporada de formación en París. Pero a diferencia de Casas y Rusiñol, que al volver revolucionarían el panorama artístico catalán con su pintura impresionista y vaporosa; Magí Cornet llegó de Francia sin sus tintes bohemios ni un futuro claro. Disfrutaba como ellos de un colchón familiar que le permitió deshojar varias margaritas, antes de tomar una decisión trascendental. De hecho, había empezado Ciencias Exactas, Físicas y Naturales en Barcelona, pero en breve se dio cuenta que aquello no era lo suyo. Al año siguiente, abandonó estos estudios e ingresó en la Escuela Especial de Ingenieros Industriales. La institución que, a lo largo de la historia, consiguió reunir a más primos y tíos Cornet, después de la Maquinista, la misa dominical y la mesa de Navidad.

Por entonces, Barcelona estaba plenamente entregada a la deconstrucción de la fortaleza militar de la Ciutadella, símbolo de la opresión borbónica. Fue levantada por Felipe V para controlar la ciudad, que había derrotado el 11 de setiembre de 1714 en la Guerra de Sucesión española. Más de ciento cincuenta años después, la capital catalana había recuperado riqueza, orgullo y el vigor necesario para sepultar el pasado bajo un manto de cosmopolitismo. Mientras Magí Cornet

Так же, как и оба художника, Мажи мог рассчитывать на поддержку семьи, что позволило ему некоторое время гадать на кофейной гуще прежде, чем принять судьбоносное решение. По правде сказать, он начал изучать точные и естественные науки и физику в Барселонском университете, но в скором времени понял, что эти материи были не для него. В следующем году он оставил университет и поступил в Школу инженеров промышленного и гражданского строительства. Этому учреждению, на протяжении его истории, удалось собрать самое большое количество двоюродных братьев и дядей Корнетов, если не считать «Макинисты», воскресной службы и рождественского застолья.

В то время Барселона была всецело занята разбором стен военной крепости Сьюдаделья, символа бурбонского гнета. Ее построили при Филиппе V чтобы осуществлять контроль над городом, который этот король покорил 11 сентября 1714 года в ходе Войны за испанское наследство. Более ста пятидесяти лет спустя столица Каталонии восстановила свое богатство, гордость и силу, необходимую для того, чтобы погрести прошлое под слоем космополитизма. Пока Мажи Корнет проходил свой курс обучения в Школе инженеров (1886-1889) неподалеку от своего дома на улице Принцесса, ему пришлось привыкнуть к суете городского строительства. Поблизости от Школы его дядя Корнет и Мас поднимал здание рынка Борн, а на берегу моря обустранивали проспект. В те годы в конце Рамблы воздвигли другой символ Барселоны: памятник Колумбу. Мэр города Рнус и Таулет с восторгом говорил, что это строится будущее, по мере того, как сносили бастионы, перелопачивали тонны земли и рыли множество канав для городских коммуникаций в новых районах. Дело в том, что там, где сейчас находится парк Сьюдаделья и Парламент Каталонии задумывался новый и недолговечный город, который должен был принять Международную выставку 1888 года. Мажи пережил это событие изнутри, как непосредственно близкое, потому что несколько его дядь занимали высокие должности в организационном комитете.



cursaba sus estudios en la Escuela de Ingenieros (1886-1889), a pocos metros de su casa de la calle Princesa, se acostumbró al ajetreo de las obras públicas. Bien cerca, su tío Cornet i Mas levantaba el Mercado del Born y, junto al mar, se urbanizaba el paseo Marítimo. En aquellos años, al final de las Ramblas también se erigiría otro símbolo barcelonés: la estatua de Colón. Estaban construyendo el futuro, se decía entusiasmado el alcalde Rius y Taulet, a medida que se demolían los baluartes, se removían toneladas de tierra y se empezó una masiva excavación de zanjas para la nueva urbanización prevista. Y es que donde está el actual parque de la Ciutadella y el Parlament de Catalunya, se estaba replanteando una ciudad nueva y efímera, que debería acoger el futuro recinto de la Exposición Universal del 1888. Magí la vivió de cerca y desde dentro, porque varios de sus tíos estuvieron en la melé organizativa con altos cargos. Hablamos de un gran evento internacional, que sentó las bases de la Barcelona moderna y que, además, dio el pistoletazo de salida al movimiento modernista. Todavía embrionario y no muy visible en sus edificios de cartón piedra, sería protagonista y cosecharía grandes éxitos en las décadas futuras.

Fueron los años en que hubo un constante goteo demográfico desde los barrios de la Ribera y del casco antiguo hacia la nueva Barcelona. En un clima de prosperidad industrial y de revitalización agraria por la filoxera en Francia, muchos ciudadanos se mudaron al Eixample en construcción. Al principio se ocupó preferentemente la antigua carretera hacia la villa de Gràcia, actualmente el paseo más lujoso de la ciudad, que empezó a llenarse de restaurantes, teatros y fuentes. Los barceloneses, tentados por un clima templado y liberando su irrefrenable tendencia a lo festivo, disfrutaron de los nuevos jardines públicos que contaban con un lago artificial. También se divertían en el polígono de tiro de pistola, subiéndose a los tirovivos y, especialmente, alucinaron con unas inéditas montañas rusas, las primeras de la ciudad. Todo ello, por cierto, situado en un barrio de nuevo cuño más allá del antiguo perímetro de las murallas. Creado por uno de los mayores ingenieros del país, Ildefons Cerdà, cuyo proyecto fue impuesto desde el Gobierno

Речь шла о крупном международном событии, которое заложило основы современной Барселоны и дало сигнал к началу развития модернистского движения. Пока что оно находилось в зачаточном состоянии, и элементы этого стиля трудно было разглядеть на фасадах временных зданий выставки, но в последующие десятилетия ему предстояло занять ведущие позиции и добиться больших успехов.

На протяжении тех лет наметилась новая демографическая тенденция: жители покидали район Риберы и старый город и переселялись в новую Барселону. В обстановке развития промышленности и оживления сельского хозяйства в связи с появлением филлоксеры во Франции многие горожане переехали в строящийся район Эйшамплы. Сначала дома вырастали предпочтительно вдоль старой дороги, которая вела в городок Грасия, превратившейся сегодня в самый роскошный проспект города. Там стали быстро появляться театры, рестораны и фонтаны. Барселонцы, поддаваясь искушению теплого климата и отдавая должное своей природной склонности к праздникам, наслаждались новыми городскими садами, открытыми для публики, где было даже искусственное озеро. Кроме того, они развлекались в тире, где можно было стрелять из пистолетов, катались на каруселях и, особенно, поражались невиданным раньше в городе американским горкам. Все эти чудеса, кстати, находились в только что отстроенном районе, вне периметра старых городских стен. Этот район был создан по проекту одного из ведущих инженеров страны Ильдефонса Серда. Правительство вынудило мэрию принять его проект, хотя городские власти предпочитали радиальный вариант района, предложенный Ровирой и Триасом. Сегодня практически все признают, что это был правильный выбор. Как бы то ни было, постепенно барселонская равнина начала заполняться квадратными кварталами домов, словно это был открытый в сторону моря амфитеатр, где устраивались все новые и новые зрители. Рост города и железных дорог также закреплял рисунок старых трактов, которые соединяли такие уже давно существовавшие населенные пункты, как Сарья,

al Ayuntamiento, que había elegido el ensanche radial de Rovira i Trias. Ahora casi todos reconocen que fue una excelente elección. Sea como fuera, poco a poco el llano barcelonés iría rellenándose con las nuevas cuadrículas de casas, como un anfiteatro abierto al mar al cual no paraban de llegar espectadores. El crecimiento urbanístico y ferroviario solidificaba, también influenciado por las llamadas carreteras de la Junta, los antiguos caminos carreteros que unían los distintos núcleos como Sarrià, Gràcia o Sant Martí de Provençals con Barcelona, Francia o Madrid.

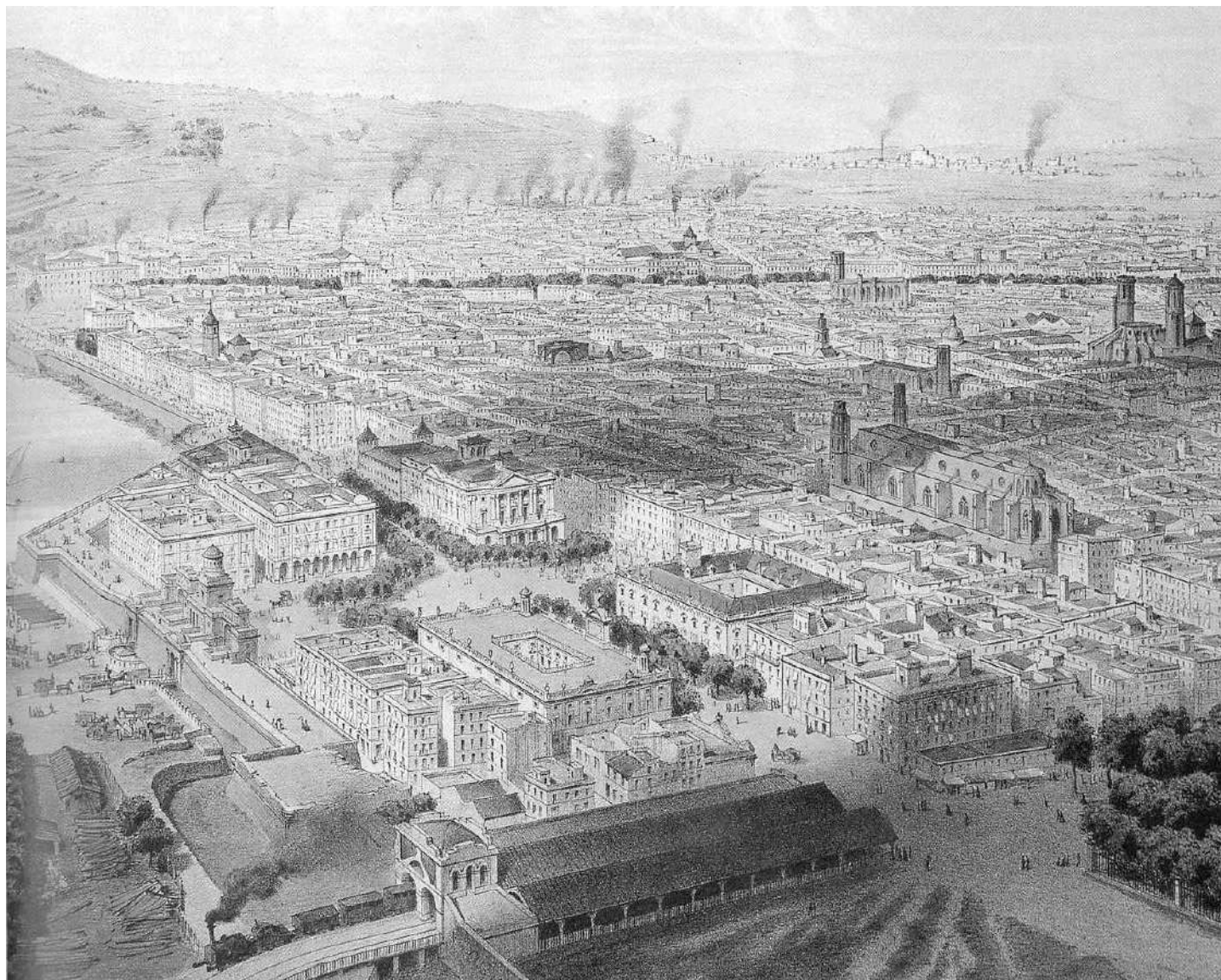
Cuenta Montserrat Cornet que se pasó muchas mañanas en el *Arxiu Històric de la Ciutat* de Barcelona, en la Casa de l'Ardiaca. Allí recopilaba los trozos de vida de Magí Cornet, que estaban dispersos entre la revista Tecnológico-Industrial del Colegio de Ingenieros y demás noticias y necrológicas de la época. Pero entre su tesoro hecho de documentos y artículos, que entrega sin reparos a todos los que nos interesamos por él, aprovecha para recorrer los escenarios más personales de su abuelo. Hace ya algunas décadas, con la complicidad de su abuela Oliva, pudo reconstruir las tardes que éste pasó festejándola, azucarados entre la Pastelería Masana de la calle Ferran y la Horchatería Valenciana en Aribau. Algunos son recuerdos impagables, como aquellos de los días de concierto en el Palau de la Música y las veladas en el Gran Teatre del Liceu, que alternaba la suntuosidad de las divas de la Ópera con el frenesí de las bombas anarquistas. Todavía no se conocían, pero ambos coincidieron en el teatro una de las noches de más sangre y lágrimas. Ella estaba en platea, donde cayeron dos bombas Orsini, mientras que él sufrió la explosión desde más arriba. Años después se conocerían, festejarían por los locales de moda hasta casarse y formar una familia. Pero aquel siete de noviembre de 1893, en la inauguración de la temporada de ópera, se habían salvado del atentado anarquista en plena representación de Guillermo Tell. Allí Magí Cornet ya nos anticipó su involuntaria propensión a una vida al límite.

Otros también vivieron al límite, aunque fuera a regañadientes,

Грасия или Сант Марти де Провенсальс с Барселоной, Францией или Мадридом, чему способствовали также планы так называемых шоссе Хунты.

Монтсеррат Корнет рассказывает, что провела много утренних часов в Историческом Архиве города, в Доме Архидиакона. Там она собирала крупицы жизни Мажи Корнета, разбросанные по страницам журнала «Технология и Индустрия» ассоциации инженеров промышленного и гражданского строительства, по различным статьям и некрологам той эпохи. Среди ее сокровищ, которыми она щедро делится со всеми, кто, как мы, интересуется этой темой, кроме документов и статей есть и более личные воспоминания о жизни ее деда. Уже несколько десятилетий тому назад, благодаря помощи своей бабушки, Монтсеррат смогла восстановить вечера, когда молодой Мажи ухаживал за Оливой, и они проводили сладкие часы в кондитерских «Масана» на улице Ферран и «Валенсиана» на улице Арибау, которая славилась своим оршадом. Некоторые из этих набросков бесценны, как, например, дни концертов во Дворце Музыки или вечера в Большом Театре Лисеу, где чувственные трели оперных див чередовались с лихорадкой анархистских бомб. Мажи и его будущая жена еще не были знакомы, но оба оказались в театре в тот вечер, когда пролилось больше всего крови и слез. Она сидела в партере, куда упали бомбы Орсини, а он пережил взрыв, находясь на одном из ярусов. Несколько лет спустя им предстоит познакомиться, он начнет ухаживать за ней и приглашать ее в модные кафе, потом они пожениются, и у них родятся дети. Но в тот день, седьмого ноября 1893 года, когда открывался оперный сезон, оба спаслись во время покушения, организованного анархистами во время представления «Вильгельма Теля». Там уже проявилась прирожденная склонность Мажи Корнета жить на грани возможного.

Были и другие люди в городе, которые жили на грани возможного, хотя и не по собственному желанию. Это был рабочий люд Равалья, Барселонеты и других пролетарских районов, чье существование было безрадостным, если



Barcelona en 1856, con la estación de Francia en primer plano.

Барселона в 1856 году с Французским вокзалом на первом плане.

en el Raval, en la Barceloneta y demás barrios proletarios. Y es que todo era penoso en la existencia del obrero, cuya pitanza más alegre consistía en un trozo de pan con bacalao frito o alguna sardina en vinagre. Esto pasaba en los días buenos; en los más aciagos, morían en tropel por alguna epidemia de cólera, difteria, tifus o rabia, validando las estadísticas que cifraban la esperanza de vida del barcelonés de 1900 en menos de 35 años. Esta situación social deplorable fue denunciada entre otros por Pere García Faria, el ingeniero del subsuelo, que completó la ciudad visible de Cerdà con su fundamental proyecto de saneamiento y alcantarillado. García Faria fue su heredero intelectual, socialista utópico y un hombre fundamental en la práctica urbana higienista. Si el Eixample le debe la mitad de su éxito, también tuvo la sensibilidad de interesarse por las condiciones de la vivienda obrera. Ante el silencio de muchos, él levantó la voz para evidenciar sus vergüenzas, redactando un informe taxativo: *...pisos de mezquina altura (...) que se fraccionan en piezas pequeñísimas, en las cuales el cubo de aire respirable es de todo punto insuficiente (...) la familia humana se rebaja al punto de confeccionar los alimentos en la propia habitación en que deposita sus heces (...) quedé sorprendido de que la vida humana pudiera siquiera desarrollarse en tan detestables condiciones.*

Subiendo de los bajo fondos, vemos que pasaron muchas cosas en 1902, el año que cambió la vida a Magí Cornet i Masriera. Presidía un gobierno erosionado el conservador Francisco Silvela y empezó el reinado de Alfonso XIII, finalizando la regencia de su madre María Cristina. Surgió con fuerza el discurso regeneracionista y seguía el ascenso imparable del catalanismo. En este contexto, el sistema caciquil de la Restauración borbónica se mantenía a duras penas en una España empobrecida, noqueada por la pérdida de Cuba y de las últimas colonias de ultramar. La crisis económica y las inhumanas condiciones de vida de gran parte de la población urbana era el caldo de cultivo ideal para las frecuentes y novelescas bullangas de Barcelona. Esta capital del anarquismo se habituó a los actos terroristas y a las explosiones de rabia y odio, espontáneas y muchas veces sin doctrinas, contra los responsables o enemigos seculares del

no considerar pequeños disfrutes en forma de trozo de pan con trozo de pescado o trozo de sardina. Pero esto sucedía sólo en algunos felices momentos, cuando llegaban los malos días, decenas y cientos de desafortunados morían de epidemias de cólera, difteria, tifo o escarlatina. De esta manera, ellos justificaban la estadística, de acuerdo a la cual el promedio de la duración de la vida de los barceloneses no llegaba ni siquiera a 35 años. Esta más pesada situación social planteaba problemas que muchos veían, y entre ellos – Pere Garçia Faria, ingeniero de alcantarillas de las comunicaciones subterráneas. Él completó el plan de la ciudad visible, diseñado por Ildefonso Cerda, con su fundamental proyecto de saneamiento y saneamiento. Garçia Faria fue el intelectual heredero del creador de los nuevos barrios de Barcelona, utópico socialista y uno de los fundadores de los proyectos de saneamiento en la construcción urbana. Si el Eixample le debe la mitad de su éxito, también tuvo la sensibilidad de interesarse por las condiciones de la vivienda obrera. Ante el silencio de muchos, él levantó la voz para evidenciar sus vergüenzas, redactando un informe taxativo: *...pisos de mezquina altura (...) que se fraccionan en piezas pequeñísimas, en las cuales el cubo de aire respirable es de todo punto insuficiente (...) la familia humana se rebaja al punto de confeccionar los alimentos en la propia habitación en que deposita sus heces (...) quedé sorprendido de que la vida humana pudiera siquiera desarrollarse en tan detestables condiciones.*

Si nosotros subimos ahora desde el fondo de la sociedad, veremos que en 1902, el año que cambió la vida de Magí Cornet i Masriera. Presidía un gobierno erosionado el conservador Francisco Silvela, y comenzó el reinado de Alfonso XIII, finalizando la regencia de su madre María Cristina. Surgió con fuerza el discurso regeneracionista y seguía el ascenso imparable del catalanismo. En este contexto, el sistema caciquil de la Restauración borbónica se mantenía a duras penas en una España empobrecida, noqueada por la pérdida de Cuba y de las últimas colonias de ultramar. La crisis económica y las inhumanas condiciones de vida de gran parte de la población urbana era el caldo de cultivo ideal para las frecuentes y novelescas bullangas de Barcelona. Esta capital del anarquismo se habituó a los actos terroristas y a las explosiones de rabia y odio, espontáneas y muchas veces sin doctrinas, contra los responsables o enemigos seculares del



Recinto de la Exposición Universal de 1888 en parque de la Ciutadella.
Павильоны Международной выставки 1888 года в парке Сьюдадела.

pueblo. Primero, la diana estaba en el clero y las fuerzas del orden, después llegarían los patronos. Muchos de sus participantes soñaron con el regicidio, como pasó en San Petersburgo con el zar Alejandro II (1881); en Vizcaya con presidente del gobierno Cánovas del Castillo (1897) o en Estados Unidos con el presidente Mc Kinley (1901). Era un fenómeno global, antes de la globalización, que agermanaba España y Rusia con los otros pueblos más o menos industrializados. En medio de lo que se llamó la ciudad de las bombas, los episodios de huelgas y protesta social se encadenaron con más frecuencia. Una de las más sonadas fue la del sector metalúrgico en el mismo 1902, donde la Maquinista Terrestre y Marítima tuvo un papel destacado. Era una de las principales empresas del sector y sus empleados, aunque tarde y de forma moderada, se unieron a las reclamaciones de la jornada laboral de ocho horas. Según la versión de los propios trabajadores, en la Maquinista los sueldos eran relativamente superiores a los de otras empresas y la esta-

нечеловеческие условия жизни большей части городского населения являлись идеальной питательной средой для частых и довольно живописных беспорядков в Барселоне. Эта столица анархизма привыкла к террористическим актам и взрывам гнева и ненависти, которые очень часто не имели никакой теоретической основы и возникали спонтанно. Мишенью их становились ответственные за народные несчастья или извечные враги народа: сначала – церковники и служители порядка, а потом и предприниматели. Многие из участников этих мятежей мечтали убить короля или главу правительства, по примеру покушений на Александра II в Петербурге (1881), на президента правительства Кановаса дель Кастильо в Бискае (1897) или на президента Мак-Кинли в Соединенных Штатах Америки (1901). Это явление тогда было глобальным, задолго до эпохи глобализации, и роднило Испанию и Россию с другими более или менее промышленно-развитыми странами. В Барселоне, которую называли городом бомб, участились эпизоды стачек и общественных протестов. Одним из самых важных событий стала забастовка металлургических предприятий в 1902 году, в которой «Макиниста: машины для суши и моря» сыграла выдающуюся роль. Предприятие было в то время одним из самых крупных в отрасли, и его работники, хотя и поздно, и не очень активно, поддержали требование восьмичасового рабочего дня. По свидетельствам самих рабочих «Макинисты», их зарплаты были выше, чем на других предприятиях, а условия труда – более стабильными. Существовавшее в то время трудовое законодательство, хотя и очень несовершенное, соблюдалось, и дирекция предприятия стремилась к тому, чтобы работники гордились своей принадлежностью к нему и добросовестным трудом. Эта ситуация вела к тому, что рабочие предприятия «Макиниста: машины для суши и моря», хотя и не имели исключительных привилегий, часто отказывались поддерживать стачечные движения в городе. Как мы уже говорили, 1902 год стал переломным в судьбе молодого Корнета, хотя эта революция и не имела ничего

bilidad laboral era mayor. Se cumplía la legislación social de la época, aunque fuera de mínimos, y su organización cultivaba el orgullo de pertenencia y del trabajo bien hecho. Toda esta situación hizo que los trabajadores de la Maquinista Terrestre y Marítima, sin ser unos privilegiados, a menudo se negaran a apoyar los movimientos huelguistas de la ciudad.

Decíamos que 1902 fue un punto de inflexión en la vida del joven Cornet, una revolución que no llevaba la impronta ácrata de las calles barcelonesas, sino un aire totalmente aristocrático, que venía de un país lejano y extraño. Como Jefe de la Sección de Puentes de la Maquinista, se enteró que el Ayuntamiento de San Petersburgo había convocado un concurso de ideas para la construcción del nuevo *Puente fijo titulado del Palacio sobre el Gran Nava*. La nueva estructura se situaría entre el Palacio de Invierno y el trascendental edificio del Almirantazgo, cuya aguja marca el centro de gravedad de la ciudad y es punto de fuga de todas sus perspectivas. La situación del proyecto era inmejorable, un caramelo irrepetible. El puente de Palacio conectaría la plaza de Invierno con la isla de Vasilevsky, en su zona de la Strelka, delante del edificio de la Bolsa. Aunque Magí no había estado nunca en San Petersburgo, valoró el nivel y la exclusividad de la convocatoria. Como una pequeña travesura, incluso fantaseó con la posibilidad de presentar su propuesta, pero rápidamente vio que aquello era a todas luces demasiado grande, muy difícil. El instinto le pedía algo tan desaforado e irracional, que su cabeza no se cansaba de repetirle que no lo debería hacer.

Pero a un Cornet como él, perteneciente a la rama de los *Magí*, la más rebelde, nunca se le debía decir aquello que no podía hacer, porque entonces se producía el efecto contrario. A sus treinta y seis años, ambicioso y aventurero, el joven ingeniero dominaba como nadie las leyes de Newton, sintiendo especial predilección por el principio de acción-reacción. En este caso la acción pudo empezar, como dice Montse Cornet, en las oficinas que la Maquinista Terrestre y Marítima. Allí su abuelo se enteró de la convocatoria del concurso y, antes de empezar a trabajar en él, le pidió a Josep Maria Cornet i Mas, su jefe y además director de la compañía, si desde la Maquinista

общего с анархическим движением на Барселонских улицах, а была навеяна аристократическими ветрами из далекой северной страны. Будучи Начальником отдела мостов «Макинисть», он узнал о том, что городская Дума Санкт-Петербурга созвала конкурс проектов строительства нового *Стационарного моста под названием Дворцовый на Большой Неве*. Это сооружение должно было расположиться между Зимним дворцом и непревзойденным по своей значимости зданием Адмиралтейства, чья золотая игла отмечает центр тяжести города, от которого расходятся его главные проспекты. Для будущего сооружения нельзя было выбрать лучшего места, такая завидная возможность, скорее всего, больше уже не представится. Дворцовому мосту предстояло соединить площадь перед Зимним с Васильевским островом, в районе его Стрелки, перед зданием Биржи. Хотя Мажи никогда не бывал в Петербурге, он правильно оценил уровень задачи и исключительность этого конкурса. Как шаловливый мальчишка, он даже помечтал немного о возможности представить свой проект, но очень скоро увидел, что задача эта превышала все его разумные возможности и была слишком сложной. Душа инженера просила о такой невероятной затее, что его голова беспрестанно должна была повторять ему, что он не должен поддаваться своему инстинкту.

Но одному из Корнетов клана Мажи, этой самой непокорной ветви большой семьи, каковым являлся наш герой, никогда нельзя было запрещать что-либо делать, ибо это вызывало обратный эффект. В свои тридцать шесть лет этот самолюбивый любитель приключений, как никто другой знал законы Ньютона, и ему особенно нравился тот, который гласил: сила действия равна силе противодействия. В этом случае действие могло начаться, по словам Монтсе Корнет в кабинетах предприятия «Макиниста: машины для суши и моря». Там ее дед узнал о созыве конкурса и до начала подготовки проекта спросил Жузепа Марии Корнета и Маса, своего прямого начальника и, одновременно, директора фирмы, собирается ли «Макиниста» представлять свой проект в мэрию Санкт-Петербурга. В качестве ведущего испанского

presentarían una propuesta al Ayuntamiento de San Petersburgo. Como principal empresa española de construcciones metálicas, tenía acceso a las bases de muchos concursos que, periódicamente, se publicaban tanto en España como en el extranjero. Las del puente de Palacio, Magí se las había estudiado a fondo. No habría muchas oportunidades como aquella, concluyó: la capital del Imperio ruso era una de las ciudades más bellas del mundo; el Ayuntamiento pretendía construir una obra emblemática, en sintonía con la majestuosidad del entorno, y su céntrica posición ciudadana garantizaría que el puente se convertiría en un elemento icónico. Quizás como el de Alejandro III en París, que fue un regalo del emperador ruso a Francia, en motivo de la Exposición Universal de la capital francesa en 1900. Sabemos, por lo que el joven ingeniero escribió en la Revista Tecnológico-industrial, que este proyecto fue estudiado a la hora de plantear el suyo, aún siendo muy diferentes. A pesar de la ilusión que sentía, Magí no era un ingenuo, ni su entusiasmo tan temerario hasta el punto de no prever la colisión contra la realidad del momento.

Afuera, los obreros manifestándose en las trincheras por la jornada de ocho horas y su sobrino soñando con delirios rusos, pensó el tío Cornet i Mas. Le pareció mentira que, a su edad, pudiera tener tan poco *seny* viendo la que estaba cayendo. Las bullangas y la tensión en las calles estaban destrozando los nervios a la patronal. Los empresarios sufrían la crisis económica poscolonial y una de las huelgas más importantes de los últimos años. El descontento, aquella vez, afectaba directamente al sector metalúrgico barcelonés y, Magí, que era una pieza fundamental en su engranaje ingenieril, pretendía salir por la otra puerta a luchar contra los molinos. Como si hubiera olvidado su responsabilidad de Jefe de Puentes de la Maquinista, que lo era para toda España y que, por lo tanto, debiera dosificar su tiempo como si fuera oro. En vez de pensar en San Petersburgo, hubiera tenido que ceñirse al control de los proyectos y las obras de los viaductos en curso durante aquellos meses: el que cruzaba el río Nalón para el Ferrocarril Vasco-Asturiano, el puente sobre el Aragón a la altura de

предприятия по производству металлических конструкций, фирма имела доступ к условиям многих конкурсов, которые периодически публиковались как в Испании, так и за границей. Условия конкурса, посвященного Дворцовому мосту, Мажи изучил от корки до корки и заключил, что это была исключительная возможность. С одной стороны, столица Российской империи была одним из красивейших городов мира; с другой, петербургская Дума хотела построить выдающееся сооружение в соответствии с величественным окружением. И наконец, центральное положение в городе неминуемо превращало мост в один из символов города. Возможно, его ждала судьба моста Александра III в Париже, который был подарком Франции от российского императора в связи с Международной выставкой, которая проходила во французской столице в 1900 году. Мы знаем, что молодой инженер написал в журнале «Технология и Индустрия», что он внимательно изучил этот проект при разработке своего предложения, несмотря на большую разницу между этими работами. Несмотря на вдохновение и радость, Мажи не был наивным человеком, и его энтузиазм не заглушал в нем способности предвидеть столкновение с реальностью той эпохи.

За стенами кабинетов рабочие выходят на демонстрации и поднимают баррикады, ведя борьбу за восьмичасовой рабочий день, а мой племянник бредит какими-то русскими миражами, - думал дядя молодого инженера, Корнет и Мас. Ему казалось невероятным, что Мажи в этом возрасте настолько лишился здравого смысла при том, что происходило вокруг. Беспорядки и столкновения на улицах выводили предпринимателей из себя. Владелец предприятий приходилось одновременно терпеть последствия постколониального кризиса и одну из самых крупных забастовок последних лет. Недовольство на этот раз охватило непосредственно металлургическую отрасль, а тут Мажи, представлявший собой важнейший элемент инженерной машины, вдруг собрался бросить все и отправится сражаться с ветряными мельницами. Неужели

Carcastillo, en Navarra; o tal vez el del río Manzanares, para la compañía de Ferrocarriles de Madrid a Zaragoza y Alicante³. Sin embargo, este rebelde querido, a la par sobrino e hijo adoptivo, andaba pensando en las musarañas zaristas. No lo podía permitir; faltaría más. La Maquinista no se presentaría a ningún concurso en San Petersburgo. Una ciudad que, vista desde el Mediterráneo, casi no cabía en la encuadernación del mapa europeo. No sería de otra forma, sentenció don Josep Maria Cornet i Mas, no se les había perdido nada en Rusia.

Para intentar aclarar lo que realmente pasó, volvamos ahora a nuestros días y desplacémonos a la parte alta de la barcelonesa calle Aribau, en casa de Montserrat Cornet. Había demasiados cabos sueltos en la historia. Tenía que contrastar datos con Montse y hacerle algunas preguntas. Quedamos en vernos y como a ella le resultaba más cómodo que la visitara en casa, tuve ocasión de conocerla en su entorno y de que charláramos varias veces junto a su compañero Ricard. Un bibliófilo políglota, maquetista de trenes y experto en la segunda guerra mundial, que merecería capítulo aparte.

Cuanto más sabía de Montse, que a sus ochenta años era la revolución, más se reafirmaba mi teoría sobre el carácter intrínseco de los Cornet: ella empezó a trabajar cuando su marido le dijo que no lo hiciera; se hizo un hueco en el mundo laboral doblando el hostil recibimiento de los machistas; y se separó cuando todavía nadie se atrevía. Después de pasarlo muy mal, consiguió recomponerse como escritora y profesional. Hasta hoy ha publicado muchos libros, que esencialmente son trozos de su vida y que vende en su página web. Ha ganado premios literarios e incluso llegó a escribir y a producir teatro con gran éxito de público y crítica.

Nos ha costado sentarnos, porque su casa es una condensación de estímulos, como un museo-librería con múltiples descubrimientos. En el recibidor tiene perfectamente clasificados todos sus libros, en catalán y castellano, incluso algunos traducidos al

³ Todos ellos son proyectos de la Maquinista, Terrestre y Marítima desarrolló en aquellos años y que se pueden consultar en el Fondo histórico de la Maquinista en el Arxiu Nacional de Catalunya (ANC) en Sant Cugat del Vallès (Barcelona).

он забыл о своих обязанностях Начальника отдела мостов «Макинисты», который отвечал за все работы, ведущиеся в Испании, а потому должен был беречь каждую минуту своего золотого времени. Вместо того, чтобы мечтать о Санкт-Петербурге, в ближайшие месяцы ему надо сосредоточиться на проектах и на текущих работах по строительству мостов: через реку Налон, по которому пройдет железная дорога Страна Басков-Астурия; через Арагон в районе Каркастильо, в Наварре; или через Мансанарес для Железнодорожной компании, которая вела линии из Мадрида в Сарагосу и Аликанте¹. И однако, этот его дорогой мятежник, одновременно племянник и приемный сын, считает ворон и презит о каких-то царских выдумках. Он этого не мог допустить; только таких глупостей ему и не хватало. «Макиниста» не будет готовить проектов для конкурса в Санкт-Петербурге. Этот город, если смотреть с берегов Средиземного моря, даже и не уместится на карте Европы. Не о чем тут разговаривать, - вынес свой приговор Жузеп Мария Корнет и Мас, - они ничего не потеряли в этой России.

Попытаемся прояснить, что же произошло в те дни на самом деле, и перенесемся в наши дни в квартиру в верхней части улицы Арибау, где живет Монтсеррат Корнет. В этой истории для меня было слишком много непонятного, и я должен был сравнить свою информацию с документами Монтсе и задать ей несколько вопросов. Мы договорились встретиться, и поскольку ей было удобнее пригласить меня в гости, я получил возможность увидеть ее в домашней обстановке и побеседовать спокойно с ней и с ее спутником жизни, Рикардом. Этот человек – библиофил-полиглот, создатель макетов поездов и эксперт в вопросах Второй мировой войны – заслуживает отдельной главы.

Чем ближе я знакомился с Монтсе, которая в свои восемьдесят

¹ Все эти проекты предприятие «Макиниста: машины для суши и моря» разрабатывало в то время, и всю документацию по ним можно просмотреть в Историческом фонде «Макинисты» в Национальном Архиве Каталонии (НАК) в г. Сан Кутат дель Вальес (провинция Барселона).

polaco y al ruso. Después, avanzamos poco para contemplar las deliciosas maquetas ferroviarias de Ricard. Ya en el salón, me ofreció café y repasamos fotografías de un joven Magí Cornet. Hablábamos de sus viajes a San Petersburgo para conocer el puente. Ahora está contenta porque recientemente le han llamado de la Universidad de Zaragoza interesándose por la figura de su abuelo. Parece que, poco a poco, va saliendo de una larga clandestinidad. Pero en este renacer, todavía resonaba el *no, no y no* del tío Cornet al nieto Magí, que se debió quedar tan baldado como si una de las locomotoras de la empresa le hubiese pasado por encima. Al preguntarle por la actitud que la Maquinista tuvo con él, en relación al concurso del Puente de Palacio, Montse lo tiene clarísimo. Frunce el ceño como pocas veces y, siempre que esto pasa, es porque algo clama al cielo.

— ¡Pero qué se han creído! ¡Cómo le pudieron hacer esto a l'avi Magí! —Me suelta al poco de habernos sentado, rodeados de papeles. Creo que no perdonará nunca a la empresa, ni a su lejano patriarca Cornet i Mas, haber dejado tan solo a su abuelo ante el reto que éste se proponía.

— Su tío le dijo (a Magí) que tenía un hijo pequeño (el padre de Montse) y suficientes obligaciones con el día a día en la Maquinista, como para perder el tiempo en un trabajo que sólo le daría disgustos. —Un concurso, resumió ella, que para el director de la empresa era imposible ganar y que no merecía la pena ni intentar.

Y al igual que después de la tormenta llega la calma, ahora nos sirve la célebre frase atribuida a Einstein, adaptada a Magí Cornet: *como no sabía que era imposible, lo hizo*. Quizás porque tenía la ambición de saltar del rango de ingeniero poco conocido al rango de ingeniero realmente famoso, y sabía que para ello, además de disciplina, hacía falta apostar fuerte, jugarse el tipo. O tal vez, como reto personal, sin perseguir fama ni dinero, por puro afán contestatario. En cualquier caso, todo su juego lo puso ahí, en una partida nocturna y contra jugadores desconocidos, con la única presencia de su mujer Oliva de asistente y crupier. En marzo de 1902 decidió lanzarse al concurso, que

años de neumatismo y neumatismo, тем больше убеждался в правоте моей теории о врожденном характере Корнетов. Она начала работать, когда муж запретил ей это; смогла занять свое место на службе, невзирая на неласковый прием мужчин-коллег, считавших женщин существами низшего сорта; развелась, когда еще никто не осмеливался на такое. После долгих тяжелых лет Монтсеррат смогла найти себя в работе и писательском труде. На сегодняшний день она опубликовала много книг, которые в основном показывают нам кусочки ее жизни, и которые она продает через свой личный сайт. Эта женщина не раз получала литературные премии и даже написала несколько пьес, которые были поставлены и имели успех у публики и критиков.

Нам стоило большого труда уссесться за стол, потому что ее дом полон самых разнообразных любопытных вещей, точно музей или книжная лавка, где ты все время совершаешь открытия. В прихожей лежат в идеальном порядке все ее книги на каталанском и на испанском языках; некоторые из них даже переведены на польский и на русский. Потом мы проходим по коридору и пользуемся возможностью полюбоваться макетами железных дорог Рикарда. Наконец, в гостиной Монтсе угощает меня кофе, и мы просматриваем фотографии молодого Мажи Корнета и говорим о ее поездках в Санкт Петербург чтобы увидеть знаменитый мост. Сейчас Монтсеррат рада, потому что недавно ей позвонили специалисты из Сарагосского Университета, которые заинтересовались личностью ее деда. Кажется, что постепенно он выходит на свет после долгих лет безвестности. Но даже сейчас, когда Мажи получает должное признание, ей слышится *нет, нет и нет*, сказанные дядей Корнетом своему племяннику, который, наверное, был так потрясен, словно его переехал один из паровозов, созданный на их фирме. Когда я спрашиваю Монтсеррат о том, как «Макиниста» обошлась с ее дедом, когда он предложил участвовать в конкурсе проектов Дворцового моста, она ничуть не колеблется перед тем, как ответить. Ее брови хмурятся, а это случается редко и только тогда, когда



según las bases se debía presentar el septiembre siguiente en el Ayuntamiento de San Petersburgo. Vio cómo el tiempo se consumía rápido; disponía de poco más de cinco meses y muy pequeño margen de error. Sólo podía confiar en el trabajo nocturno, en las madrugadas y los días festivos, porque ya había decidido que nadie se tenía que enterar de su propósito. De su bebé primogénito Josep Maria (el padre de Montse) se encargó exclusivamente su mujer, la única con quien compartió el secreto. Ella lo dispuso todo para que él únicamente tuviera que pensar, dibujar, escribir y calcular.

Sin duda, la abuela Oliva Jaumandreu fue la cómplice necesaria para que Magí Cornet pudiera, durante cinco meses seguidos, conjugar todos estos verbos. Los compaginó con su jornada laboral en la Maquinista y contra las irremediables ganas de descansar. Cuando lo hacía, debió ser lo mínimo imprescindible para no caer exhausto el día después. Para él era fundamental que todo se mantuviera en el más sagrado de los secretos. Nadie de la compañía se podía enterar que los días eran un trámite que daba acceso a noches interminables. Fue durísimo ocultarlo y, como afirma su nieta, en este tiempo tuvo que renunciar de alguna manera a sí mismo. Se convirtió en una especie de hombre del subsuelo. No pudo atender a la familia, a la vez que debió anular gran parte de su agenda social. Durante aquellos meses, se borró de entre los 400 que según Millet dominan –y dominaban– el cotarro barcelonés. Sobre todo, le obsesionaba que no se resintiera su rendimiento laboral y, de esta forma, no levantar suspicacias ni especulaciones entre sus compañeros. Con este panorama, nos llega una imagen casi siniestra del hombre que alteró su calendario, rebasando límites patológicos, mientras luchaba para no desfallecer. Está claro que durante ciento cincuenta días vivió cautivo de una doble vida.

Pero aunque uno ya se haga cargo de la importancia del concurso internacional al que quiso participar con todas sus fuerzas, aún y así, ¿por qué Rusia?, ¿por qué San Petersburgo?. Como todo

recuerda o se trata de una terrible injusticia.

- ¿Qué ellos tales idearon! ¿Cómo ellos se atrevieron así proceder con el abuelo Maja! – exclama ella, cuando nosotros sólo que nos sentamos a la mesa y desmenujamos papeles. Me parece, que Montse nunca no perdonará el negocio y a su lejano abuelo Cornet y Mas, que ellos no ofrecieron ninguna ayuda a su abuelo, que se iba a lanzar a desafiar el destino.

- Su tío le dijo a él (Maja), que él tenía un niño pequeño (padre Montse) y bastante cantidad de asuntos diarios para que él perdiera tiempo en el trabajo, que no le traería nada, aparte de problemas. - Montserrat piensa, que el director del negocio pensaba, que en este concurso era imposible ganar, y por eso no valía la pena intentarlo.

Se dice, que después de la tormenta viene la calma, y nosotros citaremos una famosa frase, atribuida a Einstein, que nosotros adaptaremos al caso de Maja Cornet: *porque él no sabía, que hacer algo así era imposible, él lo hizo*. Posiblemente, Maja quería pasar de un simple ingeniero a un ingeniero mundialmente conocido, y para eso – como él perfectamente sabía – sólo disciplina era insuficiente, había que hacer un gran paso, ponerlo todo en juego. O, tal vez, él no necesitaba dinero, ni fama, y sólo quería demostrar que él podía, que él valía, después del rechazo de su tío. Como sea, por voluntad del destino él se convirtió en un jugador, que había que jugar a ciegas y contra desconocidos oponentes, contando sólo con el apoyo de su esposa Oliva, que cumplía funciones de ayudante y de gran dama. En marzo de 1902 Maja decidió participar en el concurso, y el proyecto había que presentar en el Ayuntamiento de San-Petersburgo en septiembre. Ingeniero sabía, que el tiempo pasaba muy rápido, y él tenía sólo unos pocos meses, y había que actuar con rapidez. Él tenía para el trabajo sólo las noches o los días festivos, porque él decidió, que él no debía saber nada de su proyecto. O su primera esposa Juzepe Maria (padre Montse) se preocupaba exclusivamente de Maja, la única persona viva, que compartía con él su secreto.

Montse Cornet frente del puente de Palacio.

Монтсе Корнет у Дворцового моста

en su historia, casi nada encaja a la perfección ni constituye una respuesta definitiva. Más bien todo es revisable, aunque él mismo nos aclare concretamente este punto en la Revista Tecnológico-Industrial. El destino quiso que Magí Cornet se sincerase en aquella publicación editada por la Asociación de Ingenieros Industriales de Barcelona, que precisamente había sido fundada cincuenta años antes por su tío Gaietà Cornet i Mas (1824-1897), predecesor de los *Gaietà* artistas y escritores, además de ingenieros.

Decíamos que hacia julio de 1904, el abuelo de Montse afirmó en un artículo⁴ haber tomado la decisión de presentarse porque las bases del concurso le permitían *medir las fuerzas de los ingenieros españoles comparándolos con los de las naciones más avanzadas*. Por patriotismo y orgullo, podríamos entenderlo de entrada. Pues si bien antes de cruzar la frontera ya intentó participar en algunas competiciones en España, renunció por sus condiciones especiales o falta de ecuanimidad. Avanzaba en su artículo con una fórmula de buena modestia, disculpándose *por su atrevimiento*, como si esperase una especie de redención por parte de sus colegas ingenieros. Acto seguido, hizo acopio de valor propio y admitió que la decisión fue menos visceral de lo que pueda parecernos ahora: creía estar sobradamente preparado *tras veinte años de trabajos constantes en puentes*. Nadie se lo discutió, vistos los resultados.

El puente de San Petersburgo no había sido nunca para Magí un fin en sí mismo. O como mínimo no sólo eso, sino más bien el único medio a su alcance para conseguir un objetivo todavía más trascendental: demostrarse que podía ganar, sin que el jurado se inclinara por él *por simpatía o relación*. La ecuanimidad era entonces imposible en España, o al menos esto es lo que se desprende de sus declaraciones. Cosa más que probable, puesto que vivía en el país del caciquismo institucional, de la manipulación electoral bipartidista de Cánovas y Sagasta. Si esto

⁴ Todas las expresiones o palabras en cursiva, en referencia a las opiniones de Magí o respecto al concurso, están extraídas de forma literal de los artículos que él mismo escribió en la *Revista Tecnológico-Industrial*, en sus números de marzo, julio o agosto de 1904.

Ella se la hizo así, para que el hombre pudiera sólo pensar, dibujar, escribir y llevar cálculos.

Nesomненно, бабушка Олива Жаумандреу была необходимым союзником Мажи Корнета, благодаря ей на протяжении пяти месяцев подряд он смог спрятать все эти глаголы, сочетая их с рабочим днем на предприятии и борясь с непреодолимым желанием отдохнуть. Но Мажи позволял себе только короткие минуты отдыха для того чтобы не упасть замертво на следующий день. Для него было очень важно хранить свое дело в полной тайне. Никто на предприятии не должен был знать, что дни рутины переходили потом в бесконечные ночи. Такое скрывать очень трудно, и по словам внучки Мажи, в эти месяцы ее деду пришлось, до некоторой степени, отречься от самого себя. Он превратился в затворника, живущего в подполье, не уделяя ни минуты своим домашним и практически перестал появляться в обществе. На протяжении этих месяцев он вычеркнул себя из списка тех 400, которые, по мнению Милета, управляют — и управляли — в барселонском мире. В первую очередь он заботился о том, чтобы не пострадала его работа на предприятии; таким образом, не могло возникнуть никаких подозрений или разговоров среди его товарищей по компании. Такая картина вызывает в нашем воображении почти демонический образ нашего героя. Мажи прилагал нечеловеческие усилия, напрягал все свои силы, и кажется очевидным, что на протяжении ста пятидесяти дней стал заложником двойной жизни.

Но даже если мы осознаем важность международного конкурса, в котором Мажи решил во что бы то ни стало принимать участие, почему он выбрал Россию? Почему Санкт-Петербург? Как почти все в этой истории, у нас нет окончательного ответа, между фрагментами картинка остаются белые места. Все можно пересмотреть, хотя именно эту сторону вопроса Мажи Корнет пояснил для нас в журнале «Технология и Индустрия». Судьба распорядилась так, что наш герой опубликовал свои откровения на страницах издания Ассоциации инженеров промышленного и гражданского строительства Барселоны,



Oliva Jaumandreu, la mujer de Magí. / Олива Жаумандреу, жена Мажи.

pasaba en la política de aquellos años y todos lo sabían, qué concurso no podías ganar, si además eras el hijo adoptivo de Josep Maria Cornet i Mas, tótem social y director de la Maquinista. Por esto escogió Rusia, porque tanto *las relaciones de lenguaje* como las *comerciales* entre su tierra y el país del zar Nicolás II y Vladimir Putin eran poco menos que nulas. Tampoco quería presentarse con un arquitecto, huía de ellos: los temía porque *completaban el proyecto proporcionándole la parte artística que tan magistralmente saben desarrollar*. Y entonces, se apropiaban del trabajo y se llevaban los méritos. En definitiva buscaba ganar, como ingeniero, enfrente de un jurado limpio e imparcial.

Vidas paralelas de dos Cornet ilustres, a continuación, nieta y abuelo. Montse se lanzó profesionalmente en el mundo de los seguros con una combinación imposible en los estertores

fundado cincuenta años atrás por nadie más que su tío, Gaieta Cornet y Mas (1824-1897), fundador de la rama Gaieta, que dio al mundo artistas y escritores, que al mismo tiempo eran ingenieros.

Como ya dijimos, en julio de 1904, el tío Montse afirmaba en su artículo, que había decidido participar en el concurso, porque sus condiciones le permitían *medir las fuerzas de los ingenieros españoles en comparación con las de los representantes de las naciones más desarrolladas*. Así, podemos suponer, que la causa de todo era el orgullo y el patriotismo. Pero el problema era que antes de este concurso internacional Magí ya había intentado participar en varias competiciones en España, pero luego se había retirado de esta idea por las especiales condiciones para algunos concursantes o la imposibilidad de una lucha equitativa. Él comienza su artículo, como una persona humilde, con disculpas por su *arrogante acto*, como si quisiera expiar su culpa ante sus colegas ingenieros. Después de esto él muestra orgullo y admite, que su decisión no era un paso tan loco, como parecía. Él se consideraba muy bien preparado *después de veinte años de constante trabajo en el campo de la construcción de puentes*. Nadie se le había opuesto, los resultados estaban allí.

Magí en San Petersburgo nunca había sido un fin en sí mismo. O, por lo menos, no solo quería ganar en este concurso. Más bien para él esto era una oportunidad única para lograr un objetivo más importante: demostrarle a sí mismo, que él podía ganar en condiciones, cuando el jurado no iba a tener en cuenta con respecto a él las *simpatías o relaciones*. En ese momento en España no era fácil ser independiente, como esto se deduce de sus declaraciones. Muy probablemente, así era, porque él vivía en un país de poder establecido, donde los políticos y las constantes violaciones en las elecciones en el sistema de dos partidos de Canovas y Sagasta. Si tales fenómenos ocurrían en esos años en la política, y todos sabían esto muy bien, ¿qué podía valer la victoria en cualquier concurso, si tú eras el hijo adoptivo de Josep?

del franquismo, ya lo hemos apuntado: no tenía casi contactos, era relativamente mayor y, encima, mujer. Trío de ases. Setenta años antes, en la Revista *Tecnológico-Industrial*, podemos leer que su abuelo Magí reconocía haber participado en el concurso del Puente de Palacio en *condiciones muy desventajosas*. Luchas, retos, nadadores a contracorriente. Los datos de partida para el proyecto eran tan completos y estaban tan bien presentados que el resultado de los trabajos, escribía el ingeniero, debería *estar en consonancia con forma tan lujosa que le proporcionaban desde San Petersburgo*. Además tuvo que competir con las grandes casas constructoras europeas y americanas que acudían sobre todo para obtener, en caso de premio, la construcción de la obra. También le jugaba en contra la escasez de tiempo dedicado sus *deberes ordinarios*, así como la maraña de condiciones técnicas impuestas. Había tantas limitaciones que temía *no conseguir la solución del jurado*. Por último, tenía que *ir a la lucha solo, sin ningún apoyo técnico ni económico*. Según sus propias palabras, deseaba tanto que en aquellos concursos sonara el *nombre de España*, que estaba dispuesto a todos los sacrificios. Beneficiaría su país, incluso a cuenta de su propia salud: aunque él se *perjudicase*.

Lo que no sabemos es hasta qué punto conocía la ciudad de San Petersburgo, porque a día de hoy no hay constancia que hubiera viajado allí. Si bien la atmósfera social rusa de aquellos años ya presagiaba lo que después afirmaría Trotski, uno de los principales ideólogos bolcheviques. Escribió que el zar Nicolás II no sólo había heredado un imperio, sino también una revolución. Las cifras lo explicaban sin matices. En el campo, un 1% de los terratenientes, en su mayoría nobles, poseía el 33% de las tierras; en la ciudad, los trabajadores sufrían fábricas inseguras, sueldos míseros y jornadas laborales de doce horas mínimo, con puntas de dieciséis hasta las dieciocho. Si echas las cuentas del obrero, o dormías o comías, pero el día no daba para más. Es cierto que San Petersburgo sufrió una retardada pero salvaje revolución industrial, con el trabajo infantil normalizado, pasando de 1,2 millones de habitantes en 1900 a los 2,1 diez años después. Por lo tanto, la población creció en proporción similar a las industrias, muchas de capital extranjero, que se abastecían de antiguos

Марии Корнета и Маса, ключевой фигуры общественной жизни и директора «Макинисты». Он выбрал Россию именно потому, что *лингвистические и коммерческие* отношения между его государством и страной царя Николая II, а ныне – Владимира Путина, были практически равны нулю. Мажн Корнет также не хотел выступать в качестве архитектора, он старался избегать их: они внушали ему недоверие, потому что *дополняли проекты, придавая им художественную ценность, и умели делать это в совершенстве*. Но после этого архитекторы присваивали себе произведение и пожинали плоды славы. Одним словом, он хотел победить на конкурсе, как инженер, перед лицом неподкупного и беспристрастного жюри.

Жизни двух людей из семейной саги Корнетов, бабушки и внуки, развивались по похожему сценарию. Монтсе начала свою профессиональную деятельность в мире страховых компаний с позиций, которые в последние годы франкизма были более чем невыгодными. Как мы уже сказали раньше, у нее не было необходимых контактов, она была уже не слишком молода и, к тому же, недавно разошлась с мужем. Таковы были её козыри. Семьюдесятью годами раньше в журнале «Технология и Индустрия», как мы можем убедиться, ее дед Мажн писал, что он участвовал в конкурсе Дворцового моста *в крайне неблагоприятных условиях*. Бороться, бросить вызов судьбе, плыть против течения. По словам инженера, все данные для подготовки проекта были представлены очень подробно и подготовлены с большой тщательностью, поэтому его работа должна была *соответствовать этим драгоценным сведениям, которые предоставили ему из Санкт-Петербурга*. Кроме того, ему пришлось вступить в борьбу с самыми крупными строительными фирмами, как европейскими, так и американскими, которые в случае получения премии, в первую очередь, рассчитывали заключить контракт на строительство. Нехватка времени из-за *каждодневных обязанностей* также осложняла положение Мажн, равно как и множество запутанных технических требований, определенных условиями конкурса. Ограничений было так много, что наш герой боялся, что *жюри не примет его проект*.

campesinos. La protesta estudiantil a favor de las libertades y contra el régimen zarista se unió a las huelgas y reivindicaciones laborales. Todo este paisaje de calles inflamadas acababa siempre con una brutal represión policial, el exilio forzado de estudiantes hacia otros puntos del imperio o la prisión y la muerte en la Ciudadela de San Pedro y San Pablo.

Precisamente con la fortaleza de fondo, el puente de Palacio debería completar una serie de puentes metálicos fijos sobre el gran Neva. Ya conocemos su historia uniendo el barrio de El Almirantazgo, donde está el Palacio de Invierno zarista, con la isla de Vasilievsky. Ésta se inició al sustituir las barcazas que viajaban de orilla a orilla por los puentes hechos de una secuencia de barcas ligadas. Sobre el gran Neva, uno de los más importantes se situó enfrente de la catedral de San Isaac (1727); que evolucionó significativamente gracias al ingeniero español Agustín de Betancourt (1821). El canario lo transformó en un puente de madera flotante mucho más simplificado, a medio camino de uno de fijo, con mayor rapidez de instalación y repliegue. Décadas más tarde, el ingeniero Gerard diseñó el proyecto que debería sustituir al de Betancourt. La estructura se colocó en 1856 muy cerca del Palacio de Invierno. Entonces se actualizó de forma natural la toponimia del puente, rebautizándose por primera vez como *de Palacio* en lugar de *San Isaac*. Más adelante, la creación del parque enfrente de la fachada oeste del Palacio, obligó a desplazarlo hasta la posición que ocupa el actual puente fijo. Desde 1882 varias instituciones de la ciudad reclamaban el reemplazo de la obra flotante de Gerard, a pesar de su belleza, por un nuevo puente fijo y metálico.

Las reivindicaciones de dejar atrás la provisionalidad infraestructural iban en aumento, y más cuando en julio de 1900 ya se estaba construyendo el Puente de la Trinidad. Hoy en día, muchos turistas lo confunden con el de Palacio la primera vez que se fijan en él, por tener una geometría similar, un aspecto general en sintonía y situarse en ambos lados del mismo embarcadero. A levante del muelle de Palacio, el puente de la Trinidad une el Campo de Marte con la fortaleza de San Pedro y San Pablo. Aprovechando todas estas circunstancias, el Ayun-

И, наконец, он вступал в борьбу *в полном одиночестве, без какой-либо технической или материальной поддержки*. Как писал он сам, ему так хотелось, чтобы на этих конкурсах прозвучало имя Испании, что готов был на любые жертвы. Мажі мечтал принести пользу своей стране, даже за счет собственного здоровья, даже если бы он *сам понес ущерб*.

Мы не знаем, насколько Мажі Корнет знал Санкт-Петербург, потому что на сегодняшний день у нас нет достоверных сведений о том, был ли он когда-нибудь в этом городе. Как известно, общественная обстановка в России тех лет уже предвещала события, о которых говорил Троцкий, один из главных большевистских идеологов. Он писал, что царь Николай II унаследовал не только империю, но и революцию. Цифры говорят сами за себя. В сельских районах помещики, которые были в большинстве своем дворянами и составляли 1% населения, владели 33% земли. В городах рабочие страдали от травм на рабочих местах, нищенских заработков и рабочего дня, которых длился, как минимум, двенадцать часов, а иногда увеличивался до шестнадцати или даже до восемнадцати. Если подумать, как жила тогда рабочая, то становится ясно, что ему приходилось выбирать между едой и сном – ни на что большее времени просто не оставалось. Справедливость требует отметить, что Петербург пережил запоздалую, но бурную индустриальную революцию, во время которой был узаконен даже детский труд. Население города, в котором 1900 году насчитывался 1,2 миллиона жителей, десять лет спустя составило уже 2,1 миллиона. Итак, население росло пропорционально росту промышленных предприятий, многие из которых имели заграничный капитал и пользовались в качестве рабочей силы вчерашними крестьянами. Студенческие волнения с требованиями демократических свобод и ликвидации царского режима слились с забастовочным движением, которое ставило своей целью изменение условий труда. Картины уличных беспорядков всегда оканчивались жестокими полицейскими репрессиями, многим студентам приходилось отправиться в ссылку в отдаленные уголки империи, а некоторым из них

tamiento de San Petersburgo pidió entonces, a la Comisión de vigilancia de las obras trinitarias, que elaborara una descripción técnica para la construcción de un nuevo puente permanente al otro extremo del muelle, a poniente. Se tendería entre El Almirantazgo y el Palacio de Invierno y desembarcaría en la plaza enfrente del edificio de la Bolsa. Debería integrarse en el nuevo entorno, preservando una cierta imagen homogénea de los puentes del Gran Neva. Así se aprovecharía la experiencia del equipo de profesionales del puente de la Trinidad para que redactaran primero un estudio geológico del río y, después, las bases del concurso internacional del de Palacio. De hecho, este primer concurso, anterior al que participó el ingeniero catalán, se convocó en 1901 y lo ganó la empresa francesa Société de construction des Batignolles, que ya estaba trabajando el puente de la Trinidad. Pero ésta pretendía construirlo por 4,7 millones de rublos, un presupuesto que el Ayuntamiento consideró desorbitado y que no aceptó. Como la empresa no quiso vender su proyecto si no lo construía ella, la ciudad de San Petersburgo convocó una segunda ronda del concurso a principios de 1902⁵. Ésta sería la oportunidad de Magí Cornet.

Sobre la dificultad de saber pedacitos de lo que ocurrió y la emergencia de la verdad, ahí va una anécdota de un profesor de construcción. Nos dijo que el agua era el enemigo más fiel de la arquitectura y que siempre encontraba el camino para hacer el mal. Y nos amenazaba con que, si cometíamos el más pequeño error en la estanquidad de nuestros edificios, seguro que el agua acabaría dando con él y empezaría un rosario de filtraciones, condensaciones y degradación de nuestras obras. Esta capacidad innata del agua de encontrar vías de escape, también es compartida, casi siempre en positivo, con otras

были уготованы заключение в Петропавловской крепости и смерть.

Именно Петропавловская крепость должна была служить фоном Дворцового моста, которому предстояло завершить серию металлических стационарных мостов на Большой Неве. Мы уже знаем предысторию этого сооружения, которое соединяет район Адмиралтейства с его Зимним дворцом и Васильевский остров. Сначала лодки, сновавшие с одного берега на другой, были заменены мостами, закрепленными на связанных друг с другом барках-плашкоутах. На Большой Неве один из самых важных таких мостов построил напротив Исаакиевского собора (1727). Его конструкция была значительно усовершенствована благодаря испанскому инженеру Августину де Бетанкуру (1821). Выходец с Канарских островов преобразил его в понтонный деревянный мост более простой конструкции, на полпути между стационарным и временным мостом, что позволяло гораздо быстрее наводить его и убирать. Через несколько десятилетий инженер Герард подготовил проект моста, который должен был сменить создание Бетанкура. Эта конструкция была установлена в 1856 году очень недалеко от Зимнего дворца. Естественным образом произошло и изменение в топонимике: мост впервые стал называться *Дворцовым*, а не *Исаакиевским*. Несколько позже против западного фасада Дворца разбили парк, и мост пришлось переместить на то место, которое занимает сейчас стационарный мост. Начиная с 1882 года, различные городские учреждения требовали замены наплавного моста Герарда, несмотря на его красоту, на новый металлический постоянный мост.

Требования замены временного сооружения звучали все громче и громче, особенно, после того, как в июле 1900 года началось строительство Троицкого моста. Сегодня многие туристы принимают его за Дворцовый; с первого взгляда кажется, что он имеет похожую геометрическую структуру. И в самом деле, в общем облике этих двух мостов есть сходство, и расположены они по обе стороны одной набережной. Расположенный в восточной части Дворцовой набережной,

⁵ Respecto al número de concursos sobre el Puente de Palacio y sus fechas, exponemos la información contrastada en varias publicaciones. Si bien es cierto que, en una carta del rector del Instituto de Vías de Comunicación, Sr. V. I. Kovaliev, remitida el 13/05/2004 al entonces Embajador de España en Rusia, Sr. D. José María Robles Fraga, Kovaliev afirma que a parte del concurso de 1902, hubo dos más de *complementarios* en 1904 y 1907, en los cuales Magí Cornet no participó. En las otras fuentes consultadas, estos dos últimos concursos no aparecen. Fuente: Montserrat Cornet y Col·legi d'Enginyers Industrials de Catalunya.

disciplinas como la historia. Cómo, si no, puede llegarnos hoy el relato de Magí Cornet, ausente en la inmensa mayoría de archivos y fuentes consultadas, rusas e internacionales, como si en Rusia no hubiera existido nunca su proyecto de Puente de Palacio. Algo parecido a lo que ocurrió en España, donde su nieta Montse desenterró el hacha de guerra y validó esta característica de la historia: con perseverancia y tenacidad, como con el agua, al final aparecerán los hechos.

Sigamos ahora escuchando la voz del autor, que se pronunció clarísimamente ante sus compañeros de profesión en la Revista *Tecnológico-Industrial*. Les explicaba que los puntos de partida de su propuesta eran respetuosos con lo que quería la Delegación del Ayuntamiento: *siendo el puente más importante de San Petersburgo, empezó escribiendo, su aspecto debía estar en armonía con los edificios monumentales y no debía destruir las magníficas perspectivas que se descubren a sus alrededores*. Entendió que se pedía un puente que *aparentemente resultara ligero*, aunque en realidad,



Троицкий мост соединяет Марсово поле с Петропавловской крепостью. Принимая во внимание все эти обстоятельства, Дума Санкт-Петербурга обратилась к Комиссии по надзору за строительством Троицкого моста с просьбой подготовить техническую документацию для строительства нового постоянного моста на другой, западной, оконечности набережной. Этот новый мост должен был соединить участок между Адмиралтейством и Зимним дворцом с площадью перед Биржей и гармонично вписаться в новый пейзаж, обеспечивая некое единообразие всех мостов Большой Невы. Таким образом, можно было бы использовать профессиональный опыт группы создателей Троицкого моста для составления первого геологического описания реки и для позднейшего составления условий международного конкурса проектов Дворцового моста. По сути дела, первый конкурс, в котором каталонский инженер еще не принимал участия, состоялся в 1901 году, и в нем победила французская фирма Строительное Общество Батиньоль, которая уже работала на строительстве Троицкого моста. Однако бюджет, представленный ей и составлявший 4,7 миллиона рублей, показался мэрии слишком дорогим, и она не приняла его. Поскольку фирма отказалась продать свой проект, если ведение работ передавалось другому предприятию, Санкт-Петербург объявил второй тур конкурса в начале 1902 года². Эта возможность и представилась Мажу Корнету.

2. Относительно количества конкурсов проектов Дворцового моста и их дат мы можем предложить читателю для сравнения информацию из разных источников. С одной стороны, у нас есть письмо ректора Института путей сообщения, г-на В.И. Ковалева, от 13/05/2004, направленное г-ну Хосе Марии Роблесу и Фрага, в то время занимавшему пост Посла Испании в России. В нем г-н Ковалев утверждает, что кроме конкурса 1902 года были объявлены *дополнительные* конкурсы в 1904 и 1907 годах, в которых Мажу Корнет не участвовал. Однако в других документах, к которым мы имели доступ, эти два конкурса не упоминаются. Источник: Монтсеррат Корнет и Коллегия Промышленных инженеров Каталонии.

Puente de Palacio con tranvías a caballos a principios del siglo XX.
Конка на Дворцовом мосту в начале XX века.





según él, *no lo fuese*. Ni que estuviera *afeado como lo están los otros puentes de la capital de Rusia por la parte móvil*. Cornet pensaba que ésta, *en ninguno de ellos guardaba armonía con el resto de la construcción*. Además, toda construcción a excepción de los motivos decorativos, *debía estar debajo de los pavimentos; quedando libre la comunicación entre aceras y arroyo*.

De hecho, lo más difícil del proyecto del puente consistía en conseguir la máxima sobriedad urbana, sencillez y ligereza integrando en él una parte central móvil. En las épocas de navegación fluvial, mientras no llega el hielo, éste debía poder liberar un espacio de paso suficiente para las grandes embarcaciones que se desplazaban entre el Golfo de Finlandia y el río Neva. De hecho, el grácil movimiento de apertura del puente de Palacio es la postal más famosa que tienen en mente los turistas de San Petersburgo. Los que pueden escoger, intentan pasar allí las Noches Blancas, las veladas más románticas del año. Sin ser obviamente exclusivas de San Petersburgo, sino compartidas con las otras regiones polares, tienen lugar durante las últimas semanas de junio. Hablamos de unos días alrededor del solsticio de verano en los que se confunden y solapan los atardeceres con los amaneceres. La oscuridad nunca es completa y, sin reloj, la desorientación es total.

Más allá de la poética del lugar, la propuesta de puente de Magí Cornet y su esmerado diseño de la parte móvil delata su origen: era un ingeniero industrial que, además, había trabajado en la Maquinista Terrestre y Marítima durante años, rodeado de todo tipo de máquinas de vapor, locomotoras y artilugios móviles. En él se fundían por lo tanto el conocimiento técnico de la máquina, la habilidad constructiva y la sensibilidad artística. Como si realmente estuviera encajando el engranaje de un reloj de escala descomunal bajo la sencilla apariencia de un objeto de orfebrería. Nuestro constructor de puentes, en efecto sería un relojero que, por la dimensión de su obra, acabó diseñando una auténtica máquina sobre el Neva.

Debido a la longitud de la *máquina*, 258 m, y a su anchura, 28 m, Magí se impuso que su tramo móvil girase en torno a un eje horizontal, cuyo mecanismo de maniobra se montaría bajo

Когда я размышляю о том, как трудно бывает собирать крупицы прошлого и восстанавливать правду, мне приходят на память слова нашего преподавателя строительных дисциплин. Он сказал нам, что вода — это заклятый враг архитектуры, и она всегда проложит себе дорогу чтобы нанести ущерб. Стоит нам совершить малейшую ошибку в изоляции наших зданий, и вода, несомненно, найдет ее, и тогда начнется бесконечная череда несчастий: фильтрация, конденсация и разрушение наших произведений, — грозил он нам. Эту способность воды всегда находить себе лазейки разделяют и такие дисциплины, как история, но в положительном смысле. Как мог бы без этого дойти до нас рассказ о Мажи Корнете, не существующем в огромном большинстве архивов и источников, русских и международных, которые мы просмотрели, словно в России никогда не было его проекта Дворцового моста. Нечто подобное случилось и в Испании, но его внука Монтсе встала на тропу войны и доказала эту способность истории: терпение и настойчивость, словно вода, в конце концов пробьют себе дорогу.

Послушаем снова голос автора, который выразил со всей ясностью свои взгляды перед товарищами по профессии в журнале «Технология и Индустрия» Он объяснял им, что исходные пункты его проекта отвечали пожеланиям Делегации мэрии. *Будучи самым главным мостом Петербурга, —* начинается он свою статью, *— его внешний вид должен гармонично вписываться в ансамбль монументальных зданий; мост не должен был нарушать великолепной перспективы, которая открывается вокруг.* Мажи Корнет понял, что власти города хотели получить *мост легкий с виду*, хотя на самом деле, по его словам, *таковым он не был*. Важно было также *не изуродовать его подъемной его частью, как это случилось с другими мостами русской столицы.* Корнет считал, что ни в одном из них *эта часть не сочеталась гармонично с остальной конструкцией.* Кроме того, по его мнению, вся конструкция, за исключением декоративных деталей, должна была *находиться под покрытием, не нарушая сообщение между тротуарами и проезжей частью.*



Portada del Proyecto del Puente de Palacio (1905) de Magí Cornet.
Обложка проекта Мажи Корнета для Дворцового моста (1905).

rasante en las pilas centrales. Cuando el puente se abiera, la culata o parte que queda oculta dentro de las pilas ejercería de contrapeso, garantizando la estabilidad de la parte móvil por estar hecha de plomo o de un material muy denso. Magí afirmó que el sistema de apertura, que se accionaba por diez prensas hidráulicas, *no sería visible desde el exterior*. Con gran elegancia, el espectador vería que éste se abriría como máximo hasta los 80° con la horizontal, para evitar que el pavimento quedase en un ángulo recto. Cornet incluso diseñó tres posibles métodos de apertura de la parte móvil: mecánica (apertura en menos de 1 minuto); a mano (en 42 minutos, mediante un volante) o hidráulica (50 segundos, para todas las operaciones). La fuerza de su calzada que se eleva, partiendo la ciudad en dos, es una de las secuencias más potentes de la película *Octubre* (1928). En esta obra de Sergei Eisenstein sobre la revolución de 1917, el

По сути дела, самая сложная задача этого проекта состояла в том, чтобы достичь максимальной сдержанности городского пространства, простоты и легкости конструкции, в которую входила бы центральная разводная часть. В судоходный период, когда река свободна ото льда, она должна была освобождать достаточно большое пространство для прохода крупных судов, которые двигались между Финским заливом и Невой. В самом деле, взлет открывающегося Дворцового моста — это образ, который запечатлется в памяти всех туристов, посетивших Санкт-Петербург. Те, кто имеет возможность выбирать время поездки, стараются провести там Белые Ночи, самые романтические вечера года. Это явление, которое, само собой разумеется, разделяют с городом другие северные районы, можно наблюдать на протяжении последних недель июня. Речь идет о периоде, близком к моменту летнего солнцестояния, когда смешиваются и накладываются друг на друга вечерние сумерки и предрассветные часы. Полная темнота так и не наступает, и если не смотреть на часы, то невозможно определить, сколько же сейчас времени.

Но оставим поэзию, которой пропитан этот город, и заметим, что проект Корнета и его тщательно разработанный механизм подъемной части моста выдают происхождение Мажи: он был инженером промышленного и гражданского строительства и, к тому же давно работал на фирме «Макиниста: машины для суши и моря» в окружении разнообразных паровых машин, локомотивов и двигательных механизмов. Поэтому в нем удачно сочетались технические познания в области машин, талант конструктора и художественное чутье. Казалось, он соединял зубья шестеренок гигантского часового механизма, делая вид, что все это — простое ювелирное изделие. И в самом деле, наш мостостроитель станет часовщиком, который разработает настоящий гигантский часовой механизм над Невой.

Принимая во внимание длину (258 м) и ширину (28 м) механизма, Мажи решил, что подъемная часть моста должна поворачиваться вокруг горизонтальной оси, рабочий

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГОРОДСКАЯ УПРАВА

ПРОЕКТЪ

ДВОРЦОВАГО МОСТА ЧЕРЕЗЪ РѢКУ ВОЛЬФУЮ НЕВУ

и

С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Делить.

Олив.

Масштабъ 1:2000

Прямой фасадъ

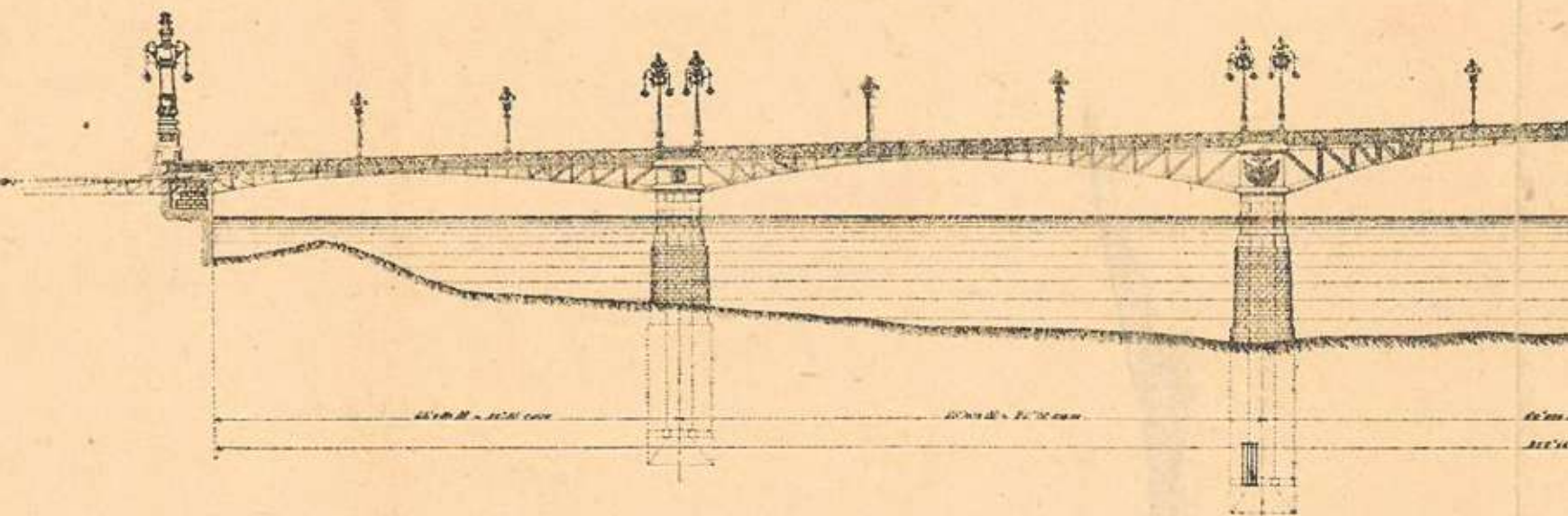
PROY

— 16 D

PUENTE FIJO TITULADO DEL

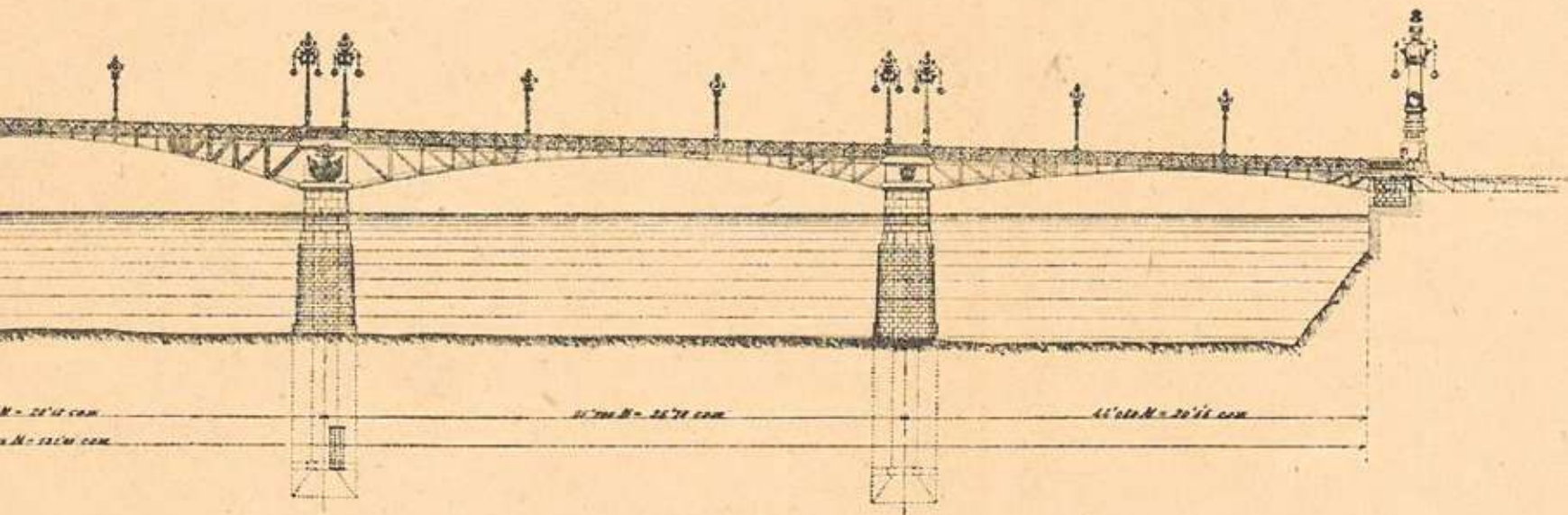
— 16 E

S. PETER



PECTO
E
PALACIO" SOBRE EL GRAN NEVA
Nº
RSBURGO

Hoja nº 5 del proyecto



— ESCALA —



Barcelona 14 de Septiembre de 1902

Magín Cornet y Mariera
INGENIERO INDUSTRIAL

Fig. 1.
Elevation
Perspectiva N° 1. de la hoja N° 4.

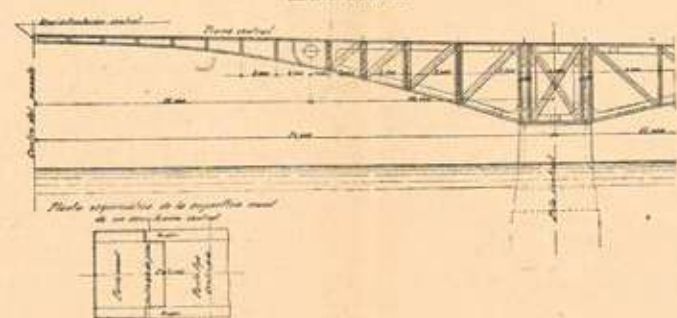
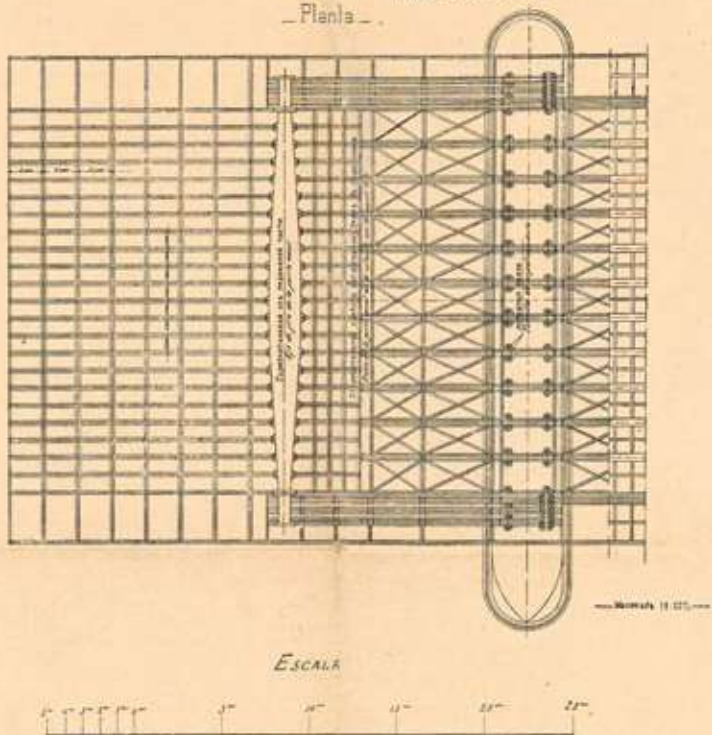


Fig. 2.
Plano
Perspectiva N° 2. de la hoja N° 4.



Secciones transversales

Fig. 4.
Seccion por A.B.
Seccion por C.D.
Perspectiva N° 3. de la hoja N° 4.

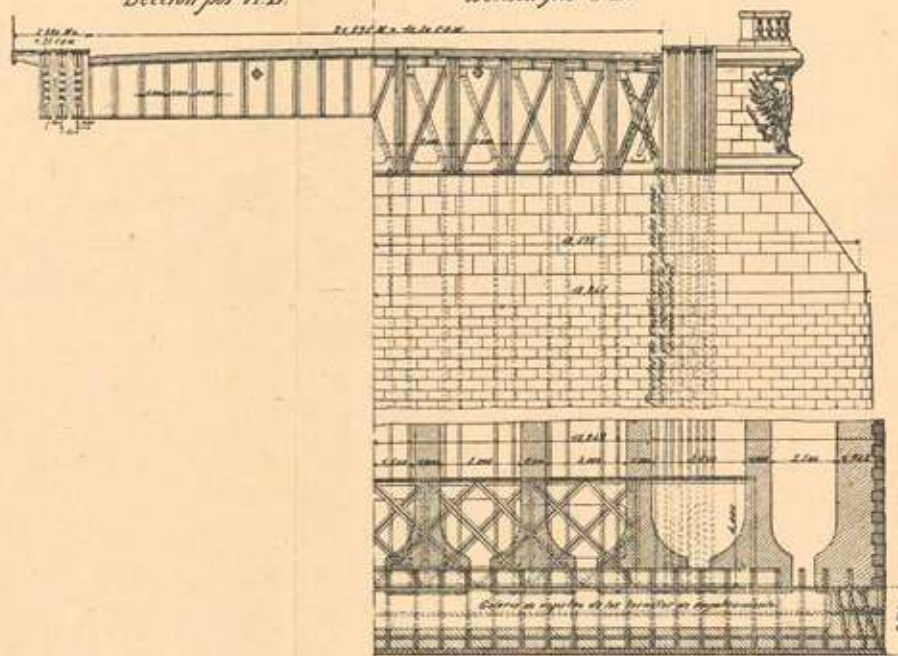
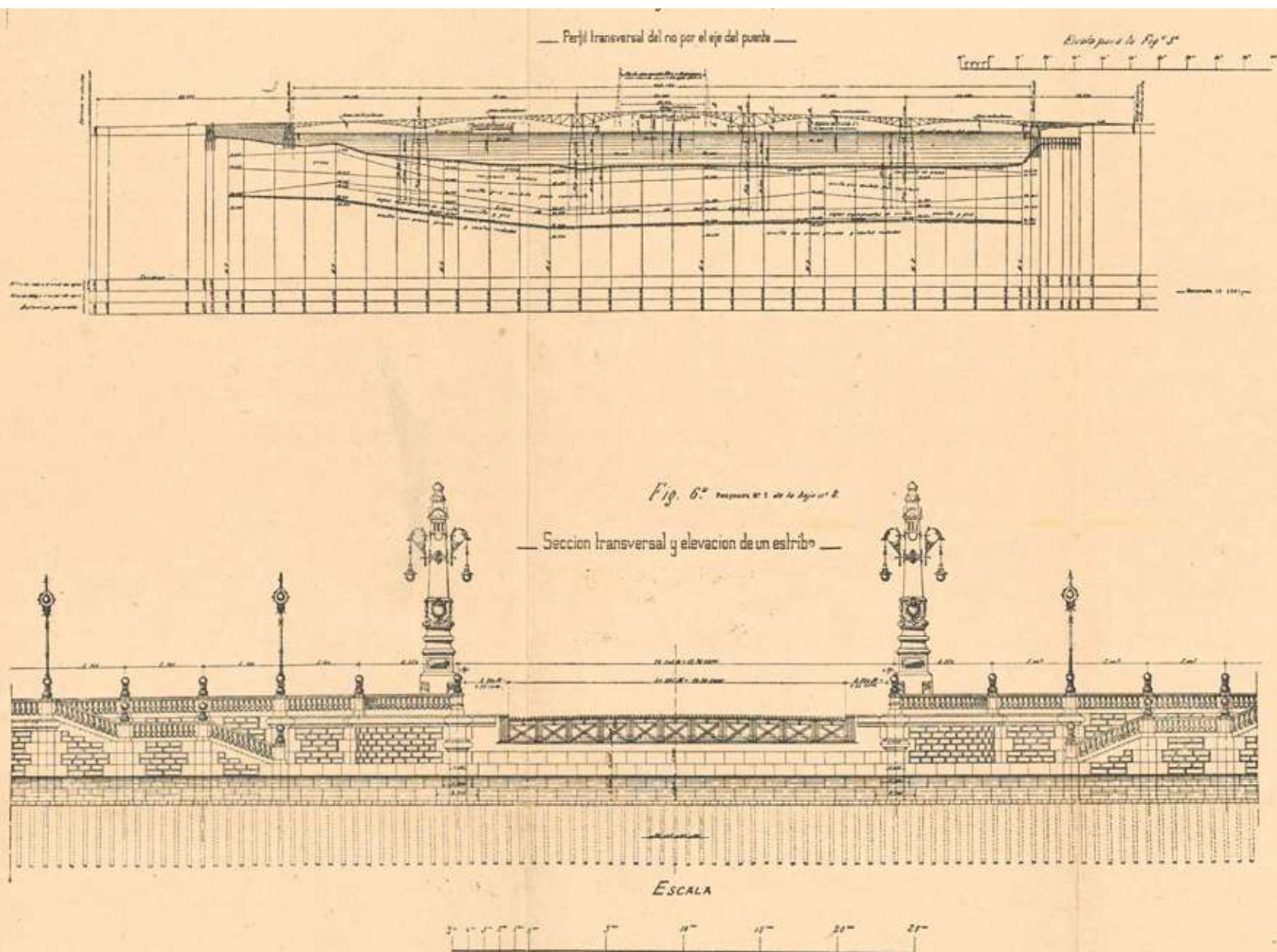


Fig. 5.
Seccion por E.F.
Seccion por G.H.
Perspectiva N° 4. de la hoja N° 4.





puente es un protagonista determinante. Aparece sobriamente cuando las autoridades zaristas ordenan levantarlo para evitar que una gran masa de obreros llegue al Palacio de Invierno.

Respecto a la configuración geométrica de la nueva infraestructura, las limitaciones de gálibo eran fuertes: su rasante no podía ser demasiado elevada para no enmascarar las vistas del Palacio de Invierno (unos 3,9 m sobre el nivel del agua), pero a su vez, entre este nivel del río y la parte inferior de la estructura tenía que haber un mínimo gálibo de paso para las embarcaciones medianas (2,1 m). Por lo tanto, el espacio para ubicar el tablero y su mecanismo de apertura quedaba muy reducido (1,8 m). Está claro que tanto Magí en su proyecto, como después los constructores definitivos, tuvieron que negociar cada centímetro.

Todo en este trabajo de Cornet está orientado a no desviarse de la normalidad, cosa que lo hace excepcional. Así pasa con el diseño de las pilas, que las pensó *con un aspecto similar al de un puente recto, actuando sobre ellas sólo cargas verticales*. Magí Cornet, después de estudiar la información disponible sobre geotecnia, profundidades del río y de la corriente de agua, pensó hacer la *fundación* (cimentación) de las pilas *por medio de aire comprimido* y, las de los estribos, *por pilotaje*. Tanto las pilas como los estribos eran de fábrica y revestidos de granito, en continuidad con los muros de los muelles del Neva. En su interior, proyectó pozos y galerías para acceder en caso de necesidad o para tareas de mantenimiento. Para permitir el corte de témpanos a la deriva en la época del deshielo, las pilas incorporaban un tajamar. Respecto al diseño del tablero, la propuesta de Cornet era flexible. Según él, después de construirlo, también hubiera sido posible que *la parte movable pudiera cambiar o que existiera en varios tramos, si la alta navegación* en algún momento lo precisara.

El diseño de todos los elementos de la obra se supeditaron a la ligereza y simplicidad general del conjunto. Admitió en su artículo, que había tenido la *tentación* de proyectar un puente *de tres tramos en lugar de cinco* porque *tendría un aspecto más bello, pero los esfuerzos que se desarrollaban eran demasiado considerables*, al igual que *las deformaciones que sufrirían las vigas principales* debido

mеханизм которого будет установлен в центральных быках ниже уровня моста. Когда мост будет подниматься, часть конструкции, скрытая внутри устоя и сделанная из свинца или другого материала повышенной плотности, будет играть роль противовеса, обеспечивая устойчивость подъемной части. Мажи утверждал, что подъемный механизм, который приводился в движение десятью гидравлическими прессами, *будет невидим глазу снаружи*. Зрители могли бы только наблюдать, как мост легко и изящно поднимает свои крылья до 80° по отношению к горизонтали; инженер не хотел, чтобы полотно проезжей части оказалось под прямым углом. Корнет даже разработал три возможных способа раскрытия подъемных частей: механический (мост открывается менее, чем за одну минуту), ручной (посредством движения штурвала на протяжении 42 минут) и гидравлический (50 секунд на каждую операцию). Мощный образ подъема моста, который делит город на две части, это один из самых впечатляющих эпизодов фильма *Октябрь* (1928). В этой работе Сергея Эйзенштейна, посвященной революции 1917 года, мост является главным действующим лицом. Он возникает в кадре, когда царские власти приказывают развести его, чтобы толпа рабочих не смогла достигнуть Зимнего дворца. Что касается геометрической конфигурации нового сооружения, ограничения к его подмостовым габаритам были строгими: линия моста не могла быть слишком высокой чтобы не закрывать вид на Зимний дворец (около 3,9 метра над уровнем воды), но одновременно между горизонтом воды и нижнем уровнем структуры моста свободная высота должна была позволять проход средних судов (2,1 м). Таким образом, для установки полотна моста и подъемного устройства оставалось совсем мало места (1,8 м). Совершенно очевидно, что и Мажи в своем проекте, и те, кто создали окончательный вариант моста, были вынуждены выкраивать каждый сантиметр.

В своем проекте Корнет старается избежать любой искусственной или вычурной детали, что делает его работу исключительной. Так в разработке опор, он решает сделать

al mecanismo de la parte móvil. Había tan poco espacio para encajar el tablero, que los arcos metálicos de los tramos intermedios eran muy rebajados. Para evitar un sobredimensionado de las pilas, Magí Cornet explica que optó *por un sistema de puente tipo cantilever*, en el cual en una misma pila, se equilibraban entre sí las dos cartelas de dos tramos consecutivos. Así es que, entre dos pilas, el tablero se constituía por dos semitramos en voladizo (*cantilever*), vinculados por un *enlace en la clave* permitiendo la libre deformación. En línea con la sobriedad general, el sistema de desagües también es muy discreto: éstos conducen el agua hasta el nivel inferior ordinario del río y de la capa de hielo, evitando la imagen de los puentes que, con total descortesía, desaguan contra las embarcaciones.

Un puente fijo y metálico era, junto con la silueta de las chimeneas fabriles y el ferrocarril, un símbolo de modernidad. El hombre moderno de San Petersburgo podría circular por allí a pie, con lo que se previeron dos aceras en ambos lados. Junto a cada pila, se producía un ensanchamiento o pequeño espacio de estar. El mirador donde observar las impresionantes fachadas palaciegas de la ciudad, el único punto con suficiente perspectiva y no tan lejos como para perder todo el detalle. Al lado de los peatones, estaba el espacio para la circulación de carrozas y los primeros automóviles, mientras que, en su parte central, se instalaron dos líneas de tranvías eléctricos: el símbolo de una nueva época. Magí entendió la relevancia ciudadana de su obra y diseño, con especial cariño, los detalles de urbanización formados por barandillas y mobiliario urbano, así como las cuatro escaleras de granito que bajaban hacia los embarcaderos de cada extremo del puente.

Cuando el concurso ya había pasado, empezaron a llegar datos y más datos desde San Petersburgo. Por ahora nos interesa conocer lo que publicó en Barcelona la Revista *Tecnológico Industrial* en marzo de 1904, exactamente dos años después de que Magí Cornet empezara a trabajar en su propuesta. Por la precisión de la información de partida, la retahíla de gálbos, alturas máximas, pendientes o geología facilitada vemos que el Ayuntamiento de la capital rusa se lo tomaba muy en serio.

их подобными опорами балочного моста, на которые фермы оказывают лишь вертикальное давление. Изучив всю предоставленную информацию о геотехнике, глубине реки и ее течению, он решил укрепить (цементировать) основы опор при помощи сжатого воздуха, а нижние их блоки при помощи свай. По проекту все быки и опоры изготовлялись на заводе и облицовывались гранитом, чтобы они гармонировали с облицовкой набережных Невы. Внутри опор Корнет спроектировал колодцы и галереи, чтобы туда можно было попасть в случае необходимости или для проведения работ по содержанию сооружения. Чтобы во время ледохода большие льдины раскалывались на части, он запланировал в нижней части опор водорезы. В отношении проезжего полотна его предложение было открытым. Корнет считал, что по окончании строительства *подъемную часть можно изменить*, или сделать *дополнительные подъемные элементы на других участках*, если когда-нибудь того потребует *возросший объем судоходства*. Разработка всех частей сооружения подчиняется общей простоте и легкости ансамбля. В своей статье Корнет признается, что испытал *искушение* спроектировать *трехпролетный мост вместо пятипролетного*, потому что он *выгледел бы красивее*, но *испытываемые конструкцией нагрузки оказались бы слишком сильными*, и одновременно *основные фермы могли деформироваться*, в связи с работой механизма подъемной части. Пространство для установки подъемного полотна было ограничено, поэтому металлические арки промежуточных пролетов были значительно снижены. Чтобы избежать создания очень массивных опор Мажи Корнет объясняет, что он решил использовать систему моста с консольной балкой, при которой на одной основе уравниваются фермы двух соседних участков. Таким образом, между двумя основами проезжее полотно делалось на две половины висячей системы (консольная балка), которые соединялись *при помощи соединительных элементов*, позволявших произвольную деформацию. В том же строгом ключе, как и все детали проекта, была решена система водостоков: вода с моста спускалась по трубам ниже горизонта воды или льда. Таким



Fotogramas de la película *Octubre* (1928) de Sergei Eisenstein.
Кадры из фильма *Октябрь* Сергея Эйзенштейна (1928).

Proyecto de puente de Palacio de Magí Cornet, publicada en la Revista Tecnológico-Industrial, julio y agosto de 1905 (págs. anteriores).

На предыдущей странице Проект Дворцового моста Мажи Корнета, опубликованный журнале «Технология и индустрия» (июль-август 1905 г.).

образом, наш инженер хотел избежать образа невежливого моста, который поливает водой проходящие под ним суда.

Стационарный металлический мост, вместе с силуэтами фабричных труб и железной дорогой, был символом современного города. Жители Санкт-Петербурга могли теперь гулять по своему городу пешком, а потому по обе стороны от проезжей части были запланированы тротуары. Около каждой основы они расширялись, образуя небольшие площадки, где можно было остановиться. С этих смотровых площадок открывается вид на роскошные дворцовые фасады города. Это уникальное место для обозрения их панорамы: зрителю предоставляется общая картина и, в то же время, он может разглядеть все детали. Рядом с тротуарами для пешеходов есть пространство для проезда карет и первых автомобилей, а в центральной части расположились две линии электрических трамваев — настоящего символа эпохи. Мажи понял гражданское значение своего произведения и разработал с особой нежностью градостроительные детали: балюстрады и городскую уличную мебель, а также четыре гранитные лестницы, которые спускались к пристаням по обе стороны оконечностей моста.

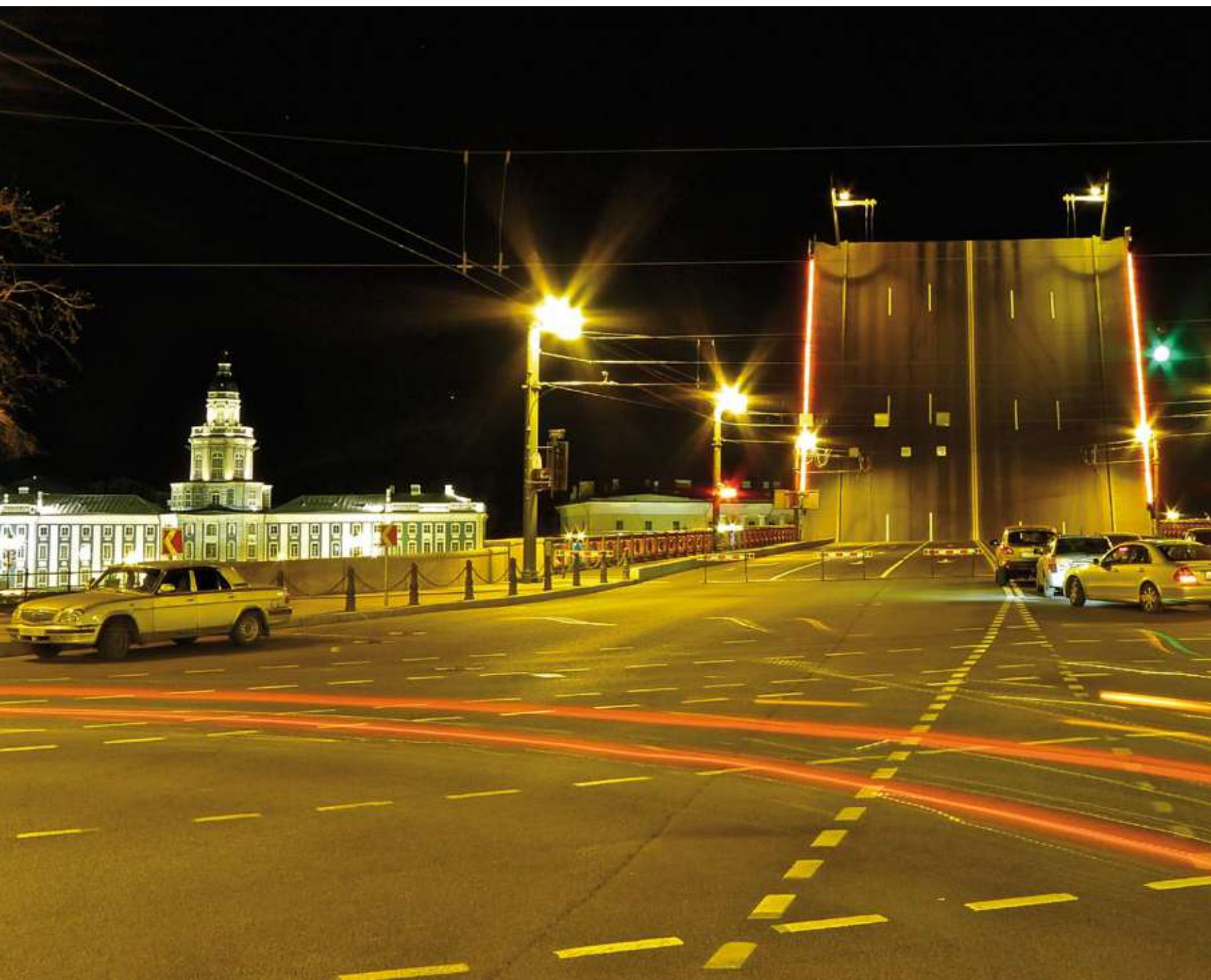
Когда конкурс кончился, из Петербурга стали поступать все новые и новые данные. Сейчас нас интересует информация, опубликованная в журнале «Технология и Индустрия» в марте 1904 года, ровно через два года после того, как Мажи Корнет начал работать над своим проектом. По скрупулезной точности всех условий — перечисляются все габариты, предельные высоты, наклон и геологические сведения — можно понять, что городская Дума всерьез принимала этот вопрос. Подготовка подобных работ было делом не шуточным. Согласно опубликованным условиям конкурса, принимались только хорошо подготовленные работы, с бюджетом, отклонение от которого не могло составлять более десяти процентов. Организация соревнования, казалось, была на уровне ожиданий Мажи и обеспечивала всем равные условия. Была избрана Генеральная конкурсная комиссия, которой поручалось вручить премию. В свою

Los diseños que de allí saldrían no serían ningún divertimento. Más bien resultaron proyectos avanzados, con presupuestos que no debían desviarse más de un diez por ciento, según las bases publicadas. La organización de la competición pareció estar a la altura de la imparcialidad que esperaba Magí para un combate justo. Se había constituido una Comisión General que otorgaría el premio. A su vez, ésta se dividiría en distintas *ponencias* o grupos de tres individuos que informaban de cada proyecto por escrito. Después, la Comisión General se reunía de nuevo para discutir los informes y decidía el ganador. En teoría, todos los trabajos participantes se tendrían que exponer quince días antes y quince después de la adjudicación.

Sabemos que antes de la fecha límite del 1 de septiembre de 1902, Magí Cornet había entregado, no se sabe cómo, toda la documentación requerida por el Ayuntamiento de San Petersburgo traducida al ruso. A partir de ahí, en lo que quedaba de aquel año y en todo el siguiente 1903 hubo el silencio administrativo más absoluto. El ingeniero Cornet y su mujer Oliva seguían sin hablar con nadie de lo que habían sufrido, tal vez en balde. Guardaron las emociones contenidas en un cajón e intentaron seguir adelante. El hombre que sería premiado en Petersburgo y que, años atrás, salvó el pellejo en las bombas del Liceu, seguía con su día a día dirigiendo y proyectando para la Maquinista. Nos dice su nieta que era escrupuloso en el despacho y que dibujaba bien, aunque en su época universitaria le costara aprobar Dibujo. Pero, sobre todo, que lo suyo era ir a la obra. En su necrológica, destacaron que su *inteligente dirección* como Jefe de la Sección de Puentes de la compañía, *no se concretaba sólo al cálculo teórico de las construcciones, sino en los detalles de construcción y especialmente en el montaje y ejecución de fundaciones*, en lo que, según la misma crónica, *era un maestro consumado*. Disfrutaba dando indicaciones a los operarios, viendo los materiales, mientras controlaba la puesta en obra y el montaje de las estructuras de primera mano. Por esto, a la luz de lo que ha trascendido, nos lo imaginamos subiendo al andamio más alto y precario, como hizo durante una visita de obra en el puente de Espenellà, no lejos de Girona.

очередь, эта Комиссия делилась на подкомиссии или рабочие группы, из трех человек каждая, которые должны были подготовить письменные отчеты по каждому из проектов. Потом Генеральная комиссия должна была собраться снова, обсудить эти отчеты и выбрать победителя. Теоретически все присланные на конкурс работы следовало представить на обозрение публики на протяжении пятнадцати дней до объявления результатов конкурса, а также пятнадцати последующих дней.

Мы знаем, что до истечения срока подачи работ, 1 сентября 1902 года, Мажи Корнет представил всю требуемую петербургской Думой документацию в переводе на русский язык, но нам неизвестно, как ему удалось это сделать. Начиная с этого момента, на протяжении всех оставшихся месяцев этого года и всего следующего, 1903, длилось полное молчание со стороны администрации. Инженер Корнет и его жена Олива по-прежнему никому не рассказывали о своих страданиях, возможно, пережитых зря. Они глубоко прятали все свои эмоции и постарались просто жить дальше. Человек, которого ждала премия Санкт-Петербурга, и который несколько лет тому назад спасся во время взрыва в Лисеу, продолжал выполнять свои каждодневные обязанности, готовя проекты и осуществляя их для «Макинисты». Его внучка рассказала нам, что он следил за мельчайшими деталями из своего кабинета и прекрасно чертил и рисовал, хотя в студенческие годы ему стоило большого труда сдать этот предмет. Но главным для него были посещения строительных площадок. После его смерти в некрологе отмечали, что Мажи Корнет осуществлял *руководство с большим умом*, выполняя обязанности Начальника отдела мостов фирма, и оно реализовывалось *не только в теоретических расчетах конструкций, но и во всех подробностях строительства, особенно в монтаже и закладке фундаментов*, в чем, выражаясь словами автора, *он был настоящим экспертом*. Он получал удовольствие, раздавая указания рабочим, рассматривая материалы, когда лично наблюдал за началом работ и монтажом конструкций. Располагая всей





El puente de Palacio levantado durante la noche para permitir el paso de los grandes barcos desde y hacia el Golfo de Finlandia

Дворцовый мост, разведенный на ночь, чтобы дать возможность большим кораблям пройти в Финский залив или зайти из него в город.

Allí, en la comarca del Pla de l'Estany, un siglo antes tuvo lugar un capítulo preparatorio de lo que sería la invasión napoleónica de España. Todavía en sus preámbulos, algunos ya temían la llegada del ejército francés. Entonces el marqués de las Amarillas dio orden de volar el arco central del puente medieval sobre el Fluvià en Esponellà para dificultar el avance de las tropas enemigas. El resultado fue que los franceses acabaron igualmente invadiendo el país, pero el bellissimo puente quedó, durante casi un siglo, totalmente mutilado e inservible. Su suerte no cambió hasta 1900, cuando la Diputación de Girona quiso rehabilitarlo y se lo encargó a la Maquinista. Junto con su equipo, Magí Cornet reconstruyó su tramo central, diseñando una solución en celosía metálica.

Decíamos que el ingeniero Cornet se subió al andamio para comprobar los detalles de la obra y, de un paso en falso, se precipitó al río en una caída libre de casi 20 metros. A los que presenciaron el accidente les debió parecer que aquello era el final; pero Magí tuvo la suerte de caerse en un charco de cierta profundidad. Se salvó, con una fractura de brazo y molestias duraderas, pero en unos meses recuperó buena parte de su actividad habitual. Cuando acabaron las obras del puente de Esponellà en octubre de 1903, se instaló en su barandilla derecha una placa conmemorativa para celebrarlo. Sin embargo, la alegría del puente duraría bien poco, ya durante la Guerra Civil el ejército franquista lo destruyó de nuevo para frenar el exilio de los republicanos a Francia. Sea como fuere, siempre quedará que allí nuestro protagonista puso a prueba su vida. En el Fluvià, por segunda vez después del Liceu, el ingeniero escapó de una muerte prematura.

Pocos meses después, hacia finales de enero de 1904, los secretos se acabaron para la familia Cornet. Entonces llegó el resultado de la deliberación sobre el concurso de San Petersburgo, cuando ni el propio Magí se la esperaba: le habían premiado a él. Y de la noche a la mañana, todo el mundo le envidió: desde los redactores que transcribieron la información en el *Diario de Barcelona*, *La Vanguardia* o *La Veu de Catalunya*, los de *El Imparcial* de Madrid, el *Diario de Zaragoza* o *La Unión*

información, которую нам удалось собрать, мы без труда можем представить, как Мажі забирается на самые высокие и шаткие леса, как это случилось во время его посещения работ по восстановлению моста в Эспунелье, недалеко от Жироны.

Туда, в область Пла дел Эстань, веком раньше стягивались наполеоновские войска с целью начать завоевание Испании. Незадолго до этого уже были люди, которые предвидели наступление французской армии. И вот тогда маркиз де лас Амарильяс приказал взорвать центральный арочный пролет средневекового моста над рекой Флувия чтобы затруднить продвижение вражеских войск. В результате французы все равно захватили всю страну, но прекраснейший мост в Эспунелье на протяжении почти целого века стоял в руинах и не использовался. Его участь изменилась только в 1900 году, когда Депутация Жироны решила восстановить мост и заказала проведение работ «Макинисте». Мажі Корнет вместе со своими сотрудниками реконструировал центральный пролет, предложив использовать металлические фермы.

Как мы сказали выше, инженер Корнет поднялся на строительные леса чтобы проверить какие-то детали работ, сделал неверный шаг и полетел в реку, упав с почти двадцатиметровой высоты. Свидетели этого происшествия, подумали было, что это конец, однако Мажі повезло. Он упал в довольно глубокую заводь и не погиб, отделавшись лишь переломом руки. Боли от ушибов давали о себе знать довольно долго, но уже через несколько месяцев он выполнял большую часть своих обычных обязанностей. Когда в 1903 году работы по реконструкции моста в Эспунелье закончились, на перилах с правой стороны была установлена памятная доска, чтобы отметить это событие. Однако мосту недолго довелось радоваться: во время Гражданской войны в Испании франкистские войска снова разрушили мост чтобы помешать республиканцам уходить во Францию. Как бы то ни было, история навсегда сохранит воспоминание о том, что наш герой рисковал там жизнью. И здесь, на реке Флувия, во второй раз после взрыва в Лисеу



Puente de Esponellà reconstruïdo por Magí Cornet. / Мост в Эспунелье, восстановленный Мажни Корнетом.

Mercantil de Málaga, pasando por los primeros lectores que la recibían. La noticia sedujo a todos, acostumbrados como estaban a que las grandes cosas pasaban en Brooklyn o en París, y no al lado de su casa. Su tío Cornet i Mas y los demás gerifaltes e ingenieros de la Maquinista no se lo podían creer. Su Jefe de la Sección de Puentes, yendo por libre y sin ningún apoyo técnico, había sido premiado por el ayuntamiento de San Petersburgo por su propuesta del Puente de Palacio, el que estaba llamado a ser uno de los elementos urbanos más emblemáticos de la capital del Imperio.

La prensa española se hizo eco de la hazaña de Magí Cornet Masriera recubriéndole de un aura épica. La fama, como savia nueva, empezó a circular por su vida en cantidades hasta entonces desconocidas. Sabemos que le premiaron con 2.000 rublos y que, como mínimo por unos meses, se transformó en el rey de las fiestas de los 400 catalanes de Millet, los que dirigían el cotarro. Todos le felicitaron, empezando por sus compañeros ingenieros de la *Revista Tecnológico-Industrial*, que

ему удалось избежать преждевременной смерти.

Nесколько месяцев спустя, в конце января 1904 года, тайнам семьи Корнет пришел конец. Наконец, когда даже сам Мажни уже этого не ждал, жюри конкурса в Санкт-Петербурге объявило о его результатах: и ему дали премию. Не прошло и нескольких часов, как все ему завидовали, начиная с редакторов газет, которые опубликовали новость в *Дьярьо де Барселона*, *Ла Вангвардия* или в *Ла Веу де Каталунья*, в мадридском *Эль Импарсьаль*, в *Дьярьо де Сарагоса* или в *Ла Уньон Меркантил* в Малаге, и кончая первыми читателями этого известия. Новость потрясла всех, потому что все привыкли к тому, что важные события происходили в Бруклине или в Париже, а не по соседству с их домом. Дядя Мажни, Корнет и Мас, и все клерки и инженеры «Макинисты» не верили своим глазам. Начальник отдела мостов их предприятия самостоятельно, не располагая никакой технической поддержкой, представил свой проект Дворцового моста, которому предстояло стать одним из самых представительных сооружений столицы

UN PUENTE DE D. MAGIN CORNET Y MASIERA

Un distinguidísimo ingeniero español de la Maquinista Terrestre y Marítima, don Magin Cornet y Masiera, ha obtenido en Rusia un brillantísimo triunfo, en concurso internacional al que habían acudido notabilidades de los países más adelantados en la ingeniería.

El señor Cornet y Masiera, hijo de ingeniero y educado por su tío, también ingeniero competentísimo, hora con su triunfo a la escuela de Barcelona donde hizo sus estudios.

En la Maquinista Terrestre y Marítima, donde tiene a su cargo la sección de construcción de puentes, ha podido el señor Cornet aplicar sus grandes conocimientos y ampliarlos con prácticas y frecuentes experiencias que no en poco le habrán ayudado a conquistar el laurel del triunfo en el concurso de San Petersburgo.

Recientemente el señor Cornet estuvo a punto de ser víctima de la profesión en que tanto brilla, pues por un desgraciado accidente cayó desde una altura de 1850 metros en el puente que sobre el Fluviá se construye en Esponella (Gerona). Un cúmulo de circunstancias favorables, casi un milagro, le libraron de la muerte y hoy está casi completamente restablecido.

del Czar, el Almirantazgo, el Ermitaje, el palacio del Senado, situado en la plaza del mismo nombre, en el centro de la cual se levanta el monumento de Pedro el Grande.

En el lado opuesto de dicha plaza se levanta la Catedral de San Isaac.

En la orilla derecha ó sea en Wassili-Ostroti, se hallan situados frente al puente en proyecto los edificios monumentales de la Aduana, Bolsa, Museo Zoológico, Academia de Ciencias, Universidad Imperial é Instituto Filológico.

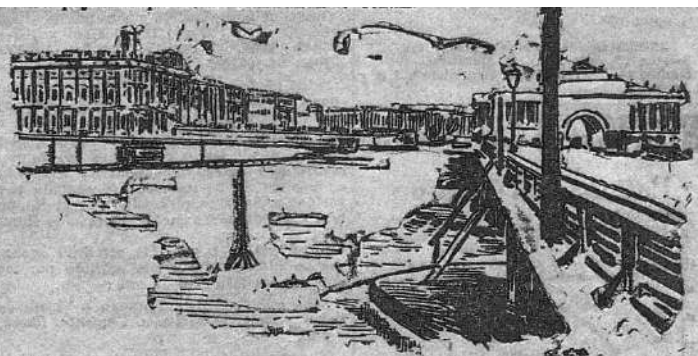
Por esta causa el proyecto del puente premiado tiene un aspecto verdaderamente monumental.

La longitud total del puente deberá ser de 258 metros, dividido en cinco tramos, de los cuales el central será de 60 metros de abertura, los dos intermedios de 55 metros y los dos extremos de 44 metros cada uno.

El ancho total del puente entre barandillas será de 28 metros, de los cuales 22 se destinan á la calzada y el resto á las aceras.

Como el puente debe permitir el paso de buques de gran tonelaje por el tramo central, éste tendrá una parte móvil que dejará libre un espacio de 30 metros para el paso de las embarcaciones.

El pavimento del puente en la parte de la



Vista general del estado actual del emplazamiento del puente

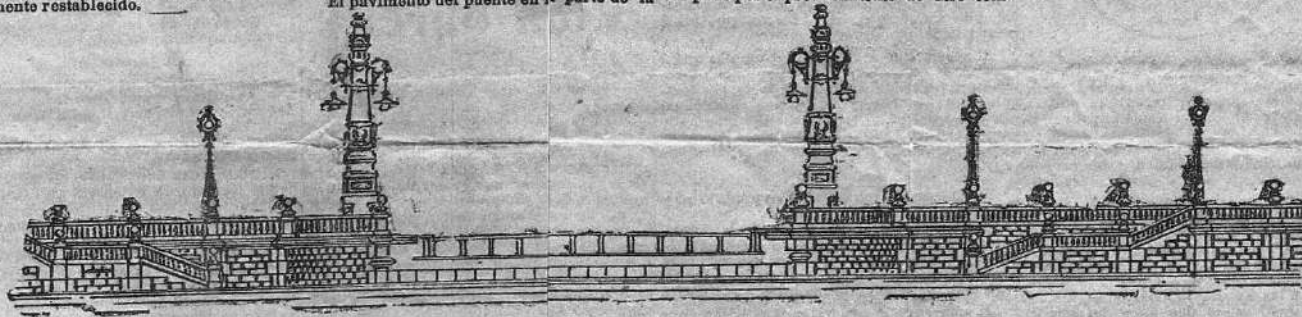
sillería de granito, provistas sus pilas de tabamares de forma especial para resistir los golpes de los témpanos de hielo procedentes del río Neva y de los grandes lagos.

Los estribos se fundarán sobre pilotaje y las pilas por el procedimiento de sire com-

Una elevación general del puente.

Una sección transversal.

Una vista general del estado actual del em-



Sección transversal por el estribo

Piéansenos poder dar á nuestros lectores algunos datos referentes al proyecto de puente de don Magin Cornet y Masiera, premiado en el concurso celebrado en San Petersburgo y al hacerlo felicitamos calurosamente al ilustrado ingeniero español.

El puente se encuentra emplazado sobre el Gran Neva y en el centro de la parte más lujosa de la capital de Rusia, pues en ambas orillas todos los edificios son verdaderos palacios. En la orilla izquierda se encuentran los palacios titulados de Mármol y el de Invierno

calzada será de adoquinado apoyado sobre una capa de arena que tendrá una base de hormigón.

En la parte de la calzada se ha dispuesto un espacio para que puedan pasar dos líneas de tranvía eléctrico con cable inferior.

El puente ha sido calculado para sostener una sobrecarga de 529 kilogramos por metro cuadrado uniformemente repartida ó bien una carga móvil de carros de cuatro ruedas de un peso cada uno de 20,000 kilogramos.

La parte más difícil del proyecto era equi-

primado, pues tienen que llegar hasta una profundidad de 28 metros debajo del nivel ordinario de las aguas.

El presupuesto que se fijaba como límite en las bases del concurso era de tres y medio millones de rublos. El proyecto de que nos estamos ocupando alcanza un presupuesto de 3.483,828 de rublos divididos en la siguiente forma:

Parte metálica, ...	1.366,938 rublos
Pavimentos, barandillas	
y adornos, ...	363,243

plazamiento del puente en proyecto distinguiéndose el actual puente de barcas, el Palacio de Invierno del Czar y el Almirantazgo.

Los proyectos debían presentarse, para optar al concurso, el día 1.º de septiembre de 1902 y por ser mucho el número de proyectos presentados y á pesar de ser muy numerosa la Comisión que debía informar, no ha recaído resolución hasta ahora.

Los proyectos debían redactarse en idioma ruso.

lo hicieron *sincera y calurosamente, enfatizando su éxito excepcional si se tiene en cuenta que se contaron por centenares los proyectos presentados por ingenieros de todas las naciones y que concurrieron al concurso casas constructoras de las más importantes de Francia, Alemania y Bélgica*. Añadieron que *el triunfo conseguido por nuestro compañero resulta extraordinariamente avalorado*. En los periódicos de carácter general aprovecharon la noticia para insuflar grandes dosis de orgullo patriótico. Para ellos, el triunfo de aquel hombre era como el de todo el país, aún en estado de shock por la pérdida del imperio colonial en 1898. Entre los que se quitaron más espinas estuvo el *Diario de Zaragoza*, que bajo el titular *triunfo de un ingeniero español*, afirmaba exaltado: *no somos tan pequeños, ni estamos tan atrasados, como hemos dado a decir*. En la prensa barcelonesa, también se remarcó que *don Magín Cornet trabajaba en la Maquinista* y que *su tío era don José María Cornet y Mas*. Aquellos días todo el mundo se enteró del terrible accidente que había sufrido en Esponellà, aunque por entonces ya estaba bastante recuperado. De hecho, durante los meses siguientes de 1904 y 1905, Magí Cornet escribió frecuentemente en la *Revista Tecnológico-Industrial* explicando por fascículos su proyecto y cómo había afrontado el concurso. En un país necesitado de héroes, su historia despertaba un interés magnético. Sin pretenderlo, periodistas y lectores lo habían convertido en un referente de quien aprender, aunque todavía no estaba nada claro cómo ni cuando se construiría el puente de San Petersburgo.

Tengo la impresión de haber reescrito hasta ahora una secuencia que ya había parafraseado antes en mi cabeza muchas veces, seguramente porque es fruto del diálogo franco entre datos y personas dispares. Lo digo en el sentido que, de aparecer nuevas informaciones, es probable que tan sólo reacomodasen detalles de *атре́зѣ*, una entonación concreta o el cambio de algún

Diario de Zaragoza del 25 de enero de 1904 informando sobre el proyecto de Magí Cornet.

Дьярьо де Сарагосса от 25 января 1904 года с публикацией, рассказывающей о проекте Мажн Корнета

Империи, и получил премию петербургской Думы.

Испанские газеты и журналы описывали подвиг Мажн Корнета и Масрьеры, придавая событию эпический характер. Слава, подобно новому живительному древесному соку, начала растекаться по его жизни с силой до сего момента неслыханной. Мы знаем, что премия составила 2000 рублей, и что, по крайней мере, на протяжении нескольких месяцев Мажн стал королем на всех праздниках тех 400 каталонцев, которые, по словам Милета, заправляли всем. Все поздравляли его, начиная с его товарищей-инженеров, сотрудничавших в журнале «Технология и Индустрия», которые выразили свои чувства искренне и горячо, отметив исключительность этого успеха, *если учесть, что можно было насчитать сотни проектов, представленных инженерами всех стран, и что в конкурсе участвовали самые значительные строительные фирмы Франции, Германии и Бельгии*. Они также отмечали: *победа, одержанная нашим товарищем, имеет огромное значение*. В газетах общего характера новость использовали для утверждения национальной гордости. Для них победа этого человека являлась одновременно победой всей страны, которая еще не успела оправиться от удара, полученного в результате потери колониальных владений в 1898 году. Среди публикаций, использовавших на всю катушку это известие, выделялась газета Дьярьо де Сарагоса, которая под заголовком *Победа испанского инженера*, в восторге утверждала: *мы не такие ничтожные и не такие отсталые, какими нас обычно считают*. В барселонских изданиях подчеркивалось, что *дон Махин Корнет работал на фирме «Макиниста», а дон Хосе Мария Корнет и Мас был его дядей*. В те дни все узнали об ужасном происшествии в Эспунелье, хотя к тому времени Мажн Корнет уже почти совсем поправился. На протяжении последующих месяцев 1904 наш инженер года написал несколько статей в журнал «Технология и Индустрия», объясняя разные стадии разработки проекта и свое участие в конкурсе. В стране, где не хватало героев, его история вызывала живейший интерес. Помимо его желания, журналисты и читатели превратили его в образец для

mueble. ¿Pero cómo describir la nebulosa que viene a continuación? Porque de todo lo que aconteció entre septiembre de 1902 —la fecha de entrega de las propuestas—, hasta la inauguración del puente en 1916, a día de hoy sólo existen fragmentos estancos. Es como si todos los implicados se hubieran quedado con su propia versión de los hechos, negándose a cualquier capilaridad informativa. Por ejemplo, la prensa y las poquísimas publicaciones españolas que hablan del tema sólo mencionan los 2.000 rublos famosos que cobró Magí Cornet. No dijeron nada de los demás premiados. Desde la otra orilla, en las obras de autores rusos, europeos o americanos, el concurso de 1902 aparece como algo conflictivo y borroso, una confusión que pasa rápido. Saltan directamente a las obras del puente, desgranando una serie de vicisitudes menores hasta su inauguración. Casi nada del concurso y, por supuesto, ni una palabra de Magí Cornet. Sólo sospechamos con fundamento, porque a Montse Cornet así se lo afirmó el otrora director de Puentes de la ciudad, que la documentación de su propuesta la custodia el Ayuntamiento de San Petersburgo. Muchos han probado de conseguir una copia de lo que envió Cornet en 1902 —entre ellos la Escuela de Ingenieros de la UPC, el Col·legi d'Enginyers Industrials de Catalunya o incluso el Embajador español en Moscú— y de distinta forma, pero el resultado siempre ha sido el mismo: nadie ha podido consultarla jamás.

Montse Cornet ha pasado años recopilando información en varios archivos y vaciando cajas que conservaba en casa con los documentos de su abuelo. Algunos de ellos estaban escritos en ruso, que es para ella un lenguaje ininteligible e inquietante. A la vez, le aporta una brizna de esperanza: como si cada párrafo jeroglífico pudiera contener algo de todo aquello que aún no sabe de su abuelo. Ella, que es una mujer práctica, rápidamente decidió hacerse traducir todos los papeles que encontró en alfabeto cirílico. Necesitaba ser más expeditiva en sus pesquisas y nunca vio claro el sistema utilizado por su padre, Josep Maria Cornet i Jaumandreu. El que fue primogénito de Magí y Oliva, también ingeniero y también de la Maquinista, no sólo empezó a estudiar ruso a partir de los sesenta y cinco años para acercarse

podражания, хотя до сих пор не было известно, когда и как будет построен мост в Санкт-Петербурге.

Мне кажется сейчас, что я только что записал на бумаге историю, которую множество раз излагал про себя. Вероятно, так происходит, потому что она является плодом сопоставления различных данных и бесед с самыми разными людьми. Я говорю это в том смысле, что появление какой-то новой информации, скорее всего, только изменит порядок второстепенных деталей, добавит новый оттенок или поменяет отдельные элементы местами. Но, однако, как можно описать тот сгусток тумана, который скрывает от нас последующие события? Ибо все, что случилось между сентябрем 1902 года, когда истек срок подачи проектов, и открытием моста в 1916 году, на сегодняшний день представляет собой только серию отрывочных сведений. Как будто каждая из заинтересованных сторон создала для себя свою версию происшедшего и не желает, чтобы к остальным просочилась даже самая тонкая струйка информации. Например, испанская пресса и другие немногочисленные публикации, говоря об этой теме, упоминают только знаменитые 2000 рублей, полученные Мажи Корнетом, и ни слова не говорят о других конкурсантах, удостоившихся премий. Напротив, русские, европейские или американские источники описывают конкурс 1902 года, как спорное и смутное явление, которое прошло быстро и незаметно. Они сразу переходят к строительству моста, описывая целую серию незначительных подробностей, и затем пишут о его открытии. Конкурс упоминается только вскользь, а о Мажи Корнете, естественно, нет ни слова. Однако у нас есть основания полагать, что документы проекта хранятся в мэрии Санкт-Петербурга, потому что так заявил Монтсе Корнет человек, исполнявший в свое время обязанности директора Дорожно-мостового управления города. Многие пытались получить копию проекта, присланную Корнетом на конкурс в 1902 году — например, Школа Инженеров Политехнического Университета Каталонии, Каталонская Коллегия инженеров промышленного и гражданского

al misterio *cornetiano*, sino que, ya bastante más mayor, viajó a San Petersburgo para ver el que consideraba el puente de su padre. Un día que Montse estaba examinando algunos de los papeles traducidos, se sorprendió de leer algo en relación al río Ohta, afluente del gran Neva. De hecho, en sus manos tenía todo un documento sobre un puente proyectado en este río, que se une al Neva a la altura de San Petersburgo, no lejos de la catedral de Smolny. Pensó que allí debería haber habido un error, que aquél no era el de su abuelo. Sin duda, de esto estaba segura, él había participado en un puente llamado *de Palacio* y sobre el río Neva. Pero después se fijó en lo único que podía comprender de aquel documento. Parecía un título y estaba escrito en castellano: *José María*. Ahora sí que no entendía nada, el nombre de su padre en un dossier de un puente sobre el Ohta... La confusión duró unos días, hasta que la traductora llegó a su casa con un pliego de notas traducidas. Cuando se las entregó, para Montse fue como si se le descubriera la piedra roseta; y al instante dirigió su mirada a un encabezamiento inequívoco: *Informe del tribunal para el examen de los participantes al concurso de proyectos para el puente de Palacio y del Ohta y sus consecuentes premios*. Empezó a leerlo y entonces lo vio clarísimo: en aquel 1902 había tenido que resolver no uno, sino dos proyectos en paralelo dentro de un único concurso. Uno para un puente en el Ohta y otro para el del Neva. ¡Magí Cornet se había presentado para los dos! Y en ambos quedó finalista.

Leyendo el informe del tribunal se dilucidaron algunas cosas. Primero que no fue hasta el 9 de octubre de 1902, casi un mes después de haberse entregado las propuestas, cuando la Duma (cámara municipal) se reunió para elegir la comisión que evaluaría los proyectos presentados. Al cabo de algunas semanas se escogió el tribunal, formado por el director y varios profesores del Instituto de Ingenieros de Vías de Comunicación de San Petersburgo, contando con el amplio asesoramiento de la Academia Imperial de Arte. La primera sesión de trabajo tuvo lugar el 30 de noviembre de 1902. Hasta el siguiente noviembre de 1903 se reunieron quince veces, más treinta sesiones especiales. En total se examinaron las 42 propuestas presentadas;

строительства и даже Посол Испании в Москве. Все их усилия, предпринятые в различной форме, всегда приводили к одному и тому же результату: никому не удалось увидеть эти документы.

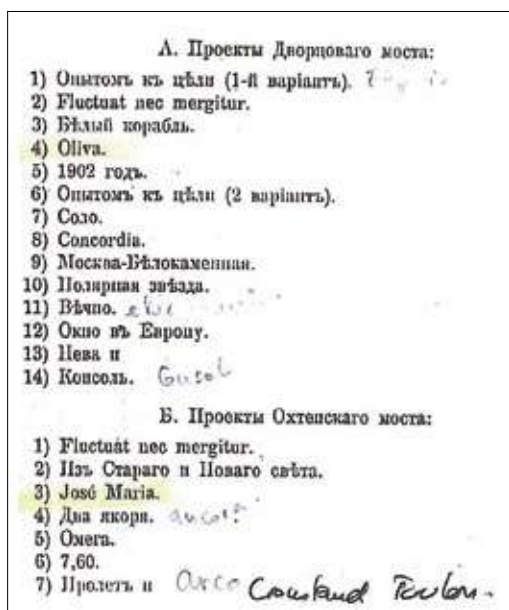
Монтсе Корнет в течение долгих лет собирала информацию в разных архивах и перебирала бумаги своего деда из коробок, которые хранились у нее дома. Некоторые из этих документов были написаны по-русски, а для нее этот язык казался загадочным и непонятным. В то же время эти пероганфы вселяли в нее слабую надежду: ей казалось, что каждый абзац мог скрывать зашифрованные сведения об ее дедушке, которые ей еще не были известны. Поскольку Монтсе по натуре человек практичный, она быстро решила заказать перевод всех страниц, написанных кириллицей. Ей хотелось быстро продвигаться в своих исследованиях, а потому ей не подходил способ, к которому прибег ее отец Жузепп Мария Корнет и Жаумандреу. Этот человек, который был первенцем у Мажи и Оливы, и, как его отец, тоже работал инженером на «Макиннесте», в возрасте шестидесяти пяти лет начал учить русский язык, желая приблизиться к разгадке *корнетовой* тайны, и к тому же в гораздо более пожилом возрасте совершил поездку в Санкт-Петербург чтобы увидеть мост, который он считал произведением своего отца.

Однажды, когда Монтсе просматривала документы, переведенные с русского языка, ее внимание привлекло упоминание реки Охта, притока Невы. На самом деле, у нее в руках оказался целый документ, посвященный проекту моста на этой реке, которая впадает в Неву в черте Санкт-Петербурга, недалеко от Собора Смольного монастыря. Сначала она подумала, что эти бумаги попали в коробку по ошибке и не принадлежали ее деду. Монтсеррат совершенно точно знала, что он участвовал в конкурсе проектов моста на Неве, который назывался *Дворцовым*. Однако потом ее внимание привлекли слова *José María*. Ничего больше в этом документе она не понимала, но эти два слова были написаны по-испански и казались заголовком. Это окончательно сбilo ее с толку: что делало имя ее отца в досье моста через Охту...

26 para el puente de Palacio y 16 para el del Ohta. De entre los participantes, se hizo una primera selección, descartando a varios por no satisfacer suficientemente las bases del concurso. Cornet pasó todos los filtros y colocó entre los finalistas sus dos propuestas. Estaba claro que 1903 no fue un año en blanco para el Ayuntamiento, aunque sí de un silencio cruel. A lo largo de unos meses para olvidar, Magí había sufrido el brutal accidente de Esponellà y la amarga incertidumbre sobre la inutilidad de su esfuerzo.

Para garantizar el anonimato y un procedimiento justo, al igual que pasa hoy en día en los concursos urbanísticos o arquitectónicos, las propuestas iban identificadas sólo por lemas o pseudónimos. Los de Magí eran *Oliva* para el del puente de Palacio y *José María* para el del río Ohta. Eso es, la mujer y el hijo mayor de Magí, dos palabras en alfabeto latino en el listado de finalistas. Sin embargo, después de analizar todas las propuestas, la Comisión consideró que, para el puente sobre el Ohta, ninguna de las seleccionadas se ajustaba a las bases y, por lo tanto, decidió no conceder premios. Aquí se acabó el recorrido de *José María*. Magí Cornet no había podido ganar la *Copa* por el río Ohta, pero todavía optaba a la *Champions* en el Neva. De todas formas, en relación al Puente de Palacio, las cosas tampoco fueron fáciles ni estaban claras. La Comisión decidió que tampoco se podía entregar un primer premio. Argumentó que todos los proyectos, en algún aspecto u otro, no satisficieron completamente las bases del concurso. En este punto, recordemos las propias palabras de Magí publicadas en la Revista Tecnológico-Industrial, donde se quejó de las restricciones draconianas de la competición y justificó con datos los horrores para ajustarse a todas ellas. Aún así, los expertos consideraron que el trabajo desarrollado por algunos participantes era tan *grande y valioso* que solicitaron a la Duma la concesión de tres terceros premios a las propuestas 1902, *Solo y Fluctuat nec mergitur*. Cada una de ellas recibió 5.000 rublos como premio. Y entre esta maraña deliberativa, ¿qué pasó con *Oliva*, la propuesta de nuestro ingeniero para el puente de Palacio?

Somnien oburevali Montserрат несколько дней, пока к ней не пришла переводчица с кипой готовых заметок. Когда Монтсе получила перевод, ей показалось, что она увидела свой Розеттский камень, и ее взгляд сразу остановился на не оставлявшем сомнений заглавии: *Отчет комиссии по рассмотрению проектов участников конкурса создания Дворцового и Охтинского моста и соответствующие премии*. Она начала читать и тут же все поняла: в том далеком 1902 году ее дед подготовил не один, а два параллельных проекта в рамках единого конкурса. Один для моста на Охте, а другой – для моста на Неве. Мажн Корнет представил свои проекты для обоих мостов! И в обоих случаях стал финалистом конкурса. Когда Монтсеррат читала отчет комиссии, многое для нее стало ясно. Во-первых, городская Дума (муниципальный совет) собралась чтобы избрать комиссию, которой предстояло оценить предложенные проекты, только 9 октября 1902 года, почти через месяц после того, как истек срок представления проектов. Через несколько недель было избрано жюри, в которое входил директор Института путей сообщения и несколько преподавателей этого учреждения. Жюри могло постоянно получать консультации и поддержку Императорской академии искусств. Первое рабочее заседание жюри состоялось 30 ноября 1902 года. На протяжении года, до ноября 1903 года, оно собиралось пятнадцать раз, не считая тридцати консультаций по частным вопросам. В целом были рассмотрены 42 представленных проекта: 26 для Дворцового моста и 16 – для Охтинского. Среди всех участников провели первый отбор, и несколько проектов были отложены, потому что не отвечали условиям конкурса. Корнет прошел все эти фильтры, и оба его проекта оказались в числе финалистов. Теперь стало ясно, что Дума не теряла время в 1903 году, но это время стало месяцами жестокого молчания для участников. На протяжении долгих дней, о которых лучше не вспоминать, Мажн испытывал горькое неведение и сомнения в тщетности своих усилий. В это же время произошел несчастный случай в Эспунелье. Чтобы обеспечить анонимность и избежать несправедливостей,



Clasificaciones de los finalistas de los concursos para los puentes sobre los ríos Neva y Ohta. Fuente: Cornet, Montse: *Carta a l'avi*.

Список финалистов конкурсов проектов Охтинского и Дворцового мостов. Источник: Корнет, Монтсе «Письмо к моему деду».

Desde luego que San Petersburgo no se había olvidado de *Oлива*. Por algún motivo le interesó de forma particular y la compró aparte. De hecho, según la cláusula número 5 del concurso, la Comisión podía adquirir para la ciudad aquellos proyectos que tuvieran un *especial interés total o parcial* en relación a la construcción del puente. Además de *Oлива*, la Comisión compró los proyectos *Experiencia hacia el objetivo, variante 1* y *Estrella Polar*. Los tres fueron premiados con 2.000 rublos cada uno. Si repasamos la propuesta de Cornet, la Comisión apuntó algunos defectos principalmente en relación a la precipitación de los cálculos, ciertas dudas en la resistencia de las partes flotantes y desajustes en las medidas para la navegación. Lo que el jurado no pudo valorar es la nocturnidad con que se ejecutó esta

точно так же, как это происходит сейчас с архитектурными или градостроительными проектами, все предложения были обозначены только девизами или псевдонимами. Мажи назвал свой проект Дворцового моста *Олива*, а Охтинского – *Хосе Мария*. Именно так: это были имена жены и старшего сына Мажи, два слова, написанные на латинице, в списке финалистов. Однако, рассмотрев все проекты, комиссия пришла к выводу, что ни один из проектов Охтинского моста не соответствовал полностью условиям конкурса, и поэтому премии по этой части конкурса не были присуждены. На этом кончилась история *Хосе Марии*. Мажи Корнет не смог выиграть *Кубок страны* на реке Охта, но у него еще оставались шансы выиграть международную *Лигу Чемпионов* на Неве.

Как бы то ни было, в отношении Дворцового моста все тоже было непросто и не слишком ясно. Комиссия тоже решила, что первую премию ни одно из предложений не заслуживало. Основанием такого решения являлся тот факт, что все проекты, в той или иной своей части, не вполне соответствовали условиям конкурса. Теперь самое время вспомнить слова самого Мажи, опубликованные в журнале «Технология и Индустрия», когда он жалуется на драконовские ограничения конкурса и с цифрами в руках доказывает, как трудно было выполнить все эти ужасные требования. Несмотря на это, экспертная комиссия сочла, что работа, проведенная некоторыми из участников, была значительной и ценной, а потому ходатайствовала перед Думой о выделении трех третьих премий для проектов *1902*, *Соло* и *Fluctuat nec mergitur*. Каждый из них получил в качестве премии 5000 рублей. Но во всей этой запутанной истории с решением комиссии, что же случилось с *Оливой*, проектом Дворцового моста, разработанным нашим инженером?

Естественно, Санкт-Петербург не забыл об *Оливе*. По какой-то причине эта работа особенно привлекла комиссию, и она купила проект отдельно. По сути дела, по пункту 5 условий конкурса, Комиссия могла приобрести для города те проекты, которые имели особый *интерес в целом или в частных деталях* для строительства моста. Кроме *Оливы*, комиссия купила

precipitación en los cálculos, en soledad y sufriendo la total precariedad de medios y recursos. Sea como fuere, al final primaron las cualidades positivas en la propuesta de Magí. Reconocieron que ésta estuvo de *acuerdo con las bases* (le faltó que este acuerdo fuera *completo*, para dar el salto a la fama) y elogiaron la forma de colocar e integrar *las partes desmontables del medio del río*, al igual que remarcaron el *aspecto ligero del puente, no alterado por la presencia de piezas desmontables*. En definitiva, les gustó la colocación de su sistema de apertura y, en general, lo que el puente tenía de máquina sobre el Neva.

Después de que el tribunal hubiese deliberado, el puente debía construirse muy rápido, entre 1904 y 1905. Sin embargo, aparecieron trabas burocráticas, resurgieron dudas técnicas respecto a todas las soluciones presentadas y llegaron cambios de ideas en cuanto al emplazamiento. Todo este proceso dilató increíblemente la elección del proyecto, de la empresa constructora y, por lo tanto, el inicio de las obras. En el convulso San Petersburgo de los últimos años zaristas, el abrazo de las fábricas al centro histórico era tal que, en 1905, la ciudad ya contaba con 200.000 obreros de un total de un millón y medio de habitantes. Un auténtico polvorín. Por entonces, la población sufría el fatal desenlace de la guerra ruso-japonesa y la miseria colectiva preparaba la Revolución sindicalista de 1905. Tuvo lugar en la plaza de Invierno, a pocos metros del futuro puente, bajo el liderazgo del pope ortodoxo G.A. Gapon. Un religioso carismático que, inicialmente, fue utilizado por la policía zarista para controlar el movimiento obrero desde dentro. A la hora de la verdad, contra pronóstico, tuvo vida propia e intentó unir las reivindicaciones laborales obreristas con las de mayor libertad, provenientes de la buguesía. La propuesta era pacífica, multitudinaria y con una gran fuerza moral; pero la respuesta del zar Nicolás II fue al principio de total menosprecio y, al final, de una brutalidad inexplicable. Había abandonado el día antes el Palacio de Invierno y, desde su residencia imperial de Tsárskoye Selo, en los suburbios de la capital, ordenó disolver la concentración provocando una carnicería conocida como el *Domingo sangriento*.

proyectos *Опытом к цели, вариант 1* и *Полярная звезда*. Все три работы получили в качестве премии по 2000 рублей каждый. Если мы рассмотрим замечания Комиссии по проекту Корнета, то увидим, что она отметила в первую очередь поспешность в расчетах, некоторые сомнения относительно прочности находящихся в воде деталей и нарушение навигационных габаритов. Жюри не могло иметь в виду, что поспешные расчеты делались в полночные часы, и что автор был совершенно одинок в своей работе и располагал крайне ограниченными возможностями и средствами. Но как бы то ни было, на первое место выступили именно положительные качества проекта Мажн. Жюри признало, что он *соответствовал условиям конкурса* (ему не хватило только слова *полностью* чтобы подняться на вершину славы), положительно оценило размещение и включение к конструкции разводных частей на середине реки, а также подчеркнуло *визуальную легкость моста, которая не нарушается присутствием разводной его части*. Одним словом, членам комиссии понравилось размещение разводного приспособления, они увидели в нем хитроумный механизм над Невой.

После опубликования решения комиссии, строительство должно было начаться незамедлительно, в 1904 или 1905 году. Однако возникли бюрократические препоны, снова стали обсуждаться вызывавшие сомнения технические детали выбранных проектов, и изменилось решение о местоположении моста. Из-за всех этих трудностей процесс окончательного выбора проекта и строительной фирмы для его реализации невероятно растянулся, и поэтому начало работ долго откладывалось. В сотрясаемом волнениями Санкт-Петербурге последних лет царской власти, кольцо фабрик сжималось вокруг его исторического центра. В 1905 году население города составляло полтора миллиона человек, из которых 200.000 были рабочими. Это была настоящая пороховая бочка. В те годы население страдало от последствий неудачной русско-японской войны, и нищета готовила почву для Революции профсоюзов 1905 года. Она вспыхнула на площади перед Зимним дворцом, в

Lejos de esta violencia, volvamos ahora a la Barcelona burguesa porque allí, al menos para nuestro hombre, los tiempos estaban cambiando. Magí Cornet saboreaba el éxito de la hazaña rusa que, a pesar del incierto final, rellenó páginas de periódico y tertulias de café. La noticia había llegado incluso a oídos del rey Alfonso XIII, quien de viaje a la ciudad el 14 de abril de 1904, visitó el complejo de la Maquinista y le quiso felicitar en persona⁶. A su lado estaban varios prohombres de la ciudad y la plana mayor de la compañía, liderada por su tío y director Cornet i Mas, y Ernest Tous, el principal propietario. Sin embargo, la experiencia del proyecto del puente, así como su posterior reconocimiento, revolvieron muchas cosas en el joven ingeniero. El catalizador del cambio no sólo fue la fama momentánea, el dinero del premio o un sobrevenido reconocimiento social; él se replanteó el futuro. Estaba a punto de nacer su tercer hijo, Magí, al que cariñosamente llamaron *el hijo del proyecto* y la familia Cornet i Jaumandreu se mudó desde la Gran Vía hasta un precioso principal modernista en la calle Roger de Llúria. Sabemos que finalmente el recién papá dejó la Maquinista para fundar su propia empresa, aunque hasta el momento no ha trascendido a qué se quería dedicar. De hecho, casi no tuvo tiempo de iniciar el proyecto. Mientras estaba con sus hijos en la terraza del nuevo piso, sin previo aviso, cayó al suelo fulminado. Dice su nieta Montse que murió de un derrame cerebral; aunque para ella su agonía había empezado mucho antes y por culpa de la Maquinista. Cree que nunca se recuperó del terrible esfuerzo, de los meses sin dormir y del estrés que sufrió mientras preparaba los dos proyectos de San Petersburgo. Está convencida de que ya le pasaba algo cuando se cayó del puente sobre el Fluvià, pocos meses después de entregar sus propuestas rusas. Después de burlar la muerte en el Liceu y en Esponellà; a la tercera, ésta le cobró todos los atrasos.

Aunque su nieta no le conoció en vida, porque murió casi treinta años antes de su nacimiento, Montserrat Cornet afirma

нескольких метрах от будущего моста. Движением руководил православный священник Г.А. Гапон, религиозный деятель, способный увлечь за собой массы. Изначально царская полиция использовала его чтобы контролировать рабочее движение изнутри, но затем, против всяких ожиданий, когда настало время истины, он стал действовать самостоятельно и попытался соединить требования рабочих по улучшению условий труда с требованиями свобод, которые предъявляла буржуазия. Движение было мирным и массовым, оно обладало большой моральной силой; но царь Николай II сначала относился к нему с презрением, а затем, подавил его с необъяснимой жестокостью. Днем раньше он покинул Зимний дворец и из своей императорской загородной резиденции в Царском Селе приказал рассеять демонстрацию, что привело к множеству жертв в день, оставшийся в истории под названием Кровавое воскресенье. Оставим эти сцены насилия и вернемся сейчас в буржуазную Барселону, потому что там времена менялись, по крайней мере, для нашего героя. Мажи Корнет наслаждался успехом своего русского подвига, который, несмотря на смутный финал, оживлял страницы газет и разговоры в кафе. Известие дошло даже до ушей короля Альфонса XIII, приехавшего в город 14 апреля 1904 года. Он посетил комплекс предприятия «Макиниста» и захотел лично поздравить инженера. Его сопровождали отцы города и все начальство предприятия во главе с дядей Мажи и директором фирмы, Корнетом и Масом, и Эрнестом Тоусом, главным совладельцем предприятия. Однако опыт работы над проектом моста и последующее признание перевернули многое в жизни молодого инженера. Толчком к изменениям стала не только минутная слава, полученные в качестве премии деньги или полученное общественное признание; он просто решил изменить свою жизнь. Вот-вот должен был родиться его третий сын, Мажи, которого нежно называли *детищем проекта*; и семья Корнет и Жаумандреу переехала из квартиры на улице Гран Виа в прекрасный модернистский бель-этаж на улице Роже де Льюрия. Нам известно, что молодой отец, в конце концов,

⁶ *Diario de Barcelona de avisos y noticias*. Núm. 107. 16 abril de 1904.

que ha conseguido tener una idea muy concreta de quien era, gracias a las conversaciones con su padre y con la abuela Oliva, esposa de Magí. Pero también a merced de varios viajes a la capital del Neva y de la documentación que buscó. Magí Cornet se fue muy joven, en el punto álgido de la vida y cuando mejor le iban las cosas, dejando tres hijos y a su mujer Oliva bien desorientados. Con la desgraciada excepción del más pequeño, que murió todavía siendo un bebé, sus hijos Josep Maria y Joan acabaron estudiando ingeniería industrial. Como era tradición familiar, incluso trabajaron en la Maquinista durante unos años. Ya fuera por mala conciencia respecto al sobrino-hijo Magí, por amor o bien por una combinación de ambos, don Josep Maria Cornet i Mas ayudó a la viuda Oliva y se encargó de la educación de los hermanos Cornet i Jaumandreu. A los sesenta y cinco años, por entonces ya viejo, el patriarca ejerció por segunda vez de padre adoptivo, al igual que décadas atrás había hecho con nuestro ingeniero.

Está claro que de Magí Cornet quedan algunas certezas y muchísimos interrogantes. La escena siguiente intentó desvelar algunos de ellos durante una comida con un grupo heterogéneo de arquitectos e ingenieros. El envoltorio nos iba a favor: cocina vasca en el Eixample y uno de estos días de primavera que tanto envidian los nórdicos que visitan Barcelona. Estábamos celebrando la experiencia vivida en un concurso reciente, del cual no tuvimos más premio que la comida final. De forma natural, se creó un ambiente improvisadamente cornetiano y, en la sobremesa, surgió la historia del puente de Palacio. Mientras unos la explicábamos, los demás la descubrían y señalaban con inteligencia y frescor posibles nuevos caminos en la investigación. Entonces nos dimos cuenta de la magia escénica: otros de los arquitectos de la mesa, junto con Esteyco, estaban precisamente rehabilitando la obra más emblemática de Cornet i Mas en Barcelona: el mercado de Sant Antoni. El anfitrión, que tenía un pie en cada grupo, ejercía de maestro de ceremonias y consiguió una gran complicidad con el personaje de Magí Cornet en el epicentro. Después de oír su hazaña, un provocador soltó, magnífico y audaz:

оставил предприятие «Макиниста» чтобы начать собственное дело, хотя мы до сих пор не смогли выяснить, чем он собирался заниматься. По большому счету, ему не хватило времени даже для начала собственного проекта. Однажды, играя с детьми на террасе своей новой квартиры, он неожиданно упал и скоропостижно скончался. Его внучка Монтсе говорит, что виной тому было мозговое кровоизлияние, но, по ее словам, агония ее деда началась гораздо раньше, и вина за это лежит на «Макинисте». Ей кажется, что Мажи так и не оправился после страшных усилий, долгих бессонных месяцев и стресса, который он испытал, пока готовил два своих проекта для Санкт-Петербурга. Монтсеррат убеждена, что падение с моста на реке Флувья указывает, насколько был истощен Мажи через несколько месяцев после подачи своего русского проекта. Он дважды обманул смерть — в Лисеу и в Эспунелье — но в третий раз она потребовала выплаты задолженности.

Хотя внучке Мажи не довелось познакомиться в жизни со своим дедом, потому что он умер за тридцать лет до ее рождения, Монтсеррат Корнет утверждает, что смогла составить о нем *весьма четкое представление*, благодаря беседам со своим отцом и с бабушкой Оливой, супругой Мажи. Но не только им: она несколько раз побывала в городе на Неве и обнаружила много документов. Мажи Корнет ушел из жизни совсем молодым, в расцвете лет, когда судьба ему улыбалась, и оставил трех сыновей и жену Оливу в полной растерянности. За печальным исключением самого младшего из сыновей, который умер в младенчестве, остальные двое, Жузеп Мария и Жуан, получат образование по специальности промышленная инженерия и, как велела семейная традиция, даже несколько лет проработали на «Макинисте». Может быть, дон Жузеп Марию Корнета и Маса мучила совесть за то, как он обошелся со своим племянником и приемным сыном Мажи, но он помогал вдове Оливе и дал образование братьям Корнет и Жаумандреу. Возможно также, что он сделал это просто из любви к ближнему, а может быть, имело место сочетание обеих этих причин. В возрасте шестидесяти

—¿Pero quién es el que va a Rusia a hacer un concurso de un puente en 1902? Bah... esto no me lo creo. ¡Seguro que tenía a alguien allí! —Con su tono teatral, desató carcajadas en la mesa. Divirtiéndonos, remarqué la complicidad que siempre hubo entre Oliva y Magí y lo increíble de que el ingeniero hubiera tenido una aventura rusa. Pero el arquitecto, hábil y veloz, se rearmó:

— ¿Quién era la amante? Has dicho de que nadie sabía quién le tradujo los proyectos al ruso... ¿quién fue su traductora? ¡Esto deberíamos averiguar, la traductora es quien le llevó allí!

Y lo que empezó como una broma, acabó como una hipótesis gracias a la profesora y traductora de ruso Nina Avrova. Gran conocedora de la literatura catalana, castellana y rusa; así como enamorada de la historia de Cornet, ella fue quien primero apuntó sus sospechas respecto a un tercer hombre, de fuera de Barcelona, como posible traductor: el ruso Isaak Pavlovski (1852-1924). A partir de su anzuelo, vi que las conexiones con Magí no eran directas pero sí razonablemente plausibles, a través de su tío Gaietà Cornet i Mas o su primo Gaietà Cornet i Palau, respectivamente padre e hijo. Pensemos, además, que encontrar un traductor de ruso para los dos proyectos (el puente de Palacio y el del río Ohta) en la Barcelona de 1902, con cierta discreción y escasísimo margen de tiempo, no era nada fácil. Si alguien lo pudo haber conseguido tal vez era la rama de los Gaietà que, entre tíos y primos, estaban perfectamente conectados con el mundo de la cultura en general y, muy en particular, con los cosmopolitas tertulianos del Café Pelayo barcelonés. Entre ellos, estaba el escritor Narcís Oller (1846-1930), gran amigo de I. Pavlovski.

Oller conoció a I. Pavlovski en 1885, cuando el ruso llegó a Barcelona de su periplo por la península. Allí se inició una íntima amistad, que cultivaron durante treinta ocho años con centenares de cartas y algunas visitas⁷. Gracias a la complicidad personal y profesional impulsaron la traducción de obras

de cinco libros — por тогдашним временем уже глубоким стариком — этот патриарх снова сыграл роль приемного отца, как несколькими десятилетиями раньше сделал это по отношению к нашему инженеру.

Совершенно ясно, что Мажи Корнет оставил нам несколько ясных ответов и множество неразрешимых вопросов. Участники сцены, которую мы сейчас опишем, попытались разрешить некоторые вопросы во время обеда, когда за столом собралась весьма неоднородная группа инженеров и архитекторов. Обстановка играла нам на руку: мы были в ресторане баскской кухни в Эйшампле, и стояла прекрасная весенняя погода, которая является предметом зависти наших северных гостей, когда они приезжают в Барселону. Мы отмечали свой опыт участия в недавно закончившемся конкурсе, единственной премией которого стал для нас прощальный обед. Сама собой неожиданно создалась *корнетовская* обстановка, и в конце обеда речь зашла об истории Дворцового моста. Пока мы рассказывали все, что знали, остальные открывали ее для себя и указывали — благодаря своей живости ума и свежести взгляда — на возможные новые пути исследования. И тут мы вдруг поняли волшебство этого момента: нашими соседями по столу оказалась группа архитекторов, которые вместе с Эстейко, работали над реставрацией одного из значительных произведений Корнета и Маса в Барселоне: рынка Сант Антони. Наш амфитрион, который сотрудничал в обеих фирмах, играл роль церемониймейстера и глубоко проникся фигурой Мажи Корнета, оказавшегося в центре всеобщего внимания. Выслушав историю его подвига, кто-то задал дерзкий и смелый провокационный вопрос:

— Кому могло прийти в голову участвовать в конкурсе проектов какого-то моста в России в 1902 году? Пфф... ни за что я в это не поверю. Наверняка, у него кто-нибудь там был! — Его театральный тон вызвал взрыв хохота. Я в шутку напомнил о том, что Мажи и Олива всегда жили душой в душу, и сказал, что какой-нибудь роман у инженера в России мне не представляется вероятным. Однако архитектор, острый на язык и быстрый умом, привел новые доводы:

⁷ Sabemos que Isaak Pavlovski estuvo como mínimo en 1885, 1888 y en 1908 en Barcelona, como recoge Josep Maria Farré en *Un rus a Catalunya*.

Vista del Palacio de Invierno desde el Puente.
Вид на Зимний дворец с Дворцового Моста.





rusas al catalán, al castellano y viceversa. Isaak Pavlovski, que nació en Odessa y fue desterrado a Arjángelsk por un pasado revolucionario, consiguió fugarse de un futuro negro en Rusia para vivir entre Suiza y Francia. Era periodista, trabajó para la prensa rusa en París y desde allí viajó por toda España entre 1884 y 1885 buscando material para nuevos reportajes. Sobre todo le fascinó Barcelona, donde hizo amistad con grandes escritores catalanes del momento. Hablamos no sólo de Narcís Oller, sino también de otros personajes vinculados al periódico *La Renaixensa*, según contó el propio I. Pavlovski en un libro de viajes que publicó en San Petersburgo poco después. Por otro lado, la correspondencia entre los amigos Narcís Oller e Isaak Pavlovski está ya muy estudiada y duró toda su vida. También está comprobada la fluida relación entre Oller y el tío de Magí, Gaietà Cornet i Mas⁸. Al igual que el hijo de este último y primo hermano de Magí, Gaietà Cornet i Palau, todos ellos frecuentaban el mismo círculo cultural y burgués del momento. Así es que, viendo este historial de confluencias y proximidades, ¿Es muy disparatado pensar que el periodista Isaak Pavlovski, desde París, hubiera podido recibir la documentación del concurso, en castellano o en francés, y después traducirla al ruso?

Sin mucha épica y con pocos violines, al final pasó la gran época de las ideas y las discusiones a rebufo del concurso internacional de 1902. También desapareció, súbitamente, el ingeniero Cornet i Masriera y el proyecto del nuevo puente de Palacio parecía no avanzar. Cada vez más, la determinación inicial degeneraba en una algarabía sin rumbo ni plazos. Hasta 1911 no se pactó su emplazamiento definitivo y las obras se iniciaron al cabo de un año, una década después de haberse celebrado el concurso. De toda la maraña de nombres, propuestas y *magiscornets*, la historiografía oficial sólo reconoce al inge-

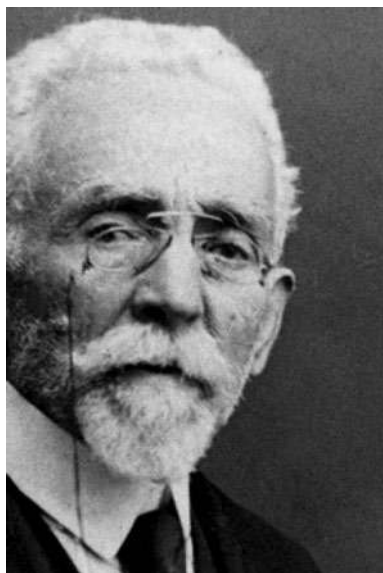
- Кто была его любовница? Ты же сказал, что никто не знает, кто перевел его проекты на русский язык... Кто была его переводчица? Вот это нам и надо узнать, это из-за переводчицы он туда и попал!

И эти слова, возникшие как шутка, превратились потом в гипотезу благодаря преподавателю русского языка и переводчику, Нине Авровой, знатоку каталонской, испанской и русской литературы. Влюбленная в историю Корнета, она первая высказала свои подозрения относительно третьего участника этой истории, который не был барселонцем и мог стать переводчиком проекта. Речь идет о русском Исааке Павловском (1852-1924). Потянув за эту ниточку, я увидел, что связи с Мажо хотя и не являлись прямыми, но были возможными через его дядю, Гайета Корнета и Маса, или его двоюродного брата, Гайета Корнета и Палау, которые приходились друг другу отцом и сыном. Следует иметь в виду, к тому же, что быстро найти специалиста для перевода на русский язык двух проектов (Охтинского и Дворцового мостов), не давая при этом повода для разговоров, в Барселоне 1902 года было непросто. Если кто-нибудь и мог успешно завершить поиски, то это были члены клана Гайета, дядя и двоюродные братья Мажо, которые участвовали в культурной жизни города в целом и, особенно, в кружке, собиравшемся в барселонском Кафе Пелайо и объединявшем людей из разных стран. Среди завсегдатаев этого своеобразного клуба был писатель Нарсис Олье (1846-1930), большой друг И. Павловского.

Олье познакомился с И. Павловским в 1885 году, когда этот русский приехал в Барселону после своего путешествия по полуострову. И здесь началась их близкая дружба, которая продолжилась тридцать восемь лет, на протяжении которых были написаны сотни писем, и произошло несколько *встреч*³. Благодаря установившимся между ними близким личным и профессиональным отношениям, они начали осуществлять

⁸ En 1883 un grupo de personajes de la cultura catalana, liderados por el poeta Jacint Verdaguer, entre los que estaba Gaietà Cornet i Mas y Narcís Oller, hicieron una excursión a la catedral de Elna, para reforzar los vínculos con los escritores de la Cataluña francesa. Lo explica August Bover i Font en *Pàtria i les relacions nord-catalanes de Jacint Verdaguer*, en coloquio sobre Verdaguer, Vic, 1988.

³ Нам известно, что Исаак Павловский приезжал в Барселону как минимум в 1885, 1888 и 1908 годах, как указывает Джузеппе Мария Фарре в своей книге *Русский в Каталонии*.



El periodista ruso Isaak Pavlovski (1852-1924).

Русский журналист Исаак Павловский (1852-1924).

niero polaco A. P. Pshenitsky y el arquitecto ruso R. F. Meltzer como autores del puente, así como a la empresa constructora Asociación de Fábricas Kolensky. Ellos, ciertamente, fueron quienes dirigieron la construcción del puente de Palacio actual (1912-1916). También figuró el arquitecto L.A. Noskov como autor de las barandillas definitivas, en colaboración al escultor I.V. Krestovsky. El requisito fundamental que se impuso a la empresa constructora fue que, tanto los materiales utilizados como los profesionales, fueran todos rusos. Dice Montse Cornet que, cuando quisieron empezar las obras, desde San Petersburgo se intentó contactar con la Maquinista Terrestre y Marítima para obtener más información acerca del proyecto de Magí Cornet. Pero por entonces, ya hacía años que él había muerto y, como hizo todo el trabajo por su cuenta y riesgo, en los archivos de la empresa no había ninguna información.

El puente se inauguró oficialmente el 23 de diciembre de 1916,

переводы произведений русской литературы на каталанский и испанский языки, а произведений авторов полуострова - на русский. Исааку Павловскому, родившемуся в Одессе и побывавшему в ссылке в Архангельске за свою революционную деятельность, удалось избежать мрачного будущего в России и начать жизнь во Франции и Швейцарии. Он посвятил себя журналистике, сотрудничал в Париже с русскими газетами и приехал оттуда в Испанию. В 1884 и 1885 годах он объехал всю страну в поисках материала для новых репортажей. Особенно ему полюбилась Барселона, где он подружился с великими каталонскими писателями той эпохи. Мы имеем в виду не только Нарсиса Олье, но и других деятелей, связанных с газетой *La Renaixença*. Сам И. Павловский рассказал об этом в своей книге об этих путешествиях, опубликованной в Петербурге спустя некоторое время. С другой стороны, переписка двух друзей – Нарсиса Олье и Исаака Павловского – продолжалась всю их жизнь, и уже хорошо изучена. Также доказана и тесная связь, существовавшая между Олье и дядей Мажн, Гайёта Корнетом и Масом⁴. Как он, так и его сын, двоюродный брат Мажн, Гайёта Корнет и Палау, вращались в одном и том же литературном и буржуазном кругу того времени. Таким образом, если мы примем во внимание все эти совпадения и близкие отношения всех этих людей, неужели мы не можем предположить, что журналист Исаак Павловский мог получить в Париже всю документацию для конкурса на испанском или на французском языке и перевести ее на русский?

После окончания международного конкурса 1902 года наступил довольно длинный период размышлений и дискуссий в кулуарах, о победных фанфарах надолго забыли. Сам инженер Корнет и Масрьера скоропостижно скончался,

⁴ В 1883 году группа представителей каталонской культурной элиты под предводительством поэта Жасинта Вердаге совершила поход в собор Эльны чтобы укрепить связи с писателями французской Каталонии. В эту группу входили Гайёта Корнет и Мас и Нарсис Олье. Эти сведения приводит Аугуст Бовер и Фонт в докладе *Родина и связи Жасинта Вердаге с северо-каталонскими кругами*, сделанном во время чтений, посвященных Вердаге, в Вике в 1988 году.

sin que a nadie le importara mucho que no estuviera completamente terminado, todavía luciendo las barandillas provisionales de madera. Por entonces los petersburgueses tenían problemas más graves: sufrían en sus carnes la primera guerra mundial, el zarismo agonizaba y la ciudad —que desde 1914 se llamaba Petrogrado— avanzaba hacia una feroz lucha de clases. A diferencia de lo que era costumbre en los grandes puentes sobre el Neva, hubo poca celebración, con una asistencia muy reducida. Tan sólo una decena de personas de las muchas que habían recibido invitación. No apareció ningún miembro de la familia imperial, ni el alcalde de la ciudad, D.A. Delyanov, que mandó a su segundo de a bordo. El clima social era tenso de día y terrorífico por la noche: la semana anterior se había asesinado en el nuevo palacio Yúsupov al monje Rasputín, personaje de gran influencia en la corte del zar Nicolás II. Nadie estaba seguro en la ciudad, cuyos vientos ya ululaban grandes cambios sociales, diametralmente opuestos a la metáfora del puente de la unión entre pueblos y personas. Por encima de él pasó la Primera Guerra Mundial; estalló la Revolución bolchevique, la Guerra Civil y los sueños de Lenin. En pleno estalinismo, al inicio de la Segunda Guerra Mundial, se completó la obra instalando las barandillas definitivas con motivos soviéticos (1939). Todo un nuevo símbolo de la ciudad de nombre mutante, que en aquellos días ya se llamaba Leningrado. Por la información gráfica de la propuesta de Magí que se conserva en Barcelona, podemos ver un gran parecido entre los planos de Cornet con el proyecto que finalmente se construyó, una década después de su muerte.

Con los años, Montserrat Cornet ha viajado a varios puentes proyectados por su abuelo cerca de Barcelona, como el de Esponellà o el puente ferroviario de Martorell. Algunas veces había hablado de Magí con su abuela Oliva y con su padre, pero no fue hasta que murió este último cuando empezó a oír los gritos desgañados del pasado. Sentía una creciente acidez por no haber preguntado aún más, por no haberse interesado años atrás con la pasión de ahora. Un malestar que se le removía por dentro y que supo identificar a tiempo: era la natural nece-

и проект нового Дворцового моста, казалось, замер. С каждым годом первоначальная решимость все больше сменялась бесконечными пустыми разговорами, без цели и без точных сроков. До 1911 года не принималось окончательное решение о трассе моста, а работы отложилось еще на год и начались целое десятилетие спустя после первого конкурса. Из всей путаницы имен, предложений и *мажикорнетов*, официальная историография признает в качестве авторов моста только инженера польского происхождения А.П. Пшеницкого и русского архитектора Р.Ф. Мельцера, а также предприятие Общество Коломенских заводов. Именно они, действительно, руководили работами по строительству ныне существующего Дворцового моста (1912-1916). В документах фигурирует также архитектор Л.А. Носков, как автор окончательного варианта перил, в соавторстве со скульптором И.В. Крестовским. Перед строительным предприятием поставили обязательное для выполнения условие: использовать исключительно отечественные материалы и выполнять все работы силами русских профессионалов. Монтсе говорит, что перед началом работ из Петербурга попытался связаться с фирмой «Макиниста: машины для суши и моря» чтобы получить дополнительную информацию о проекте Мажикорнета. Но наш инженер уже много лет тому назад умер, а в архиве фирмы не было никаких сведений о его работе, потому что он сделал всю работу на свой страх и риск.

Официальное открытие моста состоялось 23 декабря 1916 года, и никого особенно не волновало, что сооружение не было закончено, а перила на нем оставались временными, деревянными. В то время у петербуржцев были проблемы куда сложнее: они на собственной шкуре испытывали все тяготы Первой мировой войны, царизм доживал свои последние дни, а город, который с 1914 года назывался Петроградом, неминуемо двигался в самую гущу жестокой классовой борьбы. В отличие от шумных празднеств по поводу открытия других крупных мостов через Неву, церемония была скромной и немногочисленной. Пришло на нее около десятка человек, хотя было разослано много

sidad de llegar a su abuelo, tantos años postergada, el impulso que le acabaría llevando a bordo de un avión Aeroflot hasta el lejano norte. Corría el año 1998, pero ella no fue el primer Cornet en viajar a San Petersburgo. Siguió el camino iniciado por su padre Josep Maria Cornet i Jaumandreu. A saber, el hijo que no conoció al padre, pero que quiso pisar la ciudad que tanto le influyó. Organizó un viaje que resultó multitudinario, y lo hizo gracias a la ayuda del galerista de arte Frederic Marès, a la sazón presidente de la asociación *Amics dels Museus*. Ya en nuestros días, Montserrat Cornet y su voluntad de hacer justicia familiar hizo un paso más, definitivo, con la publicación de *Carta a l'avi*. A esto hay que sumarle, además, las incontables conferencias que dio aquí y en Moscú explicando quién fue su abuelo. Después de tantas expediciones a San Petersburgo, creo que ya se ha producido el reencuentro con *l'avi*; y lo mejor es que, llegado el momento, la nieta ha tenido la generosidad de compartirlo con nosotros.

Auspiciados por la gran tenacidad y la habilidad comunicativa de Montse, el Col·legi d'Enginyers Industrials de Catalunya implicó al embajador español en Rusia en la reivindicación sobre el proyecto de Magí Cornet. Pero algo no se le explicó bien y en 2004 el embajador mandó una carta al entonces rector del Instituto de Vías de Comunicación de San Petersburgo, V.I. Kovaliev, comentando la posibilidad de instalar una placa conmemorativa en el puente afirmando la autoría de Cornet. V.I. Kovaliev, muy amablemente, confirmó al embajador español que Magí había participado en el concurso del puente, pero que no era el autor del puente actual, lo cual era cierto. Y mientras que desde España se señalaba la aparente similitud entre el puente actual y la propuesta de Cornet, V.I. Kovaliev la valoraba como *un parecido bienintencionado*. En realidad, para él el parecido no era tal, aunque en cualquier caso, admitía que esto debería dictarlo un experto en puentes. Acto seguido ofreció muestras de buena voluntad e incluso la colaboración de profesores rusos para que, junto con otros expertos españoles, avanzasen en la investigación. Una década después, las fichas no se han movido.

Invitaciones. El descubrimiento no pudo ser su presencia ni uno de los representantes de la familia real, sino la cabeza de familia D. A. Delyanov envió a su representante. El ambiente en la sociedad era tenso y agitado día y noche; una semana antes en el nuevo Yusupovskiy palacio mataron al monje Rasputin, que ejercía una gran influencia en la familia real. Nadie se sentía seguro en la ciudad, donde corrían los vientos de grandes cambios sociales, que se desarrollaban en la dirección diametralmente opuesta a la metáfora de los puentes, que conectan pueblos y personas. En nuestro puente pasaron las olas de la Primera guerra mundial, él vio, como comenzó la revolución bolchevique, como se desarrolló la guerra civil, como se materializaron los sueños de Lenin. En la era estalinista, en el año de comienzo de la Segunda guerra mundial, la construcción del puente, al fin, terminó: allí instalaron los famosos pasamanos con los motivos soviéticos (1939). Esto fue un acontecimiento simbólico para la vida de la ciudad, que tenía un significado cotidiano cambiar su nombre, y en ese tiempo ya se llamaba Leningrado. Al mirar los planos y dibujos para el proyecto de Maji, que se guardan en Barcelona, podemos ver, que el puente, construido diez años después de la muerte de Cornet, muy parecido al que nos ofreció nuestro ingeniero.

En la vida de muchos años Montserrat Cornet visitó algunos puentes, construidos por los planes de su abuelo no lejos de Barcelona, como, por ejemplo, el puente en Espunely o el ferrocarril de Martorel. A veces ella conversaba con Maji con su abuela Oliva y con su padre, pero solo después de su muerte comenzó a oír la voz del pasado. Montserrat cada vez más y más se enfadó por lo que no le dio más preguntas, que no le interesaba antes esta historia con tanta pasión, como ella la experimenta ahora. Ella pudo en su momento comprender la naturaleza del dolor de su abuelo: en su deseo de conocer a su abuelo no había nada de sorprendente, y eso, al fin, llevó a Montserrat a bordo del avión Aeroflot, que volaba a una lejana tierra del norte. En 1998 año, no ella no fue la primera en la familia Cornet,



Montse Cornet entrevistada por una televisión rusa, hablando con el Director de Puentes de San Petersburgo (2005).

Монтсе Корнет даёт интервью русскому каналу телевидения во время своей встречи с директором Дорожно-мостового хозяйства Петербурга.

кто совершал путешествие в Санкт-Петербург. Монтсе пошла по стопам своего отца, Жузепа Марии Корнета и Жаумандреу. Этому человеку ребенком не довелось хорошо узнать своего отца, но он решил пройти по улицам города, который значил для него так много. Он организовал группу, в которую записалось множество людей, и сделал это благодаря помощи коллекционера произведений искусства и владельца галереи, Фредерика Мареса, который в то время возглавлял ассоциацию Друзей музеев. А в наши дни Монтсеррат Корнет и ее желание воздать должное члену своей семьи привели к новому, решающему шагу: публикации книги «Письмо к деду». К этому следует добавить неисчислимые доклады, которые Монтсеррат прочитала здесь и в Москве, объясняя историю своего предка. После стольких поездок в Петербург, мне кажется, что ее встреча с *дедушкой* уже состоялась, но самое лучшее в этом то, что потом внучка щедро поделилась своими открытиями с нами.

Под влиянием настойчивости и огромных коммуникативных способностей Монтсе, Коллегия инженеров промышленного и гражданского строительства Каталонии добила участия посла Испании в России в отстаивании значимости проекта Мажи Корнета. Но, вероятно, ему недостаточно хорошо объяснили, в чем было дело, и в 2004 году посол направил письмо ректору Института путей сообщения Санкт-Петербурга, В. И. Ковалеву, с просьбой рассмотреть возможность установления мемориальной доски на мосту с указанием авторства Корнета. В ответ на письмо посла В.И. Ковалев весьма любезно подтвердил, что Мажи участвовал в конкурсе 1902 года, но заметил, что автором проекта ныне существующего моста не является, что соответствует истине. В то время как испанская сторона подчеркивала, что нынешний мост похож на проект Корнета, В.И. Ковалев считал, что речь идет только о *сходстве, появившемся без злого умысла*. По его мнению, на самом деле, совпадения были незначительны, хотя он и признавал, что данный спор должны были решать специалисты в области строительства мостов. Он также сделал жест доброй воли, предложив сотрудничество русских

De la lucha de la nieta de Magí Cornet, guardo una escena y el recuerdo de una fotografía. Estábamos en casa de Montse y Ricard, cuando me explicaron que en 2005, durante su último viaje a San Petersburgo, pudieron entrevistarse con el entonces director de Puentes de la ciudad. Después de resumirle la historia de su abuelo, la nieta le entregó un ejemplar de *Carta a l'avi* traducido al ruso, pidiéndole en nombre de la familia una copia del proyecto que *l'avi* Magí había entregado al Ayuntamiento de la ciudad en 1902. Habían concertado la entrevista con una televisión rusa, que filmó e informó de aquello como una curiosidad. Una mujer de Barcelona que, a sus setenta años, viajaba a Rusia y que había escrito un libro en donde explicaba que su abuelo era uno de los autores, como mínimo *espirituales*, de parte del puente de Palacio. La foto de la escena la hizo Ricard y es todo un símbolo: sobre ella Montse Cornet explica que el ruso le aseguró que *allí no se había perdido nada del concurso*, pero nunca consiguió arrancarle ningún compromiso. Dice que son muy pillos, los rusos.

профессоров, которые могли бы вместе с испанскими коллегами продвинуться в решении вопроса. Спустя десять лет дело все еще не сдвинулось с мертвой точки.

Из этой истории борьбы внучки Мажи Корнета в моей памяти навсегда сохранилась одна сцена и воспоминание об одной фотографии. Мы были в гостях у Монтсе и Рикарда, и они рассказали мне, что в 2005 году, во время их последней поездки в Санкт-Петербург, им удалось встретиться с человеком, который в то время занимал пост директора Дорожно-мостового управления города. Внучка инженера рассказала ему вкратце историю своего деда и подарила экземпляр *Письма деду* в переводе на русский язык, а потом попросила от имени семьи копию проекта, который *дедушка* Мажи представил в городскую Думу в 1902 году. Русское телевидение взяло у Монтсеррат интервью и рассказало об этой истории, как о любопытном факте. Пожилая женщина из Барселоны в свои семьдесят лет приехала в Россию и привезла написанную ей книгу, в которой рассказывала, что ее дед был одним из отцов — по крайней мере, духовных — части Дворцового моста. Фотография, сделанная Рикардом, символична: на ней Монтсе Корнет рассказывает, что русский чиновник заверил ее, что все *документы, связанные с конкурсом, сохранились, и ничего у них не потерялось*, но ей никак не удалось добиться, чтобы этот человек взял на себя обязательство помочь ей. Монтсеррат говорит, что эти русские — большие хитрецы.



Fotograma del documental *Aral, el mar perdido* (2010). / «Арал. Потерянное море» (2010). Реж. Изабель Куйшет.

Las geografías interminables, vastas y complejas, son las protagonistas de las mejores historias. Y en Rusia, país que en su etapa soviética llegó a ocupar una sexta parte de la superficie de la tierra, la lucha para crecer hacia al océano marcó su trayectoria desde los tiempos de Iván el Terrible. Este primer Zar de Todas las Rusias puso un pie en Crimea y avanzó por la gélida Siberia. Según lo presentó Sergei Eisenstein en sus películas, no sólo fundó el Estado-nación ruso, sino que sentó las pautas que siguieron, de forma más o menos cíclica, sus poderosos y lejanos herederos. Hablo, por supuesto, de Pedro el Grande, fundador de San Petersburgo para dominar el Báltico y acercarse a Europa; pero me interesa señalar más directamente los megaproyectos hidráulicos de Lenin y Stalin, desde el norte de Siberia hasta las orillas del Mar Caspio.

Si en las primeras fases, casi medievales, el avance hacia el dominio acuático tenía que ver con la conquista de ciudades a turcos y tártaros, así como con la resistencia en el campo de batalla; después de la gran expansión territorial, en tiempos de la Unión Soviética, se trataba de conectar los grandes ríos existentes, haciéndolos navegables hasta el mar. En aquellas épocas de economía planificada y Planes quinquenales, se precisaban más que nunca los ingenieros hidráulicos que permitiesen proyectar y ejecutar estos proyectos fuera de escala, no asumibles para cualquier otro país. Estos hombres, héroes del pueblo, eran los *fisiki* o constructores de la realidad socialista. Los profesionales que harían posible que un barco que zarpa de San Petersburgo o Moscú pudiese navegar, desde las cuencas internas, hasta el mar Blanco o las áridas costas de los mares del sur.

A pesar de lo pomposo de la maquinaria soviética, estos grandes planes no eran nuevos del todo. Escarbando en sus primigenias formas de vida, en ciertos preámbulos, encontramos un siglo

Besfines finches geograficheskie prostory, so vsej svoej slozhnost'yu i bezmernost'yu, sposobny prevratitsya v deystvuyushchih lits samyh interesnykh istoriy. A Rossiya, strana, kotoraya v sovetскую эпоху zanimala shhestuyu chasty sušni našej planety, ešche so vremeni pravlenniya Ivana Groznogo borolasya za vykhod k okeanu, i eto opredelilo ee razvitiye. Etoť pervyj car' vseja Rusi sdelal pervye shagi v Krymu i nachal nastupleniye na ledyanye sibirskie prostory. Soğlasno obrazu, sozdanному Sergeem Eizenšteynom v ego fil'mah, etot monarh ne toľko položil nachalo russkomu natsional'nomu gosudarstvu, no i pročertil linii deystviya, kotorym potom sledovali – s nekotorymi pereryvami – ego moguščestvennyye i daleknie nasledniki. Ya, razumeetsya, govoryu o Petre Velikom – on osnoval Sankt-Peterburg s celyu dobit'sya gospodstva na Baltijskom more i priblizitsya k Evrope, no seychas mne hočetsya obratit' boľee priustal'noe vni'maniye na masštabnyye gidrotekhnicheskie proyekty Lenina i Stalina, zatragivavšie zony ot severnoy chasti Sibiri i do beregov Kaspijskogo morya.

Snachala, na pervyx, blizkix k Srednevekov'yu, etapah, gospodstvo nad vodnymi putyami bylo svyazano s zavoevaniem tatarskix ili tureckix gorodov i so stoykost'yu voynov na polyah sraženiij. Zatem, uže posle territorial'noy ekspansii strany, vo vremena Sovetskogo soyuza, reč' šla o tom, što by soedinit' meždu soboj suščestvuyushchie krupnyye реки i sdelat' ix sudohodnymi do samogo vyhoda k moryu. V etu epoxu planovoy ekonomiki i pyatiletnix planov, kak nikogda ranee, нужны byli inženery-gidravliki, kotorye by mogli proyektirovat' krupnomasštabnyye sooruzheniya i rukovodit' stroitel'stvom sooruzhenij, kotorye ni odna drugaja strana ne mogla sebe pozvolit'. Eti professionaly,

antes a nuestro hombre, Agustín de Betancourt. Que no sólo fue ingeniero en San Petersburgo, sino que como hemos visto, en su viaje por Rusia estudió e informó sobre el estado de los canales y vías de comunicación del Imperio al zar Alejandro I. Nos movemos, pues, por entre una telaraña de múltiples conexiones. Algunos autores como Frank Westerman apuntan la posibilidad de que algunas de estas macrooperaciones hidráulicas ya se soñaran desde el Palacio de Invierno del San Petersburgo zarista. Si bien es cierto que, en la mayoría de casos, su ejecución masiva no se produjo hasta después de la Revolución de 1917, siguiendo órdenes del Politburó¹ moscovita.

En los años de la URSS, la política de construcción de canales y desvío de ríos se llamó, globalmente, *perebroška*. Ésta consistía en un ambicioso plan Obras Públicas en mayúsculas, de primera categoría. No sólo conectando los principales ríos y ciudades entre sí y con los mares, sino vertebrando todo el territorio ruso, entendiéndolo como una gran red discontinua de aguas. Una especie de sistema sanguíneo artificial que luchaba, al menos de forma teórica, contra el avance de los desiertos físicos y sociales en la Unión. Por esto no debe sorprendernos que, según recoge el mismo Westerman en *Ingenieros del alma*, los *desviadores de los ríos* fueran tratados por los soviéticos como semidioses. Y es que el proyecto global, que pretendía una redistribución racional y absoluta de las reservas de agua soviéticas, tenía una escala brutal, delirante. Abarcaba el área de la Rusia europea, Siberia y Asia Central. Una compleja operación que, sobre el plano, era clarísima: los ríos que desembocaban al norte, en el mar polar, serían trasvasados mediante canales a las zonas meridionales. Así, cauces siberianos como Obi e Irtysh,

народные герои, были *физиками* или строителями социалистической реальности. Они могли сделать так, чтобы корабль, выпущенный из Санкт-Петербурга или из Москвы, мог проплыть по водам внутренних бассейнов до Белого моря или до выжженных солнцем берегов южных морей.

Несмотря на то, что в советское время эти грандиозные планы преподносились с помпой, как новейшие изобретения, на самом деле, они не были так уж новы. Проводя изыскания в истоках истории, в примитивной форме мы находим эти идеи на целое столетие раньше, в идеях героя одной из наших глав, Августина де Бетанкура. Он не только вел инженерные работы в Санкт-Петербурге, но и, как мы видели раньше, во время своей поездки по России изучил состояние каналов и путей сообщения Империи и подал доклад о результатах своего исследования царю Александру I. Таким образом, мы движемся по паутине многочисленных линий, которые связывают части нашей истории. По мнению некоторых авторов, таких, как Франк Вестерман, не исключено, что об отдельных гигантских гидротехнических сооружениях мечтали уже в Зимнем дворце царского Санкт-Петербурга. Однако в действительности в большинстве случаев массовое строительство подобных сооружений началось лишь после революции 1917 года, по распоряжениям московского Политбюро¹.

В годы существования СССР политику строительства каналов и изменения русел рек называли словом *переброска*. Это был грандиозный план Гражданского Строительства с большой буквы, высшего уровня. Речь шла не только о том,

¹ Politburó: es la abreviatura de Buró Político. En relación al uso de abreviaturas, recogemos un fragmento del artículo *La Troika* de Enric Juliana en *La Vanguardia* (31-3-2013): "La Revolución Rusa ha dejado huella en el lenguaje político occidental. Sus conceptos organizativos fueron inicialmente muy modernos y el idioma ruso es propenso a las contracciones. El famoso término *agitprop*, por ejemplo, es la contracción de *otdel agitatsii i propagandy* (departamento de agitación y propaganda). (...) Y *apparatchik*, expresión que todavía se usa para nombrar a los burócratas de un partido político en Occidente, era el nombre coloquial que recibían los funcionarios del Partido Comunista de la Unión Soviética."

¹ Политбюро — аббревиатура словосочетания «политическое бюро». Относительно использования аббревиатур приведем здесь фрагмент статьи *Тройка* Энрика Хулианы в газете *Ла Вангвардия* (31-3-2013): «Русская революция оставила свой след в западной политической терминологии. Ее организационные идеи отвечали требованиям современности, а русский язык имеет тенденцию к сокращениям. Так, например, знаменитый термин *аппитпроп* означает отдел агитации и пропаганды (...) А словом *аппаратчик*, выражение, которое до сих пор используется для определения бюрократов политических партий на Западе, называли в просторечии функционеров Коммунистической партии Советского Союза».



чтобы соединить главные русские реки и города, как между собой, так и с морями, но и о том, чтобы создать базовую структуру всей территории русского государства, которая бы представляла собой непрерывную сеть водных путей. Это подобие искусственной кровеносной системы было призвано – по крайней мере, теоретически – бороться против наступления физических и социальных пустынь в Союзе. Поэтому нас не должно удивлять, что, как пишет Вестерман в книге *Инженеры души*, люди, поворачивавшие вспять реки, считались в советском обществе полубогами. Действительно, проект в целом, предусматривавший полное рациональное перераспределение водных ресурсов Советского Союза, по своему масштабу был невероятным, безумным. Он охватывал всю европейскую часть России, Сибирь и Центральную Азию. Вся эта сложнейшая операция на бумаге казалась совершенно ясной: реки, которые впадают на севере в моря полярного круга, надо было посредством каналов перебросить в южные районы. Таким образом, сибирские воды Оби и Иртыша, рек протяженностью 2200 километров, смогут оросить хлопковые плантации на юге, на берегах Аральского моря. Бассейны Волги и Каспийского моря тоже должны были претерпеть изменения. Достанем сейчас из пыльного сундука карту этой географической зоны и подивимся совершенному подвигу. Тень от этой гидротехнической стратегии протянулась далеко-далеко, до самых границ Союза, до краев столь отдаленных, как залив Кара-Богаз на Аральском море. Если вы раньше никогда не слышали о нем, то найдите на карте огромное водяное пятно площадью 18.000 квадратных километров к востоку от Каспийского моря, которое представляет собой то ли впадину, то ли залив, то ли соленое озеро. В этом районе, около пустыни Каракумы, планировалось построить пятисоткилометровый канал чтобы орошать хлопковые плантации на засушливых равнинах к северо-востоку от залива. Если бы этот план был выполнен, то исчезающее уже сейчас Аральское море пересохло бы совсем. До тех пор, пока управление НАСА не опубликовало фотографии Аральского моря, сделанные с воздуха, никто

de 2.200 kilómetros de largo, irrigarían plantaciones de algodón ubicadas al sur del mar de Aral. También se modificarían las cuencas del Volga y del mar Caspio. Desempolven ahora un plano de esta gran georegión y maravíllense de la hazaña.

La sombra de esta estrategia hidráulica, alargadísima, llegó hasta los límites de la Unión, en territorios tan remotos como la bahía de Kara Bogaz en el mar de Aral. Si no lo conocían antes, busquen en el mapa una descomunal mancha de agua de 18.000 kilómetros cuadrados, al este del mar Caspio, a medio camino entre depresión, golfo o lago salado. En esta región junto al desierto de Karakum, se planteaba la construcción de un canal de 500 kilómetros para plantaciones de algodón en las áridas llanuras al noreste de la bahía. De haberse completado, hubieran secado por completo el ya casi desaparecido mar de Aral.

Hasta que en 2003 la NASA difundió unas imágenes aéreas del mar de Aral, no se aceptó ampliamente que lo que allí se había perpetrado fue una de las mayores catástrofes ecológicas de la historia. Y es que entre 1954 y 1960 los gobiernos de la URSS captaron un tercio del caudal hidrológico del río Amu Daria y otros afluentes del mar de Aral para el riego del algodón, provocando su desecación. Lo que en su día fue el cuarto lago más grande del mundo —con pescadores y turistas en sus orillas— ahora es un desierto salino, presa de la erosión y cementerio de viejas embarcaciones oxidadas. El paisaje inhóspito resultante y los recuerdos de antiguos pescadores turcomanos es lo más estremecedor del documental *Aral. El mar perdido* (2010) de la directora Isabel Coixet. Las cifras son de escándalo: en 1980 el caudal de agua que llegaba al mar era sólo el 10% del de 1960²; y el mar de Aral ocupaba la mitad de superficie y un cuarto

no reconocía abiertamente, que en este distrito ocurrió una de las más terribles ecológicas catástrofes en la historia. Entre 1954 y 1960 los gobiernos de la URSS utilizaron un tercio del volumen de agua de la riera Amudaria y otros afluentes del mar de Aral para el riego del algodón, provocando su desecación. Lo que en su día fue el cuarto lago más grande del mundo —con pescadores y turistas en sus orillas— ahora es un desierto salino, presa de la erosión y cementerio de viejas embarcaciones oxidadas. El paisaje inhóspito resultante y los recuerdos de antiguos pescadores turcomanos es lo más estremecedor del documental *Aral. El mar perdido* (2010) de la directora Isabel Coixet. Las cifras son de escándalo: en 1980 el caudal de agua que llegaba al mar era sólo el 10% del de 1960²; y el mar de Aral ocupaba la mitad de superficie y un cuarto no reconocía abiertamente, que en este distrito ocurrió una de las más terribles ecológicas catástrofes en la historia. Entre 1954 y 1960 los gobiernos de la URSS utilizaron un tercio del volumen de agua de la riera Amudaria y otros afluentes del mar de Aral para el riego del algodón, provocando su desecación. Lo que en su día fue el cuarto lago más grande del mundo —con pescadores y turistas en sus orillas— ahora es un desierto salino, presa de la erosión y cementerio de viejas embarcaciones oxidadas. El paisaje inhóspito resultante y los recuerdos de antiguos pescadores turcomanos es lo más estremecedor del documental *Aral. El mar perdido* (2010) de la directora Isabel Coixet. Las cifras son de escándalo: en 1980 el caudal de agua que llegaba al mar era sólo el 10% del de 1960²; y el mar de Aral ocupaba la mitad de superficie y un cuarto

² Fuente: documental *Aral. El mar perdido* y We Are Water Foundation https://www.wearewater.org/es/aral-el-mar-perdido_1900.

Desecación del mar de Aral. Fuente: http://earthobservatory.nasa.gov/1964,2000,2007_y_2014.

Osuamiento del mar de Aral. Fuente: <http://earthobservatory.nasa.gov/1964,2000,2007,2014>.



del volumen original. Las consecuencias económicas y de salud pública de esta negligencia son gravísimas. Además de la total desaparición de su industria pesquera y turística, la región tiene hoy la tasa de mortalidad infantil más alta de la antigua Unión Soviética debido a la contaminación del aire y de los acuíferos causados por los fertilizantes de las plantaciones de algodón.

Con la misma idea, veamos otro ejemplo emblemático de la hidráulica soviética. Ahora sigamos desplazándonos al extremo norte de la Unión y llegaremos a la región de Arjángelsk, al noreste de Carelia, la franja de la Federación rusa que limita con Finlandia. Allí se quisieron unir los mares Báltico y Blanco a través del río Neva y los lagos Ladoga y Onega. Para ejecutar este propósito descomunal se construyó en 1933 el canal de Belomor, gracias al engranaje perverso de los gulags o campos de trabajo. Esta vía acuática de 226 kilómetros empezaba en Povenets y fue excavada a mano por 126.000 penitenciarios durante veinte meses. Se exprimieron sus fuerzas y se devoraron millares de vidas. Nada nuevo en el paisaje humano soviético, que seguía el modelo de aniquilamiento masivo de la construcción de San Petersburgo. Largamente postergado, el canal de Belomor, que ya fue uno de los sueños irrealizados del zar Pedro el Grande y que cumplió, dos siglos después, el purgador Josef Stalin.

Así pues, los ingenieros soviéticos tenían el encargo de construir canales que conectaran los principales ríos rusos y multiplicaran sinergias. Se favorecían los riegos agrícolas, el intercambio de mercaderías y, en el país del culto al proletariado, el florecimiento de la industria. Con este objetivo, se construyeron esclusas para regular el tráfico fluvial y grandes presas para producir energía. Pero Stalin, que ejecutó todas estas obras gracias a los presidiarios comunes y políticos de los gulags, quiso explicar a base de propaganda este avance a las masas. Y es precisamente en este punto donde el Partido necesitó la adhesión entusiasta de artistas, periodistas y escritores.

Desde el Kremlin buscaron con persistencia al personaje capaz de organizar la propaganda. Confiaron la responsabilidad a un exiliado, al escritor Máksim Gorki, carismático y querido por

masivo del уничтожения людей при строительстве Санкт-Петербурга. Отложенный на долгие времена Беломорканал – неисполненная мечта царя Петра Великого – был, наконец, создан два века спустя мастером массовых репрессий, Иосифом Сталиным.

Таким образом, советские инженеры были призваны строить каналы, которые могли бы соединить главные русские реки и укрепить связи между различными зонами страны. Улучшались возможности полива сельскохозяйственных площадей и торговый обмен, а кроме того, в стране культа пролетариата расцветала промышленность. В этих целях построили системы шлюзов для регулирования речного транспорта и большие гидроэлектростанции для производства энергии. Но Сталин, проводивший все эти работы благодаря работе политических и прочих заключенных, вознамерился объяснить этот прогресс при помощи пропаганды. И именно в этот момент Партии потребовалось подключить к работе художников, писателей и журналистов, готовых с энтузиазмом участвовать в этом проекте.

В Кремле начали усиленно искать человека, способного организовать пропагандистскую работу, и доверили эту важную задачу писателю Максиму Горькому, который в это время жил за границей. Он был любим народом и обладал необходимым обаянием. Выбор обуславливался не только тем, что Горький пользовался престижем как внутри Советского Союза, так и за его пределами, но и тем, что его биография могла считаться образцовой для идеального пролетарского деятеля культуры. Горький был родом из рабочей семьи, провел трудное детство в трущобах Нижнего Новгорода – где Бетанкур создал свой комплекс Ярмарки – и, к тому же, успел побывать в заключении в Петропавловской крепости за борьбу против царизма: лучшей родословной нельзя было придумать. После расхождений, возникших в связи с перегибами большевиков, Горький уехал в Италию. Очень скоро посланники Сталина приехали за ним в город Сорренто, находящийся к югу от Неаполя, и вернули писателя в лоно новой официальной литературы.

las masas. No sólo le escogieron por su prestigio dentro y fuera de la Unión, sino porque su biografía era paradigmática del artista modélico de la Revolución. Gorki provenía de familia proletaria, con una infancia complicada en los bajo fondos de Nizhny Nóvgorod —donde Betancourt proyectó todo el complejo ferial— y además había cumplido condena en la Fortaleza de Pedro y Pablo por disidencia zarista, cosa que le garantizaba un sólido pedigrí. Después de iniciales desavenencias con los excesos bolcheviques, Gorki se marchó a Italia. Al poco, los enviados de Stalin lo fueron a buscar a la ciudad de Sorrento, al sur de Nápoles, y lo recuperaron para la nueva literatura oficial. Bajo las órdenes de Gorki, se definió, orientó y controló la literatura soviética, cuyos autores fueron adoctrinados para que explicasen el *realismo socialista*. La temática impuesta constaba de todos aquellos logros materialistas y productivistas, especialmente relacionados con las grandes obras públicas, la hidráulica o el mundo del trabajo; todo aquello que el socialismo estaba construyendo para el Pueblo. Y todo esto, explicado de una forma simple y directa para que el trabajador de la fábrica Kírov y el campesino ruso lo entendieran, sin trucos ni simbolismos literarios. No se quería forma ni sofisticación, sólo contenido administrado en las dosis precisas para una buena digestión.

No sabría explicar mejor este mecanismo, cuyo objetivo era vincular literatura y propaganda, que Emmanuel Carrère en su apasionante *Limónov*³: “Existía la literatura oficial. Los ingenieros del alma, (...) los realistas-socialistas, fieles a esta línea. La cohorte de los Shólojov, Fadiéiev, Símonov, con apartamentos, dachas, viajes al extranjero, acceso a las tiendas para las jerarquías del partido, obras completas encuadradas, con tiradas de miles de ejemplares y coronadas por el Premio Lenin. Pero estos privilegiados no lo tenían todo. Lo que ganaban en confort y seguridad lo perdían en amor propio. En los tiempos heroicos de la construcción del socialismo, todavía podían creer en lo que escribían, estar orgullosos de lo que eran, pero en la época de Brézhnev (1962-1982), del estalinismo blando

Под руководством Горького сформировалась советская литература, определилось ее направление, и осуществлялся контроль за писателями, которым внушалась доктрина *социалистического реализма*. Им предлагалось освещать темы, связанные с достижениями в области материального производства, в первую очередь, с сооружениями гражданского и промышленного строительства — с гидростанциями и миром труда. Они должны были описать все, что социализм создавал для Народа, в простой и незатейливой форме, чтобы рабочий с Кировского завода или русский крестьянин могли понять это произведение, свободное от хитросплетений или литературных символов. Никакой изысканности формы не требовалось, нужно было только подавать необходимое содержание в точно отмеренных для переваривания дозах.

Я не смог бы лучше объяснить этот механизм, призванный объединить литературу и пропаганду, чем это сделал Эмманюэль Каррер в своей восхитительной книге *Лимонов*: «Существовала официальная литература. Инженеры душ, (...) социалистические реалисты, верные этой линии. Когорта Шолоховых, Фадеевых, Симоновых с их квартирами, дачами, заграничными поездками, доступом к магазинам партийных деятелей высшего ранга, полными собраниями сочинений, многотысячными тиражами и Ленинскими премиями. Но этим привилегированным писателям чего-то не хватало. Выигрыш в удобствах и безопасности оборачивался проигрышем в самолюбии. И если в героическую эпоху строительства социализма они еще могли верить в то, о чем писали, и гордиться своей деятельностью, то в период правления Брежнева (1962-1982), во времена мягкого сталинизма и *номенклатуры* сохранять эти иллюзии было уже невозможно. Они отдавали себе отчет в том, что служили прогнившему режиму и продали свою душу, и понимали, что все это знают (...) Не будучи мучеником, ты не мог оставаться честным, не мог гордиться собой — в этом состояла одна из самых вредоносных сторон советской системы. Те официальные писатели, которые еще не окончательно разложились и

³ CARRÈRE, Emmanuel: *Limónov*, Editorial Anagrama, 1ª edición, Barcelona, 2013. Pág. 92.

y la *nomenklatura*, estas ilusiones ya no eran posibles. Sabían bien que servían a un régimen podrido, que habían vendido su alma y que los demás lo sabían. (...) Uno de los aspectos más perniciosos del sistema soviético es que si no eras un mártir no podías ser honesto. No podías enorgullecerte de ti mismo. Si no estaban completamente embrutecidos o no eran unos cínicos, los escritores oficiales se avergonzaban de lo que hacían, de lo que eran. Se avergonzaban de escribir en *Pravda* grandes artículos denunciando a Pasternak en 1957, a Brodsky en 1964, a Siniavski y Dániel en 1966, a Solzhenitsyn en 1969, siendo así que en el secreto de su corazón les envidiaban. Sabían que eran ellos los grandes héroes de su tiempo, los grandes escritores rusos a los que el pueblo se acerca a preguntarles, como a Tolstói en el pasado: *¿Qué está bien? ¿Qué está mal?*”.

Pocas veces se han dado las condiciones económicas, políticas y de escala para que, en sólo una o dos generaciones, un régimen pueda redibujar tan a fondo la geografía y la infraestructura según su hoja de ruta. Esto pasó en el campo y en las ciudades rusas durante gran parte del periodo soviético. Los colaboradores necesarios de esta hazaña, junto al protagonismo de ingenieros y arquitectos, fueron los escritores o *ingenieros del alma*. Así los bautizó el camarada Stalin porque, tal y como planeó el dictador, le hicieron gran parte de la propaganda y del eficaz proselitismo. Los artistas fueron notoriamente utilizados, pero es que no tenían alternativa si querían publicar y sobrevivir fuera del gulag. De lo contrario, sólo les quedaba el exilio o las represalias en distintos grados y horrores. La prueba es que en los años treinta, durante las purgas de Stalin, se condenaron tanto a algunos afines como a muchísimos rebeldes, a menudo calificados de *trotskistas*, a los campos de trabajo o a la pena capital. Después de la muerte de Stalin en 1953, le sustituyó Nikita Jrushchov como jefe del Partido Comunista y del país. Con él empezó una breve primavera, la época calificada de *deshielo* por permitir una mayor libertad de expresión y un relajamiento del control estatal sobre la población. Lo que algunos autores hoy llaman *desestalinización*, llegó al clímax, y por lo tanto a su final, con la publicación de novelas ferozmente críticas como *Un día*

не были законченными цинниками, стыдились своих дел, стыдились самих себя. Им было стыдно писать длинные статьи в *Правде*, критикуя Пастернака в 1957 году, Бродского в 1964, Синявского и Даниэля в 1966 и Солженицына в 1969, хотя в глубине души они им завидовали. Они знали, что жертвы их критики были настоящими героями своего времени, великими русскими писателями к которым, как когда-то к Толстому, народ приходит спросить: *Где добро? Где зло?*»

Редко случалось так, что экономические и политические условия, а также масштабы преобразований, позволяли властям на протяжении всего одного или двух поколений так глубоко изменить географию и инфраструктуру, следуя своему плану. За годы большей части советского периода изменения коснулись как русской деревни, так и городов. Необходимыми союзниками в осуществлении этого подвига, наряду с инженерами и архитекторами, были писатели или *инженеры души*. Так назвал их товарищ Сталин, потому что они взяли на себя большую часть пропагандистской работы и сумели привлечь массы к общему делу, как это и задумал диктатор. Деятели культуры постоянно использовались, но другого выхода у них не было, если они хотели публиковать свои произведения и выжить, избежав лагерей. В противном случае их ждало изгнание или репрессии различной степени ужаса. В подтверждение сказанному заметим, что в тридцатые годы во время чисток Сталина некоторые деятели культуры, верные режиму, и очень многие из тех, кто не принимал его, были отправлены на работы в лагерях или казнены. Очень часто их осуждали за *троцкизм*.

После смерти Сталина в 1953 на посту лидера Коммунистической партии и страны его сменил Никита Хрущев. При нем началась короткая весна, период, известный под названием *оттепели*, потому что он допустил большую свободу слова и ослабил государственный контроль над населением. Эпоха, которую некоторые авторы сегодня называют *десталинизацией*, достигла своего апогея, и следовательно, на этом и закончилась, когда были опубликованы такие остро критические произведения, как *Один день из жизни Ивана Денисовича* (1962) Александра

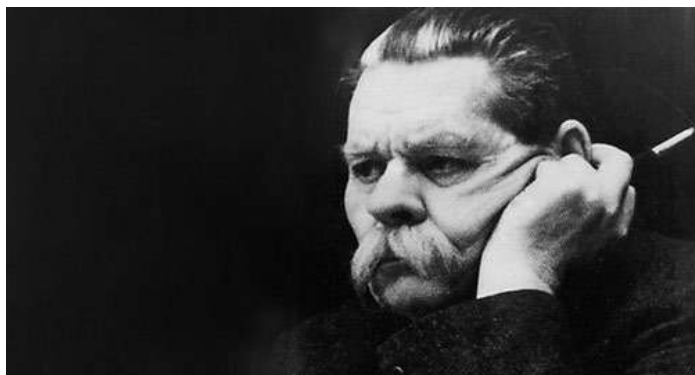
en la vida de Ivan Denisovich (1962) de Alexandr Solzhenitsyn. En ésta y otras se denunciaron por primera vez de forma abierta los horrores del líder traspasado. Sin embargo, el impacto social fue tan brutal que los conservadores del Politburó consideraron que se había ido demasiado lejos en la flexibilidad. En 1964, al poco de haber publicado estas bombas literarias, cesaron a Jrushchov en favor de Leonid Brézhnev. Volvíamos pues, aunque de forma más suave, a las andadas represivas.

En una de las reflexiones más sorprendentes, el libro de Frank Westerman recoge algunas relaciones entre totalitarismos y obras hidráulicas según el filósofo Wittfogel. En nuestro país todo esto nos suena. El incipiente proceso de recuperación de la memoria histórica que hemos vivido en los últimos años del gobierno socialista ha dado algunos frutos. Especialmente en Cataluña, ya fuera con gobiernos tripartitos de izquierdas (PSC-ERC-ICV) o los conservadores de CiU, se ha hecho mucho énfasis en el reconocimiento y el análisis de todo el sufrimiento pasado para ganar conciencia crítica. Se ha conseguido que el binomio *dictadura y propaganda de las obras públicas* levantara suspicacias en un Estado español que, quizás en sus décadas franquistas, no estuvo tan infinitamente lejos del relato ruso. Aquí también sufrimos un régimen dictatorial, si bien es cierto que de signo contrario y de intensidad menor a nivel cuantitativo. Nuestro fascismo tuvo, sin embargo, claros paralelismos en términos de libertad de expresión y atropello de derechos humanos, al igual que algunos patrones similares en la propaganda hidráulica. Y es que el imaginario colectivo de padres y abuelos, de aquellos que iban al cine y miraban el No-do, los informativos oficiales previos a las películas, estaba trufado de crónicas del General Franco inaugurando pantanos y ¿pescando? truchas inmensas.

Por muchas razones nos interesa, en estas páginas, reseñar de forma tangencial la historia de los canales. Porque no sólo realzan el papel histórico del ingeniero ruso, sino que hacen justicia sobre sus predecesores. En especial, a gente como Agustín de Betancourt, a quién tanto en Rusia como en España, estos profesionales deben un pedacito de sí mismos, siendo Betancourt el

Солженицына. В этой книге и в других, подобных ей, впервые открыто осуждались ужасы правления покойного вождя. Однако эти публикации вызвали такой резонанс в обществе, что консерваторы из Политбюро сочли, что послабления зашли слишком далеко. В 1964 году, вскоре после выхода в свет взрывоопасных произведений, Хрущева сняли с его поста, и на его место пришел Леонид Брежнев. Таким образом, снова начинались репрессии, хотя и в смягченной форме.

В одном из самых впечатляющих рассуждений своей книги Франк Вестерман приводит высказывание философа Виттфогеля о связях, которые существуют между тоталитарными режимами и строительством гидротехнических сооружений. В нашей стране это связь нам знакома. Недавно начавшийся процесс восстановления исторической памяти, который мы пережили в последние годы правления социалистической партии, принес некоторые плоды. В Каталонии, в частности, как во времена правления трехсторонних коалиций левых партий (Социалистической,левой Республиканской и партии Инициатива для Каталонии – Зеленые), так и в годы правления консервативной партии Конвергенция и Союз, акцент был поставлен на признание и анализ страданий прошлого с целью обретения критического сознания. В результате сопоставление двух понятий: *диктатура* и *пропаганда гражданского строительства*, вызвали подозрения в испанском государстве, что в эпоху правления Франко ситуация в стране не так уж сильно отличалась от положения в России. Мы здесь тоже пережили диктаторский режим, хотя, следует это признать, противоположного направления и менее жестокий, если говорить языком цифр. Однако можно провести параллели между советским режимом и нашим фашизмом в области ограничения свободы слова, попрания прав человека и некоторых похожих приемов в области пропаганды гидротехнических сооружений. В памяти наших отцов и дедов, смотревших в кино ролики новостей перед фильмом, запечатлелись многочисленные образы генерала Франко, который открывал очередное водохранилище или ловил (?) форель невероятного размера.



Máksim Gorki. / Максим Горька.

principal artífice de la institución que les empezó a formar, el Instituto de Vías de Comunicación de San Petersburgo.

La relación obra pública, ingeniero y escritor nos abre una última puerta. Cruzando su umbral llegamos a la amplia historia de las tensiones entre el mundo de la cultura y el poder. Si hasta ahora nos hemos referido a la esfera de las infraestructuras faraónicas y su repercusión en el paisaje natural, ahora nos centraremos en lo urbano. También y casi en exclusiva en este ámbito, los *liriki* o artistas tenían la misión de contar aquello que hacían los *fisiki* o ingenieros, arquitectos y otros técnicos, para el ideal socialista. Unos esfuerzos que generaron, no sin dramas, una gran biblioteca de la hidráulica, del culto a la fábrica y al trabajo. Mientras, en paralelo al mundo de las letras, otros artistas lucharon y sufrieron, a veces dentro de la Unión y otras desde el exilio a Europa o Estados Unidos, por la denuncia de los excesos del poder.

En las siguientes páginas, volvemos de nuevo a la ciudad de San Petersburgo que, después de llamarse brevemente Petrogrado (1914-1924), a la muerte del líder bolchevique Lenin, adaptará su onomástica a Leningrado (1924-1991). Bajo este nombre, la ciudad vivirá la etapa tal vez más dramática y decisiva de su historia: los 900 días de sitio (1941-1944) por parte de los nazis durante la Segunda Guerra Mundial. Vamos a explorar

По многим причинам мы заинтересованы в том, чтобы коснуться на этих страницах истории каналов. Ибо они не только подчеркивают историческую роль русских инженеров, но и воздают должное их предшественникам, особенно таким, как Августин де Бетанкур, которому эти профессионалы как в России, так и в Испании обязаны частицей самих себя, потому что Бетанкур был главным инициатором создания учреждения, которое начало их подготовку, Петербургского института путей сообщения.

Отношение гражданского строительства, инженера и писателя раскрывает для нас последнюю дверь. За ней мы обнаруживаем обширную историю напряженных отношений между миром культуры и властью. И если раньше мы говорили о сфере гигантских сооружений и их влиянии на природный пейзаж, то теперь обратим внимание на городской уровень. Здесь тоже, и практически исключительно, *лирики* или деятели культуры должны были воспевать деяния *физиков* или инженеров, архитекторов и прочих технических специалистов на благо социалистического идеала. Их усилиями была создана, хотя не обошлось и здесь без драм, целая библиотека книг, посвященных гидротехническим сооружениям, фабрикам и труду. Одновременно и параллельно этому процессу другие художники боролись и страдали — иногда внутри Советского Союза, а иногда в изгнании в Европе или в Соединенных Штатах — за свое обличение злоупотреблениями власти.

На следующих страницах мы вернемся опять в Санкт-Петербург, который на протяжении недолгого времени стал называться Петроградом (1914-1924), а после смерти вождя большевиков Ленина получил имя Ленинград (1924-1991). Под этим именем город пережил самый драматический и решающий этап своей истории: 900 дней блокады (1941-1944), когда его осаждали нацистские войска во время Второй мировой войны. Мы узнаем, какие связи установили с городом некоторые художники, родившиеся в нем или посетившие его в какое-то время. Мы рассмотрим два взгляда: изнутри и из заграницы.

la relación que, en Leningrado, algunos artistas han mantenido con su ciudad, en tanto que allí nacieron o les acogieron durante una época. Y lo haremos en dos casos: desde la mirada interior y desde la extranjera.

Partiendo de la ciudad asediada y viajando a lo largo de cuarenta años de historia, conoceremos una de las protagonistas de esta mirada exterior. Hija de la burguesía barcelonesa más *progre* e intelectual, se llamaba Montserrat Roig y el gurú de la literatura *realista-socialista* Maksim Gorki la hubiera etiquetado como *liriki*. Por su condición de escritora y periodista, asumió la responsabilidad de investigar y explicar la barbarie que vivió Leningrado durante el asedio nazi. Roig llegó allí en 1980 y venía de un país que, con precaria fragilidad, estaba recuperando la democracia, las lenguas (en su caso particular, el catalán, perseguido hasta entonces) y la cultura. Lo que empezó como un viaje a la antigua capital zarista, pensando en las bombas, el hambre y la muerte durante el sitio hitleriano, acabará por construir una crónica mucho más cromática y personal de la ciudad de Pedro y Lenin. Y en segundo lugar, buscaremos la mirada interior subiendo a los tejados de San Petersburgo acompañando a un personaje excepcional. Hablamos de la particular lucha del compositor Shostakóvich quien, mediante la música surgida desde el interior de los bombardeos y de la hambruna, hizo una estremecedora declaración de amor a Leningrado y a sus habitantes. Ésta es sólo una de las muchas historias del brutal sitio, pero quizás de las que marcan más el compromiso de un ciudadano-artista con su gente, proporcionándoles la épica y la ilusión de la victoria.

Es cierto que durante los 900 días del sitio, la ciudad perdió gran parte de su geografía, quedando atrapada en sus calles y plazas, como en un patio de armas de una fortificación. Los que sobrevivieron dentro de esta gran caja maltratada, lo hicieron con la precariedad de un papel de fumar. En una ciudad que se quedaba sin luz, agua ni comida, increíblemente surgió un grito de esperanza en medio de bombardeos y sollozos: la *Séptima Sinfonía* de Shostakóvich. Sin duda, la banda sonora de lo que nos espera a continuación.

Vzav za точку отсчета осажденный город и совершив путешествие на протяжении сорока лет, мы познакомимся с одной из тех, кто взглянул на город извне. Дочь барселонской буржуазии, самого *прогрессивного* и интеллектуального толка, звали Монтсеррат Ройч, и гуру литературы *социалистического реализма*, Максим Горький, включил бы ее в ряды *лириков*. Будучи писательницей и журналисткой, она взяла на себя ответственность изучить и описать кошмар, пережитый Ленинградом во время нацистской блокады. Ройч приехала туда в 1980 году из страны, которая с большим трудом начинала восстанавливать демократию, языки (в ее частном случае – каталонский, который до этих пор подвергался преследованиям) и культуру. Путешествие в старую столицу царской России с мыслями о бомбах, голоде и смерти во время гитлеровской осады положит позднее начало пестрой и очень личной хронике знакомства с городом Петра и Ленина.

А затем, чтобы попытаться найти внутренний взгляд, мы поднимемся на крыши Санкт-Петербурга вместе с человеком исключительным. Мы говорим о композиторе Шостаковиче, который посредством музыки, родившейся из бомбардировок и голода, сделал волнующее признание в любви к Ленинграду и его обитателям. Это только одна из множества историй страшной блокады, но, возможно, та, что лучше других показывают обязательства художника-гражданина по отношению к своему народу, и его способность создать эпическое произведение и дать людям веру в победу.

Известно, что на протяжении 900 дней блокады город потерял часть своей географии и оказался запертым в своих улицах и площадях, словно во внутреннем дворе крепости. Те, кто выжил внутри этой большой коробки, на которую постоянно сыпались удары, стали хрупкими, точно фигурки из папиросной бумаги. В этом городе, который остался без света, воды и продуктов, как бы невероятно это не было, среди разрывов бомб и рыданий возник крик надежды: Седьмая симфония Шостаковича. Вне всякого сомнения, эта музыка ждет нас впереди.



Montserrat Roig llegó al aeropuerto de Sheremetiév, en Moscú, el diecisiete de mayo de 1980. Mal día para los señores de Aereoflot, porque en el avión había sólo cuatro pasajeros además de Roig: tres rusos y un asturiano que vivía en la Unión Soviética desde pequeño, como exiliado de la Guerra Civil. La escritora y periodista estaría en la capital sólo un par de días, de paso, para hacer algunas gestiones en su editorial. Ya en el hotel, vio que la televisión anunciaba los Juegos Olímpicos, que se celebrarían precisamente en Moscú dos meses después. Serían las olimpiadas en las que no participaría Estados Unidos ni muchos otros países como Japón, Noruega, Turquía o Chile. Estábamos en plena Guerra Fría y bastantes boicotearon a la URSS con la excusa de la guerra afganosoviética. También fueron los Juegos en los que triunfó la mascota-osito Misha, tanto como el gimnasta artístico ruso Alexandr Ditiatin con sus ocho medallas. Y a pesar del papel irrelevante de España en lo deportivo, según informó *La Vanguardia* por aquellas fechas, Barcelona tuvo una contribución decisiva en los treinta y tres récords mundiales que se superaron: la empresa catalana Nenuco proporcionó a los atletas más de 80.000 unidades de sus productos de cuidado personal, entre los que había geles, colonias, talcos y lociones *after sun*.

Si la histórica editorial Progreso de Moscú invitó a Montserrat Roig a Leningrado¹ fue, en gran parte, porque les gustó su obra

¹ El nombre de la ciudad mutó varias veces a lo largo de su historia: nació en 1703 con el nombre de la fortaleza de Sankt Piter Burkh (nombre de origen holandés), pero hasta 1914 se llamó San Petersburgo (fonología alemana). En 1914, en vísperas de la Primera Guerra Mundial se rusificó el nombre a Petrogrado (1914-1924). Desde la muerte de Lenin en 1924 hasta la caída de la URSS se llamará Leningrado (1924-1991). En junio de 1991 se celebró un referéndum y la población votó la reinstauración del nombre de San Petersburgo.

Монтсеррат Ройч прибыла в московский аэропорт Шереметьево семнадцатого мая 1980 года. Этот день выдался неудачным для хозяев Аэрофлота: кроме М. Ройч в самолете было только четыре пассажира: трое русских и один астуриец, который приехал в Советский Союз ребенком во время Гражданской войны и остался там жить. Писательница и журналистка планировала провести в столице только пару дней, чтобы уладить разные дела в издательстве. Прибыв в гостиницу, она увидела по телевизору рекламу Олимпийских игр, которые должны были состояться в Москве через два месяца. В этой Олимпиаде не будут принимать участия Соединенные Штаты Америки, а также такие страны, как Япония, Норвегия, Турция или Чили. Холодная война была в разгаре, и многие государства объявили бойкот СССР под предлогом войны в Афганистане. Но это также будут игры, во время которых сердца людей покорят их талисман, медвежонок Миша, и русский гимнаст Александр Дитятин — ему предстоит завоевать восемь медалей. Несмотря на весьма скромные успехи испанских спортсменов на соревнованиях, как сообщала газета *La Vanguardia* в те дни, Барселона вложила весомый вклад в тридцать три мировых рекорда, которые были побиты в те дни. Каталонская фирма «Ненуко» поставила для атлетов более 80000 продуктов для личной гигиены, среди которых были гели, одеколоны, тальк и лосьоны *после загара*. Московское издательство «Прогресс», имевшее давние традиции, пригласило Монтсеррат Ройч в Ленинград¹ в

¹ Имя этого города неоднократно менялось на протяжении истории. Он родился в 1703 году как крепость Санкт Питер Бурх (называли его на голландский манер). До 1914 года город называли Санкт-Петербургом (на немецкий лад). В 1914 году, накануне Первой мировой войны, название было русифицировано, и город стал Петроградом (1914-1924). После

Els catalans als camps nazis (1977). Entre ensayo y crónica, el libro desveló no sólo una oculta proximidad catalana con los horrores del Holocausto, sino que permitió a la joven barcelonesa construirse un nombre ante ciertos círculos editoriales y, en general, entre el público que huía de las novelas. Los de Progreso, que editaban obras en ruso y en muchos otros idiomas extranjeros, le encargaron un libro-reportaje sobre el sitio que sufrió Ленинград (1941-1944) durante la ocupación nazi. Desde el primer momento, Roig fue recibida como una visitante distinguida. Era de hecho una autora emergente, premiada por sus novelas (*Molta roba i poc sabó...*; *Ramona, adéu*; *El temps de les cireres*), y con una trayectoria periodística sólida en varios medios escritos (*Mundo Diario*, *Diario de Barcelona*, *Destino*, *Tele-Exprés*, *Oriflama*, *Triunfo*, *Serra d'Or*, etc.). En su currículum figuraban artículos comprometidos y entrevistas a los principales líderes culturales y políticos de la Transición, a los que también recibió en sus programas en Televisión Española desde Madrid y, para el público catalán, desde los estudios de Miramar en Barcelona.

Cumplimentados los trámites, nuestra escritora periodista viajó de noche en el tren *Flecha Roja* hasta la Estación Moscú de Leningrado. Esta línea de ferrocarril fue la segunda del país, inaugurada por el zar Nicolás I a mitad del siglo XIX, poco después de la que unió la antes llamaba San Petersburgo con el palacio zarista de Tsarskoye Selo. Aquel 20 de mayo, con un cielo encapotado, nevando sin cuajar, la recién llegada vio una ciudad envuelta en una tristeza activa. Paseando por la avenida Nevski, se encaminó hacia el Hotel Europa, donde se instalaría las próximas cinco semanas. Desde que aterrizó en la Unión Soviética, le acompañaba siempre el joven Nikolai, un supuesto intérprete que la editorial ponía a su servicio. Por la poca astucia del ruso y las películas de James Bond, Montserrat sospechó desde el minuto uno que éste era un agente del KGB. La relación entre ellos recuerda a veces lo que Nadiezhda, viuda del poeta Ósip Mandelstam, contaba acerca de los diferentes *vigilantes* que tenía su marido durante las purgas estalinistas. No porque Nikolai supusiera ningún riesgo para la escritora catalana, sino por el poco disimulo que demostró. Según

principalmente porque, que editores le gustó su libro *Каталонцы в нацистских лагерях* (1977). Это произведение, сочетавшее жанры эссе и хроники, не только показало, что Холокост коснулся и каталонцев, но и позволило молодой барселонской писательнице создать себе имя в определенных издательских кругах и, в целом, среди читателей, не слишком любивших романы. Представители издательства «Прогресс», которое издавало книги, как на русском, так и на многих других языках, заказали М. Ройч книгу-репортаж о блокаде Ленинграда во время нацистской оккупации (1941-1944). С первого же дня Ройч принимали как важную персону. И действительно, это была начинающая писательница, удостоившаяся премий за свои романы (*Molta roba i poc sabó...*; *Ramona, adéu*; *El temps de les cireres*) и журналистка, которая создала себе имя, сотрудничая в разных печатных изданиях (*Mundo Diario*, *Дьяро де Барселона*, *Дестино*, *Теле-Экспресс*, *Орифлама*, *Триумфо*, *Серра де Ор* и т.д.). В ее багаже уже были статьи, в которых она четко обозначала свои политические взгляды, и интервью с основными деятелями в области политики и культуры эпохи перехода к демократии. Она беседовала с ними в студиях испанского телевидения в Мадриде, а также - для каталонских телезрителей - в студии Мирмар в Барселоне.

Когда все формальности были улажены, наша писательница и журналистка отправилась в путь ночным поездом «Красная стрела» и прибыла на Московский вокзал в Ленинграде. Она проехала по второй железной дороге в России, которая была открыта царем Николаем I в середине XIX века. Первая железнодорожная ветка несколько раньше соединила город, называвшийся тогда Санкт-Петербургом, с резиденцией русских монархов в Царском Селе. В тот день, 20 мая, гостя города увидела серое небо, с которого сыпался дождь со снегом, и грустный город, в котором кипела жизнь. Она направилась в гостиницу «Гранд Отель Европа», которая

смерти Ленина с 1924 года и до распада Советского Союза город будет носить имя Ленинград. В июне 1991 года состоялся референдум, и население проголосовало за восстановление имени Санкт-Петербург.

Nadejda, en los años veinte y treinta, en casa de los Mandelstam aparecían regularmente varios tipos de agentes de control, buscando pruebas comprometedoras para Ósip. De entre los especímenes que catalogó, recordaba especialmente a los *jóvenes diligentes*, que visitaban al poeta para pedirle las grandes obras con devoción o ayudarle supuestamente a hacer copias de ellas. Otros días, acudían los expertos, que eran reclutados entre la misma profesión y aparecían en casa como de pasada, sin avisar, preguntando para obtener declaraciones comprometidas. Y en tercer lugar, los *ayudantes*. Por su ambición, éstos eran los más peligrosos: estudiantes de literatura que servían a dos Dioses a la vez. Primero tenían una admiración sincera por el poeta, pero después, con ganas de hacer méritos y poder publicar, pasaban información a los servicios secretos. Evidentemente Roig, invitada por una editorial soviética, estaba infinitamente lejos de cualquier amenaza. Nikolai todavía era un aprendiz de informador al lado de los controladores de Mandelstam. Aun así, la periodista empezó sus días en Leningrado con este estrambótico apéndice, amante del vodka y, se descubriría poco a poco, obsesionado con los encantos de la catalana.

Decíamos que se alojaba en el Gran Hotel Europa, cuyo edificio ocupa todo el frente norte de la calle Mijhailovski, un

Gran Hotel Europa / Гранд Отель Европа.



тогда называлась «Европейской» по Невскому проспекту; там ей предстояло провести следующие пять недель. С тех пор, как ее самолет приземлился в Советском Союзе, писательницу постоянно сопровождал молодой человек по имени Николай, которого издательство приставило к ней в качестве переводчика. Этот русский не отличался особой смекалкой, а Монтсеррат насмотрелась фильмов о Джеймсе Бонде, поэтому она с первой же минуты поняла, что перед ней агент КГБ. Отношения между ними напоминают иногда те, о которых писала Надежда, вдова поэта Осипа Мандельштама, когда описывала разных *стукачей*, которые следили за ее мужем в годы сталинских репрессий. Николай, конечно, не представлял никакой опасности для каталонской писательницы, но его манера не скрывать свои намерения была похожа на повадки тех, кто следил за Мандельштамом. По словам Надежды в двадцатые и тридцатые годы в доме поэта то и дело появлялись разные типы из органов контроля над населением в поисках компрометирующих Осипа документов. Среди разновидностей, выделенных ей, она особенно хорошо помнила *деловых молодых людей*, которые навещали поэта, чтобы почтительно попросить у него его великие произведения или предложить свои услуги для их переписки. В другие дни появлялись ценители, которых обычно вербовали среди представителей той же профессии. Они приходили без предупреждения, невзначай, и вели разговоры, чтобы услышать какие-нибудь компрометирующие поэта высказывания. Представителей третьей разновидности Надежда называла *адъютантами*. Эти начинающие литераторы служили одновременно двум богам и были самыми опасными из стукачей, потому что ими двигало тщеславие. Сначала они искренне восхищались поэтом, но потом, желая выслужиться и получить возможность публиковаться, начинали передавать информацию в органы. Совершенно очевидно, что Ройч, приглашенной советским издательством, никакая опасность не грозила. Николай был просто подмастерьем по сравнению с теми, кто следил за Мандельштамом. Как бы то ни было, журналистка провела

eje perpendicular a la Nevski que une esta avenida con la Plaza de las Artes. Si visitan el hotel, verán que es una mole neoclásica de una sobria fachada tipo *patchwork*. Hábil obra del arquitecto Ludwig Fontana, que en 1875 supo coser varios edificios existentes y armonizarlos en una composición unitaria. Todavía hoy es uno de los alojamientos más exclusivos de la ciudad. Su historia es fiel reflejo de los altibajos rusos del siglo XX. Después de la Revolución de Octubre de 1917, se desplomó el turismo en la URSS y el hotel quedó vacío. De forma provisional, el Estado lo ocupó entonces con multitud de familias mientras esperaba asignarles una vivienda comunal. A los pocos años, viendo el ritmo de galopante degradación del inmueble, lo reconvirtió de nuevo en el único alojamiento para los ciudadanos no soviéticos. Ya que los bolcheviques no podían frenar las visitas ni cerrar totalmente las fronteras, como mínimo acumularían a los extranjeros en un ambiente controlado. Por esto el escritor y periodista Josep Pla también se alojó unos días allí en su viaje por la Unión Soviética. Era 1925 y escribió para el periódico *La Publicitat* que *sólo había un hotel* en Leningrado. Durante la guerra contra Finlandia (1939), el edificio fue el cuartel central de los militares de la ciudad y, en los años del sitio nazi, se transformó en un abarrotado hospital. Estas tribulaciones históricas explican que, en los ochenta, Montserrat Roig se encontrara un hotel recubierto de una pátina decadente. Al disolverse la URSS una década después, sus instalaciones se remodelarían por completo y su lista de ilustres recuperaría el esplendor pasado. Entre muchísimos otros, allí figuran el tenor Josep Carreras, Julio Iglesias, el actor Harrison Ford o los presidentes Bill Clinton y Gerhard Schröder; así como el príncipe Carlos de Inglaterra.

Tangente al Hotel Europa, la perspectiva Nevski es la espina dorsal de la ciudad ya desde la época de las zarinas, a mitad del siglo XVIII. La pata fundamental del *tridente* de calles que fugan hacia la aguja de El Almirantazgo que, a su vez, es el edificio que define el centro de gravedad de San Petersburgo. Ya nos advirtió el escritor Nikolai Gogol sobre esta calle, que *siempre engaña*. Después de lo colorido del Kremlin mosco-





Los jardines del Almirantazgo. / Адмиралтейский сад.

vita, a Roig le decepcionó la primera visión de la Nevski, por anodina y grave, sin árboles. Como en una carpa de fiesta mayor, está cubierta por una maraña de filamentos en todas direcciones: cables para colgar los señales de tráfico y cables para la catenaria de tranvías y trolebuses. En otras vías incluso las luminarias están suspendidas, pero la Nevski tiene farolas de fundición. Mientras paseaba por allí, la periodista no podía dejar de fijarse en las mujeres soviéticas, altísimas y fuertes, que inundaban con su contundencia física y expresión glacial báltica el paisaje urbano de la ciudad, ya fuera conduciendo grúas, vendiendo billetes de tranvía o pintado líneas amarillas sobre el asfalto. El tráfico era siempre intenso, muchas veces caótico. Bajo un decorado urbano profundamente europeo, con algunos carteles olvidados en un francés despintado, los grandes rótulos en alfabeto cirílico le recordaban que no se trataba de un bulevar parisino.

En la primera parte de *L'Agulla daurada*, la crónica de su viaje a Leningrado, la escritora nos habló de la ciudad de las piedras y de sus paseos literarios, que casi siempre acababan junto a una estatua. La ciudad de Pedro y Lenin se lo puso fácil, porque tiene un urbanismo de ejes y plazas tentador, ideal para aquellos arquitectos proclives a marcar hitos y a colocar esculturas de militares o intelectuales. Dice el tópico que, en Rusia, los poetas son tan ídolos, como los jugadores de fútbol en mi país. Entre los grandes, Aleksandr Pushkin (1799-1837), considerado el padre de la poesía y de la literatura rusa, el primero que reivindicó el uso lírico de la lengua autóctona, hasta entonces popular y desprestigiada. Una lengua a la que, lejos de las gracias europeas, él creyó que le va bien la rusticidad, la simplificación y la rudeza. La principal escultura ciudadana dedicada al poeta está en la Plaza de las Artes, al lado del hotel de Montserrat Roig y rodeado por instituciones culturales, como el Museo Ruso, la Filarmónica o el Teatro Mijailovski. Se instaló allí en 1957 para celebrar el 250 aniversario de la fundación de Leningrado. Según su biógrafo Henri Troyat, Pushkin fue el más puro de los realistas rusos, riéndose de los alemanes por su idealismo y metafísica. Además era un escritor

свои первые дни в Ленинграде в компании этого чудного сопровождающего, любителя выпить и, как это выяснилось постепенно, пылающего поклонника очаровательной каталонки. Как мы уже сказали, М. Ройч остановилась в гостинице «Гранд Отель Европа», фасад которого занимает всю северную сторону Михайловской улицы, которая перпендикулярна Невскому проспекту и соединяет его с площадью Искусств. Если вам доведется побывать в этой гостинице, то вы увидите огромную махину, построенную в неоклассическом стиле, чей строгий фасад составлен из разных фрагментов, точно *лоскутное одеяло*. Архитектору Людвигу Фонтана в 1875 году удалось ловко соединить несколько ранее существовавших зданий в единый гармоничный ансамбль. До сегодняшнего дня эта гостиница является одной из самых роскошных в городе. Ее история в точности отображает взлеты и падения русского общества в XX веке. После Октябрьской революции 1917 года туризма в СССР практически не было, и гостиница опустела. Здание временно использовалось для размещения множества семей, которым надо было подыскать коммунальное жилье. Через несколько лет, когда стало ясно, что здание быстро приходит в упадок, его привели в порядок и превратили в единственную в городе гостиницу для иностранных граждан. Поскольку большевики не могли полностью избежать появления в городе зарубежных гостей или закрыть границы, по крайней мере, так все иностранцы оказывались в одном месте, где за ними было удобно следить. Поэтому писатель и журналист Джузеппе Пла тоже останавливался там на несколько дней во время своего путешествия в Советский Союз. Шел 1925 год, и Пла написал в газете *Ла Публицитат*, что в Ленинграде *была только одна единственная гостиница*. Во время войны с Финляндией (1939) здание служило штабом, где собирались военные, а во время блокады Ленинграда превратилось в шумный и переполненный госпиталь. Все эти исторические перипетии объясняют тот факт, что в восьмидесятые годы Монтсеррат Ройч увидела гостиницу не в самом лучшем виде. Когда через десять лет СССР распался, здание гостиницы было полностью отремонтировано,



Plaza de las Artes con la escultura de Pushkin.

profesional, que pretendía ganarse la vida escribiendo como cuando el panadero amasa el pan o el sastre corta vestidos.

Montserrat Roig vio en este Pushkin de rasgos africanos y pelo erizado, obra del escultor M.K. Anikushin, a un joven terrenal y humano. El poeta tiene el brazo tendido, como si nos quisiera mostrar la ciudad u ofrecernos, con elegancia, el don de la palabra rusa. Un hombre con fama de don Juan y catalogado por la policía como agitador político y jugador famoso. El zar Nicolás I siempre lo controló sabiendo que era un ídolo y le atormentó cuanto pudo, ahora obligándolo al exilio en su tierra natal y, después, negándole cualquier viaje al extranjero. Sus versos del Conde Nulin, de voltaje casi pornográfico, escandalizaron a los mismos gentilhombres que, al acabar de leerlos, se acostaban con niñas de quince años.

El actor ruso Roland Bikov le dijo a la escritora barcelonesa que los grandes maestros del arte siempre han vivido en conflicto con su tiempo. Si esto es así, la plaza del Senado sería

Памятник Пушкину на площади Искусств.

и список ее посетителей стал не менее блестящим, чем в былые времена. Среди множества ее гостей можно упомянуть Жузепа Каррераса, Хулио Иглесиаса, актера Харрисона Форда, президента Билла Клинтона и канцлера Герхарда Шредера или английского принца Чарльза.

Проходящий рядом с гостиницей Невский проспект это хребет города со времен правления императриц в середине XVIII века. Проспект является главной из улиц *трезубца*, которые сходятся в игле Адмиралтейства, которое, в свою очередь, является центром тяжести в структуре Санкт-Петербурга. Еще Николай Гоголь советовал нам *не верить этому Невскому проспекту*. После ярких красок московского Кремля, первая встреча с Невским, безразличным, строгим и лишенным зелени, разочаровала Ройч. Над проспектом висела паутина проводов, расходящихся во все стороны, словно в праздничном балагане: на одних висели дорожные знаки, другие давали ток трамваям и троллейбусам. На

uno de los escenarios de la particular batalla de Pushkin. Tras la muerte del zar Alejandro I en 1825 se produjo la rebelión de los Decembristas. Es el primer gran síntoma del malestar social ruso que, todavía elitista y poco cohesionado, desembocará en las próximas décadas en la Revolución bolchevique de 1917. Estos pioneros reformistas se congregaron delante del Senado, junto al Neva, intentando algo parecido a un golpe de estado liberal. En su mayoría, eran miembros de la guardia imperial, hijos de la nobleza, cultos e ilustrados, que exigían una reforma constitucional. Al final, el nuevo emperador Nicolás I les aplastó según el método ruso, condenándoles a torturas en la ciudadela de San Pedro y San Pablo, culminadas en patíbulo o agonía en prisión. Entre los detenidos se encontraron versos del Pushkin más político, que le costaron la cólera y la persecución perpetua del zar.

Años más tarde, su poema *El Jinete de Bronce* rebautizó con este nombre a la estatua ecuestre de Pedro el Grande, que Catalina II encargó al escultor francés Étienne-Maurice Falconet, situándola en el imaginario colectivo popular. Si visitan San Petersburgo en primavera o verano, comprobarán cómo los novios dejan flores junto a su base pétrea y hacen sus fotos de boda allí, entre el gran Neva y la cúpula de San Isaac. Decíamos que los versos de Pushkin se ganaron la inmortalidad, y por lo tanto también se la ganó su protagonista Eugenio, el mítico héroe de la gran inundación que asoló la ciudad en 1824. El poeta inspiró a todos los tótems literarios rusos que vinieron detrás y, recogiendo sus frutos, también estaba nuestra catalana contemporánea.

A pesar de las largas horas de luz del junio de Leningrado, Roig sentía una gran nostalgia de Barcelona. Pocos meses atrás, en la *Guía del Ocio* calificó a su ciudad de mediocre y pueril, estropeada y crispada, ordenadita y destartalada, pero reconocía que, a pesar de tanto dardo, le tenía el corazón robado. En un país de libertad precaria, que se despertaba cada día con algún sobresalto político, la capital catalana intentaba ocupar todo el espacio liberado por la Transición democrática. Ahora muchos dirían de la ciudad que sobre todo era *preolímpica*, si

других улицах даже осветительные приборы висят над мостовыми, но Невский украшают чугунные литые фонари. Когда наша журналистка гуляла по городу, ее внимание то и дело привлекали советские женщины, очень высокие и крепкие, которые заполняли своими мощными фигурами и ледяным балтийским выражением лиц городской пейзаж. Они работали на подъемных кранах, продавали билеты в трамваях или красили желтой краской дорожные знаки на мостовых. По городу постоянно сновало множество машин, и их движение часто было хаотичным. Городской пейзаж казался ей глубоко европейским, кое-где еще даже можно было разглядеть выцветшие надписи на французском языке, но крупные буквы вывесок на кириллице напоминали ей, что она не парижском бульваре.

Впервой части своей книги «Золотая игла», которая представляет собой хронику ее путешествия в Ленинград, писательница рассказывает нам о *каменном городе* и о своих литературных прогулках, которые почти всегда заканчивались около какого-нибудь памятника. Город Петра и Ленина без труда предоставлял ей такую возможность, потому что его структура с осями прямых улиц и площадями весьма привлекательна для тех архитекторов, которые любят оставлять вехи на магистралях и украшают их статуями военных или деятелей культуры. Общим местом в рассуждениях о России является мысль о том, что в этой стране поэты пользуются такой же популярностью, как у нас футболисты. Среди них выделяется фигура Александра Пушкина (1799-1837). Его считают отцом русской поэзии и литературы, потому что он первым отстаивал возможность использования в поэзии родного языка, который до него считался простонародным и грубым. Этому языку, далекому от европейского изящества, по мнению Пушкина, были к лицу простота, суровость и безыскусность. Самый известный в Петербурге памятник поэту находится на Площади Искусств, рядом с гостиницей, где останавливалась Монтсеррат Ройч. Он окружен различными учреждениями культуры: это и Русский музей, и Филармония и Михайловский театр. Памятник был

pensamos en lo que ocurriría en aquel mismo 1980. El año en que se nombraría presidente del COI al barcelonés Juan Antonio Samaranch, quien más influyó en la designación de los Juegos de Barcelona'92. Es cierto, penoso y romántico. La escritora y periodista no pudo conocer otra Barcelona que la anterior a las olimpiadas, que tanto la cambiaron. Ella había vivido siempre en la calle Bailén, a pocos metros de la plaza Tetuán. El Eixample barcelonés fue el escenario de gran parte de su vida y el plató de la mayoría de sus novelas. Hija de la pequeña burguesía catalana y catalanista, de padre abogado y escritor; su madre fue una maestra profundamente feminista. Montserrat compartió infancia con seis hermanas y un hermano, una multitud con profesiones más o menos artísticas. Incluso estudió teatro en la época del instituto siguiendo a Glòria, su hermana actriz. Cuando en TV3 el periodista Josep Maria Espinàs le preguntó por su infancia en el colegio de la Divina Pastora, ella le recordó que de las monjas no había aprendido nada, que no le enseñaron ni a pensar.

Pero al final aprendió. Primero en el instituto y, después, en la Universidad de Barcelona cuando aún se le llamaba *la Central*. Allí estudió Filosofía y Letras y, en su patio, respiró los aires del antifranquismo que se mezclaban y coincidían a menudo con los filocomunistas. Si sumamos a estos *ismos*, el catalanismo que heredó del padre y el feminismo materno, ya tenemos su imperfecto y tanto más reduccionista esbozo ideológico. Todo esto vivió la mujer con quien ahora visitamos Leningrado, en los años de la España presidida por Adolfo Suárez y del centro-derecha surgido de la reconversión franquista (UCD). Por su parte, Jordi Pujol (CiU) ganó las primeras elecciones autonómicas a la reinstaurada Generalitat de Cataluña, sustituyendo a su antecesor Tarradellas, que había vuelto del exilio después de la dictadura. Montserrat Roig siempre se situó nítidamente a la izquierda, en unas columnas y artículos coherentes con su pasado en el movimiento estudiantil. Influenciada por su primer marido, militó e incluso figuró en las listas electorales del PSUC, que fue el principal partido de la lucha antifranquista catalana. Desde el gran angular, el paisaje de la demo-

установлен на площади в 1957 году, когда праздновалось 250-летие с момента основания Ленинграда. По мнению автора биографии русского поэта, Анри Труайя, Пушкин является самым чистым русским реалистом, которому казался смешным идеализм и метафизические изыскания немцев. Кроме того, он был профессиональным писателем, который хотел зарабатывать на жизнь литературным трудом подобно тому, как пекарь месит тесто, или портной шьет платья.

Монтсеррат Ройч увидела в этом Пушкине с его африканскими чертами и кудрявой головой, чей образ создал скульптор М.К. Аникушин, земного и человеческого юношу. Поэт простирает руку вперед, словно показывая нам свой город или изящно предлагая нам дар русского слова. При жизни поэта полиция считала его политическим агитатором и заядлым игроком в карты, за ним ходила слава Дона Жуана. Царь Николай I всегда следил за ним, зная о том, что люди считали его своим кумиром, и создавал для него множество неприятностей: сначала поэта отправили в ссылку, а потом запрещали ему выезжать за границу. Его поэма «Граф Нулин», которая читалась тогда почти как порнографическое произведение, вызывала негодование тех самых дворян, которые, прочитав поэму, не смущаясь, отправлялись в постель с пятнадцатилетними девушками.

Русский актер Ролан Быков сказал барселонской писательнице, что великие мастера искусства всегда жили в несогласии со своим временем. Если это так, то Сенатскую площадь можно считать одной из сцен, на которых вел свою борьбу Пушкин. После смерти царя Александра I в 1825 году произошло восстание Декабристов. Это первое проявление неблагополучия в общественной жизни русского общества, тогда еще иерархичного и разобщенного, выльется через несколько десятилетий в революцию большевиков 1917 года. А первые сторонники реформ собрались около Сената на берегу Невы в попытке совершить нечто вроде либерального государственного переворота. В большинстве своем это были офицеры имперской гвардии, дети самых знатных семей, образованные и просвещенные, которые требовали



Montserrat Roig junto con el ex-presidente del gobierno Adolfo Suárez en Televisión española, septiembre de 1982. / Монтсеррат Ройч рядом с Адольфо Суаресом, председателем правительства Испании, во время программы испанского телевидения в сентябре 1982 года.

cracia española se reconstruía poco a poco y con algunos sustos. Al tiempo que, desde Francia, alguien ya estaba analizando seriamente las grietas de la URSS presidida por Léonid Brézhnev (1964-1982). Nos lo recuerda una vez más el escritor Emmanuel Carrère en su imprescindible *Limónov*: fue su madre, la audaz politóloga Hélène Carrère d'Encausse, quien en 1978 ya pronosticó el fin del imperio soviético. Si no, que se lo digan a Mijaíl Gorbachov.

Agobiada por el intérprete Nikolai, Montserrat tenía la sensación de que el libro sobre el sitio de Leningrado no avanzaba. Mientras esperaba ansiosamente entrevistarse con los supervivientes, aprovechaba para pasearse por los jardines de El Almirantazgo, cruzaba la Plaza de Invierno y, como quien se pone unas gafas de sol, reconstruía capítulos del pasado. Del Palacio de Invierno, la residencia principal de los zares, sabía que había fijado la máxima altura edificable en la ciudad, a excepción de los edificios religiosos y hasta que llegaron las

конституционных реформ. Но все кончилось тем, что Николай I подавил восстание, воспользовавшись типично русскими методами: его участники были приговорены к пыткам в Петропавловской крепости, а потом казнены или закончили свои дни в тюрьме. У арестованных обнаружили стихи Пушкина политического содержания, и это стоило ему царского гнева и пожизненного преследования.

Через несколько лет поэма Пушкина «Медный всадник» дала новое имя конной статуе Петра I Великого, которую Екатерина II заказала французскому скульптору Этьену-Морису Фальконе, и благодаря этому памятник занял важное место в сознании людей. Если вы приедете в Санкт-Петербург весной или летом, то увидите своими глазами, как молодожены кладут к каменному подножию монумента цветы и делают свадебные фотографии там — между Невой и куполом Исаакиевского собора. Мы уже сказали, что поэма Пушкина заслужила бессмертие, а потому ее главное действующее лицо тоже продолжает жить в памяти людей — Евгений стал легендарным героем страшного наводнения, которое обрушилось на город в 1824 году. Поэт повлиял на многие поколения великих русских писателей, которые жили позднее, и наша современница из Каталонии тоже находила вдохновение в его творениях.

Несмотря на то, что в Ленинграде в июне солнце почти не скрывалось за горизонтом, Ройч очень скучала по Барселоне. За несколько месяцев до своей поездки в журнале «Гия де Осьо» она назвала свой город посредственным и ребячливым, испорченным и нервным, несладким и прилизанным, но признавалась в том, что, несмотря на все эти выпады, Барселона покорила ее сердце. В стране, где свобода еще не стала нормой, где каждое утро можно было ждать какой-нибудь политической неожиданности, столица Каталонии старалась занять все пространство, которое было отвоевано в момент перехода к демократии. Сегодня, говоря о Барселоне, многие подчеркивают в первую очередь, что она была доолимпийской, когда мы вспомним о том, что произойдет в том же самом 1980 году. В это время президентом МОК был

moles soviéticas. Y de la gran columna de Alejandro I, erguida en medio de la plaza, explicó la belleza de sus 47 m de altura total en una única pieza de granito sobre un pedestal, porque simplemente se construyó *como un vaso sobre un plato*. Un gran homenaje al ingeniero Betancourt, que ideó su mecanismo de elevación. Todavía enfrente del Palacio de Invierno, la periodista reculó hasta la negrura de enero de 1905. La noche en que allí se concentraron cien mil personas, instigados por el pope Gapon, para reclamar un poco menos de miseria entregándole una carta de agravios a Nicolás II. Sólo un día después, llegó a la Estación Moscú la gran bailarina Isadora Duncan. De madrugada, camino al Hotel Europa, su coche se paró ante una comitiva silente y andrajosa. Un largo rosario de hombres enlutados y con rostros desencajados que avanzaban lentamente cargando ataúdes. Ésta había sido la primera e inmediata respuesta del zar a la protesta del día anterior. La segunda, que tardó unos meses, fue fundar la Duma o cámara de representantes, cuya torre se levanta en la perspectiva Nevski junto los grandes almacenes Gostiny Dvor.

Cuando la escritora Roig recorría el Campo de Marte, se sorprendía pensando que, antes de la Revolución de 1917, aquello era una planicie de instrucción militar, conocida como el Sahara de San Petersburgo por su suelo seco y polvoriento. Siendo hoy más verdoso que desértico, esta gran explanada de parteres y pasos perdidos conserva cierto aire desolado. Una gran plaza que, de hecho, no sabe cómo llenarse y que comunica con espacios abiertos mucho más atractivos. Al norte, con el puente de la Trinidad y la ciudadela de San Pedro y San Pablo, el Jardín de Verano al este y los jardines del palacio Mijhailovsky al sur. Desde allí se observa, en un fondo aislado y místico, el castillo de los Ingenieros. Lo mandó construir y fortificar a finales del siglo XVIII el zar Pablo I, obsesionado por su seguridad. Fue uno de los autócratas Romanov menos queridos y no le faltaba razón en su paranoia persecutoria. Le asesinaron de noche en su habitación, al poco de ocupar la nueva residencia, víctima de un complot bendecido por su hijo, el futuro Alejandro I. Ningún otro zar quiso vivir allí. Hoy en día la áurea fantasma-

избран барселонец Хуан Антонио Самаранч, который сыграл решающую роль в выборе города в качестве места проведения Олимпийских игр 1992 года. Все это правильно, грустно и романтично. Нашей писательнице и журналистке довелось узнать Барселону только такой, какой она была до Олимпиады, сильно изменившей потом город. Она прожила всю жизнь на улице Байлен, недалеко от площади Тетуан. Барселонский район Эйшампла стал сценой, на которой прошла большая часть ее жизни, и местом действия большинства ее романов. М. Ройч выросла в мелкобуржуазной каталонской семье, где всегда отстаивали каталонскую самобытность. Ее отец был адвокатом и писателем, а мать учительницей и убежденной феминисткой. Монтсеррат делила детские игры с шестью сестрами и братом, все они – в большей или меньшей степени – выбрали артистические профессии. Участь в старших классах, наша писательница даже занималась театром, следуя по стопам своей сестры Глории, которая стала актрисой. Когда в студии ТВ3 журналист Жузеп Мария Эспинас спросил Монтсеррат о детских годах, которые она провела в начальной религиозной школе Дивина Пастора, она ответила, что время, проведенное у монахинь, прошло для нее впустую – они ее не научили даже думать.

Но, в конце концов, она получила образование. Сначала в старших классах школы, а потом – в Барселонском университете, который тогда называли *Центральным*. Там она училась на факультете Философии и Словесности, и в университетском дворике вдыхала свежий ветер антифранкизма, который часто проповедовали одновременно сторонники коммунизма. Если мы прибавим к этим – *изм* каталанизм, который Монтсеррат унаследовала от отца, и материнский феминизм, то получим идеологический портрет нашей героини, хотя он и будет несовершенным и весьма приблизительным. Но все это составляло жизнь женщины, с которой мы сейчас посещаем Ленинград того периода, когда в Испании был президентом Адольфо Суарес, и в стране правила правящая партия, возникшая на основе франкистских кадров (Союз демократического центра). В

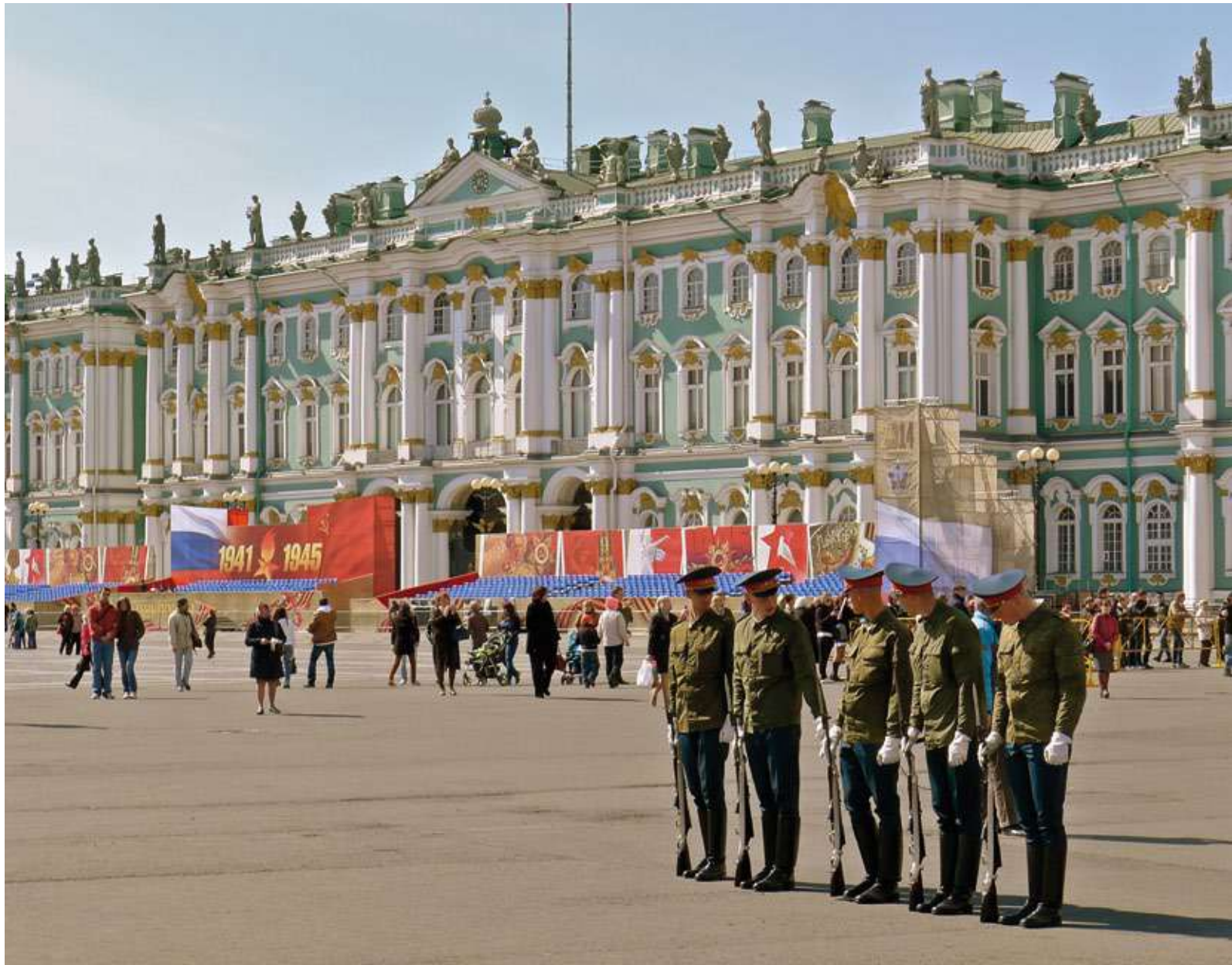
гórica del castillo es aprovechada para que las agencias turísticas organicen visitas tenebrosas por su interior. Montserrat Roig reflexionaba sobre algunas de estas cosas mientras avanzaba al este del Campo de Marte, alejándose del barullo motorizado, dispuesta a recuperarse de tanto pensar. Pasó muchas tardes así, a la hora en que la luz es más rojiza, seducida por la alegría floral y escultórica del Jardín de Verano.

Después de las primeras entrevistas a los supervivientes del sitio, tuvo la sensación que el viaje era absurdo, porque nadie le contaba las pequeñas historias que hacían creíbles las grandes verdades. Fumaba sus Winston y compraba cada día *El País*, lo primero porque no podía evitarlo y, lo segundo, para sentir el mínimo confort de su realidad distante. El intérprete Nilokai no le ayudaba mucho en sus investigaciones. Era evidente que cada vez bebía más vodka, ahora ya incluso durante las entrevistas, exasperándola tanto a ella como a los entrevistados. Constantemente hacía números para intentar acostarse con ella. Como el día que cenaban en el restaurante Bakú, en la Nevski. Con la excusa de aligerarle el picante de los platos azerbaiyanos, sopa vegetal con arroz y pinchos de carne, Nikolai intentaba emborracharla con unas copas de tsinandali, el vino blanco georgiano. Una vez casi lo consiguió, aunque Roig nunca hubiera llegado al nivel de devastación ofrecido por los finlandeses del Hotel Europa. Aprovechaban los bajos precios de las bebidas y el hecho de ser los únicos extranjeros que no necesitaban visado, para encerrarse y alcoholizarse hasta casi perder el instinto. En todo caso, el intérprete ruso pasaba a ser cada vez más un problema que una solución para el trabajo de campo. Éste no tenía ningún interés en la ciudad y fue precisamente durante los días en que Nikolai dormía la mona en el hotel, cuando la escritora empezó a descubrir una nueva cara de Leningrado.

Sin que el vino tsinandali georgiano tuviera causa-efecto en ello, la ciudad se le hacía naturalmente más amable y, casi sin darse cuenta, se inició un embriagador proceso de seducción. Fueron los días en los que frecuentaba la Unión de los Escritores, en

suya очередь в Каталонии на первых автономных выборах в восстановленное правительство Каталонии – Женералитат – победил Жорди Пужоль (Конвергенция и Союз), который сменил на этом посту своего предшественника Таррадельеса, который вернулся из эмиграции после окончания диктатуры. Монтсеррат Ройч всегда занимала отчетливую левую позицию; в своих авторских колонках и статьях она была верна своему прошлому в студенческом движении. Под влиянием своего первого мужа она вступила в Социалистическую Объединенную партию Каталонии, которая являлась основной силой в борьбе против франкизма, и даже вошла в список кандидатов от нее на выборах. В целом, пейзаж испанской демократии постепенно восстанавливался, несмотря на отдельные встряски. В то же время во Франции появились люди, увидевшие трещины в здании СССР, который возглавлял Леонид Брежнев (1964-1982). Нам напоминает об этом Эммануэль Каррер в своей книге «Анимонов», которую всем необходимо прочитать. Именно его мать, отважный политолог Элен Каррер д'Анкосс, еще в 1978 году предсказала конец советской империи. Спросите у Михаила Горбачева, насколько она была права.

У Монтсеррат Ройч, уставшей от назойливости переводчика Николая, создавалось впечатление, что работа над книгой о блокаде Ленинграда не двигалась. Ожидая с нетерпением возможности поговорить с людьми, пережившими блокаду, она использовала свободное время для прогулок по садам Адмиралтейства и ходила по площади Зимнего дворца. Как человек, который надевает солнечные очки, писательница старалась увидеть черно-белые страницы прошлого. Она знала, что высота Зимнего, основной резиденции царей, определяла максимальную высоту городских построек, и только культовые здания могли ее превышать до тех пор, пока в городе не начали расти махины советского периода. Монтсеррат рассказала о прекрасной Александрийской колонне высотой в 47 метров, которая была вырезана из гранита целиком и установлена на пьедестале, словно это был просто *стакан на блюдечке*. Это была дань гению Бетанкура,



puestos venden una mercadería variopinta a base de quincalla y todo tipo de productos económicos, que atrae una clientela variada y multiétnica, mezclando el alma eslava con la tártara. Cuando Montserrat Roig la visitó ya no existían las inquietantes paradas de madera de antaño, pero se mantenía el ruido del tráfico y la fuerte compartimentación de los espacios, lo que recordaba el ambiente opresivo y cerrado de algunos capítulos del autor ruso. Como señaló la barcelonesa, ya no quedaba rastro del centro del canibalismo que allí hubo durante los años del bloqueo, más bien esta historia parecía otro producto de ficción. En la plaza Sennaya, al igual que en el mercado de Kuznechni y su entrada llena de vendedoras ambulantes o en la inmediata catedral de Vladimirski, se respira ambiente de total cotidianidad. Siguiendo los pasos de nuestra escritora, uno se reconforta al comprobar que el vecindario conserva intacto el carácter canalla y antiburgués, que tanto contrasta con el resto del centro histórico. En el atardecer, la presencia de algún pisa ocasional y las señoras de delanteras barrocas, embutidas en ceñidas minifaldas y medias de rejilla, así lo atestiguan.

Verduras y hortalizas en el mercado de Kuznechni.
Зелень и овощи на Кузнечном рынке.



благословение его родного сына, будущего Александра I. После этого никто из царей не захотел там жить. Сегодня мрачная атмосфера замка используется некоторыми туристическими агентствами для организации экскурсий по его таинственным коридорам. Монтсеррат Ройч размышляла обо всех этих событиях, когда направлялась к восточному краю Марсова поля, уходя подальше от шума моторов. Ей хотелось немного отвлечься от навязчивых мыслей. Она провела много часов в розоватых сумерках, покоренная веселым хороводом скульптур и цветов Летнего сада.

После первых интервью с людьми, пережившими блокаду, ей стало казаться, что ее поездка не имеет никакого смысла, потому что никто не рассказывал ей маленьких историй, которые заставляют нас поверить великим истинам. Она курила свои сигареты Винстон и каждый день покупала газету *Эль Паис*. От сигарет она отказаться не могла, а газета позволяла ей чувствовать себя хоть немного уютнее в далеком для нее мире. Переводчик Николай не слишком помогал ей в работе. Было очевидно, что он с каждым днем все больше пил, и теперь делал это даже во время встреч с блокадниками, что вызывало негодование, как журналистки, так и людей, у которых она брала интервью. Николай все время пытался соблазнить писательницу, как это случилось в тот день, когда они ужинали в ресторане «Баку» на Невском проспекте. Под предлогом того, что блюда азербайджанской кухни – овощной суп с рисом и пашлык – были острыми, он то и дело подливал ей в рюмку белого грузинского вина цинандали. Однажды ему почти удалось подпойть ее, хотя Монтсеррат ни разу не дошла до той степени опьянения, в которой пребывали ее финские соседи в гостинице «Европа». Они пользовались низкими ценами на алкогольные напитки и тем, что были единственными иностранцами, которые не нуждались в визе, чтобы приезжать в Ленинград, записываться в своих номерах и напиваться настолько, насколько им это позволял желудок. Как бы то ни было, русский переводчик с каждым днем представлял собой все большую проблему и ничуть не помогал в исследованиях, которые вела журналистка.



El monje Grigori Rasputín. / Монах Григорий Распутин.

Trasladémonos de nuevo a la ciudad elegante, al barrio de El Almirantazgo en una noche junto a las aguas del río Moika. El actor R. Bikov invitó a Montserrat Roig y demás amigos de la Unión de Escritores a una actuación suya en el Palacio Yúsupov, que tiene un teatro espléndido. El edificio les pareció tan fastuoso a los bolcheviques que lo preservaron como museo público, a diferencia de muchos otros que fueron ocupados por dirigentes del Partido o descuartizados y divididos en pisos comunales. Las entrevistas en pequeñas viviendas tipo *zulo* era el día a día en el Leningrado de nuestra escritora y periodista. Ella que disfrutaba del pasado aristocrático del Hotel Europa, a veces no podía evitar la tentación de aquel mundo zarista chapado en lujo y truculencia. Como le pasó aquella noche con los Yúsupov, la familia de origen tártaro que, a través de la ingeniería matrimonial, amasó gran fortuna y poder. Al igual que los Kennedy en Estados Unidos, también acumularon dosis de maledicencia y rumoreo. Fue así acerca de la ambigua relación que mantuvo el místico Rasputin con Félix Yúsupov, el último

Город его совершенно не интересовал, и именно в те дни, когда пьяный Николай спал в гостинице, Монтсеррат начала открывать для себя новое лицо Ленинграда.

Независимо от воздействия грузинского вина цинандали, город стал для нее уютнее, и постепенно, незаметно для самой журналистки, стал ее очаровывать. В те дни она часто навещалась в Союз писателей на улице Войнова и именно там познакомилась с настоящими свидетелями осады и средневековой драмы, которую пришлось пережить современному городу с 22 июня 1941 года до 27 января 1944. Я говорю об истинных свидетелях, потому что Монтсеррат делила людей, у которых брала интервью, на две категории. Одни рассказывали ей великую историю, доставая слова из ученых трудов, как хозяйка достает из холодильника кусок мороженой рыбы. Другие же, говоря о своих буднях, подробно перечисляя свои заботы и имена любимых людей, приближали для нее события прошлого. На основании их драматических судеб и серьезного изучения исторических документов Монтсеррат Ройч опубликовала в издательстве «Прогресс» для Советского Союза «Мое путешествие в блокаду» (1982). Главной темой книги была блокада Ленинграда гитлеровскими войсками; писательница воспроизвела в ней картину войны и создала образ героического города. В Испании эта книга была опубликована только в 2001 году, через десять лет после смерти ее автора. По мнению подруги М. Ройч, журналистки Розы Монтеро, писательница испытала давление со стороны издательства, которое также, несомненно, добавило в текст отдельные фразы, когда текст уже был готов. Это высказывания, которые читатель легко может увидеть в книге, потому что они поражают своим пропагандистским тоном. Сравнивая «Мое путешествие в блокаду», бесстрастное и основанное на опыте, с «Золотой иглой» (1985), читатель может ощутить весь процесс поисков и установления эмоциональной связи с Ленинградом, который прошла наша каталонка, постепенно влюбляясь в город и его жителей.

Если кто-нибудь захочет пройти по маршрутам М. Ройч по Ленинграду, то кроме гостиницы «Европа» и окружающих



El príncipe Félix Yusupov. / Князь Феликс Юсупов.

de los propietarios del palacio antes de la Revolución bolchevique. La leyenda de Grigori Rasputin (1872-1916), entre monje ortodoxo y campesino siberiano, cuenta que dominaba como pocos la sensualidad de la religión. Decían que era un gran seductor, capaz del sexo más descarado y de aguantar borracheras colosales. Tal vez de aquí surge el homenaje topónimo que le han hecho muchos clubes de alterne y bares de copas que, en toda Europa, lucen su nombre en los neones. Montserrat nos cuenta que, a diferencia de la belleza y ambigüedad de Félix, Rasputin tenía una cara torturada, con una gran cicatriz en la frente y el ojo derecho deformado por un ganglio de color limón. Si a este rostro salvaje le sumamos una barba pelirroja y erizada, diríamos que su aspecto era más bien huraño y repulsivo, feo sin matices. Pero ni las manos hechas de callos ni el pelo descuidado atenuaban el efecto magnético de su mirada. No había mujer en San Petersburgo que se le resistiese, incluida la zarina Alexandra. En su faceta de curandero, Rasputín se ganó su confianza y la del zar Nicolás II tras

его аристократических кварталов ему следует посетить юго-западную часть исторического центра города. Эти кварталы находятся между каналом Грибоедова и рекой Фонтанкой, в районе Сенной и Владимирской площадей, по которой гостя из Барселоны ходила в поисках следов Достоевского. Этот писатель, по мнению многих людей, лучше всех описал петербургское дно девятнадцатого века. Он хорошо знал эту атмосферу, потому что жил там несколько лет и накопил в своем воображении образы молодых нигилистов и сцены преступлений и покушений. Там умерла его жена, там он пристрастился к карточной игре и разорился из-за этого, но потом воскрес из пепла.

Сенная площадь, чье название происходит от слова «сено», - сердце этой части города. Недавно здесь провели реконструкцию, чтобы избежать деградации района, но площадь до сих пор живет кипучей жизнью народного базара с его лавочками. Там продают всякие разности — и старье, и всевозможные дешевые товары, и это привлекает сюда пеструю публику: на площади славянская душа смешивается с татарской. Когда Монтсеррат Ройч побывала здесь, с площади уже исчезли старые и мрачные деревянные магазинчики, но над скоплением мелких лавок по-прежнему стоял уличный шум, что напоминало давящую и мрачную атмосферу некоторых глав русского автора. Как отмечала барселонская журналистка, во время блокады эти места считались центром людоедства, но от этой истории не осталось и следа, скорее она напоминала еще один литературный вымысел. На Сенной площади, как и на Кузнечном рынке, у входа на который толпятся уличные торговцы, или возле Владимирского собора, находящегося поблизости, царит будничная атмосфера. Проходя по следам нашей писательницы, мы можем с удовлетворением отметить, что здешние жители сохранили неизменным свой антибуржуазный и шельмовской характер — в историческом центре города такого больше нигде не встретишь. В этом легко убедиться по вечерам: когда смеркается, на этих улицах можно стать жертвой мелкого воришки или увидеть дам в

haber sanado a su hijo enfermo de hemofilia. Pero el monje molestaba tanto a los aristócratas como a la Iglesia y fue Félix Yúsupov, uno de los grandes, el encargado de solucionar el problema. Félix le invitó a su sótano, decorado con una mesa llena de comida y vino de Crimea regado con cianuro. Bajo esta penumbra exótica, le tocó dulces canciones cingaras esperando en vano que cayese fulminado por el veneno, pero el monje parecía ser increíblemente inmune. Al final alguien le ayudó de forma más expeditiva, disparando al sobrenatural Rasputín y apaleándole hasta que se quedó tieso. Su mito acabó sumergido en las aguas del Moika la semana antes que, entre El Almirantazgo y la principal residencia zarista, se inaugurara el gran Puente de Palacio.

Más allá del Palacio Yúsupov, Leningrado rebosa de arte. Montserrat Roig podía pasarse toda una mañana para ver sólo dos cuadros, uno en el Hermitage y otro en el Museo Ruso. Cuando le explicó al escritor Yuri Ritjeu que había visitado el Museo Etnográfico para profundizar en las etnias y nacionalidades de la URSS, éste le espetó que no esperase conocerlas allí. Él, que era hijo de la tribu siberiana de los chukchis, que de pequeño conoció a pueblos nómadas y que vivió entre pescadores de cetáceos hasta llegar a Leningrado, sabía a qué se refería. Entonces, Roig entendió por qué habían fracasado las invasiones de Napoleón y Hitler: los dos lucharon contra un único diablo ruso, sin entender que su magma estaba hecho de muchas razas y pueblos. Lo que le fascinaba de esta urbe de espacios amplísimos es que, a pesar de todo, todavía se dejaba mirar con sosiego inaudito. En silencio total, sin testigos, al ritmo de los propios pasos y latidos. En este tipo de ciudades, íntimas a pesar de su dimensión, a veces algunos museos son una trampa.

La historia del siglo XX petersburgués ha sido tan densa en revoluciones, tiranías y guerras, que a los rusos no les quedó más opción que explicarla troceada por partes y en distintos espacios, generando una gran dispersión de pequeños museos. En mis visitas a San Petersburgo, siempre intenté priorizar la calle y las gentes, antes que los recintos expositivos. Si bien

мини-юбках и сетчатых чулках с пышными бюстами.

Перенесемся снова в элегантную часть города, в окрестности Адмиралтейства, на берег реки Мойки. Однажды вечером актер Ролан Быков пригласил Монтсеррат Ройч и других знакомых из Союза писателей на свой спектакль в Юсуповском дворце, где есть прекрасный театральный зал. Здание показалось большевикам таким роскошным, что они сохранили его в качестве музея, в то время как многие другие дворцы стали домами вождей партии или были перестроены, чтобы сделать там коммунальные квартиры. День за днем наша писательница и журналистка брала интервью в маленьких *комнатках-пеналах*, но сама жила, наслаждаясь аристократическим прошлым гостиницы «Европа», и иногда поддавалась искушениям этого царского прошлого города с его позолотой и жестокостью. В тот вечер Монтсеррат заинтересовалась жизнью Юсуповых, семьи татарского происхождения, которая добилась огромной власти и богатства благодаря удачным бракам. Как и семью Кеннеди в Соединенных Штатах, их также преследовало злословие и слухи. Поговаривали и о связи последнего хозяина дворца перед Октябрьской революцией, Феликса Юсупова, с мистическим старцем Распутиным. Легенда о Григории Распутине (1872-1916), наполовину православном монахе, наполовину сибирском крестьянине, гласит, что он, как никто другой, познал чувственную сторону религии. Говорят, что он был великим соблазнителем, готовым на самые открытые сексуальные сцены, и мог пить спиртное в невероятных количествах. Вероятно, поэтому множество публичных домов и баров по всей Европе названы его именем, которое горит на их вывесках неоновыми огнями.

Монтсеррат рассказывает нам, что Феликс был красив несколько двусмысленной красотой, а лицо Распутина было изуродовано большим шрамом на лбу и лимонно-желтым бельмом на правом глазу. Если к этой отвратительной физиономии мы добавим рыжую всклокоченную бороду, то можно сказать, что образ получается довольно

la presencia de tanta oferta multiplica las miradas sobre la ciudad, puede llegar a abrumar, como ante una estantería de supermercado y sus centenares de productos quitamanchas. A parte de los grandes museos de escala mundial, en Leningrado uno puede visitar el de la Historia de la Religión, el de Historia Política, el Kirov, el crucero Aurora, el de la Defensa y Bloqueo de Leningrado, la *Kunstkamera* o el de la Academia de las Artes, por no hablar de los personalistas museo Nabokov, la casa de la poeta Ajmátova, de Alexandr Blok... si colocamos todas las piezas históricas como un dominó, uno finalmente entiende la fantástica y macabra significación del sitio de Leningrado por parte de los fascistas alemanes. Las cifras cantan: más de un millón de sus ciudadanos murieron de hambre y bombardeos, eso sin contar los centenares de miles que pudieron ser evacuados. Pero habiendo sobrevivido, la ciudad pasó a ser la más heroica, reservándose un ventrículo en el corazón ruso al lado de Moscú. Antes de desnudarse ante la periodista Roig, los supervivientes le invitaban a café y a pastas e intentaban hablar de sus gatos y de pequeñas tonterías, como el artista que bromea o chilla antes de salir al escenario. Acto seguido, el tono de voz se les quebraba siempre al recordar los primeros mensajes de la radio...

Atención... atención... habla Moscú... la voz metálica de Molótov, el ministro de Relaciones Exteriores, invadía las ondas radiofónicas de todas las esquinas de la Unión Soviética el 22 de junio de 1941. A muchos se les gravaría la fecha, porque fue el inicio de los casi novecientos días de horror y muerte en Leningrado. Molótov anunció el ataque sorpresa de los nazis, quienes habían infringido el pacto de no agresión germanosoviético y ya estaban atacando ciudades soviéticas como Kiev, Sebastopol o Kaunas. Hablamos de la operación Barbarroja, con la cual Adolf Hitler y sus aliados querían estirar su Europa ocupada hasta la línea imaginaria que, desde el mar Blanco hasta el mar Caspio, une las ciudades rusas de Arjánguelsk con Astracán. Los japoneses ya se encargarían de la parte asiática. Ciertamente, a la maquinaria soviética le fallaron todos los mecanismos de la prudencia. Muy a pesar de la insistencia de

avertidor y sombrío, en el que no había ni sombra de atractivo. Sin embargo ni sus manos escamosas, ni el desordenado y desaliado shawl no pudieron impedir efectivamente su magnético mirada. Ni una mujer de San Petersburgo no pudo resistirle, incluso la zarina Alejandra. Gracias a sus habilidades curativas, Rasputin ganó la confianza de ella y del zar Nicolás II, porque curó a su hijo enfermo de hemofilia. Sin embargo el monje se comportaba como noble, tanto en la iglesia, como Feliks Yusupov, uno de los más importantes personajes del país, tomó sobre sí la solución del problema. Él invitó a Rasputin a la sala de su palacio, donde ya estaba servido un rico banquete, que decoraban botellas de vino de Crimea, de sabroso cianuro de calio. En el momento de la recepción Yusupov emborachó al invitado con canciones, esperando que este caería muerto por efecto del veneno, pero el monje, como esto no era sorprendente, resultó ser para él insensible. Al fin, otro participante del complot ayudó al príncipe de una manera más decisiva: primero en un momento de ebriedad el monje disparó desde una pistola, y luego lo mató. Su leyenda dice que al fin cayó en las aguas del río Moyka una semana antes de que fuera destruido el gran Puente de Palacio, que unió al Almirantazgo y la principal residencia de los zares.

Yusupovskiy palacio es solo uno de los centros de arte, por los que abunda San Petersburgo. Montserrat Roych pudo pasar una mañana entera, viendo solo dos cuadros — uno en el Ermitage, y otro — en el Museo Ruso. Cuando la escritora contó a Yuri Rytkheu de su visita al Etnográfico museo, para conocer de cerca a las naciones y culturas de la URSS, él le dijo que ella no debía esperar información sobre este tema allí. Ese hombre, nacido en el seno de la tribu de los chukchi, que creció en las yurtes y vivió entre los khibichanos hasta su llegada a Leningrado, sabía, de lo que hablaba. En esos días Roych comprendió, por qué sufrieron derrotas Napoleón y Hitler: ambos se enfrentaron a un solo ruso diablo, sin entender, que en su esencia había diferentes razas y pueblos. Más que nada

algunos de sus informadores, que desde Japón advirtieron del inminente ataque alemán, se les desoyó. Tampoco Stalin hizo caso a Winston Churchill, primer ministro inglés, cuando éste le advirtió que Hitler preparaba un ejército de tres millones de soldados para invadir Rusia. Pero cuando se dieron cuenta del error ya era demasiado tarde. En el Kremlin de Moscú y en el Comité Municipal del Partido de Leningrado, en lo que hoy es el Instituto Smolny, no paraban de llegar grandes limusinas negras ZIS-101 con más y más dirigentes bolcheviques. Nervios y sudores en Smolny, donde en los tiempos del zar Pedro se almacenó la brea para calafatear los barcos. Después fue un instituto para jóvenes aristócratas y un asilo de viudas de militares sin recursos. Y también allí llegó Lenin justo al salir de la clandestinidad, ya convertido en un héroe de masas. Cuentan que, hasta días después del ataque nazi, Stalin estaba en estado de shock. Por eso en la radio habló su ministro y hombre de confianza Molótov. Era la guerra.

Desde el sur, los nazis avanzaron como una apisonadora conquistando el territorio soviético que hoy está dividido entre Estonia, Letonia y Lituania. Polonia estaba ocupada desde 1939 y una gran capital como Tallinn cayó fulminantemente. Desde el norte, el istmo de Carelia era controlado por el ejército finlandés, aliado de Hitler. Incluso la autodestruida España, noqueada por sus guerras inciviles, también tuvo una penosa participación mandando a la División Azul, un cuerpo testimonial de voluntarios aliados de los germánicos. Bajo las órdenes del mariscal Von Leeb, el mismo que destruyó la línea Maginot, los alemanes tomaron el fundamental nudo ferroviario de Mga, que marcó un punto de inflexión al cortar las comunicaciones en tren para el transporte de víveres, material y la evacuación de personas. Los alemanes también aislaron la ciudad hacia el este, conquistando plazas estratégicas como la antigua fortificación de Schlisselburg, junto al lago Ladoga. Querían controlar la isla-fortaleza de Kronstadt, al oeste de Leningrado en el mar Báltico, porque allí estaba la marina rusa; y el ferrocarril de Murmansk para dominar las comunicaciones marítimas del norte. Estaban tan confiados en su potencial,

в этом огромном городе с его широкими магистралями ее поражало то, что он позволял себя разглядывать в тишине и спокойствии, несмотря ни на что. По нему можно было пройти в одиночестве, без свидетелей, в ритме собственных шагов и ударов своего сердца. В таких городах, сокровенных, несмотря на огромные размеры, музеи иногда становятся ловушками.

Петербургская история XX века настолько полна революциями, тиранией и войнами, что русским приходится объяснять ее по кусочкам — иного выхода у них нет. Поэтому документы хранятся в разных местах, и в городе есть множество маленьких музеев. Во время моих поездок в Санкт-Петербург я всегда в первую очередь уделял внимание улицам и их жителям, а не выставочным площадкам. Хотя большой выбор музеев позволяет сопоставить самые разные точки зрения, он может нас сбить с толку, словно мы оказались в универсаме перед полкой с сотнями типов пятновыводителей. Кроме всемирно известных крупных музеев в Ленинграде можно посетить музей Истории религии, Политической истории, музей Кирова, крейсер Аврору, музей Обороны и блокады Ленинграда, Кунсткамеру, музей Академии художеств, не говоря уже о персональных музеях Набокова или Александра Блока, или о доме поэта Ахматовой... Если мы сложим все исторические фишки, словно огромное домино, то поймем символическое и зловещее значение осады Ленинграда немецкими фашистами. Цифры говорят сами за себя: более миллиона граждан погибли от голода и бомбежек, не считая сотен тысяч эвакуированных жителей города. Но, выжив в борьбе, город доказал свой героизм и занял часть сердца русской нации наряду с Москвой. Перед тем, как раскрыть душу перед журналисткой, блокадники угощали ее кофе и печеньем и старались вести разговоры о своих кошках и мелких заботах, как актер, который шутит или визжит перед выходом на сцену. Но потом вдруг их голос всегда срывался, когда они упоминали о первых сообщениях по радио...

Внимание... внимание... говорит Москва... металлический голос Молотова, Министра иностранных дел, заполнил собой

que desde el principio del ataque a la URSS, ya planearon el banquete de la Victoria. Querían celebrarlo sólo dos meses después del inicio del sitio en el exclusivo Hotel Astoria de Leningrado, enfrente de la catedral de San Isaac. Junto con los cazas, los proyectiles y las bombas incendiarias, el ejército nazi preparó mapas para repartirlos entre los oficiales al entrar en la ciudad. Incluso, con inútil previsión, se imprimieron las invitaciones para el banquete que nunca se celebró.

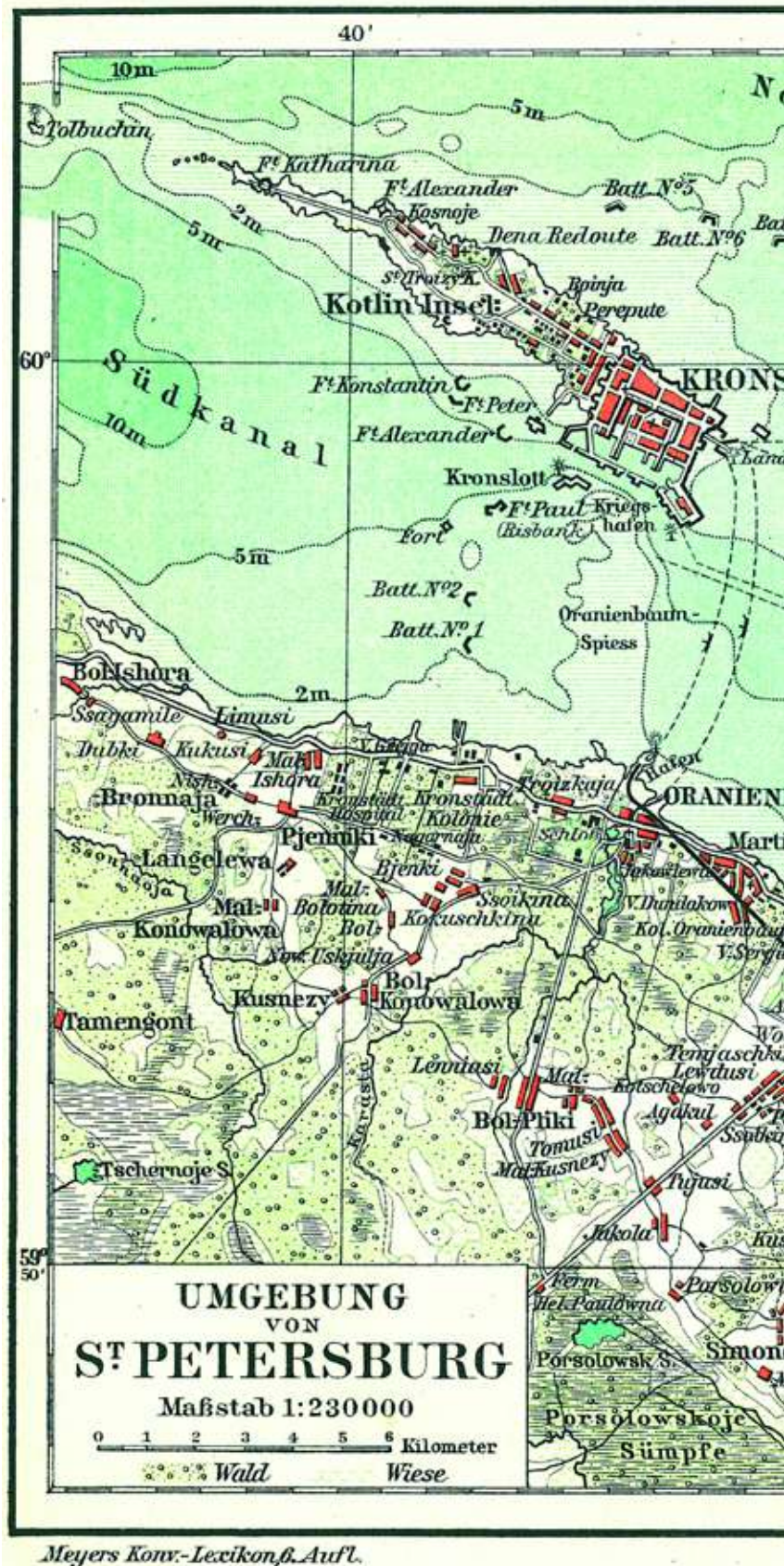
Al principio de los ataques, la línea del frente se situó en el río Luga, a cincuenta kilómetros al suroeste de la ciudad. Después avanzó el cerco hasta el actual barrio de Avtovo. El distrito fue construido a finales de los años treinta y hoy es testigo del abandono del urbanismo constructivista que proponían arquitectos como Andrei Ol. En el primer Congreso de Arquitectos Soviéticos de 1937 se determinó que el Constructivismo, por occidental e innovador, se alejaba de las preocupaciones y necesidades de la sociedad soviética. La nueva arquitectura estalinista buscó entonces una monumentalidad basada en un retorno a las formas clásicas y a los órdenes antiguos, el gusto por la simetría, los ejes de calles sin fin sólo interrumpidos estratégicamente por monumentos gigantescos. Éste es el primer paisaje del visitante que llega a San Petersburgo por el sur. Desde el aeropuerto de Pulkovo, se sube hacia el centro histórico por la avenida Moskovskiy, nacida como gran calle de prestigio en contrapartida a la Nevski. A lo largo de sus casi 10 kilómetros cruza el área que, a finales del diecinueve, ocuparon los vecindarios obreros y sus grandes fábricas. Más tarde, la perspectiva fue remodelada y hoy discurre entre el aeropuerto y la plaza Sennaya como un gran catálogo arquitectónico estalinista. Allí podrán ver lo que un occidental espera de la ciudad soviética: mastodónticos bloques de vivienda rodeados de grandes parques y edificios públicos descomunales como la Casa de los Sóviets, empezada en 1936 como centro administrativo de Leningrado y que, acabado después de la guerra, nunca tuvo el éxito esperado. El barrio de Avtovo es, al fin, un museo urbano comunista que Roig vio y pasó de largo.

радиоволны на всех перекрестках Советского Союза 22 июня 1941 года. В памяти многих людей запечателась эта дата, потому что для Ленинграда она положила начало почти девятистам дням ужаса и смерти. Молотов объявил о непредвиденном вторжении нацистов, которые нарушили советско-германский пакт о ненападении и уже обрушились на такие советские города, как Киев, Севастополь или Каунас. Мы говорим об операции «Барбаросса», посредством которой Адольф Гитлер и его союзники хотели расширить свои владения в Европе до воображаемой линии, соединяющей Белое море с Каспийским, между русскими городами Архангельском и Астраханью. Японцы должны были позаботиться об азиатской части страны. Несомненно, в советской машине отказали все механизмы безопасности. Несмотря на настойчивые уверения некоторых агентов, которые из Японии предупреждали о грядущем нападении немцев, их не послушались. Сталин не поверил и Уинстону Черчиллю, английскому премьер-министру, когда тот предупредил его о том, что Гитлер готовил трехмиллионное войско для захвата России. Когда все поняли свою ошибку, было уже поздно. К Кремлю в Москве и к Городскому комитету партии в Ленинграде, который располагался в Смольном, один за другим подъезжали большие лимузины ЗИС-101 с новыми и новыми советскими руководителями. Все они нервничали и потели теперь в Смольном, где во времена царя Петра были склады дегтя для обработки корпусов кораблей. Потом в этих зданиях был институт благородных девиц и приют для немущих вдов военных. Сюда же прибыл Ленин, выйдя из подполья, когда он уже стал кумиром масс. Говорят, что на протяжении первых дней после нападения фашистов Сталин пребывал в состоянии шока. Поэтому по радио выступил министр его правительства и его доверенное лицо — Молотов. Это означало начало войны.

С юга немецкие войска наступали, сметая все на своем пути, и заняли всю советскую территорию, на которой сейчас находятся Эстония, Латвия и Литва. Польша уже

Plano con los alrededores de San Petersburgo a finales del s. XIX, del Instituto Bibliográfico de Leipzig.

План Петербурга и его окрестностей конца XIX в. издательства «Лейпцигский Библиографический институт».



Estos eran los nuevos barrios populares que se levantaban al iniciarse el ataque nazi. De lo que escribió Montserrat Roig en *Mi viaje al bloqueo*, se entiende que tanto los orígenes desacom-pasados como la brutal inferioridad en número y medios de la organización militar rusa se superó, a un precio elevadísimo, gracias al patriotismo temerario de los ciudadanos. Imaginémoslos más de 300.000 soldados nazis masacrando a una población rusa de más de dos millones y medio de civiles. El ejército soviético en Leningrado no era ni de lejos suficiente, con la mayoría de su potencial focalizado en Moscú o desperdigado entre distintas ciudades. Los más jóvenes se alistaban en los batallones de los Komsomoles, las juventudes bolcheviques, y los hombres adultos iban al frente sin ninguna preparación. Muchas mujeres también cavaron trincheras y gran parte de ellas se incorporaron a las fábricas para sustituir a sus maridos. La industria que antes hacía maquinaria agrícola, como la Kirov, pasó a construir tanques y material bélico. Los bombardeos en la ciudad eran constantes y la gente aprendió el protocolo hecho de sirenas y refugios antiaéreos. Se entrenaron a apagar los fuegos de las bombas incendiarias que, como viles serpientes, se infiltraban en el entrevigado devorando los techos. Ésta fue la crónica de la familia Romanovski, que Montserrat Roig conoció gracias a las cartas archivadas en la revista cultural Aurora. La desesperación del padre que vio como sus hijas, con distintas responsabilidades en el Komsomol, iban muriendo una a una a medida que se reducía la ración diaria de pan (250 g para obreros, técnicos y soldados; 125 g para el resto). No sólo hubo menos cantidad por cada cartilla de racionamiento sino que estaba más adulterado. Más de la mitad de la cebada era defectuosa, mezclada con malta, celulosa, borujo, harina de soja y polvo.

Volvamos ahora al palacete de la calle Voinov, donde estaba la Unión de Escritores. En sus salas aristocráticas Roig conoció a las personas que más quiso de Leningrado, las que le facilitaron los contactos y las historias o le mostraron su paisaje más íntimo. A todos ellos les dedicó un pequeño homenaje cuando en *L'Agulla daurada* afirmó que no se podía querer a

была оккупирована с 1939 года, и такой важный город, как Таллинн пал молниеносно. С севера Карельский перешеек контролировался армией Финляндии, являвшейся союзником Германии. Даже Испания, которая сама себя изранила и потеряла все силы в братоубийственных войнах, тоже участвовала в конфликте, хотя ее роль и была весьма плачевной. В Россию послали только ограниченный контингент добровольцев, которые хотели сражаться на стороне Германии. Под командованием маршала фон Лееба, того самого, который прорвал линию Мажино, немцы заняли важный узел на железной дороге. Захват Мги стал поворотным моментом блокады, после него железнодорожная связь с городом прекратилась: туда перестали поставлять продукты и материалы, эвакуация жителей тоже прервалась. С восточной стороны немцы тоже отрезали город, захватив такой важный стратегический пункт, как старую Шлиссельбургскую крепость, рядом с Ладожским озером. Они хотели овладеть островом-крепостью Кронштадтом к западу от Ленинграда на Балтийском море, потому что там базировался русский флот, и железнодорожной линией, ведущей в Мурманск, чтобы контролировать морские пути на севере. Немцы были так уверены в своей мощи, что с самого начала нападения на СССР планировали банкет в честь своей Победы. Они рассчитывали провести его уже через два месяца после начала блокады в престижной гостинице «Астория» в Ленинграде напротив Исаакиевского собора. Наряду с истребителями, снарядами и зажигательными бомбами немецкое командование заготовило карты города, чтобы раздать их офицерам, когда они туда войдут. Кроме того, будучи предусмотрительными, немцы распечатали приглашения на банкет, которому никогда не суждено было состояться.

В начале военных действий линия фронта проходила по реке Луга, в пятидесяти километрах к юго-западу от города. Потом кольцо стало сжиматься, и вражеские войска подступили к району Автово. Этот район создавался в конце тридцатых годов и сегодня является свидетельством отказа от конструктивизма в градостроительстве, который

una ciudad si en ella no se amaba a alguien. Hablamos entre otros de Ala Borisova, funcionaria de la Unión de los Escritores; pero también de la hispanista Alexandra Koss, que conoceremos en breve. Precisamente en esta institución, que era un engranaje de rumores de variada calaña, circulaba la historia de una joven barcelonesa que se paseaba por Leningrado con un traductor trastornado. Se referían a Montserrat y a su intérprete Nikolai, quien no volvió a aparecer desde los últimos escándalos. Aunque Montserrat Roig nunca se quejó de él a su editorial, finalmente Ala Borisova le comunicó que le cambiarían el intérprete. El nuevo se llamará Valeri y será más tímido, sensible y normal.

Acompañada por Ala y Valeri, Montserrat Roig pudo acercarse al sufrimiento del sitio gracias al testimonio de su amiga Alexandra Koss, también asidua de la Unión de Escritores. Koss era una magnífica traductora de casi todas las lenguas del sur de Europa que, sin embargo, hablaba un castellano artificial, digno del Siglo de Oro. Se hizo hispanista gracias al bloqueo, marcada por *el Quijote*. A los nueve años su madre se lo hizo leer para que no pensara en el hambre ni en las bombas. Con dieciséis dioptrías en unos ojos grises y profundos como la ciudad, por poco no se quedó ciega debido a la desnutrición. De los sufrimientos del sitio conservaba un aspecto fino y frágil, como un cristal de Murano. Explicó a la periodista Roig que, sólo dos meses después del inicio del bloqueo, ya escaseaba el carbón y el petróleo para estufas y calefacciones. Con dolor repasó cómo se quemaron libros para no morir de frío y cómo ardieron, primero, las revistas científicas alemanas y, después, los libros de la Ilustración francesa. En su casa, nunca se atrevieron con ningún clásico; al igual que, en Leningrado, nadie tocó ni un solo árbol del Jardín de Verano, plantados en los tiempos de Pedro El Grande. Mientras milagrosamente, llegaron a la ciudad algunas publicaciones de temática agrícola. Fueron devoradas al instante por unos urbanitas que recuperaron las raíces campesinas, aprovechando parques, parterres y solares devastados para plantar todo tipo de productos hortícolas. En la catedral de San Isaac se conservan fotografías del

otstavali такие архитекторы, как Андрей Оль. На Первом съезде советских архитекторов в 1937 году было решено, что конструктивизм, как явление западное и новаторское, отдалялся от нужд и забот советского общества. Новая сталинская архитектура стала искать монументальности, основанной на возврате к классическим формам и античным ордером, вернулось пристрастие к симметрии и желание создавать оси бесконечных улиц, которые прерывались только гигантскими памятниками. Этот пейзаж видит в первую очередь гость Петербурга, подъезжая к нему с юга. Из аэропорта Пулково к историческому центру города ведет Московский проспект, задуманный как роскошная магистраль в противовес Невскому. Его протяженность составляет без малого 10 километров. Он пересекает территорию между аэропортом и Сенной площадью, где в девятнадцатом веке располагались рабочие кварталы и крупные фабрики. Позднее этот проспект был реконструирован, и сегодня вдоль него можно увидеть настоящую экспозицию примеров сталинской архитектуры. Именно здесь западные гости найдут то, чего ждут от советского города: гигантские жилые дома в окружении зелени, и невероятных размеров общественные здания, как Дом Советов, который начали строить в 1936 году. Здание предназначалось для административного центра Ленинграда, строительство закончили уже после войны, но ожидаемого успеха не добились. Одним словом, Монтсеррат Ройч проехала мимо района Автово, этого музея коммунистического градостроительства, и не обратила на него особого внимания.

Это были рабочие районы, которые встали на защиту города, когда началось наступление нацистов. Книга Монтсеррат Ройч «*Мое путешествие в блокаду*» позволяет нам понять, что неудачное начало войны для русских и значительное превосходство немецких войск в солдатах и в технике были преодолены ценой огромных усилий и жертв, благодаря отваге и патриотизму советских граждан. Представим себе трехсоттысячную нацистскую армию, которая обрушилась на два с половиной миллиона мирных жителей. Советские войска были здесь явно



Mujeres recogiendo cubos de agua de los canales. Cadáveres en la Avda. Nevski.

Женщины, берущие воду из канала. Трупы на Невском проспекте.

недостаточны, потому что основные силы были брошены на оборону Москвы или рассредоточены по различным городам. Ленинградские юноши и девушки записывались в батальоны Комсомола, молодежной организации коммунистической партии, а взрослые мужчины направлялись на фронт без всякой подготовки. Многие женщины наряду с мужчинами рыли окопы, а большинство из них встали к станкам на фабриках, сменив там мужей. Предприятия, которые раньше выпускали продукцию для сельского хозяйства, как Кировский завод, стали производить танки и боеприпасы. Город постоянно бомбили, и люди привыкли жить в режиме сирен воздушной тревоги и походов в бомбоубежища. Они научились гасить зажигательные бомбы, которые, точно змеи, предательски заползали под балки крыш и пожирала их. Благодаря письмам семьи Романовских, которые хранились в архиве литературного журнала «Аврора», Монтсеррат Ройч узнала о буднях блокады, об отчаянии отца, на чьих глазах умерли одна за другой дочери, занимавшие разные должности в комсомольской организации, по мере того, как сокращалась дневная норма хлеба (250 грамм для рабочих, технических работников и солдат; 125 – для всех остальных). Порция, выдававшаяся по карточкам, уменьшалась, а качество хлеба постоянно ухудшалось. Больше половины муки была испорчена, смешана с солодом и соей, целлюлозой, мучной пылью и жмыхом.

Вернемся снова в особняк на улице Войнова, где располагался Союз писателей. В его аристократических залах Ройч познакомилась с людьми, которые станут самыми дорогими для нее ленинградцами. Именно они помогли ей найти свидетелей блокады, рассказали свои истории или раскрыли ей душу. Всем им она посвятила несколько строк, написанных в их честь, когда в «Золотой изле» заявила, что невозможно любить город, если в нем не живут твои любимые люди. Мы говорим, прежде всего, об испанистке Александре Косс, с которой нам скоро предстоит познакомиться, и об Алле Борисовой, сотруднице Союза писателей. В кулуарах этого учреждения, которое издавна было источником всяческих

edificio rodeado de campos de coles y patatas, como en una estampa medieval. La propia Alexandra Koss nos recuerda que cerca de su casa, en los jardines Táuride, crecían grandes extensiones de remolachas y zanahorias donde hoy hay adoquines y prismas de instalaciones.

A medida que la gente moría de disentería o desnutrición, desaparecieron también todos los gatos, los perros y los pájaros de la ciudad. Eran lo más apetitoso que había. La locura se apoderó del espacio público y los que aún se sostenían para salir a la calle temieron ser víctimas del canibalismo. Como denunció Michael Jones en *El sitio de Leningrado 1941-44*, aparecieron lobos solitarios o grupos criminales que mataban a la gente para vender su carne en el mercado negro. También crecieron los delitos relacionados con los alimentos, los robos de cartillas de racionamiento y los atracos en las tiendas. Que uno perdiese o le robasen la cartilla, que no era sustituida para evitar suspicacias, equivalía a una muerte anunciada. Cuando los alemanes quemaron los almacenes Badáiev, al lado de la Estación de Vitebsk, la población perdió las últimas esperanzas junto con las mayores reservas locales de harina y azúcar. En ataques sucesivos, la Luftwaffe nazi cerró el círculo destruyendo las principales estaciones de agua. A partir de entonces, mujeres y niños concentraron unas fuerzas cada día más diezmaras a rellenar los cubos del agua putrefacta de ríos y canales. De la hambruna morían primero los hombres, que tenían menos grasa; pero todos los ciudadanos acababan invariablemente con venas y músculos al aire, carcomidos como viejos. Sin embargo, la acuciante escasez agudizó el ingenio. Algún científico consiguió extraer vitamina C de la pinocha de los bosques próximos para luchar contra las epidemias de escorbuto, al tiempo que la mayoría encontraba dudosas propiedades nutritivas en la goma de pegar, en el cuero de los cinturones, en el aceite de la pintura o incluso en la crujiente cal de las paredes. Otros llegaron a apreciar como producto delicatessen la grasa de los tanques, mientras los más envidiados disfrutaban de un puré de ortigas bien calentito.

Aun años después de los hechos, algunos de los supervivientes

spleten, ходили разговоры о молодой писательнице из Барселоны, которая гуляла по Ленинграду в сопровождении полоумного переводчика. Речь шла о Монтсеррат и ее переводчике Николае, который после последних скандальных происшествий попросту исчез. Хотя М. Ройч никогда не жаловалась в издательство на своего сопровождающего, в конце концов, Алла Борисова сообщила ей, что переводчика ей сменят. Так появился Валерий, который оказался более скромным, тактичным и нормальным.

В сопровождении Аллы и Валерия Монтсеррат Ройч смогла прикоснуться к страданиям блокадного города и выслушать рассказы своей подруги Александры Косс, которая тоже очень часто навещала в Союз писателей. Косс была блестящей переводчицей со всех языков южной Европы, но, несмотря на это, говорила на искусственном испанском языке, достойном Золотого века. Она стала испанисткой благодаря блокаде, которая отметила ее жизнь печатью Дон Кихота. Когда ей было девять лет, мать заставляла ее читать эту книгу, чтобы девочка не думала ни о голоде, ни о бомбах. Косс чуть не ослепла от истощения и теперь смотрела на мир шестнадцатью диоптриями своих серых глаз, таких же глубоких, как ее город. Страдания, перенесенные во время блокады, сделали ее фигуру тонкой и хрупкой, словно она была сделана из муранского стекла. Она рассказала журналистке, что уже через два месяца после начала блокады в городе не хватало угля и нефти для печей и отопительной системы. Косс с болью вспоминала, как они жгли книги, чтобы не умереть от холода: сначала сгорели немецкие научные журналы, а потом труды французского Просвещения. В их доме никто не поднял руку на классиков литературы, подобно тому, как в Летнем саду никто не срубил ни одного из деревьев, посаженных во времена Петра Великого. Тем временем, каким-то чудом в город стали поступать публикации, посвященные сельскому хозяйству. Горожане моментально проглатывали их, спеша восстановить свои крестьянские корни, и потом использовали скверы, газоны и пустыри, чтобы посадить там всевозможные огородные



tados bajo la nieve, conservándose como en un congelador, y emergiendo tras los calores primaverales. Algunos moribundos intentaban garantizarse el entierro acercándose al cementerio por su propio pie, mientras otros se morían en silencio, apagándose sin molestar. Podían apoyarse en una barandilla o hacer como que se sentaban en un banco, pero ya no se levantaban jamás. La misma muerte silenciosa afectó a las máquinas. Al cortarse la electricidad, los tranvías y trolebuses se quedaron parados en medio de la calle, como los demás cadáveres.

No sé si puede haber belleza auténtica dentro de una gran tragedia, pero seguro que uno puede encontrar pequeños momentos mágicos. En *L'Agulla daurada*, uno de éstos se

Escultura dedicada a la poetisa Olga Berggolts en la calle Rubinshteyna.

Скульптура, посвящённая поэтессе Ольге Берггольц, на улице Рубинштейна.

Через много лет после этих событий некоторые блокадники утверждали, что просыпались по ночам, потому что им снился Молотов и его сообщение о нападении фашистов. Но наверняка никто из них не забыл голоса Ольги Берггольц. Монтсеррат Ройч считала эту поэтессу блокадной богиней, музой страданий, которая в своей радиопрограмме искала надежду в любой мелочи. Эта женщина, перенесшая сталинские репрессии и потерявшая мужа во время блокады, говорила такими же простыми словами, как ее сограждане, но в них звучала сила. Поэтесса сплотила людей в тяжелые дни и призывала их делать все свои привычные дела и не сдаваться. Она советовала исхудавшим до костей женщинам следить за собой и одеваться со вкусом; просила их румянить морщинистую кожу щек и надевать серьги перед тем, как выйти на улицу. В городе знали и о великих мастерах, которые творили под бомбами; во время блокады



Estación de Moscú en la avenida Nevski.

Московский вокзал на Невском проспекте.

produce cuando Montserrat Roig nos explica la vida del museo del Hermitage durante el sitio. Ante la amenaza de los bombardeos, Leningrado se volcó en una lucha para preservar su identidad. Este propósito incluía no sólo el cuidado de sus ciudadanos, sino también la salvaguarda de su patrimonio, que tuvo como mínimo un nombre propio. Hablamos del armenio Iosif Orbeli, director del Hermitage durante el sitio y el chamán que proporcionó estos escasos destellos mágicos. Él mandó descolgar los lienzos y se encargó de que fueran transportados a los sótanos del Palacio para protegerlos de los bombardeos envueltos en bolsas de arena. En un museo sin cuadros, organizó visitas magníficas en las que, ante una pared vacía, los guías se paraban y hablaban con todo lujo de detalles sobre la pintura que solía haber. Como afirma el escritor y enigmista

в Ленинградской филармонии была исполнена Седьмая симфония Шостаковича. Услышав эту музыку и слова композитора, Бергтольд сказала, что автор этой симфонии был сильнее Гитлера. В этой мрачной и трагической обстановке она, как никто другой, понимала, что хлеб и тишина стали для людей основными символами мира.

Самую тяжелую картину блокады нарисовал для Монтсеррат Ройч ее коллега, журналист Владимир Дружинин. Блокада для него — это смерть отца: он умер зимой 1941 года от голода. Это и исчезновение матери во время эвакуации. Картину дополняет темнота, к которой примешивается дым пожаров, и постоянные перебои с электричеством. Но больше всего врезались в его память детские саночки, которые с трудом двигались по заснеженным улицам. На них везли трупы,

Màrius Serra en un artículo del diario *La Vanguardia*, esta simple operación de memoria visual fue tan artística como los cuadros que descansaban en los sótanos. La ruta de salvación del arte de I. Orbeli empezó en los fondos del Hermitage, pero se reprodujo también en el Museo Ruso y en muchas otras instituciones de la ciudad. Toda esta peregrinación de tesoros de la historia del arte siguió un trayecto que siempre pasaba por la Estación de Moscú, al final de la Nevski. De allí salieron varios trenes que, además de personas, también salvaron Grecos, Da Vincis, Rembrands y Rafaelles. Antes del bloqueo de las vías, I. Orbeli pudo organizar la salida de más de 500.000 obras de arte hacia los Urales. Contaba Montserrat que, despidiendo a cada convoy que partía, había un hombre de larga barba blanca llorando desde el andén: era Iosif Orbeli.

Si no se llevaron a cabo los grandes planes de evacuación de personas, fue porque Stalin no quiso que Hitler recibiera la noticia de que los rusos abandonaban la ciudad. Dejó claro a los dirigentes locales que los bolcheviques nunca la darían por perdida y que nadie mostraría el mínimo signo de debilidad. Leningrado resistiría hasta las últimas consecuencias. Las cosas no serían de otra forma y mientras I. Orbeli trabajaba dentro de los museos, un ejército de civiles y más de doscientos arquitectos comenzaron a proteger los edificios emblemáticos, además del patrimonio expuesto en el espacio público. Se pensó en sumergir *el Jinete de Bronce* de Falconet en las aguas del Neva, pero por miedo a la corrosión, al final sólo se cubrió con bolsas de tierra, tapándolas con paneles de madera. Las estatuas de toda la ciudad y también las de los palacios zaristas suburbanos como Pavlosk, Tsarskoye Selo o Peterhoff se enterraron en sus parques. Al igual que las esculturas del Jardín de Verano y los domadores de caballos del Puente Anichkov, que fueron soterradas en el mismo Jardín. Sólo algunos ejemplos emblemáticos se quedaron en su sitio, como las figuras de la catedral de Kazán. Protegidas con bolsas, recordaban a los vencedores contra Napoleón en 1812 e infundían ánimo de victoria a la población. Tanto las cubiertas de la catedral de San Pedro y San Pablo, en la ciudadela, como el edificio del Estado

edea prikrityye prostyniyami. Umiralo mnozhestvo lyudey, a ostavyshiesya v zhivykh byli nastolko oslableny, chto ne u vseh khvatalo sil otvesti svoikh rodstvennikov na kladbiще. Poэtomu trupы skaplivayalsya v raznykh tochkakh goroda, snachala tolko na opredelennykh uglay ulits i pered aptekami ili meditsinskimi uchrezhdeniyami. Tak prodolzhalosya do teh por, пока dnevnaya porciya khleba ne snizilasya do 100 gramm v deny na cheloveka; tozha situatsiya polnostyyu vyshla iz-pod kontrolya i smertnosty silno vozroslo. Toy zimoy trupы, kotorye ne udalosya zahoronit v bratskikh mogilakh, okazalsya pod sloem snega i sohranilisya do vesennego tepla, slovno v kholodilnyike. Nekotorye umirayushchie staralisya obespechit sebe zahoroneniye i svoim khodom shli v storonu kladbiщa, drugie umirali molcha, starayasya nikogo ne bespokoinit. Oni mogli oblokotitsya na kakie-nibudya perila ili sdelat vid, chto prisazhivayutsya otдохnut na lavochku, no uze bolshye ottuda ne dvigalisya. Ta zhe samaya molchalivaya smert ovlade la mashinami. Kogda prestalo postupat elektrichestvo tramvay i troleybussy ostanovilisya pryam poseredine ulits, slovno tozhe stali trupami.

Я не знаю, может ли истинная красота присутствовать в атмосфере великой трагедии, но, несомненно, в ней можно найти отдельные волшебные минуты. В «Золотой игле» это происходит, когда Монтсеррат Ройч рассказывает нам о жизни музея Эрмитаж во время блокады. Под угрозой бомбежек Ленинград вел постоянную борьбу за сохранение собственного лица. В рамках этой задачи надо было не только заботиться о жителях города, но и уберечь культурное наследие города. Эта работа была связана, по крайней мере, с одним именем. Мы говорим об армянине Иосифе Орбели, директоре Эрмитажа и чародее, которому удалось вызвать редкие вспышки волшебного сияния. Он приказал снять картины со стен и спрятать их в подвалах Дворца под прикрытием мешков с песком, чтобы уберечь от бомбежек. В залах музея он организовал великолепные экскурсии, во время которых гиды останавливались перед пустыми стенами и подробно рассказывали о картине, висевшей обычно на этом

Mayor, la catedral de Smolny y el Palacio de Invierno fueron tapados por unas redes de camuflaje para dificultar la orientación y puntería de los bombarderos aéreos. Las del Hermitage incluso se colorearon como si fueran ruinas. Por su parte, la columna de Alejandro fue cubierta con andamios y, al igual que en otros museos, se guardaron muchas obras de arte en los sótanos de la catedral de San Isaac. Ante la imposibilidad de cubrir su cúpula dorada, la más alta de la ciudad, se enmascaró su brillo de un tono sucio. De hecho, similar al que utilizaron los escaladores para ocultar las agujas de El Almirantazgo y de la catedral de San Pedro y San Pablo bajo una pátina de pintura gris.

Cuando Leningrado se encontraba totalmente desvalida, se reunió la Comisión de Defensa de la ciudad y propuso una locura: aprovechar el lago Ladoga, la única vía de comunicación libre que quedaba, para transportar mercancías y personas entre la Rusia interior y Leningrado. Montserrat Roig hizo una excursión resiguiendo la geografía de lo que después se llamó la carretera de la vida. Su trazado se deshilaba en múltiples recorridos que se abrían en abanico. Habiendo cruzado el Ladoga desde una orilla, volvían a cerrarse hasta confluir en la otra margen del lago. Era un trayecto de doble sentido, uniendo dos puntos geográficos bajo control ruso: el puerto de Osinovets –construido improvisadamente en pocos días– con la población de Novaia Ladoga. Sólo cuando la capa de hielo llegaba a los tres metros, un ejército de camiones cargados con víveres, materiales y evacuados seguía varias rutas entre las dos poblaciones. Los desplazamientos se producían de noche, bajo los frecuentes bombardeos de la aviación alemana o Luftwaffe. Los camiones se podían cargar y descargar en Osinovets y, desde allí, acceder por tierra de marismas hasta el centro de la ciudad. Para que el sistema funcionase correctamente, organizaron una infraestructura y un personal que se dedicaba a limpiar de nieve los caminos y a construir pontones de madera en cuanto se abrían socavones en el hielo, así como agitaban unas pequeñas luces de petróleo para orientar a los conductores en la oscuridad.

местве. Как писал Марнус Серра, писатель и кроссвордист, в одной из своих статей в газете *Ла Вангвардия*, это упражнение зрительной памяти было столь же художественно, сколь картины, спрятанные в подвалах. Маршрут спасения искусства И. Орбели начался в Эрмитаже, но потом продолжился в Русском музее и других культурных учреждениях города. Странствование драгоценных художественных коллекций всегда проходило через Московский вокзал, в конце Невского проспекта. Оттуда уходили поезда, которые спасали не только людей, но и полотна Эль Греко, Да Винчи, Рембрандта и Рафаэля. До того, как железнодорожное сообщение было прервано, И. Орбели смог организовать эвакуацию 500 000 произведений искусства на Урал. Монтсеррат рассказывала, что когда поезд трогался в путь, на перроне всегда стоял со слезами на глазах человек с длинной белой бородой – это был Иосиф Орбели.

Массовая эвакуация жителей города не была проведена, потому что Сталин не хотел, чтобы Гитлеру сообщили, что русские покидали город. Он дал ясно понять местным руководителям, что большевики никогда не сдадут Ленинград, и что никто не имел права проявлять слабость. Город должен был стоять до последнего. Так и было на самом деле. Пока И. Орбели работал в залах музеев, целая армия горожан и более двухсот архитекторов начали закрывать все главные архитектурные памятники и скульптуры, находившиеся на открытом воздухе. Сначала было решено опустить Медного всадника Фальконе в Неву, под воду, но потом, боясь возможной коррозии памятника, его просто закрыли мешками с землей, а потом сверху забили их досками. Все статуи в городе, а также в царских дворцах Павловска, Царского Села или Петергофа зарыли в парках. Так поступили и со скульптурами Летнего сада, которые закопали в этом парке вместе со статуями укротителей коня с Аничкова моста. Только отдельные известные произведения остались на своих местах, например, фигуры у Казанского собора. Закрытые мешками, они напоминали людям о победителях Наполеона в 1812 году и внушали им веру в победу. Крыши



Convoys de camiones por el *Camino de la Vida*.
Отряды грузовиков на Дороге Жизни.

собора Петра и Павла в крепости города, здания Генерального штаба и Зимнего дворца, а также купола Смольного собора были закрыты маскировочными сетками, чтобы помешать вражеским летчикам ориентироваться в городе и бомбить здания. Крыши Эрмитажа покрасили, и сверху здание выглядело разрушенным. Александрийская колонна была одета в строительные леса, и многие произведения искусства из разных музеев были спрятаны в подвалах Исаакиевского собора. Закрывать его огромный купол оказалось невозможной задачей, и тогда позолоту скрыли под слоем бурой краски. Тот же прием использовали верхолазы, когда закрашивали шпили Адмиралтейства и собора Петра и Павла в серый цвет. Когда силы города были на исходе, Городской комитет обороны предложил безумный выход: использовать Ладожское озеро, которое оставалось единственным свободным путем к городу, для перевозки людей и грузов в Ленинград и из него. Монтсеррат Ройч проехала по местам, которые потом стали называть Дорогой жизни. Она подходила к берегу озера и расходилась по нему веером отдельных веток, которые потом снова соединялись на другом берегу Ладоги. Движение шло в двух направлениях и соединяло две географические точки: порт Осиновец, срочно построенный за несколько дней, и город Новая Ладога. Только когда толщина льда достигала трех метров, отряды грузовиков с продуктами, материалами и эвакуированными начинала двигаться по разным маршрутам между этими населенными пунктами. Перевозки осуществлялись по ночам под частыми ударами немецкой авиации Люфтваффе. Машины можно было грузить или разгружать в Осиновце, и оттуда продукты поступали в город по низменным затопляемым полосам побережья. Чтобы дорога работала бесперебойно, была организована специальная структура и подобраны люди, в чьи обязанности входило очищать грузовики от снега и строить деревянные понтоны, когда во льду образовывались полыньи. Регулировщики направляли движение машин, размахивая маленькими керосиновыми фонарями, чтобы водители могли ориентироваться в темноте.

Todo esto se lo explicó a la periodista Roig el ingeniero Boris Kosturín, que había trabajado en la carretera de la vida ya fuera organizando la logística o proyectando los pontones de madera para salvar agujeros en el hielo. Lo peor para los conductores era la sensación de no poder dormir, porque en sus conciencias pesaba el mantener en funcionamiento un mecanismo que no debía parar: cada camión salvaba vidas. B. Kosturín aseguró que cubrían un trayecto peligroso, tanto por la Luftwaffe alemana como precisamente por los agujeros en el hielo que, de noche y con frecuentes nevadas, casi no se distinguían. Muchos de los chóferes conducían con la puerta abierta para poder saltar y así salvarse si el vehículo se hundía en un socavón. Esta rutina heroica se mantuvo hasta que un contraataque soviético liberó el cerco sobre la ciudad en enero de 1943. En un estado de total precariedad, Leningrado empezó entonces a comer y, muy poco a poco, también a respirar.

Fascinado de que Montserrat Roig consiguiera que tantos supervivientes removieran algo tan sensible y doloroso como su pasado en el bloqueo, recuperé algunas de sus apariciones en Televisión Española y TV3. Son todas ellas piezas audiovisuales de finales de los años setenta y de los ochenta. Hoy en día, acostumbrado al frenético ritmo televisivo y cinematográfico, uno siente una lentitud extraña en estas conversaciones de tono pausado, con pocas preguntas y todavía menos interrupciones. Una monotonía, un runruneo que nada tiene que ver con la generación Twitter, con mensajes de 140 caracteres. Seguramente todo responde a la evolución natural del medio televisivo occidental: hace treinta años se hacían pocos cambios de plano, respuestas largas y en general no había ni vídeos introductorios ni más contenido que la propia entrevista. Mientras sigo los gestos y el tono sedoso de Roig, pienso que lo definiría con el título de su novela *La veu melódica*. Entonces, me viene a la cabeza la recomendación que, de joven, le hizo su madre: debería ser periodista porque era muy *xafardera* (curiosa, cotilla). Y seguramente llevaba razón, ya que bajo una apariencia dulce y a veces cándida, como hacen los buenos cotillas, sabía crear el clima propicio para que la gente

Todo esto me lo contó la periodista Roig el ingeniero Boris Kosturín, que había trabajado en la carretera de la vida ya fuera organizando la logística o proyectando los pontones de madera para salvar agujeros en el hielo. Lo peor para los conductores era la sensación de no poder dormir, porque en sus conciencias pesaba el mantener en funcionamiento un mecanismo que no debía parar: cada camión salvaba vidas. B. Kosturín aseguró que cubrían un trayecto peligroso, tanto por la Luftwaffe alemana como precisamente por los agujeros en el hielo que, de noche y con frecuentes nevadas, casi no se distinguían. Muchos de los chóferes conducían con la puerta abierta para poder saltar y así salvarse si el vehículo se hundía en un socavón. Esta rutina heroica se mantuvo hasta que un contraataque soviético liberó el cerco sobre la ciudad en enero de 1943. En un estado de total precariedad, Leningrado empezó entonces a comer y, muy poco a poco, también a respirar.

Me fascinó que Montserrat Roig consiguiera que tantos supervivientes removieran algo tan sensible y doloroso como su pasado en el bloqueo, recuperé algunas de sus apariciones en Televisión Española y TV3. Son todas ellas piezas audiovisuales de finales de los años setenta y de los ochenta. Hoy en día, acostumbrado al frenético ritmo televisivo y cinematográfico, uno siente una lentitud extraña en estas conversaciones de tono pausado, con pocas preguntas y todavía menos interrupciones. Una monotonía, un runruneo que nada tiene que ver con la generación Twitter, con mensajes de 140 caracteres. Seguramente todo responde a la evolución natural del medio televisivo occidental: hace treinta años se hacían pocos cambios de plano, respuestas largas y en general no había ni vídeos introductorios ni más contenido que la propia entrevista. Mientras sigo los gestos y el tono sedoso de Roig, pienso que lo definiría con el título de su novela *La veu melódica*. Entonces, me viene a la cabeza la recomendación que, de joven, le hizo su madre: debería ser periodista porque era muy *xafardera* (curiosa, cotilla). Y seguramente llevaba razón, ya que bajo una apariencia dulce y a veces cándida, como hacen los buenos cotillas, sabía crear el clima propicio para que la gente

Все это рассказал журналистке Ройч инженер Борис Костурин, которому удалось работать на дороге жизни: он организовывал транспорт и проектировал деревянные понтоны, чтобы преодолевать полыньи во льду. Самым тяжелым испытанием для шоферов было отсутствие сна, совесть не позволяла им остановиться: каждый грузовик означал спасенные жизни. Б. Костурин объяснял, что дорога была полна опасностей, из-за налетов немецкой Люфтваффе и полыней во льду, которые по ночам во время снегопадов было трудно вовремя заметить. Многие шоферы вели машину с открытой дверцей кабины, чтобы успеть выпрыгнуть, если грузовик провалится под лед. Эти героические будни продолжались до января 1943 года, когда советские войска прорвали блокаду, и Ленинград, несмотря на нужду и трудности, начал питаться и постепенно дышать полной грудью.

Me fascinó que Montserrat Roig consiguiera que tantos supervivientes removieran algo tan sensible y doloroso como su pasado en el bloqueo, recuperé algunas de sus apariciones en Televisión Española y TV3. Son todas ellas piezas audiovisuales de finales de los años setenta y de los ochenta. Hoy en día, acostumbrado al frenético ritmo televisivo y cinematográfico, uno siente una lentitud extraña en estas conversaciones de tono pausado, con pocas preguntas y todavía menos interrupciones. Una monotonía, un runruneo que nada tiene que ver con la generación Twitter, con mensajes de 140 caracteres. Seguramente todo responde a la evolución natural del medio televisivo occidental: hace treinta años se hacían pocos cambios de plano, respuestas largas y en general no había ni vídeos introductorios ni más contenido que la propia entrevista. Mientras sigo los gestos y el tono sedoso de Roig, pienso que lo definiría con el título de su novela *La veu melódica*. Entonces, me viene a la cabeza la recomendación que, de joven, le hizo su madre: debería ser periodista porque era muy *xafardera* (curiosa, cotilla). Y seguramente llevaba razón, ya que bajo una apariencia dulce y a veces cándida, como hacen los buenos cotillas, sabía crear el clima propicio para que la gente

Меня так потрясла способность Монсеррат Ройч вызвать блокадников на разговоры о своем тяжелом и печальном прошлом во время блокады, что я стал просматривать ее выступления на Испанском телевидении и на каталонском канале ТВ3. Все эти аудиовизуальные фрагменты относятся к семидесятым и восьмидесятым годам. Сегодня, когда зритель привык к бешеному ритму телевидения и кино, ему кажется странным этот медленный ритм спокойных бесед, когда ведущий задает мало вопросов и почти никогда не перебивает ответы. Эта монотонность и тихий рокот голосов не имеют ничего общего с сообщениями в 140 символов поколения Твиттера. Наверное, это отвечает естественному развитию западного телевидения: тридцать лет тому назад планы меняли редко, ответы были длинными, видеоматериалы для введения темы не использовались, и содержание интервью ограничивалось только самим интервью. Пока я наблюдаю за жестами Монсеррат Ройч и прислушиваюсь к ее шелковистой речи, мне приходит в голову название ее романа «Мелодичный голос». Именно так я и определил бы ее искусство. Потом я вспоминаю совет, который дала ей мать, когда Монсеррат была совсем молодой: если уж она уродилась такой *xafardera* («любопытная, пронира» по-каталонски), то ей надо было



Семетеріо де Піскаіровскі.

se vaciase. Si esto fue así en el sur de Europa, con los testigos de la represión franquista; también lo sería al lejano norte, con los supervivientes del asedio nazi.

Faltaban pocos días para que nuestra escritora-periodista abandonara Leningrado, pero todavía tenía pendiente una visita fundamental de su lienzo petersburgués. Me refiero al cementerio de Piskairovsky, donde se enterró, en fosas comunes, a un número indeterminado e incalculable de víctimas del sitio. Hacia allí se transportaban, a cuestras y generalmente en trineo, a los cadáveres de toda la ciudad. Mientras funcionó la organización interna, éstos provenían en gran medida del complejo Nueva Holanda, que fue el punto central de recogida de cuerpos. Este magnífico recinto neoclásico está a pocos pasos al norte del Gran Teatro Mariinsky, bien replegado formando una isla entre el río Moika, el canal Kryukov y el de El Almirantazgo. Lo más probable es que Montserrat Roig no lo hubiera podido visitar, ya que pertenecía a la Marina rusa y estuvo cerrado al público hasta 2011. Con todo, decíamos que la escritora se dirigió a Piskairovsky con la idea de encontrarse

Піскарёўскае кладбішце.

стать журналисткой. И, наверное, она была права: ее дочь умела выглядеть нежной и даже немного наивной, как это умеют делать люди дотошные, и создавала, таким образом, подходящую атмосферу, чтобы люди раскрывали перед ней свою душу. Если так случилось на юге Европы со свидетелями франкистских репрессий, то почему она не могла повторить тот же прием с ленинградцами, пережившими блокаду.

До отъезда нашей писательницы и журналистки из Ленинграда оставались считанные дни, но она еще не успела посетить самое важное место для своего петербургского полотна. Я имею в виду Пискаревское кладбище, где в братских могилах было захоронено неопределенное и бесчисленное количество жертв блокады. Туда приносили, а чаще привозили на саночках трупы со всего города. Пока городские власти контролировали ситуацию, погибших привозили в основном из комплекса Новой Голландии, который служил местом приема трупов. Этот ансамбль является великолепным примером раннего классицизма и находится недалеко от Мариинского театра на острове между

Cementerio de Piskairovsky.
Пискарёвское кладбище.

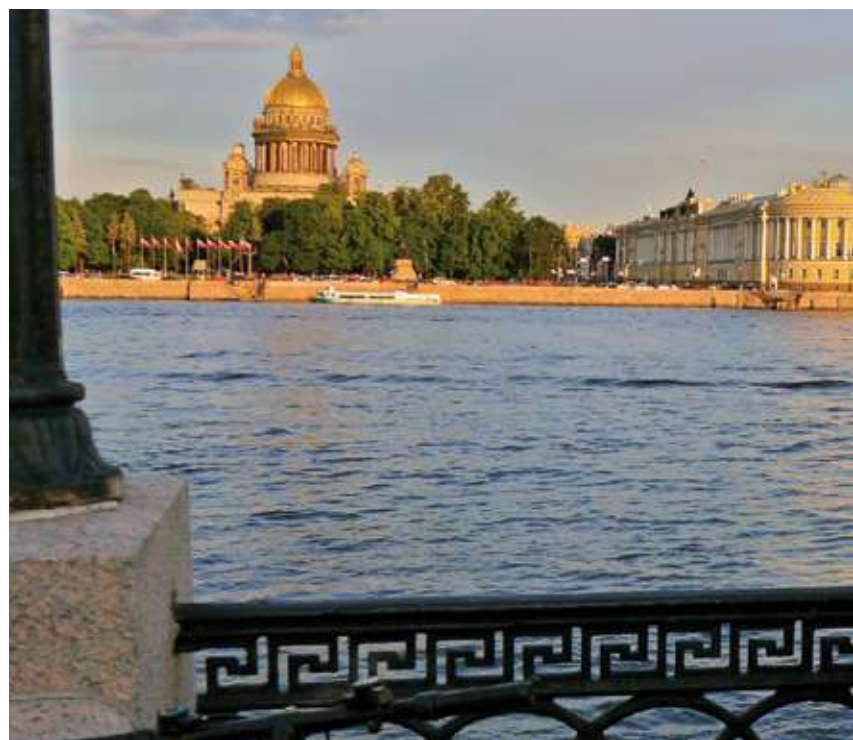




un mausoleo enorme de granito, piedra y enormes esculturas ampulosas. Esperaba ver una muerte monumental, distanciada y retórica, pero se encontró algo muy distinto.

La entrada al cementerio está en una gran avenida que cruza barrios residenciales del norte de Leningrado. El verde y los automóviles protagonizan la vida de una calle con tres carriles de circulación por sentido, separados por una mediana ajardinada. En el acceso a Piskairovsky se respira un cierto desamparo que, tal vez, recuerde el del Monumento Soviético del Tiergarten berlinés. Marcan el acceso dos pabellones blancos con pequeños pórticos, que parecen pintados por Giorgio de Chirico. El interior del recinto es simple: un paseo con pequeños parterres que divide el cementerio en dos grandes áreas ajardinadas con césped y algunas flores; el telón de fondo son abedules, chopos y sauces. En el centro del paseo, otras jardineras florales más pequeñas y al final, sobre una plataforma, se levanta la escultura de la Madre Patria abriendo los brazos hacia sus muertos. Sabemos que muchos de ellos descansan allí, como mínimo 500.000; pero no vemos sus nombres. Delante de cada parterre sólo hay una cifra escueta: 1941, 1942, 1943, 1944. Éstas, los años del sitio de Leningrado, se repiten en cada túmulo sin más lápidas ni nombres. Montserrat Roig quedó aturdida después de la visita, pero le pareció el mejor y más profundo homenaje que Leningrado pudo hacer a sus muertos. Un oasis, eso escribió, donde la vida se confundía con la muerte. Antes de abandonar el cementerio, pudo leer los versos de la poetisa Olga Berggolts que están inscritos detrás de la escultura y que concluyen así: *que sepa quien escucha estas piedras: nada ni nadie será olvidado*.

Mientras seguía el Leningrado de Roig, pensaba en lo que la periodista dijo a la revista cultural soviética *Sputnik*² en 1982, al publicarse *Mi viaje en el bloqueo*: afirmaba haber viajado a Leningrado con la mente blanca y el alma abierta, su ritual para afrontar la diferencia. Después de los versos de Berggolts, de la infancia de Alexandra Koss, de la muerte en trineo relatada por Drujinin y del trabajo de Montserrat Roig, con la aparente



La catedral de San Isaac y el Senado desde la isla de Vasilievsky.
Вид на Исаакиевский Собор и Сенат с Васильевского острова.

² Revista *Sputnik*. Núm. 03. Marzo 1982. Páginas 148-150



naturalidad de las crónicas de Josep Pla, ¿hay algo más que se pueda decir? Así es que me divertía por lo sinuoso del trazado, lo admito, pero conservaba una extraña aprensión por el sentido del camino. No fuera que uno acabase perdido, de noche y sin GPS, por carreteras secundarias.

Temía ser como aquellos supervivientes del bloqueo que sacaban un pedazo de historia del congelador y la servían recalentada e insulsa. Pero justo entonces me enteré de algo que había pasado meses atrás en Berlín y que rescataba los horrores de San Petersburgo-Leningrado. Ante los parlamentarios del Bundestag reapareció el ex soldado rojo y coautor de *El libro del bloqueo* (1979) Daniil Granin, que lo sufrió en primera persona y que fue una de las fuentes principales de Montserrat Roig y de muchos otros sobre el sitio. Pues bien, este anciano vene-

рекой Мойкой и Крюковым и Адмиралтейским каналами. Скорее всего Монтсеррат Ройч не удалось посетить это остров, потому что он принадлежал Военно-морскому флоту и был закрыт для посещения до 2011 года. Как мы сказали, наша писательница отправилась на Пискаревское кладбище. Она предполагала, что увидит там огромный гранитный мавзолей, каменные павильоны и огромные напыщенные скульптуры. Монтсеррат ожидала увидеть монументальный, отстраненный и риторический образ смерти, но перед ней возникла совсем иная картина.

Вход на кладбище открывается с большого проспекта, который пересекает жилые районы на севере Ленинграда. Зелень и поток машин являются главными действующими лицами в жизни этой улицы с тремя полосами движения в каждую сторону, разделенными зеленым газоном. Вход на Пискаревское кладбище создает атмосферу некоей незащищенности, которая, возможно, несколько напоминает ту, что царит у Мемориала павшим советским воинам в берлинском Тиргартене. Вход обрамляют два белых павильона с небольшими портиками, словно нарисованные Джорджо де Кирико. Внутреннее устройство этого комплекса отличается простотой: посередине его проходит аллея, ограниченная с двух сторон клумбами, которая делит кладбище на две большие озелененные зоны. Эти газоны с цветами расположены на фоне берез, тополей и ив. В центре аллеи расположены другие клумбы, меньшего размера, а в конце его, на постаменте, возвышается фигура матери Матери-Родины, протягивающей руки к своим погибшим. Мы знаем, что многие из них лежат здесь, не менее 500 000 человек, но их имен мы не видим. На братских могилах стоят только даты: 1941, 1942, 1943, 1944, - годы блокады Ленинграда. Они повторяются на захоронениях, где нет других могильных плит или имен. На Монтсеррат Ройч это место произвело очень сильное впечатление, но она считала, что это самый лучший и самый проникновенный способ, которым Ленинград мог воздать честь своим погибшим гражданам. Она написала, что это оазис, где граница жизни



Montserrat Roig. / Монтсеррат Ройч.

и смерти стирается. Перед тем как покинуть кладбище, она смогла прочитать строки поэтессы Ольги Берггольц, которые высечены на стене за монументом. Они гласят: «Но знай, внимающий этим камням: никто не забыт и ничто не забыто». Пока я проходил по следам Монтсеррат Ройч в Ленинграде, я думал о том, что журналистка написала в советском культурном журнале «Спутник» в 1982 году², когда была опубликована книга «Мое путешествие в блокаду». Она утверждала, что ехала в Ленинград с открытой душой и непредвзятым мнением; как всегда поступала при знакомстве с новой для себя реальностью. Теперь, после стихов Ольги Берггольц, детства Александры Косс, трупов на детских саночках, о которых рассказывал Дружинин, и исследований Монтсеррат Ройч, о которых она писала с естественностью хроник Жузепа Пла, - можно ли к этому добавить что-нибудь еще? Я с увлечением наблюдал за поворотами пути, но должен признаться, что далеко не был увере в правильности выбранного мною курса. Я мог заплутать - во мгле и без навигатора - на проселочных дорогах повествования. Мне не хотелось быть таким же, как те свидетели блокады, которые доставали из морозильника кусок истории и подавали на стол подогретое безвкусное блюдо. Но как раз в это время я узнал о том, что произошло несколько месяцев назад в Берлине, когда воскресли ужасы Санкт-Петербурга-Ленинграда. Перед парламентариями Бундестага выступил бывший солдат Красной Армии и соавтор «Блокадной книги» (1979), Даниил Гранин, который сам испытал ужасы блокады и был одним из самых важных свидетелей этого времени для Монтсеррат Ройч и многих других исследователей. Так вот, этот почтенный старец поднялся на трибуну немецкого федерального собрания 27 января 2014 года, через семьдесят лет после окончания блокады Ленинграда. Его выступление было организовано в рамках Часа Памяти, который проводит парламент Германии ежегодно, чтобы нацизм не был забыт. В свои 95 лет Даниил Гранин произнес речь, стоя, и на

2 Журнал «Спутник», ном. 3. Март 1982 года. Стр. 148-150.

nable se plantó en el púlpito federal alemán el 27 de enero de 2014, setenta años después del fin del asedio de Leningrado. Y lo hizo dentro de *La Hora de la Memoria*, el acto que anualmente organiza el parlamento germánico para vacunarse contra el olvido del nazismo. A sus 95 años, Daniil Granin habló de pie y durante toda su intervención contuvo la respiración de los diputados del hemicycle, entre los que estaban el presidente Joachim Gauck y la canciller Angela Merkel, en muletas por un accidente de esquí. De hecho, las crónicas periodísticas remarcaron que nadie movió un músculo mientras duró su discurso. A todos ellos, el ruso les había recordado unas cosas como para no levantarse.

Al volver de su estancia en Leningrado, Montserrat Roig encontró a Barcelona como en una foto fija, desilusionada al comprobar que en ese tiempo no se había transformado en lo que soñó que fuera. Se lamentó de ello en la *Guía del Ocio*, nostálgica de la ciudad adolescente de 1977, que votaba en las primeras elecciones democráticas. Su paisaje cotidiano estaba poblado de manzanas biseladas, de casas entre medianeras con balcones a la calle y patios interiores. Su Eixample, en fin, cuyas esquinas estaban siendo devoradas por Núñez y Navarro a ritmo vertiginoso. A partir de lo que vivió en Leningrado, compartiría para siempre el idilio urbano barcelonés con el enamoramiento de la capital del Neva, a la manera de Joséphine Baker y su canción *J'ai deux amours*; ahora interpretada por Madeleine Peyroux.

Montserrat Roig murió a finales de 1991 a los cuarenta y cinco años, al tiempo que la Unión Soviética se desintegraba y San Petersburgo recuperaba la toponimia de siempre. Su amigo y escritor Ignasi Riera recordó entonces las distintas memorias de Roig, las canónicas y las heréticas, que están en sus novelas, artículos y entrevistas. Con eso contamos hoy para acercarnos a ella; además de saber, como en la película, que siempre nos quedará Leningrado.

protяжении его выступления все депутаты слушали его слова, затаив дыхание. Среди них были президент Иоахим Гаук и канцлер Ангела Меркель на костылях после травмы, полученной во время катания на лыжах. Все газеты отмечали, что никто в зале даже не пошевелился, пока продолжалась речь. Всем им этот русский напомнил о таких ужасах, которые приковывают человека к креслу.

Возвратившись после поездки в Ленинград в родной город, Монтсеррат Ройч обнаружила, что Барселона застыла, словно на фотографии, и тех изменений, о которых она мечтала не произошло. Это разочаровало журналистку, и она с грустью отметила на страницах *Гия де Осью*, что тоскует по городу своей молодости, который принимал участие в первых демократических выборах 1977 года. Пейзажем, на котором протекала ее жизнь, были кварталы со скошенными углами, где тесно стояли дома, одни окна которых выходили на улицу, а другие во внутренний двор. Это была ее Эйшампла, уголки которой стремительно пожирала фирма Нуньес и Наварро. После недель, проведенных в Ленинграде, в ее сердце всегда умещалась любовь к барселонским улицам и влюбленность в город на Неве, как в песне Жозефины Бейкер *J'ai deux amours*, которую сейчас исполняет Мадлен Пейру.

Монтсеррат Ройч умерла в конце 1991 года в возрасте сорока пяти лет, в то самое время, когда Советский Союз уже распадался, а Санкт-Петербург восстанавливал свое прежнее имя. Ее друг, писатель Игнаси Рьера, говорил о том что память о Монтсеррат Ройч хранится в воспоминаниях о ней, канонических и еретических, и в ее романах, статьях и интервью. Все это в нашем распоряжении, если мы захотим поближе узнать ее, а кроме этого, как в знаменитом фильме, с нами всегда останется Ленинград.



Shostakóvich con el traje de bombero en la cubierta del Conservatorio durante los bombardeos.
Шостакович в форме пожарника на крыше Ленинградской консерватории во время бомбёжки.

Es una tarde de finales de septiembre de 1941 y estamos en la cubierta del Conservatorio de Leningrado, anexo al teatro Kirov. Ha llegado el frío de repente, sin avisar y muchos en ese día han puesto su esperanza en la llegada del invierno ruso, sí, ese que derrota a los ejércitos extraños que se aventuran en la gran tierra. Leningrado está cercado por el ejército alemán desde el ocho de septiembre y hace ya días que el hambre muerde los estómagos de sus habitantes y las bombas fascistas devoran edificios, personas y animales. La ciudad mártir, sometida a un cerco de 900 días de resonancias medievales, se convertirá en el símbolo de una de las mayores atrocidades del siglo XX y de la capacidad de sacrificio y resistencia del pueblo ruso.

Un personaje estrafulario está encaramado en uno de los laterales del tejado y contempla con mirada distante la ciudad a sus pies. Lo que más sorprende es su vestimenta: un grueso gabán de tela gris-rata y amplias solapas, con dobles correajes, parece absurdamente desproporcionado al cuerpo enflaquecido que alberga. El rostro presenta unas finas proporciones clásicas: nariz recta y afilada que soporta unas gafas de carey, mandíbulas marcadas, labios delgados, casi femeninos. Todo en él nos hace pensar, también, en alguien que ha adelgazado precipitadamente en los últimos tiempos. Pero quizá lo que confiere a este personaje el aire de figurante de opereta que nos sorprende, es que su cabeza, tocada con un casco de acero coronado por una voluta de bronce que nos recuerda de lejos a un dragón o lancero de un ejército decimonónico.

Bajo un cielo blanco lechoso se extienden sin límites las cubiertas, tejados, cúpulas y pináculos de una ciudad de piedra gris que se confunden en el horizonte con el mar plumizo, a veces blanco como el cielo. Antes no era así. Desde que los aviones y la artillería alemana empezaron a descargar y lanzar

Мы находимся на крыше Ленинградской консерватории, которая расположена рядом с театром Кирова. Конец сентября 1941 года, смеркается. Холода наступили неожиданно, без предупреждения, и во многих сердцах зародилась надежда на то, что эта пришла русская зима – та самая, которая побеждает вражеские войска, вторгающиеся на великую землю. Осада Ленинграда немецкой армией продолжается с восьмого сентября, голод мучает желудки обитателей города, а фашистские бомбы пожирают здания, людей и животных. Город-мученик, подвергшийся блокаде на протяжении долгих 900 дней, словно в Средние века, станет символом ужасов XX века и способности русского народа к самопожертвованию и сопротивлению.

Какой-то чудаковатый взобрался на край крыши и смотрит оттуда рассеянным взглядом на город, который расстилается у его ног. Самое удивительное в его облике это одежда: просторное теплое пальто из ткани мышино-серого цвета с широкими лацканами и двойным кожаным ремнем кажется нелепым на исхудавшем теле, спрятанном внутри. Лицо человека отвечает изящным классическим пропорциям: острый и прямой нос, на котором держаться очки в черепаховой оправе, выступающие скулы и тонкие, почти женские, губы. По его внешности нетрудно понять, что он в последнее время очень быстро похудел. Но, наверное, больше всего нас поражает одна деталь, которая придает ему вид второстепенного персонажа какой-нибудь оперетты – его голову украшает железный шлем с бронзовым гребнем, который напоминает нам драгунов или уланов армии девятнадцатого века.

Под белесым небом простираются безгранично острые и плоские крыши, купола и башенки города из серого

sus bombas sobre la ciudad, las cúpulas de San Isaac, los pináculos de la fortaleza de San Pedro y San Pablo o la aguja dorada del Almirantazgo han desaparecido de su perfil, veladas de color gris por obra del camuflaje que el Comité de Defensa de Leningrado ha dispuesto para que los aviadores alemanes se desorienten. El paisaje que se extiende ante sus ojos no es el paisaje de su ciudad, es un paisaje que ahora tiene un cierto aire sepulcral. Quizá es el pesado silencio que lo rodea desde que los vehículos han dejado prácticamente de circular por falta de combustible y los tranvías se van quedando parados, vacíos y abandonados en medio de las calles por falta de energía. Su mirada se detiene en el cielo inmóvil y tampoco se oyen los chillidos de las gaviotas sobre el Neva, ni sobre los tejados. Aquellas gaviotas que volaban tranquilas a lo largo del río buscando el mar.

Este último pensamiento —ya no hay gaviotas en Leningrado— pesa hondamente en el corazón de nuestro bombero, pues bombero es nuestro protagonista, ciudadano movilizadо para combatir los incendios que acechan al Conservatorio, al igual que otros centenares de leningradenses que, encaramados en los tejados, mantienen la vista fija en el horizonte, con el alma en vilo, esperando que aparezcan los aviones alemanes. A su lado los cubos de agua y de arena, un hacha y un pico. *Camaradas, hay que estar despiertos y alerta, ¡de vosotros depende la vida de vuestros hijos!* Las horas se hacen interminables.

Es cierto, las gaviotas se han ido, ya no hay nada que comer. También han desaparecido los gatos y los perros, se los ha comido la gente. El desastre se produjo precisamente el día ocho, el primer día en que la ciudad quedó sellada, cercada. Los alemanes bombardearon furiosamente los almacenes Badáiev, allí estaban casi todas las reservas de comida de Leningrado. Dicen que allá se consumieron en el fuego tres mil toneladas de harina, dos mil quinientas toneladas de azúcar, todas las reservas de mantequilla. Todas las naves de los almacenes eran de madera, ardieron como teas. Ese día fue un gran desastre para los habitantes de Leningrado, cayeron las primeras bombas sobre sus casas y se quemaron casi todas sus

camia. Его здания сливаются на горизонте со свинцовыми водами моря, которое иногда покрывается белой пеленой и сливается с небом. Как изменился сейчас город. С тех пор как немецкая авиация и артиллерия осыпают город бомбами и расстреливают его, купола Исаакиевского собора, башенки Петропавловской крепости и золотая игла Адмиралтейства исчезли с его лица, скрытые под слоем маскировочной серой краски по решению Комитета обороны города, чтобы помешать немецким летчикам ориентироваться. Пейзаж, открывающийся сейчас перед глазами пожарника, не похож на знакомый облик его родного города, в этой картине есть что-то кладбищенское. Может быть, этому впечатлению способствует гробовая тишина, наступившая после того, как движение машин на улицах практически прекратилось из-за нехватки бензина, а трамваи замерли на рельсах, покинутые пассажирами и пустые, когда отключили электрический ток. Взгляд нашего героя устремляется в неподвижную мглу облаков, и он понимает, что больше не слышит криков чаек, которые раньше летали над Невой и над городскими крышами. Эти птицы спокойно парили над рекой, направляясь к морю.

Эта последняя мысль — в Ленинграде уже не осталось чаек — ложится тяжелым грузом на сердце пожарника. Повторим, что наш герой — это пожарник, мобилизованный чтобы предотвратить пожары, которые грозят Консерватории, как и сотни других ленинградцев, которые, стоя на крышах, зорко следят за горизонтом, ожидая появления немецких самолетов. Под рукой у них — ведра с водой и песком, топоры и кирки. Товарищи, будьте внимательны и бдительны. От вас зависит жизнь наших детей! Часы текли невыносимо медленно.

И в самом деле, чайки покинули Ленинград, здесь уже нечего есть. Исчезли и кошки, и собаки — люди их съели. Несчастье случилось как раз восьмого числа, в тот самый первый день, когда город оказался в окружении, и кольцо вокруг него замкнулось. Немцы подвергли яростной бомбардировке Бадаевские склады, где хранилась основная

reservas de alimentos. La gente lloraba en las calles. Hasta las ratas han huido de Leningrado. Los animales han desaparecido, han dejado solos a dos millones y medio de personas. Muchos querían salir, pero no pudieron, no llegaron a tiempo. Cuentan que han quedado aquí encerrados casi quinientos mil niños. ¿Qué será de ellos? Un niño es mucho, es muchísimo, ¡es un mundo! Se pregunta que deben ser quinientos mil niños. ¿Una inmensidad, no? Todo un universo. ¿Qué será de su Galia y su Maxím, sus hijos?

Esta noche ha bajado mucho la temperatura, hasta los 2 o 3 grados centígrados y el frío en casa se ha hecho insoportable. Los bombardeos han dejado las casas de Leningrado sin cristales y no hay repuestos. Esta mañana el bombero ha ayudado a Nina a cambiar por mantas las telas que utilizaban para tapar las ventanas. Además ya no se puede conseguir carbón, se necesita todo para la guerra. Luego se ha despedido de Nina, antes de que ella se dirigiera, como cada día, a cavar trincheras junto a otras mujeres y niños allá lejos, en los altos de Pulkovo. Pobre Nina, lloraba.

Nuestro hombre, abrumado, enciende un cigarrillo Kazbek – de los caros– y piensa que también el tabaco escasea y pronto será imposible conseguirlo. El bombero se llama Dimitri Shostakóvich. En este momento tiene treinta y cinco años y es uno de los compositores rusos con mayor reconocimiento internacional. A poco de empezar la guerra, el 19 de julio de 1941, ha iniciado la composición de su *Sinfonía n.º 7*, dedicada a la ciudad sitiada de Leningrado y está atrapado en ella. Hace pocos días, el 17 de septiembre, habló por Radio Leningrado a todos sus conciudadanos y les comunicó solemnemente:

Hace una hora he acabado la composición de dos movimientos de una gran obra sinfónica. Si tengo éxito en esta tarea, si consigo concluir el tercer y cuarto movimiento, quizá podré hablar de mi Séptima Sinfonía. ¿Por qué os digo esto? Porque entonces los oyentes que ahora nos están escuchando, sabrán que la vida de nuestra ciudad se está desarrollando normalmente.

Shostakóvich no dice lo que piensa. No hay nada normal en el torbellino de los bombardeos diarios, los gritos de las personas atrapadas entre las ruinas, el pánico en la cara de los niños, el

parte продовольственных запасов Ленинграда. Говорят, что там сгорели в огне три тысячи тонн муки, две с половиной тысячи тонн сахара, все запасы сливочного масла. Все складские помещения были деревянными и занялись, точно сухие щепки. Этот день стал днем великого несчастья ленинградцев: первые бомбы упали на их дома, и, одновременно, сгорели почти все запасы пищевых продуктов. Люди плакали на улицах. Даже крысы покинули Ленинград. Животные исчезли и покинули на произвол судьбы два с половиной миллиона человек. Многие из них хотели уехать из города, но не смогли, им не хватило времени. Говорят, что в осажденном городе осталось почти пятьсот тысяч детей. Что будет с ними? Один ребенок – это очень много, невероятно много. Это целый мир! Наш пожарный задает себе вопрос: что же тогда такое пятьсот тысяч детей. Бесконечность, не так ли? Целая вселенная. Что же будет с Галей и Мишей, его детьми?

Сегодня ночью сильно приморозило; температура опустилась на 2 или 3 градуса, и холод стал невыносимым. Разрывы бомб лишили ленинградские дома оконных стекол, а заменить их нечем. Сегодня утром наш пожарник помог Нине заменить лоскуты, закрывавшие окна, на одеяла. К тому же теперь уже нельзя достать угля, все топливо нужно для борьбы с врагом. Потом он распрощался с Ниной, прежде чем она, как это случалось каждый день, отправилась рыть окопы вместе с другими женщинами и детьми там, далеко, на Пулковских высотах. Бедная Нина, как она плакала.

Наш герой, подавленный грустью, закуривает сигарету «Казбек» – дорогое удовольствие – и думает о том, что с табаком тоже перебои, и скоро достать его будет невозможно. Пожарного зовут Дмитрий Шостакович. Сейчас ему тридцать пять лет, и он – один из самых признанных в мире русских композиторов. Вскоре после начала войны, 19 июля 1941 года, он начал сочинять 7-ую Симфонию, посвященную осажденному Ленинграду, где он сам переживает блокаду. Несколько дней назад, 17 сентября, он выступил по Ленинградскому радио, обратился

Los tejados de San Petersburgo desde la cúpula de la catedral de San Isaac.
Крыши Санкт-Петербурга с купола Исаакиевского собора.







Portada de la revista *Time* dedicada a Shostakóvich
 Обложка журнала *Time*, посвященная Шостаковичу.

hambre atroz. Pero así ha pactado su alocución con el Comité de Defensa de Leningrado. La ciudad, su pueblo, necesitan a Shostakóvich y ya ha recibido indicaciones de que el georgiano paranoico, Stalin, nuestro padrecito, ha decidido que el pueblo ruso, todo el pueblo soviético, también necesita a Shostakóvich y su *Séptima Sinfonía*.

Respira profundamente, llega una brisa ligera desde el mar, ese aire húmedo permanente en Leningrado, menos cuando ataca con furia —como un cuchillo— desde el Ladoga. El aire es limpio pero subyace en él un tufillo a madera quemada de los incendios provocados por el bombardeo de ayer por la noche. Ni siquiera las chimeneas de la Fábrica Kirov (antes Putilov) que ahora trabajan día y noche produciendo armamento, hacen competencia a ese olor que lo impregna todo.

Nada se mueve en el cielo, que ahora observa con los prismáticos del ejército que le han regalado hace unos días los reporteros de *Soyfoto*, después de hacerle aquella fotografía ideada por el Comité de Propaganda precisamente aquí, en este tejado.

ko всем своим согражданам и заявил им торжественно: Час тому назад я закончил партитуру двух частей большого симфонического сочинения. Если это сочинение мне удастся написать хорошо, удастся закончить третью и четвертую части, то тогда можно будет назвать это сочинение Седьмой симфонией. Для чего я сообщаю об этом? Для того чтобы радиослушатели, которые слушают меня сейчас, знали, что жизнь нашего города идет нормально. Шостакович говорит не то, что думает. Нет ничего нормального в вихре каждодневных бомбардировок, в криках людей, оказавшихся под завалами разрушенных зданий, в ужасе на лицах детей, в жестоком голоде. Но он согласовал свое выступление с Комитетом обороны Ленинграда. Городу и его жителям нужен Шостакович, и комитет уже получил сообщение о том, что безумный грузин Сталина, наш отец народов, решил, что всему русскому народу, всем советским людям тоже нужен Шостакович и его Седьмая симфония.

Наш пожарный глубоко вздыхает, до него доносится слабый ветер с моря. Ленинградский воздух всегда налитан его влагой, если только не налетает на город ветер с Ладожского озера, ледяной, как острие ножа. Воздух чист, но в нем чувствуется запах сгоревших досок от пожаров, которые вызвала вчерашняя бомбардировка. Даже дым из труб Кировского завода (бывшего Путиловского), который сейчас работает днем и ночью, производя оружие, не может спорить с этим запахом, которым пропитан весь город.

На небе нет никакого движения; он сейчас смотрит вверх в военный бинокль, который подарили ему репортеры из Совфото, после того как сделали фотографию, заказанную Управлением пропаганды, именно здесь, на этой самой крыше. Дмитрий Шостакович в тот момент не подозревал о том, что эта фотография будет размножена по всей России: Товарищ Шостакович защищает нашу Советскую Родину на своем посту в Ленинградской консерватории, а потом ее использует западная пресса в качестве символа сопротивления русского народа. Наконец, этот фотопортрет послужил образцом для рисунка, появившегося на обложке

Dimitri en ese momento no sospecha que esta foto será reproducida en toda Rusia: *El camarada Shostakóvich defendiendo nuestra Patria Soviética desde su puesto en el Conservatorio de Leningrado*, y, más tarde, será difundida en toda la prensa occidental, como símbolo de la resistencia del pueblo ruso y finalmente inspirará el dibujo de la portada de la revista *Time* de julio de 1942 como culminación de la campaña internacional que con la representación de la *Sinfonía n.º 7* en Nueva York, había concebido hasta el último detalle nuestro clarividente padrecito Stalin y cuyo último objetivo era precisamente los Estados Unidos de América, la última esperanza para la salvación de Rusia. *Ayudad a Rusia* —les decía— *y os ayudaréis a vosotros mismos*.

La espera se hace insoportable. Los alemanes, en el fondo, son como él: extraordinariamente puntuales, y aparecen sistemáticamente a las siete de la tarde, para bombardear, claro. Hace tiempo que está atascado en el *adagio* del tercer movimiento; necesita un cambio que eleve el tono de la sinfonía en este punto, algo que anuncie, que prepare el camino de la explosión final del cuarto movimiento que —no en vano— piensa titular *Victoria*. En cualquier caso, el pasado nueve de septiembre invitó a un grupo de músicos amigos a su piso de la calle Bolshaya Pushkarskaya para que pudieran escuchar al piano los dos primeros movimientos de su sinfonía y, aquella tarde, recibió el emocionado reconocimiento de ellos. Nina estaba fuera cavando trincheras y no tenían té aunque, por suerte, Glikman había traído vino. Apenas comenzada la interpretación se inició un feroz bombardeo, pero sus amigos decidieron mantener la sesión; la música era más importante para ellos que las bombas. Su madre llevó a los niños al refugio que había en la misma calle y deteniéndose a ratos, por el ruido ensordecedor de la explosiones, Dimitri consiguió interpretar, casi de un tirón, los dos primeros movimientos. Le preocupaba principalmente saber cómo recibirían el tema de la *Invasión* del primer movimiento y repitió las doce veces el leitmotiv, insistente, machacón. Le preocupaba que los críticos asociasen esta secuencia a la del *Bolero* de Ravel. Posteriormente, los críticos fueron mucho más allá y también lo acusaron de inspirarse en

журнала *Time* в июле 1942 года. Эта публикация венчала международную кампанию, продуманную до последнего штриха нашим провидцем Сталиным. Исполнение 7-ой Симфонии в Нью-Йорке было его посланием для Соединенных Штатов Америки, последней надежды русских. *Помогите России* — говорил он американцам, — *и вы поможете самим себе*.

Ожидание становится нестерпимым. В глубине души немцы похожи на него: они чрезвычайно пунктуальны и каждый день появляются в семь часов вечера, естественно, для того, чтобы бомбить город. Шостакович уже давно застрял на *адagio* третьей части. Он ищет какой-то элемент, который бы мог поднять тон симфонии в этот момент, что-то предвещающее, предвещающее путь к взрыву финала четвертой части, которую он рассчитывает назвать — и не зря — *Победой*. Незадолго до этого, девятого сентября, Шостакович пригласил группу друзей-музыкантов к себе в гости, на Большую Пушкарскую. Он исполнил свое произведение на фортепьяно, чтобы они могли прослушать две первые части его симфонии, и в тот вечер все его восторженно поздравляли. Нины не было дома, она рыла окопы, чай в доме кончился, но, на счастье Гликман принес вино. Когда зазвучали первые аккорды, началась жестокая бомбежка, но друзья решили не прерывать композитора: музыка для них была важнее бомб. Мать композитора отвела детей в бомбоубежище, которое находилось на той же улице, и Дмитрий, прерываясь иногда, когда грохот разрывов был оглушитель, смог исполнить две первые части почти подряд. Прежде всего, он хотел увидеть, как примут тему *Нашествие* из первой части и повторил лейтмотив двенадцать раз, настойчиво, настырно. Его беспокоило, что критики найдут в этом фрагменте ассоциации с Болеро Равеля. Позднее критика пошла гораздо дальше и обвинила Шостаковича в том, что он вдохновился произведениями Сибелнуса для создания начала первой части. Композитор исполнил обе части по памяти, без единой опшибки, а его друзья слушали и молча плакали. Потом один из музыкантов



Baterías antibombardeo con la catedral de San Isaac al fondo.
Батареи противовоздушной обороны на фоне Исаакиевского собора.

Sibelius para la apertura de ese mismo primer movimiento. Tocó los dos movimientos de memoria, sin cometer ni un error y sus amigos permanecieron escuchando y llorando en silencio. Al final, uno de los músicos le dijo: *Gracias a la guerra, Dimitri Dimitriyevich, y gracias a usted, podemos llorar abiertamente por primera vez. ¡Todos hemos perdido a alguien que ha muerto en manos de los fascistas o antes en manos de...!* —Dios mío —exclamó Glikman aterrizado—. *Tenga cuidado con lo que dice, Iván Borisóvich*—. Y es que en aquellos tiempos hasta las paredes tenían oídos.

Dimitri dirige los prismáticos hacia el Sur y ve que los alemanes llegan como siempre puntuales. En el fondo de un cielo que parece una pizarra blanca aparecen muy lentamente, poco a poco, pequeños puntos... cinco, seis, siete y con una lentitud majestuosa diez, quince, veinte más y así, como de puntillas, en silencio, el cielo se va llenando de una enorme bandada de puntos negros y comienza a oírse un zumbido lento, un *crescendo* magnífico y poco a poco los puntos se van ampliando, creciendo... y el zumbido se vuelve rugido, un rugido grave de cincuenta, cien motores avanzando al unísono. Y ya está, ya tiene la entrada del *adagio* del tercer movimiento. Atacan con fuerza

сказал ему: *Благодаря войне, Дмитрий Дмитриевич, и благодаря вам мы впервые можем не скрывать слез. Все мы потеряли кого-нибудь из близких, которые погибли от рук фашистов или еще раньше от рук ...!* — Боже мой! — Воскликнул испуганный Гликман, — *Будьте осторожнее, когда говорите, Иван Борисович*. — Ведь в то время даже у стен были уши.

Дмитрий Шостакович направляет свой бинокль на юг и видит, что немцы, как всегда, точны. На фоне неба, похожего на белую доску возникают медленно маленькие точки ... пять, шесть, семь. А потом, медленно и торжественно, появляются еще десять, пятнадцать, двадцать — в тишине, словно входя на цыпочках на сцену, и небо заполняет туча черных точек. Слышится медленное жужжание, на фоне прекрасно построенного крещендо точки постепенно растут, увеличиваются... Жужжание превращается в рев, в густой рев пятидесяти, ста моторов, наступающих одновременно и дружно. Теперь все готово: у него уже сложилось начало *адажио* третьей части. С силой начинают мелодию скрипки, а потом к ним присоединяются виолончели во вступлении, которое заставляет тебя поднять опущенную голову и направить взгляд в небо, которое поднимает твою душу до белой утробы облаков. И вдруг, когда ты уже там, в вышине, вступают вместе металлические и деревянные инструменты, и облака обрушиваются на город. Шостакович в то время не осознавал, что создал самый малеровский фрагмент из всего, написанного им. Он в восторге вслушивается в начало третьей части, которая звучит для него со всей ясностью, но тут его возвращает к реальности проливной дождь зажигательных бомб, которые сотнями падают перед его глазами. На всякий случай он становится поближе к ведрам с песком. Надо быть наготове.

Через два дня он снова стоит на крыше. Жестокие бомбардировки предшествующего дня породили столбы дыма, которые поднимаются над бурыми крышами Зимнего дворца, над двумя церквями и над универсамом «Гостинный двор». Люди выстроились в цепочку и целый день передают ведра с водой из Невы к местам пожаров, чтобы потушить

los violines a los que se añaden los violonchelos, en un arranque que, desde el pecho, te hace dirigir la mirada al cielo, que eleva el espíritu hacia el vientre blanco de las nubes y de repente, cuando estas allá arriba, entran en tromba todos los metales y la madera, y es que las nubes se derrumban sobre la ciudad. Shostakóvich no era consciente entonces de que acababa de concebir el momento más deudor de Mahler de toda su obra. Se ha quedado extasiado oyendo, ya con claridad, el inicio del tercer movimiento y lo despierta la lluvia atronadora de bombas incendiarias que caen a cientos frente a sus ojos. Por si acaso se acerca a los cubos de arena. Hay que estar preparado.

Dos días después en la misma cubierta. Los feroces bombardeos del día anterior han dejado un paisaje de columnas de humo que emergen de las techumbres pardas del Palacio de Invierno, de dos iglesias y de los grandes almacenes Gostinni Dvor. La gente ha formado una cadena humana que traslada cubos de agua desde el Neva durante todo el día para apagar el fuego. Dicen que dentro hay más de doscientos cadáveres calcinados. La Avenida Nevski está oscurecida por el humo y todo se ha transformado en una negra noche. Tres hombres bien alimentados del NKVD con botas altas de cuero aparecen en la azotea para hacerle una visita. Los hombres lo interrogan sobre la sinfonía que está componiendo: *¿Dónde guarda la partitura?*. Les dice que la tiene en la cabeza, si no se tienen en cuenta los garabatos que esconde en el bolsillo. Y a la sombra de estupefacción que vela sus rostros le sigue inmediatamente una irritación no contenida: *cuidado camarada Dimitri Dimitriyévich* —le anuncian—, *no bagas bromas, porque se te podría acusar de traición... ya sabes quién está interesado en que acabes esta sinfonía*. A lo que el reacciona riendo humildemente. Este truco le había funcionado anteriormente con los chekistas que lo habían visitado, la verdad es que los desconcertaba. En cualquier caso era inútil hablar con ellos y además habían empezado a amenazarlo de nuevo, al menos dos de ellos y seguramente ni siquiera lo estaban amenazando, tan solo intentaban exprimirlo para sacarle más música, con aquel estilo tan profesional que los caracterizaba. Mientras tanto, el tercer hombre se inclinó por el borde de la azotea y escuchó.



Violonista tocando durante el asedio.

Выступление скрипача во время блокады.

огонь. Говорят, что внутри зданий более двухсот обгоревших трупов. Над Невским проспектом висит густой дым, кажется, что наступила темная ночь. Трое ушпитанных сотрудников НКВД в высоких кожаных сапогах поднимаются на крышу, чтобы нанести Шостаковичу визит. Они расспрашивают его о симфонии, которую он сочиняет: *Где вы храните партитуру?* Композитор отвечает, что вся музыка у него в голове, если не считать каракулей на бумажках в его кармане. На лицах агентов выражается недоумение, а потом оно быстро сменяется плохо скрываемым раздражением: *Гражданин, товарищ Дмитрий Дмитриевич*, — заявляют они ему, — *не следует тебе шутить, потому что тебя могут обвинить в предательстве... Сам знаешь, кто заинтересован в том, чтобы ты закончил эту симфонию*. В ответ Шостакович только скромно улыбается. Этот трюк ему удавался раньше с чекистами, которые его навещали, по правде говоря, они приходили в растерянность. Как бы то ни было, разговаривать с ними было бесполезно, к тому же они снова начали угрожать ему — по крайней мере, двое из них. Скорее всего, это даже не были настоящие угрозы, они просто хотели нажать на композитора, чтобы

Por suerte esta vez no le habían recordado, como en ocasiones anteriores, que él había sido un enemigo del pueblo. Tenía que reconocer que esto lo ponía nervioso.

Bajaron los cuatro al Conservatorio, querían saber cómo progresaba en su composición. Se sentó en el piano en el que había tocado el *Opus 40 para Elena*. ¿Dónde estaría ahora? Encendieron los cigarrillos y se sentaron al lado, mientras él tocaba los primeros quinientos compases de su sinfonía. Al final de la interpretación lo interrogaron y le preguntaron: *¿Queda ahora algún rastro de formalismo residual en tu obra?* Shostakóvich juró que no había vuelto a cometer ese error y los tres hombres se despidieron educadamente para presentar su informe a Zhdánov, el cual lo enviaría a su vez, en el primer avión correo al padrecito Stalin. *Por cierto, Dimitri Dimitriyéovich* —dijo el primer hombre antes de salir a la calle—, *¿cuándo te decidirás a afiliarte al Partido? ¿Quizá ya va siendo hora, no?* —Lo estoy pensando, camaradas... claro que sí, claro.

Una vez más le enviaban el mensaje repetido cada año desde 1935, el día que conoció a Stalin en el Congreso de Trabajadores Stajanovistas. Sentada junto a él, en el vestíbulo, una joven y hermosa camarada que había conocido en el congreso, posó su mano sobre la de él y le susurró al oído que había escuchado opiniones sobre él que le auguraban un futuro muy prometedor. *Por cierto, camarada* —le preguntó—, *¿cuándo te afiliarás al Partido?* Dimitri se siente cansado, le pasa siempre que le visitan los chekistas. Mantiene el tipo, sabe cómo hacerlo, adopta una actitud humilde y manifiesta siempre su arrepentimiento por los errores pasados, se mantiene sumiso y tranquilo, pero después se siente agotado.

Dimitri se pone ropa de calle y sale del Conservatorio, tiene que pasar por casa de Anna Ajmátova. Antes de emprender el camino se sienta a fumar en un banco de la Plaza del Teatro y mirando el edificio gris del Conservatorio, se ve a sí mismo, presenciando con quince años y en plena Guerra Civil, cómo una orquesta militar interpreta en el puerto la *Novena* de Beethoven ante una multitud de marineros que más tarde embarcarían para luchar contra los Blancos. Él estaba allí, en el

выдавить из него побольше музыки, в присущем им стиле. Тем временем, третий чекист перегнулся через перила на краю крыши и плюнул вниз. К счастью, на этот раз ему не стали, как это случалось раньше, напоминать о том, что он раньше был врагом народа. Надо сознаться, что подобные напоминания его сильно беспокоили.

Вчетвером они спустились в зал Консерватории, гости хотели узнать, как продвигалась его работа. Шостакович сел за рояль, на котором он раньше играл свой *Опус 40* для Елены. Где она сейчас? Чекисты закурили и сели в сторонке, Шостакович сыграл первые пятьсот тактов своей симфонии. Когда он закончил исполнение, его подвергли допросу. Вопрос был таков: *Сохраняются ли какие-нибудь следы формализма в твоём произведении?* Шостакович поклялся, что теперь уже не совершает подобных ошибок; троица вежливо распрощалась и отправилась составлять отчет для Жданова, который в свою очередь с первым же самолетом отправился навестить отца народов, Сталина. *Кстати, Дмитрий Дмитриевич*, — сказал первый из чекистов, собираясь уходить, — *Когда ты соберешься вступить в партию? Наверное, пора уже, а?* — Я уже думаю об этом, товарищи... Конечно, пора, конечно.

Этот намек Шостакович слышит постоянно с 1935 года, с того дня, когда познакомился со Сталиным на Совещании стахановцев. В холле рядом с ним сидела молодая и красивая коммунистка, с которой он познакомился на Совещании. Она положила свою ладонь на его руку и прошептала ему на ухо, что до нее дошли разговоры о том, что композитора ждало многообещающее будущее. *Кстати, товарищ*, — спросила она, — *когда ты вступишь в партию?* Дмитрий ощущает усталость; с ним всегда это случается после визитов чекистов. Он не унижается, умеет себя правильно вести, напускает на себя скромный вид и всегда выражает раскаяние за ошибки прошлого. Ему удастся сохранять спокойствие и выглядеть смиренным, но потом силы покидают его.

Дмитрий Шостакович переодевается в гражданскую одежду и выходит из Консерватории. Ему надо зайти к Анне Ахматовой, но прежде чем пуститься в путь, он садится



Gran Teatro Mariinski (Teatro de ópera y ballet Kirov en época soviética). Большой Мариинский театр (Кировский театр оперы и балета в советскую эпоху.

muelle y los marineros escuchaban la música fervorosamente. Algunos estaban tan felices que lloraban. No teníamos ni un mendrugo de pan para dárselo y sin embargo ellos, al final de la interpretación, dieron las gracias emocionados. Muchos de ellos no volverían. Quizá en ese momento comprendió el poder de la música y ahora, veinte años después, tenía la responsabilidad de componer una música capaz de movilizar los sentimientos de rabia y de resistencia del pueblo de Leningrado. No obstante, como estudiante en el Conservatorio, niño prodigio envidiado por sus condiscípulos, no creía en una música funcional, con un objetivo concreto. Cuando sus maestros citaban la música programática de Mussorgski o de Rimski Korsakoff, Mitiá

покурить на лавочку на Театральной площади и, рассматривая серое здание Консерватории, видит самого себя, пятнадцатилетнего во время Гражданской войны. Военный оркестр исполняет в порту *Девятую симфонию* Бетховена перед толпой моряков, которые собираются подняться на корабль и отправиться сражаться с белыми. Там, на набережной, он видел, с каким воодушевлением моряки слушали музыку. Некоторые даже плакали от счастья. У нас не было даже корки хлеба, чтобы дать им, но они, однако, когда исполнение закончилось, взволновано благодарили нас. Многим из них не суждено было вернуться. Может быть, именно в этот миг он понял всю силу музыки



Dimitri Dimitryévich Shostakóvich. Дмитрий Дмитриевич Шостакович.

—como lo llamaba su madre y ahora también Nina— con su pelo alborotado replicaba que esas composiciones podían ser despojadas de sus supuestos temas, sin perjuicio alguno y si no podían, entonces fracasaban como música. En tal caso, ¿por qué no construir secuencias de notas sin pretensiones temáticas? Un personaje tan eminente como A.K. Glazunov, director del Conservatorio de Leningrado, impresionado por el último ejercicio que había compuesto Shostakóvich, admitió que era incapaz de entender esas armonías, aunque se ofreció a mantenerse al margen de ellas. Opinaba que nuestro Mitia era, sin duda, el niño mimado del futuro. Un tiempo más tarde, Glazunov afirmaría: *Shostakóvich es una de las mayores esperanzas de nuestro arte*. Mitia, mientras tanto, pálido y con ojos cansados, tras las gafas de montura redonda, observaba a aquellos que lo rodeaban con una melancólica conciencia de su propia vulnerabilidad, que los demás acostumbraban a interpretar como sumisión.

En aquella época tocaba el piano en el cine *La Bobina Brillante* para ayudar a su madre a sostener la familia que, con la muerte del padre, dependía exclusivamente de las clases de piano que ella impartía. Su carácter sarcástico, que difícilmente pudo controlar durante toda su vida, le llevaba en determinados momentos a aporrear el piano para tocar un motivo de *El Ocaso de los Dioses* de Wagner, precisamente en el momento en

и сейчас, двадцать лет спустя, на его плечи ложилась ответственность создать произведение, которое могло бы породить в душах людей гнев и помочь ленинградцам в их сопротивлении. Однако, став студентом Консерватории, этот вундеркинд, которому завидовали сверстники, не верил в функциональность музыки, в произведения, написанные с определенной целью. Когда его учителя приводили ему примеры программной музыки Мусоргского или Римского-Корсакова, Митя — так называла его мать, а теперь и Нина — с взъерошенными волосами отвечал, что эти сочинения можно без потерь очистить от воображаемых тем, а если эта операция оказывалась невозможной, это означало их несостоятельность, как музыкальных произведений. А коли это так, то почему бы не строить сочетания нот, не претендуя разрабатывать какую-то тему? Такой выдающийся деятель культуры, как А.К. Глазунов, директор Ленинградской консерватории, под впечатлением от выпускной работы, сочиненной Шостаковичем, признался, что не был способен понять этих гармоний, но предложил, что не будет вмешиваться в эту работу. По его мнению, наш Митя был, вне всякого сомнения, баловень судьбы будущего. Спустя некоторое время, Глазунов утверждал: *Шостакович — это одна из самых больших надежд нашего искусства*. А тем временем Митя, бледный, с усталыми глазами за круглыми стеклами очков, наблюдал за окружающими с грустью, сознавая свою ранимость, которую остальные обычно принимали за покорность.

В те годы он работал тапером в кинотеатре *Светлая лента*, чтобы помочь матери содержать семью. Она давала уроки фортепьяно, и после смерти отца у семьи не осталось никаких иных доходов. Саркастический характер Шостаковича, с которым ему не всегда удавалось сладить на протяжении всей жизни, вынуждал его иногда набрасываться на клавиши, исполняя вариацию на тему *Гибели богов* Вагнера как раз в тот момент, когда героиню картины, наконец-то, целовал ее возлюбленный. Публика, естественно, ничего не понимала. Ему не исполнилось и двадцати лет, когда Ленинградский

que la heroína recibía –finalmente– el beso de su amante. Lógicamente el público no entendía nada.

No había cumplido los veinte años y ya había estrenado su *Primera Sinfonía* con la Filarmónica de Leningrado (luego confesaría que durante la ejecución de la sinfonía no pudo dejar de pensar en la jovencísima Tatiana Glivenko, que era en aquellos momentos su primer gran amor). El estreno fue un éxito absoluto, hubo una ovación tras otra y tuvieron que hacer un bis del *scherzo*. Después de eso, los experimentos de Mitia fueron aumentando en osadía: en 1928 compuso la música de la ópera *La Nariz* basada en un texto de Gogol y claramente inspirada en la estructura musical de *Wozzeck* de Berg, que ejemplificaba los últimos avances de la música occidental contemporánea y este fue quizá su primer gran error. De cosmopolitismo, claro. Error que pagaría más tarde con creces. No fue casualidad que su obra fuera denunciada por los órganos del Partido como *una muestra de decadencia formalista*. Acusación que iría arrastrando toda su vida, al menos hasta que murió Stalin.

Corría el rumor en Leningrado de que él y sus amigos pertenecían a aquella facción que adoraba la llamada *libertad del artista*. Aquellos eran los días medio salvajes de Ajmátova, incluso aún se permitía recitar en público a Mandelstam, pero pronto recibirían su castigo y a Ajmátova se le prohibió publicar durante veinticinco años. Peor le fue a Mandelstam, que murió hambriento y enfermo en un campo de concentración. Fue entonces cuando se produjo la primera de las muchas visitas de los camaradas activistas que jalonarían la trayectoria vital de Shostakóvich. *Le ruego que me disculpe* –le dijo a uno de los activistas que intentaba señalar sus errores–. *La Nariz solo era... llamémoslo preludio. Espere a ver mi... Quiero decir, ahora que me ha iluminado, seguiré la línea del Partido más rigurosamente en mis óperas posteriores*. Los activistas quedaron satisfechos y Shostakóvich sonrió aliviado. Después de todo había sido fácil.

Pero Dimitri se equivocaba al respirar aliviado. Lo de *La Nariz* no era más que el preámbulo de una cadena de conflictos que llegarían a su punto álgido con el estreno de *Lady Macbeth*. Ya

filarmónico el оркестр впервые исполнил его Первую Симфонию. (Позднее он признается, что во время исполнения Симфонии он не мог выбросить из головы образ молоденькой Татьяны Гливенко, которая в то время была его первой настоящей любовью). Премьера имела огромный успех, аплодисменты долго не стихали, и оркестру пришлось повторить *скерцо* на бис. После этого Митины опыты стали еще более смелыми: в 1928 году он написал музыку для оперы *Нос*, по мотивам рассказа Гоголя. Это произведение, совершенно очевидно, основывалось на музыкальной структуре *Воззек* Берга и отражало последние достижения современной западной музыки. Вероятно, в этом заключалась первая большая ошибка Шостаковича. Ну, конечно, я говорю о космополитизме. За эту ошибку он расплатится сторицей. Не случайно его произведение было осуждено партийными органами, как образец формалистического декадентства. И это обвинение будет преследовать его всю жизнь, по крайней мере, до смерти Сталина.

По Ленинграду ходили слухи о том, что Шостакович и его друзья принадлежали к кружку, который превозносил *свободу художника*. То время было еще полудиким для Ахматовой, Мандельштаму еще разрешали публично читать свои стихи, но очень скоро оба будут жестоко наказаны. Ахматовой было запрещено печататься на протяжении двадцати четырех лет, а судьба Мандельштама оказалась еще трагичнее: он умер от голода и болезней в лагере. Именно тогда и случилось первое из многочисленных посещений Шостаковича товарищами-активистами; эти визиты станут вехами на его пути. *Я умоляю, извините меня*, – сказал композитор одному из активистов, который пытался указать ему на его ошибки, – «Нос» был только ... скажем, прелюдией. Вот увидите, когда мне удастся... Я хочу сказать, что теперь, когда вы меня просветили, я буду точнее следовать линии Партии в своих последующих работах. Удовлетворенные активисты ушли, а Шостакович с облегчением улыбнулся. В конце концов, он легко отделался. Однако Дмитрий ошибался, когда вздыхал с облегчением.



se había estrenado su *Primera Sinfonía* en el extranjero y había tenido un gran éxito; en esos momentos ya se había interpretado en los grandes teatros europeos. A partir de 1929, en aquellos años de hambruna, en que los acólitos de Stalin se afanaban en exterminar a millones de ucranianos, en aplicación del decreto de colectivización del campo, Shostakóvich no logró mejorar su relación con el Partido, sino más bien lo contrario. Los fracasos se fueron encadenando: su partitura para la película muda *Nueva Babilonia* fue rechazada con el argumento de que era una composición demasiado compleja para las orquestas de cine, poco preparadas. Pero lo peor fue que su partitura para el ballet *Siglo de Oro* también sufrió el rechazo de los críticos oficiales del Partido. Esta vez, en una entrevista con los funcionarios de la RAPM (Asociación Rusa de Músicos Proletarios) Dimitri tuvo que recordarles que su abuelo había sido revolucionario en Siberia. *Por desgracia, Dimitri Dimitriyévich* —le contestaron— *ya sabes que el camarada Stalin ha ordenado que solo se publique material que esté en explícita conformidad con la línea del Partido*”. Sus amigos le aconsejaron prudencia. Le dijeron: *Lánzales algo a los lobos, aunque sea un hueso rancio. No te preocupes Dimitri Dimitriyevich; será un sacrificio meramente retórico.*

Entre los años 1930 y 1931 compuso su *Segunda* y *Tercera Sinfonía*. El balance fue ambiguo en ambos casos: se le imputaron los cargos de abstraccionismo, de formalismo y de experimentalismo estéril. En la Unión Soviética la *Sinfonía n.º 3* se interpretó solo en dos ocasiones. Sin embargo, cuando el gran director Leopold Stokowski visitó la Unión Soviética en 1931, se llevó en su maleta la partitura de la *Sinfonía n.º 3* a Estados Unidos donde se interpretó innumerables veces durante 1932 y 1933.

Pero no todo eran sinsabores en Rusia. En 1929 Meyerhold le propuso escribir la música para la escenificación de *La Chinche* de Vladimir Maiakoski. La idea le entusiasmó, Meyerhold además de ser su amigo, estaba considerado como el gran renovador del teatro ruso junto con Stanislavski y en cuanto a Maiakovski, no hace falta decirlo, por el sentían profunda vene-

Historia con *Nosam* была лишь вступлением к целому ряду конфликтов, который достигнет своего апогея, когда будет поставлена *Леди Макбет*. За границей уже прошли премьеры *Первой Симфонии*, и она имела огромный успех. К этому моменту ее уже успели исполнить во всех знаменитых европейских театрах. Начиная с 1929 года, в те голодные годы, когда приспешники Сталина спешили истребить миллионы украинцев, применяя декреты о коллективизации, Шостаковичу не удалось улучшить свои отношения с Партией, скорее произошло обратное. Неудачи следовали одна за другой: его партитура для немого фильма *Новый Вавилон* была отвергнута под предлогом того, что ее композиция была слишком сложна для оркестров, сопровождавших показы фильмов, которые не имели достаточной подготовки. Но еще хуже было то, что партитура его балета *Золотой век* также была отвергнута официальными критиками Партии. На этот раз во время встречи с чиновниками РАПМа (Российской ассоциации пролетарских музыкантов) Дмитрию пришлось напомнить им, что его дед занимался революционной деятельностью и был сослан в Сибирь. *К сожалению, Дмитрий Дмитриевич*, — ответили ему они, — *как ты уже знаешь, товарищ Сталин велел публиковать только произведения, которые открыто соглашаются с линией Партии*. Друзья посоветовали Шостаковичу быть осторожнее. Они сказали ему: *Брось хоть что-нибудь волкам, пусть даже старую кость. И не переживай, Дмитрий Дмитриевич, это будет чисто риторическая жертва.*

В 1930 и 1931 годах Шостакович создал *Вторую* и *Третью* симфонии. Результат в обоих случаях был двойственным: его обвинили в абстракционизме, формализме и бесплодном экспериментаторстве. В Советском Союзе *Симфония N° 3* была исполнена только два раза. Однако, когда великий дирижер Леопольд Стоковский посетил Советский Союз в 1931 году, он увез с собой в чемодане партитуру *Симфонии N° 3* в Соединенные Штаты, где она исполнялась множество раз на протяжении 1932 и 1933 годов.

Однако не все в России складывалось так ужасно. В 1929

ración todos los jóvenes rusos de su generación. *La Chinche* se estrenó en Moscú en 1929 y fue un gran acontecimiento artístico, uno de los mayores éxitos de Meyerhold y el primer trabajo teatral propiamente dicho de Shostakóvich. Lástima que al año siguiente Maiakoski se suicidara de un tiro en el corazón y que Meyerhold fuera detenido en 1939 y fusilado en Febrero de 1940 acusado de espía y de trotskista. Lo peor de esta historia para Shostakóvich fue, quizá, cuando supo que poco después de detener a Meyerhold, habían degollado a su esposa, la bella Zinaida, en su apartamento de Moscú. Y todo porque en el Primer Congreso de Escritores Soviéticos celebrado el mismo año de su detención, Meyerhold había pronunciado un discurso que comenzaba: *Esta cosa indigente, pobre, que se pretende nombrar teatro del realismo socialista, no tiene nada que ver con el arte y es que ¡el teatro es arte!* Lo detuvieron al cabo de unos días.

En 1931 se casó con Nina Varzar, Mitia no lo sabía pero había comprometido su vida con una mujer cuyo destino sería cuidarlo y como ella misma decía *protegerlo del mundo*. Ese mismo año tuvo lugar el estreno de su ballet *El Tornillo*. Un crítico de *Rabochi i Teatr* escribió que: *La reacción de la gente a ese espectáculo insensato debía servir como advertencia a su compositor*. ¿Hasta qué punto el comentario de este crítico era una advertencia indirecta de los órganos del Estado? Este tipo de dudas lo perseguían constantemente. ¿No sería mejor acaso que se lo dijeran directamente? Mientras tanto Anna Ajmátova escribía estos versos prohibidos:

“En este lugar bellezas sin par se pelean
Por el privilegio de casarse con verdugos”

A finales de 1934 se produjo una catástrofe cuyas consecuencias nadie en la Unión Soviética podía prever, excepción hecha claro está, de su autor intelectual, o sea del camarada Stalin. El hecho es que el camarada Kirov, el todopoderoso jefe del Partido en Leningrado y miembro del Comité Central del Partido Comunista, fue asesinado el uno de diciembre y esta sería la excusa para desencadenar las purgas políticas que durante los tres años siguientes conducirían a la muerte a decenas de miles

de gente. En 1934 Mejerhold le ofreció a Shostakovich escribir música para la ópera *La Chinche* de Vladímir Mayakovski. Esta idea inspiró al compositor. Mejerhold no sólo fue su amigo, sino también su mentor, al igual que Stanislavski, el gran innovador en el teatro ruso. De Mayakovski no había nada que decir: él sinceramente admiraba a toda la juventud de su generación Shostakovich. La ópera *La Chinche* se estrenó en Moscú en 1934 y fue un gran acontecimiento en el arte, una de las mejores obras de Mejerhold y el primer auténtico teatro producido por Shostakovich. Lamentablemente, un año después Mayakovski se disparó en el pecho, y Mejerhold fue detenido en 1939 y ejecutado en febrero de 1940 por acusación de espionaje y trotskismo. Lo más doloroso para Shostakovich en esta historia fue el hecho de que, poco después de detener a Mejerhold, habían degollado a su esposa, la bella Zinaida, en su apartamento de Moscú. Y todo porque en el Primer Congreso de Escritores Soviéticos celebrado el mismo año de su detención, Mejerhold había pronunciado un discurso que comenzaba: *Esta cosa indigente, pobre, que se pretende nombrar teatro del realismo socialista, no tiene nada que ver con el arte y es que ¡el teatro es arte!* Lo detuvieron al cabo de unos días.

En 1931 Shostakovich se casó con Nina Varzar; Mitia aún no sabía que había comprometido su vida con una mujer cuyo destino sería cuidarlo y como ella misma decía *protegerlo del mundo*. Ese mismo año tuvo lugar el estreno de su ballet *El Tornillo*. Un crítico de *Rabochi i Teatr* escribió que: *La reacción de la gente a ese espectáculo insensato debía servir como advertencia a su compositor*. ¿Hasta qué punto el comentario de este crítico era una advertencia indirecta de los órganos del Estado? Este tipo de dudas lo perseguían constantemente. ¿No sería mejor acaso que se lo dijeran directamente? Mientras tanto Anna Ajmátova escribía estos versos prohibidos:

Здесь девушки прелестнейшие спорят
За честь достаться в жены палачам...

de hombres y mujeres, muchos de ellos inocentes.

En 1935, cuando Stalin decretó que los chicos de doce años podían ser condenados a muerte y Ajmátova escribía que: *Sin ahorcados y sin horca un poeta no tiene sentido en este mundo*, el estreno de su *Sonata para violonchelo y piano en re menor, op. 40* provocó la iracunda confusión de las autoridades y no obstante, en esta sonata Shostakóvich había llegado a un punto culminante en su expresión lírica, que no podía entenderse sin la pasión adúltera que vivió de forma desbocada durante los meses de su composición con Elena Konstantinovskaya, aquella joven que le había presentado tres años antes su amigo y protector, el músico Sollertinski, como una gran promesa recién salida de Komsomol (Elena tenía entonces quince años) y que ahora ya se ganaba la vida como traductora. De hecho, Elena lo amó sin ninguna esperanza, a pesar de que Mitia había hecho un amago de separación de Nina. El primer tiempo de su pasión finalizaría con el *Opus 40*, cuando en una noche de aquel verano, una insomne Elena marcó, por fin, el número de Shostakóvich. Nina respondió y dijo secamente: *se queda conmigo*. Nina estaba embarazada de su primer hijo. Poco tiempo después, Elena desaparecería engullida por una de esas furgonetas nocturnas de los hombres del NKVD y llevada a un lugar remoto. Tuvo suerte, un año después reapareció en Leningrado y nunca se supo de qué la habían acusado, ella al menos, no lo dijo. Volverían a verse intermitentemente con Shostakóvich y siempre sería una relación apasionada y amarga.

Desde 1930 Shostakóvich había trabajado en *Lady Macbeth en el distrito de Mzensk*, basada en un libro de Nikolái Leskov, que finalmente se estrenó en 1934, casi simultáneamente en Leningrado y Moscú. Su presentación se esperaba con expectación, pues Shostakóvich ya se había ganado merecidamente la fama *d'enfant terrible* de la música soviética. La protagonista es una mujer adúltera, asesina en tres ocasiones y finalmente, desdeñada por el villano por el que lo había hecho todo, una suicida. Para Leskov era una depredadora, para Shostakóvich era bella, inteligente y estaba condenada de antemano. Las dos representaciones constituyeron un éxito absoluto de crítica y de

В конце 1934 случилось несчастье, последствий которого никто в Советском Союзе предвидеть не мог, за исключением, естественно, человека, составившего этот план, то есть товарища Сталина. Дело было в том, что товарищ Киров, всемогущий лидер Партии в Ленинграде и член Центрального Комитета Коммунистической партии, был убит первого декабря. Это послужило предлогом для начала политических чисток, которые на протяжении трех последующих лет привели к гибели десятков тысяч мужчин и женщин; многие из них не были виноваты ни в чем.

В 1935 году, когда по распоряжению Сталина детей старше двенадцати лет смогли приговаривать к смертной казни, и Ахматова писала: ... *Без палача и плахи / Поэту на земле не быть*, премьера *Сонаты Шостаковича для виолончели и фортепиано ре минор, op. 40* вызвала яростное замешательство властей. В этом произведении Шостакович достиг наивысшей точки лирического самовыражения, которое невозможно понять, если не знаешь о страстном увлечении женатого композитора Еленой Константиновской, которое длилось на протяжении месяцев создания сонаты. Тремя годами раньше молодую девушку представил Шостаковичу его друг и покровитель, музыковед Соллертинский, назвав ее подающей надежды комсомолкой (в то время Елене было пятнадцать лет), а теперь она уже работала переводчицей. По сути дела Елена любила композитора безнадежной любовью, несмотря на то, что Митя сделал слабую попытку оставить Нину. Первая часть его романа закончится созданием *Opus 40*, когда однажды бессонной ночью Елена, наконец, позвонила Шостаковичу по телефону. Трубку взяла Нина и сухо сказала: *он остается со мной*. Нина ждала своего первого ребенка. Спустя некоторое время Елена исчезла в чреве одного из воронок агентов НКВД и была отправлена в какие-то дальние края. Ей повезло, через год она снова вернулась в Ленинград. В чем ее обвинили, так и осталось неясным, по крайней мере, сама она никому об этом не рассказала. Они с Шостаковичем время от времени встречались, и их отношения всегда были отмечены горечью и страстью.



El Instituto Smolny, antigua sede del Partido Comunista de Leningrado.

Смольный институт, где раньше находился Обком КПСС.

público. La ópera se mantuvo durante los dos años siguientes en la programación de ambos teatros y obtuvo una gran proyección internacional interpretándose en los principales teatros del mundo occidental. El éxito de *Lady Macbeth* supuso un respiro para Shostakóvich y un periodo tranquilo entre los años 1934-1935, proporcionándole fama universal. A partir de 1934 sus obras se interpretaron, se grabaron y se editaron cada vez con más frecuencia y en no pocos casos, fueron objeto de vivos debates. A los ocho años de estrenar su *Sinfonía n.º 1* Shostakóvich formaba parte de la élite de los compositores del siglo XX y esta fama universal le salvó la vida.

A finales de enero de 1936, Shostakóvich tuvo un despertar brusco del sueño plácido en el que se hallaba sumido. Una llamada de Moscú le comunicó que el día 26 Stalin asistiría, por primera vez, a una representación de *Lady Macbeth* y el autor debía estar presente. El día anterior a la representación prácticamente no durmió. ¿Qué le diría a Stalin cuando le fuese presentado? No podía imaginar la conversación que tendrían. La noche de la representación, en el palco del Gobierno, se sentaron Stalin, Mólotov, Mikoyán y Zhdánov; prácticamente la Plana Mayor del Estado. Shostakóvich soportó impaciente y sudoroso toda la representación y recordaría durante

Nачиная с 1930 года, Шостакович работал над оперой *Леди Макбет Мценского уезда*, написанной по мотивам повести Николая Лескова. Премьера оперы состоялась в 1934 году, почти одновременно в Петербурге и в Москве. Этих постановок ожидали с нетерпением, потому что Шостакович к этому времени уже заслуженно пользовался славой *enfant terrible* советской музыки. Главным действующим лицом этого произведения была женщина, изменявшая мужу, жертвами которой становятся три человека. К тому же, отвергнутая мерзавцем, ради которого ей пришлось совершить преступления, героиня кончает жизнь самоубийством. Для Лескова это была хищница, а Шостакович увидел в Катерине прекрасную и умную женщину, осужденную на гибель с самого начала. Обе премьеры имели огромный успех и у зрителей, и у критики. Опера продержалась в репертуаре обоих театров на протяжении двух последующих лет и получила международное признание. Ее ставили все ведущие театры западного мира. Успех *Леди Макбет*, принесший композитору международную известность, позволил Шостаковичу немного вздохнуть и жить спокойно на протяжении 1934 и 1935 годов. Начиная с 1934 года его произведения все чаще исполнялись, издавались и записывались, и нередко

mucho tiempo la ansiedad que experimentó en aquella butaca que lo inmovilizaba. Cuando acabó la representación, Stalin y sus acompañantes, casi sin aplaudir ni saludar al público, abandonaron bruscamente el palco y se fueron. El público, sorprendido, se quedó casi inmovilizado. Este desprecio de Stalin por el espectáculo que había contemplado era inaudito, no tenía precedentes. Shostakóvich tuvo la sensación de que el mundo se hundía literalmente a sus pies. Aquello era lo más parecido a una sentencia de muerte.

Al día siguiente, ya en la estación para tomar el tren de vuelta, Shostakóvich compró el *Pravda* y leyó un largo y demoledor artículo titulado: *Caos por música —a propósito de la ópera Lady Macbeth de Mzensk*. Y su asombro inicial se fue convirtiendo en un terror progresivamente creciente. En el artículo se *desenmascaraba el oscurantismo burgués de esta ópera* y resaltaba venenosamente *el éxito que ha tenido esta obra entre el público burgués del extranjero...* *¿No sería esto acaso porque esta música degenerada, estridente, y neurasténica halaga el gusto degradado de la audiencia burguesa?*. En un banco de la estación, Shostakóvich puso el periódico sobre sus rodillas, bajó la cabeza, se quitó las gafas y se puso a sollozar como un niño. El artículo carecía de firma, lo cual significaba que expresaba la opinión del Partido o del aparato del Estado.

Sentado en el banco de la Plaza del Teatro, Dimitri Shostakóvich, recuerda aquel periodo entre enero de 1936 y finales de 1937 como una pesadilla infernal que solo acabaría con el estreno de su *Sinfonía n.º 5*. Primero fue el Sindicato de Compositores de Leningrado que lo emplazó para debatir los cargos que se habían presentado contra él, pero Dimitri se negó a acudir a la reunión. *Mitia... Mitia, debes ir*, le suplicaba Nina, *te juegas la vida*. Ella no lo entendía, no era en absoluto un arranque de dignidad, de tozudez, era sencillamente cansancio, un profundo cansancio. Había entrado en una profunda depresión. El cerco proseguía: el 10 de febrero, el Comité Central de Asuntos Artísticos de la Unión, urgió y exhortó públicamente a Shostakóvich a que se redimiera... por ejemplo, mediante el estudio de la melódica música folclórica de cada zona soviética.

se convirtieron en objeto de furiosas discusiones. Después de ocho años tras el estreno de su Primera sinfonía, Shostakóvich ya estaba en el número de los grandes compositores del siglo, y esta fama mundial le salvó la vida.

En el mes de enero de 1936 Shostakóvich, que estaba en un dulce sueño en los últimos días, fue repentinamente muy agitado. De Moscú le por teléfono le informaron, que el 26 de febrero Stalin visitará por primera vez la puesta en escena de *Lady Macbeth*, y que al autor le corresponde estar en el teatro. Al día siguiente el compositor no pudo cerrar los ojos toda la noche. Lo que él dirá a Stalin, cuando él lo presente al jefe? Shostakóvich no pudo presentarse a sí mismo, qué conversación puede haber entre ellos. Por la noche en el teatro en el salón de la administración aparecieron Stalin, Molotov, Mikoyan y Zhdanov — prácticamente todos los jefes del Estado. Shostakóvich, cansado, con impaciencia esperaba el final de la puesta en escena, y después será mucho tiempo recordar la tensión, que él experimentaba sentado inmóvil en el sillón. Cuando la puesta en escena terminó, Stalin y los que lo acompañaban, sin saludar a los espectadores y casi sin aplaudir, repentinamente dejaron el sofá y se fueron. La audiencia por unos minutos se quedó en silencio. Un momento después Shostakóvich se levantó, miró a Stalin y los que lo acompañaban, pero sin saludar a los espectadores y casi sin aplaudir, repentinamente dejó el sofá y se fue. Un momento después Shostakóvich se levantó, miró a Stalin y los que lo acompañaban, pero sin saludar a los espectadores y casi sin aplaudir, repentinamente dejó el sofá y se fue. Un momento después Shostakóvich se levantó, miró a Stalin y los que lo acompañaban, pero sin saludar a los espectadores y casi sin aplaudir, repentinamente dejó el sofá y se fue.

Al día siguiente, cuando Shostakóvich fue al teatro, para ir a la reunión, él compró el periódico *Pravda* y leyó un largo y demoledor artículo titulado: *Caos por música. Sobre la ópera «Lady Macbeth de Mzensk»*. Y su asombro inicial se fue convirtiendo en un terror progresivamente creciente. En el artículo se *desenmascaraba el oscurantismo burgués de esta ópera* y resaltaba venenosamente *el éxito que ha tenido esta obra entre el público burgués del extranjero...* *¿No sería esto acaso porque esta música degenerada, estridente, y neurasténica halaga el gusto degradado de la audiencia burguesa?*. En un banco de la estación, Shostakóvich puso el periódico sobre sus rodillas, bajó la cabeza, se quitó las gafas y se puso a sollozar como un niño. El artículo carecía de firma, lo cual significaba que expresaba la opinión del Partido o del aparato del Estado.

Sentado en el banco de la Plaza del Teatro, Dimitri Shostakóvich, recuerda aquel periodo entre enero de 1936 y finales de 1937 como una pesadilla infernal que solo acabaría con el estreno de su *Sinfonía n.º 5*. Primero fue el Sindicato de Compositores de Leningrado que lo emplazó para debatir los cargos que se habían presentado contra él, pero Dimitri se negó a acudir a la reunión. *Mitia... Mitia, debes ir*, le suplicaba Nina, *te juegas la vida*. Ella no lo entendía, no era en absoluto un arranque de dignidad, de tozudez, era sencillamente cansancio, un profundo cansancio. Había entrado en una profunda depresión. El cerco proseguía: el 10 de febrero, el Comité Central de Asuntos Artísticos de la Unión, urgió y exhortó públicamente a Shostakóvich a que se redimiera... por ejemplo, mediante el estudio de la melódica música folclórica de cada zona soviética.

Shostakóvich guardaba silencio, esperaba. Había solicitado una entrevista con el camarada Stalin, pero éste no parecía dispuesto a ello. Su antigua amante Elena Konstantinovskaya había vuelto a Leningrado después de su exilio en tierras innombrables. Ella le dijo: *Siento mucho lo ocurrido con Lady Macbeth*. Él le dijo: *Bueno Elena, ya ves que puedes considerarte afortunada por no haberte casado conmigo*. Ella lo miraba con cariño, él sabía que ella lo amaba, que siempre sería así, pero... *Mitja* —dijo ella—, *me da miedo tu dolor, pasa la noche conmigo, a Nina no le importará*.

La representación de la ópera *Lady Macbeth de Mzensk* fue prohibida en todo el territorio Soviético durante 26 años. En todo este tiempo fue interpretada innumerables veces en el mundo occidental.

Parecía que todo se desmoronaba a su alrededor, era como si todo el mundo hubiera enloquecido: detuvieron a su cuñado, desterraron a su hermana al Asia Central, todo en base a unas acusaciones sin fundamento, infantiles. Se sentía incapaz de componer y había nacido su primera hija, Galina. Detuvieron a su viejo amigo, el mariscal Tujachevski, el héroe de Polonia, el mejor estratega del Ejército Rojo, violinista y seguidor apasionado de la música de Shostakóvich. Cayó en uno de los grandes procesos de Moscú, en los que el camarada Stalin descabezó sin piedad al ejército soviético. Lo condenaron y lo fusilaron. En cumplimiento de la Ley, también fusilaron a su madre, a su esposa, a dos hermanos y a una de sus hermanas. Shostakóvich estaba aterrorizado, la marea de la maldad lo inundaba todo y llegaba a sus pies. No entendió, en ese momento, que la defensa de la revolución exigía ser implacable con sus mejores hijos. Hanna Arendt, años después reflexionaría: *Quien optaba por la Revolución asumía que debía renunciar a la bondad*.

Fue requerido en las oficinas de la NKVD en la Avenida Liteini. Querían saber si era cierto que había tocado duetos de violín con el *enemigo del pueblo* Tujachevski. Lo reconoció. Le preguntaron por la cuestión de los códigos musicales. ¿Qué

вокзальной скамейке, Шостакович опустил газету на колени, опустил голову, снял очки и заплакал, как ребенок. Статья не была подписана, а это означало, что она выражала мнение Партии или правительства.

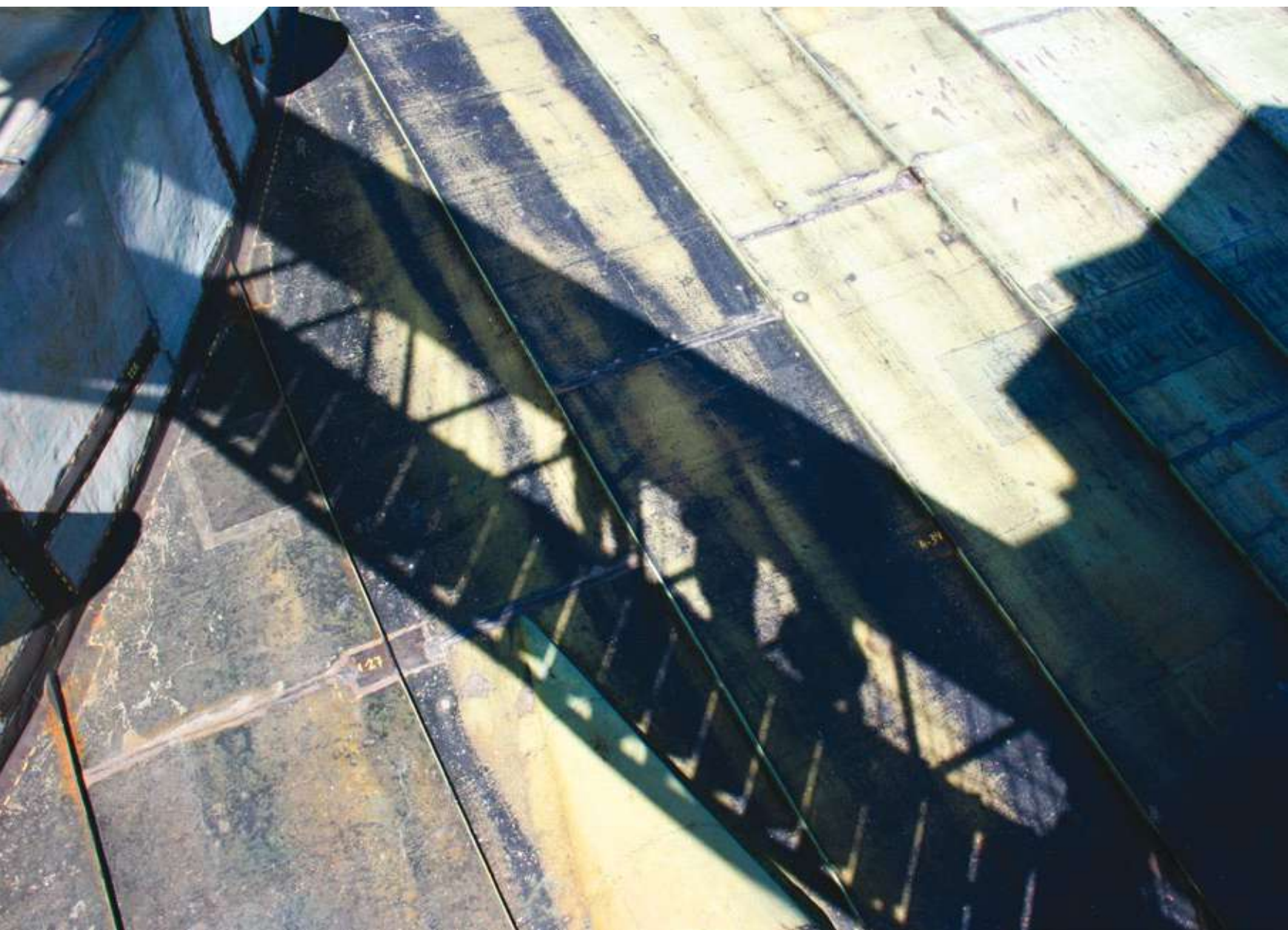
Теперь, на лавочке на Театральной площади, Дмитрий Шостакович вспоминает этот период между январем 1936 и концом 1937 как адский кошмар, который закончится только после премьеры *Пятой Симфонии*. Сначала Ленинградское отделение Союза композиторов вызвало автора «Леди Макбет» для обсуждения обвинений, которые против него выдвигались, но Дмитрий Дмитриевич отказался пойти туда. *Митя... Митя, ты должен пойти*, — умоляла его Нина, — *Твоя жизнь в опасности*. Она не понимала, что за его отказом стояла не оскорбленная гордость и не упрямство. Он просто безумно, смертельно устал. У него началась глубокая депрессия. Осада продолжалась: 10 февраля Всесоюзный комитет по делам Искусств публично настоял на том, чтобы Шостакович искупил свою вину ... например, посредством изучения мелодий фольклорной музыки различных зон Советского Союза.

Шостакович выжидал и хранил молчание. Он подал прошение товарищу Сталину с просьбой принять его, но вождь, казалось, не стремился удовлетворить ее. Бывшая любовница композитора, Елена Константиновская, к этому времени уже вернулась в Ленинград из мест, которые не следовало называть. Она сказала ему: *Я очень жалею о том, что случилось с «Леди Макбет»...* Он ответил ей: *Вот видите, Елена, как хорошо, что вы не вышли за меня замуж*. Елена смотрела на него с нежностью, он знал, что она его любит, и что так будет всегда, но... *Митя*, — сказала она, — *меня пугает твоя боль, останься у меня на ночь, Нине это безразлично*.

Постановка оперы Леди Макбет Мценского уезда была запрещена на территории СССР на протяжении 26 лет. Все это время опера множество раз с успехом ставилась в различных западных театрах.

Detalle de la cubierta de la catedral de San Isaac.

Фрагмент кровли Исаакиевского собора.



mensajes se podían transmitir mediante un violín? ¿Y por qué colgaba aún un retrato del enemigo del pueblo en la pared del piso del ciudadano Shostakóvich? ¿Sabía algo de la conspiración de Tujachevski para matar a Stalin? Dimitri se salió como pudo en las respuestas y finalmente le dijeron: *hoy es sábado, vete a casa, pero el lunes más vale que vuelvas y más te vale que recuerdes algo, esto es muy serio*. Dimitri durmió el sábado y el domingo totalmente vestido y con una pequeña maleta con lo más imprescindible al lado, por si venían a buscarlo por la noche. Cuando volvió el lunes a la Avenida Liteini le dijeron: *puedes volver a casa, estas libre*. Lo que le salvó fue que el domingo habían detenido a su interrogador, acusado de... En aquellos años las cosas eran así.

Su *Quinta Sinfonía* recibió una estruendosa ovación en su estreno en 1937. En Leningrado el *largo* del tercer movimiento provocó, literalmente, lágrimas. El director Mavrinski agitó la partitura en el aire. Shostakóvich palideció y desfalleció mientras proseguía el desafiante aplauso. Esas muestras de júbilo fueron como un desafío al camarada Stalin. Ese mismo año tuvo la sensatez de componer una suite de jazz inspirada en *Suliko*, la canción favorita de Stalin.

Se había retirado un poco, de eso no hay duda, regresó a una actitud más introspectiva. Había nacido su segundo hijo Máxim y en lo que se refería a su llamada *carrera* aun albergaba esperanzas de componer la música que él quisiera, pero solo de vez en cuando y si la presentaba de un modo servil. A pesar de que lo seguían denominando oficialmente *enemigo del pueblo Shostakóvich*, los órganos del Partido habían aflojado la presión sobre él, incluso le habían permitido alquilar una dacha cerca de Luga y fue allí precisamente donde durmió por última vez en los brazos de Elena Konstanstinovskaya. En un determinado momento Dimitri se dio cuenta que ésta lloraba: *Elena querida ¿por qué lloras? —Me voy a ir a España y no regresaré nunca más —respondió ella—, y he dibujado un corazón en la pared, tras el cabezal de la cama, donde nunca lo verán. No quiero que lo mires y no volveré a besarte jamás*. En aquel momento, Elena ya había iniciado una relación estable con Roman Karmen con

Kazalось, весь мир, окружавший композитора, рушился, что все обезумели. Арестовали его зятя, а сестру сослали в Среднюю Азию — и все это на основании беспочвенных, ребяческих обвинений. Шостакович был не в состоянии сочинять музыку, а в это время родился его первый ребенок, дочь Галина. Задержали его старого друга, маршала Тухачевского, героя польских событий, самого талантливого стратега Красной армии, скрипача и страстного поклонника музыки Шостаковича. Он оказался в центре одного из больших московских процессов, во время которых товарищ Сталин безжалостно обезглавил советские войска. Тухачевскому вынесли обвинительный приговор и его расстреляли. Во исполнение закона казнили также его мать, жену, двух братьев и одну из сестер. Шостакович был в ужасе, волна злодеяний заливала все вокруг и подкатывалась к его ногам. В это время он не понимал, что защита революции требовала быть беспощадным по отношению к лучшим сыновьям родины. Позднее Ханна Ардент размышляла: *Те, кто вставали на сторону Революции, принимали необходимость отказаться от добродетели*.

Шостаковича вызвали в управление НКВД на Литейном проспекте. Следователи хотели знать, действительно ли он играл скрипичные дуэты с *врагом народа* Тухачевским. Композитор этого не отрицал. Его стали спрашивать о создании музыкальных кодов. Какие сообщения можно передать при помощи скрипки? И почему на стене в квартире гражданина Шостаковича еще висел портрет врага народа? Знал ли композитор о заговоре Тухачевского с целью убить Сталина? Дмитрий пытался отвечать, как мог, и, наконец, ему сказали: *Сегодня суббота, иди домой, но в понедельник будет лучше, если ты вернешься сюда и вспомнишь что-нибудь; дело это серьезное*. Шостакович проспал две ночи — в субботу и в воскресенье, — не раздеваясь, и поставив рядом с кроватью маленький чемоданчик, в который собрал все необходимое, на тот случай, если его придут забирать ночью. Когда в понедельник он снова явился на Литейный ему сказали: *можешь идти домой, ты свободен*. Его спасло то, что

el que, más tarde, se casaría tras participar juntos en el rodaje del documental sobre la guerra del pueblo español frente el fascismo que les valdría los mayores reconocimientos en la Unión Soviética. Elena, pues, se alejaba y él se aproximaba poco a poco a una *entente* con la línea oficial del Partido. Su último paso lo dio en otoño de 1938 cuando anunció que su próxima *Sexta Sinfonía* estaría dedicada a Lenin y que incluiría referencias folclóricas. La noche del estreno, sin embargo, los críticos no hallaron en su música ni una sola referencia a Lenin y recibió críticas desdeñosas por su parte. Hasta el final de sus días nunca olvidó esta humillación, pero, como mínimo, sentía que su vida ya no corría peligro. De hecho, en 1941, su *Quinteto para piano en sol menor, op. 57* recibió el premio Stalin. Se había salvado, de momento.

Dimitri se levanta del banco y se dirige al río Fontanka, hasta alcanzar el Palacio Shemeretev, también llamado *La casa de las fuentes*, donde Ajmátova convive desde hace años con otras familias en las habitaciones del servicio de la tercera planta. El pequeño apartamento pertenecía a su tercer marido: Nicolái Punín, el culto y prestigioso historiador de arte, que pasó por la cárcel en 1938, acusado de... Ajmátova le recibe altiva y melancólica, como siempre, enfundada en la negra bata de seda adornada con un dragón plateado y abrochada en la parte de atrás. Todas las mujeres envidiaban su físico esbelto y de una elegancia pretérita —no en vano, había pasado su infancia en Tsárskoe Seló, en la corte de los Zares— pero ahora, el hambre también la está devastando. *Ana Andreievna ¿tu hijo...?* Ana baja los ojos, ...*nada, no sé nada Dimitri...* Su hijo Lev, ha pasado dieciséis años de su vida entrando y saliendo de la prisión o de los campos de concentración, no en vano es hijo de Ajmátova y del poeta Gumiliov, falsamente acusado de monárquico y traidor a la revolución y que fue fusilado en 1921. Pasando de una habitación a otra, la sombra de las hojas del arce real que preside el jardín posterior de la casa, crea una atmósfera intemporal, que sugiere a Shostakóvich la imagen de una mujer anclada en sus recuerdos, entre la penumbra de estas habitaciones. Cuando detuvieron a Lev y

в воскресенье задержали человека, который его допрашивал, и обвинили в ... В те годы случались такое.

В 1937 году *Пятая симфония* Шостаковича была исполнена с огромным успехом. В Ленинграде *largo* третьей части вызвало, буквально, слезы. Дирижер Мравинский размахивал партитурой в воздухе. Шостакович поблелел и с трудом держался на ногах, пока длилась дерзкая орация. Это выражение восторга было вызовом товарищу Сталину. В том же году композитор разумно создал джазовую сюиту, вдохновенную любимой песней Сталина, *Сулико*.

Шостакович немного уединился, в этом нет никакого сомнения, и снова занял интроспективную позицию. В семье родился второй ребенок, Максим, а что касается так называемой *карьеры*, то композитор еще хранил надежды писать ту музыку, которая ему нравилась, но теперь только изредка показывал плоды своего творчества, стараясь угодить властям. Несмотря на то, что его по-прежнему официально называли *врагом народа Шостаковичем*, партийные органы несколько ослабили свое давление на него и даже позволили ему снять дачу недалеко от Луги, где он в последний раз смог уехать в объездах Елены Константиновской. В какую-то минуту Дмитрий заметил, что она плачет: *Елена, дорогая, почему ты плачешь? — Я еду в Испанию и больше уже никогда не вернусь*, — ответила она. — *За изголовьем кровати я нарисовала на стене сердце, там его никто и никогда не увидит. Я не хочу, чтобы ты на него смотрел, и никогда больше не поцелую тебя*. В это время Елена уже вступила в серьезные отношения с Романом Карменом, за которого впоследствии выйдет замуж, после того как они вдвоем будут участвовать в съемках документального фильма о войне испанского народа против фашизма. Эта лента принесла им обоим славу и признание в Советском Союзе. Таким образом, Елена отдалялась от него, а Шостакович постепенно прийти к некоему *союзу* с официальной линией Партии. Последний шаг в этом направлении был им сделан осенью 1938 года, когда композитор объявил, что его следующая *Шестая симфония* будет посвящена Ленину, и в нее будут включены фольклорные мотивы. Однако,



Río Moika y el templo del Salvador sobre la sangre derramada.

Река Мойка и храм Спаса-на-Крови.

durante más de un año, Ajmátova atravesó el jardín cada día, en verano y en invierno. Cada día salió a la calle para ver a su hijo a la cárcel, a la temida cárcel de Las Cruces. Allí se ponía al final de la larguísima cola y esperaba junto a otras madres, esposas e hijas para poder ver al prisionero o por lo menos dejarle un recado o un poco de comida. O solo para saber si aún estaba vivo. La mayoría de las veces la espera era inútil y las puertas de la cárcel se cerraban sin que las mujeres de la cola pudieran ver a los suyos. Una mañana, una de las mujeres de la cola, la reconoce: *¿Y usted puede dar cuenta de esto?* le pregunta y Anna Ajmátova le responde: *puedo*. Y así, a partir de aquel día, Ajmátova empieza a componer y a guardar en la memoria el poema *Réquiem*, expresión de la más inmensa tristeza de la que es capaz el alma humana. Ajmátova escribió: *Estaba entonces entre mi pueblo y con él compartía su desgracia*. Este poema, que pasaría a formar parte de la historia de la Rusia moderna, no se publicaría hasta 1963 en Múnich, ya que en la Unión

вечером во время премьеры критики не нашли в его музыки никаких упоминаний о Ленине и написали о его новом произведении презрительные отзывы. До конца своих дней Шостакович не забыл этого унижения, но, по крайней мере, теперь он чувствовал, что его жизни не угрожает опасность. Более того, в 1941 году он получил Сталинскую премию за свой *Фортепианный квинтет Соль минор, оп. 57*. Композитор спасся, на данный момент.

Дмитрий поднимается с лавочки и шагает в сторону реки Фонтанки, чтобы дойти до Шереметьевского дворца, который называют также *Фонтанным домам*, где вот уже несколько дней в комнатах для прислуги на третьем этаже живет вместе с другими семьями Анна Ахматова. Маленькая квартирка принадлежала ее третьему мужу, Николаю Пунину, культурнейшему человеку и выдающемуся искусствоведа, который в 1938 году был арестован по обвинению в... Ахматова принимает композитора, как всегда печальная и гордая,

Soviética no se podía publicar una obra de estas características y fragmentos de *Réquiem* se conservaron memorizadas por ella y sus amigos, para que no quedase ninguna constancia escrita de su desobediencia.

Dimitri, sentado en un sillón desvencijado junto a la ventana, le entrega a Ajmátova un grueso paquete atado con hilo, que contiene la partitura para piano de los tres primeros movimientos de la *Sinfonía n.º 7 Leningrado*. Ana será evacuada en avión, junto a otros artistas y científicos notables de Leningrado, en los próximos días. Stalin ha dado la orden de salvar a la élite cultural y científica del país, retirándola de la línea del frente y trasladándola de Moscú y Leningrado hacia la extensa retaguardia rusa. Este ejército de intelectuales seguirá produciendo para la salvación de la patria desde lugares como Kazán, Kúibyshev o Tashkent. Cuando Ajmátova —la musa de Leningrado— toma asiento en el avión hacia Moscú, sobre su falda solo descansará un paquete con las tres primeras partes de la *Sinfonía Leningrado*, sobre el que coloca amorosamente sus delgadas manos, de la misma manera como las colocaba sobre su hijo cuando nació.

A mediados de octubre cayó la primera nevada en Leningrado. Esta vez, en los ojos de sus habitantes solo había desolación. El invierno ruso, en una ciudad sin combustible, con el sistema de suministros colapsado, presagiaba lo que más tarde se produjo: el invierno más trágico de la historia de la ciudad, que se cobraría entre seiscientos mil y un millón de muertos de hambre y de frío. Entre los copos de nieve, aparecen en la azotea, una vez más, los hombres de las altas botas y abrigos de cuero, enviados por Zhdánov, el comisario de defensa de Leningrado. *Camarada Shostakóvich* —dicen los visitantes—, *tú y tu familia seréis evacuados en un avión especial. Eres un músico que gusta a los intelectuales capitalistas y ahora los necesitamos para que abran un segundo frente. Y no pongas reparos Dimitri Dimitriyévich, a menos que sea cierto lo que dicen: que estas esperando a los alemanes*. Por los altavoces, en las calles, se oía la voz de Olga Berggolts llamando a la resistencia al pueblo de Leningrado y es que en aquella ciudad, los poetas se venían abajo y morían de cansancio tras

odetая в черный шелковый халат, украшенный серебристым драконом и застегнутый на спине. Все женщины завидовали ее стройности и изяществу прошлых эпох, недаром она выросла в Царском Селе, загородной резиденции царей. Но теперь голод тоже отметил ее своей печатью. *Анна Андреевна, что с сыном?* Анна опускает глаза ... *ничего, ничего я не знаю, Дмитрий...* Сын Ахматовой, Лев провел шестнадцать лет своей жизни то попадая в тюрьму, то выходя из нее, то отправляясь в лагерь, недаром он был сыном Ахматовой и поэта Гумилева, который был несправедливо осужден, как монархист и предатель революции, и расстрелян в 1921 году. Они переходят из одной комнаты в другую, и тени листьев старого клена, который возвышается в саду за домом, создают вневременную обстановку, которая порождает в голове Шостаковича образ женщины, погруженной в свои воспоминания в полумраке этих комнат. С тех пор как Льва арестовали, больше года, Ахматова пересекала этот сад каждый день, зимой и летом. Каждый день она ходила в страшную Крестовскую тюрьму, чтобы увидеть сына. Там она вставала в конец длинной очереди и ждала вместе с другими матерями, женами и дочерьми, которые хотели увидеть заключенных или, по крайней мере, передать им записку или немного еды. Или просто чтобы узнать, живы ли их близкие. Чаще всего ожидание оказывалось бесполезным, и двери тюрьмы закрывались перед женщинами, которые напрасно надеялись увидеть своих близких. Однажды утром в очереди ее узнали, и одна женщина спросила ее: *А это вы можете описать?* Анна Ахматова ответила ей: *Можу*. И с этого дня Ахматова начала создавать поэму *Реквием*, выразившую всю глубину скорби, на которую способно душа человека. Это произведение, ставшее впоследствии частью истории современной России, будет опубликовано только в 1963 году в Мюнхене, потому что подобное произведение нельзя было напечатать в Советском Союзе, и фрагменты *Реквиема* хранились в памяти Ахматовой и ее друзей, чтобы не существовало никаких письменных доказательств неповиновения поэта.

pasar incontables horas de pie leyendo sus versos en la radio. Mitia, Nina, Galina y Maxim subieron al avión que los sacaría del infierno unos días más tarde. Llevaban dos maletas y dentro de un edredón, la partitura orquestal de la *Sinfonía n.º 7*, así como la de su amada hija *Lady Macbeth*.

En Moscú se consideraba inminente la caída de la ciudad y en las estaciones ferroviarias reinaba el caos más absoluto. Shostakóvich y su familia, a media noche, en la estación de Kazán, rodeados de una humanidad que arrastraba como podía sus maletas, entre los ronquidos de aquellos que dormían en los bancos y la sinfonía de sirenas anunciando más bombardeos alemanes, tuvieron que decidir, precipitadamente, a qué destino se dirigirían. En Tashkent estaban muchos de sus amigos: Ajmátova, Glikman... Pero allí también se encontraba Elena. Nina decidió que irían a Kúibyshev (la actual Samara), la nueva capital de facto. Llegaron allí, en plena nevada el 22 de octubre.

En noviembre, tres mil habitantes de Leningrado morían de hambre cada día y en Diciembre ya eran entre seis y diez mil personas las que sucumbían diariamente por el hambre y el frío. Shostakóvich estaba angustiado por el recuerdo de su madre, que se había quedado sola en Leningrado y la imaginaba buscando un agujero en el hielo que cubría el Neva para encontrar agua, entre niños con los ojos hinchados y ancianas enloquecidas que no paraban de temblar. Nadie tenía fuerzas para contar los muertos ni para llorarlos y se había desatado una plaga de casos de canibalismo en la ciudad que nunca se llegaría a contabilizar. Ajmátova escribió en el *Réquiem* esta frase premonitrice: *Fue la época en que solo los muertos podían sonreír felices por descansar al fin*.

Dimitri Shostakóvich escribió la última nota de su *Séptima Sinfonía* el 29 de diciembre de 1941, en Kuibishek, una ciudad cansada y abarrotada de gente. De nuevo lo instaron a que se afiliase al Partido, porque este gesto serviría para que su sinfonía se entendiese mejor. *Me lo pensaré, en serio camaradas, me lo pensaré*, contestó una vez más Dimitri. Comenzaron los preparativos para el estreno de la *Sinfonía Leningrado*. El honor recayó en la

Дмитрий, сидя в старом кресле у окна, передает Ахматовой толстую папку, перевязанную бечевкой, в которой лежит партитура для фортепьяно первых трех частей *Седьмой «Ленинградской» Симфонии*. Анну Ахматову вскоре эвакуируют из Ленинграда на самолете вместе с другими выдающимися деятелями науки и искусства. Сталин приказал сохранить культурную и научную элиту страны, удалив ее представителей от линии фронта. Из Москвы и Ленинграда их переселяют в глубокий тыл. Эта армия интеллектуалов продолжит творить во имя спасения родины в таких городах, как Казань, Куйбышев или Ташкент. Когда Ахматова — муза Ленинграда — сядет в самолет, готовый отправиться в Москву, на коленях у нее будет лежать только пакет с тремя первыми частями Ленинградской симфонии, который ее худые руки будут держать с такой же нежностью, с какой она когда-то держала младенца-сына.

Четырнадцатого ноября в Ленинграде выпал первый снег. На этот раз горожане встречали его с отчаянием в глазах. Зимний холод в городе, лишенном горючего, в условиях нарушенного снабжения был дурным предзнаменованием, которое не замедлило сбыться: наступила самая трагическая зима в его истории, которая унесла с собой от шестисот тысяч до миллиона жизней людей, погибших от голода и холода. В снежном буране на крыше снова появляются люди в высоких сапогах и кожаных пальто. Их прислал Жданов, возглавлявший тогда оборону Ленинграда. *«Товарищ Шостакович, — говорят посетители, — тебя вместе с семьей эвакуируют специальным рейсом. Твоя музыка нравится интеллектуалам из капиталистических стран, а нам они сейчас нужны для того, чтобы был открыт второй фронт. И не надо возражать, Дмитрий Дмитриевич, а то мы подумаем, что служишь о том, что ты тут ждешь прихода немцев, верны»*. Из громкоговорителей на улицах слышится голос Ольги Бергольц, призывающей Ленинградцев не сдаваться; ведь в этом городе поэты теряли сознание и умирали от усталости, проводя долгие часы на ногах, читая по радио свои стихи. Через несколько дней Митя, Нина, Галина и Максим



Partitura de la Séptima Sinfonía de Shostakóvich. / Партитура Седьмой Симфонии Шостаковича.

orquesta del Bolshoi de Moscú, también evacuada a Kúibyshev. Pero la obra requería una formación de tal envergadura, que para completar la orquesta hubo que llamar a los músicos que prestaban servicio en el frente como soldados y el Estado no ahorró esfuerzos para estrenar la obra de Shostakóvich. La dirección corrió a cargo de Samuil Samossud y el estreno se celebró el 5 de marzo de 1942, retransmitiéndose por radio a todo el país. Los ciudadanos se agolparon alrededor de los altavoces en las calles de todos los pueblos y ciudades rusas para seguir el concierto y el estreno se convirtió en un gran acto político, como pretendía Stalin. La *Sinfonía Leningrado* fue considerada, desde el principio, como un símbolo de la victoria del pueblo ruso frente a la adversidad. Y los compases de su cuarto tiempo (Victoria) reconfortaron los corazones de todos los oyentes. Nina escuchó la retransmisión junto a sus hijos en su casa y Anna Ajmátova, Glikman y los demás miembros del Conservatorio, desde Tashkent. Dimitri dio por seguro que Elena Konstanstinovskaya, también. El 22 de marzo,

поднялись по трапу в самолет, который должен был унести их из ада. С собой они везли два чемодана; внутри одного из них лежали, завернутые в покрывало, оркестровая партитура *Симфонии № 7* и любимое детище композитора *Леди Макбет*. В Москве ожидали, что враг вскоре захватит город, и на вокзалах царил хаос. В полночь на Казанском вокзале двигались толпы людей, которые тащили за собой из последних сил свои чемоданы, слышался храп тех, кто пристроился поспать на лавочках... Время от времени раздавался вой сирен, объявлявший о налете немецких бомбардировщиков. В этой обстановке Шостакович и его близкие должны были поспешно решить, куда они поедут дальше. В Ташкенте у них было много друзей: Ахматова, Гликман... Но там же жила сейчас Елена. Нина решила, что они поедут в Куйбышев (ныне это Самара), который был в то время по сути дела столицей страны. Семья приехала туда 22 ноября, когда на город обрушился снегопад. В ноябре в Ленинграде каждый день умирали три тысячи



La sinfonía Leningrado dirigida por Yevgeny Mravinsky, de Lev Alexandrovich Russov, 1980.

жителей, а в декабре погибшие ежедневно от голода и холода составляли уже от шести до десяти тысяч. Шостаковича мучили мысли о матери, которая осталась в Ленинграде одна. Он представлял себе, как она ищет прорубь во льду, сковавшем Неву, чтобы раздобыть немного воды, среди детей с опухшими глазами и обезумевших дрожащих старух. Ни у кого не было сил считать умерших, ни оплакивать их, и в городе были нередки случаи людоедства, оценить которые в цифрах никто и никогда уже не сможет. Как писала Ахматова в своем провидческом *Реквиеме*: *Это было, когда улыбался/ Только мертвый, спокойствию рад.*

Дмитрий Шостакович написал последнюю ноту *Седьмой Симфонии* 29 декабря 1941 года в Куйбышеве, городе, уставшем от толп эвакуированных. Композитору снова настоятельно советовали вступить в Партию – благодаря этому шагу его симфония быстрее дойдет до людей. *Я подумаю, серьезно, товарищи, я об этом подумаю*, – в очередной раз ответил Дмитрий. Началась подготовка к премьере *Ленинградской Симфонии*. Честь исполнить ее впервые выпала оркестру Большого театра, который тоже находился в эвакуации в Куйбышеве. Однако это произведение требовало от исполнителей такой подготовки, что коллектив пришлось дополнить музыкантами, которые были в то время призваны на фронт в качестве солдат. Государство сделало все возможное для подготовки премьеры произведения Шостаковича. Дирижировал оркестром Самуил Самосу; симфония впервые прозвучала 5 марта 1942 года и была передана по радио по всей стране. Граждане собирались вокруг громкоговорителей на улицах всех городов и поселков страны, чтобы услышать эту музыку, и премьера стала большим политическим событием, как того и хотел Сталин. *Ленинградская Симфония* с самого начала считалась символом победы русского народа в трудные минуты истории. И такты последней части (Победа) порадовали сердца всех слушателей. Нина вместе с детьми

Ленинградская симфония. Дирижирует Е.А. Мравинский. Художник Лев Александрович Русов, 1980.

la orquesta del Bolshoi, con su director Samossud al frente, regresó a Moscú y el día 24 se estrenó en esta ciudad por una orquesta compuesta entre la del Bolshoi y la de la Unión Radio y nuevamente, se retransmitió a todo el país. El poderoso *finale* de la sinfonía, que anuncia la victoria sobre el enemigo, creó una atmósfera arrebatadora entre el público, que celebró la sinfonía con una estruendosa ovación. El 9 de agosto se cumplió el sueño de Shostakóvich y se produjo el estreno más emotivo de la sinfonía. La partitura se había enviado en un avión especial a Leningrado y Karl Eliasberg, director de la Orquesta de Radio Leningrado fue el encargado de organizar y dirigir el concierto. La tarea era ingente y en una ciudad cercada, con habitantes desnutridos y fantasmales, hubo que reunir los componentes de la orquesta que habían sobrevivido y que se hallaban luchando en el frente y completar los que faltaban con restos de otras orquestas y bandas de Leningrado. Los primeros ensayos fueron desoladores, pues los músicos desfallecían constantemente, especialmente los instrumentistas de viento, que apenas tenían fuerzas para realizar ensayos de más de quince minutos de duración. Finalmente, después de superar incontables dificultades, el estreno se realizó el día previsto. Una vez más se pusieron todos los recursos para asegurar el éxito y la difusión del estreno en la ciudad sitiada. Dos horas antes del inicio de la representación, la artillería soviética realizó un masivo bombardeo sobre las posiciones alemanas, asegurando de esta manera el silencio de los cañones enemigos durante la hora siguiente en la que se ejecutó la sinfonía. La interpretación se retransmitió nuevamente a todo el país y sorprendentemente, se sintonizó en buena parte de las trincheras y salas de mando en las líneas alemanas, con la reverencia que exigía la música de uno de los más grandes compositores del siglo. Al conocer este hecho el Alto Mando alemán desencadenó una avalancha de sanciones y represalias que afectó a muchos mandos de la primera línea. Stalin manifestó que: *La Séptima poseía el mismo poder avasallador que un escuadrón de bombarderos. Pravda* la calificó como: *La creación de la conciencia del pueblo ruso.*

Escuchaba la premьера из дома, а Анна Ахматова, Гликман и другие сотрудники Консерватории – из Ташкента. Дмитрий был уверен, что Елена Константиновская тоже услышала его музыку. 22 марта оркестр Большого театра во главе с его дирижером Самосудом вернулся в Москву, и 24 числа в этом городе состоялось новое исполнение симфонии силами оркестров Большого театра и Союзного радио. И снова музыку слушали во всей стране. Мощный *finale* симфонии, который предвещает победу над врагом, вызвал в зале бурную реакцию – публика устроила настоящую овацию. 9 августа исполнилась мечта Шостаковича, и прошла самая волнительная премьера симфонии. Партитуру прислали в Ленинград специальным рейсом, и Карлу Элиасбергу, дирижеру оркестра Ленинградского радиокомитета, было поручено организовать оркестр и подготовить концерт. Это была чрезвычайно сложная задача: в осажденном городе, голодные жители которого были похожи на призраков, ему пришлось собрать выживших музыкантов оркестра в городе и в воинских частях, оборонявших его, а потом дополнить недостающую часть состава оставшимися в живых музыкантами из других оркестров и ансамблей Ленинграда. Первые репетиции дались с невероятным трудом, потому что музыканты быстро теряли силы; особенно трудно приходилось духовикам – они не выдерживали более пятнадцати минут репетиции. Наконец, несмотря на бесчисленные трудности, в назначенный день состоялась премьера. И снова были брошены все силы для того, чтобы это исполнение оказалось успешным, и чтобы все узнали о премьере в осажденном городе. За два часа до начала концерта советская артиллерия провела мощный обстрел позиций противника, обеспечив, таким образом, молчание вражеских орудий на протяжении следующего часа, когда исполнялась симфония. Симфонию снова передавали по радио на всю страну, и, как это не удивительно, в большей части вражеских окоп и штабов противника тоже настроились на эту волну, отдавая дань музыке одного из самых великих композиторов века. Узнав об этом, немецкое командование обрушило репрессии на



Calle Gorokhovaya, la calle central del *tridente*.

Гороховая улица, центральная линия трезубца.

Pero el principal objetivo de la *Sinfonía Leningrado* se había cumplido el 19 de julio de 1942, apenas tres semanas antes, cuando fue estrenada en la Radio City en Nueva York, dirigida por el gran Arturo Toscanini, interpretada por la Symphony Orchestra de la NBC. Esta versión fue grabada y difundida en todo el mundo por la compañía RCA Victor y una vez estrenada en Nueva York, se interpretó sesenta y dos veces en EEUU, durante la temporada 1942-1943. La crítica musical norteamericana se volcó en elogios a la *Séptima Sinfonía* y los titulares proclamaban: *Shostakóvich no habla solo en nombre de la gran Rusia, sino en el de toda la humanidad*. Stalin lo había conseguido; el mundo había escuchado el grito de Rusia. Ya no estaban solos.

провинившихся офицеров с передовой. Сталин заявил, что Седьмая симфония *обладала такой же мощной силой как эскадрилья бомбардировщиков*. В «Правде» писали, что *симфония возникла из совести русского народа*.

Но основная задача *Ленинградской симфонии* была выполнена за три недели до этого дня, 19 июля 1942 года, когда в «Радио-сити» в Нью-Йорке ее исполнил Симфонический оркестр NBS под управлением великого Артуро Toscanini. Это исполнение было записано, и пластинки компании RCA Victor разошлись по всему миру. После премьеры в Нью-Йорке за сезон 1942-1943 годов симфония была исполнена в США шестьдесят два раза. Американская музыкальная критика осыпала похвалами *Седьмую симфонию*; газетные заголовки гласили: *Шостакович*

El fin del cerco de Leningrado se produjo el 27 de enero de 1944. Los alimentos volvieron a llegar con regularidad a la ciudad y los suministros se fueron restableciendo progresivamente durante ese año. Todo volvía a la vida y parecía imposible. Un día, en primavera, un grupo de gente se agolpaba en un punto de la Perspectiva Nevski; habían visto un gato que, andando ceremoniosamente, atravesaba las vías del tranvía. Los animales volvían a Leningrado y este era probablemente uno de los espectáculos más esperanzadores que habían contemplado los habitantes de la ciudad en los últimos tres años.

Shostakóvich se afilió finalmente al Partido Comunista en 1960, siete años después de la muerte de Stalin. A su manera, había vencido.

Durante el cerco, un niño: Valia Smirnov, destrozado por las bombas alemanas, se convirtió en un símbolo del martirio de la ciudad. Anna Ajmátova, estremecida, le escribió:

Llama con tu manita y te abriré
como te abría siempre. Nos separa
ahora una montaña alta,
y el desierto, y el viento, y el calor;
pero yo nunca te traicionaré.
No te oí quejarte,
no me pedías pan;
trae una rama de arce
o hierbecitas verdes nada más,
igual que en la pasada primavera,
tráeme en un puñado el agua pura
de nuestro helado Neva
y borraré de tu cabeza rubia
el rastro de la sangre.

говорит не только от имени России, а от имени всего человечества.
Сталин добился своей цели: мир услышал призыв России. Теперь они были не одни.

Блокада Ленинграда закончилась 27 января 1944 года. Продукты снова стали регулярно поступать в город, и на протяжении этого года постепенно было восстановлено все городское хозяйство. Жизнь возвращалась в город, и это казалось невероятным. Однажды весной на одном из участков Невского проспекта собралась толпа. Люди смотрели, как кот, важно выпагивая, переходил через трамвайные пути. В Ленинград возвращались животные, и это зрелище, возможно, было самым жизнеутверждающим, какое только смогли увидеть горожане за последние три года.

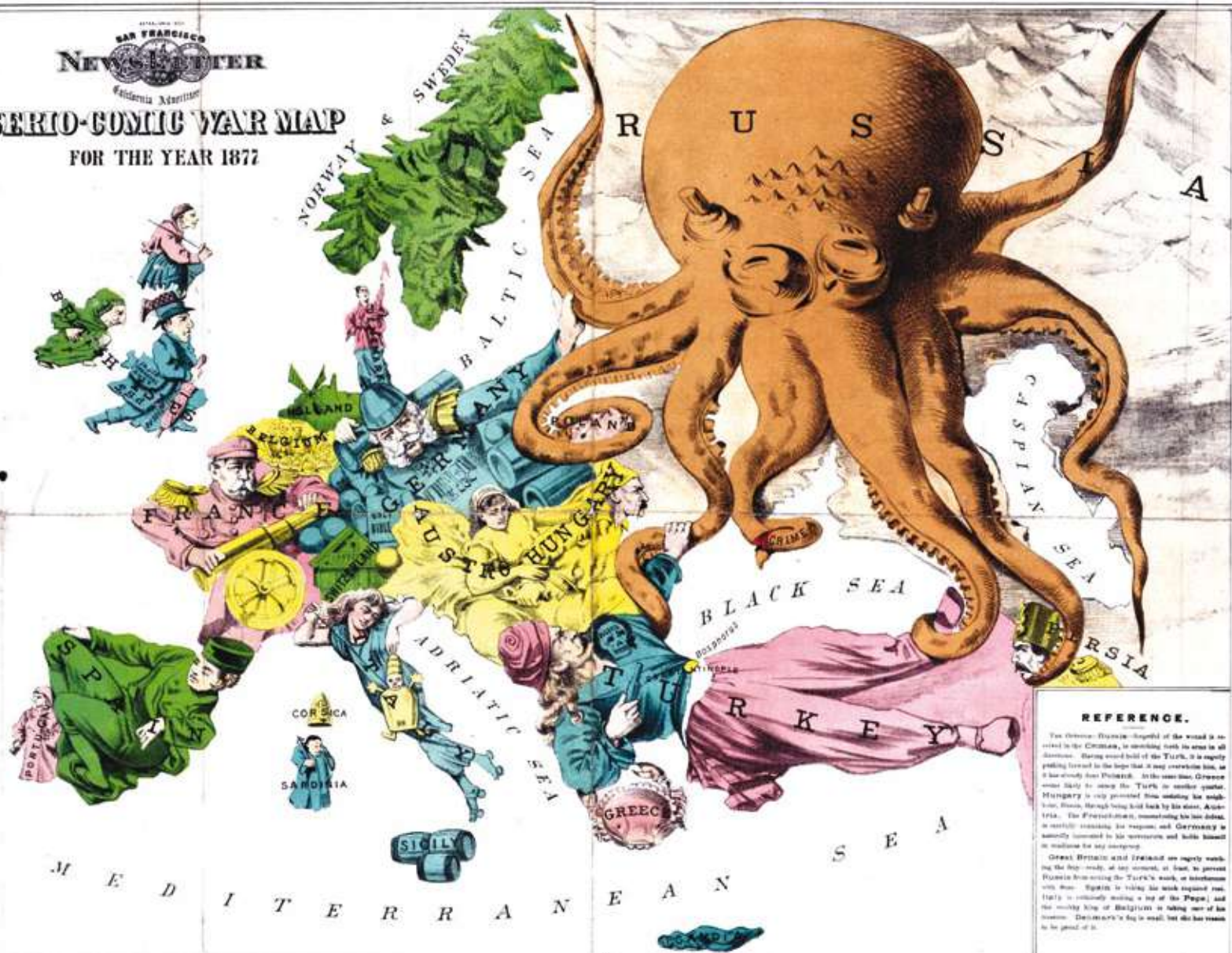
Шостакович вступил в Коммунистическую партию в 1960 году, через семь лет после смерти Сталина. Он, по-своему, победил.

Во время блокады Валя Смирнов, мальчик, погибший во время бомбежки, стал символом мучений, выпавших на долю города. Анна Ахматова, потрясенная случившимся, посвятила ему эти строки:

Постучись кулачком - я открою.
Я тебе открывала всегда.
Я теперь за высокой горою,
За пустыней, за ветром и зноем,
Но тебя не предаю никогда.
Твоего я не слышала стона,
Хлеба ты у меня не просил.
Принеси же мне ветку клена
Или просто травинки зеленых,
Как ты прошлой весной приносил.
Принеси же мне горсточку чистой,
Нашей невосковой студенкой воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы

SAN FRANCISCO
NEWS-LETTER
Editorial Advertising

SERIO-COMIC WAR MAP
 FOR THE YEAR 1877



REFERENCE.

The Ottoman Empire, fearful of the war in all directions, is making such an effort to all directions. Having secured hold of the Turk, it is eagerly pushing forward to the hope that it may overtake him, as it has already done Poland. In the same time Greece seems likely to seize the Turk in another quarter. Hungary is only prevented from uniting her neighbor, Russia, through being held back by her debt. Austria, the Frenchman, considering his late defeat, is secretly reviving his weapon, and Germany is secretly interested in his movement and holds himself in readiness for any emergency.

Great Britain and Ireland are eagerly watching the step, ready, at any moment, at least to prevent France from using the Turk's weakness, as mentioned with them. Egypt is vying for work beyond Italy is seriously making a bid of the Pope, and the weekly King of Belgium is taking care of his own. Denmark's flag is well, but she has reason to be proud of it.

Price With **NEWS-LETTER** 20 Cents.

Cuando el zar Pedro el Grande fundó San Petersburgo en 1703, el mapa del mundo ya se había acostumbrado al continente americano y había digerido incluso a Australia, pero todavía le quedaban grandes manchas en blanco, expectantes. El silencio era el recurso que utilizaban los cartógrafos honestos, en la medida que con ello señalaban las regiones desconocidas, que en años venideros serían territorios para viajeros y exploradores. Durante siglos, por ejemplo, la Antártida fue grafiada como área blanca bajo el título *Terra Australis Incognita*. En un mapa de África de 1749, bien vacío, el francés D'Anville rechazó conjeturas y rumores de sus colegas precedentes y sólo dibujó aquellos datos que tenía contrastados: a parte de la cornisa mediterránea, ahí aparecía el reino del Congo en la costa occidental, el área del litoral este desde el Sudán hasta Etiopía y, en el sur, la región junto al cabo de Buena Esperanza. En la biografía de los mapas, como en la de las conquistas o en los *descubrimientos*, se mezcla la épica con grandes dosis de barbarie, atrevimiento y desfachatez. Algunos cartógrafos como James Rennell se inventaron en 1798 toda una inmensa cordillera de montañas de Kong en África, totalmente falsas, que supuestamente ocupaban Costa de Marfil y Burkina Faso. El engaño tuvo tanto éxito que no se descubrió hasta un siglo después. Otros, simplemente ocupaban los vacíos con representaciones de elefantes, reptiles o animales varios y temibles, o dibujaban los topónimos costeros en el centro para rellenar. Lo más habitual era que, cuando uno descubría un pedazo de tierra, lo bautizara con su nombre o quizás con el de algún amigo, patrono o amante y después lo inmortalizara en un mapa. Todos querían añadir nuevos textos en el mapamundi,

Serio-Comic War Map for the Year 1877, dibujado por F.W. Rose.

Cuando el zar Пётр Великий основал Петербург в 1703 году, на картах мира уже привыкли рисовать американский континент, и даже присутствие на них Австралии никого не удивляло. Но, тем не менее, на них оставались ещё большие белые пятна в ожидании своих первооткрывателей. Честные картографы использовали фигуру умолчания, чтобы указать на неисследованные края, которым в будущем предстояло принять путешественников и следопытов. На протяжении веков, например, Антарктиду отмечали как некую белую зону, называвшуюся *Terra Australis Incognita*. На довольно пустой карте Африки 1749 года француз Анвиль отбросил слухи и спекуляции своих коллег и предшественников и отразил только данные, о которых имел точные свидетельства. Кроме средиземноморского побережья на ней значилось королевство Конго на западном берегу и восточные приморские районы от Судана до Эфиопии, а также зона мыса Доброй Надежды на юге.

В биографии карт, точно также, как в истории завоеваний или открытий, к эпике примешиваются крупные дозы варварства, дерзости и бесстыдства. Некоторые картографы, как Джеймс Реннел в 1798 году, выдумали огромный горный массив Конг в Африке, никогда на самом деле не существовавший, который по их предположениям занимал Берег Слоновой Кости и Буркина-Фасо. Эта ложь имела такой успех, что раскрылась только через сто лет. Другие составители карт просто занимали пустые места изображениями слонов, всяческих гадов и иных грозных тварей или смецали топонимы побережий поближе к центру, чтобы заполнить пустоты. Существовала и добрая традиция

Комически-серьёзная карта мира 1877 года, нарисованная Ф. У. Роузом.

pero pocos tuvieron la audacia de borrar lo que sobraba; la geografía necesitaba urgentemente al capitán naval Frederick Evans. En un viaje por el Pacífico en 1875, ya harto de las invenciones y errores geográficos habituales, el capitán Evans limpió los mapas tachando un total de 123 islas imaginarias (aunque tres de ellas sí existían) de las Cartas de Navegación del Almirantazgo Británico.

Los animales habían pastoreado en los mapas durante siglos, ya fuera en uno de sus bordes o en una extensión vacía de tierra o mar, pero el protagonismo definitivo les llegó gracias a la moda de los carto-animales. Desde que apareció el *Leo Belgicus*, un león que coincidía con la forma de Bélgica y los Países Bajos, las bromas cartográficas con animales se han ido reproduciendo en distintos países. Precisamente es en el *Serio-Comic War Map for the Year 1877*, dibujado por F.W. Rose, donde Rusia y San Petersburgo, en tanto que capital, ganaron el merecidísimo reconocimiento cartográfico internacional. El imperio será representado como un pulpo con varios tentáculos tendidos sobre Europa y Oriente Próximo. En la interpretación de Rose, España aparece de espaldas al resto del continente, Alemania está representada como un káiser e Inglaterra como un colonialista, Francia es un general con un telescopio e Italia un niño en patines que juega con una figura de madera del papa. El imperio otomano, tumbado sobre Turquía, Grecia, Bulgaria y los Balcanes, a su vez es un pirata flaco y armado, bien unido al pulpo ruso.

A través del humor cartográfico, entendemos que el San Petersburgo decimonónico, bien fuera por atracción o temor, ya no resultaba indiferente al público europeo. Nada más lejos que en sus orígenes, cuando nacida en el frío y los humedales ignotos, la ciudad sólo fue destino obligado de diplomáticos y comerciantes. Allí había política y negocio, pero no placer. La nueva capital, nacida con fórceps zaristas, quedó naturalmente fuera del *Grand Tour*, que seguían casi en exclusiva los ingleses más ilustres y acaudalados, trazando el primer circuito turístico moderno. En él no podían faltar los Países Bajos, París, el Valle del Rin e Italia; mientras que los más atrevidos incluso llegaron a Grecia, Constantinopla, Egipto y a los lugares santos de Palestina.

llamaban investigado el pedacito de nueva tierra propio nombre или именем какого-нибудь приятеля, покровителя или очередной любовницы, что потом фиксировалось на вечные времена на картах мира. Всем хотелось оставить там свой след, но немногие отважились стереть лишнее. Географин срочно требовался капитан Фредерик Эванс. Во время своего путешествия по Тихому океану в 1875 году, устав от обычных выдумок и географических ошибок, капитан Эванс почистил карты, стерев с них целых 123 воображаемых острова (хотя потом оказалось, что три из них всё-таки существовали на самом деле) с Навигационных карт Британского Адмиралтейства.

Животные паслись на картах на протяжении долгих веков – иногда на полях, а иногда и на просторах морей или суши, но по-настоящему стали их героями, когда в моду вошли карты, которые изображали страны в виде разных существ. Сначала появился Бельгийский лев, по форме своей напоминающий очертания Бельгии и Нидерландов, а потом картографические шутки с различными зверями стали появляться и в других странах. Так на карте мира 1877 года, названной автором – Ф. У. Роузом – *Комически-серьёзной*, Россия заняла достойное место и получила полное картографическое признание. Империя была представлена в виде огромного спрута, щупальца которого дотягивались до Европы и до Ближнего Востока. Испанию Роуз изобразил лежащей спиной ко всему остальному континенту, Германию олицетворяла фигура кайзера, Англию – колонизатора, Францию – генерала с подозрительной трубой, а Италию – мальчугана на роликах, играющего с деревянной фигуркой Папы. Картину завершало изображение Оттоманской империи в виде тощего пирата с оружием в руках, который возлежал поверх Турции, Греции, Болгарии и Балканских стран, в тесном соседстве со спрутом России.

На основании этой картографической шутки, мы можем заключить, что Санкт-Петербург девятнадцатого века был уже небезразличен европейской публике. Одним он внушал любопытство, другим – страх. Эта ситуация радикально

El viaje turístico relativamente *popular* empezó en torno a 1830, a rebufo de la aparición de la primera guía de viaje moderna, la inglesa Murray. El fenómeno del nuevo viajero independiente, sin la compañía de cicerones ni de guías locales como hasta entonces, se engrosó gracias a la prosperidad económica victoriana en Inglaterra y, sin duda, se benefició de la fuerte expansión del ferrocarril en Europa. En las páginas de estas guías primerizas, al igual que pasa hoy en día, era donde la mayoría de personas tenía la primera experiencia significativa en la utilización de un mapa. Y aunque en el libro no hayan aparecido hasta ahora, entre los primeros trotamundos a San Petersburgo figuran dos ilustres catalanes del mundo de las letras y la arquitectura: el poeta y sacerdote Jacint Verdaguer y el industrial Eusebi Güell, que será el mecenas del arquitecto Antoni Gaudí.

Jacint Verdaguer fue amigo y mosén de la familia Güell y, por su pasión viajera, compartió muchas travesías con el patriarca Eusebi. En 1884, los dos se fueron por negocios hasta Berlín y desde allí decidieron llegar a San Petersburgo. En palabras de Verdaguer: *De Cataluña a Francia, de Francia a Suiza y a Prusia, hay una gradación; los cambios son suaves (...) mas, al entrar en Rusia, uno se encuentra a las puertas de otro mundo*. El cura se sorprende de la falta de piedra en los pueblos, en que toda construcción es de madera a excepción de alguna iglesia. En un control aduanero, les revolvieron el equipaje y les confiscaron las estampitas religiosas católicas, *como si fueran material subversivo*. Y escaldado por la actuación de la policía en San Petersburgo, sobre todo, escudriñó en su sector: fue rápidamente al encuentro de un templo católico y se escandalizó, a pesar de estar en un país ortodoxo, que de un total de 201 iglesias, sólo 6 fueran católicas.

Está claro que la breve estancia de Güell y Verdaguer en la capital zarista tuvo mucho de viaje turístico, con un análisis centrado en la vida religiosa y muy escaso en lo social o urbano, aunque con una feliz comparación fluvial¹:

отличалась от положения в момент основания города в холодных и болотистых краях, когда его посещали только дипломаты по служебным делам или торговцы, движимые необходимостью. Новая столица, рождённая на свет при помощи царских акушерских щипцов, естественно, оставалась за пределами *Grand Tour*, по которому следовали почти исключительно самые образованные и богатые англичане, создававшие первые современные туристские маршруты. В него непременно входили Нидерланды, Париж, Рейнская долина и Италия, но самые отважные путешественники добиралась даже до Греции, Константинополя, Египта и Святых мест Палестины.

Туристические поездки становятся относительно доступными около 1830 года, когда появляется первый в мире современный путеводитель Мюррей. Независимых путешественников, которые теперь обходились без чичероне и местных пидов, становилось всё больше, благодаря росту экономического благосостояния в викторианской Англии, а также, безусловно, развитию железнодорожного сообщения в Европе. Использование этих первых путеводителей, как это происходит и в наши дни, становилось для многих людей первым опытом обращения с картами. И хотя в нашей книге мы не упомянули о них раньше, два знаменитых каталонца были среди первых путешественников, оказавшихся в Санкт-Петербурге. Мы говорим о поэте и священнике, Жасинте Вердаге и промышленнике Эусебио Гюэле, который станет меценатом Антони Гауди.

Жасинт Вердаге был другом и духовником семьи Гюэль, и, движимый желанием путешествовать, неоднократно сопровождал патриарха Эусебио в его поездках. В 1884 году оба отправились по делам в Берлин и решили оттуда добраться до Санкт-Петербурга. По словам Вердаге: *от Каталонии к Франции, от Франции к Швейцарии и Пруссии изменения происходят постепенно, мягко (...), но когда ты пересекаешь границу России, то оказываешься в ином мире*. Священника поражает отсутствие камня в деревнях и сёлах, где все здания, за исключением некоторых церквей, построены

¹ VERDAGUER, Jacint: *A vol d'auell*, dentro de *De Tànger a Sant Petersburg*, Tusquets Editors, 2003. Pág. 111



Plaza de Invierno en las noches blancas.

Площадь перед Зимним дворцом во время белых ночей.

“Lo Neva, com los altres rius d’ací el nord, és immens, mes llurs aigües s’adormen, emperesides, tot caminant, i, per atravessar la Rússia, hi estaran més que el riu d’homes que hi envià Napoleon, la major part dels quals s’hi quedaren a fer lo son de la mort. Tenen molta eixamplada i poc fons, i és tal sa calma que un dubta de vegades si caminen avant o enrere. Nostre Ter i nostre Llobregat són raigs de porró comparats amb ells, mes se mouen, corren i salten; mes no és tot jugar i saltar, sinó que treballen i ajuden als pobles que s’han assegut en ses riberes i els han cinglat amb artístics ponts de pedra. Lo Llobregat naix i, petit com és, a quatre passos del bressol fa moure les moles d’un molí; lo Neva mor sens haver donat moviment a una fàbrica”.

No es el caso del resto de nuestros personajes que, desde el Estado español, viajaron o miraron a San Petersburgo con la *mente blanca y el alma abierta* en palabras de la periodista Roig. Si bien ellos no son los únicos de nuestro país que visitaron la ciudad: en 1925 el escritor Josep Pla estuvo unos pocos días en Leningrado, pero le pareció *una sorpresa, un golpe de teatro*. ¡Ya

из дерева. На таможне его багаж тщательно досмотрели и изъяли католические образки, *словно это был провокационный материал*. Потрясённый этим полицейским приёмом, в Санкт-Петербурге он, в первую очередь, решил исследовать свою область деятельности и немедленно отправился на поиски католического храма. Вердаге испытал негодование, несмотря на то, что находился в православной стране: в городе, где была 201 церковь, *только 6 оказались католическими*. Кратковременное пребывание Гюэля и Вердаге в столице царской России, естественно, было не более, чем туристической поездкой, во время которой их больше интересовала религиозная тема, чем общественная жизнь или градоустройство, но, однако, они оставили нам это интересное сравнение двух рек¹:

«Нева, как и прочие здешние реки севера, необъятна, но воды её текут сонно и лениво. Чтобы пересечь Россию им понадобилось бы больше времени, чем людской реке, которую направил сюда Наполеон, послав своих солдат в места, где большинству из них предстояло уснуть вечным сном. Реки здесь очень широки, но не глубоки, и так покойны, что порой не знаешь, куда они текут: взад или вперёд. Наши Тер и Льобрегат, в сравнении с ними, просто тонкие струйки, но они движутся, бегут и прыгают. Однако наши речки не только резвятся и веселятся, но и работают, помогая жителям городов, которые расположились на их берегах и соединили их живописными каменными мостами. Стоит Льобрегату родиться на свет, и уже в двух шагах от своей колыбели он крутит мельничные жернова, Нева же умирает, не приведя в движение ни один фабричный механизм».

Гюэль и Вердаге не похожи на героев нашей книги, которые приезжали из Испании в Санкт-Петербург или созерцали его *с открытой душой и непредвзятым мнением*, если воспользоваться словами журналистки М. Ройч. Но они были не единственными жителями нашей страны, которые посетили этот город: в 1925 году Жузепп Пла провёл в Ленинграде

¹ VERDAGUER, Jacint: *A vol d’auell*, в книге *De Tànger a Sant Petersburg*, Изд. Tusquets Editors, 2003. Стр. 111

estamos otra vez en Occidente! exclamó, recién llegado de Moscú. En la ciudad del Kremlin intentó entender la URSS hablando con el político comunista Andreu Nin, quien vivía allí desde años atrás, se había hecho troskista y ostentaba un alto cargo en el organismo central los de sindicatos soviéticos. Sin embargo, entre su visita y la de Verdaguer habían pasado cuarenta años y la Revolución rusa. Leningrado había perdido el nombre y la capitalidad en favor de Moscú, transformándose en la ciudad número 2 de la Unión Soviética. El ambiente resultante fue descrito por el periodista sevillano Manuel Chaves Nogales, que la visitó en 1928 y escribió para el periódico *Mundo latino* de Madrid:

“Leningrado da hoy una impresión de ciudad deshabitada. Es, aumentada —en Rusia todo hay que multiplicarlo por veinte—, la misma impresión que produce Postdam. Mientras Moscú, con el comunismo metido en las entrañas, es como una marmita puesta a hervir en la que va cociéndose el bolchevismo a fuego lento. Leningrado, abandonado, un poco clausurado, aparece en ese momento crítico en que una ciudad viva pasa a convertirse en una ciudad relicario. Leningrado empieza a darse a la Historia. Dentro de poco será como Toledo, Venecia o Brujas. Una ciudad muerta”.

“Los Bolcheviques no se han atrevido a tocarlo: hasta la estatua de Pedro el Grande continúa en su puesto. Se han limitado a cambiar los rótulos: Leningrado en vez de Petrogrado”.

“después de cambiarle los rótulos, los Bolcheviques se han ido a Moscú (...) no importa que los barrios populares de Leningrado estén rebosantes de una muchedumbre trabajadora (...). La ciudad de Pedro era, sobre todo, la ciudad aristocrática: era, más que nada, la corte, el zarismo, los diplomáticos, los generales, los príncipes, los millonarios y la imponente legión de sus servidores. Extirpado todo esto, Leningrado da una impresión neta de caja vacía, de casa desalquilada.”

La ciudad sufrió los inevitables vaivenes cíclicos de la historia y la economía que, en su caso, fueron especialmente crudos. Sin descanso, se había recuperado de las frecuentes inundaciones, cuyos estragos dejaron unas impresionantes obras de canali-

несколько дней. Приехав из Москвы, он восклицает: *Это настоящий сюрприз, это театральный эффект. Мы снова оказались на Западе!* Возле московского Кремля он попытался понять СССР, разговаривая с коммунистом и политическим деятелем, Андреу Нином, который к тому времени уже прожил в стране несколько лет, стал троцкистом и занимал крупную должность в центральном органе советских профсоюзов. Надо иметь в виду, что между путешествием Вердаге и его поездкой прошло сорок лет, и произошла Октябрьская революция. Ленинград утратил своё прежнее имя и перестал быть столицей, превратившись во второй по значимости город Советского Союза. Обстановку, сложившуюся в результате этих перемен описал севильский журналист Мануэль Чавес Ногалес, который посетил город в 1928 году и писал в мадридской газете *Мундо латино*:

«Ленинград сейчас оставляет впечатление безлюдного города. Это то же самое ощущение, которое оставляет Потсдам, но только увеличенное в двадцать раз, как всегда надо делать в России. Москва, впитавшая в себя идеи коммунизма, сейчас кипит, точно котелок, в котором варится на медленном огне большевизм. А Ленинград, покинутый на произвол судьбы и забытый, переживает тот критический момент, когда живому городу может превратиться в город-реликвию. Ленинград уходит в историю. Очень скоро он станет подобием Толедо, Венеции или Брюгге. Мёртвым городом».

«...большевики не посмели его тронуть: даже памятник Петру Великому стоит на своём месте. Они только сменили вывески: Ленинград вместо Петрограда».

«... сменив вывески, большевики отправились в Москву (...) их не волновало то, что рабочие кварталы Ленинграда населяют тысячи пролетариев (...) город Петра был, прежде всего, городом аристократов. Он означал, в первую очередь, двор, царизм, дипломатов, генералов, князей и миллионеров, а также несчётное количество их слуг. Когда всё это было вырвано с корнем, Ленинград стал подобием чистого пустого ящика, квартиры, из которой съехали жильцы»

Город пережил неизбежные исторические и экономические взлёты и падения, но в его случае они были невероятно

Festival de las Noches Blancas junto al Neva.
Фестиваль «Белые ночи» на берегах Невы.





zación, que hoy uno puede ver en los grandes muros frente al Neva y los canales. La más brutal fue en 1824, inspiradora del mítico poema de Pushkin *El Jinete de Bronce*. Con la construcción de la democracia, en 1991 se votó en un triple referéndum: la política reformadora de Boris Yeltsin al frente del país, las reformas del alcalde Anatoli Sobtckak y su propuesta de cambio de nombre de la ciudad. Fruto del referéndum, avanzó el régimen democrático y la ciudadanía, respondiendo a la pregunta de su alcalde, votó que Leningrado recuperase su nombre original. San Petersburgo volvió a su toponimia de siempre y, además, recobró la alegría, el optimismo y una fuerte proyección internacional.

Pero conocido el alborozo y los sinsabores de los protagonistas de esta historia, ¿qué compartían, pues, el zar Pedro, el ingeniero Agustín de Betancourt, el diplomático Juan Valera, el ingeniero Magí Cornet o la escritora y periodista Montserrat Roig? Sin duda, todos ellos sintieron, desde distintas facetas e intensidades, la seducción por San Petersburgo; y a excepción del zar, todos ellos contribuyeron a tejer varios hilos en las relaciones entre España, San Petersburgo y Rusia en general. Hoy día esta convivencia es evidente sobre todo en el litoral español, donde los rusos han llegado para disfrutar de lo mejor de nuestras costas. Muchos sólo de turismo; otros invirtiendo en las mejores oportunidades del mercado inmobiliario.

Tal vez los puentes sean más necesarios que la propia ausencia de fronteras, ya que los primeros unen *per se*, de forma genética, en cambio las segundas a menudo son sólo límites administrativos permeables. Más allá de esta creación de vínculos entre culturas y territorios, ¿qué más tenían en común nuestra gente en San Petersburgo? Si para averiguarlo jugáramos a buscar parejas, podríamos empezar por Pedro el Grande y Magí Cornet. Mientras que el primero tuvo un sueño y éste fue reinventar Rusia dando vida a la nueva capital, Cornet imaginó construir allí un puente y, para esta ambición, tuvo que exprimir y entregar la suya. Después de estos casos extremos, tenemos a Juan Valera, que vivió la experiencia como un divertimento, aunque literariamente relevante dentro de su biografía

резкими. Петербург неустанно восстанавливался после частых наводнений, из-за которых в городе были предприняты грандиозные работы. Результаты их можно наблюдать сегодня: Неву обрамляют мощные стены, и город располагает сложной системой каналов. Самое сильное наводнение случилось в 1824 году и вдохновило Пушкина на создание поэмы «Медный всадник». Во время демократических преобразований в 1991 население приняло участие в тройном референдуме. Жителям города предложили оценить реформаторскую политику Бориса Ельцина, стоявшего во главе страны; преобразования, которые собирался проводить мэр города, Анатолий Собчак, и его предложение об изменении имени города. В результате референдума демократические преобразования получили поддержку, и горожане, отвечая на вопрос своего мэра, проголосовали за возвращение городу его исходного имени. Санкт-Петербург возвратил себе прежнюю топонимику, а кроме того, снова зажёгся оптимизмом и радостью и получил международную славу.

Теперь, когда мы узнали о радостях и бедах героев этой истории, мы можем задать себе вопрос: что общего было у царя Петра, инженера Августина де Бетанкура, дипломата Хуана Валеры, инженера Мажи Корнета или журналистки и писательницы Монтсеррат Ройч? Вне всякого сомнения, все они по-своему и в разной степени, испытали притяжение Санкт-Петербурга. Все они, за исключением царя, ткали те нити, которые связывают сейчас Испанию с Санкт-Петербургом и со всей Россией в целом. Наличие этих связей сегодня видно и на испанском побережье, куда русские приезжают, чтобы насладиться нашими лучшими пляжами. Многие из них просто совершают туристические поездки, но некоторые вкладывают деньги в интересные предложения рынка недвижимости.

Может быть, наличие мостов нужно людям больше чем простое отсутствие границ. Первые, по природе своей соединяют, а вторые порой представляют собой не более, чем административные барьеры, которые нетрудно

de *bon vivant*, sus *Cartas desde Rusia* son de lo más destacado de su producción. Magí Cornet murió joven, incluso más que Montserrat Roig, aunque para ella San Petersburgo fue un inmenso y apasionante campo de investigación. Como periodista y escritora, su estancia en Leningrado le permitió crear unas grandes complicidades personales y, además, fue origen de uno de sus libros más exitosos y elogiados: *L'agulla daurada*. La ciudad también fue terreno propicio para que Agustín de Betancourt, uno de los ingenieros más prestigiosos de Europa, pudiera refugiarse de la invasión napoleónica española y aplicar todo lo aprendido en París y en Madrid a un Imperio desconocido. Un hombre de los que construyeron Europa con su biografía, antes que cualquier Tratado europeo, y que sentó las bases de la ingeniería civil española y rusa. De entre todos los actores de esta función, es el único de los españoles que fue enterrado en San Petersburgo, en uno de sus más solemnes

Tomando el Sol en el río Fontanka.
Солнечные ванны на реке Фонтанке.



преодолеть. Но кроме их вклада в связи стран и культур — что было общего у наших героев Санкт-Петербурга? Попробуем сыграть в детскую игру и составить из них пары. Давайте начнём с Петра Великого и Мажи Корнета. Первый из них мечтал преобразить Россию, дав жизнь новой столице; Корнет задумал построить в этом городе мост и заплатил ценой своей жизни за достижение этой цели. После этих двух крайних случаев, у нас есть ещё пример Хуана Валеры, для которого пребывание в Петербурге было не более чем развлечением. Однако в литературной карьере этого *бонвивана* его *Письма из России* станут самым примечательным произведением. Когда смерть настигла Мажи Корнета он был моложе, чем Монтсеррат Ройч, для которой Петербург стал огромным и интереснейшим полем для исследования. Поездка в Ленинград позволила этой писательнице и журналистке установить с его жителями прочные личные связи и послужила поводом создания одного из самых её успешных произведений — книги «Золотая игла», которая заслужила много хвалебных отзывов критики. Город также предоставил свою территорию для творчества Августина де Бетанкура, одного из самых известных инженеров Европы. Здесь он смог укрыться во время наполеоновских походов в Испанию и использовать всё, чему научился в Париже и в Мадриде, в этой безграничной Империи. Этот человек своей биографией построил Европу задолго до Договоров между европейскими странами, и заложил основы русского и испанского инженерного дела. Из всех испанцев — актёров этого спектакля — только он похоронен в Санкт-Петербурге, на одном из самых торжественных кладбищ. Сплетение их жизней, следов и слов составили новый ещё неизведанный маршрут по улицам города, новую карту, которая может нам помочь открыть их «петербурги».

Сейчас, когда мы возвращаемся к нашим первым наброскам, давайте поговорим немного о прошлом. Наверное, оттого, что мы глядим на него слишком прямо, или оттого, что оно отбрасывает очень длинные тени, иногда прошлое отражается в настоящем, словно фигуры китайского театра



Novios en la Stelka de Vasilievski.

Молодожёны на Стелке Васильевского острова.

cementerios. El conjunto de sus vidas, huellas y palabras han dejado una ruta inexplorada por la ciudad, un nuevo mapa para descubrir sus *petersburgos*.

Ahora que recuperamos antiguas trazas, hablemos por un momento del pasado. Ya sea porque lo miramos de frente o bien porque su perfil es muy alargado, a veces éste se nos proyecta en el presente a la manera de unas sombras chinas. Siempre que esto ocurre, quizás sea un buen momento para interrogarle a la espera de recibir algún tipo de orientación respecto al mañana. Los episodios desconcertantes se le plantan a uno en el camino mientras lee biografías o documentos históricos, pero también puede propiciarlos la atmosfera de determinados espacios muy dados a la memoria. No sólo me refiero a la visita de un campo de concentración o de un refugio de la Guerra Civil que, por su brutalidad, obligan a la reflexión. Más bien, pienso en

тене́й. Когда такое случается, стоит, вероятно, задать ему вопросы, чтобы оно подсказало нам путь в будущее. Когда читаешь биографии или исторические документы, нередко тебя поражают те или иные эпизоды. Атмосфера некоторых мест, пропитанная памятью, тоже может произвести на тебя подобное впечатление. Я говорю не только о посещении концентрационного лагеря или бомбоубежища времён Гражданской войны, которые оставляют такое сильное впечатление, что невольно заставляют человека задуматься. Я имею в виду скорее примеры городов, которые включают работу памяти, и среди них, несомненно, следует назвать Санкт-Петербург. Этот город вневременной красоты с биографией, полной потрясений и ужасов, обладает удивительной способностью вызвать гостя на эту игру, не навязывая её. Многие его улицы и проспекты на самом деле

ejemplos urbanos de catalizadores del recuerdo entre los que está, sin duda, San Petersburgo. Como ciudad de currículum estremecedor y belleza atemporal, tiene la fascinante capacidad de sugerir todo este juego más que de imponerlo. Muchas de sus calles y ejes monumentales son, en realidad, fábricas de épica. Entre ellas y en lugar destacado, para mí está la Strelka de la isla de Vasilievsky, el punto en que la tierra corta el río Neva en sus brazos Grande y Pequeño. Es un cabo delimitado por sobrios muros de granito, situado enfrente del Palacio de Invierno, junto a su Puente y con el Almirantazgo al fondo. Su posición, describiendo una semicircunferencia en planta, muestra una inequívoca voluntad de protagonismo, haciendo el amago de acercarse a la otra orilla del Neva y así poder acariciar sus fachadas palaciegas.

Desde allí, con este teatro arquitectónico de apariencia congelada, se palpa la vitalidad de la ciudad y el carácter desenfadado de sus habitantes. En cada visita, uno se encuentra distintas escenas: que si una sesión alocada de instantáneas de boda, con los novios y sus invitados bebiendo champán y después tirando las copas al río; algún pescador ocasional que vigila celosamente su caña, paseantes cogidos de la mano o *Ipads* haciendo fotos con un turista acartonado detrás. Incluso, uno puede llegar a ser actor y participar en un rodaje de una serie rusa de acción... Todo esto me pasó en la Strelka y en la ciudad; mucho más viva que la imagen proyectada por ciertos *touroperadores*. Hablo de las compañías que, para promocionar sus viajes a la ciudad, escogen la foto de la Iglesia del Salvador sobre la sangre derramada y sus cúpulas bulbosas. Si bien sobre esto me asalta una duda: ¿es lo más acertado, poner en el foco un edificio tan excéntrico respecto al espíritu petersburgués, y tan opuesto al concepto arquitectónico de la ciudad?

Mi último viaje a San Petersburgo fue alrededor del 9 de mayo de 2014, cuando se cumplían 69 años del Día de la Victoria o el fin de la Segunda Guerra Mundial, además de los 70 años del final del sitio de Leningrado. Por las calles y a la salida de las estaciones de metro, grupos de voluntarios repartían a la concurrencia unas cintas de franjas anaranjadas y negras que,

являются фабриками эпкики. Для меня среди них на одном из первых мест стоит Стрелка Васильевского острова, где земля рассекает реку на два рукава: Большую и Малую Неву. Этот мыс, ограниченный строгими гранитными стенами, расположен напротив Зимнего дворца и рядом с Дворцовым мостом, а вдали с него видно Адмиралтейство. Полуокруглое окончание мыса подчёркивает несомненную ведущую роль этой зоны в городе; Стрелка словно хочет дотянуться до другого берега Невы и дотронуться до дворцовых фасадов. Город отсюда видится как ансамбль казалось бы замерших навсегда архитектурных памятников, но в то же время здесь можно ощутить его энергию и живой характер его жителей. Когда приезжаешь в этот город, тебе всегда открывается что-то новое. Иногда это молодожёны, которые фотографируются и пьют шампанское на улице вместе с гостями, пришедшими на свадьбу, а потом кидают бокалы в реку; в другой раз здесь можно встретить рыбака, который сосредоточенно следит за поплавком... Порой можно увидеть, как парочки прогуливаются, взявшись за руки, или достают свои планшеты *Ipad* и фотографируются на фоне какого-нибудь туриста, созерцающего в изумлении панораму города. Можно даже на несколько минут стать актёром и принять участие в съёмках русского приключенческого сериала. Всё это случилось со мной на Стрелке и на улицах Петербурга, который гораздо живее, чем тот образ, который создают некоторые *туроператоры*. Я говорю сейчас об агентствах, использующих в своих рекламных буклетах фотографию храма Спаса-на-Крови с его луковичными куполами. Видя такую рекламу, я всегда начинаю сомневаться: Не ошибка ли фокусировать внимание на этом здании, которое столь сильно выделяется в ансамбле города и столь явно противоречит всей архитектурной концепции Петербурга?

В последний раз я был в Санкт-Петербурге в канун 9 мая 2014 года, когда исполнялась 69 годовщина Победы или конца Второй мировой войны и 70-летие снятия блокады Ленинграда. На улицах и около выходов из метро волонтеры раздавали прохожим ленточки с оранжевыми



Avenida Nevski, celebración del 9 de mayo *Día de la Victoria*.

Невский проспект. Празднование 9 мая Дня Победы.

acto seguido, la gente lucía como lazo en la solapa. Los desfiles militares y las banderolas hacían pensar que esta ciudad se ocupaba de su memoria, orgullosa de su épica y su capacidad de resistencia. Es así también en las multitudes que aquel día se reúnen en el cementerio de Piskairovsky, donde se enterraron gran parte de las víctimas del sitio. Un año antes, durante las noches blancas –disfrutando ahí por Sant Joan, la noche más corta– entendí que San Petersburgo no era sólo un relicario del pasado como dijo el periodista sevillano Manuel Chaves Nogales, sino sobre todo una máquina de presente y de futuro.

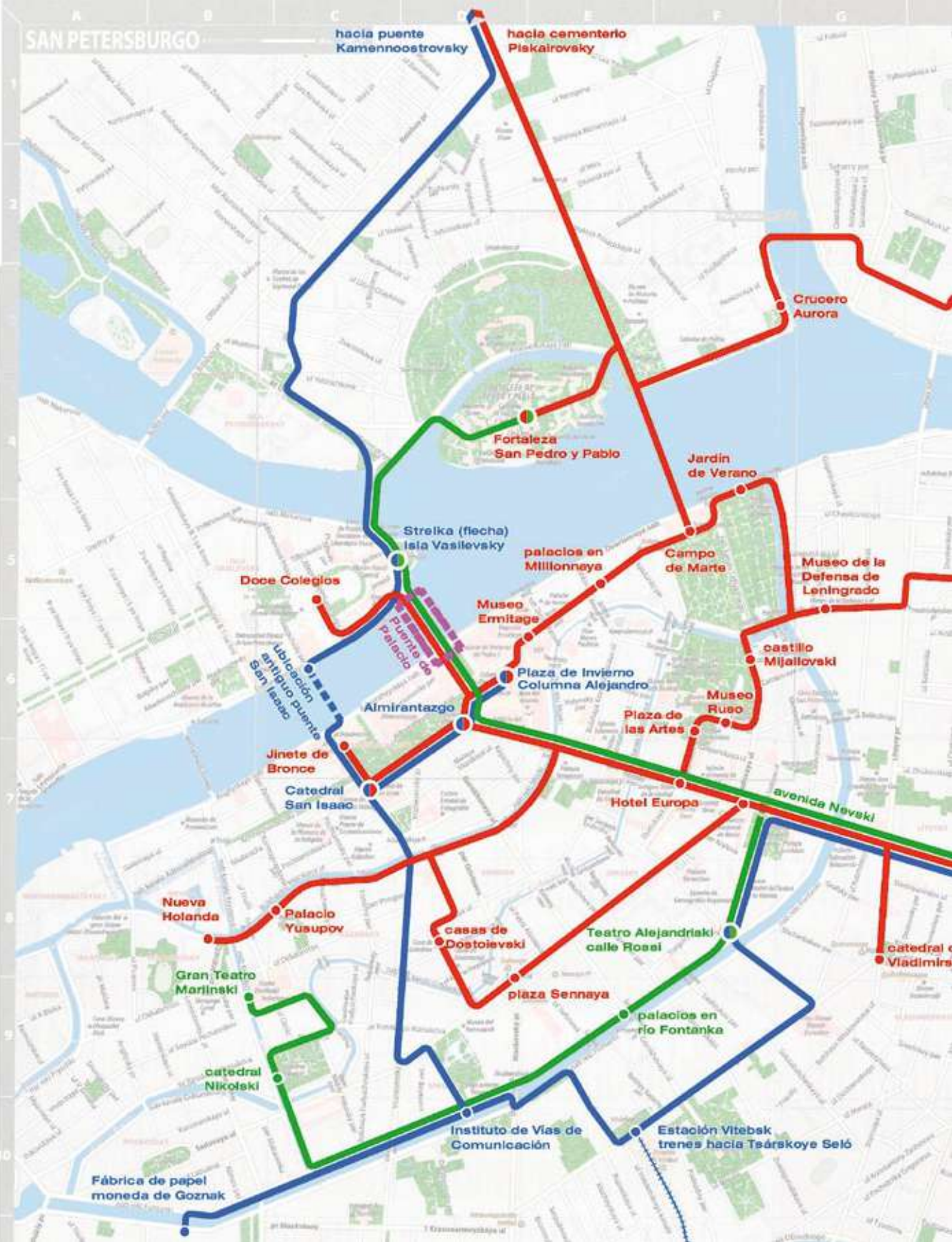
и чёрными полосками, из которых люди тут же делали банты и прикалывали их себе на грудь. Военные парады и развевающиеся знамёна говорили о том, что этот город заботится о своей памяти, гордится своим славным прошлым и способностью выстоять в трудную минуту. В этот день можно также видеть, как тысячи людей приходят на Пискаревское кладбище, где похоронена большая часть погибших во время блокады. Годом раньше, во время белых ночей, - когда мне удалось провести там Иванов день с его самой короткой ночью в году, - я понял, что

El evento más bello de la noche se produjo cuando las multitudes de ciudadanos y turistas se agolparon junto al Neva, a las dos de la madrugada, para ver cómo se abrían los puentes y pasaban los barcos. Sus cámaras chispeantes, desde el agua, debían ser como un mar de fueguitos, como parte de un espectáculo tan mediático que, año tras año, da la vuelta al mundo. Sin embargo, unas horas antes y muy a su pesar, fue en la plaza de Palacio dónde se desplegó toda una lección de los valores medulares, intrínsecos, de la ciudad. Bajo la apariencia de un festival de música, con control de accesos, un sinfín de urinarios móviles prefabricados y la rareza de no poder comprar ningún tipo de alcohol, San Petersburgo entregaba los premios a los estudiantes más excelentes de la región, antes de su acceso a la universidad. Como si fueran estrellas de un macroconcierto, acompañados de música y de los discursos del presidente Vladimir Putin, del alcalde y de otras autoridades, los alumnos más brillantes salieron a la palestra uno a uno para recibir su premio. La gente enloqueció y uno pensó que, efectivamente, Rusia sí que era *otro mundo* y que, al menos en San Petersburgo, todavía quedaba algo del espíritu de la Ilustración. Me da la impresión de que si lo viera el zar Pedro, que empezó a dibujar una ciudad en el mapa de un pantanal, tal vez esbozara una sonrisa burlona.

Санкт-Петербург не только реликвия прошлого, как писал севиальский журналист Мануэль Чавес, но — и прежде всего — мотор настоящего и будущего.

Самое прекрасное зрелище открылось нам той ночью в два часа пополудни, когда толпы жителей города и туристов собрались на берегах Невы, чтобы посмотреть, как разводятся мосты, и по реке проходят корабли. С их палуб, наверное, вспышки фотоаппаратов казались целым морем мерцающих огоньков и составляли часть этого спектакля, который год за годом освещает пресса всего мира. Однако, к огорчению журналистов, надо сказать, что другое событие, которое отражает исконную, коренную суть города произошло за два часа до этого на Дворцовой площади. Подготовка к нему напоминала скорее организацию музыкального фестиваля — контроль на входах, огромное количество передвижных туалетов, удивительный в этом городе запрет на любые спиртные напитки... Но, на самом деле, на площади вручали медали самым лучшим ученикам области перед их поступлением в вузы. Речи произносил президент Владимир Путин, мэр города и другие представители государственных учреждений, а выпускники под музыку поднимались на сцену, словно звёзды эстрады на грандиозном концерте. Один за другим, самые блестящие из учеников города, получали свои награды. Публика яростно аплодировала, и можно было подумать, что Россия — это, действительно, *другой мир*, и, по крайней мере, в Петербурге ещё жив дух *Просвещения*. Мне кажется, что если бы эту картину увидел царь Пётр, который начал чертить на карте болот план города, на его губах заиграла бы шутливая улыбка.

SAN PETERSBURGO



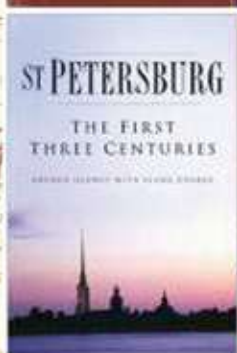
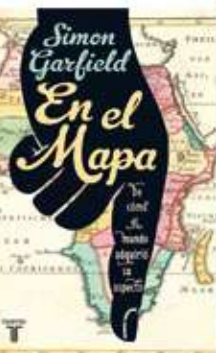
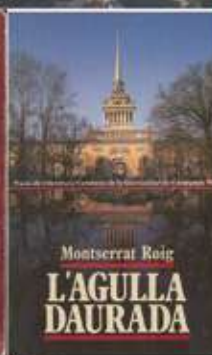
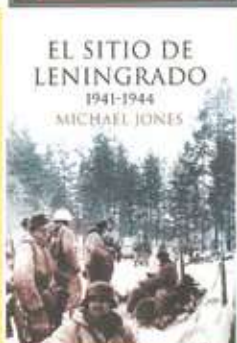
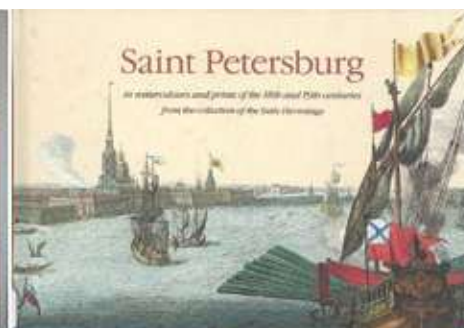


PERSONAJES Y RUTAS

- AGUSTÍN DE BETANCOURT (1758-1824)
- JUAN VALERA (1824-1905)
- MAGÍ CORNET (1866-1906)
- MONTSERRAT ROIG (1946-1991)

НАШИ ПЕРСОНАЖИ И ИХ МАРШРУТЫ

- АВГУСТИН ДЕ БЕТАНКУР (1758-1824)
- ХУАН ВАЛЕРА (1824-1905)
- МАЖИ КОРНЕТ (1866-1906)
- МОНТСЕРРАТ РОЙЧ (1946-1991)



Ahora que ya ha probado los platos de la casa, es hora de invitarle a la cocina. Sin revelarle las proporciones exactas ni el procedimiento seguido en cada receta, como lector merece una somera enumeración de los ingredientes; aunque tan sólo sea para evitarlos o reutilizarlos a su gusto en el futuro.

Para agilizar la lectura, a veces ya suficientemente densa en datos, se ha decidido obviar las referencias bibliográficas en el texto y sólo se han incluido algunos comentarios o explicaciones auxiliares. Eso sí, con la condición de que en este apartado se citarían las principales obras de referencia utilizadas en cada capítulo. Evidentemente no están todas las que son, pero sí aquellas que permiten recomponer el esqueleto básico de nuestro libro. Básicamente, se han consultado las obras con traducción al inglés, francés y español; aun siendo conscientes de que la bibliografía en ruso es mucho más extensa.

Al lector que quiera saber más sobre la ciudad de San Petersburgo, desde un punto de vista general y enciclopédico, puede acudir a *St Petersburg. The first three centuries* (Sutton Publishing, UK, 2004) de Arthur y Elena George; y también a *Saint Pétersbourg. Histoire, promenades, anthologie et dictionnaire* (Éd. Robert Laffont, París, 2003) de autoría colectiva. En este sentido, también es muy recomendable la obra de Marshall Berman: *Todo lo sólido se desvanece en el aire. La experiencia de la modernidad* (Siglo XXI de España editores, Madrid, 1988). Además, siempre está internet, que es inigualable en rapidez y agilidad. Una de las mejores y más fiables fuentes *on line* es la *Saint Petersburg Encyclopaedia* (<http://www.encspb.ru/>).

Para los capítulos I. *Mi primer mapa ruso* y II. *La construcción del sueño de Pedro*, aparte de las obras anteriores, ha sido fundamental la obra del urbanista I. A. Egorov *The architectural*

Теперь, когда вы уже попробовали, приготовленные мной блюда, наступило время пригласить вас на кухню. Я не буду рассказывать вам о точных пропорциях продуктов, ни о том, в какой последовательности они были использованы. Однако, читатель имеет право получить полный перечень ингредиентов, хотя бы для того, чтобы избегать их или, наоборот, взять на вооружение в будущем.

Чтобы облегчить чтение этой книги, отдельные фрагменты которой сами по себе пересыщены данными, мы решили убрать сноски из текста и внесли в него только некоторые разъяснения или комментарии. Все это было сделано при условии, что в этом разделе мы укажем основные произведения, использованные при написании каждой главы. Очевидно, нельзя назвать абсолютно все источники, но мы выбрали те из них, которые составляют основной костяк нашей книги. В большинстве случаев мы пользовались трудами в переводе на английский, французский или испанский языки, хотя, естественно, мы отдаем себе отчет в том, что библиография работ на русском языке была бы значительно более обширной.

Если читателю захочется поближе познакомиться с Петербургом с точки зрения общей энциклопедической информации, то он может обратиться к *St Petersburg. The first three centuries* (Sutton Publishing, UK, 2004), авторы: Arthur y Elena George; а также *Saint Pétersbourg. Histoire, promenades, anthologie et dictionnaire* (Éd. Robert Laffont, París, 2003) коллектива авторов. С этой точки зрения следует порекомендовать также книгу Marshall Berman: *Todo lo sólido se desvanece en el aire. La experiencia de la modernidad* (Siglo XXI de España editores, Madrid, 1988). Кроме того, у нас всегда под рукой Интернет, которому нет равных

planning of St. Petersburg (Ohio University Press, Athens, Ohio, 1969); así como *La Rusia de los zares* (Ed. Espasa Calpe, Madrid, 2007) de Alejandro Muñoz-Alonso. Para saber más sobre la historia de la ciudad rusa, es muy amena la obra *Ciudad rusa y ciudad soviética* (Editorial Gustavo Gili, Barcelona, 1978).

Respecto al capítulo III. *Agustín Agustínovich Betancourt, ministro del zar* hay una obra colectiva fundamental: *Betancourt. Los inicios de la ingeniería moderna en Europa* (CEHOPU, Ministerio de Obras Públicas, Transportes y Medio Ambiente, Madrid, 1996). Pero también es imprescindible el breve libro de Alekséi Bogoliúbov *Un héroe español del progreso: Agustín de Betancourt* (Seminarios y Ediciones, Madrid, 1973); y el homenaje que le hizo Javier Rui-Wamba en *Agustín de Betancourt. Una mirada contemporánea* (Fundación Esteyco, Madrid, 2007). Respecto a la obra y periodo de Betancourt en España son importantes los libros de Antonio Rumeu de Armas *Ciencia y Tecnología en la España ilustrada. La Escuela de caminos y canales* (Ed. Turner, Madrid, 1980) o el de José A. García-Diego *En busca de Betancourt y Lanç* (Ed. Castalia, Madrid, 1985). Sobre algunas obras de Betancourt en Rusia, Bill Addis aporta reflexiones interesantes en su brutal libro *3.000 years of Design, Engineering and Construction* (Phaidon Press Limited, London, 2007).

El origen del capítulo IV. *Un dandi en San Petersburgo: Juan Valera* son las propias cartas de Valera, publicadas en tres volúmenes bajo el título *Cartas desde Rusia* y disponibles en varias ediciones impresas o, de forma gratuita, descargables desde la Biblioteca virtual Miguel de Cervantes (<http://www.cervantesvirtual.com/>). Para conocer la vida del escritor y diplomático, hay que acudir a Manuel Azaña, su mejor biógrafo y Presidente de la II República española. Habla de él en el capítulo *Valera* dentro de la obra *La invención del Quijote y otros ensayos* (Ed. Espasa-Calpe, Bilbao, 1934). El caldo de cultivo histórico lo proporciona Pierre Villar en su *Historia de España* (Ed. Crítica, 15ª edición, Barcelona, 1982).

En la gestación del capítulo VI. *Por una máquina sobre el Nera*.

в быстроте и удобстве. Один из самых надежных источников *on line это Saint Petersburg Encyclopaedia* (<http://www.encyspb.ru/>).

Для главы I *Моя первая карта России* и главы II. *Создание мечты Петра* кроме указанных выше источников мне потребовалась работа градостроителя I.A. Egorov *The architectural planning of St. Petersburg* (Ohio University Press, Athens, Ohio, 1969); а также *La Rusia de los zares* (Ed. Espasa Calpe, Madrid, 2007), автор Alejandro Muñoz-Alonso. Очень живо описывается история создания русских городов в книге *Ciudad rusa y ciudad soviética* (Ed. Gustavo Gili, Barcelona, 1978).

Что касается главы III. *Августин Августинович Бетанкур, царский министр*, то на эту тему есть коллективная монография, дающая полную информацию - *Betancourt. Los inicios de la ingeniería moderna en Europa* (CEHOPU, Ministerio de Obras Públicas, Transportes y Medio Ambiente, Madrid, 1996). Но тоже непременно следует обратиться к небольшой книге Alekséi Bogoliúbov *Un héroe español del progreso: Agustín de Betancourt* (Seminarios y Ediciones, Madrid, 1973); и к работе, которую сделал в честь этого инженера Хавьер Руй-Вамба *Agustín de Betancourt. Una mirada contemporánea* (Fundación Esteyco, Madrid, 2007). Важными источниками информации об испанском периоде творчества Бетанкура являются книги Antonio Rumeu de Armas *Ciencia y Tecnología en la España ilustrada. La Escuela de caminos y canales* (Ed. Turner, Madrid, 1980) или José A. García-Diego *En busca de Betancourt y Lanç* (Ed. Castalia, Madrid, 1985). Об отдельных работах Бетанкура в России глубоко размышляет Bill Addis в своей великолепном труде *3000 years of Design, Engineering and Construction* (Phaidon Press Limited, London, 2007).

Источником главы IV. *Денди в Санкт-Петербурге*о Хуан Валера послужили письма самого Валеры, опубликованные в трех томах под общим названием *Cartas desde Rusia*. Существует несколько изданий этого произведения а, кроме того, его можно скачать бесплатно в виртуальной Библиотеке Miguel de Cervantes (<http://www.cervantesvirtual.com/>). Чтобы

La historia de Magí Cornet ha sido imprescindible la obra de Montserrat Cornet *Carta a mi abuelo (El puente de San Petersburgo)* (Ed. Marré, Barcelona, 2011) al igual que las horas de conversación con ella y la gran cantidad de documentación dispersa que me facilitó, entre la cual había mucha prensa de la época. Sus libros pueden adquirirse a través de su página web (<http://www.golinons.com/montsecornet/>).

También ha sido fundamental la consulta de la Revista *Tecnológico-Industrial* de la Asociación de Ingenieros Industriales, hoy totalmente digitalizada (<http://fonsantic.upc.edu/handle/2099.4/1366>). Para el contexto de los puentes e historia de San Petersburgo, es útil la obra de Boris Antonov *Bridges of Saint Petersburg* (P-2 Art Publishers, San Petersburgo, 2007), así como un monográfico especial de la revista *Historia y Vida* dedicado a la antigua capital zarista (núm. 417, 2002). En lo que se refiere a la historia peninsular, se utilizó la obra de Jaume Vicens Vives *Espanya contemporània* (1814-1953) (Quaderns Crema, Barcelona, 2012) y, en relación a la situación social de Barcelona, la excepcional obra de Eduardo y Cristina Mendoza, *Barcelona modernista* (Ed. Planeta, Barcelona, 1989). Para las referencias a Isaak Pavlovski, consultar el interesante libro de Josep Maria Farré *Un rus a Catalunya* (Edicions el Llamp, Barcelona, 1989); así como el trabajo de la profesora Anna Llovera en la Universitat de Lleida. Respecto a la Maquinista Terrestre y Marítima, a parte del fondo del Arxiu Nacional de Catalunya en Sant Cugat, se puede consultar: *150 anys d'història de La Maquinista Terrestre i Marítima i de Macosa* (Fundació Museu Historicosocial de La Maquinista Terrestre i Marítima i Macosa, Barcelona, 2009). La figura de su director Cornet i Mas la estudiaron a fondo Rosa Giral y Albert Pérez en su *Josep Maria Cornet i Mas, enginyer i polític* (Col·legi d'Enginyers Industrials de Catalunya, Barcelona, 1994).

Para profundizar en el tema VII. *Geografías, físicas y líricas*, es muy recomendable la lectura de dos libros apasionantes, de aquellos que dejan huella: el primero es de Frank Westerman y se llama *Ingenieros del alma* (Ed. Siruela, 2009), y el segundo

mejor, para conocer la vida de este escritor y diplomático, mejor acudir a la biografía, creada por Manuel Asan, presidente de la Segunda República Española. Es el mejor de todos los biográficos. Él cuenta sobre X. Valera en el capítulo Valera en la obra *La invención del Quijote y otros ensayos* (Ed. Espasa-Calpe, Bilbao, 1934). Lo que respecta a la descripción general del contexto histórico, nos dirigimos a la obra de Pierre Villar *Historia de España* (Ed. Crítica, 15ª edición, Barcelona, 1982).

Para la aparición en la luz del capítulo VI. *En busca del mecanismo de la Nevoia. Historia de Mijaíl Kornet* nos fue necesaria la obra de Montserrat Cornet *Carta a mi abuelo (El puente de San Petersburgo)* (Ed. Marré, Barcelona, 2011) y también largas horas de conversación con Montserrat y un gran número de documentos, de los que ella nos ha proporcionado. Entre estos documentos había muchas obras de la época. Entre ellas, la revista *Historia y Vida* dedicada a la antigua capital zarista (núm. 417, 2002). En lo que respecta a la historia peninsular, se utilizó la obra de Jaume Vicens Vives *Espanya contemporània* (1814-1953) (Quaderns Crema, Barcelona, 2012) y, en relación a la situación social de Barcelona, la excepcional obra de Eduardo y Cristina Mendoza, *Barcelona modernista* (Ed. Planeta, Barcelona, 1989). Para las referencias a Isaak Pavlovski, consultar el interesante libro de Josep Maria Farré *Un rus a Catalunya* (Edicions el Llamp, Barcelona, 1989); así como el trabajo de la profesora Anna Llovera en la Universitat de Lleida. Respecto a la Maquinista Terrestre y Marítima, a parte del fondo del Arxiu Nacional de Catalunya en Sant Cugat, se puede consultar: *150 anys d'història de La Maquinista Terrestre i Marítima i de Macosa* (Fundació Museu Historicosocial de La Maquinista Terrestre i Marítima i Macosa, Barcelona, 2009). La figura de su director Cornet i Mas la estudiaron a fondo Rosa Giral y Albert Pérez en su *Josep Maria Cornet i Mas, enginyer i polític* (Col·legi d'Enginyers Industrials de Catalunya, Barcelona, 1994).

También ha sido fundamental la consulta de la Revista *Tecnológico-Industrial* de la Asociación de Ingenieros Industriales, hoy totalmente digitalizada (<http://fonsantic.upc.edu/handle/2099.4/1366>). Para el contexto de los puentes e historia de San Petersburgo, es útil la obra de Boris Antonov *Bridges of Saint Petersburg* (P-2 Art Publishers, San Petersburgo, 2007), así como un monográfico especial de la revista *Historia y Vida* dedicado a la antigua capital zarista (núm. 417, 2002). En lo que respecta a la historia peninsular, se utilizó la obra de Jaume Vicens Vives *Espanya contemporània* (1814-1953) (Quaderns Crema, Barcelona, 2012) y, en relación a la situación social de Barcelona, la excepcional obra de Eduardo y Cristina Mendoza, *Barcelona modernista* (Ed. Planeta, Barcelona, 1989). Para las referencias a Isaak Pavlovski, consultar el interesante libro de Josep Maria Farré *Un rus a Catalunya* (Edicions el Llamp, Barcelona, 1989); así como el trabajo de la profesora Anna Llovera en la Universitat de Lleida. Respecto a la Maquinista Terrestre y Marítima, a parte del fondo del Arxiu Nacional de Catalunya en Sant Cugat, se puede consultar: *150 anys d'història de La Maquinista Terrestre i Marítima i de Macosa* (Fundació Museu Historicosocial de La Maquinista Terrestre i Marítima i Macosa, Barcelona, 2009). La figura de su director Cornet i Mas la estudiaron a fondo Rosa Giral y Albert Pérez en su *Josep Maria Cornet i Mas, enginyer i polític* (Col·legi d'Enginyers Industrials de Catalunya, Barcelona, 1994).



Павловского мы советуем вам обратиться к интересной книге Josep Maria Farré *Un rus a Catalunya* (Edicions el Llamp, Barcelona, 1989), а также к работе профессора Университета г. Лейды Анны Льонера. Информацию о предприятии «Макиниста: машины для суши и моря» можно получить в Национальном Архиве Каталонии, который находится в г. Сант Кутат, а также в издании *150 anys d'història de La Maquinista Terrestre i Marítima i de Macosa* (Fundació Museu Historicosocial de La Maquinista Terrestre i Marítima i Macosa, Barcelona, 2009). Фигура директора этого предприятия Корнета и Маса изучили подробно Роза Жиральт и Альберт Перес в книге *Josep Maria Cornet i Mas, enginyer i polític* (Col·legi d'Enginyers Industrials de Catalunya, Barcelona, 1994).

Чтобы глубже познакомиться с темой VII. *Географические шифроты*, физики и лирики, мы настоятельно рекомендуем вам прочесть две великолепные книги, которые не оставят вас равнодушными: автор первой Frank Westerman и она называется *Ingenieros del alma* (Ediciones Siruela, 2009). Вторую написал Emmanuel Carrère; называется она *Limónov* (Ed. Anagrama, Barcelona, 2013). Также оставляет глубокое впечатление свидетельство вдовы поэта Осипа Мандельштама, Надежды Мандельштам: *Nadiezhdha Maldelstam Contra toda esperanza* (Acantilado, Barcelona, 2012). Чтобы понять, как влияет на общество география, я предлагаю вам прочесть работу Robert D. Kaplan *La venganza de la geografía* (RBA Libros, Barcelona, 2013). Относительно последствий одного из решений советских властей в области гидравлики, которое еще и сегодня оказывает свое влияние, очень интересно, например, посмотреть документальный фильм Изабель Куйцет *Aral. El mar perdido* и найти информацию сайта *We Are Water Foundation* (http://www.wearewater.org/es/aral-el-mar-perdido_1900).

Edificio Singer, actual Casa del libro, en la avenida Nevski.

Дом компании “Зингер” на Невском проспекте, ныне - Дом книги.

es de Emmanuel Carrère, titulado *Limónov* (Ed. Anagrama, Barcelona, 2013). También es impresionante el testimonio de la viuda del poeta Ósip Mandelstam, Nadiezhda Maldelstam, en *Contra toda esperanza* (Acanalado, Barcelona, 2012). Para conocer la influencia de la geografía, les sugiero la obra de Robert D. Kaplan *La venganza de la geografía* (RBA Libros, Barcelona, 2013). Y sobre uno de los casos de la hidráulica soviética que todavía hoy colean, por ejemplo, es recomendable ver el documental de Isabel Coixet *Aral. El mar perdido* y consultar la información de *We Are Water Foundation* (http://www.wearewater.org/es/aral-el-mar-perdido_1900).

El capítulo *VIII. Leningrado, Roig y rojo* tiene su origen en las obras de Montserrat Roig sobre San Petersburgo *Mi viaje al bloqueo* (Plaza & Janés, Barcelona, 2001) y *L'Agulla daurada* (Edicions 62, Barcelona, 1987); al igual que sus artículos recogidos en *Diari d'uns anys (1975-1981)* (Acontravent, Barcelona, 2011). Sobre el sitio de Leningrado hay grandes obras, pero una buena síntesis de todas ellas —y bien ilustrada— es la de Michael Jones *El sitio de Leningrado 1941-1944* (Ed. Crítica, Barcelona, 2008).

Finalmente, en el texto *IX. Un mapa de...* ha sido inspiradora y muy recomendable la lectura de la obra de Simon Garfield *En el mapa* (Santillana Ed. Generales, Madrid, 2013), así como el libro de viajes de Jacint Verdaguer *De Tànger a Sant Petersburg* (Tusquets Ed., Barcelona, 2003).

Глава *VIII. Красный Ленинград глазами Монтсеррат Ройч* основывается на произведениях писательницы о Санкт-Петербурге *Mi viaje al bloqueo* (Plaza & Janés, Barcelona, 2001) и *L'Agulla daurada* (Edicions 62, Barcelona, 1987), а также на ее статьях, опубликованных в сборнике *Diari d'uns anys (1975-1981)* (Acontravent, Barcelona, 2011). О блокаде Ленинграда написано много замечательных произведений, но вся информация на эту тему собрана в прекрасно иллюстрированной монографии Michael Jones *El sitio de Leningrado 1941-1944* (Ed. Crítica, Barcelona, 2008).

И, наконец, текст главы *IX. II снова карта ...* был написан под впечатлением труда Simon Garfield *En el mapa* (Santillana Ed. Generales, Madrid, 2013), который мы вам настоятельно рекомендуем. Кроме того, вас могут заинтересовать путевые заметки Жасинта Вердаге Jacint Verdaguer *De Tànger a Sant Petersburg* (Tusquets Ed., Barcelona, 2003).



ROGER BESORA I FOIX. Torà de Riubregós, 1985

Hijos es lo primero que somos en la vida y yo lo soy de un pagès il·lustrado, històric sindicalista de la *Unió de Pagesos de Catalunya* con incursiones polítiques *maragallistas*; y de una farmacèutica, en cuyas balanzas intenté aprender la cultura del esfuerzo y del trabajo bien hecho, mucho antes de que lo popularizara el *Barça* de Pep Guardiola.

Soy, por vocación, Arquitecto de la Escola Tècnica Superior d'Arquitectura de Barcelona (ETSAB–UPC, 2010), supongo que porque de pequeño me gustaba dibujar, imaginar y todo aquello que se acercaba a crear. Dentro del exigente periplo de la Escuela, obtuve una plaza para estudiar un año académico (2008-2009) en el *College of Architecture* del Illinois Institute of Technology (Chicago, EEUU). Allí descubrí un país inmenso y magnífico, otras formas de enseñar la arquitectura, de entender la ciudad y la profesión. Justo después de entregar el Proyecto Final de Carrera, participé en un *workshop* internacional sobre urbanismo en la Universidad Mayor de Santiago de Chile, meses después del terrible terremoto y tsunami que trastornó el país.

Mentiría si sólo reconociera mi formación con profesores arquitectos de Barcelona y Chicago, porque durante los estudios sobre todo aprendí en Igualada, con el arquitecto Pere Puig y su equipo. Ahora llegamos al 2010, que fue un año fundamental: entonces me incorporé al equipo de Esteyco. Descubrí primero a Andreu Estany y hablando con él y leyendo su *Arquitectes entre enginyers* me convencí de que éste era el barco y la tripulación que esperaba, capitaneados por Javier y Carlos. Desde entonces, gran parte de nuestro trabajo se conjuga en plural e incluye obras en las que la ingeniería y la arquitectura se funden en lo ferroviario, urbanístico o edificatorio. Desde Barcelona y Madrid hasta el resto de España, Colombia, Chile, México o Argelia se expande nuestra geografía. Es un honor para mí que San Petersburgo y Rusia estén, desde ahora mismo, también más cerca.

РУЖЕ БЕЗОРА И ФОЙШ. Тора де Рнубрегос, 1985

В этой жизни мы, в первую очередь являемся детьми. Я сын просвещенного крестьянина, профсоюзного деятеля «*Союза крестьян Каталонии*», который в эпоху Марагала активно включился в политику. А моя мать — фармацевт, и на ее весах я попытался проникнуться культурой труда и честно выполненной работы, задолго до того, как эти ценности стали популярны, благодаря тренеру Барсы, Пепу Гвардьоле. По призванию я — архитектор Высшей технической школы архитектуры в Барселоне (ETSAB-UPC, 2010), наверное потому, что в детстве я любил рисовать, фантазировать и заниматься всем, что имеет отношение к *творчеству*. В рамках строгой программы Школы я получил возможность на протяжении учебного года (2008-2009) заниматься в *College of Architecture* в Иллинойском технологическом институте (Чикаго, США). Там я открыл для себя огромную и великолепную страну, иные способы обучения архитектуре, иное понимание концепции города и нашей профессии. Сразу после защиты диплома, я принял участие в международном семинаре по вопросам градостроительства в Университете Сантьяго-де-Чили, всего несколько месяцев спустя после страшного землетрясения и цунами, которые потрясли страну.

Я бы погрешил против правды, если бы сказал, что обязан своей подготовкой только преподавателям факультетов архитектуры Барселоны и Чикаго, потому что во время учебы я больше всего узнал в Игуаладе, в бюро Пере Пуйча и его сотрудников. А потом наступил и 2010 год, который стал для меня решающим: в этом году я начал работать в группе Эстейко. Сначала я познакомился с Андреу Эстанем, и разговоры с ним и его книга *Архитекторы среди инженеров* убедили меня в том, что именно на этом корабле и с такой командой, под руководством Хавьера и Карлоса, мне хотелось отправиться в плавание. С тех пор, в большинстве случаев, говоря о нашей работе, мы используем глаголы во множественном числе, и в наших проектах сочетаются архитектура, инженерное дело, строительство, градостроительство и железнодорожные работы. Из Барселоны и Мадрида наша география охватывает остальные районы Испании, а также Колумбию, Чили, Мексику или Алжир. Для меня является большой честью, что Санкт-Петербург и Россия с сегодняшнего дня тоже стали для меня ближе.



SERGI GODIA FRAN. Barcelona, 1948

Sergi Godia es arquitecto desde 1970. A lo largo de casi 45 años de profesión ha sido galardonado tres veces con el premio FAD (ámbito España y Portugal) en tres apartados distintos: *Arquitectura* en 1976, *Restauración* en 1982 y *Espacios Urbanos* en 1999. Ha recibido Premio Nacional de Urbanismo en 1979 (España) y el *Award of Excellence* de la *European Chapter of the American Institute of Architects* (Dublín, año 2000). Entre otras nominaciones, recientemente ha recibido el Premio en la 1ª Muestra de Arquitectura de Barcelona (2014).

Sergi ha proyectado y construido numerosas obras de arquitectura, principalmente equipamientos públicos como escuelas, centros sanitarios, instalaciones deportivas o bibliotecas; además de otros edificios administrativos y de viviendas. Autor de varios planes urbanísticos en ciudades europeas, como el Master Plan del Fórum 2004 en Barcelona, junto a J. A. Acebillo. Profesor en la Escuela Técnica Superior de Arquitectura de Barcelona (ETSAB-UPC) y profesor invitado en distintas universidades nacionales e internacionales. Su obra, además, ha formado parte de exposiciones internacionales y recogida en diversas publicaciones (*ON Arquitectura*, *Quaderns d'Arquitectura i Urbanisme*, *Arquitectura Viva*, *Lotus*, etc.)

A raíz de las obras de urbanización de los accesos ferroviarios a la estación de Sants en Barcelona, que Sergi dirige y en las que Esteyco es actor destacado, se inició la relación profesional y personal con nuestra oficina. A través del barrio de Sants, histórico centro proletario, coincidimos emocionalmente en Leningrado. Fue el magnetismo de la ciudad rusa y, en especial, la música de Shostakóvich quien condujo a Sergi hasta estas páginas, de las cuales ya nunca más se irá, impregnado de la 7ª *Sinfonía* del maestro.

СЕРЖИ ГОДИЯ И ФРАН. Барселона, 1948

Сержи Годия начал работать архитектором в 1970 году. На протяжении своей почти 45-летней карьеры он трижды был награжден премией Независимой ассоциации развития искусства и дизайна FAD (район Испании и Португалии) в трех различных номинациях: Архитектура в 1976 году, Реставрация в 1982 и Городское пространство в 1999. В 1979 году он получил национальную премию в области градостроительства (Испания) и Award of Excellence European Chapter of the American Institute of Architects (Дублин, 2000 год). Среди прочих наград недавно он получил Премию Первой барселонской выставки архитектуры (2014). Сержи создал и воплотил в жизнь множество архитектурных проектов, в основном в области гражданской архитектуры – школы, медицинские учреждения, спортивные комплексы или библиотеки, а также административные здания и жилые дома. Также он осуществил различные градостроительные программы в разных европейских городах, как например, Генеральный план Форума-2004 в Барселоне, вместе с Ж.А. Асебилю. Он преподавал в Высшей технической школе архитектуры в Барселоне и его приглашали читать лекции в различные университеты, как в Испании, так и в других странах. Его работы демонстрировались на международных выставках и освещались в различных публикациях (*ON Arquitectura*, *Quaderns d'Arquitectura i Urbanisme*, *Arquitectura Viva*, *Lotus* и т.д.).

В связи с работами по перекрытию железнодорожных путей в районе вокзала Сантс и дальнейшего благоустройства этих площадей, которые возглавляет Сержи, а Эстейко играет важную роль в их реализации, у нашего бюро с ним установились прочные профессиональные и личные связи. Через район Сантс с его пролетарской историей мы вместе прочувствовали Ленинград. Притягательная сила русского города и, в первую очередь, музыка Шостаковича привели Сержи на эти страницы, на которых он останется навсегда, вдохновленный Седьмой симфонией мастера.



JAVIER RUI-WAMBA MARTIJA. Gernika, 1942

Javier Rui-Wamba es ingeniero de caminos, canales y puertos desde 1966. A lo largo de casi 50 años de profesión, ha participado en más de 1.000 estudios, proyectos, direcciones de obras y trabajos de I+D+i. Inició su trayectoria con Cubiertas – MZOV en el Plan Sur de Valencia, y después en la oficina de Freyssinet en París (1969). Al volver a España, con 27 años, puso los fundamentos de Esteyco, la sociedad de ingeniería que es la obra de su vida y que hoy cuenta con un equipo pluridisciplinar de más de 120 personas con oficinas en Barcelona, Madrid, Bilbao, Bogotá, México, Chile y Argelia.

Durante 17 años, hasta 1991, fue Profesor de Estructuras y Puentes Metálicos en la Escuela de Ingenieros de Caminos de Madrid. También ha sido Profesor honorífico de la Universidad Politécnica de Cataluña y conferenciante invitado a nivel nacional e internacional. Javier Rui-Wamba presidió en el periodo 1992-1994 la Asociación Española de Consultores de Ingeniería y es Miembro de honor y Medalla de la ATEP por la contribución al desarrollo del hormigón pretensado en España (1987). Entre otros premios y reconocimientos, ha sido distinguido con la Medalla al Mérito Profesional (1992) y Medalla de Honor (2013) del Colegio Nacional de Ingenieros de Caminos. Recientemente (2013) ha recibido el premio de ALE Heavylift a “Toda una vida”. También es miembro numerario de la Real Academia de Ingeniería (1997) y Correspondiente de la Real de Bellas Artes de San Fernando (2002). Desde 2013 forma parte del Consell Consultiu de l’Hàbitat Urbà del Ajuntament de Barcelona. Actualmente, preside Esteyco y la Fundación Esteyco, que creó en 1991.

ХАВЬЕР РУИ-ВАМБА МАРТИХА. Герника, 1942

Хавьер Руи-Вамба работает инженером путей сообщения, каналов и портов с 1966 года. На протяжении без малого 50 лет работы при его участии было осуществлено более 1000 исследований, проектов, управлений строительством и работ НИОКР. Он начал свою деятельность на предприятии Cubiertas – MZOV во время проведения работ по изменению русла реки Турия в нижнем ее течении, а потом сотрудничал в бюро Фрейсинет в Париже (1969). Вернувшись в Испанию в возрасте 27 лет, он заложил основы Эстейко, инженерного сообщества, которое является делом его жизни. В офисах этой фирмы в Барселоне, Мадриде, Бильбао, Боготе, Мехико, Чили и Алжира сегодня работают более 120 человек различных специальностей.

На протяжении 17 лет, начиная с 1991 года, Х. Руи-Вамба преподавал предмет «Металлические конструкции и мосты» в Высшей школе инженеров путей сообщения в Мадриде. Он также был Почетным профессором Политехнического Университета Каталонии; его неоднократно приглашали читать лекции в различные центры, как в Испании, так и за рубежом. В 1992-1994 годах он возглавлял Испанскую ассоциацию консультантов по инженерным вопросам и является почетным членом Испанской ассоциации инженеров спортивных сооружений, чьей медалью он был награжден за вклад в разработки в области предварительно напряженного железобетона в Испании (1987). Среди различных наград и премий можно упомянуть Медаль за профессиональные заслуги (1992) и Почетную медаль Национальной Коллегии Инженеров-дорожников (2013). Недавно (2013) он также получил премию ALE Heavylift «Вся жизнь». Х. Руи-Вамба также является действительным членом Королевской Академии Инженерного дела (1997) и членом-корреспондентом Королевской академии изящных искусств Сан-Фернандо (2002). С 2013 года входит в состав Консультационного совета по градостроительству мэрии Барселоны. В настоящее время является президентом Эстейко и Фонда Эстейко, который он создал в 1991 году.



NINA AVROVA I RAAVEN, PROFESORA Y TRADUCTORA DE RUSO. Moscú, 1957

Nina Avrova se ha movido felizmente cerca de las historias que aquí se cuentan incluso antes de que éstas fueran mezcladas dentro de un mismo relato. Las unió con su biografía personal y profesional de forma inconsciente y casual. Las confluencias empiezan con su abuelo, ingeniero, que estudió en el Instituto de Vías de Comunicación de San Petersburgo fundado por Agustín de Betancourt. Ella que es profesora y traductora de ruso en Barcelona y que durante años enseñó castellano y catalán en Moscú, conoció a Montserrat Roig en Leningrado, cuando trabajaba para la Agencia rusa de turismo estatal. Y divertida ante tanta coincidencia, confiesa que el primer libro que leyó en castellano fue Pepita Jiménez, el gran éxito literario de Juan Valera.

Más tarde, Nina trasladó su residencia en Barcelona y la biografía de coincidencias continuó. En 2005, descubrió la historia del ingeniero Magí Cornet, a través de su nieta Montse y de la traducción al ruso que hizo de su obra *Carta a l'avi (El Puente de San Petersburgo)*. La profesora Avrova también ha traducido al ruso a otros reconocidos autores de la literatura castellana y catalana (entre ellos, Max Aub, Álvaro Cunqueiro, Mercè Rodoreda, Quim Monzó, Sergi Pàmies o Albert Sánchez Piñol), así como autores rusos al catalán (A.P. Chéjov, F. Dostoyevski o Aleksandr Blok), algunos de ellos representados en los principales teatros de Barcelona. Como testigo privilegiado, le pedimos que rescate una imagen personal de la Montserrat Roig que conoció en Leningrado en Nochevieja de 1980, cuando guió a la escritora en un segundo viaje por la ciudad.

Entre sus recomendaciones literarias para acercarse a San Petersburgo, están las siguientes obras: Gogol, Nikolai: *Historias de San Petersburgo*. Alianza editorial, 2004 Trad. Juan López-Morillas. Gogol, Nikolai: *La nariz y otros cuentos*. ANAYA, 2009 Trad. Isabel Vicente. Berberova, Nina: *La orilla eterna*. Barcelona, Circe, 1995 Trad. Selma Ancira. Biely, Andrei: *Petersburgo*. Madrid, Alfaguara, 1981 Trad. José Fernández Sánchez. Bitov, Andrei: *La casa Pushkin*. Barcelona, Tusquets, 1991 Trad. Selma Ancira. Dostoyevski, Fiodor: *Noches blancas. El pequeño héroe. Un episodio vergonzoso*. Madrid, Alianza Editorial, 1988. Trad. Juan López Morillas. Dostoyevski, Fiodor: *Noches Blancas*. Madrid, Editora Nacional, 1978. Trad. Tatiana Pérez.

Нина Аврова, преподаватель русского языка и переводчик. Москва, 1957

По счастливому стечению обстоятельств Нина Аврова уже сталкивалась раньше с персонажами историй, которые мы здесь рассказываем, задолго до того, как они соединились в одно повествование. Они объединились в ее личной и профессиональной биографии случайно и непредсказуемо. Совпадения начинаются с того, что ее дедушка, инженер, учился в Санкт-Петербурге в Институте путей сообщения, основанном Августином де Бетанкуртом. Она сама сейчас работает преподавателем русского языка и переводчиком в Барселоне, но до этого много лет преподавала испанский и каталонский языки в Москве, и познакомилась с Монтсеррат Ройч в Ленинграде, когда работала в государственном туристическом бюро. Ее так забавляют все эти совпадения, что она призналась, что первой книгой, которую она прочитала по-испански, была «*Пепита Хименес*», самое известное произведение Хуана Валеры.

Позднее Нина переехала жить в Барселону, и биография совпадений продолжилась здесь. В 2005 году она открыла для себя историю инженера Мажии Корнета от его внучки Монтсе и перевела на русский язык ее книгу *Письмо деду (Санкт-Петербургский мост)*. Нина Аврова также перевела на русский язык выдающихся авторов испанской и каталонской литературы (среди них – Макса Ауба, Альваро Кункейро, Мерсе Родореду, Кима Мунзо, Сержи Памисеса или Альберта Санчеса Пиньоля) и русских авторов (А.П. Чехова, Ф. М. Достоевского и Александра Блока) – на каталонский. Некоторые пьесы этих русских авторов в ее переводах были поставлены в ведущих театрах Барселоны. Мы решили воспользоваться счастливым совпадением и попросили Нину вспомнить о том, какой была Монтсеррат Ройч, с которой она познакомилась в канун Нового года в 1980, когда сопровождала писательницу во время ее второй поездки в город.

Всем, кто захочет продолжить знакомство с Санкт-Петербургом, она советует прочитать эти книги Гоголя, Белого, Достоевского, Андрея Битова и Нины Берберовой, переведенные на испанский язык.

© foto: Eugènia Canyelles / фотография: Эужения Каньельес

Cuando yo era pequeña la ciudad de mi abuela, que odiaba sus vientos húmedos y al mismo tiempo añoraba sus calles, se llamaba Leningrado. Pero para ella seguía siendo su Petersburgo. Ella vivió allá su infancia y su juventud y sólo volvió a su ciudad natal un par de semanas cuando ya era mayor. A veces me explicaba historias de sus estudios en el Instituto Smolny, de sus travesuras de cuando era niña, de su trabajo en el hospital cuando estalló la Gran Guerra. Leningrado-Petersburgo, para mi, era una ciudad de su nostalgia y de mis sueños y esperaba con impaciencia poder pisar sus calles. Cuando estudiaba en la universidad finalmente pude hacer mi primer viaje a Leningrado. Escogí la época más bonita que para mí tenía el aire de Dostoievski y viajé a la ciudad de las noches blancas. Estábamos en junio, pero Leningrado me enseñó su cara más fría y severa con cielos bajos y vientos penetrantes. El Neva tenía el color del plomo, las calles me parecían demasiado rectas y faltas de verde. Era una belleza demasiado sobria y distante. No resultó ser amor a primera vista y no me quedé con muchas ganas de volver, prefería quedarme con la ciudad soñada de mi abuela.

Pasaron los años y tuve que viajar allí por temas de trabajo. Acabados los estudios empecé a trabajar de guía-intérprete en una agencia turística y muchas rutas pasaban por Leningrado. Durante estos viajes conocí mejor la ciudad e hice las paces con ella. Y la ciudad me regaló una doble sorpresa.

Tenía previsto celebrar la Noche Vieja del año 1980 como siempre – con mi familia pero el 29 de diciembre me llamaron diciendo que una guía que trabajaba con el grupo de turistas españoles se había puesto enferma y yo tenía que sustituirla. La perspectiva de celebrar la entrada del año con treinta desconocidos no me hacía mucha gracia. El día 30 me tocaba hacer dos visitas por Moscú y por la noche coger el tren *La Flecha roja* hacia Leningrado donde celebraríamos la entrada del año. Tenía que hacerme a la idea.

Al día siguiente me encontré con el grupo que era variopinto: un periodista de Palencia, un albañil de León, una pareja de jubilados de Madrid, una ginecóloga de Barcelona, un campesino de un pequeño pueblo de la provincia de Lérida... Pero me fijé en una mujer joven con grandes ojos tristes. Alguien del grupo me dijo que era una famosa escritora y periodista. Se llamaba Montserrat Roig.

Cumplido el programa del día 30 a las 23:58 –esta precisión siempre provocaba bromas entre los españoles pero el horario se cumplía religiosamente– nuestra *Flecha roja* se puso en marcha. Antes de ir a dormir charlamos en el pasillo del vagón. Los turistas de Barcelona

Cuando yo era pequeña, el pueblo de mi abuela, que odiaba los fríos vientos, pero en el mismo tiempo añoraba sus calles, se llamaba Leningrado. Pero para ella seguía siendo su Petersburgo. Ella vivió allí su infancia y su juventud y sólo volvió a su ciudad natal un par de semanas cuando ya era mayor. A veces me explicaba historias de sus estudios en el Instituto Smolny, de sus travesuras de cuando era niña, de su trabajo en el hospital cuando estalló la Gran Guerra. Leningrado-Petersburgo, para mí, era una ciudad de su nostalgia y de mis sueños y esperaba con impaciencia poder pisar sus calles. Cuando estudiaba en la universidad finalmente pude hacer mi primer viaje a Leningrado. Escogí la época más bonita que para mí tenía el aire de Dostoievski y viajé a la ciudad de las noches blancas. Estábamos en junio, pero Leningrado me enseñó su cara más fría y severa con cielos bajos y vientos penetrantes. El Neva tenía el color del plomo, las calles me parecían demasiado rectas y faltas de verde. Era una belleza demasiado sobria y distante. No resultó ser amor a primera vista y no me quedé con muchas ganas de volver, prefería quedarme con la ciudad soñada de mi abuela.

Pasaron los años y tuve que viajar allí por temas de trabajo. Acabados los estudios empecé a trabajar de guía-intérprete en una agencia turística y muchas rutas pasaban por Leningrado. Durante estos viajes conocí mejor la ciudad e hice las paces con ella. Y la ciudad me regaló una doble sorpresa.

Tenía previsto celebrar la Noche Vieja del año 1980 como siempre – con mi familia pero el 29 de diciembre me llamaron diciendo que una guía que trabajaba con el grupo de turistas españoles se había puesto enferma y yo tenía que sustituirla. La perspectiva de celebrar la entrada del año con treinta desconocidos no me hacía mucha gracia. El día 30 me tocaba hacer dos visitas por Moscú y por la noche coger el tren *La Flecha roja* hacia Leningrado donde celebraríamos la entrada del año. Tenía que hacerme a la idea.

Al día siguiente me encontré con el grupo que era variopinto: un periodista de Palencia, un albañil de León, una pareja de jubilados de Madrid, una ginecóloga de Barcelona, un campesino de un pequeño pueblo de la provincia de Lérida... Pero me fijé en una mujer joven con grandes ojos tristes. Alguien del grupo me dijo que era una famosa escritora y periodista. Se llamaba Montserrat Roig.

Cumplido el programa del día 30 a las 23:58 –esta precisión siempre provocaba bromas entre los españoles pero el horario se cumplía religiosamente– nuestra *Flecha roja* se puso en marcha. Antes de ir a dormir charlamos en el pasillo del vagón. Los turistas de Barcelona



me dijeron que Monserrat Roig escribía un libro sobre el asedio de Leningrado.

El tren llegaba a primera hora y pudimos aprovechar bien la mañana del último día del año. Para mí resultó ser la visita panorámica más bella, que nunca —ni antes ni después— se repitió. La ciudad se nos presentó cubierta de una delicada capa de hielo, como si estuviera hecha de una porcelana fina de tonos pastel: los palacetes, los puentes, los monumentos... La explicación era puramente meteorológica: en vísperas de nuestra llegada las temperaturas subieron y la lluvia cayó sobre la ciudad. Por la noche heló y el resultado fue espectacular: a la luz del día los edificios brillaban y los colores eran más vivos de lo normal: verde claro, turquesa, crema... Todo el mundo quedó maravillado, creo que Montserrat aquella mañana también encontró un Leningrado diferente de su viaje primaveral y de la imagen de la ciudad asediada que tenía en la cabeza. Esta luz y brillo duraron poco, hacia el final de la visita el cielo se cubrió de nubarrones grises y empezaron a caer gruesos copos de nieve que provocaron el entusiasmo de muchos turistas. Al lado de nuestro hotel, que se llamaba Gávany, había un parque y por la tarde fuimos todos para hacer un muñeco de nieve.

Por la noche el hotel organizó una fiesta de Fin de año con los típicos personajes rusos: el abuelo Frío y su nieta Snegúrochka (es un nombre parecido a Nieves). Había muchos turistas extranjeros en el hotel y la orquesta de vez en cuando interpretaba bailes de sus países. Cuando llegó el turno de la música española sonó una especie de sevillana. En nuestro grupo no había andaluces y al principio todo el mundo quedó parado. El público nos miraba expectante. Al final una madrileña, un leonés y Montserrat Roig salvaron la situación interpretando un baile flamenco improvisado. Cuando la veía bailar me llegaron a la cabeza las palabras que Tolstoi dedicó al baile de Natacha Rostova, protagonista de *Guerra y paz*, una joven aristócrata que se deja llevar por la música popular. Había en aquella danza tanta energía alegre, un estallido de emoción y vida.

Cuando muchos años después vine a vivir a Barcelona supe que Montserrat Roig ya se había ido para siempre. No llegué a verla aquí por eso para mí siempre vive y baila en una ciudad de porcelana tan bella y tan frágil como ella misma.

24 de julio de 2014

Calle Rossi con el teatro Alejandrisky al fondo.

Улица Росси с выходящим на нее фасадом Александринского театра.

но, тем не менее, оно всегда исправно выполнялось — наша «Красная стрела» тронулась в путь. Прежде чем отправится спать, мы немного поговорили в коридоре вагона. Туристы из Барселоны сказали мне, что Монтсеррат Ройч писала книгу о блокаде Ленинграда.

Поезд прибывал в Ленинград очень рано, и мы с пользой провели утро последнего дня года. Такой прекрасной обзорной экскурсии по городу у меня не было больше никогда — ни раньше, ни потом. Весь город предстал перед нами покрытый тонкой ледяной корочкой, словно сделанный из изящного фарфора пастельных тонов: дворцы, мосты, памятники... Объяснение этому было просто метеорологическое: накануне нашего приезда была оттепель, и в городе шёл сильный дождь. К ночи подморозило, и произошло чудо: в солнечном свете все здания блеснули, а все цвета — светло-зелёный, бирюзовый, кремовый — казались необычно яркими. Все поражались этому зрелищу, и я думаю, что Монтсеррат тоже увидела Ленинград совсем другим, чем во время своего весеннего путешествия, и отличным от того образа осаждённого города, который она для себя создала. Этот свет и блеск длились недолго, к концу экскурсии небо покрыли тяжёлые серые тучи, и с неба — к радости многих туристов — посыпались крупные хлопья снега. Около нашей гостиницы, которая называлась «Гавань», был сквер, и после обеда мы все вместе отправились туда лепить снежную бабу.

Вечером в гостинице организовали новогодний праздник с традиционными русскими персонажами: Дедом Морозом и Снегурочкой (это имя похоже на испанское имя «Ньевес»). В гостинице было много иностранных туристов, и музыканты время от времени играли мелодии их стран. Когда настала очередь испанской музыки, зазвучало некое подобие севиляны. В нашей группе не было андалузцев, поэтому сначала все растерялись. Собравшиеся в зале смотрели на нас в ожидании. Наконец, одна девушка из Мадрида, молодой человек из Леона и Монтсеррат Ройч спасли положение, исполнив импровизированный вариант фламенко. Когда я смотрела, как танцует Монтсеррат, мне приплы в голову слова Толстого, когда он в «Войне и мире» описывает танец Наташи Ростовской, молодой аристократки, которая отдаётся вихрю народной музыки. В этом танце было столько весёлой энергии, такой взрыв чувств и жизненной силы. Приехав жить в Барселону много лет спустя, я узнала, что Монтсеррат Ройч уже ушла навсегда. Я никогда не видела её здесь, и поэтому для меня она вечно живёт и танцует в фарфоровом городе, таком же прекрасном и хрупком, как она сама.

24 июня 2014 года



Al admirado poeta y arquitecto JOAN MARGARIT, por habernos permitido publicar su precioso poema *Tantes ciutats on havíem d'anar*, que abre este libro. A la escritora MONTSE CORNET, por haber rescatado y explicado la historia de su abuelo ingeniero y por su amistad. A NINA AVROVA, profesora y traductora de ruso, por lo que he aprendido con su trabajo, su implicación en el proyecto y por compartir con nosotros su recuerdo de Montserrat Roig. Al arquitecto SERGI GODIA, por su pasión y sabiduría rusa, que me cautivó con la excusa de Shostakóvich. A JOSÉ MATEO y XÈNIA DYAKONOVA, que hicieron una magnífica selección y traducción de poemas y prosa rusa. A JESÚS IRIBARREN, que ha revisado en la distancia y en cualquier momento, unos textos que, para mí, eran un experimento. A DIANA BONILLA Y CARLA CUESTA, por sus magníficas fotos invernales de la ciudad. A DIONÍS ARQUÉ, por la información que me proporcionó y sus gestiones. Al personal del Arxiu Nacional de Catalunya por facilitarme la búsqueda del Fondo de La Maquinista, Terrestre y Marítima. Al ingeniero *saint simoniano* JAVIER MUÑOZ, secretario del Colegio de Ingenieros de Caminos de Castilla-León, por sus cultas e interesantes sugerencias y su ayuda. Al catedrático y doctor ingeniero MIGUEL AGUILÓ; así como a la profesora de Historia y Estética MERCEDES LÓPEZ, ambos de la Escuela Técnica Superior de Ingenieros de Caminos, Canales y Puertos de Madrid, por sus pesquisas y gestiones. También a muchos otros que, sin ser conscientes, me han ayudado en varios capítulos. Es el caso de ROGER SEMPERE ROIG, profesor e hijo de la escritora Montserrat Roig, cuyos recuerdos me acercaron a su madre; al arquitecto ELÍAS TORRES porque lo que dijo en una sobremesa festiva me sirvió para la investigación sobre Magí Cornet. A la maestra PILAR TALENS, directora de la escuela de primaria *El nin*, por mostrarnos lo que un siglo atrás fue la casa

ЖУАНУ МАРГАРИТУ, архитектору и замечательному поэту, за то, что он разрешил нам опубликовать своё чудесное стихотворение *Tantes ciutats on havíem d'anar*, которое открывает эту книгу. Писательнице МОНТСЕ КОРНЕТ за то, что она спасла от забвения и рассказала историю своего деда, и за дружбу, которая родилась во время нашей работы. Нине Авровой, преподавателю русского языка и переводчику, за всё, чему я научился, наблюдая за ее работой, за ее живое участие в проекте и за то, что она поделилась с нами своими воспоминаниями о Монтсеррат Ройч. Архитектору СЕРЖИ ГОДИА за его страсть к России и русскую мудрость, которая поразила меня, когда он говорил о Шостаковиче. ХОСЕ МАТЕО и КСЕНИИ ДЬЯКОНОВОЙ, которые сделали прекрасную подборку прозаических и стихотворных произведений и перевели их. ХЕСУСУ ИРИБАРРЕНУ, который заочно проверял в любой момент тексты, которые для меня были пробными. ДИАНЕ БОНИЛЬЯ и КАРЛЕ КУЭСТА за их великолепные зимние фотографии города. ДИОНИСУ АРКЕ за представленную мне информацию и все хлопоты. Сотрудникам Национального архива Каталонии за их помощь во время моих поисков документов Фонда “Макиниста, машины для суши и моря”. Инженеру сенсимонисту ХАВЬЕРУ МУНЬОСУ, секретарю Коллегии Инженеров Путей Сообщения провинции Кастилья-Леон за помощь и интересные и содержательные замечания. Профессору и доктору наук, инженеру МИГЕЛЮ АГИЛО, а также профессору исторических наук и эстетики МЕРСЕДЕС ЛОПЕС, которые преподают в Высшей технической школе Инженеров путей сообщения, каналов и портов Мадрида, за их исследования и оказанную помощь. А ещё многим другим людям, которые, сами того не ведая, помогли мне написать некоторые главы; это, например, учитель Руже Семпере Ройч,

del ingeniero Magí Cornet. A la Editorial LINTEO, por permitirme la publicación del poema de Gumiliov. Y a EKATERINA KRISHTAL, rusa afincada en Barcelona, que mostró interés por el proyecto y con quién quizás seguiremos colaborando.

Por supuesto, a ESTEYCO y a la FUNDACIÓN ESTEYCO, que es el esqueleto que sustenta el libro: a ANDREU ESTANY, que me acompañó en el primer viaje a San Petersburgo y después, desde Barcelona, siguió apoyándome discretamente en el proceso de escritura y edición. A PILAR CARRIZOSA, que desde Madrid y gracias a su experiencia editorial ha dado forma a texto e imágenes. A PATRICIA CELMA, por infinidad de gestiones. A los arquitectos JORDI MORELLÓ Y JOAN MORENO y a todos los compañeros de la oficina que han estado junto a mí interesándose y facilitándome este reto desde distintos ámbitos. Y muy especialmente a JAVIER RUI-WAMBA, presidente de Esteyco y de la Fundación Esteyco, ingeniero de caminos, canales y puertos e *ingeniero del alma*, además de *betancourista* auténtico. Por su confianza y un prólogo extraordinariamente sugerente. De él nace este libro y, sin duda, se nutre de muchas de sus referencias.

Last but not least, a mi familia y amigos, que han entendido y sufrido mi intermitente ausencia durante este extraño embarazo. Y sobre todo a MARTA, compañera de la vida, arquitecta y coautora de las fotografías del libro. También a mis padres, que junto con ella, han aportado las dosis de crítica y apoyo imprescindibles para que no sólo San Petersburgo, sino todo lo demás, sea algo apasionante.

A todos, muchas gracias.

Barcelona, noviembre de 2014

сын писательницы Монтсеррат Ройч, чьи воспоминания приблизили меня к его матери. Архитектору Элиасу Торресу, потому что его слова за праздничным столом, позволили мне продвинуться в исследовании истории Мажи Корнета. Воспитательнице Пилар Таленс, директору начальной школы Эль Ниу, за то, что она показала нам помещение, которое сто лет назад было домом инженера Мажи Корнета. Издательству Линтео за разрешение опубликовать стихотворение Гумилева. И Екатерине Криштал, русской, живущей в Барселоне, с которой мы возможно ещё будем сотрудничать, за проявленный интерес к проекту.

И, естественно, Эстейко и Фонду Эстейко, на которых держится вся эта книга. Андреу Эстань, который сопровождал меня во время моей первой поездки в Санкт-Петербург, а затем, уже в Барселоне, продолжал незаметно оказывать мне поддержку во время написания и редактирования книги. Спасибо также Пилар Каррисоса, которая помогала нам из Мадрида, и придала форму тексту и иллюстрациям, благодаря своему издательскому опыту. Патрисии Сельма за многочисленные хлопоты. Архитекторам Жорди Морелло, Жуану Морено и всем коллегам нашего офиса, которые поддерживали меня, проявляли интерес к моей работе и помогали мне во всем. И особенно я благодарен Хавьеру Руи-Вамба, президенту Эстейко и Фонда Эстейко, инженеру путей сообщения, каналов и портов, *инженеру души* и истинному бетанкуристу. Спасибо ему за доверие и за написанный им пролог, в котором заключено столько интересных мыслей. Эта книга - его детище, и, вне всякого сомнения, она полна его идей.

Last but not least, большое спасибо моим родным и друзьям, которые страдали от моих частых отлучек во время этой странной беременности. И, особенно, Марте, подруге моей жизни, архитектору и соавтору фотографий этой книги. А также моим родителям, которые вместе с ней, приносят необходимую долю критики и поддержки, без которых не только Санкт-Петербург, но и все остальное было бы не таким увлекательным и прекрасным. Всем, всем - большое спасибо.

Барселона, ноябрь 2014

Barco Mockba, atracado en el Puerto de San Petersburgo.

Корабль “Москва” в порту Санкт-Петербурга.



* los libros agotados están disponibles en formato electrónico en nuestra página web www.fundacionesteyco.com

* книги, тираж которых уже исчерпан, доступны в электронном формате на нашем сайте www.fundacionesteyco.com

PABLO ALZOLA
LA ESTÉTICA DE LAS OBRAS PÚBLICAS /ESTETICA HERRI-LANETAN *

LUCIO DEL VALLE
MEMORIA SOBRE LA SITUACIÓN, DISPOSICIÓN Y CONSTRUCCIÓN
DE LOS PUENTES. 1844 *

EN TORNO A LEONARDO TORRES QUEVEDO Y EL TRANSBORDADOR DEL NIÁGARA *

JULIO CANO LASSO
CONVERSACIONES CON UN ARQUITECTO DEL PASADO

CARLOS FERNÁNDEZ CASADO *

JAVIER RUI-WAMBA MARTIJA
AFORISMOS ESTRUCTURALES / STRUCTURAL APHORISMS

MARIO ONZAIN
LA RÍA DE BILBAO

ANTONIO FERNÁNDEZ ALBA
ESPACIOS DE LA NORMA. LUGARES DE INVENCION. 1980-2000

JOSÉ LUIS MANZANARES
LAS PUERTAS DEL AGUA

VARIOS AUTORES
LAS GEOMETRÍAS DEL TREN / LES GEOMETRIES DEL TREN

EUGÈNE FREYSSINET. FRANK GUYON. JAVIER RUI-WAMBA Y ANTONIO F. ALBA
EUGÈNE FREYSSINET
UN INGENIERO REVOLUCIONARIO / UN INGÉNIEUR RÉVOLUTIONNAIRE

MIGUEL AGUILÓ. JAVIER MANTEROLA. MARIO ONZAIN. JAVIER RUI-WAMBA
JAVIER MANTEROLA ARMISÉN. PENSAMIENTO Y OBRA

PABLO OLALQUIAGA. ALFONSO OLALQUIAGA
EL LIBRO DE LAS CURVAS *

JOSÉ SERNA GARCÍA-CONDE
LOS PUENTES DEL TREN

FRANCISCO GALÁN SORALUCE
LA ENERGÍA DE LOS FLUÍDOS

ANDREU ESTANY I SERRA. JAVIER RUI-WAMBA. GLORIA IRIARTE. MARIO ONZAIN
ARQUITECTES ENTRE ÈNGINYERS / ARQUITECTOS ENTRE INGENIEROS

JAVIER MUÑOZ ÁLVAREZ. JOSEFINA GÓMEZ MENDOZA. JAVIER RUI-WAMBA MARTIJA
LA MODERNIDAD DE CERDÁ: MÁS ALLÁ DEL “ENSANCHE”

ALGUNOS APUNTES DE INGENIERÍA Y CULTURA

VARIOS AUTORES
LA INGENIERÍA DE LA BICICLETA

VARIOS AUTORES
ARQUITECTURA E INFRAESTRUCTURAS

LUIS IRASTORZA
LAS CIUDADES DEL SIGLO XXI
ENSAYO SOBRE SUS FUNDAMENTOS SOCIOECONÓMICOS, TECNOLÓGICOS, ENERGÉTICOS Y CLIMÁTICOS

ANDREU ESTANY I SERRA
CARTAGENA DE INDIAS, REALIDAD Y FUTURO



LA PRESENTE PUBLICACIÓN HA SIDO EDITADA POR LA FUNDACIÓN ESTEYCO
ДАННАЯ ПУБЛИКАЦИЯ БЫЛА ОСУЩЕСТВЛЕНА ФОНДОМ ЭСТЕЙКО

Петербург, какая красная нить связывает нас? Начав писать первые страницы этой книги, я посмотрел на свой мизинец, но не увидел ее, хотя, как говорит древняя японская легенда, нить там была, пусть даже и невидимая. Сам не зная, как это получилось, я принялся исследовать город, эту невероятную лабораторию инженерного искусства, архитектуры и изящных искусств. Мне довелось открыть для себя жизни разных людей, которые, как и я сам, приблизились к бывшей столице империи. Все они, будучи представителями разных профессий, приехали туда из Испании, хотя и в разное время. Их объединяет одно – несправедливость судьбы: хотя они совершили важные деяния – будь то построенные здания, интересные мысли или написанные книги – течение времени или слишком короткая жизнь скрыли их от нас за пеленой забвения. Именно их жизни сейчас приближают нас к Санкт-Петербургу. Именно здесь инженер с Канарских островов, Августин де Бетанкур, стал царским Министром гражданского строительства. В этом городе дипломат Хуан Валера посещал балы и спектакли, а другой инженер – Мажи Корнет – решил возвести здесь свой Дворцовый мост, который стоил ему жизни. В Ленинград приезжала и журналистка и писательница Монтсеррат Ройч, которая рассказала нам об ужасах блокады осажденного фашистами города. Почти все, что представляется нам далеким, на самом деле, очень близко от нас. Я надеюсь, что после знакомства с этой книгой, читатель сможет увидеть на своем мизинце красную нить, ведущую в Петербург.

РУЖЕ БЕЗОРА и ФОЙЦ

Иллюстрация на обложке: Гравюра с изображением Дворцового моста в Санкт-Петербурге.



FUNDACION
ESTEYCO